

РОБЕРТ ИВАНОВ

**ГЕНЕРАЛ
В БЕЛОМ ДОМЕ**

Роберт Иванов
Генерал в Белом доме

Роберт Федорович Иванов

Дуайт Эйзенхауэр – выдающийся военный и государственный деятель США, одна из немногих ключевых фигур, определявших ход мировой истории второй половины XX века. В России помнят и высоко ценят его вклад в разгром фашистской Германии, а также первые попытки нормализации отношений между СССР и США, предпринятые им на посту президента США в 1953-1961 годах. Книга написана на основе американских и отечественных архивов, документов, мемуаров, новейших работ американских и отечественных историков.

ВВЕДЕНИЕ

Памяти моего брата Бориса, Гвардии младшего лейтенанта, командира пулеметного взвода, погибшего 14 мая 1943 г. на Юго-Западном фронте.

Все великое лучше видится на расстоянии. И чем больше времени проходит после окончания Второй мировой войны, тем более очевидными становятся ее огромные, исключительно важные социально-политические последствия.

Вторая мировая война не имеет себе равных во всемирной истории ни по числу участвовавших в ней государств, ни по масштабам военных действий, ни по людским и материальным потерям.

О ее огромных социально-политических последствиях свидетельствует то, что она до неузнаваемости изменила политическую карту мира: возникла мировая система социализма, рухнула колониальная система империализма.

Соединенные Штаты Америки сыграли важную роль во Второй мировой войне, и потому интересно и поучительно бросить ретроспективный взгляд на политику этой страны в годы войны, попытаться сквозь призму оценки роли известного военачальника западных союзников в период войны Дуайта Эйзенхауэра рассмотреть важнейшие военно-политические акции США в эти годы. Эйзенхауэр занимал значительное место в военно-политической иерархии. Его деятельность на посту верховного главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе была своеобразной прелюдией к той важной роли, которую он сыграл во внутренней и внешней политике США в 50-х гг. В годы войны происходило становление Эйзенхауэра как политического деятеля. Анализ его деятельности в этот период помогает правильно оценить политику Эйзенхауэра как главнокомандующего вооруженными силами НАТО, понять его политический курс в период пребывания на посту президента США в 1953—1961 гг.

Страшные бедствия принесла Вторая мировая война человечеству. И естественно, что не только профессиональные историки, но и многомиллионные массы читателей хотят знать, почему не удалось ее предотвратить. Была ли политика «западных демократий», направленная на «умиротворение» агрессора, политической близорукостью или она преследовала определенные политические цели? Каков вклад союзников в разгром агрессора? Каковы политические уроки Второй мировой войны? И, очевидно, самый главный вопрос: что надо сделать, чтобы не допустить новой глобальной войны?

Советские историки многое сделали для воссоздания объективной картины Второй мировой войны. Особенно важное значение имеют два капитальных коллективных труда советских историков^[1].

Демократизация общественно-политической жизни в нашей стране, освобождение от идеологических предвзятостей во многом способствовали более объективной оценке отечественными историками сложных проблем предвоенного, военного и послевоенного периодов всемирной истории. В частности, это относится к годам, непосредственно предшествовавшим началу Второй мировой войны. Известный отечественный историк с полным основанием писал: «В той дипломатической игре, которая шла накануне войны между Сталиным, Гитлером и западными демократиями, каждый хотел обеспечить свою безопасность за счет другого. В конечном счете проиграли все»^[2].

В период тяжелых кризисных ситуаций, таких как мировые войны, резко возрастает роль государственных, политических, военных лидеров противоборствующих держав. В связи с этим не случаен многолетний и устойчивый интерес многомиллионных масс отечественных и зарубежных читателей к талантливо написанным работам советских историков, посвященным жизни и деятельности Ф. Рузвельта, У. Черчилля, Ш. де Голля, Г. К. Жукова, И. В. Сталина^[3].

На мой взгляд, для правильного понимания истории США военного и послевоенного периодов важное значение имеет изучение военно-политической и государственной деятельности Дуайта Эйзенхауэра.

В 1995 г. исполнилось 50 лет Великой победы стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией и милитаристской Японией. Опыт военно-политического сотрудничества Советского Союза с США и другими странами антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны приобретает в современных условиях большое практическое значение.

Важную роль в реализации этого сотрудничества играл главнокомандующий вооруженными силами союзников в Европе Д. Эйзенхауэр. И представляет несомненный интерес попытка проанализировать важнейшие аспекты военно-политической деятельности генерала Эйзенхауэра в годы войны.

Мировая история знает немало примеров того, как после победы над общим противником военно-политические коалиции распадались, а отношения между государствами, входившими в них, резко обострялись. Однако трудно найти в истории человечества пример столь стремительного и столь резкого обострения отношений между союзниками, как это было после окончания Второй мировой войны. По существу Вторая мировая война переросла в «холодную войну».

В задачу автора не входит выяснять, кто и в какой мере несет ответственность за начало «холодной войны», издержки которой оказались столь губительными для всех стран и народов. На наш взгляд, несравненно большее значение имеет фиксирование внимания на позитивном опыте отношений между СССР и его западными союзниками, в первую очередь с США, в годы самой страшной войны, которую знала история человечества. В нашей стране свято чтут вклад союзных стран и народов в общее дело разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, память о жертвах, которые понесли народы союзных стран в этой борьбе.

Одним из подтверждений этого является публикация в России в 1995 г. совместного труда, написанного историками России, Великобритании и США, «Союзники в войне 1941—1945». М., 1995. В работе дана сбалансированная оценка вклада Советского Союза и наших союзников в общее дело Победы. В предисловии к русскому изданию этого труда выражалась надежда, что он «станет заметным явлением в мировой историографии». Время, прошедшее после публикации этой работы, свидетельствует о том, что эти надежды оправдались^[4].

Анализ военных операций союзников, проведенных в годы Второй мировой войны под командованием генерала Эйзенхауэра, входит, конечно, в компетенцию военных историков. Автор книги, не являясь специалистом в этой области, не претендует на оценку военных дарований Эйзенхауэра.

С позиции сегодняшнего дня оценка жизни и деятельности Дуайта Д. Эйзенхауэра требует серьезной корректировки.

В 1983 г. я опубликовал в издательстве «Мысль» монографию «Дуайт Эйзенхауэр» (18 п. л.). Для своего времени появление такой книги было если не сенсацией, то достаточно неординарным явлением. В отечественной исторической и политической литературе за Эйзенхауэром прочно утвердилась репутация «империалиста» и «антисоветчика», а о таких героях мы не писали. А если решались это сделать, то публикация подобных работ наталкивалась на практически непреодолимые барьеры.

После завершения авторской работы над монографией «Дуайт Эйзенхауэр» и до ее публикации прошло более восьми лет. Издательство «Международные отношения» расторгло договор на издание этой книги – главный редактор издательства недвусмысленно дал понять: книга будет опубликована только при условии «традиционного» взгляда на жизнь и деятельность Эйзенхауэра. Такое предложение было для меня принципиально неприемлемо. Начались хождения по мукам. С большим трудом удалось заключить договор с издательством «Мысль», которое на протяжении 6-7 лет не менее 4-5 раз направляло рукопись на рецензирование в самые различные инстанции, начиная с МИД СССР и кончая Институтом США и Канады АН СССР.

Разумеется, издательство интересовало мнение рецензентов не о литературных или научных достоинствах рукописи, а ее политическая направленность. И, конечно, работа никогда бы не была опубликована без поддержки главного в то время арбитра – ЦК КПСС. Заведующий американским сектором международного отдела ЦК КПСС кандидат исторических наук Николай Владимирович Мостовец ознакомился с рукописью и дал добро на ее публикацию.

Книга вышла достаточно большим в то время тиражом – 150 тыс. экземпляров, было опубликовано четыре перевода. Но показательно, что работа не продавалась ни в одном книжном магазине, приобрести ее можно было только на различных конференциях.

Как автору мне пришлось пойти на определенные компромиссы с редакторами, чтобы добиться публикации книги. Однако в целом, на мой взгляд, удалось сохранить объективную оценку и военной, и государственной деятельности Эйзенхауэра, что отмечалось в многочисленных рецензиях.

Много воды утекло в Москве-реке и в Потомаке с тех пор, как в СССР вышла первая биография Дуайта Эйзенхауэра. И, разумеется, сегодня многое можно и должно быть пересмотрено в его жизни и деятельности, в том числе, и, может быть, в первую очередь, масштабы его позитивного вклада в развитие советско-американских отношений.

В предисловии к коллективной работе, изданной Гюнтером Бишофом и Стивеном Амброузом, посвященной 100-летию со дня рождения Эйзенхауэра, генерал Эндрю Гудпастер, на протяжении многих лет работавший с Эйзенхауэром, писал, что рассекречивание многих документов в библиотеке, носящей имя президента, позволило по-новому оценить целый ряд аспектов его деятельности: «Ученые часто были удивлены тем, что они узнали из этих документов. Некоторые из них прямо говорили мне: «Это не тот Эйзенхауэр, которого, как я думал, я знал»^[5].

Г. Бишоф и С. Амброуз отмечали в цитированной работе: «Репутация Эйзенхауэра неоднократно возрастала и резко падала, и это будет продолжаться параллельно с ростом доступности к новым документам, что даст возможность ученым XXI века по-новому оценить его карьеру. Это будут те, кто родился после смерти Эйзенхауэра в 1969 г. и вырос в условиях, созданных его решениями»^[6].

По мнению авторов этой работы, «деятельность Эйзенхауэра в годы Второй мировой

войны в значительно меньшей степени подвержена сколь-либо серьезной ревизии и главным образом потому, что большинство документальных источников по этому периоду рассекречиваются по истечении 30-летнего срока давности»^[7].

В настоящем издании использованы новые архивные документы из фондов «Библиотеки Дуайта Д. Эйзенхауэра», рассекреченные за годы, прошедшие после первого издания этой книги. Особенно это относится к проблемам советско-американских отношений, в частности к визиту Н. С. Хрущева в США.

Для второго издания книги использованы архивы «Библиотеки Франклина Д. Рузвельта», Гайд-парк, штат Нью-Йорк. Автор изучил также материалы советских архивов, многие из которых стали доступны для исследователей только в последнее время.

За время, прошедшее после выхода в свет первого издания моей книги «Дуайт Эйзенхауэр», Стивен Амброуз, крупнейший в США биограф Эйзенхауэра, автор блестяще написанных многочисленных работ, опубликовал несколько новых фундаментальных трудов, позволяющих глубже понять важные аспекты жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра. В 1984 г. вышла в свет двухтомная работа С. Амброуза «Эйзенхауэр. Президент». В 1990 г., к 100-летию со дня рождения Д. Эйзенхауэра, С. Амброуз опубликовал новый труд – «Эйзенхауэр. Солдат и президент», переведенный в 1993 г. на русский язык. Интересные данные о военной и государственной деятельности Д. Эйзенхауэра С. Амброуз приводит в серии своих монографий, посвященных политической карьере Ричарда Никсона. Наиболее важные из них – «Триумф политика. 1962—1972», вышедшая в 1989 г., и «Никсон. Крушение и возрождение. 1973—1990», опубликованная в 1991 г.^[8]

За последние годы в США прошла серия научных конференций, посвященных военной и политической карьере Дуайта Эйзенхауэра. Крупнейшие из них – конференция, проходившая в университете Хофстра, штат Нью-Йорк, в марте 1984 г.; серия чтений, посвященных жизни и деятельности Д. Эйзенхауэра, начавшаяся в январе 1990 г., проведенная Центром Эйзенхауэра в Новом Орлеане, штат Луизиана. Руководил Центром С. Амброуз; конференция, проведенная в октябре 1990 г. Канзасским университетом в Лоуренсе, штат Канзас; Международная конференция, организованная Институтом США и Канады РАН в ноябре 1990 г. В трех из перечисленных конференций я принимал участие. Материалы этих конференций использованы в данном издании.

Из многочисленных научных конференций, на которых рассматривались жизнь и деятельность Дуайта Эйзенхауэра, прошедших в США, особенно важное значение имела третья конференция, посвященная президентам США, проведенная университетом Хофстра. Первая из этих конференций была посвящена Франклину Рузвельту, вторая – Гарри Трумэну, третья – Дуайту Эйзенхауэру. Последняя из этих конференций состоялась в 1984 г. В ней приняли участие биографы Эйзенхауэра, его военные коллеги, официальные лица администрации Эйзенхауэра, члены его семьи.

Я получил приглашение от оргкомитета этой конференции выступить на ней с докладом о советско-американских отношениях в годы президентства Эйзенхауэра. К сожалению, как это нередко бывало в те непростые времена, мне запретили участвовать в этой конференции, и профессор университета Хофстра Алексей Угринский выступил на этом форуме с докладом «Эйзенхауэр и советско-американские отношения: по книге Р. Ф. Иванова «Дуайт Эйзенхауэр»^[9].

Я очень признателен А. Угринскому, что в этой необычной форме он предоставил мне возможность заочно стать участником этой престижной научной конференции. И эта

благодарность тем более искренна, что профессор Угринский не допустил ни одной неточности, – излагая мою оценку позиции Эйзенхауэра в советско-американских отношениях.

В докладе профессора Угринского были даны также оценки рецензий, с которыми выступили на мою книгу «Дуайт Эйзенхауэр» Н. В. Мостовец («Советская Россия», 17 мая 1984 г.), А. А. Обухов («Новая и новейшая история», 1984 г., № 6), Ю. Олещук («Мировая экономика и международные отношения», 1984 г., № 9)^[10].

Во втором издании книги автор учел и те новые соображения, которые возникли при подготовке к печати переводов этой книги на эстонский, азербайджанский, армянский и чешский языки.

В ноябре 1986 г. президент Р. Рейган подписал закон о праздновании 100-летия со дня рождения Д. Эйзенхауэра, которое отмечалось 14 октября 1990 г. Эта дата ознаменовалась заметным повышением активности на фронте американской исторической науки. В США и в других странах появились новые многочисленные работы, посвященные жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра.

Важнейшие из них были использованы при подготовке Второго издания книги. Особенно значительны дополнения и изменения, внесенные в главу, посвященную второй мировой войне и советско-американским отношениям в годы президентства Д. Эйзенхауэра. Можно полностью согласиться с братом президента Милтоном^[11] в том, что Дуайт Эйзенхауэр придавал большое значение советско-американским отношениям. Надежды и разочарования этого периода – поучительный опыт истории, который имеет важное практическое значение с учетом современного состояния отношений между нашей страной и США, международной обстановки в целом.

В американской историографии труды, посвященные жизни и деятельности Дуайта Д. Эйзенхауэра, занимают почетное место.

И, разумеется, историки, пишущие об Эйзенхауэре, делятся на всевозможные школы и направления – ревизионисты, постревизионисты и пр. Выявляются детали и особенности их оценок роли и места Эйзенхауэра во внутривнутриполитической и внешнеполитической истории США, во Второй мировой войне в первую очередь.

Мне представляется подобный подход к определению места Эйзенхауэра в американской историографии в определенной мере искусственным. Я разделяю точку зрения академика Академии художеств России Андрея Васнецова о направлениях в современном искусстве. В одном из интервью он отмечал: – Один умный человек сказал, что направления в искусстве – это прибежище посредственностей. Действительно, любой «изм», как его ни назови, – поп-арт, сюрреализм, соцреализм и т. д. и т. п., – сам по себе не существует. Дело в личности, в таланте, профессиональной честности художника, имя которого мы отождествляем с тем или иным направлением. А становиться в «хвост очереди», сбиваться в однородную толпу в лучшем случае – смешно, а в худшем – трагично где угодно: у нас, на Западе, на Юге, на Востоке и Севере.

В западной историографии создан миф об Эйзенхауэре-миротворце. Подобные оценки требуют серьезного и пристального анализа.

Начало политической деятельности Эйзенхауэра восходит ко временам «холодной войны», когда он был назначен первым Главнокомандующим вооруженными силами НАТО. В этот период США вышли на исходные рубежи, с которых они готовились форсировать свою внешнеполитическую экспансию.

Оценка специфики внешнеполитической деятельности Эйзенхауэра в период «холодной войны» во многом определяется тем, как тот или иной автор понимает причины начала этой войны, меру ответственности за это СССР и США, двух главных и наиболее активных участников «холодной войны», ее характер, эволюцию. В период «холодной войны», некоторой оттепели, наступившей в международной обстановке после смерти И. В. Сталина, в застойный период истории СССР советские историки давали безапелляционный ответ на вопрос о том, кто ответственен за начало «холодной войны». Мы возлагали полную ответственность за это на США, а главным инициатором и идеологом этой войны считали Уинстона Черчилля. Сегодня ряд отечественных историков и публицистов утверждают, что главную ответственность за развязывание «холодной войны» несет Советский Союз.

Подобная метаморфоза в оценках важнейшего этапа послевоенной истории человечества – составная часть быстро развивающегося сейчас процесса общей переоценки истории США, который идет в настоящее время в отечественной науке.

В доперестроечный период многие советские историки с настойчивостью, достойной лучшего применения, утверждали, что вся внешнеполитическая история Соединенных Штатов – это повествование о безудержной экспансии «американской демократии», а в период после окончания Второй мировой войны – борьба за мировое господство. Внутренняя история этой страны расценивалась, в первую очередь, как жесточайшая эксплуатация рабочих масс, истребление коренного индейского населения, дискриминация черных американцев и других представителей национальных меньшинств.

Сегодня именно те историки, которые сделали карьеру на безудержной критике американского капитализма и особенно империализма, доказывают, что США – это чуть ли не светоч демократии, лучший пример для подражания для всех стран и народов.

Нет необходимости много говорить, что и в том, и в другом случае мы находимся вне критериев объективного научного мышления.

Что же касается «холодной войны», причин ее возникновения, ответственности за это СССР и США, то, очевидно, будет правильно сказать, что и та, и другая страна несет свою долю ответственности за то, что полстолетия после окончания самой страшной войны в истории человечество жило под мрачной тенью «холодной войны».

Чтобы дать объективную оценку «вклада» той и другой стороны в разжигание «холодной войны», надо конкретно рассматривать каждое крупное событие этой войны и определять, какова была в этих условиях позиция СССР и США, кому следует отдать пальму первенства в том или ином эпизоде «холодной войны».

Военные, экономические, политические, морально-психологические издержки «холодной войны» были огромны. Они отравили существование не одного поколения людей по ту и по другую сторону «железного занавеса».

Эйзенхауэр как президент США в 1953—1961 гг. и общепризнанный лидер западного мира в эти годы, бесспорно, испытывал на себе все тлетворное влияние «холодной войны».

После окончания Второй мировой войны антисоветизм стал важнейшим фактором внешнеполитической деятельности США и других капиталистических стран. Решающую роль в этом военно-политическом курсе должен был сыграть «фактор силы». И «стратегам» всех мастей казалось, что лучшим исполнителем политики с «позиции силы» будет генерал, с именем которого связаны крупнейшие победы западных союзников во время войны.

В последние годы были опубликованы важные документы, касающиеся данной стороны деятельности Эйзенхауэра. Это директивы комитета начальников штабов от 24 января 1945 г.

и подчиненного Эйзенхауэру командующего ВВС К. Спаатса о нанесении авиационных ударов по Центральной и Восточной Германии. Штаб Эйзенхауэра разработал в конце 1945 г. план нанесения по Советскому Союзу двадцати атомных ударов под названием «Тотэлити». Эйзенхауэр активно участвовал в разработке в 1949 г. специальной комиссией комитета начальников штабов плана «Дропшот», который предусматривал в определенных условиях развязывание ядерной войны против социалистических стран^[12].

Впрочем, важно отметить, что ни в нашей стране, ни за рубежом, не было опубликовано каких-либо конкретных планов использования советского стратегического оружия. Однако не надо быть военным специалистом, чтобы понять: если это оружие существовало, то были, конечно, и планы его использования против вероятного противника.

В годы президентства Эйзенхауэра нередко имели место тяжелейшие рецидивы антисоветизма. Достаточно указать на такую акцию, как полет американского самолета-шпиона У-2 над советской территорией, сбитого под Свердловском в мае 1960 г. Эта политическая провокация резко обострила советско-американские отношения. Последующие события показали, что, как и в обыденной жизни людей, отношения между государствами легко испортить, но очень трудно восстановить.

Из этих уроков истории не были сделаны необходимые выводы. Руководство США нередко действовало по старой, но не самой лучшей формуле: оно ничего не забыло и ничему не научилось.

К сожалению, и советская сторона в годы президентства Эйзенхауэра далеко не полностью использовала все возможности для нормализации отношений с Соединенными Штатами.

Субъективный фактор всегда играл и играет большую роль в мировой политике. Это тем более характерно для США, где президент имеет огромные полномочия. Оценивая реальные возможности президентской власти, Уильям Сьюард, государственный секретарь США в годы президентства Авраама Линкольна, писал: «Мы выбираем короля на четыре года и даем ему абсолютные полномочия в определенных рамках, которые он может интерпретировать, как ему заблагорассудится»^[13].

«Абсолютные полномочия» опасны всегда, но они могут стать катастрофически опасными в век оружия массового уничтожения.

Политика диктата в мировом масштабе, попытки давления на Советский Союз и другие социалистические страны были исторически бесперспективными в 50-х гг. Подобная политика с учетом реального соотношения сил в мире в последующие годы оказалась настоящим анахронизмом.

Как показал дальнейший ход событий, главным образом внутренние факторы, инициатива самих советских руководителей привели в конечном счете в 1991 г. к расчленению СССР, созданию качественно новой геополитической ситуации на планете: США стали единственной в мире супердержавой.

США были последней в мире великой державой, которая в 1933 г. наконец признала Советский Союз и установила с ним дипломатические отношения.

История повторяется. После расчленения СССР и начавшегося процесса создания рыночных отношений в Российской Федерации и в других странах Содружества Независимых Государств остро встал вопрос о расширении экономического сотрудничества между странами СНГ и индустриально развитыми капиталистическими государствами. США и сегодня находятся отнюдь не в первых рядах тех государств, которые выступают за

развитие экономических связей с СНГ. И это тем более показательно, что от расчленения СССР в первую очередь выиграли именно Соединенные Штаты, которые стали теперь единственной сверхдержавой мира.

С момента установления дипломатических отношений между СССР и США прошло 65 лет – срок, вполне достаточный для того, чтобы с полным основанием сделать вывод: ни один государственный деятель США не преуспел, следуя курсом антисоветизма.

Убедительное свидетельство этого – жизненный путь Дуайта Эйзенхауэра. Как Верховный главнокомандующий вооруженными силами союзников в Европе в годы совместной с СССР борьбы против нацизма он получил громкую военную славу, всемирную известность и признание. Как президент США в период «холодной войны» он во многом потерпел политическое банкротство.

В годы президентства Эйзенхауэра в США и других странах НАТО влиятельные политические круги ставили под сомнение возможность развития отношений между СССР и США на принципах мирного сосуществования. Важнейший аргумент сторонников подобной точки зрения сводился к тому, что не могут эффективно сотрудничать государства, имеющие противоположные общественные системы. Для подтверждения этой позиции выискивались и аргументы исторического характера. Однако опыт истории русско-американских и советско-американских отношений свидетельствует о прямо противоположном. Несмотря на разницу в политических системах, Россия активно поддерживала Соединенные Штаты в годы первой американской революции – войны за независимость 1775—1783 гг. В период второй американской революции – Гражданской войны и реконструкции 1861—1877 гг. Россия была единственной великой державой, вставшей на позиции безоговорочной поддержки федерального правительства во главе с президентом Авраамом Линкольном, которое вело революционную войну с мятежными рабовладельцами южных штатов. США и Россия были союзниками в годы Первой мировой войны.

Самый убедительный исторический пример возможности сотрудничества между двумя странами дают отношения между СССР и США в годы Второй мировой войны. Антигитлеровская коалиция смогла выполнить свою главную задачу – военный разгром гитлеровской Германии и ее союзников.

Позитивный опыт советско-американского сотрудничества в годы Второй мировой войны показывает полную несостоятельность попыток противников советско-американского сотрудничества в годы президентства Эйзенхауэра использовать исторические аргументы для оправдания своего антисоветского курса.

Закономерен вопрос: если Советский Союз и Соединенные Штаты могли быть союзниками в годы Второй мировой войны, то почему наши страны не могли в условиях мирного времени поддерживать и улучшать на принципах мирного сосуществования взаимовыгодные отношения друг с другом?

Этот вопрос вполне логично был поставлен в повестку дня политической жизни США, когда президентом страны стал герой Второй мировой войны, столь много сделавший для укрепления советско-американского военно-политического сотрудничества в годы войны.

Широко был диапазон инициатив президента Эйзенхауэра, направленных на улучшение советско-американских отношений, оздоровление всей международной обстановки. Они касались уничтожения стратегического оружия, запрещения химического оружия, проведения взаимной свободной аэрофотосъемки территории СССР и США, всемерного

развития контактов в политической, научной, культурной сферах.

Только сейчас, постепенно и с большим трудом мы приступаем к практической реализации многих из этих инициатив.

Президент Эйзенхауэр во многом опережал свое время. В этом и заключалась главная причина того, что его инициативы не были реализованы. Однако это не уменьшает их морально-политическую значимость.

В современных условиях возвращение к позитивному опыту отношений между СССР и США в годы президентства Эйзенхауэра приобретает особый смысл. Важно подчеркнуть, что первая оттепель в отношениях между двумя державами произошла именно в этот период.

Разумеется, требует тщательного исследования как позитивный, так и негативный опыт советско-американского сотрудничества в годы президентства Д. Эйзенхауэра.

Период президентства Эйзенхауэра – поучительный этап американской истории. На эти годы приходится пик «холодной войны», что не могло не оказать в ряде случаев своего негативного воздействия на политический курс президента Эйзенхауэра, в первую очередь на его политику по отношению к Советскому Союзу.

В тяжелые годы войны генерал Эйзенхауэр внес свой важный вклад в развитие советско-американского военно-политического сотрудничества. Однако в условиях «холодной войны» многие деятели западного мира заметно поправили в своих взглядах и оценках отношений с СССР. Не был в определенной мере исключением и Д. Эйзенхауэр.

Разумеется, причины и специфику этого сдвига вправо трудно понять, абстрагируясь от позиции Советского Союза. Подробный анализ этой стороны проблемы не входит в задачу автора, но важно отметить, что в условиях резкого обострения борьбы между двумя противоположными системами, ожесточенных идеологических баталий и советская сторона отнюдь не всегда занимала позицию, благоприятствующую взаимопониманию и улучшению отношений.

Президентство Эйзенхауэра, советско-американские отношения в эти годы – поучительный этап послевоенной истории и с той точки зрения, что весь ход развития контактов между СССР и США убедительно показал, что курс антисоветизма не приносит политических дивидендов. В годы президентства Д. Эйзенхауэра стало особенно очевидно, что от «холодной войны» никто не выиграл, но все проиграли. Такой вывод создавал определенную политическую основу для поиска выходов из тупиков «холодной войны». Соответствующие попытки были предприняты, но их позитивные последствия во многом оказались разочаровывающими.

Стремление разобраться в причинах этого имеет, на мой взгляд, немаловажное значение.

Дуайт Эйзенхауэр был неординарной личностью и, как часто происходит в таких случаях, его жизнь и деятельность получили неадекватные, а зачастую исключаящие друг друга оценки современников и авторов исторических исследований.

Американские коллеги рассказывали мне шутку, широко распространенную в США в период президентства Эйзенхауэра: Франклин Рузвельт доказал, что даже миллионер может быть президентом, Гарри Трумэн доказал, что каждый может быть президентом, Дуайт Эйзенхауэр доказал, что страна может вообще обойтись без президента.

На мой взгляд, Эйзенхауэр был достаточно компетентен в вопросах, которыми он занимался как президент США. Он имел свои твердо укоренившиеся взгляды по проблемам внутренней и внешней политики, настойчиво и умело проводил их в жизнь, обладал

большим политическим реализмом. Нельзя забывать, что первые попытки нормализации советско-американских отношений были связаны с его именем.

Эйзенхауэр был крупным военным экспертом и прекрасно понимал, какую огромную опасность для человечества представляет безудержная гонка стратегических вооружений. И в меру своего понимания этой проблемы он пытался найти конструктивные пути ее решения.

Бесспорна заслуга Эйзенхауэра в том, что он первым среди американских руководителей увидел большую угрозу, которую представляет для американского общества, для дела мира во всем мире военно-промышленный комплекс. 17 января 1961 г., за три дня до истечения срока своих президентских полномочий, выступая с прощальной речью по телевидению, он заявил: «Объединение в настоящее время колоссальных вооруженных сил с мощной военной промышленностью не имеет аналога в Америке. Экономическое, политическое, даже моральное влияние этого объединения чувствуется в любом городе, учреждении штата, федеральном учреждении»^[14].

Прошло почти 40 лет после этого выступления Эйзенхауэра и за это время термин «военно-промышленный комплекс» прочно вошел в политические словари всех стран мира, стал важнейшей экономической и военно-политической категорией для оценки пагубного влияния этой военно-промышленной унии на жизнь всего мирового сообщества.

Эйзенхауэр глубоко осознавал огромную ответственность президента США, обладающего исключительными полномочиями, за судьбы собственной страны и всего человечества. 20 августа 1956 г. в письме к другу детства С. Хезлетту он писал: «Придет время, когда мое кресло займет человек, не прошедший школу вооруженных сил и мало разбирающийся в том, что запросы военного ведомства можно сократить с незначительным ущербом или без оного. Если это произойдет при сохранении нынешней международной напряженности, я с ужасом думаю о том, что может случиться с нашей страной...»^[15]. Оправданное беспокойство, особенно если учесть стремительную гонку вооружений, которая началась сразу же после ухода Эйзенхауэра из Белого дома.

Сложную и противоречивую деятельность Дуайта Эйзенхауэра нельзя понять без тщательного анализа многочисленных архивных материалов, отражающих его работу в качестве президента США.

В работе использован большой неопубликованный архивный материал, в частности архивные документы, собранные автором в «Библиотеке Дуайта Д. Эйзенхауэра» в Абилине (штат Канзас). Значительный интерес представляют изученные автором «Бумаги Джона Фостера Даллеса», хранящиеся в Принстонском университете.

В июле 1972 г. в Абилине автор беседовал с сыном Эйзенхауэра Джоном, бригадным генералом запаса, бывшим послом США в Бельгии. Летом 1944 г., будучи лейтенантом вооруженных сил США, он в течение непродолжительного времени находился при штабе Эйзенхауэра в период боев во Франции, участвовал в войне в Корее 1950—1953 гг. В годы президентства отца он занимался секретными внешнеполитическими проблемами США. Позднее Джон был редактором его мемуаров. Джон Эйзенхауэр – автор двух мемуарных работ. Особое значение имеет его вторая книга, в которой содержатся интересные материалы, касающиеся деятельности Дуайта Эйзенхауэра в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Запись моей беседы с Джоном Эйзенхауэром также использована при работе над данной книгой.

6 ноября 1975 г. в небольшом, скромно обставленном кабинете Милтона Эйзенхауэра в

Балтиморе шла неторопливая, обстоятельная беседа. Не по годам (Милтон родился 15 сентября 1899 г.) энергичный, собранный человек, очень похожий внешне на своего старшего брата, с завидным терпением, подробно отвечал на мои вопросы.

Младший из семи братьев, Милтон, в годы президентства Эйзенхауэра был его доверенным советником, а нередко и личным представителем на зарубежных встречах. Дуайт Эйзенхауэр писал, что, если бы Милтон не был его братом, он получил бы самый высокий пост в правительстве.

Моя беседа с Милтоном была посвящена главным образом вопросам советско-американских отношений, взглядам Дуайта Эйзенхауэра на Советский Союз, на его людей. Автор использовал запись этой беседы при работе над третьей и четвертой главами книги.

В монографии широко использовано пятитомное собрание документов, связанных с деятельностью Дуайта Эйзенхауэра в годы войны, и другие документальные и мемуарные труды, пресса, работы, посвященные жизни и деятельности Эйзенхауэра, истории США рассматриваемого периода.

Эйзенхауэр был крупной фигурой в истории США военного и послевоенного периодов, показателем этого является непрекращающийся поток публикаций, посвященных его жизни и деятельности. Появляются новые документы, в частности постепенно рассекречиваемые материалы, хранящиеся в библиотеке, носящей его имя. В 1981 г. были опубликованы «Дневники Эйзенхауэра», которые также являются интересным источником для изучения его военной, государственной и политической карьеры.

В 1975 г. начала свою работу комиссия сената США по расследованию деятельности американских спецслужб. Многие из власть имущих в Соединенных Штатах пережили немало тревожных дней и ночей, пока комиссия предавала гласности факты, свидетельствующие о грязной работе Центрального разведывательного управления США и других американских спецслужб. В ходе работы комиссии вскрылись и многие неблагоприятные акции, санкционированные администрацией Эйзенхауэра.

Эти разоблачения вызвали большой интерес американской и зарубежной общественности к закулисной стороне деятельности администрации Эйзенхауэра, в частности связанной с работой спецслужб Соединенных Штатов, который во многом был удовлетворен сенсационной книгой Стивена Амброуза «Шпионы Айка». Работы С. Амброуза ценны тем, что автор участвовал в подготовке к публикации пятитомного сборника документов, посвященного деятельности Эйзенхауэра в годы Второй мировой войны. В процессе этой работы Амброуз регулярно встречался с Дуайтом Эйзенхауэром, беседовал с ним на самые различные темы, что делает его повествование особенно интересным.

Я был гостем Стивена Амброуза в 1976 и 1991 гг., жил в его доме в Новом Орлеане, обсуждал с ним многие стороны деятельности Эйзенхауэра и имел возможность получить от него очень ценную информацию, касающуюся различных этапов жизни Эйзенхауэра. Эта информация имеет тем больший интерес, что С. Амброуз талантливый историк, специалист широкого профиля, опубликовавший целый ряд работ по истории США, получивших высокую оценку специалистов и широкой общественности.

Дуайт Эйзенхауэр сыграл важную роль в годы Второй мировой войны, восемь лет его президентства – заметный период истории США послевоенного времени. Многие в деятельности этого военного, политического и государственного руководителя Соединенных Штатов спорно и противоречиво. И для того, чтобы дать объективную оценку

сложного комплекса проблем, связанных с его жизнью и деятельностью, необходим, в первую очередь, тщательный анализ архивных и документальных источников, освещающих его деятельность в годы Второй мировой войны и на посту президента США.

Я выражаю глубокую признательность американским и советским коллегам, оказавшим многообразную помощь в работе над этой книгой. Слова особой благодарности брату Дуайта Эйзенхауэра, Милтону Эйзенхауэру, сыну президента Джону Эйзенхауэру, внучке Дуайта Эйзенхауэра Сюзан Эйзенхауэр. Беседы с ними позволили мне понять многие особенности взглядов президента Эйзенхауэра, специфику его мировоззрения и характера.

Я искренне благодарен доктору Маклину Бургу, Джону Уикмену, Дану Уилсону, Джорджу Картису – сотрудникам «Библиотеки Дуайта Д. Эйзенхауэра». Они оказали мне большое содействие в трудном деле отбора необходимого документального материала из фондов Библиотеки, насчитывающих многие миллионы листов различных документов.

Я глубоко признателен сотрудникам исторического факультета Принстонского университета за высококвалифицированную помощь при работе над «Бумагами Джона Ф. Даллеса» и сотрудникам «Библиотеки Франклина Д. Рузвельта» в Гайд-парке, штат Нью-Йорк.

Большую помощь мне оказали своими советами, замечаниями и пожеланиями ответственный редактор первого издания этой книги Н. Н. Яковлев, официальные рецензенты О. А. Ржешевский и И. Г. Усачев, авторы многочисленных рецензий.

Выражаю мою признательность отечественным и зарубежным авторам писем, приславшим свои замечания, в первую очередь критические, на первое издание этой книги.

ГЛАВА I

АБИЛИН

25 июня 1942 г. генерал Дуайт Эйзенхауэр был назначен командующим американскими войсками в Европе и прибыл в Лондон. Германское радио немедленно передало в эфир сообщение, что на важнейший военный пост союзники назначили немца^[16]. Расчет пропагандистов третьего рейха был предельно прост: посеять среди солдат союзников недоверие к малоизвестному американскому генералу с немецкой фамилией, неожиданно для многих получившему столь высокое назначение.

Насколько было обоснованно это заявление? Предки Эйзенхауэра по отцовской линии действительно являлись выходцами из Германии. Они принадлежали к протестантской секте менонитов. Спасаясь от религиозных гонений, Эйзенхауэры переселились в Швейцарию, а в 1741 г. – в Северную Америку, в Пенсильванию. Это были простые труженики, энергичные, волевые люди. Первоначально фамилия Эйзенхауэров писалась Eisenhauer, а в дальнейшем, по недосмотру какого-то провинциального писаря, превратилась в Eisenhower.

Некоторые филологи впоследствии переводили это словосочетание как «закованный в латы рыцарь»^[17].

Предки Дуайта Эйзенхауэра по материнской линии также были протестантами, бежавшими из Европы в Америку. С 1730 г. они проживали в Вирджинии^[18].

Родословная этой семьи свидетельствует, что в жилах Эйзенхауэров текла кровь немцев, англичан, скандинавов^[19]. В Северной Америке, где бурно развивались ассимиляционные процессы, где на основе эмиграции впервые в мире создавалась нация в будущем великой державы, это было типичным явлением.

Якоб Эйзенхауэр, дед Дуайта Эйзенхауэра по отцовской линии, выполнял у себя в Элизабетвиле (Пенсильвания) обязанности главы секты, называвшейся «Речные братья», так как большинство из них проживало на берегу реки. Члены секты в подавляющем большинстве занимались земледелием. Скромность в быту и одежде, отречение от войны как тягчайшего греха составляли их жизненное кредо.

«Речные братья» жили довольно замкнуто, но бурные события 60-70-х гг. XIX в., железная поступь капитала, безраздельного хозяина Америки, вели к имущественному расслоению внутри секты, к угасанию ее полупатриархальных традиций.

Якоб Эйзенхауэр был по тем временам довольно состоятельным человеком. В 1860 г. он построил двухэтажный кирпичный дом, который стал не только жильем для членов семьи, но и местом религиозных собраний. В 70-х гг. среди «Речных братьев» началось движение за переселение на Запад. Богатейшие девственные земли Запада притягивали их как магнит. Здесь, как это представлялось большинству членов секты, открывались новые, исключительно благоприятные перспективы для спокойной и богатой жизни.

В 1878 г., захваченный общим потоком переселенцев, снялся с насиженного места и Якоб Эйзенхауэр. Вслед за своей паствой он направился в далекий Канзас, который после разгрома рабовладельцев в кровопролитной Гражданской войне 1861—1865 гг.

гостеприимно распахнул двери для переселенцев с Севера и Востока.

Семья Эйзенхауэров обосновалась, подобно другим «Речным братьям», на южном берегу реки Смоуки-Хилл, на плодородных землях округа Дикинсон. «Братья», переселившиеся из Пенсильвании, представляли собой довольно значительную по тем временам общину – несколько сот человек. Уже вскоре после переселения они создали в Лекомптоне (Канзас) свой собственный колледж.

Одним из первых студентов колледжа был сын Якоба Эйзенхауэра – Дэвид, будущий отец Дуайта Эйзенхауэра, который изучал здесь инженерное дело. В колледже Дэвид нашел и свое личное счастье. Его избранницей стала Ида Стовер, которая незадолго до встречи с Дэвидом приехала со своими братьями из Вирджинии в Канзас. Девушки-студентки по тем временам явление очень редкое. И надо было обладать незаурядным мужеством и силой характера, чтобы, будучи уроженкой консервативной Вирджинии, поступить в колледж на Среднем Западе, где по местным традициям женщине отводилась роль только жены и матери семейства.

Миловидная голубоглазая шатенка произвела неотразимое впечатление на Дэвида. 23 сентября 1885 г., в день своего двадцатидвухлетия, он обвенчался с двадцатитрехлетней Идой Стовер. Якоб Эйзенхауэр сделал Дэвиду щедрый по тем временам свадебный подарок – 100 акров земли и 2 тыс. долл. наличными.

Женитьба помешала молодоженам окончить колледж. У сына проповедника не было никакого желания заниматься фермерством. Молодой Эйзенхауэр продал свой земельный участок, добавил вырученные средства к 2 тыс. долл., полученным от отца, и открыл на паях с компаньоном собственное дело. В небольшом населенном пункте с многообещающим названием Хоуп («надежда») появился магазин, за прилавком которого стоял молодой хозяин.

Дэвиду не повезло с компаньоном. В один отнюдь не прекрасный для молодого Эйзенхауэра день компаньон бесследно исчез, прихватив с собой всю наличность. Это была непоправимая катастрофа. Как насмешка судьбы звучала фамилия компаньона – Гуд («хороший»). Разорившийся Дэвид Эйзенхауэр вынужден был уехать в Техас, где за мизерную заработную плату он устроился на железную дорогу. Это произошло в 1887 г., спустя два года после женитьбы. За год перед этим, 11 ноября 1886 г., у молодоженов родился сын, которому дали имя Артур. Когда Дэвид Эйзенхауэр отправился в Техас в поисках работы, Ида снова ждала ребенка и потому временно осталась в Хоупе. Эдгар Эйзенхауэр, второй сын Дэвида и Иды, вспоминал: «Отец передал все дело (по лавке. – Р. И.) адвокату, который жил тогда в Хоупе, и сказал: «Собери все причитающиеся деньги, оплати счета и верни оставшееся мне»^[20].

Речь шла о деньгах, которые следовало собрать с местных фермеров. Им доверчивый Дэвид широко отпускал товары в кредит. В дальнейшем Дэвид Эйзенхауэр стал категорическим противником покупок чего-либо в долг и настойчиво внушал своим многочисленным сыновьям необходимость жить по средствам.

Адвокат собрал задолженность с клиентов незадачливого лавочника и скрылся с полученными деньгами. Надеждам Дэвида Эйзенхауэра найти свое место в бизнесе был нанесен второй и окончательный удар. Аналогичных попыток в будущем он уже не предпринимал. Выстоять под ударами судьбы молодой семье во многом помогла хозяйка дома. «Отец, – вспоминал впоследствии Дуайт Эйзенхауэр, – дважды терпел крах, и каждый раз мать лишь улыбалась и еще больше работала»^[21].

19 января 1889 г. у молодой супружеской четы родился еще один сын – Эдгар. Вскоре после рождения ребенка Ида переехала в Техас, где 14 октября 1890 г. родился третий сын Эйзенхауэров, нареченный Дэвидом, ставший впоследствии президентом США.

Родители ждали девочку и «были глубоко разочарованы рождением еще одного сына»^[22].

Где родился третий сын Эйзенхауэров? Поступив 14 июня 1911 г. в военную академию США в Вест-Пойнте, Эйзенхауэр указал одно место рождения, а в дальнейших документах фигурировал другой населенный пункт Техаса. В годы Второй мировой войны, когда к Дуайту Эйзенхауэру пришла громкая военная слава, между этими двумя городами Техаса началась энергичная тяжба за право считаться родиной своего соотечественника^[23]. Документально-хронологическая работа, посвященная Эйзенхауэру, определяет местом его рождения Денисон (штат Техас)^[24].

Не обошлось без недоразумений и с именем будущего президента. В семейной Библии, единственном документе, где было зарегистрировано его рождение, третий сын Эйзенхауэров был записан как Дэвид Дуайт Эйзенхауэр. Однако вскоре мать столкнулась со сложной проблемой: на имя Дэвид откликнулся и муж, и сын. По этой причине за младшим Эйзенхауэром закрепилось имя Дуайт.

Сыграло свою роль и еще одно обстоятельство. Ида не любила столь широко распространенного в США сокращения имен. Дики, Бобы, Биллы, Арты резали музыкальный слух хозяйки дома, и ее никак не устраивала неизбежная перспектива превращения Дэвида в Дэви. Дуайт было громким и звучным именем, которое при самой изощренной фантазии нельзя было заменить каким-нибудь стереотипным сокращением. Но и здесь родителей ждало разочарование. За всеми сыновьями Эйзенхауэров среди сверстников закрепилось прозвище Айк – сокращенный вариант фамилии Эйзенхауэр. Различали их только по уточнениям – Айк Большой, Айк Маленький.

Исключением был Дуайт Эйзенхауэр. За ним в детстве прочно утвердилась кличка Гадкий Айк, потому что у мальчика были очень светлые волосы и ярко-красное лицо. Но это прозвище сверстников вряд ли было справедливым. С семейной фотографии 1901 г., воспроизведенной во многих книгах о Д. Эйзенхауэре, смотрит симпатичный мальчишка с умными, выразительными глазами.

Жизнь в Техасе оказалась трудной и малопривлекательной. Грошового жалованья Дэвида Эйзенхауэра, который продолжал занимать небольшую должность на железной дороге, едва хватало на более чем скромное существование семьи. И когда родственники, осевшие в округе Дикинсон, в Канзасе, сообщили Дэвиду, что для него есть место на маслобойне, на семейном совете было принято решение немедленно возвратиться туда.

В 1891 г. семья Эйзенхауэров вернулась в Канзас и поселилась в городке Абилин. Дэвид занял место механика на местной маслобойне, где он получал около 50 долл. в месяц – немногим больше, чем на железной дороге в Техасе. Но его все сильнее привлекала «идея заниматься тем, что его интересовало»^[25].

В последнее десятилетие XIX в. Абилин насчитывал около 5 тыс. жителей. Недавно построенная железная дорога четко разделяла город на две половины. Это было главным образом социальное деление. В южной части, где находился скромный домик Эйзенхауэров, проживал местный плебс. В благоустроенных особняках северной части Абилина обосновались зажиточные граждане.

Абилин жил замкнутой жизнью американского захолустья. «Несколько тысяч абилинцев жили изолированно, связанные с внешним миром только железной дорогой, которая

одновременно (в социальном плане. – Р.И.) разделяла их самих»^[26]. Грязные, пыльные улочки, скромные домики южной части городка, традиционные салуны, оставшиеся со времен, когда Абилин был чуть ли не столицей ковбойского Запада, – все это производило довольно унылое впечатление.

Земля в округе была очень плодородной. Она щедро вознаграждала тех абилинцев, которые в той или иной степени имели связи с сельским хозяйством. Но это был отнюдь не обетованный край. Изнуряющая летняя жара, нередко превышающая 40° по Цельсию, гнетущая влажность, проливные дожди, превращавшие улицы городка в непроходимое болото, и знаменитые торнадо – ураганы огромной разрушительной силы – таково было лето в этом районе. А зимой городок, затерявшийся в бескрайних прериях, иногда был скован двадцатиградусными морозами.

Когда Эйзенхауэры переселились туда, Абилин уже мало чем напоминал постоянный двор ковбоев периода 1867—1871 гг. Теперь он был конечной станцией железной дороги, что и определило его особую роль в истории американского Запада.

Сюда сгоняли огромные гурты скота, которые грузили в железнодорожные вагоны и отправляли дальше на Восток. За 1867—1871 гг. через Абилин прошло более 3 млн голов скота. Получавшие выручку ковбои предавались традиционным развлечениям, характерным для буйных нравов Запада. Салуны и публичные дома работали день и ночь. Пьянство, поножовщина, перестрелки между подгулявшими гуртовщиками – все это терроризировало жителей Абилина. Многочисленные убийства стали обычным явлением. Пресса сообщала, что в Абилине головорезов было больше, чем в каком-либо другом городе США.

Все первые начальники полиции Абилина, маршалы, как их называли, были убиты или изгнаны из города. В анналы истории Абилина занесено имя Джеймса Хикока по прозвищу Дикий Билл. Этот участник Гражданской войны, сражавшийся против рабовладельцев, стал одним из самых знаменитых персонажей многих повествований и легенд Запада. К моменту своего прибытия в Абилин Дикий Билл имел уже впечатляющий послужной список: на его счету числилось сорок три убитых им преступника.

Искусство владения кольцом новый маршал довел до совершенства. Он попадал в подброшенную в воздух монету, стреляя с поразительной скоростью обеими руками. Внушительная фигура нового блюстителя порядка, постоянно вооруженного двумя шестизарядными револьверами, стала обычным зрелищем на улицах Абилина. Дикий Билл произвел настоящий фурор в издавшем виды Абилине, когда однажды пристрелил двух бандитов, убежавших в противоположных направлениях, причем свидетели утверждали, что выстрелы маршала были настолько синхронны, что слились в один звук.

За короткое время своего пребывания в Абилине Дикий Билл убил более 50 человек, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Финал поразительной карьеры Дикого Билла отвечал всем стандартам американских боевиков: в 1870 г. во время игры в покер он был убит в Южной Дакоте выстрелом в затылок.

Скоро железная дорога протянулась дальше на Запад. А вместе с ней откатился, как торнадо, и страшный призрак ковбойских постояльцев, романтизм которых был более привлекателен в изложении авторов популярных вестернов, чем в действительности.

Однако в городе продолжали сохраняться традиции бурного периода колонизации Запада, и молодой Дуайт Эйзенхауэр был воспитан в этих традициях, в частности, как это отмечают все его биографы, на всю жизнь он сохранил интерес к вестернам^[27].

И в наши дни в чистом, спокойном, утопающем в зелени Абилине чтут и поддерживают

традиции Старого Запада. В городке создан мемориальный комплекс Эйзенхауэра. Рядом с домом, в котором прошли его детские и юношеские годы, воздвигнуты отделанные мрамором корпуса Библиотеки и Музея Эйзенхауэра, оборудованные по последнему слову техники. Здесь же – скромное захоронение Дуайта Эйзенхауэра. В любое время года на автомобильных стоянках мемориала можно встретить машины с номерными знаками многих штатов страны.

Недалеко от этого места находится нечто вроде музея-заповедника – «Старый город». Тяжелые ворота ведут в глубь небольшого двора, окруженного приземистыми деревянными зданиями своеобразной архитектуры американского Запада XIX столетия. На территории «Старого города» есть даже салун, где можно относительно недорого получить ланч, но уже во вкусах американской кухни наших дней, которая рассчитана на массового потребителя. По воскресеньям для туристов здесь устраиваются «шутинги», что в переводе означает «стрельба».

Был душный воскресный день середины июля 1972 г. К «Старому городу» тянулись цепочки приезжих туристов, которые спешили занять места поудобнее, чтобы увидеть во всех деталях предстоящее зрелище. Молодые стройные ребята, несмотря на изнуряющую жару и большую влажность, были одеты в традиционные ковбойские костюмы, перетянуты широкими поясами, которые оттягивали увесистые кольца образца прошлого века. Участники «шутинга», опираясь на старинные винчестеры, добродушно беседовали с многочисленными зрителями.

Но вот началось представление. С поразительной легкостью «ковбои» с ходу брали препятствия в виде огромных заборов, перепрыгивали с крыши на крышу, штурмовали салун и другие строения «Старого города». «Раненые» и «убитые» участники шоу падали с трех-четырёхметровой высоты деревянных строений, проявляя завидную профессиональную подготовку. Над тихим, разомлевшим от духоты Абилином стоял грохот выстрелов. «Старый город» заволокли клубы порохового дыма. Когда дым рассеялся, на земле, на крышах домов и сараев, поперек заборов лежали и висели «трупы» тех, кто рискнул нарушить сонный покой Абилина.

Появились деревянные гробы, в которые победители-шерифы сложили тела поверженных противников. Маршал произнес короткую речь над гробом главного разбойника. Суть ее сводилась к тому, что хотя Джим и бандит, но он был смелым и порядочным парнем. Растроганный полицейский опустил в открытый гроб букет красных цветов. «Покойник» приподнялся из гроба и с благодарностью принял букет из рук маршала, после чего вновь занял отведенное ему место.

Публика восторженно аплодировала и свистела, выражая тем самым свое полное удовлетворение завершившимся зрелищем. Мой сосед, рослый крепьш с характерным южным акцентом, спросил; «Не правда ли, «маршал» хорошо сыграл роль Дикого Билла?»

Эйзенхауэр на всю жизнь сохранил любовь к Абилину. Ему нравилось приезжать в этот город, встречаться с друзьями, посещать кафе, где можно было запросто посидеть со старыми знакомыми.

Стремительная военная карьера Эйзенхауэра взбудоражила Абилин. В Европу на имя главнокомандующего союзными вооруженными силами шел целый поток писем и телеграмм, на которые Эйзенхауэр всегда считал своим долгом отвечать. Восторженные абилинцы однажды даже организовали День Эйзенхауэра. Огромное количество портретов знаменитого земляка украсило дома городка. Один из друзей писал Эйзенхауэру: «Это

самые худшие из твоих портретов. Рот у тебя на них, как у Джона Брауна, а другие черты лица вообще ни на что не похожи».

Эйзенхауэр был тронут почестями, оказанными ему в Абилине. Узнав о Дне Эйзенхауэра, он писал землякам: «Если абиллинцы попытаются превозносить меня и величать по титулам, а не называть по имени, я, когда приеду домой, буду себя чувствовать чужаком. Самое худшее в военных чинах заключается в том, что они ведут к изоляции, а это мешает товариществу. Я хочу быть дома, со старыми друзьями»^[28]. Вероятно поэтому он, находясь в Абилине, никогда не носил генеральскую форму.

С. Амброуз, определяя роль и место Абилина в становлении характера Эйзенхауэра, в формировании его мировоззрения, обоснованно писал: «Дуайт любил Абилин, и Абилин платил ему тем же»^[29].

Семья Эйзенхауэров жила очень скромно. Небольшого заработка отца едва хватало на самое необходимое. А число ртов все возрастало. В 1892 г. родился брат Рой, в 1894 г. – Пол, в 1898 г. – Эрл. И, наконец, в 1899 г. – последний из братьев Эйзенхауэров, Милтон. Узнав, что судьба вновь наградила его сыном, а не дочерью, огорченный отец ушел из дома и долго бродил по окрестностям, чтобы хоть немного успокоиться.

Пол в раннем возрасте умер от скарлатины, а остальные братья росли крепкими, здоровыми и отличались завидным аппетитом. Одеть и прокормить такое большое семейство было серьезной проблемой. Лишних денег не было никогда, одежда от старшего брата переходила к младшему, баловать детей родители не имели возможности.

В 1898 г. в жизни Эйзенхауэров произошло важное событие – Дэвид и Ида переселились со всеми своими многочисленными домочадцами в двухэтажный дом на 4-й Юго-Восточной улице Абилина. Дом принадлежал брату Дэвида Аврааму, который переехал на Запад, где для его ветеринарной практики были более обнадеживающие перспективы. За аренду дома надо было платить, но по условиям договора новый хозяин в дальнейшем имел возможность приобрести его в свою полную собственность, что со временем и произошло.

Переезд в новый дом несравненно улучшил материальные условия жизни Эйзенхауэров, но мало что изменил для них в социальном плане. «Хотя Эйзенхауэров и уважали все, кто их знал, они не имели никакого социального престижа. Они были простыми, бедными людьми»^[30].

Социальные бури, сотрясавшие Канзас и всю страну в конце XIX – начале XX вв., обходили стороной небольшой домик на 4-й Юго-Восточной улице Абилина.

Следуя традициям секты «Речных братьев», Ида и Дэвид воспитывали своих детей в жестких рамках религиозных догм, как они их понимали. В доме Эйзенхауэров религия была не только верой, но и священной традицией, которую унаследовал будущий президент. Он подчеркивал, что является непримиримым противником атеизма и коммунизма. «Я самый религиозный из всех, кого я знаю»^[31], – заявил он однажды.

Родители приучали детей к выполнению домашних обязанностей, в том числе к приготовлению пищи. С особым искусством и желанием занимался этим Дуайт, овладев со временем многими тонкостями кулинарии. Как отмечают все биографы Эйзенхауэра, он и в преклонном возрасте любил пострять на кухне.

Дэвид был образованным, начитанным человеком. Он безупречно владел английским и немецким языками, свободно читал по-гречески. Однако, как вспоминали братья Эйзенхауэры, «он не хотел, чтобы его дети отличались чем-либо от других детей пионеров Запада»^[32], и никогда не разговаривал с сыновьями по-немецки.

Спокойный, уравновешенный, Дэвид не имел ни склонностей, ни времени заниматься со своими многочисленными сыновьями разговорами о нравственности, о необходимости трудиться, чтобы завоевать свое место в мире. Он просто доказывал это своим личным примером. Правда, несмотря на все трудолюбие и честность, глава семьи не очень преуспел в жизни. Проявив завидное упорство, Дэвид Эйзенхауэр 31 декабря 1904 г. получил наконец диплом инженера^[33]. И сегодня в одной из комнат дома Эйзенхауэров на почетном месте висит в застекленной рамке этот диплом, которым гордился не только его обладатель, но и вся семья.

Новый дом хорошо смотрелся снаружи: чистый, аккуратный, выкрашенный в белый цвет. И внутри это было благоустроенное, удобное помещение. Комнатки на обоих этажах дома были, правда, крохотные, но каждому члену семьи уже было отведено свое определенное место. Здесь было «королевство Иды Эйзенхауэр»^[34].

Напротив дома находилась школа, в которой учились все братья Эйзенхауэры. Мать не занималась мелочной опекой над сыновьями. Все свободное от школы и многочисленных обязанностей по дому время ребята проводили в шумных, подвижных играх со сверстниками. Правда, свободного времени у братьев Эйзенхауэров было немного. На небольшое жалованье отца прожить было невозможно, и с детских лет ребята вынуждены были вносить свой посильный вклад в семейный бюджет.

Возле дома Эйзенхауэров был небольшой участок земли, на котором семья выращивала фрукты и овощи. Нагрузив ими небольшую ручную тележку, братья нередко отправлялись в северную, зажиточную часть города.

Редактор абиллинской газеты Харгер вспоминал, что они, «продавая эти продукты, зарабатывали таким путем деньги, чтобы купить одежду и все необходимое для школы». Это было малоприятное занятие. Хозяйки из состоятельных домов придирчиво ворошили содержимое тележки, подчас не стесняясь в выражениях по поводу качества предлагаемых им овощей, а иногда и по отношению к самим продавцам. Маркус Чайлдс, автор критического исследования жизни и деятельности Эйзенхауэра, писал, что это было «самой ненавистной работой для братьев»^[35]. Лучше всех с этим справлялся Дуайт. «Одна из наиболее характерных черт Эйзенхауэра на протяжении всей его жизни, – писал Маркус Чайлдс, – была способность к адаптации»^[36]. Унизительная процедура торговли овощами, когда знатные абиллинские матроны с ожесточением торговались, чтобы сбросить несколько центов с цены на овощи, выращенные руками ребят, запомнилась на всю жизнь. Много лет спустя, говоря о разнице между собой и Макартуром, Эйзенхауэр заявлял: «Он – аристократ. Что же касается меня, то я – выходец из среды простых людей...»^[37].

В своем первом выступлении в ходе избирательной кампании 1952 г. Эйзенхауэр, баллотировавшийся в президенты США, вспоминая свои детские и юношеские годы, заявил: «Мы были очень бедны, но величие Америки в том и заключается, что тогда нам это было неизвестно»^[38].

Как и все братья, Дуайт выполнял самую различную работу по дому: мыл посуду, помогал убирать жилые помещения, следил за порядком в сарае, работал в саду и огороде, нянчил младших ребятшек. Дети росли в хорошей, дружной семье. Братья Эйзенхауэры отмечали, что они не помнят ни одного случая ссоры между родителями. Пожалуй, самым взрывным темпераментом из всех братьев обладал Дуайт, но склонность к дисциплине, привитая всем укладом жизни в семье, с детских лет приучила Эйзенхауэра к самоконтролю.

Круг обязанностей братьев Эйзенхауэров возрастал по мере того как они выросли. Каждый из старших братьев по очереди дежурил и во время дежурства должен был подниматься в 4.30 утра, разжигать печь, а затем отвозить отца на лошади на работу. Эти обязанности Дуайт выполнял с большой неохотой: уж очень трудно он просыпался по утрам. Все братья с детских лет были приучены добротой делать любую работу. «Дисциплина в семье была жесткая. Если кто-либо из ребят выполнял свою работу плохо... он немедленно посылался переделать ее, даже если время было очень поздним»^[39].

Большую роль в семье играла мать. Худенькая, стройная, всегда спокойная и сдержанная, она несла на своих хрупких плечах тяжелый груз забот о доме. Более того, Ида находила время и силы оказывать помощь тем, кому было еще тяжелее. Нередко даже по ночам в дом Эйзенхауэров стучал кто-нибудь из членов общины и сообщал о случившемся несчастье. И не было случая, чтобы Ида Эйзенхауэр отказала в добром совете и поддержке. Эдгар Эйзенхауэр вспоминал: «Много раз я поднимался по ночам, в снежную метель и в дождь, брал фонарь и отправлялся с матерью в дом соседа, который был болен и нуждался в помощи»^[40].

В семье Эйзенхауэров всегда были очень сильны пацифистские, антивоенные настроения. Корни этого пацифизма уходили в религиозные воззрения «Речных братьев».

Дуайт Эйзенхауэр вспоминал, что мать ненавидела войну, которая, как она говорила, «превращает людей в диких зверей»^[41]. Эти антивоенные настроения Ида Эйзенхауэр всемерно старалась привить и своим детям.

Супруги Эйзенхауэр старались не оказывать давления на сыновей при принятии ими важных решений.

В семье помнят трагический случай, который произошел с Дуайтом в школьные годы. Однажды он поранил колено. Через некоторое время острая, пронизывающая боль уложила его в постель. По ноге постепенно расплзалась опухоль, начался сильный жар. Диагноз был страшным: заражение крови! Только немедленная ампутация ноги могла, по мнению врача, спасти жизнь больного. Дуайт категорически отказался от ампутации, заявив, что он лучше умрет, чем останется калекой.

Доктор продолжал настаивать на своем решении, заявляя, что промедление приведет к неминуемой смерти. И действительно, состояние больного становилось все более опасным. Теряя сознание, Дуайт просил Эдгара, неотлучно дежурившего возле его постели, не допустить ампутации, когда он впадет в забытие. Врач предупредил родителей, что, как только черная опухоль достигнет таза, неизбежно наступит смерть.

Все взоры обратились к Эдгару. «Мы не имеем права делать Дуайта калекой, – заявил Эдгар, – он никогда не простит меня, если я нарушу свое обещание»^[42]. Родители вынуждены были сказать врачу, что они не могут принять решение за сына. Оставалось только надеяться на чудо. И оно произошло. Крепкий молодой организм поборол недуг, и юноша стал медленно поправляться. Тяжелая болезнь не позволила Дуайту в течение всей весны посещать школу, и он вынужден был потерять один год учебы.

Можно было понять и Дуайта, когда он отказался от ампутации. Молодой, полный сил, один из лучших среди своих сверстников спортсменов, он не мог примириться с судьбой калеки. И, конечно, надо было иметь большую силу воли, чтобы пойти на сознательный риск, но не принять предложение врача в столь критической ситуации.

Согласно традициям Запада физическая сила и бесстрашие были необходимыми качествами для всякого настоящего мужчины. И эти традиции свято соблюдались в

Абилине. Конечно, жизнь вносила свои коррективы даже в самые устойчивые традиции. Во времена, когда Абилин был «столицей» ковбойского Запада, кольт, нож и крепкие кулаки были самыми весомыми аргументами в спорах о мужской чести. С годами на место диких увлечений ковбоев пришел спорт. И братья Эйзенхауэры могли при желании составить чуть ли не целую футбольную или баскетбольную команду.

Социальные антагонизмы между «плебейским» Югом и «аристократическим» Севером накладывали свой отпечаток на взаимоотношения между ребятами из разных районов города. Это отмечает ряд биографов Эйзенхауэра. Правда, сам Эйзенхауэр вспоминал, что такие конфронтации были не столь уж значительными^[43].

Периодически в Абилине устраивалось что-то вроде матча на звание абсолютного чемпиона города по боксу, если так можно было назвать кулачные бои между подростками в присутствии многочисленных зрителей, их сверстников. Многие биографы Эйзенхауэра считают своим долгом упомянуть о бое, который произошел в 1903 г. между Дуайтом Эйзенхауэром, когда для него как для лучшего спортсмена настало время защищать честь Юга, и его противником с Севера. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что между ним и его соперником Уэсли Мерифильдом никогда не было никакой вражды. «Драка не оставила между нами каких-либо неприятных последствий, и позже, когда я видел Уэсли Мерифильда, мы оба смеялись, вспоминая тот бой»^[44].

Но это было потом, а в день боя все обстояло иначе. Большая толпа взрослых и детей тесным кольцом обступила Дуайта и Уэсли. Когда начался бой, шансы Гадкого Айка расценивались очень невысоко. Противник Дуайта, чемпион Севера по боксу, был коренастый крепыш с отличной реакцией. Дуайт стремительно пошел в атаку, но сразу же был остановлен точными встречными ударами. Через полчаса оба мальчишки начали сдавать. Спустя час глаз Айка заплыл тяжелым кровоподтеком, дыхание у «боксеров» стало прерывистым и хриплым. Бурно аплодировавшая ранее аудитория хранила напряженное молчание. Какая-то девчонка, пробившись в первые ряды зрителей, громко кричала: «Почему никто не прекратит это?»

Побойще продолжалось до темноты. Оба его участника уже еле передвигались и надолго повисали друг на друге. Но ни тот ни другой не хотел уступить. Аик был так тяжело избит, что ему пришлось три дня отлеживаться дома и пропустить занятия в школе. «Он узнал, что в жизни надо обладать большим, чем выдержка. Необходимо упорство, а за упорство надо платить.

Наступил конец детства. Пришла пора возмужания»^[45].

После драки с Мерифильдом со стороны родителей не последовало ни нотаций, ни наказания. Перепуганная мать, узнав, что он участвовал в честном бою, успокоилась и отнеслась к этому событию стоически, считая, что в таких потасовках закаляется характер ребят.

Не следует, однако, думать, что в доме Эйзенхауэров царствовало всепрощение и родители никогда не наказывали сыновей. Однажды Дуайт и еще один из братьев, заигравшись, забыли принести отцу на работу обед. Обоим провинившимся сильно досталось в тот вечер. Они даже были оставлены без ужина.

В становлении характера и склонностей молодого Дуайта Эйзенхауэра сыграли роль не только семья, школа, сверстники. Напротив дома Эйзенхауэров жил некий Дабли. Рассказывали, что в молодые годы он был помощником у знаменитого маршала Дикого Билла. Его воспоминания о тех временах буквально завораживали юного Дуайта. Нередко в

компании с Дабли и городским маршалом Хэнни Энглom Дуайт отправлялся за город, где наблюдал, как они упражняются в стрельбе из револьверов. Иногда ему самому удавалось осуществить мечту всех мальчишек – пострелять из боевого оружия.

Но главным героем Дуайта был Боб Дэвис. Много лет Боб путешествовал, был проводником, охотником, рыбаком. «Он был холостяком, – вспоминал Эйзенхауэр. – Философ, а для меня настоящий учитель»^[46]. «Учителю» было за пятьдесят, промышлял он браконьерством, забрасывая сети в речку Стоун-Хилл, чем и поддерживал свое существование, продавая скромный улов на городском рынке.

Боб учил своего юного друга управлять лодкой, забрасывать сети, ориентироваться на местности. С благословения родителей Дуайт проводил выходные дни на реке в его компании. Здесь он получил от своего «учителя» и первые уроки игры в покер. Родители, разумеется, об этом не догадывались. «Учитель» был совершенно неграмотен, но в покер играл превосходно. И ученик ему попался сметливый. Дуайт быстро усвоил все премудрости этой популярной игры, и со временем его искусство достигло совершенства.

Страсть к картежной игре Дуайт сохранил на всю жизнь. Это давало основание его политическим оппонентам заявлять, что президент Эйзенхауэр нередко отдавал приоритет покеру, бриджу и гольфу перед государственными делами.

За Дуайтом рано утвердилась слава отличного спортсмена, несмотря на это он был удивительно неуклюж в танцах. Он был опрятно, но скромно одет и совершенно безразличен к девчонкам, как только может быть безразличен четырнадцатилетний подросток, обладающий чувством собственного достоинства.

Правда, эта индифферентность к прекрасному полу постепенно прошла, и биографы Эйзенхауэра отмечали, что позднее молодой Айк пользовался большим успехом у абиллинских красавиц и не был уже столь безразличен к их чарам. Одна из его одноклассниц вспоминала: «Девушки считали, что он «красив», другие называли его «мужественным». Девчонки из школы засматривались на крепкого, широкоплечего, прекрасно сложенного парня...»^[47].

Таково было мнение сверстниц Дуайта. Другой точки зрения придерживались родители подрастающих невест, четко распределявшие все население городка по признаку социальной весомости. Во всяком случае, когда бравый кадет Вест-Пойнта Дуайт Эйзенхауэр приехал на побывку домой, отец одной состоятельной и небезразличной Дуайту местной красавицы во всеуслышание заявил, что «толку из этого парня не получится». Благодаря этому «прогнозу» он попал на страницы ряда биографических исследований, посвященных Эйзенхауэру.

Многие биографы Эйзенхауэра утверждают, что он родился и вырос в типичной американской семье. Они детально описывают привычки, традиции этой семьи, в первую очередь родителей, все выдающиеся достоинства, которыми они обладали. Читая эти работы, нередко, как это бывает в биографических произведениях, трудно разобраться, где кончается объективное изложение фактов и где начинается художественный вымысел.

Дуайт Эйзенхауэр действительно родился в трудовой семье, сам был в юности рабочим на маслобойне. Эти факты отмечаются в мемуарах Эйзенхауэра, в книгах, посвященных его жизни и деятельности. Авторы апологетических работ нередко используют эти детали биографии Эйзенхауэра для того, чтобы создать у читателя впечатление, что герой их повествования – типичный продукт американского образа жизни, что любой рабочий парень в США может стать президентом страны. Однако с такой точкой зрения трудно согласиться.

Уже в силу того, что члены семьи Эйзенхауэров были во многом действительно

незаурядными людьми, такая семья не могла быть типичной ни в США, ни в какой-либо другой стране. Совершенно необоснованным является, например, представление о Дэвиде Эйзенхауэре как о неудачнике, задавленном нуждой и жизненными невзгодами.

Преодолев все превратности судьбы, Дэвид все же «выбился в люди», стал инженером и даже работал управляющим в одной из компаний. Абилинская газета «Рефлектор кроникл» в некрологе, посвященном памяти Дэвида Эйзенхауэра, писала, что этот житель Абилина, проработавший 46 лет, «был одним из самых уважаемых граждан местного общества»^[48].

Дисциплина в доме была железной. «Отец, – вспоминал старший брат Артур, – был очень дисциплинированный человек, и мы вынуждены были подчиняться установленным нормам. Например, мы никогда не отваживались засиживаться позже девяти часов вечера. Утром мы должны были подниматься по первому зову. Валяться в постели запрещалось». Иногда детей пороли, но это была крайняя мера воздействия, и применялась она нечасто.

До тех пор пока сыновья не встали на ноги, в доме никогда не было лишнего цента. Абилинцы вообще были приучены к бережливости. Дуайт Эйзенхауэр вспоминал, что они всегда руководствовались нехитрым правилом: «Сбереженный пенни – заработанный пенни»^[49]. Тем более этой традиции следовали в семье Эйзенхауэров, знавшей цену трудовым деньгам. На это указывал в своих воспоминаниях старший сын Эйзенхауэров Артур^[50].

Мнение Артура в этом вопросе достаточно авторитетно. Старший брат начал самостоятельную жизнь мальчиком на побегушках в одном из банков Канзас-Сити и, проявив незаурядную «деловую активность», стал впоследствии одной из влиятельных фигур в финансовом бизнесе Канзаса. Не имея высшего образования, Артур занял пост директора и вице-президента одной из финансовых корпораций.

Слово отца в доме Эйзенхауэров было законом. Сын Дуайта Эйзенхауэра Джон, вспоминая свои встречи с дедом, отмечал, что тот никогда не баловал его. «Когда, например, – вспоминал Джон, – наступало время идти спать, я должен был делать это по первому слову... дед был дисциплинирован, как только мог быть дисциплинирован пенсильванский голландец». Джон Эйзенхауэр отмечал в своих мемуарах, что его дед был очень немногословным человеком. В письмах он любил сразу излагать суть проблемы. Однажды, когда Дуайт Эйзенхауэр находился с семьей на Филиппинах, Дэвид прислал из Абилина открытку, на которой было написано только одно слово: «Жарко»^[51].

Со всех семейных фотографий смотрит суровый, по-мужски красивый человек, но ни на одной фотографии не встретишь улыбающегося Дэвида Эйзенхауэра. Возможно, потому, что жизнь не баловала главу семьи. Однако он отнюдь не был лишен чувства юмора. Милтон Эйзенхауэр высказывал категорическое несогласие с мнением Артура, что «отец был слишком серьезен, чтобы обладать чувством юмора». Вспоминая об отце, Милтон говорил: «В его глазах всегда поблескивали искорки юмора»^[52].

Юмор и серьезность органически переплетались в характере и Дэвида и Иды Эйзенхауэр. Эрл рассказывал, что, когда он в шестилетнем возрасте решил уйти из дома, чтобы начать самостоятельную жизнь, отец спокойно объяснил ему, каким путем лучше добраться до ближайшего городка и при какой погоде желательно начать это путешествие. Дэвид назвал также населенный пункт, где, по его мнению, легче всего было найти подходящую работу. Мать предложила Эрлу перед уходом взять сэндвичи, которые она обязательно приготовит ему в дорогу. Сын категорически отказался от всякой помощи родителей и заявил, что отныне и навсегда он будет заботиться о себе сам. Пройдя около

мили в направлении ближайшей фермы, Эрл все же изменил свое решение и к ужину вернулся обратно. Никто не встретил его насмешкой или назиданием.

Дуайт Эйзенхауэр вспоминает только один случай, когда отец был по-настоящему взбешен. Второй сын Эйзенхауэров, Эдгар, решил последовать примеру старшего брата Артура, который в 15 лет ушел из дома, чтобы попытать счастья в бизнесе. Тайно от родителей Эдгар в течение нескольких месяцев работал у местного доктора, получая за это определенное вознаграждение. Дома он уверял, что исправно посещает школу. Когда все это стало известно, отец нещадно выпорол незадачливого бизнесмена. Двенадцатилетний Дуайт поднял отчаянный крик, рассчитывая этим привлечь внимание матери к экзекуции и спасти брата от расправы. Мать осталась глуха к его призывам. Тогда Дуайт попытался вцепиться в руку отца, усердно поровшего Эдгара кожаными вожжами. «Ни с кем, даже с собакой, так не обращаются!»^[53] – кричал Дуайт. Отец пообещал хорошенько всыпать и ему, но, поостыв, не привел своей угрозы в исполнение.

Дэвид и Ида прожили вместе 57 лет. Милтон вспоминал, что мать была очень разносторонним человеком. Она любила музыку, изучала математику, в течение нескольких лет даже штудировала пухлые юридические трактаты, хорошо владела греческим языком. «Они были прекрасной парой!» – подчеркивал Милтон Эйзенхауэр^[54].

И хотя Дэвид и Ида не смогли в свое время закончить колледж, Они хорошо знали цену образованию и поэтому одобряли решение сыновей продолжать учебу после окончания школы.

Родители не имели возможности баловать детей.

«Если мы хотели конфет, – вспоминал Эрл, – мать иногда делала их. Если нам нужны были игрушки, мы обычно мастерили их сами»^[55].

Зато в доме Эйзенхауэров было другое утешение для ребят – собака. Дуайт на всю жизнь сохранил привязанность к этим животным. Даже в годы войны он держал в штабе и возил по фронтам небольшую собачонку.

Трудно было разобраться, в кого больше пошли характером братья Эйзенхауэры, но энергии и жизнерадостности им было не занимать. Несмотря на постоянные стычки между собой, ребята росли дружными и горой стояли друг за друга, если кто-нибудь попадал в переделку в школе или на улице.

Особенно энергичным, задиристым и самым трудным из братьев был Дуайт^[56]. Он частенько приходил домой в синяках и шишках после очередного побоища с каким-нибудь мальчишкой. Не умея плавать, Дуайт во время наводнения на речке Стоун-Хилл отправлялся в рискованное путешествие на самых ненадежных подручных средствах, и его выручали из беды лишь случайно оказавшиеся рядом взрослые.

Джон Эйзенхауэр, очевидно, был прав, когда писал в своих мемуарах, что жизнь братьев Эйзенхауэров напоминала ему похождения героев Марка Твена^[57].

От дядюшки Авраама Эйзенхауэрам досталось большое хозяйство. Помимо уже упоминавшегося участка земли, позволявшего выращивать фрукты и овощи, чтобы обеспечить все большое семейство, Эйзенхауэры держали корову, лошадь, птицу. Первоначально в доме не было ни водопровода, ни канализации. Но постепенно появились все удобства и даже газ.

У Эйзенхауэров не было будильника. Да и необходимости в нем не возникало. «Отец, – вспоминал Эдгар, – сам был как будильник. Мы, братья, спали наверху, а родители – внизу. Отец поднимался на нижнюю ступеньку лестницы и звал: «Ребята!». Это значило, что всем

пора вставать».

Так в семье Эйзенхауэров начинался день, четко заведенный распорядок которого соблюдался неукоснительно. И Дуайт запомнил его на всю жизнь. Отец, вспоминал он, вставал около пяти утра, мать – немного позже. Когда вся семья была в сборе, Дэвид зачитывал пару отрывков из Библии и благословлял своих ближних на новый трудовой день.

Около шести часов он уходил на работу. Вечером, когда отец возвращался домой, садились ужинать. После ужина двое из братьев мыли посуду. Затем отец снова брался за Библию, которая пускалась по кругу, и каждый из сыновей читал небольшой отрывок. После чтения ребята готовили уроки, а вскоре отец вешал свои часы на стену и отправлялся спать. Тиканье часов было слышно в любом уголке дома. Это было своеобразное напоминание, что кончился еще один день. И все должны были следовать примеру отца и идти спать.

По мере того как ребята подрастали, они начинали подрабатывать для пополнения скромного домашнего бюджета. Дуайт начал работать еще мальчишкой. Во время летних каникул он был занят на маслобойне полный рабочий день. Чаще всего он работал в морозильном отсеке, где требовалась незаурядная физическая сила, чтобы перетаскивать большие глыбы льда.

Биограф Эйзенхауэра отмечал: «Президент хорошо запомнил свою работу на маслобойне и торговлю овощами, которой он занимался вместе с Эдгаром»^[58]. Очевидно, действительно трудно было забыть эти юношеские впечатления, когда в 1911 г., до поступления в Вест-Пойнт, Дуайту приходилось работать на маслобойне по 14 часов в сутки.

Тяжелый физический труд и спорт настолько укрепили здоровье юноши, что когда он поступал в академию, то легко прошел все придирчивые военно-медицинские комиссии.

В школе Дуайт был отнюдь не лучшим учеником в классе, хотя учился с интересом и увлечением. К числу любимых им предметов относились в первую очередь история и математика.

Джон писал в мемуарах, что мать, будучи убежденной пацифисткой, старалась по мере сил отвлечь Дуайта от его пристрастия к литературе по военной истории (все биографы отмечают его исключительно большой интерес к истории в целом и к военной истории в частности^[59]). «Однако, несмотря на ее предостережения, отец (Дуайт. – Р.И.) приносил домой книги о Наполеоне и Гражданской войне (в США. – Р.И.) и, читая их, прятал под кровать»^[60]. Убедившись, что пристрастие сына к такого рода литературе выходит за рамки чисто детского интереса, мать, следуя своему принципу не оказывать давления на сыновей при решении важных для них вопросов, перестала вмешиваться.

Еще в детстве Эйзенхауэр прочитал много книг о Ганнибале, Наполеоне и других великих полководцах. Обладая цепкой памятью, он на всю жизнь запомнил многие детали величайших сражений прошлого, чем немало поражал своих коллег по военной службе.

Конечно, Айк, отдавая дань мальчишеским интересам, читал и приключенческую литературу. Наибольшее впечатление на юного читателя произвели «Прогресс пилигримов» Баньяна, история о добре и зле, выдержанная в церковных традициях, «Белая компания» Конан Дойля, приключенческий роман о подвигах рыцарей, и «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена^[61]. В доме одного из абилинцев, Джо Хоу, была довольно обширная по тем временам библиотека. Дуайт стал частым ее посетителем, а хозяин много делал для того, чтобы привить мальчику вкус к серьезному чтению. Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что Эйзенхауэр не читал ничего, кроме популярных вестернов.

Быстро пролетела юность. Не за горами было окончание школы. По мере приближения этого события Дуайт проявлял все больший интерес к учебе. Школу он закончил неплохо, получив вполне приличные оценки. Особых успехов Дуайт добился в изучении истории, математики и английского языка. Среди 31 выпускника школы фамилия будущего президента стояла по успеваемости на третьем месте^[62].

Эдгар и Дуайт закончили школу в один год. По традиции, каждому выпускнику предсказывали его будущее. Дуайт не имел никаких планов и не чувствовал склонности к какой-либо определенной профессии. Кроме большого интереса к спорту, в котором он с каждым годом все более преуспевал, Айка ничто по-настоящему не интересовало. Когда решался вопрос, что ждет лучшего спортсмена Абилина в будущем, было высказано мнение, что он «станет профессором истории Йельского университета». Куда более благосклонны были местные оракулы к судьбе Эдгара. Ему единодушно предсказали, что он «дважды будет президентом Соединенных Штатов Америки»^[63].

У Эдгара были значительно более скромные запросы. Он мечтал отправиться в Мичиганский университет изучать право. Но родители не имели необходимых средств, чтобы платить за учебу сына.

Взаимная выручка была законом для братьев Эйзенхауэров. Если в детстве она проявлялась главным образом в мальчишеских потасовках, то теперь настала пора серьезных решений. Дуайт, не определивший своего жизненного пути после окончания школы, предложил Эдгару помощь. Эдгар отправился в далекий Мичиган, а Дуайт устроился работать на маслобойню и регулярно посылал Эду все заработанные деньги, за исключением того, что тратил на покупку патронов для охоты, к которой пристрастился еще в школьные годы. Была у Айка и еще одна статья расходов – свидания с его первой симпатией, рыжеволосой Раби Ньюмен, которая, помимо других достоинств, выделялась среди сверстниц тем, что хорошо играла на скрипке.

«Дуайту шел 20-й год. Красивый, крепкий, широкоплечий блондин, старательный работник... он начинал понимать, как использовать свою привлекательную улыбку, чтобы очаровывать людей и в то же время держать их на расстоянии, не компрометируя себя. У него было смутное чувство, что он плывет по течению. Дуайт должен был что-то делать, но он не был уверен в том, что он этого хочет»^[64].

Среди многочисленных друзей Дуайта в Абилине был сын местного врача Свид Хезлетт. Рослый и крепкий парень, он, однако, был добродушен и не драчлив. Следствие этого – довольно частые неприятности, с которыми Свид сталкивался на улицах Абилина. Ему перепадало даже от младших, более слабых мальчишек, не говоря уже о сверстниках. Дуайт был для Свида чем-то вроде громоотвода при общении с задиристыми потомками почтенных абилинцев. Аик справлялся с этой ролью успешно и без видимых усилий. Мальчишеская привязанность друг к другу с годами переросла в настоящую дружбу. «Наша крепкая дружба, – вспоминал Эйзенхауэр, – продолжалась до дня его смерти в 1958 г. Наша переписка за эти сорок с лишним лет составила бы солидный том. Я использовал ее в моих мемуарах «Годы в Белом доме», потому что Свид Хезлетт был одним из тех людей, с кем я был откровенен»^[65].

Именно Хезлетту Эйзенхауэр был обязан выбором профессий, определившей его дальнейшую судьбу. Свид предложил Дуайту поступить в военно-морскую академию. Такой выбор открывал новые, невиданные в условиях Абилина перспективы для совершенствования таланта Айка-футболиста. Далеко не последнюю роль играла и

возможность бесплатно получить образование. Айк никогда не видел моря и никогда не помышлял о карьере морского офицера, но аргументы, изложенные другом, были неотразимы, и решение было принято.

Позднее оказалось, что имелась вакансия только для поступления в общевойсковое училище (по американской терминологии – академию) в Вест-Пойнте, которую Дуайт решил использовать. Никогда еще он не занимался с таким упорством. Благополучно сдав экзамены, Эйзенхауэр стал кадетом Вест-Пойнта.

Еще один сын нашел свое место в жизни, но это не вызвало радости в доме на 4-й Юго-Восточной улице Абилина. Мать не проронила ни слова осуждения в адрес сына за выбор профессии. В роду Эйзенхауэров на протяжении 400 лет не было военных. Но одной из отличительных черт Дуайта Эйзенхауэра был прагматизм, и при выборе профессии он не стал руководствоваться традиционными воззрениями членов секты, к которой принадлежало несколько поколений его предков. Когда его личные планы этого потребовали, он отбросил религиозные предрассудки и выбрал военную карьеру.

И в дальнейшем Эйзенхауэр при решении кардинальных вопросов придерживался чисто прагматической точки зрения. Став президентом США, Эйзенхауэр, не колеблясь, отрекся от религиозных взглядов менонитов и примкнул к пресвитерианской церкви. Это укрепляло его позиции среди верующих избирателей.

Когда Дуайт сообщил матери радостную для него весть о зачислении в академию Вест-Пойнта, он впервые увидел, как она плачет.

Но решение было принято раз и навсегда. Был сделан шаг, открывавший перед Эйзенхауэром перспективы, о которых никто в его родном Абилине не мог и мечтать.

Спустя пять месяцев, в июне 1911 г., Дуайт распрощался с семьей, друзьями, с Абилином. «Уезжая, он не оглянулся назад. И в дальнейшем Дуайт всегда смотрел только вперед, устремленный к новым целям, проблемам, начинаниям»^[66].

ГЛАВА II

АРМИЯ

Один из биографов назвал главу, посвященную решению Эйзенхауэра стать военным, «Солдат по недоразумению». Случайный характер выбора им военной профессии отмечают многие исследователи. Сам Дуайт отрицал это. Отвечая на вопросы Б. Корнитцер, президент сказал, что он не согласен с утверждением его брата Эдгара, заявившего, что Дуайт поступил в Вест-Пойнт, привлеченный перспективой получить бесплатное образование. «С лукавой иронией в глазах президент сказал, что, насколько ему припоминается, в молодые годы он всегда зарабатывал больше Эдгара. Он утверждал, что всегда мог заработать себе на образование»^[67].

В Вест-Пойнте кадет Дуайт Эйзенхауэр не очень утруждал себя учебой и не являлся образцом дисциплинированности. Условия академии вполне устраивали его. Не последнюю роль для Дуайта, выросшего в скромной семье и знавшего цену деньгам, играло и то обстоятельство, что денежное содержание кадета Вест-Пойнта составляло 936 долл. в год^[68] – солидную по тем временам сумму.

С присущей американцам точностью биографы Эйзенхауэра отмечали, что, поступив в Вест-Пойнт, он имел рост 5 футов и 10,5 дюйма и был одним из самых рослых юношей. Поэтому его определили в роту «Р», куда зачислялись самые высокие кадеты. Это обстоятельство очень льстило его самолюбию. С самого начала учебы в Вест-Пойнте Эйзенхауэр зарекомендовал себя хорошим спортсменом. Успехи в спорте, столь популярном в академии, делали его авторитетом среди товарищей по учебе. Дуайт быстро и прочно вошел в среду кадетов Вест-Пойнта, в чем ему немало помогла способность располагать к себе окружающих, находить возможность устанавливать и укреплять контакты с людьми самых различных взглядов, интересов, характеров.

В Вест-Пойнте он нашел то, о чем мечтал, поступая в академию: перед ним открылась блестящая спортивная карьера. В сезоне 1912 г. Дуайт впервые выступил в соревнованиях по американскому футболу, сыграв за команду младших курсов. И уже первое выступление Эйзенхауэра обратило на себя внимание специалистов этой самой популярной в США спортивной игры. Эйзенхауэр был включен в сборную команду американской армии. Газеты единодушно «предсказывали Айку всеамериканскую известность»^[69].

Преуспевал Дуайт и в других видах спорта – боксе, борьбе, фехтовании, плавании. О волевом, решительном кадете говорили, что, «если будет необходимость, он вплавь преодолеет Ла-Манш, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу»^[70]. Знаменательное предвидение!

Футбол был и остался первой и самой сильной любовью Эйзенхауэра в спорте. «Его имя и портреты появились во всех спортивных изданиях. Когда команда армии выступала против «Карлслайских индейцев», Айк играл против Большого Джима Торна, который уже тогда был легендарной фигурой». «Канзасский циклон», «Торнадо из Канзаса» и другие лестные эпитеты замелькали на страницах многих газет и журналов США, информировавших своих читателей о матчах с участием Дуайта. Мнение о новом игроке было единодушным:

всходила новая звезда первой величины не только армейского, но и всеамериканского футбола.

Футбольная карьера Айка была яркой, но очень непродолжительной. В одной из первых же игр он получил тяжелую травму колена и его унесли с поля. Тридцать дней Эйзенхауэр пролежал в госпитале. Хирург Вест-Пойнта доктор Келлер, выписывая больного, предупредил его о необходимости впредь быть осторожным и постоянно помнить о поврежденном колене. Покидая госпиталь, Дуайт искренне поблагодарил доктора за лечение и полезные советы. «Не благодарите меня, – ответил Келлер, – я делаю это в интересах службы. Мы не можем позволить себе потерять такого хавбека, как вы»^[71].

Но с футболом все же пришлось распрощаться. Вскоре после возвращения в строй Дуайт вместе с другими кадетами участвовал в отработке приемов верховой езды. В то время как другие кадеты на всем скаку лихо спрыгивали на землю и тут же стремительно вскакивали в седло, он спокойно сидел на лошади, не спеша делая круг за кругом. Недалекий служака-тренер, не поинтересовавшись причиной столь странного поведения, публично оскорбил его, назвав симулянтом. Взбешенный Дуайт, ни слова не говоря, начал выполнять приемы высшей верховой езды. Вскоре острая боль пронзила колено, и с манежа в госпиталь товарищи привели Эйзенхауэра под руки. «Это был конец футбольной карьеры Дуайта и почти конец его военной карьеры». Два с половиной года спустя, во время прохождения предвыпускной медицинской комиссии, доктор Келлер высказал серьезные опасения о пригодности Дуайта к службе в армии^[72].

Тяжелая травма давала о себе знать всю жизнь, и нередко ему приходилось прибегать к помощи эластичного бинта. Теперь о футболе не могло быть и речи. Правда, небольшой компенсацией за эту жертву была в будущем успешная работа Дуайта в качестве тренера армейских футбольных команд. Однако он не оставил занятий спортом – играл в бейсбол, плавал, успешно занимался гимнастикой. Уже в зрелые годы, по свидетельству его сына Джона, Эйзенхауэр без труда выполнял сложнейшие упражнения на брусьях, доступные только профессиональным гимнастам, и даже после пятидесяти лет хорошо играл в теннис. До глубокой старости он оставался большим любителем игры в гольф^[73]. Регулярные занятия спортом развили его природную силу. Один из биографов Эйзенхауэра отмечал, что много лет спустя после окончания Вест-Пойнта он мог трижды подтянуться на одной руке^[74].

Крах футбольной карьеры явился для Айка самым тяжелым моральным ударом за время учебы в академии. Были и более мелкие неприятности. В частности, в конце первого года обучения кадет Эйзенхауэр сделал свой первый шаг по служебной лестнице – ему было присвоено звание капрала. Однако вскоре его вновь разжаловали в рядовые, так как дисциплина капрала Эйзенхауэра продолжала хромать на обе ноги.

Когда в 1952 г. Дуайт Эйзенхауэр одержал победу на президентских выборах, он получил из Вест-Пойнта выписку из архивов, в которой перечислялись все многочисленные и разнообразные взыскания, которые он коллекционировал за годы учебы в Вест-Пойнте. Перечень этот был очень впечатляющим. Чаще всего он получал дисциплинарные взыскания за то, что не очень торопился просыпаться по сигналу «Подъем!». На него буквально сыпались взыскания за опоздания в столовую, за нарушение формы одежды, за опоздание в строй и нарушение порядка в нем, за хранение под кроватью грязных ботинок, за опоздание на вечернюю проверку, за курение в запрещенном месте и даже за опоздания на занятия физкультурой. Однажды взыскание было вынесено за то, что во время инспекционной

проверки он заснул.

Похоже, что перенесенная травма вызвала нечто вроде травмы психологической. Если первый год обучения он закончил 57-м из 212 человек, занимавшихся на курсе, то на следующий год среди 177 кадетов, оставшихся на курсе, он был только 81-м.

В 1913 г., согласно правилам Вест-Пойнта, Дуайт получил право съездить на месяц домой. Это было первое в жизни возвращение в Абилин после продолжительной, двухлетней, отлучки. Поезд пришел в городок ночью. Никто не встречал Айка, так как о своем приезде он не сообщил. Небольшой отрезок пути от станции до дома Дуайт пробежал на одном дыхании. И вот наконец родной порог и мать с фонарем в руках.

Дома Дуайта ждали перемены. Отец наконец оставил свою многолетнюю работу на маслобойне и стал управляющим на недавно построенном газовом заводе. Родители мало изменились за прошедшие два года, только при встрече с матерью Дуайт почувствовал в ее поведении какую-то несвойственную ей раньше слабость, размягченность. Да и сам Аик не мог оставаться спокойным, видя как растрогана и обрадована мать внезапным приездом сына.

В доме оставались только два младших брата – Эрл и Милтон, для которых появление Айка в блестящей, никогда не виданной ранее в Абилине кадетской форме было больше чем праздником. Эрл вспоминал, что Дуайт был героем города и с удовольствием играл эту роль. «Он старался произвести на нас впечатление своей эрудицией и поведением, не упускал случая надеть военную вестпойнтскую форму и пройтись по городу... Но я должен признать, что он это сделал всего несколько раз»^[75].

Одним из первых друзей детства, встреченных Айком в Абилине, был Уэсли Мерифильд, противник Эйзенхауэра по знаменитому кулачному бою, определившему в свое время абсолютного чемпиона городка по боксу. От него и узнал Дуайт о негре Дирке Тилере, работавшем привратником в местной парикмахерской. Этот молодой здоровяк был неплохим боксером и даже выезжал несколько раз в Канзас-Сити на профессиональные встречи по боксу. Дирк без ложной скромности утверждал, что он выиграет бой у любого боксера Канзаса, и выражал желание помериться силой с Дуайтом.

На поединок, происходивший недалеко от парикмахерской, в которой работал Дирк, собралась большая толпа любопытных. Среди зрителей мелькали даже намыленные физиономии клиентов из парикмахерской, которые не хотели упустить столь волнующего зрелища. Когда начался бой, Эйзенхауэр понял, что поставил перед собой нелегкую задачу. Его противник был высок и крепко сбит. Мускулы под его черной кожей перекатывались, как бейсбольные мячи. Ко всему еще заныло больное колено, перетянутое эластичным бинтом.

На этот раз бой был по всем правилам. Боксеры выступали в настоящих перчатках. Роль судьи на ринге выполнял хозяин парикмахерской, который пришел сюда вместе со всеми своими подручными. Во втором раунде Дуайт одержал победу.

Безобидный эпизод юности будущего президента, воспроизведенный во многих биографиях Дуайта Эйзенхауэра. В годы «холодной войны» и этот эпизод получил свою «идеологическую» оценку. Вскоре после избрания Эйзенхауэра президентом США одна из советских газет писала, что, будучи слушателем Вест-Пойнта, он «избил» негра.

Быстро пролетел отпуск. Надо было возвращаться в Вест-Пойнт, к военной муштре, к жесткой дисциплине, которая так мало импонировала молодому парню из глухого канзасского городка. Эйзенхауэру с его силой воли, настойчивостью, воспитанным в традициях американского Запада чувством личного достоинства было очень нелегко

переносить муштру, характерную для Вест-Пойнта. Такой вывод можно сделать на основании воспоминаний целого ряда товарищей Эйзенхауэра по академии, его учителей и командиров. Так, полковник Герман Бьюкейм, преподаватель военной истории, бывший в свое время сокурсником Эйзенхауэра, подчеркивал в своих воспоминаниях, что Дуайт был очень независимым человеком, настоящим индивидуалистом по отношению к вест-пойнтскому начальству. Вместе с тем он пользовался большим авторитетом у кадетов^[76].

Товарищ Эйзенхауэра по академии полковник Гетшел вспоминал спустя много лет, что он был человеком сильного характера, обладая редким качеством – умел слушать своего собеседника, не прерывая ненужными репликами, мог быстро ориентироваться и вносить необходимые предложения, анализировать обстановку. «Он всегда был доброжелательным и готовым прийти на помощь. Умел сквозь пальцы смотреть на ошибки, если был уверен в честности ошибавшегося, но не спускал тем, кто грубо ошибался. Эйзенхауэр редко терял контроль над собой. А если так случалось, то для этого были очень основательные причины»^[77].

Один из преподавателей Вест-Пойнта вспоминал: «Эйзенхауэр был очень располагающим к себе человеком. С ним легко было работать. Он понимал хорошую шутку и смеялся заразительно от всей души. Его добродушие было беспредельным. Но когда он выходил из себя, это было неудержимо. Он просто-напросто взрывался»^[78].

Впрочем, характеристики Эйзенхауэра не всегда были положительными, зачастую они противоречили друг другу. Если, например, один из его команды утверждал, что он «рожден командовать», то другой наставник заявлял прямо противоположное: «Мы не видим в нем человека, который отдаст себя военной службе целиком, в такой степени, чтобы это имело определяющий характер»^[79].

Помимо чисто военных предметов, академия в Вест-Пойнте давала своим слушателям образование в объеме полного курса колледжа. И вполне естественно, что в круг учебных обязанностей кадетов входило изучение многих предметов. Иностранные языки явно не давались Эйзенхауэру. Зато, как и в школьные годы, он с большим интересом изучал в Вест-Пойнте историю и математику. Однажды на занятиях по математике он даже нашел новый, более рациональный, чем предлагалось в учебнике, способ решения сложной математической задачи.

12 июня 1915 г. наступил торжественный день окончания академии. По традиции на церемонию выпуска новых офицеров были приглашены их родители. Из далекого Абилина в Вест-Пойнт приехали мать и отец Дуайта.

Неудачу, которую кадет Эйзенхауэр потерпел в конце первого года обучения, когда его лишили только что присвоенного звания, он в дальнейшем преодолел, вновь получив звание капрала, потом сержанта и наконец старшего сержанта. Его успехи были далеко не блестящи. Среди 168 выпускников своего класса он занимал лишь 61-е место, по поведению стоял в списке 125-м. Правда, по ряду чисто военных дисциплин, в частности по инженерной подготовке, артиллерийскому делу и по другим предметам его показатели были выше^[80].

Таковы были довольно скромные итоги четырехлетней учебы. Они выглядели особенно слабо на фоне значительных достижений других выпускников курса. Этот выпуск Вест-Пойнта вообще вошел в историю вооруженных сил США: из 168 выпускников 56 дослужились до генеральского звания^[81]. Был среди них и Омар Брэдли, известный

военачальник армии США в годы Второй мировой войны. 12 июня 1915 г. решением экзаменационной комиссии выпускнику академии Вест-Пойнта Дуайту Эйзенхауэру было присвоено звание лейтенанта армии США. Его перспективы в армии не были особенно обнадеживающими: невысокие оценки, полученные в результате четырехлетней учебы, и тяжелое повреждение колена не сулили ничего хорошего. Эйзенхауэр даже подумывал о том, что лучшее решение для него – уехать в Аргентину и стать там чем-то вроде ковбоя XX в.^[82]

Впрочем, природный оптимизм не покидал Дуайта. Он был убежден, что получит назначение на Филиппины, и даже приобрел белую форму, необходимую для службы в тропиках. Но надежды Эйзенхауэра не оправдались. Вместо экзотических филиппинских островов его направили в захолустный форт Сэм Хьюстон, недалеко от Сан-Антонио, штат Техас^[83].

15 сентября 1915 г. выпускник Вест-Пойнта лейтенант Эйзенхауэр прибыл к месту назначения. Это было возвращение в штат, где он родился, в знакомые прерии Запада. Жизнерадостный лейтенант был доволен: в Техасе все было, почти как дома – бескрайние просторы, ковбои, такие же, как в Канзасе, климат и ландшафт. В свободное от службы время Дуайт любил оседлать коня и промчатся галопом по безбрежным прериям.

Монотонная служба в отдаленном форте скрашивалась общением с сослуживцами и столь любимой им карточной игрой. Офицеры форта нередко навещали в соседний Сан-Антонио. Это был старинный испанский город, претендовавший на то, чтобы считаться американским, – так писал о Сан-Антонио один из техасских авторов. Молодые brave офицеры были желанными женихами для местных невест, и в многочисленных церквах Сан-Антонио нередко проходили обряды бракосочетания между ними и девушками из лучших семей города.

Начиная с 1910 г. в Сан-Антонио с сентября по март постоянно проживала семья Даудов из Денвера. Джон Дауд, глава семьи, был крупным бизнесменом, который сделал быструю и успешную деловую карьеру. Тяжело больная дочь Даудов Элеонора по предписанию врачей должна была в это время года находиться в районе с теплым климатом. Поэтому супруги Дауды и их четыре дочери приезжали в Сан-Антонио, где сразу же окунались в «светскую» жизнь города, неотъемлемым атрибутом которой было общение с офицерами расквартированных поблизости воинских частей. – В 1912 г. Элеонора умерла, но Дауды продолжали проводить зиму в Сан-Антонио, так как остальные три дочери не отличались крепким здоровьем. Вскоре после приезда в форт Сэм Хьюстон Дуайт Эйзенхауэр был представлен одной из них. «Ее настоящее имя было Мария, но все называли ее Мэми»^[84]. Это была хрупкая, болезненная, но очень красивая девушка, лечившаяся в Сан-Антонио от ревматизма.

Молодой лейтенант не был особенно горячим поклонником прекрасного пола. Во всяком случае, он не намеревался жениться. Более того, он был даже членом негласного общества, являвшегося чем-то вроде кружка женоненавистников. В «общество», помимо, Айка входили еще два его товарища. Они были настолько «последовательными» холостяками, что все трое женились спустя год после окончания Вест-Пойнта.

Восемнадцатилетняя Мэми произвела огромное впечатление на Дуайта. Решение было быстрым и окончательным: эта девушка должна стать его женой. Но задача была не из легких. Красивая и богатая Мэми Дауд имела много поклонников, и молодому лейтенанту пришлось вести настоящую осаду дома своей избранницы. Когда на следующий день Мэми вернулась с прогулки, слуга доложил ей, что «каждые пятнадцать минут звонил какой-то

мистер с неразборчивой фамилией»^[85]. На все предложения Дуайта о встрече девушка отвечала вежливым, но решительным отказом. Так продолжалось довольно долго, хотя молодой широкоплечий лейтенант был далеко не безразличен ей. Да и ее родители сочли неудобным отказывать в посещении дома представителю столь уважаемых в Сан-Антонио военных кругов.

Наконец Дуайт был приглашен в дом. Новый кавалер Мэми произвел на семью очень благоприятное впечатление. Он был обаятелен, выдержан, умел в спокойной, ненавязчивой манере поддержать разговор. Среди поклонников мисс Дауд было немало офицеров более высокого ранга, которые могли предложить ей значительно больше, чем молодой Эйзенхауэр^[86]. И все же предпочтение было отдано именно ему.

Эта победа была особенно значительной, если учесть, что жениха и невесту разделяла настоящая социальная пропасть. Однако Дуайта «ни в коей мере не смущала разница в экономическом и социальном положении Даудов и Эйзенхауэров»^[87].

1 июля 1916 г. молодые люди стали мужем и женой. В тот же день Дуайт получил своеобразный свадебный подарок от своего начальства. Ему было присвоено звание старшего лейтенанта.

Теперь предстояло посетить Абилин. Дуайт немало волновался перед этой поездкой: как встретит мать невестку? Опасения оказались напрасными. Родители, так и не дождавшиеся рождения собственной дочери, встретили Мэми исключительно тепло и радушно. Она была принята в доме Эйзенхауэров как действительно родной и по-настоящему близкий человек. Единственное, пожалуй, что не нравилось Иде в миловидной и приветливой невестке, это ее привычка называть мужа Айком. Когда вскоре после женитьбы Мэми писала в Абилин, что они приобрели с Айком моторную лодку и в свободное время с удовольствием совершают на ней прогулки, Ида отвечала: «Все это хорошо. Но кто этот Айк, с которым ты катаешься на лодке?»^[88].

Здесь, в Абилине, произошла и первая размолвка между молодыми супругами. Вскоре после приезда к родителям Дуайт по старой холостяцкой привычке пошел в любимое кафе. Час проходил за часом, а Дуайт все не возвращался. Свекровь успокоила невестку, сказав, что сын отправился на встречу с друзьями и играет в карты. Мэми предъявила супругу жесткий ультиматум: прекратить игру и немедленно возвратиться домой. Дуайт ответил, что это не в его правилах. Домой он вернулся в два часа ночи. Неизвестно, о чем говорили в ту ночь Дуайт и Мэми, но все биографы отмечают, что отныне Эйзенхауэр всегда согласовывал свои развлечения с мнением жены. В частности, в президентские годы, когда он получал приглашение друзей на партию в бридж или гольф, Эйзенхауэр принимал такие предложения, только учитывая ее мнение.

Когда Дуайт надел военную форму с лейтенантскими погонами, в Европе уже год шла Первая мировая война. Влияние изоляционистов, противников вступления США в европейскую войну, было очень значительным, но участие в ней сулило такие огромные прибыли американскому монополистическому капиталу, что вопрос этот был, по существу, предрешен. Однако правящие круги Соединенных Штатов не спешили ввязываться в мировую бойню, считая, что еще не настало время делить богатые военные трофеи.

Воздействие европейских событий на США в значительной мере амортизировалось безбрежными просторами Атлантики, отделявшими страну от европейского театра военных действий, но с каждым годом оно становилось все более отчетливым в сфере и политики, и экономики.

Развитие событий на далеких фронтах Европы заставило каждого кадрового военного определить свое место с учетом неизбежного участия США в войне. Дуайт Эйзенхауэр принял решение поступить в авиацию – совершенно новый вид вооруженных сил, который только начинал создаваться. Он относился к тем немногим в то время военным служащим, которые предвидели большие перспективы военной авиации, имеющей реальную ценность^[89].

Накануне женитьбы лейтенант Эйзенхауэр получил приглашение пройти медицинский осмотр для поступления в военно-воздушные силы. Как он отмечал в своих мемуарах, его влекло в авиацию не только то новое и неизведанное, что было связано с ней. Им руководили и чисто прозаические соображения – оклад офицеров в авиации был вдвое выше, чем в пехоте.

Но Дуайту не суждено было стать военным летчиком. На семейном совете Даудов было решено, что это слишком рискованная профессия, причем это мнение разделяли и Мэми, и ее родители. Мистер Дауд без всяких дипломатических ухищрений заявил Эйзенхауэру, что если он не пересмотрит свое решение, то Дауды возьмут назад свое согласие на брак дочери. Подумав сутки над предложением будущего тестя, Аик капитулировал, принесся на алтарь семейного счастья мечты об авиации. Это был первый и, пожалуй, последний случай вмешательства Мэми в решения Дуайта военного характера.

Эйзенхауэры жили скромно. От родителей Мэми они не получали какой-либо материальной поддержки, а небольшое жалованье младшего офицера не позволяло претендовать на условия, к которым привыкла дочь Даудов. Материальные трудности были тем более значительными, что первое время в скромной военной квартире Эйзенхауэров не было даже кухни и обеды в ресторане ощутимо сказывались на бюджете молодой семьи. Но постепенно все наладилось. Мэми научилась готовить, нередко своими кулинарными способностями блистал и Дуайт. Супруги жили тихой, не очень богатой впечатлениями жизнью армейского гарнизона. Однако всюду, куда бы ни забрасывала их бродячая военная судьба, создавался «клуб Эйзенхауэров». Общительный, легко сходящийся с людьми, Дуайт всегда имел множество друзей. А обаятельная, приветливая хозяйка умела создать в доме приятную, непринужденную обстановку. И всегда на огонек к Эйзенхауэрам спешили сослуживцы, чтобы провести в этом доме свой досуг. Даже после рождения 24 сентября 1917 г.^[90] сына, названного в честь деда Дэвидом, «клуб Эйзенхауэров» продолжал функционировать, хотя рождение ребенка и ограничивало возможности молодых родителей общаться с друзьями.

6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии. Перед американскими профессиональными военными теперь открывались новые перспективы. И не случайно, что спустя несколько дней после вступления США в войну Эйзенхауэр получил звание капитана^[91]. 1 апреля 1917 г. Дуайт прибыл на новое место службы, в 57-й пехотный полк, расквартированный в Леон-Спрингсе, Штат Техас. Полк готовился к отправке за океан, чтобы принять участие в военных действиях. Это было исполнением мечты Эйзенхауэра. Участие в войне давало ему возможность сделать карьеру и создавало необходимые условия для познания на деле всех тонкостей военного искусства.

Эйзенхауэр работал с большим напряжением, готовясь к ответственной миссии участия в боях на фронтах Европы. В 57-м полку Дуайт впервые продемонстрировал свои организаторские способности. «Талант Эйзенхауэра к конструктивному руководству убедительно проявлялся в высокой боевой готовности его людей»^[92].

Оставались считанные дни до отправки полка в Европу. Дуайт даже боялся, что он уедет, не дождавшись рождения ребенка. «Однако 20 сентября 1917 г. он был отправлен инструктором в лагерь по подготовке офицеров в форте Оглеторн, в Джорджии»^[93]. Надежды, что после непродолжительной службы в Джорджии ему удастся попасть на фронт, не оправдались. 1 декабря 1917 г. он получил новое назначение – инструктором по подготовке офицеров в очередной учебный лагерь.

Судьбу Эйзенхауэра решила острая нужда в офицерских кадрах, способных быстро и квалифицированно готовить резервы для действующей армии. Молодой капитан проявил бесспорные способности в этой области, что не ускользнуло от внимания его начальства.

Эйзенхауэр участвовал в создании в вооруженных силах США первых бронетанковых частей. Он предвидел большое будущее не только авиации, но и танков, впервые появившихся на полях сражений в конце мировой войны. Дуайту предстояло «продемонстрировать свои способности в условиях новой эры механизированной войны как организатора первой американской танковой части»^[94].

Успешная деятельность Эйзенхауэра по подготовке танковой части была отмечена военным руководством, и 17 июня 1918 г. ему присвоили звание майора, а 14 октября того же года он стал подполковником танкового корпуса^[95].

За успешную работу по подготовке танкистов подполковник Эйзенхауэр был награжден медалью. В наградном документе отмечалось, что он «проявил выдающееся усердие, дар предвидения и административные способности в организации, обучении и подготовке для действий за океаном личного состава танкового корпуса»^[96]. Дуайт действительно успешно справлялся с обязанностями командира-воспитателя. «Его воинская часть стала известна как одна из лучших в армии»^[97].

Он был среди тех немногих военачальников американской армии, которые не только предсказывали большое будущее этому новому роду войск, но и правильно наметили пути развития бронетанковых войск, направления, по которым необходимо было совершенствовать это мощное оружие. Эйзенхауэр писал в «Инфантри джорнэл»: «Танки находятся в младенческом возрасте, но они уже сделали огромный шаг вперед в своем техническом совершенствовании. Им предстоит еще очень многого добиться в этом отношении. Нужно забыть о неуклюжих, неповоротливых машинах. Их место должны занять скоростные, надежные танки, обладающие большой разрушительной силой»^[98].

Истинный профессиональный военный, находящийся в тылу во время войны, очевидно, всегда испытывает какое-то моральное неудовлетворение вне зависимости от того, насколько важна для фронта его работа. Во всяком, случае Эйзенхауэр подавал рапорт за рапортом с настойчивой просьбой отправить его в действующую армию. Наконец она была удовлетворена, и Дуайт получил соответствующее разрешение начальства. Но буквально за несколько дней до отплытия в Европу пришло сообщение о подписании мира с Германией.

Созданная в годы войны огромная армия была распущена по домам. Резко сократилось число кадровых офицеров. В годы войны Эйзенхауэр получил временное звание подполковника. По правилам, принятым в армии США, в мирное время кадровый офицер может лишиться этого звания, вновь получив прежнее. Через эту неприятную процедуру прошел и подполковник Дуайт Эйзенхауэр. 2 июля 1920 г. он вновь стал майором^[99].

Эйзенхауэр стал сомневаться в правильности избранного им пути. Все чаще ему припоминались слова подруги юности Минни Стюарт, которая с товарищеской

откровенностью заявила в свое время Айку, что служба в армии «не имеет будущего». Сомнения в целесообразности продолжения военной службы казались Дуайту тем более обоснованными, что создавалось впечатление, будто «сама армия не знала, как его использовать по назначению»^[100].

В довершение всего на семью Эйзенхауэров обрушилось тяжелое несчастье – 2 января 1921 г. от скарлатины умер трехлетний Дэвид. Ребенок умирал в госпитале на руках Дуайта. Мэми, сломленная этой бедой, сама слегла с тяжелым нервным расстройством. Дуайт провел в госпитале несколько бессонных ночей. Он был бессильным свидетелем мучительной агонии сына. Смерть ребенка всей тяжестью в первую очередь обрушилась на Мэми. Все в доме напоминало об утрате. Состояние жены было ужасным, и Дуайт очень опасался за исход этого страшного испытания. Поездка в Денвер, к родителям жены, где они похоронили своего первенца, была самым тяжелым событием в жизни молодой семьи.

Смерть сына и неопределенное положение самого Эйзенхауэра угнетающе действовали на него. После окончания войны Дуайт сменил несколько второстепенных мест службы, от которых действительно не было удовлетворения ни уму ни сердцу. Именно в это время он все настойчивее подумывал, не настало ли время навсегда распрощаться с армией. Наконец фортуна вновь улыбнулась Эйзенхауэру. В 1922 г. он был направлен в зону Панамского канала, где прослужил до 19 сентября 1924 г.^[101] Должность и место службы были самыми ординарными, но ему, несомненно, повезло в том, что он попал под командование генерала Коннера, одного из самых образованных военачальников американской армии. Коннер был убежден, что «Айк далеко пойдет»^[102]. А придя к такому выводу, генерал не жалел для Эйзенхауэра ни сил, ни времени.

Коннер был глубоко убежден, что новая мировая война неизбежна. На вопрос Дуайта, когда она начнется, Коннер отвечал: «Может быть, лет через 15-20, а может быть, и через 30»^[103]. Старый генерал оперировал непроверяемыми аргументами экономического, политического и военного порядка. Его уверенность передалась и Эйзенхауэру. Раз война неизбежна, то служба в армии приобретала особый смысл, наполнялась новым содержанием.

В Панаме, как и в других местах, куда Дуайта забрасывала военная служба, их дом становился центром притяжения для сослуживцев. Особенно радушно и тепло принимали Эйзенхауэры гостей после того, как 3 августа 1923 г. Мэми родила второго сына, названного Джоном.

Дуайт был блестящим игроком в бридж. По свидетельству ряда его биографов, в США не было другого равного ему по силе игрока в эту популярную карточную игру. Но в Панаме он не часто садился за карточный стол. Штудирование военных трактатов стало для него новой, более сильной страстью.

Общение с генералом Коннером было для Айка большой школой. По рекомендации генерала он прочел огромное количество военных работ. А потом следовали долгие и обстоятельные беседы о прочитанном, в ходе которых эрудиция Коннера становилась для Дуайта неиссякаемым источником глубоких познаний в различных сферах военного искусства.

По рекомендации генерала Коннера майор Эйзенхауэр был принят в 1925 г. в командно-штабной колледж в форте Ливенворт, штат Канзас, выполнявший функции, аналогичные академии Генерального штаба. Это самое авторитетное по тем временам военное учебное заведение он окончил в 1926 г. первым по успеваемости из 275 слушателей^[104], что явилось

серьезной заявкой на будущее. В военном министерстве и в штабе армии об Эйзенхауэре заговорили как о способном и многообещающем офицере.

Отзывы начальства льстили самолюбию. Дуайт имел теперь цель в жизни, видел свое призвание в дальнейшем углублении и совершенствовании военных знаний. Но моральное неудовлетворение все же оставалось. Позади было одиннадцать лет службы в армии, а он все еще пребывал в скромном звании майора.

После окончания командно-штабного колледжа Эйзенхауэр по рекомендации генерала Коннера поехал в длительную командировку во Францию, чтобы там составить путеводитель по местам боев, в которых участвовали американские войска во время Первой мировой войны. Дуайт неоднократно выезжал на места важнейших сражений минувшей войны.

В годы «холодной войны» и эта деталь биографии будущего президента США не осталась без соответствующего комментария. Советская газета писала, что во Францию Эйзенхауэр был послан для выполнения разведывательных заданий. Показательно, что такой информации нет ни в одной работе о жизни и деятельности Эйзенхауэра.

Почти двадцать лет спустя, когда в 1944—1945 гг. Эйзенхауэр командовал союзными вооруженными силами, высадившимися во Франции, он удивлял своих коллег, вспоминая многочисленные детали, касающиеся сражений Первой мировой войны, проходивших в этих местах. Хорошее знание местности помогало ему принимать правильные решения в сложной боевой обстановке.

По возвращении в США он окончил в 1928 г. армейский военный колледж в Вашингтоне и с 1929 по 1933 г. работал в аппарате военного министра. Страна переживала трагические годы мирового экономического кризиса. Разумеется, офицерский корпус армии США не испытывал никаких материальных затруднений. Эйзенхауэру были обеспечены твердый оклад, приличная квартира. Он оставался «вне политики», в частности, ни разу не голосовал на выборах. И когда Эйзенхауэр в 1952 г. согласился баллотироваться в президенты от республиканской партии, организаторам его избирательной кампании пришлось приложить немало усилий, чтобы определить его партийную принадлежность.

Трудности внутреннего порядка, вызванные мировым экономическим кризисом, усугублялись сложной ситуацией на Тихом океане. А в далекой Европе, в Германии, к власти рвался фашизм. На международной арене все более отчетливо складывалась новая расстановка сил. Развитие событий могло внести определенные коррективы в формировавшиеся блоки и союзы. Но было очевидно одно: в случае возникновения мирового военного конфликта и вступления США в войну необходимо будет решать сложную задачу мобилизации военно-экономических ресурсов страны. В военном министерстве в те годы началась большая работа по исследованию военного потенциала США, в частности в сфере экономики, на случай начала войны. Активное участие в этой работе принимал Эйзенхауэр^[105].

В 1932 г. новый начальник штаба армии США генерал Дуглас Макартур, ссылаясь на осложнившуюся внешнеполитическую обстановку, высказался против дальнейшего сокращения численности американских вооруженных сил. Он подчеркивал, что развитие международных событий «вновь свидетельствует о том, что на договоры нельзя полагаться как на полного гаранта мира»^[106].

В октябре 1929 г. рухнула биржа. Это была экономическая катастрофа. А в ноябре 1929 г. в тиши кабинетов министерства обороны Дуайт Эйзенхауэр, возглавивший группу наиболее

подготовленных штабных работников, приступил к составлению плана мобилизации промышленного производства на случай начала новой войны. Эта работа повлекла за собой создание армейского промышленного колледжа, который давал военным возможность получить общее представление о процессах экономического характера. Эйзенхауэр участвовал в создании этого колледжа, учился в нем и одновременно читал лекции для его слушателей. К тому времени он был уже достаточно известен в военных кругах как опытный штабной работник. Но за пределами той черты, где кончалось влияние военного министерства и штаба армии, его мало кто знал.

В 1930 г. Дуглас Макартур, ознакомившись с одним обстоятельно составленным документом, поинтересовался, кем он был подготовлен. Ему назвали имя майора Эйзенхауэра. По распоряжению Макаркура автор этого документа был ему представлен. Так произошла первая встреча сорокалетнего майора Эйзенхауэра и пятидесятилетнего генерала Макаркура.

В июле 1932 г. состоялся знаменитый поход на Вашингтон ветеранов Первой мировой войны, требовавших улучшения своего материального положения. Это были те «защитники отечества», забота об интересах которых являлась «священным долгом страны». Так, во всяком случае, декларировала надпись на стене здания ветеранов в Вашингтоне.

Против демонстрантов была брошена регулярная армия. 28 июля на Пенсильвания-авеню, центральной магистрали столицы, она дала бой голодным, безоружным ветеранам. Это была одна из позорнейших страниц в истории американской армии. 2 ветерана были убиты, 50 – ранены. Карательную операцию возглавил генерал Макартур, который заявил, что «зарождается революция» и вооруженные силы должны навести порядок. Макартур приказал Эйзенхауэру и другим офицерам надеть военную форму и идти вместе с ним во главе колонны войск^[107].

За участие в этой операции Эйзенхауэр был награжден медалью. Подавление демонстрации ветеранов явилось единственной «военной» операцией, в которой до начала Второй мировой войны участвовал Эйзенхауэр. «Уже тогда майор проявил качество, укреплявшееся с годами, – осмотрительность. Он тщетно сначала уговаривал Макаркура не командовать этой «операцией», а по ее завершении избегать репортеров»^[108].

Операция против ветеранов в Вашингтоне сопровождалась мощной антикоммунистической кампанией. Президент Гувер заявлял, что руководство в ветеранских организациях захватили коммунисты. Ему вторил Макартур: «Американская коммунистическая партия... внедрилась в ветеранские группы и преднамеренно подчинила себе руководителей этих организаций»^[109].

20 февраля 1933 г. Макартур перевел Эйзенхауэра на работу в свой штаб. По свидетельству Дуайта, в его задачу входила подготовка докладов Макаркура конгрессу и публичных выступлений генерала. На этой должности, оставаясь в звании майора, Эйзенхауэр прослужил до 24 сентября 1935 г.^[110]

Макартур, ушедший с поста начальника штаба армии, был направлен американским военным советником на Филиппины, чтобы помочь создать там собственные филиппинские вооруженные силы. В качестве своего помощника он пригласил Эйзенхауэра. С опозданием на 20 лет сбылось желание Айка побывать на этих экзотических островах. Его визит явно затянулся – он пробыл здесь до 1940 г.

На Филиппинах майор Эйзенхауэр принял деятельное участие в создании военной академии, военно-воздушных сил, в организации военной подготовки гражданского

населения и разработке плана обороны островов на случай войны. С учетом надвигавшейся войны на Тихом океане работа, проводившаяся им, имела важное значение.

Помощник военного советника США находил время и для своих традиционных развлечений – бриджа, покера, гольфа. Президент Филиппин Мануэль Куэзон был заядлым картежником. Почти всегда в составе лиц, приглашенных на уикэнд к президенту, стояла фамилия Эйзенхауэра. Однако путь к сердцу президента лежал не только через карточную игру. В Эйзенхауэре Куэзона привлекали его познания в военных делах, общительность, способность расположить к себе людей, прямота. «Среди всех его выдающихся качеств, – вспоминал Куэзон, – я больше всего ценил следующее: когда бы я ни спросил Айка о его мнении, я всегда получал ответ. Он мог быть мне неприятен, это могло быть не то, что я хотел бы услышать, но это всегда был прямой и честный ответ»^[111].

1 июля 1936 г., спустя 21 год после окончания Вест-Пойнта, Дуайт получил, наконец, звание подполковника^[112]. Военная карьера явно обходила стороной ветерана армии.

На Филиппинах у него вновь проснулось старое влечение к авиации. Он освоил сложную профессию пилота, налетал необходимые 300 часов и получил в 48 лет диплом на право управлять самолетом. Эйзенхауэр был настолько уверен в своих силах, что решался брать в полеты сына^[113]. Это был большой риск, тем более что во время одного из таких полетов он едва не разбился.

Отношения между Эйзенхауэром и Макартуром по служебной линии развивались ровно, но не больше. Хотя Макартур и его супруга жили в шикарном номере из семи комнат с искусственным охлаждением в том же отеле, что и Эйзенхауэры, они никогда не встречались семьями. Аристократ Макартур любил соблюдать дистанцию между собой и своими подчиненными.

Мэми тяжело переносила тропический климат Филиппин, часто болела. Это был трудный период в ее жизни. «Годы пребывания на Филиппинах я в основном провела взаперти в двух наших комнатах, не зная, как убить свободное время»^[114], – вспоминала она позднее.

На Филиппинах между Эйзенхауэром и Макартуром произошел неприятный инцидент. Речь шла о военном параде молодой филиппинской армии. Желая показать товар лицом, продемонстрировать результаты своего труда, Макартур энергично настаивал на проведении такого парада. Эйзенхауэр же считал это ненужным и очень дорогостоящим делом. Когда решение данного вопроса вышло за рамки взаимоотношений между Макартуром и его помощником, американский военный советник допустил откровенное извращение фактов. И хотя инцидент не перерос в конфликт, а Макартур вопреки своим традициям пришел даже проводить Эйзенхауэра, когда тот покидал Филиппины, отношение последнего к своему шефу никогда впредь не выходило за рамки уважения к его военным заслугам^[115].

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Эйзенхауэр был глубоко убежден, что Соединенные Штаты неизбежно втянутся в нее. Он считал, что его место теперь на родине. Отклонив исключительно соблазнительные в финансовом отношении предложения президента Филиппин, Эйзенхауэр возвратился в США. Условия, изложенные президентом Филиппин Куэзоном, были действительно сверхсоблазнительными, «он предложил ему незаполненный контракт со словами: «Мы порвем старый контракт. Я уже подписал новый, здесь не заполнена только графа вашего вознаграждения. Заполните ее сами»^[116].

Предвидения Эйзенхауэра оправдались. Страна была накануне крупнейших военных и

политических решений.

Чтобы понять позицию Эйзенхауэра по важнейшим политическим проблемам Второй мировой войны, важно определить его отношение к войне, к причинам, ее породившим. Как для всякого профессионального военного, начало войны открывало перед ним заманчивые перспективы, возможность сделать хорошую карьеру. И тем не менее он «воспринял ее начало как катастрофу». В день начала войны Дуайт Эйзенхауэр писал брату Милтону: «После многих месяцев судорожных усилий умиловать и задобрить безумца, правящего Германией, Британию и Францию загнали в угол, из которого они могут выбраться только с боями. Это печальный день для Европы и всего цивилизованного мира...»^[117].

ГЛАВА III

ВОЙНА

Эйзенхауэр вернулся в США в феврале 1940 г. и получил назначение в 15-й пехотный полк, находившийся в Калифорнии^[118]. Неизбежность вступления США в войну становилась все более очевидной. Надо было спешить с подготовкой резервов. В Калифорнии по распоряжению командования он занялся обучением национальной гвардии, чтобы поднять подготовку этих территориальных воинских формирований до уровня требований, предъявляемых к регулярным войскам^[119]. История повторялась. Как и в годы Первой мировой войны, он вновь взялся за подготовку военных резервов, что совершенно его не устраивало. Эйзенхауэр обращается во все инстанции с просьбой дать ему возможность получить командную, а не штабную должность.

Но и на этот раз его надеждам не суждено было сбыться. Пришлось сначала работать в штабе 9-го армейского корпуса, а 11 марта 1941 г. он возглавил штаб 3-й армии. Штаб армии находился в столь знакомом Дуайту Сан-Антонио, где он в 1915 г. молодым лейтенантом начинал свою военную карьеру. Но теперь Эйзенхауэр уже получил первую генеральскую звезду, став временным бригадным генералом^[120].

Когда-то он мечтал дослужиться до полковника. Теперь был уже перейден заветный генеральский рубеж.

Все происходило так же стремительно, как развивались военные события в далекой Европе. А впереди были новые чины и должности, которые ему даже и не снились.

Теперь Эйзенхауэру прочили блестящее будущее. Когда он занял должность начальника штаба 3-й армии, из Вашингтона к нему был прислан в качестве заместителя Альфред Грюнтер (впоследствии – преемник Эйзенхауэра на посту главнокомандующего войсками НАТО в Европе), только что получивший звание подполковника. Генерал-лейтенант Макнейер, напутствуя его, сказал: «Вам очень повезло, что вы получили это назначение. Тщательно смотрите, как работает Эйзенхауэр. Судьба предназначила его для больших дел»^[121].

Самоотверженность, полная самоотдача, работа на пределе физических сил – все это было характерно для Эйзенхауэра на протяжении всей его многолетней службы в армии.

Для такого образа жизни надо было обладать не только высокой организованностью, аккуратностью во всем, но и незаурядной физической подготовкой. «В пятьдесят лет он был в прекрасной физической форме... Большинство малознакомых людей давали ему на десять лет меньше его настоящего возраста. Занятия на свежем воздухе и учеба войск восстановили его былую мощь. Широкоплечий и широкогрудый, он по-прежнему обладал естественной грацией атлета. Тело его всегда было пружинистым. Он ходил упруго, размахивая руками и все замечая».

Дополняя портрет Эйзенхауэра, С. Амброуз продолжал: «Голос его был глубок и громок. В разговоре он живо жестикулировал, отсчитывая на пальцах свои аргументы. Его способность концентрироваться развилась сильнее, чем когда бы то ни было. Взгляд его внимательных голубых глаз приковывал слушателя...

Эйзенхауэр обладал живым умом, идеи теснились в его голове, поэтому речь иногда была слишком быстрой. Весь его облик буквально излучал уверенность в себе. Он хорошо исполнял свое дело и знал это, а также знал, что его начальство видит его достоинства. Он был готов к выполнению трудных задач, к ревностному служению армии и нации»^[122].

А пока Эйзенхауэр готовился к грандиозным военным маневрам, равных которым не знала история вооруженных сил страны. Из двухмиллионной армии, созданной к тому времени в США, в этой операции, максимально приближенной к боевой обстановке, участвовало 400 тыс. человек, около 800 самолетов, большое количество танков и другой военной техники^[123]. Известные вашингтонские обозреватели Дрю Пирсон и Роберт Аллен, освещавшие ход маневров, сообщили читателям, что Эйзенхауэр «разработал и осуществил победоносную стратегическую линию»^[124]. Огорчало одно: даже на маневрах ему вновь была отведена не командная, а штабная роль.

Начальник штаба армии США генерал Маршалл после окончания этих учений утвердился в своем мнении об Эйзенхауэре как о перспективном военачальнике. Вскоре после завершения маневров Маршалл попросил сотрудника своего штаба Марка Кларка порекомендовать десять кандидатур, из которых можно было бы выбрать начальника оперативного управления штаба армии США. Кларк, не задумываясь, ответил, что в его списке будет стоять только одно имя – Дуайт Эйзенхауэр. Очевидно, мнение Кларка, его старого товарища по Вест-Пойнту, соответствовало точке зрения самого Маршалла, потому что Айк вскоре был утвержден в этой должности.

Авторы критических исследований жизни и деятельности Эйзенхауэра часто сожалеют, что Маршалл не написал своих мемуаров, и поэтому осталось неясным, как он лично относился к Эйзенхауэру. Чайльдс считает, например, что это отношение было далеко не лучшим. В частности, в виде аргумента он ссылается на то, что Маршалл был единственным, кто выступил против выдвижения Эйзенхауэра кандидатом в президенты^[125].

Этот аргумент относится к совершенно другому периоду, что же касается военных лет, то все источники подтверждают, что Маршалл высоко ценил военные способности Эйзенхауэра и соответствующим образом относился к нему. Помимо других качеств, Маршаллу импонировала такая черта Дуайта, как готовность откровенно высказать свое мнение. Показательно, например, что после событий в Пёрл-Харборе он был первым, кто со всей определенностью заявил Маршаллу о невозможности впредь удерживать Филиппины^[126].

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, невиданная в истории по масштабам военных действий, по массовому героизму и самопожертвованию, которые проявил в годы этих тяжелейших испытаний советский народ. С первого дня Великой Отечественной войны и до безоговорочной капитуляции фашистской Германии огромный советско-германский фронт был главным театром военных действий. С беспримерным героизмом ведя упорнейшие бои, советские Вооруженные Силы отражали натиск врага.

Судьба Второй мировой войны решалась на Восточном фронте. Это стало очевидным с самого начала боев на советско-германском фронте. И тем не менее в политике правящих кругов США, несмотря на то что национальные интересы страны требовали разгрома фашистской Германии, продолжала сказываться инерция антисоветского внешнеполитического курса предвоенного периода. Суть этой политики сводилась к поощрению германского и японского милитаризма, агрессивных действий стран фашистского блока, направленных против СССР. Закон о нейтралитете, принятый

конгрессом США в 1935 г., политика «умиротворения» агрессоров, проводившаяся правительством США в отношении Германии и Японии, мюнхенский сговор – таковы были важнейшие внешнеполитические вехи антисоветского курса западных держав. США пока находились вне войны, но неумолимо приближался день и час расплаты за политику «умиротворения».

В воскресенье, 7 декабря 1941 г., с утра Эйзенхауэр посетил свой офис, чтобы завершить кое-какую работу перед поездкой с Мэми в Вест-Пойнт, где в это время учился их сын Джон. Вернувшись домой и намереваясь в три часа вновь отправиться на работу, Дуайт прилег отдохнуть и попросил, чтобы его никто не беспокоил. Мэми включила в одной из комнат радио и стала слушать репортаж о футбольном матче. Вскоре передача была прервана, и взволнованный голос диктора объявил о нападении японцев на Пёрл-Харбор. Мэми бросилась в спальню к Дуайту. Она не успела войти в комнату, как возле кровати мужа зазвонил телефон. Мэми слышала краткие реплики Эйзенхауэра: «Да? Когда? Да, сэр!»

Это была война! 14 декабря по вызову Маршалла Эйзенхауэр прибыл в Вашингтон. 19 февраля 1942 г. он был утвержден в должности начальника управления планирования военных операций штаба армии США^[127].

В Москве с напряженным вниманием следили за тем, какова будет реакция Берлина на Пёрл-Харбор. И декабря иностранные агентства сообщили, что вечером в рейхстаге Гитлер произнесет важную речь.

В. М. Бережков, принимавший участие в качестве переводчика советских руководителей во многих международных встречах и переговорах в предвоенный и военный период, был свидетелем реакции И. В. Сталина и В. М. Молотова на речь Гитлера.

11 декабря В. М. Бережкова вызвал к себе Молотов и сказал, что «товарищ Сталин интересуется этой речью и хочет поскорее знать ее содержание». Радиоприемник был быстро настроен на берлинскую волну, Молотов и Бережков с напряженным вниманием вслушивались в речь «фюрера германского народа».

«Спустя минут десять после того как Гитлер начал речь, – вспоминал Бережков, – на письменном столе зазвонил зеленый телефон – это был аппарат, по которому мог звонить только Сталин. Быстро подойдя к столу, Молотов снял трубку. Вопросов я, естественно, не слышал, но, хотя мое внимание было сосредоточено на приемнике, все же каким-то вторым слухом улавливал, что отвечал Молотов: – Да, уже начал... пока общие фразы... Еще неясно, что они решили...»

Напряженное внимание, с которым Сталин ждал речь Гитлера, объяснимо: решался важнейший вопрос Второй мировой войны.

«Гитлер, – писал В. М. Бережков, – прокричал, что разрывает отношения с Соединенными Штатами и объявляет им войну...»

Как только я перевел последнюю фразу, Молотов подошел к зеленому телефону, набрал номер. Услышав ответ, сказал: – Они объявили войну Соединенным Штатам... Как поступит Япония?.. Об этом ничего не говорил, но, конечно, вопрос важный... Я тоже думаю, что вряд ли. Немцы сейчас получили такой урок в Подмоскowie, что в Токио трижды должны подумать, прежде чем решиться на действия против нас...»^[128].

После того как США оказались в состоянии войны с Японией и Германией, основная задача Эйзенхауэра заключалась в разработке операций, связанных с войной на Тихом океане. Однако Эйзенхауэр уже в то время считал, что решающие военные действия будут развертываться в Европе. На вопрос, каково должно быть основное направление

стратегических усилий США, он заявлял: «Мы должны отправиться в Европу и сражаться там, надо прекратить разбрасывание наших ресурсов по всему миру». На вопрос, почему он считает необходимым нанести первый удар по Германии, Эйзенхауэр отвечал: «У немцев более значительные возможности для промышленного производства и более высокая научная подготовка, чем у японцев. Мы не должны предоставлять немцам время для использования этих преимуществ». Эйзенхауэр неоднократно подчеркивал, что Европа, а не Тихий океан должна стать главным театром военных действий^[129].

Точка зрения Эйзенхауэра по вопросу об открытии второго фронта, как она трактуется в его мемуарах и апологетических работах, посвященных его жизни и деятельности, полностью укладывается в трактовку этой проблемы, данную в официальном 80-томном издании «Армия США во Второй мировой войне» и в других официальных работах американских историков.

Даже Ч. Макдональд, американский историк, автор работы, в которой содержится немало критических замечаний в адрес американской стратегии в период Второй мировой войны^[130], полностью разделяет убеждение, что США объявили Германию врагом «номер один». По его мнению, «ни президент, ни его военные советники не проявляли колебаний в своей верности принципу разгромить в первую очередь Германию и Италию»^[131].

Со вступления США в войну начался стремительный взлет карьеры Эйзенхауэра, который как бы наверстывал все, что было им упущено раньше. Решением президента ему было присвоено звание генерал-майора, немедленно утвержденное сенатом. Спустя шесть дней управление, возглавленное Эйзенхауэром, было переименовано в оперативное. В военном министерстве это управление называли «главным нервным центром армии»^[132].

Когда вскоре после вступления США в войну в Вашингтон прибыл премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, Эйзенхауэр был приглашен в Белый дом. Основная задача премьера заключалась в выработке направления главного удара объединенных англо-американских вооруженных сил. Начальник оперативного управления явно импонировал британскому премьеру. «На меня, – говорил впоследствии Черчилль, – этот замечательный, ранее не известный мне человек произвел исключительное впечатление»^[133].

Страшный удар, обрушившийся на Пёрл-Харбор, захват Филиппин и другие успешные операции японцев на Тихом океане требовали от руководящего военного аппарата США больших усилий в выработке стратегических планов, которые должны были определить военно-политическую концепцию США на весь период войны.

Эйзенхауэр продемонстрировал в этот момент не только серьезные познания в военных делах, но и удивительную работоспособность.

В это время Эйзенхауэра постигло большое несчастье, 10 марта 1942 г. после длительной болезни умер его отец. Дуайт вспоминал: «Когда пришло сообщение о смерти отца, я был заместителем генерала Маршалла по оперативному управлению. Выехать на похороны было невозможно. Но и заниматься делами, как в обычное время, я не мог»^[134]. Эйзенхауэр тяжело переживал смерть отца. 11 марта 1942 г. он писал в своем дневнике: «Чувствую себя ужасно. Я так хотел бы быть с матерью в эти дни, но идет война. И нелегкая война, она не оставляет времени, чтобы предаваться даже самым глубоким и святым чувствам»^[135]. На следующий день в дневнике появилась новая запись: «Отца похоронили сегодня. Я прервал на 30 минут все дела и прием посетителей, чтобы остаться наедине с собой и мысленно вернуться к отцу»^[136]. А в далеком Абилине оставалась старая мать, которая в свои 80 с

лишним лет была теперь совсем одинока – судьба разбросала сыновей по всем уголкам страны. Но на душе стало немного легче, когда с похорон отца вернулся Милтон и рассказал Дуайту, что давний друг их семьи переехал в дом матери, чтобы скрасить ее одиночество. Милтон сообщил, что старый Дэвид Эйзенхауэр сумел из своих скромных средств скопить немного денег, чтобы обеспечить остаток дней своей жены.

Стремительный ход событий не позволял предаваться грустным воспоминаниям, и Дуайт Эйзенхауэр вновь с головой ушел в решение повседневных проблем. Первые недели и месяцы войны были периодом тяжелых физических и нервных перегрузок. 14-18-часовой рабочий день, серьезная ответственность, необходимость быстрого принятия решений – все это заставляло целиком отдаваться работе. Эти сверхнагрузки оказались по плечу Дуайту. Коллеги Эйзенхауэра, жена и сын поражались его работоспособности, выдержке, умению быстро отключаться от огромного бремени ответственности и, когда было необходимо, «моментально и глубоко засыпать»^[137].

Переговоры государственных и военных руководителей США и Англии в Вашингтоне только «в принципе» решили вопрос, где употребить основные усилия. Предстояло сделать еще многое, чтобы определить, как и когда будет воплощаться в жизнь это решение.

С фронтов поступали угрожающие сводки. На огромном фронте в России, где были сосредоточены главные силы фашистской Германии и ее союзников, шли тяжелейшие кровопролитные бои. Япония развертывала успешные наступательные операции на Тихом океане. Немецкие подводные лодки наносили значительный ущерб американскому флоту в Атлантике. А в это время Черчилль настойчиво сражался за свой вариант операций в Европе. Премьер-министр Великобритании, не возражая (опять-таки «в принципе») против нанесения удара через Ла-Манш, решительно требовал, чтобы западные союзники в первую очередь нанесли удары в Северной Африке и через «мягкое подбрюшье Европы», с юга Европейского континента, в направлении на Балканы.

Трудно согласиться с широко распространенной в западной историографии точкой зрения, которая полностью разделяется и в мемуарах Эйзенхауэра, что США упорно сопротивлялись, но не могли противостоять силе и энергии Черчилля.

По отношению к США Англия и в то время была младшим партнером, который всегда знает свое место. Суть проблемы сводилась к тому, что политическая инициатива в этом вопросе, бесспорно, принадлежала Черчиллю, но его точка зрения не получила какого-либо серьезного противодействия со стороны руководителей США.

В данной позиции Черчилля сказывалась определенная инерция политика периода Первой мировой войны, когда он вынашивал аналогичные планы, но решающую роль играли соображения политического порядка. В Северной Африке Англия имела важные колониальные интересы, осуществлению которых она и стремилась подчинить военно-политические усилия союзников. Открыто политические цели преследовал Черчилль и в районе «мягкого подбрюшья Европы». По старой традиции английские лидеры не спешили брать на себя основное бремя осуществления тяжелых и кровопролитных военных операций, стараясь, между тем, быть первыми всюду, где приходило время пожинать плоды общих побед. Антисоветская направленность балканского варианта политики Черчилля была очевидна. Цель удара в этом направлении заключалась в том, чтобы помешать советским Вооруженным Силам выполнить их освободительную миссию на Балканах. Расчет строился на том, что западные союзники первыми придут в этот район.

Один из ведущих американских дипломатов, У. Буллит, 10 августа 1943 г. в меморандуме

на имя президента Рузвельта писал: «Наши политические цели требуют присутствия британских и американских сил на Балканах, в Восточной и Центральной Европе... Первая задача этих сил будет состоять в том, чтобы нанести поражение гитлеровской Германии, вторая – создать преграды на пути продвижения Красной Армии в Европу»^[138]. Английская позиция стала особенно очевидной в ходе англоамериканских переговоров, которые в апреле 1942 г. вели в Лондоне Маршалл и Гопкинс. Их результат носил на себе отпечаток компромисса далеко не принципиального характера. Американская сторона не могла добиться в Лондоне ничего, кроме согласия «в принципе» на необходимость нанести главный удар в Европе.

В беседах с Маршаллом после его возвращения в Вашингтон Эйзенхауэр заявил: «Все, что будет делаться в районе Средиземноморья или еще где-либо, явится только прелюдией к наступлению на западе». Открытие второго фронта в Европе в тот период было важнейшим вопросом Второй мировой войны с учетом необходимости скорейшего разгрома держав «оси» и выполнения Англией и США своих союзнических обязательств перед СССР. 26 мая 1942 г. в Лондон прибыли руководители американских военно-воздушных и военно-морских сил. В составе этой группы находился и генерал-майор Дуайт Эйзенхауэр, «танковый эксперт», как говорилось в газетных сообщениях^[139].

На берегах Темзы шел разговор о детализации военных планов западных союзников. Эйзенхауэр, исходя из военных соображений, был сторонником открытия второго фронта в Европе, имея в виду операции по форсированию Ла-Манша и высадке во Франции. Когда 3 июня 1942 г. американская военная делегация вернулась в Вашингтон, Маршалл поручил ему разработать проект директив по осуществлению этой принципиально важной операции Второй мировой войны.

8 июня 1942 г. он представил соответствующий документ на рассмотрение своего начальника^[140]. Еще раньше Маршалл запросил мнение Эйзенхауэра о том, кого из американских генералов он мог бы предложить на пост командующего Европейским театром военных действий, Эйзенхауэр назвал кандидатуру генерала ВВС Д. Макнарнея. «Вместо этого, – вспоминал Дуайт, – Маршалл направил в Лондон командовать Европейским театром военных действий меня. Это по-настоящему приблизило меня к войне. Кабинетная работа в Вашингтоне осталась позади»^[141]. Предложение Маршалла было для Эйзенхауэра полной неожиданностью. Он не переоценивал своих возможностей, ведь, когда он впервые прибыл в Вашингтон, пределом его надежд было получить командование дивизией.

Времени на раздумья и укомплектование своего штаба в Лондоне новому командующему было дано немного. Разговор с Маршаллом состоялся 15 июня. В тот же день Айк сообщил своему начальнику, что он вылетает в Англию 22 июня.

Какими соображениями руководствовался Маршалл, назначая Эйзенхауэра на столь ответственный пост? Бесспорно, в первую очередь чисто деловыми. Совместная работа убедила его в том, что это достаточно компетентный военный руководитель. Немаловажную роль сыграли и личные качества Эйзенхауэра: спокойный, уравновешенный, располагающий к себе генерал был подходящей кандидатурой для решения сложных дипломатических проблем, которые неизбежно должны были возникнуть во взаимоотношениях между американским и английским генералитетами. Ведь военная интеграция таких масштабов, когда вооруженные силы великой державы должны были перейти, по существу, под полное командование иностранного военачальника, – случай чрезвычайный.

При решении вопроса о выборе главнокомандующего в Европе Рузвельт и Маршалл запросили мнение английских коллег о нескольких кандидатах на эту важную должность. Англичане ответили, что Эйзенхауэр является самым подходящим лицом и что с ним легко будет «кооперироваться». Рузвельт и Маршалл учитывали, что проблемы взаимодействия действительно будут иметь исключительно большое значение^[142]. Так была решена судьба Эйзенхауэра.

Маршалл и Эйзенхауэр имели во многом близкие взгляды на стратегические проблемы войны. Однако сходство этих двух натур на этом кончалось. Маршалл, например, был суховат и не отличался большим чувством юмора. Его контакты с Дуайтом никогда не выходили за те рамки, которые устанавливает военная субординация для начальника и подчиненного. Показательно, что Маршалл никогда не называл своего более молодого коллегу Айком, как это обычно делало подавляющее большинство американцев; Эйзенхауэр при обращении к своему шефу всегда говорил «сэр», подчеркивая тем самым и уважение к своему патрону, и служебную дистанцию, которая их разделяла. «Посылая его в Англию в 1942 г., Маршалл не ожидал, что Эйзенхауэр останется на этом командном посту до безоговорочной капитуляции Германии»^[143].

Вопрос о назначении главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе представлял немалый интерес и для Москвы. Уже больше года шли ожесточенные бои на советско-германском фронте, в ходе которых Красная Армия несла огромные людские потери. Немецко-фашистские войска оккупировали обширную территорию, на которой находились важные промышленные районы, потеря которых создала серьезные проблемы для снабжения вооруженных сил всем, что было необходимо для ведения военных действий.

Перспективы эффективного военно-политического сотрудничества СССР и западных союзников во многом зависели от того, кто займет пост главнокомандующего вооруженными силами США и Англии в Европе, какую политику он будет проводить.

Все эти вопросы и в первую очередь проблема открытия второго фронта в Европе находились в центре внимания посольства СССР в США.

14 августа 1942 г. советник советского посольства в Вашингтоне А. А. Громько направил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову пространное письмо, в котором говорилось о том, что, «несмотря на требования миллионов (американских граждан. – Р. И.) об открытии второго фронта в Европе в нынешнем 1942 г., нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к этому». А. А. Громько писал, что «среди командного состава армии США антисоветские настроения были особенно сильны... Подавляющее большинство из генералитета армии США питали надежду и сейчас ее еще не оставили на истощение и гитлеровской армии и Советского Союза».

Советник советского посольства делал вывод: «Вторая группа генералитета США... все еще лелеет надежду на сговор с Гитлером». А. А. Громько писал: «Еще хуже настроения среди командного состава флота США». В документе подчеркивалось, «что в последнее время предпринимаются меры к ослаблению пропаганды за открытие второго фронта... лица, выступавшие за открытие второго фронта в Европе в 1942 г., предупреждались, что если они будут продолжать себя вести подобным образом, то они будут просто арестованы»^[144].

Письмо А. А. Громько получило резко критическую оценку в американском отделе народного комиссариата иностранных дел. В аннотации на этот документ, подготовленной

американским отделом, говорилось: «Тов. Громько, делая очень ответственные заявления в своем письме, вместе с тем не подкрепляет эти заявления фактами». В частности, отмечалось, что, «говоря о позиции «второй группы» из генералитета США, которая «все еще лелеет надежду на сговор с Гитлером», тов. Громько для подкрепления этого очень важного момента не смог привести ни одного факта, ни одного заявления представителей этой «второй группы...»

В аннотации были резко раскритикованы голословные выводы А. А. Громько о «врагах» во флоте», о попытках в США ослабить пропаганду открытия второго фронта и другие положения его письма В. М. Молотову. В заключение в аннотации делался вывод: «Необходимо, чтобы наши ответственные товарищи за границей каждое свое заявление, каждый свой вывод серьезно взвешивали бы, делали свои выводы, опираясь на не вызывающие никакого сомнения факты»^[145].

А. А. Громько много и подробно рассказывал в своем письме к В. М. Молотову о том, какие острые противоречия разделяют США и Англию в вопросе о назначении главнокомандующего объединенными вооруженными силами западных союзников. «Немало разговоров среди американских военных, – говорилось в этом документе, – ведется о необходимости объединенного англо-американского командования и общем главнокомандующем... решение еще не достигнуто... обе стороны хотят иметь своего человека (на этом посту. – Р. И.)»^[146].

Советское посольство в Вашингтоне проявляло большой интерес к генералу Эйзенхауэру, назначенному на пост главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе. Однако этот интерес отнюдь не всегда удавалось удовлетворить.

В дневнике посла СССР в США М. М. Литвинова отмечалось, что 27 июня 1942 г. состоялась его встреча с государственным секретарем Кордэллом Хэллом. «Когда... я его спросил, – писал Литвинов, – в чем будут функции недавно назначенного главнокомандующего европейскими фронтами генерала Эйзенхауэра и будет ли он работать отдельно или при британском генштабе, Хэлл признался, что президент ему об этом ничего не сообщил»^[147].

В июне 1942 г., получив новое, столь обнадеживающее для себя назначение, Дуайт занялся решением многочисленных проблем, связанных с предстоящим отъездом за океан. Он захотел взять с собой в Лондон рассудительного штабного генерала Марка Кларка. Маршалл без колебаний дал на это согласие. Будучи хорошим штабным и оперативным работником, Эйзенхауэр понимал, что успех миссии в Лондоне во многом будет зависеть от того, кто возглавит его штаб. Выбор пал на бригадного генерала Уолтера Беделла Смита, секретаря Объединенного комитета начальников штабов.

Эйзенхауэр пригласил отправиться в Лондон ранее работавшего с ним майора Текси Ли и получил его согласие. Помощником и советником Дуайта по военно-морским делам стал молодой офицер ВМС Гарри Батчер, рекомендованный Айку Милтоном. Все эти люди были ему хорошо знакомы и с деловой и с личной точек зрения. На них он мог рассчитывать при выполнении новых ответственных обязанностей, возложенных на него президентом и военным командованием.

Неожиданно пришло сообщение о том, что в возрасте 49 лет скоропостижно скончался брат Дуайта – Рой. И вновь дела не позволили Эйзенхауэру вылететь на похороны. Приближался день отъезда, который надолго отрывал его от родины и семьи.

Из Вест-Пойнта приехал в Вашингтон проститься с отцом девятнадцатилетний Джон.

Визит сына был недолгим. Военная дисциплина, нежелание подрывать авторитет отца не позволили Джону долго задерживаться в столице^[148]. Прощание было коротким. Поцеловав мать, он пожал руку отцу. Пройдя несколько шагов, Джон остановился и отдал отцу воинскую честь. В традициях семьи Эйзенхауэров поцелуи и прочие эмоции были не в почете.

Дуайт расстался с женой на пороге дома. Он не хотел, чтобы Мэми ехала провожать его в аэропорт. «Но я хочу, – сказал он, – увидеть тебя возле флагштока». В назначенное время, когда самолет пролетал над домом Эйзенхауэров в форте Миер, пригороде Вашингтона, возле основания флагштока Дуайт заметил маленькую человеческую фигурку. Самолет взял курс в заданном направлении.

По прибытии в Лондон была организована первая пресс-конференция Эйзенхауэра для английских и американских журналистов. На ее участников произвели хорошее впечатление простая и естественная манера Айка держаться и говорить, его дружелюбное отношение к журналистам, располагающая улыбка. Но они были в определенной мере разочарованы содержанием его выступления. Как сообщал корреспондент «Нью-Йорк таймс», Эйзенхауэр «блестяще продемонстрировал искусство вести оживленную беседу, не говоря практически ни о чем»^[149].

Перед ним стояла сложная задача – создать из американцев, англичан, канадцев вооруженные силы, способные выполнять важные боевые задачи. Определенную роль в военных усилиях будущей армии вторжения должны были сыграть и представители вооруженных формирований ряда стран, оккупированных фашистской Германией. Национальные особенности и традиции, неизбежное соперничество между генералами, представляющими эти страны, не говоря уже о различиях в системе боевой подготовки войск, снабжения, языке, – все это ставило перед Эйзенхауэром серьезные проблемы. Он отмечал в своих мемуарах, что полностью отдавал себе отчет в тех трудностях, которые его ожидают в Англии^[150].

И пожалуй, самая важная задача заключалась в том, чтобы укрепить единство между американцами и англичанами, не допустить всплеска националистических страстей. А угроза этого была вполне реальна. Вскоре после прибытия в Лондон Эйзенхауэру пришлось заняться воспитательной работой среди американских военнослужащих. Он не останавливался даже перед такими решительными мерами, как высылка в США американских офицеров, поведение которых задевало национальные чувства англичан.

Одному американскому полковнику после его ссоры с английским офицером Эйзенхауэр заявил: «Я согласен с Вашими аргументами и признаю Вашу правоту в этом споре... Вас можно даже извинить за то, что Вы обозвали его сволочью. Но Вы назвали его английской сволочью. За это я отправляю Вас домой»^[151]. Случай этот был далеко не единичным.

Кандидатура Эйзенхауэра на пост, имевший столь важное значение, была подходящей и с деловой точки зрения. Он был общевойсковым генералом, а именно сухопутные войска должны были сыграть решающую роль в будущих операциях вторжения на континент. Осуществление этой сложной военной акции требовало большой подготовительной работы. И здесь был необходим многолетний опыт Эйзенхауэра-штабиста, его организаторские способности. Главной опорной силой наступающих союзных армий должны были стать бронетанковые войска. Эйзенхауэр по праву считался «танковым экспертом». Немаловажной была и роль авиации. Аик знал проблемы, связанные с ВВС, не только в теоретическом, но и в практическом плане.

И все же ему было очень трудно как в профессиональном, так и в чисто личном плане. У него «не было имени», его мало знали не только в английской, но и в американской армии. Он не имел никакого боевого опыта, никогда не командовал в военное время даже ротой.

И наконец, у Эйзенхауэра было скромное и совсем недавно присвоенное звание генерал-майора. Когда Дуайт прибыл в Лондон, то в его подчинении оказалось 366 генералов, которые были выше его рангом^[152].

Организуя работу своего штаба в Англии, Эйзенхауэр, очевидно, вспомнив бюрократизм, присущий Макар-туру, заявил своим подчиненным: «Мы будем работать в условиях максимального отсутствия формализма, не для отчета, а для того, чтобы выиграть войну. Я всегда буду стремиться быть вам полезным, но я хочу, чтобы вы сами решали свои проблемы, а не полагались на меня»^[153].

Эйзенхауэр постепенно устанавливал контакты со своими английскими коллегами. Успешному решению этой задачи во многом способствовали присущие ему простота в общении с людьми и деловой демократизм. Но было и немало трудностей. Англичане, например, никак не могли смириться с его привычкой называть своих американских и британских коллег сокращенными именами. С некоторыми представителями английского генералитета отношения так и остались натянутыми.

В первую очередь это относилось к Монтгомери. Уже во время первого приезда Эйзенхауэра в Лондон у него произошел неприятный инцидент с Монтгомери. Дуайт был приглашен на его лекцию. Вскоре после начала выступления английского генерала заядлый курильщик Эйзенхауэр не удержался от искушения сделать пару затяжек. Сразу же раздался громкий раздраженный голос докладчика: «Кто курит?» – «Я», – ответил Эйзенхауэр. «Я не разрешаю курить в моем кабинете», – строго заметил Монтгомери. Дуайт молча погасил сигарету. Этот мелкий, но неприятный случай не повлиял отрицательно на отношение Эйзенхауэра к Монтгомери, не поколебал его мнения об английском военачальнике. Он говорил, что это человек «решительного характера, исключительно энергичный, обладающий большими профессиональными достоинствами»^[154]. Однако личные отношения между двумя генералами оставались сложными. И в 1944—1945 гг. во время боев в Европе упрямый Монтгомери попортил немало крови Айку.

Эйзенхауэр познакомился с традициями чопорного высшего света английской столицы. После первых же посещений фешенебельных лондонских клубов он получил много полезной информации: во многих клубах было запрещено курить, поведение посетителей жесточайше регламентировалось. Однажды Эйзенхауэр потерял всю вторую половину дня. Он посчитал неудобным отказаться от ланча с королем Норвегии. Однако оказалось, что никто не имеет права вставать из-за стола раньше короля. Монарх же, очевидно, находясь в хорошем настроении, никак не хотел уходить. А в штабе ждали неотложные дела! 4 июля, в День независимости, Эйзенхауэр по долгу службы посетил американское посольство. Ему пришлось сделать в этот день 2600 рукопожатий^[155]. Это переполнило чашу его терпения. В дальнейшем он избегал подобных церемоний. В ответ на приглашение посетить те или иные протокольные встречи Эйзенхауэр любил отвечать: «Не могу. У меня свидание в Берлине»^[156].

Вставал Эйзенхауэр в 6.15 утра, его рабочий день продолжался не менее 12 часов. Отправлялся спать он нередко далеко за полночь. Обычно на ночь генерал любил почитать вестерны, последние издания которых Мэми регулярно присылала ему из США. Айк утверждал, что это лучшее чтение, потому что, читая ковбойские истории, «не надо

думать»^[157].

Единственным человеком в Лондоне, предложения которого о встрече он никогда не отклонял, был Уинстон Черчилль. Каждый вторник они встречались за ланчем на Даунинг-стрит, 10. Черчилль регулярно приглашал его на обеды, между ними устанавливались деловые отношения, для которых был характерен значительный элемент взаимной симпатии.

Более того, Черчилль расценивал Эйзенхауэра как «великого, творческого, конструктивного и разностороннего гения»^[158].

Доброжелательные личные отношения между руководителями союзных держав всегда являются важным фактором, способствующим успешному функционированию союза.

Сразу же после Пёрл-Харбора премьер-министр Великобритании вылетел в Вашингтон для встречи с Рузвельтом. Черчилля исключительно тепло и радушно приняли в Белом доме. Ему были выделены апартаменты вблизи помещений президента, рядом находилась и спальня большого личного друга Рузвельта Гарри Гопкинса, который пользовался особым доверием президента.

Этот первый визит Черчилля в США продолжался более трех недель и, по свидетельству Гопкинса, отличался исключительной теплотой и доверительностью. Оба лидера встречались в непринужденной обстановке за обеденным столом. Рузвельт готовил Черчиллю коктейли, а последний настаивал на том, чтобы ему было дано право выкатывать президента из гостиной в кресле-коляске.

Для неофициального, подлинно товарищеского характера этой встречи показательна история, к которой любил возвращаться Гарри Гопкинс. Однажды утром Рузвельт появился в комнате Черчилля и застал его выходящим из ванной комнаты в чем мать родила. Смущенный Рузвельт извинился и хотел ретироваться, Черчилль воспротивился его намерению и сказал: «Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов»^[159].

7 июля 1942 г. Эйзенхауэру было присвоено временное звание генерал-лейтенанта^[160]. Его военная карьера была беспрецедентной. За 16 месяцев – четвертое воинское звание. Менее года назад он стал полковником – предел его амбиций в свое время, а теперь был уже одним из 16 генерал-лейтенантов армии США.

Главнокомандующий оказался человеком очень неприхотливым. К еде он был практически безразличен и ел то, что ему предлагали. Пил Эйзенхауэр очень мало. Как он однажды заметил, его голова занята слишком серьезными проблемами, чтобы давать ей еще такие перегрузки, как алкоголь. «Он относился к спиртному так же внимательно и осторожно, как солдат к заряженному оружию»^[161].

Но генерал был заядлым курильщиком. Зачастую ему не хватало двух пачек сигарет в день. Тяжелые физические и нервные перегрузки привели к тому, что у Эйзенхауэра все чаще начало подниматься кровяное давление. Тогда сотрудники штаба стали вводить для него табачную квоту. Генерал реагировал на это вполне миролюбиво.

Однажды Эйзенхауэр бросил замечание, что не мешало бы завести в хозяйстве американского штаба небольшую собачонку. Генерал утверждал, что ему хотелось бы иметь рядом с собой живое существо, которое не станет задавать вопросов о войне, а если он скажет что-либо не подлежащее разглашению, то это не будет распространяться. 14 октября 1942 г., в день рождения Эйзенхауэра, сотрудники штаба подарили ему маленькую черную собачку, которую тот возил по всем фронтам.

Эйзенхауэр регулярно, но очень кратко писал домой. Его письма были похожи на резюме военных докладов, а интересующие Мэми и Джона детали жизни Дуайта в Лондоне в изобилии сообщал в США ординарец Мики, который аккуратно отправлял Мэми подробные письма.

В Англии Эйзенхауэра окружали близкие ему люди. С Батчером они были давно знакомы семьями. Ли являлся его помощником еще в США. Ординарец Мики, приехавший с ним в Лондон, быстро и ненавязчиво вошел в своеобразный «семейный круг», сложившийся вокруг Эйзенхауэра по прибытии в Лондон. Старый друг по Вест-Пойнту генерал Кларк и другие тоже относились к числу людей, с которыми ему было легко работать, кто мог скрасить столь редко появлявшийся у Эйзенхауэра досуг.

Постепенно в круг близких к Айку людей вошла и Кэй Саммерсбай – высокая, стройная, темноволосая девушка, прикомандированная к нему англичанами в качестве личного шофера. Когда Кэй пришлось впервые везти Эйзенхауэра, девушка была очень разочарована, ведь ее пассажир имел всего одну генеральскую звезду. Самолюбие Кэй было задето тем, что ее подруги-шоферы имели пассажиров более высокого ранга.

Но постепенно отношения между генералом и водителем налаживались, чему способствовало внимательное отношение Эйзенхауэра к своему шоферу. Никогда и ничем генерал не подчеркнул той дистанции, которая разделяла командующего и дочь подполковника британской армии. А быстрая военная карьера Эйзенхауэра удовлетворяла амбиции шофера, которая могла теперь подчеркнуть перед подругами и высокий ранг «своего» пассажира, и его обходительность. Более того, ей не раз пришлось возить и «самого» Уинстона Черчилля. Находясь в хорошем настроении, премьер любил пошутить. «Не потеряйте генерала в Лондоне»^[162], – сказал однажды премьер Кэй. Опасения на этот счет были излишни. Кэй «не потеряла» Айку, она провела с ним всю войну. Получив офицерское звание, она впоследствии стала личным секретарем главнокомандующего вооруженными силами западных союзников.

Готовясь к будущим боям, союзники перебрасывали на Британские острова живую силу и технику. Потери конвоев были огромны, в частности тех, которые направлялись в Советский Союз. Только в июне 1942 г. из 34 судов, шедших в Мурманск, 23 были потоплены. Из 200 тыс. т груза погибло 130 тыс. т. В мае и июне более 1,5 млн т груза погибло в результате действий немецких подводных лодок. Всего за первую половину 1942 г. было потеряно более 4 млн т грузов. «Это была арифметика отчаяния. Казалось, что вынести такие потери невозможно»^[163].

Потери на море создавали большие сложности для англо-американских вооруженных сил. Эйзенхауэр писал в дневнике: «Мы должны добиться того, чтобы сократить эти потери, так как любые военные усилия, которые мы хотели бы предпринять, зависят от морских коммуникаций»^[164].

Вопрос об англо-американских поставках военной техники и снаряжения в СССР заслуживает особого внимания. Уже 18 июля 1942 г. Черчилль, который рассчитывал, как он говорил, увидеть «германскую армию в могиле, а Россию – на операционном столе», известил Советское правительство о прекращении отправки конвоев Северным морским путем, по которому доставлялось большинство грузов из-за рубежа для Советского Союза.

Советское правительство заявило решительный протест, но ни США, ни Англия не пересмотрели своего решения. Лишь в октябре и декабре 1942 г. они направили в СССР два конвоя. К концу 1942 г. согласованная программа поставок в СССР была выполнена только

на 55%.

Все эти факты свидетельствуют о том, что американские историки, в том числе и биографы Эйзенхауэра, явно переоценивают роль англо-американской военной помощи СССР.

Не эти поставки, а героический труд советского народа позволил оснастить вооруженные силы страны всем, что было необходимо для достижения победы. Уже в 1942 г. советская промышленность сумела резко увеличить выпуск боевой техники: было произведено 25 436 самолетов, 24 446 танков, более 158 тыс. орудий и минометов, 15 кораблей основных классов^[165].

Постепенно в Англии накапливалось все больше американских и канадских войск, боевой техники, военного снаряжения. Когда-то должно было прийти время пустить все это в ход.

В мемуарах Эйзенхауэра и в пятитомном собрании документов, посвященных его деятельности в годы войны, неоднократно указывается на то, что западные союзники должны были иметь необходимый минимум сил для форсирования Ла-Манша и последующего успешного ведения наступательных операций против вермахта в Европе.

Объективные возможности для этого были созданы уже в 1942 г. Сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Москвой и мощное контрнаступление Красной Армии, последовавшее за этим, сосредоточение на советско-германском фронте основных сил гитлеровской Германии и ее союзников – все это создавало необходимые условия для успешного стратегического удара по Германии с запада. В 1942 г. в вооруженных силах США и Англии уже насчитывалось около 10 млн человек, и военно-политическая обстановка требовала, чтобы они наконец были использованы для нанесения решающего удара по фашистской Германии. Это было единственной возможностью оказать действенную помощь СССР, несшему основную тяжесть войны, ускорить разгром стран фашистского блока и сократить потери.

Военные, государственные и политические лидеры союзников, в том числе и Эйзенхауэр, неоднократно высказывали свое восхищение героической борьбой Красной Армии, которая вела тяжелейшие бои с немецко-фашистскими полчищами. Но Англия и США не спешили выполнять свои союзнические обязательства перед СССР путем открытия второго фронта в Европе.

В середине июля 1942 г. в Лондон прилетел Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Эрнст Кинг и личный представитель президента Рузвельта Гарри Гопкинс. На повестку дня в ходе англо-американских переговоров был поставлен вопрос об открытии второго фронта в Европе. «Маршалл и Эйзенхауэр выступали за форсирование Канала (Ла-Манша. – Р. И.), чтобы ...нанести удар непосредственно по Германии»^[166]. Англичане выдвинули свой вариант союзной стратегии, настаивая на проведении операций в Северной Африке. После оживленных дебатов выполнение обещания советскому союзнику открыть второй фронт в Европе в 1942 г. было отложено. Американцы согласились на вторжение англоамериканских вооруженных сил на Средиземноморское побережье Африки.

Согласие американской стороны на это английское предложение очень напоминало капитуляцию. Назначение американского генерала Эйзенхауэра командовать этой операцией, получившей кодовое название «Факел», походило на определенную компенсацию американцам за лояльность к требованиям Великобритании. «Генерал

Эйзенхауэр, который играл важную роль в составлении планов вторжения в Европу... в конечном счете пришел к выводу, что лучше использовать войска в Северной Африке, чем держать их без дела в ожидании открытия второго фронта во Франции»^[167]. От открытия второго фронта в 1942 г., что было обещано Черчиллем Сталину, союзники отказались.

В многочисленных мемуарах и "исторических трактатах, опубликованных на Западе, выискиваются самые различные аргументы для оправдания этого англо-американского решения, суть которого была бесспорна: «Англия и США не выполнили своего решения открыть второй фронт в Европе в 1942 г.»^[168]. Это позволило гитлеровскому командованию сосредоточить на советско-германском фронте 266 дивизий, из них 193 немецкие – почти в 1,5 раза больше, чем в 1941 г. Отказ открыть второй фронт в 1942 г. был «грубейшим нарушением союзнических обязательств перед СССР»^[169].

Главную роль в планах срыва открытия второго фронта в согласованные с советским союзником сроки, безусловно, играл Черчилль. Его позиция в этом вопросе выглядела тем более неприглядной, что он прекрасно понимал, в сколь тяжелом положении была Красная Армия. Например, 4 марта 1942 г., демонстрируя незаурядный дар предвидения, Черчилль писал Рузвельту: «...весной немцы нанесут России самый страшный удар»^[170].

Выступая с требованиями отложить в очередной раз открытие второго фронта, Черчилль явно играл с огнем, проявлял настоящий авантюризм. Дело в том, что у него были серьезные сомнения в вопросе о том, не рухнет ли Советский Союз под страшными ударами мощной немецкой военной машины. Например, 27 июля 1942 г., когда на юге советско-германского фронта развертывалось мощное немецкое наступление, Черчилль сообщал Рузвельту, что он допускал возможность того, что «русский фронт не выдержит»^[171]. Если дела были столь тревожны на советско-германском фронте, значит, было логичным все делать для скорейшего открытия второго фронта. У британского премьер-министра логика была чисто политического характера: максимально ослабить Советский Союз в борьбе с Германией и создать тем самым благоприятные для Запада позиции в будущих схватках с советским союзником после окончания войны.

Высадка союзников в Северной Африке означала на практике, что открытие второго фронта в Европе вновь откладывается на неопределенно длительный срок. В этом нашел свое проявление курс Черчилля, не встречавший какого-либо противодействия со стороны США, на изматывание сил советского союзника в борьбе с мощной немецкой военной машиной.

На мой взгляд, была еще одна причина, почему Черчилль столь настойчиво ратовал за реализацию плана «Факел» и за балканский вариант стратегии англо-американских союзников, за их удар в область «мягкого подбрюшья» Европы.

И Северная Африка, и Балканы были географически близко расположены к Ближнему Востоку, где у Великобритании были важные колониальные интересы. Здесь находилась близкая сердцу Черчилля Палестина, которую он постоянно держал в поле своего зрения. 9 августа 1942 г. Черчилль откровенно сообщал Рузвельту: «Я твердо придерживаюсь сионистской политики, одним из авторов которой я являюсь»^[172].

Операция «Факел» началась так и в такие сроки, как это запланировал Черчилль. Более того, премьер-министр даже уверял Рузвельта, что Сталин согласен с его стратегическим планом. 15 августа 1942 г. Черчилль информировал президента США: «Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы...

(осуществляя операцию «Факел». – Р. И.)»^[173].

Политическая цель срыва сроков открытия второго фронта была очевидна: среди западных союзников верх взяли те круги, которые стремились обескровить Советский Союз, ослабить его и в экономическом, и в военном отношении и тем самым создать выгодные для себя условия в послевоенном мире.

Высадка в Северной Африке была первой наступательной операцией западных союзников в годы Второй мировой войны. Она имела как стратегическое, так и морально-политическое значение, однако с точки зрения интересов Советского Союза большой роли не играла.

«Бесспорно, – писал автор одной из самых популярных биографий Эйзенхауэра, – что операция в Северной Африке не была вторым фронтом, как понимали его в России. И, конечно, было очень мало вероятности, что эта операция отвлечет значительное количество немецких войск с русского фронта, где шли тяжелые бои»^[174].

Вопрос об открытии второго фронта имел решающее значение для всего хода Второй мировой войны. Это было очевидно для каждого объективного наблюдателя, а тем более для генералитета союзных армий, располагавшего достаточной информацией, чтобы прийти к выводу, что советско-германский фронт играл главную роль в титанической битве с фашизмом.

Естественно, что этот вопрос постоянно приковывал к себе внимание Эйзенхауэра. Об этом можно, в частности, судить на основании записей в его дневнике. 28 мая 1942 г. Эйзенхауэр записал в нем результаты своей беседы с британскими генералами, в ходе которой он без обиняков сказал, что в настоящее время нет даже необходимости определять главнокомандующего для осуществления десантной операции. «Как уже заявил Маршалл, – писал Эйзенхауэр, – если в этом году будут осуществлены какие-нибудь операции, вызванные критической ситуацией, ими должно руководить английское командование, а наши силы на соответствующих условиях должны быть приданы английским»^[175].

Эйзенхауэр неоднократно возвращался в своих записях к оценке позиции Уинстона Черчилля в вопросе об открытии второго фронта. 5 июля 1942 г. он отметил, что в разговоре с Черчиллем усиленно дискутировался вопрос о роли Западной Европы и Африки в военных планах союзников. Премьер-министр настойчиво требовал осуществления высадки в Северной Африке, которая получила первоначально кодовое название «Гимнаст». Одновременно предусматривалось проведение вспомогательной десантной операции в Северной Норвегии.

Черчилль проявлял чудеса политической эквилибристики, пытаясь доказать обоснованность плана «Гимнаст» и своих требований о высадке союзных войск в Северной Африке. В частности, он настойчиво повторял утверждения, что для операций в Западной Европе не готовы военно-воздушные, военно-морские и сухопутные силы союзников. «Я, – отмечал Эйзенхауэр, – подчеркнул, что со многих точек зрения операция «Гимнаст» невыгодна, и поставил перед ним вопрос: приведет ли эта операция к тому, что немцы выведут с русского фронта хотя бы одну дивизию или один самолет»^[176].

Первоначально высадка союзников в Северной Африке была запланирована на октябрь 1942 г. По настоянию Эйзенхауэра ее сроки перенесли на один месяц, так как он считал необходимым более тщательно подготовиться к ней. «Факел» являлся не только первым экзаменом на эффективность для англо-американского военно-политического союза. Лично для Эйзенхауэра это тоже было серьезное испытание. Впервые в жизни ему предстояло

возглавить военную операцию, притом такого значительного масштаба. Главнокомандующий нервничал. «Факел» мог осветить его будущее военной славой, а о последствиях возможной неудачи было даже страшно подумать.

Учитывая сложность задачи, многие считали, что Эйзенхауэр не имеет необходимого опыта, знаний, чтобы возглавить высадку союзников в Африке^[177].

Быстро летели дни и недели, отведенные на подготовку к операции в Северной Африке. Сроки начала этой кампании определялись не только военными, но и политическими соображениями. Вашингтонские верхи стремились зажечь «Факел» к моменту выборов в конгресс. Подобные соображения президент Рузвельт высказал в частной беседе. Правда, он оговорился, что «решение этого вопроса зависит от ответственного за операцию офицера (Эйзенхауэра. – Р. И.), а не от национального комитета демократической партии»^[178].

В конце октября внушительные армады, насчитывавшие более 900 судов, отошли от берегов Англии и США. Им предстояло покрыть 1900 миль. 100 тыс. солдат с танками, артиллерией, боеприпасами, военным снаряжением тронулись в рискованный путь.

Настало время и Эйзенхауэру отправляться следом за войсками, но тяжелые осенние облака заволокли небо над Британскими островами. Наконец 6 ноября «летающая крепость», на борту которой находился Эйзенхауэр, доставила его в Гибралтар. Здесь находился командный пункт союзников. Штаб главнокомандующего был размещен внутри скалы. Над четырьмя комнатами штаба, оборудованными установками искусственного климата, возвышался огромный гранитный монолит. По прибытии в Гибралтар Эйзенхауэр дал волю своим эмоциям. 9 ноября 1942 г. он записал: «Война вызывает странные, иногда любопытные ситуации. За годы военной службы я часто мечтал о различных командных должностях, которые я когда-нибудь займу: командир во время войны, в условиях мира, командующий в ходе сражения, административный руководитель и т. д. Но никогда, ни при каких обстоятельствах мне не приходило в голову даже мимоходом, что мой командный пункт будет в Гибралтаре, символе мощи Британской империи». Какие только восторженные слова не использовал генерал в этой записи: и опора безопасности Британской империи, и важнейший фактор торгового роста Британской империи! «На американцев возложена ответственность, и я здесь»^[179], – торжествующе заканчивал он. В Лондоне тоже считали, что теперь судьба империи в надежных руках. «В Ваших руках гибралтарская скала находится вне опасности»^[180], – телеграфировал Черчилль Эйзенхауэру.

Наигранный оптимизм английского премьер-министра не менял положения дел. Война была еще в самом разгаре, но процесс заката Британской империи уже начинался. Создание штаба Эйзенхауэра в Гибралтаре, важнейшем опорном пункте Великобритании, было чем-то вроде символического акта, свидетельствовавшего, что помимо своей воли Черчилль становился не только свидетелем, но и участником событий, которые вели к крушению былой британской мощи.

Англо-американские войска должны были высаживаться во французской Северной Африке, что неизбежно вызывало острейшие дипломатические осложнения. Генерал де Голль, лидер «Сражающейся Франции», имевший свою штаб-квартиру в Лондоне, не пользовался расположением ни Рузвельта, ни Черчилля. Особенно напряженные отношения сложились у де Голля с президентом США.

Отправляясь в Гибралтар, Эйзенхауэр получил указание из госдепартамента, что он должен поддерживать отношения во французской Северной Африке не с де Голлем, а с генералом Жиро, который ждал на неоккупируемой территории Франции сигнала, чтобы

присоединиться к англо-американским войскам после их высадки в Алжире. Жиро претендовал на командование операцией вторжения.

7 ноября состоялась встреча Эйзенхауэра с Жиро. Французский генерал безапелляционно потребовал передачи ему функций командующего. Эйзенхауэр спокойно разъяснил, кто тут хозяин. В ходе длительных и тяжелых дискуссий стороны договорились о том, что после высадки Жиро будет объявлен командующим французскими войсками и руководителем гражданских властей в Алжире.

Перед высадкой в Северной Африке Эйзенхауэр обратился по радио к находившимся здесь французским войскам. В обращении говорилось, что англо-американские войска высаживаются здесь «как друзья» и «не откроют первыми огонь». Подавляющее большинство солдат и офицеров Франции видели в лице правительства Виши предателей национальных интересов своей родины и не оказали серьезного сопротивления союзникам, когда 8 ноября началась десантная операция. В конце ноября в связи с создавшейся угрозой захвата немцами французского флота моряки-патриоты в Тулоне потопили и вывели из строя 60 боевых кораблей, чтобы те не стали добычей врага.

Эйзенхауэр назначил Жиро ответственным за оборону Алжира. Дальнейшее развитие событий показало, что позиции Жиро в Северной Африке" были далеко не столь прочны, как это представлялось чиновникам госдепартамента США. Между ним и Дарланом, известным коллаборационистом, сотрудничавшим с немцами, началась борьба за власть, которая представляла серьезную угрозу с тыла для наступающих англо-американских войск. Американцы предъявили французам что-то вроде ультиматума: или они в течение 24 часов решат, кто является их лидером, или американцы вынуждены будут пойти на репрессивные меры. Французские военные и политические лидеры приняли соломоново решение: Дарлан будет политическим руководителем французов, Жиро – военным при общем американском руководстве.

Эйзенхауэру нетрудно было занимать столь жесткую позицию в спорах по вопросу о том, кто из французских генералов и политиков будет первой скрипкой в Северной Африке. В любом случае дирижировать оркестром союзников в Северной Африке, включая и эту первую скрипку, должны были американцы. 11 ноября 1942 г. Рузвельт информировал Черчилля, что де Голль, Жиро и Дарлан «дерутся между собой, как коты, при этом каждый претендует на то, чтобы командовать всеми французскими войсками в Северной и Западной Африке.

Главная мысль, которую следует внедрить в сознание всех этих трех примадонн, – это то, что... любое решение одного из них или их совместное решение подлежит рассмотрению и одобрению Эйзенхауэром»^[181].

Послание Рузвельта Черчиллю было недвусмысленным напоминанием и британскому премьер-министру кто есть кто в англо-американских союзнических отношениях.

Однако Черчилль был не из тех политиков, которые без борьбы капитулируют пусть даже перед значительно более сильными соперниками или партнерами.

Единоначалие генерала Эйзенхауэра в Северной Африке ни в коей мере его не устраивало, и 10 февраля 1943 г. в очередном послании Рузвельту он заявляет: «Если будет подчеркиваться назначение генерала Эйзенхауэра верховным главнокомандующим, а соответствующие функции генерала Александра и вице-маршала авиации Теддера – затушевываться, я думаю, английская пресса обрушит на нас поток критики». Черчилль считал, что в этом случае «пресса выразит общее настроение, господствующее в стране, и

найдется много людей, которые будут искренне считать, что английских командиров и английские войска незаслуженно обходят, исходя из каких-то соображений, ради международной политики».

Премьер-министр предлагал президенту свой план разделения обязанностей среди союзного генералитета в Северной Африке: «...генерал Эйзенхауэр – главнокомандующий, Александер командует войсками Объединенных Наций в Тунисе, а Теддер – военно-воздушными силами»^[182].

Эти распри между англо-американскими союзниками на самом высоком уровне ставили Эйзенхауэра в очень сложное положение, так как ему приходилось ежедневно, если не ежечасно, решать многочисленные спорные проблемы, которые возникали между английскими и американскими вооруженными силами. Не без труда, но, продемонстрировав хорошие дипломатические способности, Эйзенхауэр успешно справлялся с этими трудными задачами. Свидетельством этого являлось, в частности, то, что он сумел сохранить и упрочить свои хорошие отношения с Черчиллем, который особенно болезненно реагировал на то, что в англо-американском военно-политическом союзе главенствующая роль США была бесспорна.

13 ноября генерал Кларк объявил корреспондентам, что Эйзенхауэр принял «реалистическое» решение, провозгласив Дарлана руководителем французов. Все вишисты оставались во французской Северной Африке на своих местах.

Активных участников борьбы против фашистской Германии и режима Виши не выпускали из тюремных застенков. В центральной алжирской тюрьме при молчаливом попустительстве союзных властей находились в заключении 27 коммунистов – депутатов Национального собрания Франции. Эйзенхауэр оставил без ответа обращение заключенных коммунистов, протестовавших против массовых репрессий вишистов. Только в феврале 1943 г. под давлением мировой прогрессивной общественности эти антифашисты были освобождены из тюрем и концентрационных лагерей^[183]. Однако в Северной Африке сохранилось бесправное положение местных жителей^[184]. Взрыв возмущения потряс все страны антигитлеровской коалиции: первая же наступательная операция союзников свелась к открытому сотрудничеству с коллаборационистами. Рузвельт и Черчилль умыли руки. Они попытались сделать из Эйзенхауэра козла отпущения, заставить его принять на себя все издержки союзнической политики в Северной Африке. Рузвельт, в частности, заявил 17 ноября: «Я возложил на генерала Эйзенхауэра ответственность за принятие политических решений во время его пребывания в Северной и Западной Африке»^[185].

Позднее Эйзенхауэр отмечал, что в своей деятельности в Алжире он руководствовался стремлением демократическим путем решать сложные политические проблемы Северной Африки и обеспечить англо-франко-американское единство в борьбе против нацистов^[186]. Конечно, предпринимая в Алжире те или иные практические шаги, Эйзенхауэр соотносил свои действия с инструкциями госдепартамента, но это не меняло положения. Морально-политическая ответственность за принятие непопулярных решений о сотрудничестве с коллаборационистами реально ложилась на него. Убийство Дарлана несколько уменьшило политическую напряженность, но не сняло ее полностью. В разговоре с Милтоном, приехавшим в Алжир по делам службы военной информации, Эйзенхауэр заметил: «Если бы я мог стать простым командиром батальона и вести его в бой под огнем, все было бы куда проще»^[187].

Особенно трудное положение для союзников создано поздней осенью и к концу 1942 г. «Самые лучшие новости для союзников поступали той осенью из России. 19 ноября Красная Армия контратаковала... в Сталинграде. Через пять дней стало очевидно, что немцы попали в городе в ловушку. В этот день, 24 ноября, Эйзенхауэр писал Мэми: «Борьба русских продолжает волновать меня до глубины души. Они наносят такие сокрушительные удары, что нельзя не восхищаться ими. Я уверен, что русские уничтожат миллион проклятых гангов и даже больше! И я хотел, чтобы мы немедленно начали молотить проклятых немцев столь же успешно и в таких же масштабах, как русские»^[188].

К концу января 1943 г. западные союзники сосредоточили в Северной Африке армию численностью более 400 тыс. человек. Кроме того, к ним присоединилось 200 тыс. человек из состава французских войск.

Несмотря на общее превосходство сил, западные союзники недостаточно решительно действовали и в Тунисе, где развернулись основные военные операции. Начались затяжные бои. Завершение военных операций в этом районе намечалось на февраль 1943 г., затем этот срок был передвинут на конец апреля. Пассивность союзных вооруженных сил в Тунисе дала возможность немецкому командованию маневрировать резервами, перебрасывать их с Запада на советско-германский фронт, где в то время шли ожесточенные сражения в Донбассе, на Харьковском и Курском направлениях.

В целом высадка союзников в Северной Африке имела важное значение как первая успешная англо-американская наступательная операция. Эйзенхауэр получил поздравительное послание от президента Рузвельта. Командующий войсками союзников придавал этому поздравлению столь важное значение, что разослал его всем своим подчиненным генералам. Президент поздравлял Эйзенхауэра и всех участников операции от себя лично «и от имени американского народа – с исключительно успешным выполнением труднейшей задачи». Рузвельт подчеркивал не только важное военное значение «Факела», но и политическое, как «свидетельство в высшей степени эффективного сотрудничества британских и американских вооруженных сил».

В США обратили внимание на то, что «даже Сталин присоединился к поздравлениям, заявив, как свидетельствовала «Нью-Йорк таймс», что «англо-американская кампания в Африке радикально повернула военную и политическую ситуацию в Европе в пользу союзников, открыла путь к скорому крушению германского и итальянского фашизма»^[189].

Первая военная операция, которой руководил Эйзенхауэр, далась ему нелегко. Он «начал страдать от быстро прогрессирующей бессонницы и убийственного темпа работы»^[190]. По распоряжению Маршалла для Эйзенхауэра был введен более щадящий режим. Он получил возможность даже уделять какое-то время любимым физическим упражнениям.

Тем не менее в первой половине января Эйзенхауэр заболел.

Не успев по-настоящему оправиться от болезни, 15 января 1943 г. он вылетел в Касабланку, где должна была состояться встреча Рузвельта с Черчиллем. Во время полета что-то случилось с тяжелым бомбардировщиком Б-17. Мотор стал работать с перебоями, машину трясло, как в лихорадке. Команда и пассажиры уже приготовились прыгать с парашютами, но самолет все же удалось благополучно посадить. В Касабланке Эйзенхауэра ждали приятные вести. Маршалл предложил присвоить ему высшее воинское звание полного генерала, чтобы американский главнокомандующий имел, наконец, возможность на равных говорить со своими коллегами-союзниками. Рузвельт в ответ на это предложение не без основания сказал, что звания надо присваивать генералам за конкретные дела, а

Эйзенхауэр еще не взял Тунис. Правда, спустя две недели после этого разговора президент дал все же согласие на повышение Эйзенхауэра в звании. 11 февраля 1943 г. тот получил временное звание полного генерала^[191].

В короткие часы затишья Дуайт находил иногда возможность посещать исторические места. Он побывал в Египте, Палестине. Проезжая по местам сражений прошлого, Эйзенхауэр безошибочно оперировал многими фактами, цифрами, деталями. Во время поездки по Палестине в глазах рябило от множества крестов, надгробий, четок. Дуайт не удержался от иронического замечания: «Надеюсь, что я уже имею бесплатный билет на небеса»^[192].

В Северной Африке Эйзенхауэр впервые испытал на себе, что такое война и огонь противника. А однажды, возвращаясь ночью из инспекционной поездки, он попал в автомобильную катастрофу. Молодой сержант вел машину всю ночь. На рассвете утомленный дорогой Айк задремал, его примеру последовал и водитель. Оба проснулись от сильного удара, когда машина на ходу завалилась в кювет. К счастью, никто серьезно не пострадал. Шофер не услышал ни слова упрека от своего пассажира. Эйзенхауэр только сказал, что если бы он сам был за рулем, то, наверное, в результате такой утомительной поездки произошло бы то же самое. Генерал помог поставить на колеса завалившуюся в кювет машину, и они продолжили свой путь. На следующий день на пресс-конференции журналисты увидели главнокомандующего «как всегда собранного, прекрасно информированного, полностью уверенного в себе»^[193].

Он раскованно держался с журналистами в тиши штабного кабинета. Однако дела на фронте шли далеко не так блестяще, как того хотелось бы генералу, руководившему своей первой боевой операцией.

Военная обстановка неожиданно осложнилась. Немецкие бронетанковые войска внезапно прорвались в районе Кессерина. Сам Эйзенхауэр, приехавший туда в инспекционную поездку, чуть не попал в плен. Джип главнокомандующего вырвался из города, когда в него уже входили немецкие танки.

Верный ординарец Мики рассказывал, что Айк вернулся на виллу в Алжир измученным и подавленным. Возможно, после этого происшествия Эйзенхауэру вспомнились слова Гарри Гопкинса, сказанные на встрече в Касабланке. Тогда помощник президента заметил ему, что, «если он возьмет Тунис, то за ним утвердится слава величайшего генерала мира. Если же он потерпит неудачу...»^[194]. Гопкинс не стал рисовать последствий этой неудачи.

Накануне решающих боев Эйзенхауэр посчитал нужным сделать заявление, что всю ответственность за возможный провал операции в Тунисе должен нести только он^[195]. Впоследствии Айк также прибегал к подобному приему.

Во время боев в Тунисе западные союзники имели значительное превосходство над противником в пехоте, трехкратное – в артиллерии, четырехкратное – в танках. И тем не менее только 6-7 мая войскам союзников удалось прорвать оборону противника, выйти на побережье и занять город Тунис. В то же время американские войска, наступавшие на северном участке фронта, захватили Бизерту. Итало-немецкие войска оказались в безвыходном положении. Не располагая возможностями для эвакуации, 13 мая они капитулировали.

Бои в Тунисе завершились победой западных союзников. Старый друг Эйзенхауэра по учебе в Вест-Пойнте генерал О. Брэдли вскоре докладывал главнокомандующему:

«Операция завершена»^[196].

Потери противника в Тунисе превысили 300 тыс.

человек, из них 30 тыс. убитыми, 26, 5 тыс. ранеными и около 240 тыс. пленными, в том числе 125 тыс. немецких солдат и офицеров. Союзники потеряли более 70 тыс. человек, из них 10 290 убитыми^[197].

Данные о количестве пленных, объявленные Эйзенхауэром, поставлены под сомнение рядом западных авторов. Например, А. Тейлор пишет: «Союзники взяли в плен 130 тыс. человек, но впоследствии это число было раздуто до четверти миллиона»^[198].

В Северной Африке генерал Эйзенхауэр добился первого большого успеха. К нему пришла военная слава. Проявления ее были самыми различными, подчас довольно неожиданными: в конце 1943 г., например, его избрали «отцом номер один Соединенных Штатов». Комментируя это решение, Эйзенхауэр сказал, что он благодарен за избрание, что американские отцы могут гордиться своими сыновьями, одержавшими победу в Тунисе^[199].

В Северной Африке союзники столкнулись не только с военными, но и с серьезными политическими проблемами, которые решались далеко не всегда успешно.

Например, в январе 1943 г. состоялась встреча Рузвельта и Черчилля в Касабланке, где президент США беседовал с французским генеральным резидентом в Рабате и сделал замечания, которые трудно было назвать удачными с учетом того, что в это время на полную мощность функционировали нацистские фабрики смерти в Освенциме, Бухенвальде и в других местах. Рузвельт заявил, что «число евреев в некоторых видах деятельности (право, медицина и т. п.) следует, несомненно, ограничить в соответствии с процентом, который еврейское население в Северной Африке занимает по отношению ко всему населению Северной Африки... Такая мера ликвидирует специфические и понятные жалобы, подобные тем, которые были у немцев на евреев в Германии, где, составляя лишь небольшую часть населения, свыше 50% адвокатов, врачей, школьных учителей, преподавателей колледжей и т. д. были евреи»^[200].

К середине мая 1943 г. бои в Северной Африке прекратились. Политиканы в США и Англии обсуждали вопрос, в каком направлении должны развиваться дальнейшие стратегические усилия союзников. Это была проблема, выходящая за рамки чисто военного решения. Большинство биографов отмечают, что «Эйзенхауэр продолжал считать необходимым в первую очередь форсировать Ла-Манш и высадиться во Франции, чтобы приступить к выполнению главной задачи – проведению быстрых и непосредственных военных операций против Германии»^[201].

Действительно, во многих биографических работах об Эйзенхауэре и в его мемуарах отмечается, что он и Маршалл понимали настоятельную военную и политическую необходимость скорейшего нанесения удара непосредственно по фашистской Германии^[202].

Только через Германию лежал кратчайший путь к победе. Но Эйзенхауэр понимал и другое: «Я знал, – заявлял он, – что войны ведутся в политических целях»^[203].

Эти цели подчас не имели ничего общего с интересами скорейшего разгрома держав «оси» и выполнения англо-американскими руководителями своих обязательств перед СССР как союзной державой.

Проблемы, возникавшие между СССР и его западными союзниками, во многом отражали те противоречия, которые разделяли Советский Союз и западные страны в 20-30-е годы. В совместной работе историков России, Великобритании и США «Союзники в войне

1941—1945» отмечалось: «Глубокое и острое противостояние Советского Союза и его будущих союзников по коалиции в 20-30-е годы, отошедшее в сторону в годы войны, не могло исчезнуть и не исчезло»^[204].

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и Сталинградом свидетельствовал о том, что советские Вооруженные Силы были в состоянии не только изгнать агрессора из пределов СССР, но и освободить народы европейских стран от фашистского гнета. В мае 1943 г. в беседе с Алланом Бруком, начальником имперского генерального штаба Великобритании, Эйзенхауэр, имея в виду английский план бросить основные силы США и Великобритании на Средиземноморский театр военных действий, спросил своего собеседника: «Как вы намерены вести войну дальше с учетом только что изложенного вами плана, если станете перед фактом, что вся Центральная и Западная Европа будет занята русскими? Как, по-вашему, в такой ситуации мы должны поступить с Советами?»^[205].

Посол США в СССР А. Гарриман считал, что «Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников»^[206]. Дэвид Эйзенхауэр писал: «Успех „Оверлорда“ был бы невозможен без активного восточного фронта». Некоторые в США, правда, полагали, что «СССР, дойдя до последней стадии истощения, окажется не в состоянии вести военные действия за пределами своих довоенных границ и покинет союзников, которым придется иметь дело с Гитлером один на один»^[207].

После Московской конференции 1943 г. американский военный атташе в СССР генерал-майор Д. Дин телеграфировал на родину: «Русские хотят побыстрее закончить войну, чувствуя, что они могут сделать это». Приведя слова Дина, Дэвид Эйзенхауэр делал вывод: «Дин призывал Маршалла и Рузвельта к осторожности в связи с возможной резкой реакцией русских по вопросу о втором фронте»^[208].

Решение западных союзников вновь отложить открытие второго фронта в Европе вызвало незамедлительную и очень негативную реакцию со стороны Советского Союза. И июня 1943 г. И. В. Сталин писал Рузвельту, что союзники не выполнили своих обязательств и что Советское правительство «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»^[209]. 24 июня 1943 г. в послании Черчиллю Сталин подчеркивал, что «дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам...»^[210].

Огромную энергию и настойчивость в стремлении торпедировать планы открытия второго фронта в 1942 г. проявил Черчилль. «Война, – отмечал он, – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам»^[211].

Премьер-министр был убежден, что «он мог и выиграл бы войну быстрее и с меньшими потерями, если бы английские генералы оставили его в покое»^[212]. Британскому генералитету нелегко было ладить с Черчиллем, который искренне верил в свой талант полководца.

Еще сложнее было Эйзенхауэру, которому приходилось противостоять полководческим амбициям и Черчилля, и Рузвельта. «Черчилль считал, что он унаследовал военный гений своего предка герцога Мальборо, и Рузвельт полагал, что малозначительный пост помощника морского министра (в 1913—1920 гг. – Р. И.) дает ему право быть военным стратегом»^[213].

Следует отметить, что обе воюющие стороны с точки зрения вмешательства

руководителей государств в военные дела находились примерно в равном положении. Не только Черчилль, Рузвельт, Сталин считали себя военными стратегами. Гитлер и Муссолини также вмешивались в ход военных действий и даже контролировали их, определяли стратегию держав фашистского блока.

Биографы Эйзенхауэра отмечают, что он резко отрицательно относился к затягиванию открытия второго фронта в Европе и назвал отказ союзников выполнить свои обязательства в 1942 г. «самым мрачным днем в истории»^[214]. Как и многие другие американские руководители, он сомневался в том, сумеет ли выстоять СССР под страшными ударами германского вермахта»^[215].

Вопрос об отношении Эйзенхауэра к открытию второго фронта имеет принципиальное значение. Он отмечал в своих мемуарах, что генерал Маршалл и многие другие деятели никогда не отходили от своего намерения предпринять мощное вторжение в Европу через Ла-Манш в кратчайшие сроки в практически удобное время. Это утверждение не выдерживает критики, ибо сам Эйзенхауэр заявлял, что операции западных союзников в Северной Африке и в Италии задержат открытие второго фронта, возможно, до августа 1944 г.^[216]

США и Англия взяли на себя обязательство открыть второй фронт в Европе в значительной степени под давлением широких кругов общественности. 3 апреля 1942 г. Ф. Рузвельт писал У. Черчиллю: «Ваш народ и мой требуют создания (второго. – Р. И.) фронта для того, чтобы ослабить давление на русских, и эти народы достаточно осведомлены, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и разрушают больше оборудования, чем мы с вами, вместе взятые»^[217].

В своих мемуарах Эйзенхауэр вопреки прежним заявлениям утверждает, что в 1942 г. будто бы вообще не было речи об открытии второго фронта в Европе: «...прожектор еще не направил свой луч света в сторону Европы»^[218]. По его мнению, ни в 1942, ни в 1943 г. западные союзники не располагали необходимыми силами для открытия второго фронта в Европе. Беспочвенность таких утверждений очевидна. Вашингтонская конференция 1941 г. констатировала: «Важнейший принцип англо-американской стратегии состоит в том, чтобы отвлекать от использования в операциях против Германии минимум сил, необходимых для обеспечения жизненно важных интересов на других театрах»^[219]. Но эта декларация осталась на бумаге. В 1942 г. на Тихоокеанском театре военных действий США держали 60% сухопутных и военно-воздушных сил, в 1943 г. – более 50%.

Нельзя не согласиться с мнением О. А. Ржешевского, автора предисловия и комментариев к русскому изданию мемуаров Эйзенхауэра, о том, что «в трактовке истории вопроса о втором фронте автор мемуаров искусственно исключает ряд кардинальных элементов, отражающих взаимосвязь политики и стратегии западных союзников»^[220].

Записи в дневнике Эйзенхауэра свидетельствуют о том, что он понимал исключительную военно-политическую важность открытия второго фронта в Европе. 22 января 1942 г. в дневнике генерала появилась следующая запись: «Мы должны отправиться в Европу и сражаться там, мы обязаны прекратить разбазаривание ресурсов по всему миру и что еще хуже – разбазаривание времени. Если мы хотим удержать Россию в положении воюющей стороны, спасти Средний Восток, Индию и Бирму, мы должны как можно скорее начать воздушное наступление против Западной Европы, сопровождая его наземными наступательными операциями»^[221].

Дневниковые записи свидетельствовали о том, что Эйзенхауэр, с одной стороны, опасался, выдержит ли СССР страшные удары немецкой бронированной машины, а с другой – признавал, что помощь, оказываемая западными союзниками Советскому Союзу, была крайне недостаточна. 19 февраля 1942 г. генерал записал в дневнике: «Остается фактом, что Россия все еще продолжает войну. Только при условии оказания ей действенной помощи мы можем удержать ее в этом состоянии. Крохотный канал снабжения России, которым мы пользуемся через Басру и Архангельск, слишком ничтожен, чтобы оказать ей действенную помощь»^[222].

Дневниковые записи Эйзенхауэра показательны и в том отношении, что, признавая исключительную важность советско-германского фронта, он считал все же необходимым оказывать помощь в первую очередь своему британскому союзнику. 10 марта 1942 г. Эйзенхауэр писал: «Для союзников в этом году существует три главных «должны»: поддерживать открытую линию связи с Англией и оказывать ей всемерную помощь; удержать Россию в войне как активного участника военных действий». Третью задачу западных союзников он видел в том, чтобы удержать за собой регион от Индии до Среднего Востока.

Операция «Факел» была чем-то вроде суррогата второго фронта. Неприятная миссия объяснить русскому союзнику неблагоприятную позицию англо-американской стороны в вопросе об открытии второго фронта выпала на долю Черчилля.

«Черчилль в мрачном настроении вылетел в Москву, чтобы информировать Сталина об операции «Факел». В течение ряда недель советская пресса критиковала позицию союзников как «полностью неприемлемую» и заверяла, что Советское правительство «не согласится с затяжкой открытия второго фронта до 1943 г.». Черчилль терпеливо сносил язвительные шпильки Сталина о нежелании союзников сражаться с Германией, но прибыл он в Москву с пустыми руками. Отношения между Советами и союзниками никогда не были хорошими, а теперь они опускались до уровня, напоминавшего дни советско-нацистского пакта»^[223].

Эйзенхауэр, безусловно, имел собственное мнение по проблемам открытия второго фронта в Европе. Но бесспорно и то, что в своей практической деятельности он прежде всего руководствовался общими военно-политическими установками западных союзников.

Руководители США и Великобритании, а вслед за ними и многие западные военные историки оправдывали срыв сроков открытия второго фронта ссылками на недостаток сил у англо-американских союзников. Эти утверждения совершенно беспочвенны. Эйзенхауэр писал: «В то время остряки шутили, что только большое число аэростатов, постоянно находившихся в небе над Британскими островами, не позволило островам затонуть под тяжестью сосредоточенных на них боевой техники и войск»^[224]. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, Курском, а также в Северной Африке, серьезные удары, нанесенные в 1943 г. по Японии, быстрое наращивание военной силы антигитлеровской коалиции – все это привело к укреплению позиций западных союзников на всех фронтах. По данным немецко-фашистского командования, вермахт к марту 1942 г. потерял на восточном фронте более 1 млн солдат и офицеров. В Сталинградской и Курской битвах потери немецко-фашистских войск составили 2 млн человек, 7 тыс. самолетов, 4, 5 тыс. танков и штурмовых орудий.

Начался необратимый процесс крушения стран фашистского блока. В этих условиях стратегическая линия руководителей США и Англии на затягивание открытия второго

фронта стала совершенно бесперспективной.

В работах американских авторов, посвященных жизни и деятельности Эйзенхауэра, вскрываются политические причины, определяющие выбор направления главного удара союзниками. «Черчилль и англичане, – пишет биограф Эйзенхауэра, – стремились пересечь Средиземное море и высадиться в Италии... чтобы получить плацдарм для послевоенной борьбы за политический контроль в Восточной Европе»^[225]. Политическая инициатива нанесения удара в направлении Италии, безусловно, принадлежала англичанам, но она не встретила существенного сопротивления со стороны руководства США.

На конференции в Касабланке было решено нанести удар по Сицилии. Каково было отношение Эйзенхауэра к этому решению? «Генерал Маршалл и я, – подчеркивалось в мемуарах Эйзенхауэра, – разделяли убеждение: все, что будет сделано на Средиземноморском театре военных действий, должно оставаться вспомогательным по отношению к главной задаче – наступлению через Ла-Манш в начале 1944 г. ...»^[226].

После принятия решения о нанесении удара по Сицилии Эйзенхауэр приступил к разработке планов итальянской кампании. Вопреки мнению членов своего штаба он считал необходимым, в первую очередь путем мощной бомбардировки с воздуха, заставить капитулировать гарнизон острова Пентеллерия. Этот небольшой островок, лежавший между Сицилией и Северной Африкой, был превращен в мощный опорный пункт на пути вторжения в Италию. За 11 дней первой половины июня 1943 г. на остров площадью около 50 кв. км было сброшено около 300 т бомб. История войн еще не знала такой страшной бомбардировки, за которой 11 июня с борта английского крейсера «Аврора» внимательно наблюдал генерал Эйзенхауэр. За час до начала запланированной десантной операции гарнизон острова выбросил белый флаг. Это был первый случай взятия военного объекта только путем воздушной бомбардировки, которая имела как бы символическое значение. Обрушив на маленький клочок вулканической породы смертоносную лавину огня, союзники демонстрировали свое подавляющее превосходство в силе.

Эйзенхауэр придавал большое значение прессе в деле укрепления единства союзников и создания общественного мнения, способствующего успешному решению стоявших перед ним военно-политических задач. Обращаясь к журналистам, он со всей определенностью заявлял: «В конечном счете войны выигрывает общественное мнение»^[227].

После капитуляции Пентеллерия морской путь на Сицилию был открыт. Большая группа журналистов настойчиво домогалась информации о дальнейших военных планах союзников. Вездесущие корреспонденты могли различными путями получить соответствующую информацию и опубликовать ее со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Учитывая это обстоятельство, Эйзенхауэр сам решил созвать пресс-конференцию. В воздухе пахло новой военной угрозой, приближалось время ответственных решений, и на пресс-конференцию союзного главнокомандующего явился весь журналистский корпус. «Рты у всех раскрылись, – вспоминал Эйзенхауэр, – когда я начал совещание с репортерами сообщением, что в начале июля мы вторгнемся на Сицилию...»^[228]. Командующий подробно рассказал журналистам, кто какие армии возглавит и как будет развиваться воздушное наступление, предпринимаемое с таким расчетом, чтобы создать у противника впечатление, что главное направление удара – западная часть острова, в то время как действительные десантные операции будут проведены в восточной и южной частях Сицилии. Эйзенхауэр сообщил даже о том, что операция начнется 9 июля с высадки большого воздушного десанта.

Пораженные журналисты молча слушали командующего, боясь пропустить хотя бы

слово. В заключение Эйзенхауэр сказал, что дает эту информацию с целью помочь журналистам правильно сориентироваться в военной обстановке, что он верит в их профессиональную честность и не сомневается, что сообщенные им секретные данные не получат распространения дальше этого кабинета. И журналисты не обманули его ожиданий. Никто не поддался соблазну опубликовать сенсационные сообщения. Конечно, это был прием, рассчитанный и на дезинформацию противника. Риск такого эксперимента был очевиден, и ничего подобного генерал впредь не повторял.

Айк умел ладить с журналистами. В меру возможностей, которые предоставляла сложная военно-политическая обстановка, он всегда старался сообщить им необходимую информацию. Дружественные отношения, установившиеся с журналистами, давали свои положительные результаты – многие из них делали хорошую рекламу командующему. Корреспонденты часто писали о внимательном и заботливом отношении генерала к их нелегкой работе. Отмечалось, например, что Айк не оставлял без ответа ни одного журналистского запроса. И это было характерно для его взаимоотношений не только с представителями прессы. Он считал своим долгом отвечать на многочисленные личные письма независимо от того, кем были их авторы. Кэй Саммерсбай, ставшая в Северной Африке секретарем Эйзенхауэра, вспоминала: «Генерал, очевидно, был единственным в истории крупным военным руководителем, который даже во время решающих сражений отвечал на все личные письма»^[229].

Операция против Сицилии действительно началась в сроки, о которых он сообщил журналистам на пресс-конференции. В ней участвовала тысяча кораблей – больше, чем во время высадки в Северной Африке. Численность десанта составила 150 тыс. человек.

Чтобы быть возможно ближе к месту боевых действий, Эйзенхауэр 7 июля прибыл на Мальту. Все было готово к началу десантной операции, но неожиданно налетел шторм. Резкий ветер и большие волны грозили сорвать действия авиационных и военно-морских сил.

Опасаясь риска, многие штабисты высказались за перенос сроков высадки. Это значило бы передвинуть сроки вторжения на 2-3 недели, чтобы дать возможность флоту заново сосредоточиться. Кроме того, терялся элемент внезапности, которому в плане Эйзенхауэра отводилось столь большое место. Метеорологи, правда, обещали улучшение погоды ко времени начала операции. Но на их предсказания, как показывала практика, можно было надеяться не больше, чем на три «счастливые» монеты – американскую, английскую и французскую, которые Эйзенхауэр всегда носил в кармане.

Решение мог принять только главнокомандующий. На него же возлагалась и вся ответственность в случае неудачи высадки. И он принял решение. В Вашингтон на имя Маршалла пошла телеграмма: «Операция начнется в запланированное время»^[230].

Опытный штабной работник, Айк тщательно планировал и готовил все операции, которыми руководил. Однако он никогда не вмешивался в детали работы подчиненных, считал, что каждый командир должен нести ответственность за предпринимаемые действия. Помимо этого, Эйзенхауэр вполне логично полагал, что детали боевой обстановки мог знать только тот, кто осуществлял непосредственное руководство на том или ином участке фронта.

Во время одной из первых встреч с Черчиллем речь зашла о подробном инструктаже, который премьер, считавший себя выдающимся военачальником, давал командующему английскими вооруженными силами в далеком Египте. Эйзенхауэр со всей откровенностью

заявил Черчиллю, что он на месте английского генерала не принял бы этих указаний и отказался от командования.

Доверяя своим подчиненным, Айк никогда не останавливался перед необходимостью снять с занимаемой должности того, кто не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Во время боев в Северной Африке он говорил генералу Паттону, что нужно не колеблясь освободить от командных должностей «любого командира, в способностях которого выполнить порученное ему дело можно усомниться». Эйзенхауэр отмечал, что такие решения «требуют смелости больше, чем что-либо другое»^[231].

В целом погода не внесла резко отрицательных корректив в намеченные планы, и высадка в Сицилии прошла успешно.

В Италии, как и в Северной Африке, в обязанности Эйзенхауэра входило решение не только военных, но и определенных политических проблем. Он решал их, руководствуясь планами англо-американских правящих кругов. Эти планы в Италии были направлены в первую очередь на то, чтобы не допустить, по определению Черчилля, «хаоса, большевизации или гражданской войны»^[232].

Эйзенхауэр, как главнокомандующий Средиземноморским театром военных действий, на котором сосредоточилась объединенная группировка англо-американских вооруженных сил, оказывал всемерную поддержку правительству маршала П. Бадольо, созданному в Италии после ареста 25 июля 1943 г. Муссолини. Бадольо был представителем монополистической буржуазии, монархистов и высших военных кругов. Он подготовил и осуществил агрессию против Эфиопии, руководил итальянской интервенцией в Испании. Внутри страны Бадольо стремился не допустить революционных выступлений трудящихся, а во внешней политике его главной задачей было заключение сепаратного мира с западными союзниками.

За шесть недель боев итало-немецкие войска потеряли 135 тыс. пленными и 32 тыс. убитыми и ранеными. Общие потери союзников равнялись 25 тыс. человек^[233]. Подавляющее большинство пленных составляли итальянцы, которые, не желая воевать за фашистское правительство Италии, сдавались целыми воинскими частями.

В «Истории Второй мировой войны» отмечается, что ряд западных авторов стремится «преувеличить значение операций англо-американских войск в Италии, выдать их чуть ли не за открытие второго фронта в Европе и доказать их определяющее влияние на исход боев на советско-германском фронте... Высадка союзников в Сицилии, где в это время находились всего две немецкие дивизии, не создавала никакой угрозы самой Германии и не могла изменить стратегической ситуации на Востоке»^[234].

Политическая цель западных союзников заключалась в том, чтобы направить свои вооруженные силы через Италию на Балканы и установить в странах этого региона режимы, подчиненные Англии и США. Оливер Литлтон, один из английских министров того времени, писал позднее, что Черчилль «настойчиво обращал внимание на преимущества, которые могут быть получены, если западные союзники, а не русские, освободят и оккупируют некоторые столицы, такие как Будапешт, Прага, Вена, Варшава, составляющие часть самой основы европейского порядка»^[235].

В целом операции союзников в Италии не дали того быстрого военного эффекта, которого ожидали от них ее организаторы и исполнители. «С политической точки зрения кампания породила глубокое недоверие французов и русских к американцам и британцам, и те, и другие хотели открытия второго фронта в северо-западной Франции, и те, и другие очень подозрительно отнеслись к сделке с Дарланом и к переговорам Эйзенхауэра с

Бадодьо. Кампания принесла минимальные военные достижения ценой дипломатического провала»^[236].

Однако бесспорным положительным итогом операций в Северной Африке и Италии являлось то, что Эйзенхауэр, все западные союзники в канун их главной военной акции в Европе – форсирования Ла-Манша – приобрели столь необходимый опыт крупных военных операций, который не дается никакими военными академиями и штабной работой на самом высоком уровне. Когда в ходе операций союзников на Апеннинском полуострове Италия была выведена из войны, представители западных держав сосредоточили в своих руках всю полноту власти в этой стране. Еще до создания военно-политической комиссии в составе представителей США, Великобритании и СССР западные союзники передали Эйзенхауэру как главнокомандующему Средиземноморским театром военных действий все те функции, которые по предложению Советского правительства должна была бы выполнять эта комиссия^[237].

Когда Советское правительство по просьбе Итальянского правительства пошло на обмен представителями правительств с Италией, это вызвало негативную реакцию со стороны США и Англии.

В связи с этим В. М. Молотов 25 марта 1944 г. заявил послу США в СССР А. Гарриману, что «нет оснований, чтобы согласиться с таким толкованием прав и компетенции главнокомандующего на освобожденной территории Италии, смысл которых сводится к неприемлемому для Советского Союза отрицанию права союзного государства устанавливать непосредственные отношения с Итальянским Правительством без санкции главнокомандующего». Руководитель советского внешнеполитического ведомства подчеркивал, что «установление такого контакта не имеет никакого отношения ни к ведению военных операций в Италии, ни к осуществлению условий перемирия, т. е. к вопросам, относящимся к компетенции главнокомандующего англо-американскими вооруженными силами в Италии или к компетенции Союзной Контрольной Комиссии»^[238].

В своей военной и политической деятельности в Италии Эйзенхауэр, так же как и в Северной Африке, первостепенное внимание уделял всему тому, что способствовало укреплению англо-американского сотрудничества. Он проявил незаурядные способности дипломата, умело лавировавшего, когда надо было урегулировать всевозможные споры и конфликты, возникавшие между американскими и английскими военачальниками.

Когда речь шла об укреплении сотрудничества между двумя странами, для Эйзенхауэра не было мелочей. При этом он проявлял исключительную осторожность и осмотрительность. Показательно, что из его штаба за всю итальянскую кампанию не вышло ни одной директивы с грифом «Штаб Эйзенхауэра». На всех документах всегда значилось: «Штаб союзников». Тем самым он подчеркивал союзный характер своей миссии в Италии.

В этой стране произошел случай, который вызвал резкую критику Эйзенхауэра в американской печати. Во время посещения госпиталя генерал Паттон обратил внимание на молодого солдата, который, сидя на койке, понуро опустил голову, обхватив ее руками. Генерал спросил, что привело его в госпиталь. Солдат ответил, что он не ранен и не контужен, а страдает от нервного расстройства. Паттон был взбешен этим ответом и дал солдату пощечину. Выхватив пистолет, генерал стал угрожать, что пристрелит солдата, если тот не вернется в часть. Паттон потребовал, чтобы начальник госпиталя выкинул его из палатки. «Когда Паттон повернулся, чтобы уйти из палатки, он услышал, что солдат рыдает. Подбежав к нему, он снова ударил его, на этот раз с такой силой, что каска сорвалась с

подкладки и полетела на пол. Начальник госпиталя встал между Паттоном и солдатом. Паттон стремительно вышел из палатки»^[239]. Когда Эйзенхауэру доложили о случившемся, он потребовал, чтобы генерал лично извинился перед солдатом и работниками госпиталя, которые были свидетелями этой неприглядной сцены. Паттон выполнил распоряжение командующего. Правда, после этого он откровенно заявил, что, окажись он снова в таком положении, он поступил бы так же.

Используя свои доверительные отношения с журналистами, Айк просил их не публиковать этих фактов в печати, чтобы не дать пищу геббельсовской пропаганде. Он хотел выгородить своего старого друга, с которым они поддерживали тесные отношения еще со времен Первой мировой войны. В свое время Паттон рекомендовал Эйзенхауэра генералу Коннеру, что сыграло столь важную роль в его военной карьере. Дело приняло серьезный оборот. Если бы поступок Паттона был предан гласности, ему неизбежно пришлось бы оставить службу в вооруженных силах США. Расправа, учиненная Паттоном, была тем более отвратительной, что солдат был послан в госпиталь против его воли, а после выздоровления храбро воевал и был награжден.

Сделав внушение Паттону, Айк пошел на риск и не дал хода делу. Прошло сравнительно немного времени, и один из известных обозревателей все же опубликовал в центральной американской газете всю неприглядную историю, связанную с Паттоном. Эйзенхауэр выглядел в этой ситуации как военачальник, ставящий дружеские отношения с подчиненными выше долга службы. Выдержав резкие нападки прессы, политических и военных деятелей, он не отступил от своего решения. Паттон остался в армии.

Этому давнему приятелю Айка было свойственно огромное тщеславие. Он всемерно старался создать себе славу «сильного человека», непревзойденного мастера танковых ударов. Комментируя одну из своих наступательных операций в Сицилии, он громогласно заявил, что она является «классическим примером использования танков». Паттон не впервые занимался рукоприкладством. И когда описанный факт был предан гласности, по заявлению одного военного корреспондента, «каждый из 50 тысяч солдат 7-й армии (которой командовал Паттон. – Р.И.) застрелил бы своего командующего, подвернись ему такая возможность»^[240].

Насколько можно судить по его дневнику, Эйзенхауэр видел многие недостатки тщеславного генерала. «Паттон, – писал Эйзенхауэр, – говорит слишком много и слишком быстро и нередко оставляет очень плохое впечатление. Более того, я опасаясь, что он не всегда подает хороший пример подчиненным»^[241].

Авторитет полководца в первую очередь определяется успехом боевых действий, которыми он руководит. Военные заслуги Эйзенхауэра в Северной Африке и Италии были не столь уж велики, принимая во внимание, что вооруженные силы союзников в несколько раз превосходили войска противника и в живой силе, и в боевой технике. Но все же это были первые в целом успешные наступательные операции западных союзников, что постепенно способствовало укреплению авторитета Эйзенхауэра как военачальника. Немалое значение имели и его взаимоотношения с подчиненными.

Айк был прост и доступен в обращении. Те, кто прошел с ним через бои Второй мировой войны, отмечали его заботу о солдатах и офицерах, стремление разделять тяготы войны наравне с другими. Совершая инспекционные поездки по войскам в боевой и учебной обстановке, главнокомандующий стремился питаться из солдатского котла. Это давало ему возможность получить представление о том, насколько хорошо решена проблема снабжения.

Генерал не любил больших и роскошных кабинетов. В Италии он отказался от выделенной ему виллы и дал распоряжение сделать в ней дом отдыха для военнослужащих^[242]. Подобные решения быстро становились известными в армии и производили тем большее впечатление, что сам командующий работал не покладая рук. Эйзенхауэр спал не больше 4-5 часов в сутки и часто страдал от повышенного кровяного давления^[243].

В августе 1943 г. состоялась новая встреча Рузвельта и Черчилля в Квебеке. Основной вопрос, обсуждавшийся на Квебекской конференции, – сроки открытия второго фронта в Европе. Позади была героическая Сталинградская битва, ставшая поворотным пунктом всей истории Второй мировой войны. Только что закончилась великая битва на Курской дуге. Советские Вооруженные Силы уверенно разворачивали наступление на огромном фронте – от Балтийского до Черного моря. Все более очевидной становилась политическая необходимость открытия союзниками второго фронта в Европе. В Квебеке было принято решение о высадке англо-американских войск во Франции в период с конца мая до середины июня 1944 г. Был также в принципе согласован вопрос о том, что союзным главнокомандующим будет генерал Джордж Маршалл.

Предполагалось, что Эйзенхауэр займет в Вашингтоне место Маршалла^[244]. Десятки лет он, кадровый военный, мечтал о командных должностях. И вот в канун решающих сражений Второй мировой войны ему предстояло вновь вернуться к штабной работе.

Эйзенхауэр понимал, что Маршалл был самой подходящей фигурой для выполнения такой важной задачи, как форсирование Ла-Манша и высадка во Франции. Это отмечали в своих воспоминаниях все люди из его близкого окружения. Он считал назначение Маршалла на этот пост единственно правильным решением, но вместе с тем ему не по душе были и перспективы, открывавшиеся перед ним самим. Было здесь еще одно немаловажное обстоятельство: «Работа в качестве начальника штаба не импонировала Айку. Он был уверен, что потерпит поражение на этом поприще, потому что не являлся политиканом»^[245].

Действительно, в то время Эйзенхауэр не имел политических устремлений, и когда в 1943 г. сенатор от штата Канзас Артур Кэппер заявил, что он выступает за выдвижение кандидатуры Эйзенхауэра в президенты США^[246] от республиканской партии, Айк категорически отверг это и другие подобные предложения^[247].

Против назначения Маршалла главнокомандующим вооруженными силами союзников в Европе решительно возражали в Вашингтоне руководители комитета начальников штабов^[248]. Командующие ВМС, ВВС и другими видами вооруженных сил резонно считали, что замена Маршалла в самый ответственный период войны могла бы иметь пагубные последствия в развитии дальнейших военных усилий западных союзников. При окончательном решении вопроса о главнокомандующем Рузвельт в конечном счете принял во внимание мнение большинства командования американскими вооруженными силами и своих советников^[249].

Вопрос о назначении главнокомандующего не был решен к началу встречи руководителей трех великих держав в Тегеране.

Тегеранской конференции предшествовала длительная подготовительная работа, интенсивная переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Советский лидер решительно отверг предложения президента и премьер-министра встретиться с ним в районе, отдаленном от территории Советского Союза. Сталин писал Черчиллю 9 августа 1943 г., что он «только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием

Британского Правительства от 7 августа». Советский лидер поддержал идею о встрече Большой тройки, но отметил, что положение на советско-германском фронте требует от него «чаще, чем обыкновенно, выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта»^[250].

Помимо места встречи Сталин настаивал на том, чтобы заранее был определен круг рассматриваемых проблем, по которым необходимо принять конкретные решения.

На Тегеранской конференции Сталин решительно выступил за открытие второго фронта в Европе (операция «Оверлорд»). Черчилль отстаивал необходимость форсирования операций на Средиземноморском театре военных действий, но Сталина невозможно было переубедить. Он был против всех операций в районе Средиземного моря. Сталин заявил: «Я перешел бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в Южной Франции, оттянув силы немцев из Северной Франции. Месяца через 2-3 я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции «Оверлорд», причем обе армии могли бы встретиться и произошло бы наращивание сил»^[251]. Военная и политическая необходимость операции «Оверлорд» была очевидна, и это нашло свое отражение в решениях Тегеранской конференции.

Руководители западных держав в принципе согласовали вопрос о союзном главнокомандующем. В ноябре 1943 г., направляясь в Тегеран, Рузвельт остановился на короткое время в Тунисе, где состоялась его встреча с Эйзенхауэром. Речь зашла о союзном главнокомандующем в Европе. Президент не сказал ничего определенного о том, кто им станет, но отметил, что его страшит даже мысль об отъезде Маршалла из Вашингтона. Вместе с тем Рузвельт добавил: «Нам с вами известно имя начальника штаба в гражданской войне, однако немногие американцы, за исключением военных профессионалов, знают его»^[252].

Суть разговора была ясна. Президент считал, что Маршалл должен получить свой заслуженный шанс войти в историю^[253].

Генерал Маршалл был самой подходящей кандидатурой на пост главнокомандующего в Европе. Однако очень трудно было найти человека, который мог бы заменить его в Вашингтоне. Когда кандидатура Маршалла была предложена на пост главнокомандующего вооруженными силами союзников в Европе, Рузвельт заявил Маршаллу: «Я чувствую, что не смогу заснуть, если вас не будет в стране». Когда президент сообщил Черчиллю о своем намерении назначить Эйзенхауэра главнокомандующим, премьер-министр «стряхнул пепел с сигары и одобрительно кивнул». Приказ о назначении Эйзенхауэра был немедленно подписан^[254].

Второе пленарное заседание Тегеранской конференции началось с инцидента. В торжественной обстановке Черчилль вручил Сталину подарок короля Георга VI – меч в память великой победы под Сталинградом. «Сталин молча вынул меч из ножен, поцеловал лезвие и передал подарок Ворошилову, который повертел его в руках и уронил. Ворошилов быстро подобрал меч, вложил в ножны и передал красноармейцу, находившемуся в почетном карауле, который повернулся и молча удалился»^[255].

Неприятный инцидент с подарком монарха не изменил общего впечатления западных союзников от встречи с представительной советской делегацией: русские держались с достоинством и уверенно, проявляли полную готовность к конструктивному решению проблем, стоявших перед союзниками.

Во время одной из бесед между Сталиным и Рузвельтом в Тегеране Верховный Главнокомандующий советскими Вооруженными Силами сказал президенту: «...я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет командующим операцией «Оверлорд». Рузвельт ответил: «США еще не назначили главнокомандующего операцией «Оверлорд», но я уверен, что главнокомандующий будет назначен в ближайшие 3 или 4 дня, как только мы вернемся в Каир»^[256].

Обсуждение вопроса о главнокомандующем операцией «Оверлорд» состоялось 29 ноября на второй встрече Большой тройки в Тегеране. Рузвельт явно испытывал дискомфорт от вопроса Сталина в отношении кандидатуры на пост командующего десантной операцией в Европе. После вопроса Сталина президент «шепотом сказал адмиралу У. Леги, сидевшему рядом с ним: «Этот старый большевик хочет заставить меня назвать ему имя нашего Верховного главнокомандующего. Я ничего не могу ответить ему, потому что еще не принял решение»^[257].

Президент Рузвельт был исключительно высокого мнения об Эйзенхауэре. Он избрал его Верховным главнокомандующим вооруженными силами союзников, верил, что Эйзенхауэр «лучший политик» среди всех военачальников: «Он – настоящий лидер, который может убедить людей следовать за ним»^[258].

Биографы Эйзенхауэра отмечают, что его назначение на этот высокий пост получило поддержку со стороны советского Верховного главнокомандующего. «Иосиф Сталин, – отмечал биограф Эйзенхауэра, – который понимал толк в генералах, и в Москве, и в Тегеране настаивал на кандидатуре Эйзенхауэра»^[259]. Маршалл, помня беспокойство, проявленное Сталиным в Тегеране в связи с затягиванием решения вопроса о назначении союзного главнокомандующего, предложил Рузвельту направить соответствующее послание советскому Верховному главнокомандующему. В Москву была направлена телеграмма: «Решено немедленно назначить генерала Эйзенхауэра командующим операцией „Оверлорд“. Рузвельт».

7 декабря Эйзенхауэр встречал в Тунисе президента, прилетевшего из Каира. Генерал был приглашен в машину Рузвельта. Повернувшись к Эйзенхауэру, президент сказал: «Айк, тебе предстоит командовать «Оверлордом»^[260].

Президент информировал генерала о том, что союзники поддержали его кандидатуру на пост главнокомандующего в Европе.

Рузвельт сообщил Эйзенхауэру, что Сталин высказал «особое удовлетворение в отношении его кандидатуры на пост Верховного главнокомандующего и поддержал предварительные сроки вторжения во Францию»^[261].

Западные союзники наконец-то пришли к согласованному мнению, по крайней мере, о том, кто будет командовать их войсками при вторжении в Западную Европу. «Решением этого неотложного вопроса было выполнено обещание, данное Советскому Союзу в Тегеране, и создано условие, способствовавшее ускорению подготовки к открытию второго фронта»^[262].

После назначения Эйзенхауэра Главнокомандующим вооруженными силами западных союзников в Европе распространились слухи, что он чуть ли не «подсидел» своего высокого патрона в Вашингтоне и в результате интриг занял место, предназначавшееся для Маршалла. «...В конце 1943 года, – писал Эйзенхауэр в своих мемуарах, – появились неверные и злостные сплетни, будто Маршалл и я затеяли частную вендетту за пост командующего

операцией «Оверлорд»^[263].

По мере успехов Красной Армии в борьбе с общим врагом резко менялось к лучшему и отношение простых американцев к советскому союзнику. Если в начальный период войны в американской прессе было много публикаций антисоветской направленности, то успехи советского оружия оказали заметное воздействие и на проблематику о советской действительности, и на характер, и на тон публикуемых материалов. Если раньше советские руководители, и в первую очередь Сталин, изображались как мрачные личности, лишенные сколь-либо привлекательных человеческих черт, то теперь и советские лидеры стали преподноситься американскому читателю в совершенно ином свете.

Показательна в этом плане публикация 10 декабря 1943 г. в газете «Кензес-Сити стар», широко распространявшейся в Канзасе, на родине Эйзенхауэра. Суть публикации заключалась в том, что осенью 1936 г. на Западе распространились слухи о тяжелой болезни, а потом и смерти Сталина. Чарльз Ниттер, уроженец Канзас-Сити, корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве, немедленно отправился в Кремль и передал для Сталина письмо, в котором попросил его подтвердить или опровергнуть эти слухи. Сталин ответил журналисту немедленно: «Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира. 26.X.36 г. С уважением И. Сталин».

Газета опубликовала это письмо на русском языке с комментариями.

В опубликованном документе Сталин выступал не как мрачный диктатор, лишенный сколь-либо привлекательных личных качеств (что было во многом типично для американской прессы), а как человек с юмором, что так импонирует американцам, которые хорошо понимают и ценят эти качества у любого человека.

27 декабря 1943 г. Эйзенхауэр провел свою последнюю пресс-конференцию для корреспондентов союзных держав в Алжире. Отвечая на вопрос, когда, по его мнению, закончится война, преисполненный оптимизма главнокомандующий ответил: «Я верю, что войну в Европе мы выиграем в 1944 г.»^[264].

Все складывалось как нельзя лучше. Айк не только избавился от неприятной перспективы перехода на штабную работу в Вашингтоне, но и получил право руководить важнейшей военной операцией западных союзников в годы Второй мировой войны. Его ждал еще один приятный сюрприз. Маршалл прислал Эйзенхауэру в Алжир телеграмму: «Отправляйтесь сейчас домой, повидайтесь с женой, а дело в Англии временно доверьте кому-нибудь другому»^[265].

На борту военного бомбардировщика в самый канун Нового года Эйзенхауэр благополучно прибыл в США. Поездка совершалась в условиях полной секретности, и даже лица из ближайшего окружения могли только строить догадки, куда исчез на 20 дней союзный главнокомандующий.

4 января 1944 г. Дуайт и Мэми в специальном вагоне, предоставленном им Маршаллом, отправились в Вест-Пойнт, чтобы повидаться с сыном. Для Джона встреча с отцом была полной неожиданностью. Он испытал огромное волнение, когда начальник академии сообщил ему, что прибыл генерал Эйзенхауэр, который хочет видеть его. Об этой встрече знали только генерал, начальник академии, и пять кадетов – друзей Джона, которых

Эйзенхауэр пригласил на обед в свой вагон.

Друзья Джона вначале чувствовали себя очень неловко в присутствии столь высокой персоны. Но постепенно, главным образом благодаря усилиям генерала, установилась доверительная, непринужденная обстановка. К концу обеда пять кадетов настолько освоились, что даже «стали давать главнокомандующему советы, как вести военные действия»^[266].

Все девять часов, проведенные Джоном с отцом, ушли главным образом на разговоры на неисчерпаемую тему – домашние дела, учеба, война. Состоялось долгое, обстоятельное обсуждение вопроса о том, какую специализацию выбрать сыну в армии – пехоту или артиллерию. Приближался срок окончания академии, а Джон все еще не мог отдать предпочтение ни тому, ни другому.

Во время пребывания в США Эйзенхауэр встретился с президентом Рузвельтом. Сын президента Эллиот, присутствовавший при этом свидании, всячески старался не допустить обсуждения политических вопросов, которые могли бы взволновать больного отца. Рузвельт был болен гриппом, но все же принял Эйзенхауэра. Президент полулежал в кровати, обложенный подушками, и курил сигарету, вложенную в длинный мундштук. В ходе беседы он сообщил Айку о своих планах раздела Германии между союзниками по антигитлеровской коалиции. «Я, – заявил президент, – выступаю за то, чтобы северо-западная Германия отошла к Соединенным Штатам»^[267]. Генерал был против подобных планов и не считал нужным скрывать это.

Из разговора с Рузвельтом Эйзенхауэр выяснил, что президент считает целесообразным оставить американские войска в Европе на продолжительный период. Главнокомандующий считал, что зоны западных союзников должны управляться единым командованием. Известно, что в конечном счете это мнение Эйзенхауэра возобладало.

«Покидая президента, – вспоминал Эйзенхауэр, – я сказал: «Искренне верю, что вы быстро поправитесь». Он поспешно ответил на это: «Да что вы, я лучше не чувствовал себя уже многие годы. Я в постели только потому, что врачи опасаются, как бы я снова не заболел, если встану на ноги слишком скоро». Больше я его уже не видел»^[268].

Эйзенхауэр повидался с матерью, которой было уже 82 года, с родителями Мэми, с братьями. На эту встречу все собрались в доме Милтона, в Канзасе. Быстро летели дни короткого отпуска, и мысли Дуайта все чаще возвращались в Лондон, где его ждали новые важные дела.

16 января 1944 г. Эйзенхауэр прибыл в Англию. «Туманный Альбион» в тот день был действительно окутан плотным, казалось бы, непроницаемым туманом. «Теперь я вижу, что воистину возвратился в Лондон»^[269], – сказал Эйзенхауэр встречавшим его друзьям. Но лондонский туман не мог заслонить будущего, которое становилось все более отчетливым. Сроки начала операции «Оверлорд» были утверждены. Предстояла новая большая и трудная работа по подготовке к высадке во Франции, «величайшему событию»^[270] его жизни, как потом неоднократно говорил Эйзенхауэр.

На Британские острова из США и Канады прибывали все новые контингенты войск, накапливались боевая техника, военное снаряжение, продовольствие – все, что было необходимо для осуществления высадки десанта на материк.

В круг обязанностей Эйзенхауэра входило решение большого числа проблем. Немалую помощь главнокомандующему при этом оказывал опыт боев, полученный в Северной Африке и Италии.

Бесперывно прибывавшие в Англию караваны судов свидетельствовали о том, что день вторжения неумолимо приближался. Немецкая разведка предпринимала лихорадочные усилия, чтобы установить время и место десанта. Но Эйзенхауэр умело маскировал свои планы, и абвер так и не получил практически никакой достоверной информации о планах союзников^[271].

Перед высадкой в Северной Африке Эйзенхауэр использовал различные средства дезинформации противника: действия агентуры, печать, радио. В частности, он прибегнул к очень простой, но исключительно эффективной уловке для дезинформации противника: в союзные войска стали поступать большие партии зимнего обмундирования. Немецко-фашистское командование сделало вывод о подготовке союзников к вторжению в Норвегию и предприняло соответствующие предупредительные меры. Главнокомандующий союзных войск хорошо разбирался в вопросах военной разведки.

Стивен Амброуз считает, что оценка разведывательных данных, «по большому счету, скорее проблема предчувствия, чем научной разработки. Их надо чувствовать, а не изучать, ощущать, а не вычислять. Это вид искусства – предвидеть, что противник сделает до того, как он сам это осознает. Эйзенхауэр был выдающимся мастером в этом деле»^[272].

Дезинформация противника играла важную роль, но только с ее помощью никто и никогда еще не выигрывал крупных сражений. Необходимо было рассматривать массу сложных проблем, координировать и увязывать многочисленные решения. И опять началась чехарда со сроками вторжения, которое перенесли с 5 мая 1944 г. по крайней мере на конец месяца. С учетом больших масштабов операции это потребовало новой напряженной работы всех служб штаба Эйзенхауэра.

Приведя слова Дуайта Эйзенхауэра, что второй фронт мог быть успешно открыт в 1943 г., Дэвид Эйзенхауэр делал вывод: «Во всяком случае, как заявлял Эйзенхауэр, позиция союзников была "больше выжидательной, чем позитивной"»^[273].

Английские руководители, в первую очередь Черчилль, выступили против плана Эйзенхауэра нанести комбинированный удар по противнику с севера и с юга Франции. Черчилль продолжал вынашивать свою идею прорыва через Северную Италию на Балканы^[274]. По поводу планов Черчилля Эйзенхауэр писал: «Хотя Черчилль и не говорил ничего об этом, я полагал, что его истинное беспокойство, вероятно, вызывалось скорее политическими, нежели военными соображениями. Возможно, он думал, что в условиях послевоенной обстановки, когда западные союзники крупными силами обоснуются на Балканах, это будет более стабилизирующим фактором, чем оккупация этого региона русскими...»^[275].

Эта позиция англичан вносила серьезный элемент дезорганизации в стратегические планы Эйзенхауэра. Главнокомандующего сильно беспокоило и то, что количество войск и военного снаряжения, по его расчетам, не достигало минимума, гарантирующего успешное осуществление операции «Оверлорд»^[276].

Эти опасения были лишены оснований. Западные союзники располагали силами, вполне достаточными для успешного осуществления десанта на материк.

Накануне вторжения во Францию под командованием Эйзенхауэра в Европе насчитывалось 2 876 439 солдат и офицеров – 39 дивизий (20 американских, 17 британских, в том числе 3 канадские, 1 французская и 1 польская)^[277].

Эйзенхауэр отмечал, что борьба будет носить бескомпромиссный характер, и сообщал в

Вашингтон, что необходимо наносить постоянные и все более мощные удары по германским войскам «до тех пор, пока нацисты не будут сокрушены на поле боя. Другого пути не дано. Военный разгром – единственный аргумент, который понимают нацисты. Правда, я не жду, что они воспримут этот аргумент быстро и без ожесточенного сопротивления»^[278].

Эйзенхауэр отдавал себе отчет в том, что дальнейший ход войны во многом зависит не только от исхода боевых операций, но и от того, насколько удастся сплотить союзников. Страны фашистского блока откровенно делали ставку на раскол антигитлеровской коалиции, и Эйзенхауэр видел свою задачу в том, чтобы эта ставка оказалась битой. Руководствуясь этими соображениями, он проявил больше гибкости, чем другие англоамериканские руководители в сложной ситуации, создавшейся после высадки западных союзников во французской Северной Африке. Эйзенхауэр сумел в определенной мере самортизировать нараставшие франко-американские противоречия. Главная суть их заключалась в том, что по мере приближения завершающих сражений Второй мировой войны в США все более активизировались круги, выступавшие с антиголлеских позиций. Этот политический курс США наталкивался на серьезное сопротивление со стороны «Сражающейся Франции» и ее лидера Шарля де Голля.

В этих условиях перед Эйзенхауэром стояла сложная задача – установить отношения сотрудничества с де Голлем, что в конечном счете ему удалось. А это было непросто, так как, помимо сложнейшего комплекса политических проблем данного региона, необходимо было учитывать резко отрицательное отношение к де Голлю со стороны президента США.

Дэвид Ирвинг в своей работе «Война между генералами» много и подробно повествует о напряженных отношениях де Голля с англичанами и американцами. Он пишет о том, что де Голль объяснял поражение Франции в 1940 г. тем, что Рузвельт не оказал его стране необходимой помощи. «Радиостанции и газеты де Голля вели кампанию против политики Соединенных Штатов...» Де Голль ненавидел англичан и сообщалось, что в секретной речи перед французскими парашютистами 4 февраля 1943 г. он заявил: «Несмотря на то, что в настоящее время для французов необходимо вести проанглийскую пропаганду, англичане, как и немцы, в большинстве исконные враги французов. Именно русские, с военной точки зрения, выиграют войну, и французам следует льстить им и получать максимально возможную выгоду из трудностей русских с англо-саксонцами. После того как я возьму под контроль Францию, я займу позицию, которая не позволит русским постоянно оккупировать Германию»^[279].

Высадка англо-американских войск во Франции, с учетом серьезных противоречий между этой страной и англо-американскими союзниками, привела к сложным проблемам.

В основе негативного отношения Рузвельта к де Голлю, помимо объективных причин, изложенных выше, лежал и фактор субъективного характера. Президент США, как и многие другие известные деятели западных союзников, довольно скептически смотрел на политические потенции и амбиции генерала де Голля.

Во время подготовки вторжения союзников в Нормандию острота противоречий между де Голлем и англоамериканскими союзниками не только не сгладилась, но еще больше обострилась. Для этого имелись свои объективные причины: день высадки во Франции приближался, а союзники не спешили демонстрировать свое понимание национальных нужд «Сражающейся Франции». Эти объективные противоречия между тремя союзниками находили свое отражение в отношениях между Рузвельтом, Черчиллем и де Голлем. И Эйзенхауэр должен был действовать с учетом этих сложных отношений.

Рузвельт был далеко за океаном, а Черчилль и де Голль имели в месяцы, предшествовавшие вторжению, многочисленные контакты, которые порой были очень неприятны и для той, и для другой стороны. Черчилль заявлял потом, что из «всех крестов», какие он нес во время войны, «самым тяжелым был Лотарингский крест»^[280]. (Лотарингский крест – эмблема «Сражающейся Франции». – Р. И.)

Хотя западные союзники высаживались на территории Франции, де Голль не получил никакой информации о деталях операции^[281]. Это решение было принято вопреки мнению Эйзенхауэра, который со всей настойчивостью обращал внимание Рузвельта на необходимость взаимопонимания с де Голлем^[282]. Это, разумеется, было продиктовано нуждами вооруженной борьбы.

Показательно, что, прибыв в Англию 16 января 1944 г., Эйзенхауэр на следующий же день провел пресс-конференцию, на которой подчеркивал, что он является союзным главнокомандующим. «Я союзный военачальник, – говорил он, – и в основу деятельности моего штаба и всех операций, проводимых под моим командованием, будут положены интересы союзников»^[283].

Взаимоотношения с прессой у главнокомандующего, так же как в Северной Африке и Италии, установились самые хорошие. Этому в немалой степени способствовало впечатление, произведенное Эйзенхауэром на журналистов уже на первой пресс-конференции. Им импонировали быстрые и четкие ответы генерала на многочисленные вопросы и его прекрасная память.

Уже на посту Главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе Эйзенхауэр проявил незаурядные политические и дипломатические способности. Ричард Никсон с полным основанием отмечал в мемуарах: «Хотя на протяжении всей своей жизни он (Эйзенхауэр. – Р.И.) всегда утверждал, что не является политическим деятелем, но никто не мог быть Главнокомандующим союзными войсками в Европе во время Второй мировой войны, не будучи при этом не просто политическим деятелем, а крупным политиком»^[284].

Многие биографы Эйзенхауэра отмечают, что и на посту Главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе, и в качестве командующего американскими оккупационными войсками в Германии он осуществлял важные политические и дипломатические функции.

Авторы работы, опубликованной к 100-летию Эйзенхауэра, писали: «Наступление мира в Европе ни в коей мере не привело к окончанию его ответственности как командующего, она только приобрела иной характер. Как командующий американскими оккупационными войсками в Германии, Эйзенхауэр выполнял обременительные обязанности, что часто втягивало его в политические дискуссии»^[285].

Забот у Эйзенхауэра было много. Только американских солдат и офицеров на островах было уже 1,5 млн человек. Проводился большой комплекс военно-инженерных работ. Союзные войска готовились применить химическое оружие в случае его использования противником. Вставал также вопрос, успеют ли гитлеровцы создать свое секретное оружие и какие коррективы необходимо будет вносить в военные планы в случае использования этого оружия против Англии, какая информация могла быть предоставлена прессе и многое другое^[286]. Эйзенхауэр лично инспектировал не только американские, но и английские и канадские части^[287].

Он категорически запретил организацию парадов в свою честь во время его пребывания

в частях. Командиры должны были проводить боевую учебу согласно составленному расписанию. Главнокомандующий путешествовал в специальном поезде, имевшем надежную связь с Лондоном. Радиоприемником и радиоперехватчиком был оборудован и джип генерала, так что в любое время дня и ночи он мог получить экстренную информацию из своего штаба.

«Кухня была первым, что он проверял в любом военном лагере. Следующим генерал проверял здоровье людей и потом уже их оружие и военное снаряжение». Проявляя заботу о военнослужащих, Эйзенхауэр вместе с тем самым решительным образом боролся за строжайшую дисциплину в войсках. «Только армия, обладающая самодисциплиной, – заявлял он солдатам, – может одерживать победы»^[288]. Эйзенхауэр часто и подолгу беседовал с военнослужащими всех национальностей и всегда умел находить слова, чтобы морально поддержать их накануне боев. Шутка, юмор были важнейшим оружием в арсенале главнокомандующего, когда во время поездок по войскам он стремился поднять моральный дух солдат^[289].

Авиация союзников совершала массированные налеты на важнейшие центры коммуникаций противника. В канун высадки с воздуха было разрушено 82 железнодорожных узла стратегического значения, что лишило немцев возможности быстро маневрировать резервами и перебрасывать подкрепления в угрожаемые районы. В Плимуте, Портленде, Портсмуте, во многих других крупных и мелких портах Англии приготовились к началу операции десантные суда. Казалось, все было продумано до мелочей, чтобы обеспечить успех десанта. Но в ход событий мог вмешаться фактор, во многом не поддающийся контролю, – погода.

Поэтому Эйзенхауэр начиная с марта проводил своеобразные репетиции вторжения. Каждый понедельник он получал от метеорологической службы прогноз на очередную среду. Получив необходимую информацию, главнокомандующий запрашивал командующих ВВС, ВМС и других служб, какие коррективы внесет погода в их действия в условиях высадки в среду. К маю был накоплен определенный опыт внесения необходимых коррективов в действия по форсированию Ла-Манша и высадке на континенте с учетом прогнозов погоды. Опыт этот был далеко не обнадеживающим. Он еще раз свидетельствовал, что работа метеослужбы была далека от совершенства.

Высадка была назначена на 5 июня, а 3 июня метеорологи сообщили, что в этот день ожидаются сильное волнение моря, резкий ветер.

3 июня Эйзенхауэр, Монтгомери, английский главный маршал авиации Теддер и другие военачальники собрались на совет в небольшой деревушке недалеко от Портсмута. Настроение у них было мрачным. Принятие решения о сроке высадки перенесли на следующий день. Но и на завтра погода продолжала ухудшаться, а вместе с нею мрачнели и лица союзных военачальников, ведь нужно было незамедлительно высказаться по вопросу, от которого зависел весь исход операции. Ясно было только одно: высадка 5 июня невозможна. Было принято решение начать десантирование 6 июня. В Портсмут 4 июня прибыли Черчилль и де Голль. Они подолгу совещались с Эйзенхауэром, каждый час запрашивая новую сводку погоды. Вести были неутешительными. В течение ближайших 48 часов метеорологи обещали некоторое улучшение погоды, а в дальнейшем – вновь резкое и продолжительное ее ухудшение: штормы, напоминающие декабрьские бури.

5 июня в 4 часа утра Эйзенхауэр вновь собрал совещание высших военных руководителей. Метеорологи ничем не могли порадовать его участников совещания. Более того,

предсказывая некоторое улучшение погоды 6 июня, порознь опрошенные метеорологи утверждали, что продолжительный прогноз свидетельствует о приближении длительного периода штормов. «Стало тихо. Все смотрели на Эйзенхауэра. Только он один мог принять решение»^[290].

В своих мемуарах Дуайт Эйзенхауэр описывает принятие решения без каких-либо особых эмоций. «...Возможные последствия дальнейшей задержки оправдывали большой риск, – писал главнокомандующий, – и я быстро объявил решение приступить к десантированию 6 июня. Было 4.15 утра 5 июня»^[291]. Участники совещания молча разошлись по своим местам, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Сам Эйзенхауэр, располагая очень ограниченным временем, поехал все же в воздушно-десантные войска, так как ожидалось, что именно эти части понесут на следующий день особенно тяжелые потери. Некоторые эксперты считали, что до 80% десантников должны будут погибнуть^[292].

И все же была проблема более важная, чем моральная поддержка этого рода войск личным визитом главнокомандующего. Решение Эйзенхауэра начать операцию 6 июня было оправданным, но рискованным. Так же как и накануне операций в Северной Африке и Италии, он оставил письменный документ, в котором говорилось, что ответственность за все непредвиденное, что может произойти, несет только он один^[293].

По случайному совпадению операция началась в шесть часов утра, в шестой день недели, шестой месяц года. Некоторые суеверные военнослужащие считали это хорошим предзнаменованием, другие – плохим, но во всяком случае успех операции превзошел все ожидания. Погода в целом создала значительные, но преодолимые трудности при высадке на побережье Нормандии. Более того, противник не ожидал, что при столь неблагоприятных метеорологических условиях возможна высадка десанта. Элемент внезапности был достигнут полностью. Помимо этого, новый немецкий командующий группой войск Роммель выехал в Германию (у жены был день рождения), что также внесло определенную дезорганизацию в оборонительные усилия противника.

Широко разрекламированный геббельсовской пропагандой Атлантический вал в значительной мере оказался мифом. Союзные войска без каких-либо особых осложнений высадились в Нормандии и стали быстро расширять плацдарм. Через несколько дней после начала операции туда прибыл Эйзенхауэр, чтобы своими глазами увидеть ход военных действий.

Успешное начало «Оверлорда» породило в определенных военных и политических кругах уверенность в скором окончании войны. Иной точки зрения придерживался Эйзенхауэр. В одном из интервью он заявил, «что, по его мнению, Гитлер в конце концов повесится, но прежде он будет «сражаться до ... конца» и большая часть его войск будет сражаться вместе с ним. Это было проникновение в разум врага, высшая форма военного искусства – Эйзенхауэр оказался совершенно прав»^[294].

Оправившись после неожиданного удара, фашистское командование перебросило в Нормандию подкрепление, и вскоре здесь завязались довольно упорные бои. Но потери союзников были относительно невелики. За первые десять дней боев американские войска, например, потеряли 3283 человека убитыми, 12 600 ранеными и 7959 пропавшими без вести^[295].

Эйзенхауэр понимал, насколько огромно значение советско-германского фронта и как

необходима координация операции «Оверлорд» с боевыми действиями советского союзника.

Подробно изложив факты, свидетельствующие об отношении Дуайта Эйзенхауэра к вопросу о согласовании с русским союзником предстоявших десантных операций на материк, Дэвид Эйзенхауэр в своем исследовании делал вывод, что «координация (планов союзников. – Р.И.) с русскими, очевидно, всегда была необходима, по крайней мере, для того, чтобы парализовать возможность Германии к сопротивлению»^[296].

Советская сторона высоко оценивала успешное осуществление операции «Оверлорд».

После высадки в Нормандии Сталин поздравил союзников с открытием второго фронта. «Очевидно, – сообщал он, – десантная операция, осуществленная в грандиозных масштабах, завершилась успешно». Сталин подчеркнул, что «Ла-Манш не удалось форсировать ни Наполеону, ни Гитлеру... Только наши союзники смогли успешно реализовать грандиозные планы форсирования пролива. История отметит это как величайшее достижение...»^[297].

До победы было еще далеко, но ход развития событий настоятельно требовал определить личное отношение главнокомандующего к судьбе противника. Эйзенхауэр был настроен в то время весьма решительно. «Он высказывался за «уничтожение» германского генерального штаба численностью в 3 500 человек и предлагал «ликвидировать» всех членов нацистской партии... (высокого ранга. – Р. И.) и всех гестаповцев»^[298].

Со временем точка зрения Эйзенхауэра по ряду политических проблем войны претерпела существенные изменения. В конце 1964 г. он заявил, например, в одном из своих интервью, что принятие принципа безоговорочной капитуляции в 1943 г. было ошибкой, так как оно «будто бы вынудило Германию воевать дальше»^[299].

В день начала операции «Оверлорд» в Вест-Пойнте состоялся выпуск курса, на котором учился Джон Эйзенхауэр. Мэми приехала, чтобы участвовать в этой торжественной церемонии. Утром ее разбудил телефонный звонок корреспондента газеты «Нью-Йорк пост», который обязательно хотел узнать мнение супруги Эйзенхауэра о начавшемся вторжении союзников в Европу. «Вторжении? – закричала она. – Мое мнение? Почему никто мне не сказал об этом?»^[300].

Лейтенант Джон Эйзенхауэр по инициативе генерала Маршалла получил нечто вроде подарка ко дню окончания академии. Положенный ему месяц отпуска он мог провести во Франции с отцом. Поездка в Европу предпринималась в условиях глубокой тайны^[301].

В первые же дни высадки во Франции возникли острые политические проблемы. «Сражающаяся Франция» и в первую очередь коммунисты, «партия расстрелянных», понесшая огромные потери в борьбе с оккупантами, по праву считали, что западные союзники должны учитывать национальные интересы их родины. Вся острота этой проблемы нашла свое отражение в сложных отношениях, установившихся между де Голлем и англо-американскими союзниками.

Антипатия Рузвельта и Черчилля к генералу де Голлю не имела чисто личностный характер. Лидер «Сражающейся Франции» жестко отстаивал интересы своей страны, что вело к резкому обострению его отношений и с Рузвельтом, и с Черчиллем. Отношения между де Голлем и руководителями Англии и США неуклонно обострялись. 14 сентября 1942 г., в канун высадки союзников в Северной Африке Черчилль информировал Рузвельта: «Я согласен с Вами в том, что де Голль будет вызывать раздражение и его не следует допускать туда (в Северную Африку. – Р. И.)»^[302]. В июне 1943 г. Рузвельт сообщал Черчиллю: «Я сыт по горло де Голлем... я абсолютно уверен, что он нанес и продолжает

наносить ущерб нашим военным усилиям и представляет для нас большую угрозу... он при первой возможности обманет и нас, и вас. Я согласен с Вами, что настало время, когда мы должны порвать с ним...» Эйзенхауэр не мог игнорировать негативное отношение Рузвельта и Черчилля к де Голлю. Показательно, что лидер «Сражающейся Франции» «оставался в полном неведении относительно планов генерала Эйзенхауэра, связанных с предстоящим вторжением в Европу»^[303].

Если в Северной Африке Эйзенхауэру пришлось столкнуться с серьезными политическими проблемами, то во время высадки на территории самой Франции эти проблемы, их сложность возросли во много раз. Дуайт был прав, когда предвидел неизбежность усиления влияния де Голля и необходимость учитывать это в отношениях с ним.

18 июня 1940 г., после национальной катастрофы Франции, мало кому известный тогда бригадный генерал де Голль заявил, выступая по английскому радио: «Франция проиграла сражение, но не войну»^[304]. И вот теперь наступил час решающей битвы за интересы Франции. К моменту высадки союзников в Нормандии де Голль во Франции стал уже общепризнанным национальным лидером. Но в Вашингтоне и Лондоне влиятельные политические круги продолжали рассматривать его чуть ли не как одного из многих бригадных генералов, и не больше.

Это не могло не наложить свой отпечаток на взаимоотношения между де Голлем и англо-американским верховным командованием. За несколько дней до начала операции «Оверлорд» де Голль прибыл в Лондон из Алжира, где находился Французский комитет национального освобождения. Политические деятели в США и Англии дискутировали по вопросу, можно ли считать этот Комитет временным правительством Франции. Но бесспорно было одно: это была реальная политическая сила, игнорирование которой могло привести к очень серьезным осложнениям во взаимоотношениях между западными союзниками.

В операции «Оверлорд» основная часть живой силы и военной техники была американской. И точно так же, как в Северной Африке, Рузвельт считал, что главную роль при решении всех важнейших вопросов в освобождаемых странах, в первую очередь во Франции, должен был играть Эйзенхауэр. Чтобы у Черчилля на этот счет не было никаких сомнений, Рузвельт 29 февраля 1944 г. информировал британского премьер-министра, что все инструкции Эйзенхауэру он «составил заново, имея в виду возложить на главнокомандующего единоличную ответственность за операцию «Оверлорд» и за поддержание законности, порядка и разумного правосудия в первые несколько месяцев после того, как мы окажемся во Франции»^[305].

И опять так же, как в Северной Африке, подобный расклад ответственности сталкивал Эйзенхауэра с Черчиллем и де Голлем. Но с учетом того, что «Оверлорд» по своему значению несравненно превосходил операцию «Факел», степень противоречий между Эйзенхауэром и Черчиллем, и особенно противоречий с де Голлем, резко возростала.

По прибытии де Голля в Лондон начальник штаба Эйзенхауэра Бэдделл Смит вручил ему текст декларации, с которой Эйзенхауэр собирался обратиться к оккупированным народам Европы, в том числе и к французскому народу. Смит предложил французскому лидеру внести в документ исправления и дополнения, которые тот счел бы необходимыми. Де Голль работал над текстом всю ночь и фактически переписал его заново. Но утром ему сообщили, что правку принять невозможно, потому что листовки с декларацией Эйзенхауэра уже

отпечатаны. Де Голлю предложили выступить по радио со своим собственным заявлением уже после того, как эти листовки будут сброшены над территорией Франции.

Взбешенный французский руководитель заявил: «Я не могу последовать за Эйзенхауэром» – и немедленно покинул штаб союзников. Что имел в виду де Голль? Что он не может выступить по радио после Эйзенхауэра? Или что он не мог следовать его политическому курсу в целом? И Эйзенхауэр, и Черчилль понимали, что если де Голль не обратится с воззванием к французскому народу, то политические и военные последствия этого шага будут очень тяжелыми. 5 июня британский кабинет министров заседал всю середину дня и вечер, обсуждая создавшуюся ситуацию. Де Голль выступил по радио с обращением к французам, призвав их всемерно поддержать западных союзников, но недвусмысленно заявил, что суверенные права на территории Франции будут принадлежать возглавляемому им правительству. И де Голль последовательно претворял в жизнь этот курс, что приводило к целому ряду серьезных столкновений между ним и союзным главнокомандующим. Вновь, как и в Северной Африке, Эйзенхауэр получил неопровержимые свидетельства того, что политические проблемы бывают нередко во много раз сложнее, чем военные.

Его биографы отмечают, что при решении политических, военных и экономических проблем во Франции он проявил выдержку и политический такт^[306]. Однако надо со всей определенностью отметить, что западные союзники и французское эмигрантское руководство всемерно сдерживали вооруженную борьбу сил французского Сопротивления, особенно тех его отрядов, которыми руководили коммунисты. Эйзенхауэр, например, рекомендовал французам избегать восстаний, которые, по его мнению, приведут якобы к «бесполезным жертвам»^[307].

Главнокомандующий резко отрицательно относился к коммунистам – самым активным участникам движения Сопротивления. Он утверждал в своих мемуарах, что «в значительной части подпольного движения получили широкое распространение коммунистические доктрины, а с освобождением коммунисты, хотя и в меньшинстве, но настроенные решительно, начали ослаблять национальную волю к восстановлению былой мощи и процветания Франции в Западной Европе»^[308].

Превосходство западных союзников в живой силе и технике было бесспорным, но тем не менее они столкнулись с целым рядом трудностей. После высадки в Нормандии начались обстрелы Лондона и других районов страны немецкими самолетами-снарядами. Обычные средства ПВО оказались малоэффективными против этого нового оружия. Очевидец налетов на Лондон и южную Англию с помощью реактивных снарядов ФАУ-1 писал, что только за пять первых недель налетов 15 тыс. домов были полностью разрушены, 691 тыс. повреждены. Более 4 тыс. гражданских лиц были убиты, свыше 12 тыс. тяжело ранены. Началась массовая эвакуация детей. А затем на Лондон обрушились новые ракеты – ФАУ-2. Если ФАУ-1 имели скорость 250—380 миль в час и несли заряд весом в 1 т, то ФАУ-2 обладали сверхзвуковой скоростью и огромной разрушительной силой – вес заряда доходил до 7 т^[309].

С особым удовлетворением геббельсовская пропаганда отмечала, что один самолет-снаряд угодил в штаб Эйзенхауэра в Лондоне. Радикальное средство прекратить разрушительные налеты заключалось в том, чтобы захватить районы, где находились стартовые площадки для запуска снарядов. Но темпы продвижения западных союзников были столь незначительными, что стало очевидным – они не скоро займут эти районы.

Изыскивать аргументы, объясняющие относительно пассивный характер ведения военных действий со стороны союзной армии, становилось все труднее, ведь поток военной техники и войсковых частей, направлявшийся с Британских островов, непрерывно возрастал.

Определяющее значение и после высадки союзников в Нормандии продолжал иметь Восточный фронт. К середине 1944 г. на огромном советско-германском фронте протяженностью 4,5 тыс. км находилась 461 советская дивизия. Войска Советского Союза насчитывали 6,6 млн человек, 98, 1 тыс. орудий и минометов, 7, 1 тыс. танков и САУ, около 12,9 тыс. боевых самолетов. Им противостояли 228 дивизий и 23 бригады фашистской Германии и ее союзников. Эти силы составляли 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, 7, 8 тыс. танков и штурмовых орудий, 3, 2 тыс. боевых самолетов^[310]. Советско-германский фронт приковывал к себе две трети фашистских войск.

23 июня 1944 г. Красная Армия начала мощное наступление в Белоруссии (операция «Багратион»), в которой участвовали 2,4 млн советских военнослужащих, 36, 4 тыс. орудий и минометов, 5, 2 тыс. танков и САУ, 5, 3 тыс. боевых самолетов. Во время этого наступления потери противника в живой силе и боевой технике были огромными. Советские войска в ходе этой операции продвинулись к границам рейха на 550—600 км^[311]. Таковы были масштабы только одного наступления советских Вооруженных Сил, которое проходило параллельно с Нормандской десантной операцией.

К началу операции «Оверлорд» в союзных экспедиционных силах насчитывалось 1,6 млн человек, 6 тыс. танков и САУ, 15 тыс. орудий и минометов, 10 859 боевых самолетов. Силы третьего рейха исчислялись 526 тыс. человек, 2 тыс. танков и САУ, 6700 орудий и минометов, 160 боевыми самолетами^[312].

Эти данные свидетельствуют о том, что не могло быть никакого сравнения между масштабами операций на Восточном и Западном фронтах. «Второй фронт в Европе был открыт в июне 1944 г., с опозданием на два года. Но советско-германский фронт и после этого оставался решающим...»^[313].

Объективные западные историки признают эти бесспорные факты. Автор популярной биографии Эйзенхауэра К. Дэвис писал: «В Великобритании и в Америке огромное восхищение советскими успехами сопровождалось каким-то чувством вины, так как западные союзники делали очень мало»^[314].

Сказывались малый опыт в проведении крупных военных операций, недостаточная выучка солдат, немногочисленность боевых генералов среди западных союзников, способных осуществлять наступательные операции широкого масштаба. Эйзенхауэру пришлось произвести перестановки в командном составе союзников. В частности, он назначил командующим одной из армий генерала Паттона.

А в самый канун высадки в Нормандии этот старый приятель Айка вновь попал в неприглядную историю. Выступая в Бристоле, он заявил о том, что, очевидно, не раз являлось темой дискуссий среди англо-американского командования в узком кругу. Генерал без обиняков сказал, что после войны Британия и США будут «править миром». На следующий день заявление бравого вояки украшало первые страницы всех центральных английских и американских газет.

Гневу главнокомандующего не было предела. Эйзенхауэр категорически запретил Паттону встречаться с журналистами и делать какие-либо заявления для прессы. Паттон дал торжественное обещание следовать этому распоряжению, но все же решил «исправить»

ошибку, сообщив журналистам, что в «числе держав», «правлящих миром», он имел в виду и Россию. «Упражнения» Паттона в мировой политике создали серьезные осложнения дипломатического порядка.

В ходе боев в Нормандии западные союзники впервые познали, что такое панический страх перед диверсией в тылу, когда на коммуникациях за линией фронта действует переодетый противник, готовый пойти на убийства, поджоги, взрывы, провокации.

Немецкие диверсионные службы стали засылать в тыл западным союзникам своих агентов, переодетых в союзную форму. Вскоре этот маскарад был разоблачен американскими солдатами при совершенно случайных обстоятельствах. На одной из военных дорог к американским военнослужащим обратился человек, одетый в форму солдата США, с просьбой дать ему «петрол» для остановившегося невдалеке джипа, в котором сидело еще несколько «американских солдат». Говоря о бензине, американцы никогда не используют слово «петрол». Подозрительную группу, оказавшуюся немецкими диверсантами, задержали. На допросе выяснилось, что немецкое командование начало широкие операции по засылке в тыл союзников агентов, знающих английский язык. Руководил операцией известный головорез эсэсовец Отто Скорцени, который в 1943 г. выкрал из места заключения фашистского диктатора Муссолини.

Среди союзных солдат и офицеров поползли слухи один неправдоподобнее другого. Сообщалось, что, помимо диверсий и распространения паники, диверсантам приказано выкрасть или убить генерала Эйзенхауэра. Командование обратилось к военнослужащим с призывом всемерно повысить бдительность. Военные патрули стали задерживать всех подозрительных, тщательно проверять документы. Не обошлось и без курьезов. Чтобы определить действительную национальность «подозрительных» задержанных, им часто задавали вопросы, на которые могли бы ответить большинство американцев, но не всякий иностранец. Например, кто такой Мики Маус, каково прозвище той или иной футбольной или бейсбольной «звезды».

Однажды, в самый разгар «охоты на диверсантов», военная полиция задержала командующего американской группой армий генерала Брэдли. Генерал терпеливо ответил на все вопросы, которые вполне удовлетворили командира патруля. Его, правда, смутил ответ генерала на вопрос, какой город является столицей штата Иллинойс. К чести генерала, он правильно назвал Спрингфильд столицей родного штата президента Авраама Линкольна, но военный полицейский был уверен, что столица Иллинойса – крупнейший город штата Чикаго. Брэдли был арестован и подвергнут самому строгому допросу...

Лица, ответственные за безопасность Эйзенхауэра, наложили серьезные ограничения на свободу передвижения главнокомандующего. Однако страх перед немецкими диверсантами вскоре прошел, и рутина военной жизни вошла в свою обычную колею. Дела на фронте, правда, шли неважно. Да ко всему еще резко обострились отношения между Эйзенхауэром и Монтгомери, получившим вскоре звание фельдмаршала.

У Монтгомери имелись свои стратегические планы ведения наступательных операций в Европе. Он исходил из убеждения, что если бы ему дали право эти планы осуществить, то Германия капитулировала уже в 1944 г., т. е. было бы предотвращено освобождение народов Восточной и Юго-Восточной Европы Красной Армией. Эйзенхауэр полагал, что английский фельдмаршал склонен к фантазиям.

По многим военным вопросам между двумя военачальниками шли упорные дискуссии. В отличие от главнокомандующего Монтгомери был мало общителен, даже замкнут. После

смерти жены его замкнутость особенно усилилась, и он нередко часами просиживал в своей трофейной палатке, которую его солдаты захватили во время боев против Роммеля в Африке, не стремясь к контактам с людьми.

Эйзенхауэр, желая как-то растопить лед отчужденности, образовавшийся между ним и Монтомгери, не считаясь со своим положением главнокомандующего, частенько сам заходил к английскому фельдмаршалу. Монтгомери публично игнорировал мнение главнокомандующего. Наконец терпение Дуайта иссякло, и он с присущей ему прямоотой заявил английскому генералу: «Монти, я Ваш босс! Разве можно так обращаться со мной?!»

Очевидно, это заявление оказало на Монтгомери большее впечатление, чем самое резкое приказание. Во всяком случае, он обратился к главнокомандующему с письменным заявлением, в результате которого конфликт оказался исчерпанным.

Вскоре после капитуляции Германии Монтгомери писал Эйзенхауэру: «...служить под вашим командованием было для меня привилегией и большой честью. Я многим обязан вашему мудрому руководству и вашей доброжелательной выдержке. Я хорошо знаю свои недостатки и не считаю, что я легкий подчиненный: я люблю все делать по-своему.

Но в трудные и бурные времена вы не дали мне выбиться из колеи и многому меня научили.

За это я вам очень признателен и благодарю за все, что вы сделали для меня»^[315].

Огромный груз ответственности, тяжесть обстановки на фронте, необходимость все время держать себя в руках в отношениях с подчиненными – все это постепенно делало свое дело. Внезапно наступила глубокая депрессия. Резко подскочившее кровяное давление и головные боли не позволяли Эйзенхауэру в течение некоторого времени эффективно выполнять свои многочисленные обязанности^[316].

В Нормандии, оставаясь верным своим привычкам, он старался как можно больше времени проводить в войсках, любил иногда сам сесть за руль джипа, совершая инспекционные поездки по армейским частям. Однажды, потеряв ориентировку, он пересек линию фронта и провел целый час в расположении немецких войск. Только случай помог главнокомандующему благополучно возвратиться к штабу 90-й дивизии, где ему рассказали, что он побывал в гостях у немцев. Претензии предъявлять было некому – генерал сам вел машину.

На следующий день во время посещения летной части Эйзенхауэр выразил желание обозреть освобожденную территорию Нормандии с высоты птичьего полета. Сопровождавший главнокомандующего генерал Брэдли из соображений безопасности был против такого намерения. Эйзенхауэр все же настоял на своем. Садясь в истребитель «Мустанг», он шутливо сказал: «Хорошо, Брэд, я ведь не собираюсь лететь в Берлин»^[317].

25 августа 1944 г. была освобождена столица Франции. 26 августа Париж торжественно отметил День освобождения. Два миллиона его жителей приняли участие в этом празднике. В Париже состоялась встреча Эйзенхауэра с де Голлем, в ходе которой они обменялись мнениями по вопросу о том, как лучше решать многочисленные экономические, политические и военные проблемы, связанные с освобождением столицы, а. вскоре и всей территории Франции^[318]. На этот раз все обошлось без каких-либо эксцессов, и встреча имела деловой, конструктивный характер.

Освобождение Франции не стоило союзникам значительных военных усилий. Но после этого они вышли на рубежи, где находились долговременные оборонительные сооружения немцев, что сразу же изменило ход и характер военных действий. В течение сентября

союзные армии продвинулись почти на 450 км, а в оставшиеся до конца года месяцы они фактически топтались на месте.

Фашистские войска довольно быстро оправались от поражения во Франции и готовились на своей территории дать союзникам настоящее сражение. Эйзенхауэр заявлял в те дни, что они столкнулись с противником, создавшим «наиболее эффективную систему массового террора – гестапо», что «у нацистов нет другого выхода, как сражаться». Он подчеркивал, что в обычной войне солдаты сдаются, когда положение безнадежно, но с нацистами все будет по-другому. Гитлер «может предоставить своим войскам выбор: или умереть лицом к лицу с противником, или же быть расстрелянным с тыла из пулеметов своими собственными товарищами»^[319]. Такого противника, писал Эйзенхауэр президенту Рузвельту, «необходимо свалить и добить на земле»^[320]. Главнокомандующему было необходимо быстро и своевременно решать массу вопросов, связанных с функционированием огромной военной машины. Остро стояла проблема поддержания в войсках строжайшей дисциплины. Однажды, инспектируя госпиталь в Нормандии, Эйзенхауэр убедился, что среди лечившихся раненых были военнослужащие, которые преднамеренно наносили себе увечья, не желая больше воевать. Эйзенхауэр был взбешен, узнав об этих фактах. После этого он был беспощаден, когда ему приходилось каждую неделю выносить по несколько сот окончательных решений по приговорам военных трибуналов.

Эйзенхауэр очень болезненно реагировал на сообщение о резком падении дисциплины среди солдат 101-й и 82-й дивизий воздушно-десантных войск, отличившихся во время захвата первых предместных укреплений в Нормандии. Когда стало известно, что солдаты этих дивизий совершили несколько изнасилований, его решение было неумолимым: публичная казнь через повешение^[321].

Основную часть своего времени главнокомандующий проводил в войсках, в непрерывных инспекционных поездках. Особенно часто он бывал в подразделениях, которые непосредственно участвовали в военных действиях. Эйзенхауэр «получал во время таких поездок очень много полезной информации»^[322]. Главнокомандующий лично вникал в рассмотрение жалоб солдат и на основании своих собственных впечатлений от инспекционных поездок издал приказ о том, чтобы при решении проблем снабжения и обеспечения отдыха военнослужащих было «равное отношение к офицерам и солдатам»^[323].

Тяжелейшее испытание ждало союзников в Арденнах. Это было «несчастливое» место. Именно здесь в 1940 г. немцы совершили прорыв через расположение французских войск. Однако, по мнению Эйзенхауэра, ситуация в 1944 г. на этом участке фронта была совершенно иной. В 1940 г. немцы действовали в Арденнах с помощью мощных бронетанковых сил. Теперь Айк полагал, что у противника нет ни достаточного количества танков, ни горючего, чтобы провести здесь успешное наступление.

Со стороны главнокомандующего это было грубейшей ошибкой, за которую пришлось расплачиваться очень дорогой ценой. В декабре немецкое командование, перегруппировав свои силы, нанесло неожиданный и мощный удар.

Джон Эйзенхауэр вспоминал в своих мемуарах, что во время одной из первых инспекционных поездок с отцом его поразили огромные пробки на прифронтовых дорогах. Это было явным нарушением всех уставных положений: в случае налета авиации противника союзники понесли бы огромные потери. Обращаясь к отцу, Джон сказал: «Вы никогда бы не выбрались отсюда, если бы не имели превосходства в воздухе». Эйзенхауэр

ответил кратко: «Если бы я не имел превосходства в воздухе, я бы никогда не был здесь»^[324].

Гитлеровцы рассчитывали прорвать оборону англоамериканцев и, развивая наступление, выйти к морю. Наиболее дальновидные представители немецкого командования считали удар под Арденнами авантюрой. Ведь у немцев не было достаточного количества бензина, чтобы дойти от Арденн до Антверпена – главной базы снабжения союзников и конечной точки немецкого наступления.

Эти предостережения фюрером не были приняты во внимание. Гитлер считал, что после прорыва немцы захватят у противника склады горючего и используют его для дальнейшего развития наступления. Кое-кто в Берлине мечтал даже о втором Дюнкерке.

16 декабря 1944 г. немецкие бронетанковые части обрушили на американцев страшный удар. 24 немецкие дивизии быстро смяли американские части, откатившиеся в полном беспорядке. Это была катастрофа. И ответственность за нее полностью ложилась на Эйзенхауэра. Спустя неделю после начала немецкого наступления он составил меморандум, в котором взял на себя всю ответственность за прорыв фронта союзников в Арденнах^[325].

Немецкое наступление развивалось успешно. И хотя немецкие войска не смогли захватить Антверпен, союзники вынуждены были отложить на два месяца свое наступление в направлении Рейна^[326].

Эйзенхауэр имел в резерве всего четыре дивизии, оперируя которыми он сумел прикрыть наиболее опасные направления. Главнокомандующий правильно определил основное направление немецкого наступления после прорыва – город Бастонь, важный узел коммуникаций на пути к Антверпену. Сюда была спешно переброшена 101-я воздушно-десантная дивизия, получившая приказ удерживать Бастонь любой ценой.

Не располагая необходимыми резервами, он бросил в бой штрафников, военнослужащих, осужденных за тяжкие военные преступления. Всем, кто пошел в бой, была обещана отмена приговора военного суда.

Главнокомандующий предложил солдатам-афроамериканцам, служившим в сегрегированных вспомогательных войсках, участвовать в ликвидации прорыва. Все черные участники боев в Арденнах должны были получить право служить в белых пехотных частях. Начальник штаба Эйзенхауэра Б. Смит воспротивился этому приказу, заявив, что он нарушает сегрегационные распоряжения военного министерства. Эйзенхауэр не рискнул пойти на конфликт с Вашингтоном и отменил свое решение.

В тревожные дни немецкого прорыва в Арденнах Черчилль обратился к Сталину с просьбой ускорить наступление на советско-германском фронте. Просьба была удовлетворена, и советские Вооруженные Силы начали наступательные операции 12 января, раньше намеченного срока. Это сыграло решающую роль в ликвидации последствий арденнской катастрофы. Германское командование в результате мощных ударов советских Вооруженных Сил вынуждено было перебросить с Западного фронта на Восточный 6-ю танковую армию СС, а затем еще 16 дивизий. В конце января фашистским войскам, находившимся в Арденнах и Вогезах, пришлось отойти на исходные позиции.

Выполнение обязательств – основа жизнеспособности любого военно-политического союза. В отличие от западных союзников Советское Верховное Главнокомандование было всегда верно своему союзническому долгу.

Тяжелое положение, в котором оказались союзники в результате наступления немцев в Арденнах, еще раз свидетельствовало о настоятельной необходимости теснейшей координации общих военных усилий в интересах быстрейшего разгрома врага. Советское

Верховное Главнокомандование делало все возможное, чтобы обеспечить такую координацию.

Между тем «Гитлер начал перебрасывать свои войска с Западного фронта на Восточный, пока к концу марта 1945 г. против западных союзников осталось менее 30 немецких дивизий, в то время как русским противостояло более 150 дивизий»^[327].

Арденны заставили союзников серьезно задуматься над дальнейшими перспективами развития военных действий в Европе. Американский посол в Москве Гарриман «предложил, чтобы Эйзенхауэр лично направился в Москву на переговоры». Обстоятельства не позволили Эйзенхауэру воспользоваться этим предложением, и в Москву был направлен английский главный маршал авиации Теддер. «Перед ним стояла настоятельная необходимость выяснить, была ли угроза задержки русского зимнего наступления, что облегчило бы давление немцев на Западе, являлись ли Арденны только первым из многих подобных наступлений немцев на Западе»^[328].

Его миссия дала положительные результаты. Сталин заверил Теддера в том, что советское наступление приведет к облегчению положения союзников в Арденнах. «Сталин сказал, что немцы проявили больше решительности, чем здравого смысла, и что их наступление в Арденнах было ошибкой. И тем не менее он не считает, что война кончится раньше наступления лета. Встреча Теддера со Сталиным рассматривалась как один из наиболее плодотворных обменов мнениями между Западом и Россией за весь период войны. Прямые контакты военного специалиста со Сталиным оказались значительно более эффективными, чем бесчисленные дипломатические тонкости»^[329].

Сталин был не только верховным главнокомандующим, но и диктатором великой державы. Западные государственные, политические и военные лидеры располагали достаточно полной информацией о террористическом характере установленного им режима. И естественно, что, вступая в контакты со Сталиным, они не могли не учитывать эту сторону его деятельности.

Джордж Кеннан, будущий посол США в СССР, во время войны был атташе американского посольства в Москве. Он дал показательную характеристику Сталина: «Смелый, но осторожный, легко впадающий в гнев и подозрительный, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей; способный действовать с большой решительностью или выжидательно и скрытно – в зависимости от обстоятельств; внешне скромный и простой, но ревниво относящийся к престижу и достоинству государства... принципиальный и беспощадно реалистичный, решительный в своих требованиях в отношении лояльности, уважения и подчинения; остро и несентиментально изучающий людей – он мог быть, как настоящий грузинский герой, большим и хорошим другом или непримиримым, опасным врагом. Для него трудно было быть где-то посередине между тем и другим»^[330].

В марте 1945 г. Эйзенхауэр установил прямые связи с советским Верховным Главнокомандующим. 28 марта через американскую военную миссию в Москве он направил послание Сталину. Характерно, что если Эйзенхауэр, посылая Теддера в Москву, получил на это предварительное согласие Объединенного комитета начальников штабов, то данную акцию он совершил по собственной инициативе.

Дэвид Эйзенхауэр называет послание Дуайта Эйзенхауэра Сталину «беспрецедентным» и отмечает, что «он направил его без консультации с Объединенным штабом СОЮЗНИКОВ»^[331].

В послании к Сталину Эйзенхауэр писал, что его ближайшая цель – окружить Рур и отрезать этот индустриальный центр от остальной части Германии. Эту операцию он рассчитывал завершить к 1 апреля, а затем расколоть единый фронт противника, соединившись с советскими войсками. Эйзенхауэр заканчивал свое послание указанием на то, что успех его операций зависит от координации военных усилий с советскими Вооруженными Силами. Союзный главнокомандующий спрашивал Сталина, каковы будут ближайшие планы советского командования^[332].

Показательно, что Эйзенхауэр ничего не сказал в этом послании ни о Берлине, ни о Эльбе как о рубежах, на которые готовились выйти американские войска.

«Сталин ответил Эйзенхауэру очень быстро. Он согласился с предложенным планом и районами для соединения»^[333].

В своем ответе Эйзенхауэру Сталин писал, что Берлин потерял свое прежнее стратегическое значение и Красная Армия будет штурмовать столицу Германии лишь вспомогательными силами. В действительности уже в то время советским командованием на берлинское направление были брошены огромные силы, «миллион с четвертью солдат и двадцать две тысячи артиллерийских стволов». Англичане заявили Маршаллу самый решительный протест против отказа Эйзенхауэра штурмовать Берлин, «не в восторге они были и от того, что Эйзенхауэр начал непосредственно общаться со Сталиным. Они боялись, что Сталин оставит Эйзенхауэра в дураках»^[334].

Черчилль и руководящие военные круги Великобритании не скрывали своего отрицательного отношения к действиям Эйзенхауэра, они открыто заявили, что ему не было необходимости напрямую обращаться к Сталину, если это и надо было сделать, то только через Объединенный штаб союзных войск. Помимо политической стороны вопроса, Черчилль высказывал и свое несогласие с рядом военных соображений, высказанных в послании Эйзенхауэра Сталину^[335]. В частности, это касалось вопроса о Берлине. «Идея пренебрежительного отношения к Берлину, – заявлял британский премьер-министр, – и предоставления возможности в будущем русским брать Берлин не кажется мне правильной»^[336].

Британский премьер-министр был искренне убежден, что он – настоящий военный стратег, а поэтому все серьезные вопросы необходимо согласовывать с ним или с его штабом.

«Черчилль был страшно разгневан на Эйзенхауэра за то, что тот не проконсультировался с его советниками, с союзным комитетом начальников штабов или со своими политическими руководителями, а также за то, что Эйзенхауэр, как он считал, не в состоянии здраво оценивать политическую обстановку»^[337].

Эйзенхауэр в ответ на все критические замечания отвечал, что его цель – уничтожение германской армии и победа, что этой задаче он подчиняет все свои действия. В документе, направленном одновременно Черчиллю и Объединенному комитету начальников штабов, он подробно излагал свои военные планы на заключительном этапе войны. В частности, Эйзенхауэр подчеркивал целесообразность соединения русских и западных союзников на юге Германии^[338].

По мере приближения окончания войны активность Черчилля все более возрастала. «... Скоро выяснилось, – вспоминал Эйзенхауэр, – что премьер-министр серьезно возражает против моих действий такого рода». Черчилль считал, что, «поскольку кампания теперь приближалась к завершению, действия войск приобрели политическое значение, которое

требует вмешательства политических лидеров в разработку широких операционных планов»^[339].

Отношение советской стороны к Черчиллю было далеко не однозначным. В Советском Союзе была хорошо известна роль этого политика как одного из организаторов антисоветской интервенции в годы Гражданской войны в Советской России. Для советского руководства не была секретом его позиция в вопросе об открытии второго фронта. Вместе с тем, как государственный, политический, военный лидер, Уинстон Черчилль был, несомненно, выдающейся фигурой. И, очевидно, Сталин был искренен, когда во время одной из встреч на Ялтинской конференции он предложил тост за руководителя делегации Великобритании, назвав его человеком, «который рождается раз в столетие», чьи личные качества оказывают воздействие на ход истории, человеком, который «в то время, когда вся Европа была готова распластаться перед Гитлером, заявил, что Британия выстоит и будет в одиночку, без союзников сражаться против Германии»^[340].

Даже сделав поправку на то, что в любом тосте, очевидно, всегда присутствуют определенные преувеличения достоинств того, кому он посвящается, эта оценка Черчилля и его роли во Второй мировой войне, на мой взгляд, показательна.

В военно-политической истории Второй мировой войны важная роль принадлежит Ялтинской конференции, состоявшейся в феврале 1945 г.

Дэвид Эйзенхауэр писал, что на Ялтинской конференции положение ее участников определялось тем, кто и сколько одержал побед к этому времени, кто принес больше жертв в совместной борьбе, кто мог внести больший вклад в восстановление всего, что было разрушено войной. Он отмечал, что к февралю 1945 г. «промышленное производство США достигло беспрецедентного уровня, действительно несравнимого с любой другой страной».

Открытие второго фронта приближало окончание войны и «рельефно очертило решающую роль Америки в войне». Англия воевала дольше, чем кто-либо другой, и была очень заинтересована в ее окончании, но она израсходовала свои экономические и политические ресурсы. Советские ресурсы потенциально были огромны, людские потери России и ее военный вклад были решающими, и в силу этого Сталин доминировал на конференции»^[341].

Расстановка политических сил на Ялтинской конференции зачастую была не в пользу Черчилля. Несмотря на идеологическое и политическое противостояние, Рузвельт и Сталин проявляли друг к другу определенную симпатию и нередко находили взаимопонимание по сложнейшим проблемам. «Рузвельт, которому предстояло вскоре встретиться со Сталиным в Ялте, почти немедленно пришел к заключению, что он найдет взаимопонимание со старым Джо и сможет приручить русского медведя»^[342].

Суть политических планов Черчилля была очевидна. На протяжении всей войны он всемерно затягивал открытие второго фронта. А когда оставались считанные недели до ее окончания, Черчилль делал все возможное, чтобы захватить более выгодные исходные рубежи для ведения в будущем «холодной войны», духовным отцом которой он по праву считается. Английский премьер стремился продвинуть позиции союзников как можно дальше на Восток. Он заявлял Эйзенхауэру: «Я полагаю, что исключительно важно, чтобы мы обменялись рукопожатием с русскими как можно дальше на Востоке»^[343].

Приближалось окончание войны, и естественно, что противоречия между союзниками принимали все более заметные очертания, что нашло свое проявление и в работе Ялтинской конференции.

Характерной чертой этой встречи на высшем уровне было и то, что в отношениях между Сталиным и Рузвельтом достаточно зримо просматривался элемент определенной симпатии. И они находили общий язык по ряду вопросов в значительно большей степени, чем это имело место между Сталиным и Черчиллем.

Британский премьер-министр достаточно болезненно реагировал на это, хотя никакой новостью для него не было, что лидеры США и СССР имели достаточно хорошие отношения. Рузвельт не считал нужным скрывать это от своего английского союзника. Еще 18 марта 1942 г. он сообщал Черчиллю: «Я знаю, что Вы не будете возражать против моей грубой откровенности, если сообщу Вам, что, как я думаю, я лично могу столкнуться со Сталиным лучше, чем ваше министерство иностранных дел или мой государственный департамент. Сталин не выносит надменности ваших высших руководителей. Он исходит из того, что я ему нравлюсь больше, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать»^[344].

На протяжении всей войны Черчилль много конфликтовал с союзниками, и не только с советским, но и с американским, с лидером сражающейся Франции генералом де Голлем. Однако у британского премьер-министра было достаточно здравого смысла, чтобы в конечном счете прийти к заключению: «единственное, что хуже войны с союзниками, это война без союзников!»^[345]

Было бы неправильным считать, что только Черчилль всемерно ратовал за принятие любых мер, чтобы помешать советскому союзнику прорваться в Восточную и Западную Европу в ходе разгрома Германии и продвинуть социалистические аванпосты как можно дальше на Запад.

В принципе английская и американская позиции в этом вопросе были однозначны. В сентябре 1944 г. на второй Квебекской конференции в беседе с австрийским эрцгерцогом Отто Рузвельт прямо заявил: «Наша главная забота состоит в том, как не пустить коммунистов в Венгрию и Австрию»^[346].

Американцы считали, что Черчилль придавал исключительно важное значение тому, чтобы помешать русским занять выгодные позиции в Европе, с которых они могли бы успешно вести борьбу с западными странами после завершения Второй мировой войны. А в неизбежности такой борьбы Черчилль никогда не сомневался. В официальной американской истории совместного стратегического планирования отмечается, что «к лету 1944 г. война вступила в новую эру и Черчилль, глядя на Европейский континент, одним глазом следил за отступающими немцами, другим – за наступающими русскими»^[347].

Авторы вступительной главы к одному из разделов «Секретной переписки Рузвельта и Черчилля в период войны» обоснованно писали: «Главной заботой Черчилля было, конечно, то, что продвижение Красной Армии могло дать русским возможность навязать коммунистические правительства многим странам Восточной Европы, чему он стал бы упорно сопротивляться»^[348].

Сталин уверял Рузвельта и Черчилля, своих партнеров по антифашистской коалиции, что он не намерен насаждать коммунистические порядки в странах Европы. Например, встречаясь в августе 1944 г. с руководителем лондонских поляков Миколайчиком, Сталин в ответ на его замечание, что есть информация о намерении СССР навязать Германии после войны коммунизм, ответил, что коммунизм подходит Германии, «как корове седло»^[349].

Заверениям советского лидера, что он будет политически нейтрален в европейских странах, в которые придет Красная Армия, мало кто верил в Лондоне и Вашингтоне.

Бесспорно, что в конце войны каждый из союзников хотел занять в Европе максимально удобные стратегические позиции.

Такой американский авторитет в вопросах внешней политики, как Генри Киссинджер, писал: «К концу войны настойчиво, но тщетно он (Черчилль. – Р. И.) умолял Эйзенхауэра брать Берлин, Прагу и Вену». Киссинджер подчеркивал, что Черчилль руководствовался не военными, а чисто политическими соображениями, необходимостью «пребывания там для ограничения послевоенного влияния Советского Союза»^[350].

Черчилль считал, что Берлин должны брать западные союзники, причем не американцы, а англичане. Американский генерал Омар Брэдли вспоминал в своих мемуарах, что Черчилль был «страшно разочарован и расстроен тем, что штаб союзников не усилил Монтгомери американскими войсками и не дал ему двинуться на Берлин, чтобы сделать отчаянную попытку захватить город раньше русских»^[351]. Политические расчеты, скрывавшиеся за этим требованием, были очевидны. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что решительное требование английского премьер-министра «опередить появление русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события»^[352].

Вопрос о Берлине стал важной проблемой финала войны. На Западе и помимо Черчилля было немало военных и политических стратегов, которые считали, что западные союзники должны были «опередить русских» и взять Берлин своими силами. Однако трезвомыслящие военные руководители справедливо полагали, что западным союзникам необходимо было в первую очередь иметь реальные возможности для взятия Берлина. По их мнению, даже с учетом того, что на ряде участков фронта немцы не оказывали серьезного сопротивления англоамериканским войскам, этих сил было явно недостаточно, чтобы осуществить операцию по взятию Берлина. Советские войска были несравненно ближе к Берлину и многократно превосходили союзнические вооруженные силы.

Американские части под командованием Симпсона вышли на рубежи, находившиеся от Берлина на значительно более дальнем расстоянии, чем советские войска. Они насчитывали всего 50. тыс. человек и имели очень слабую артиллерию^[353]. Большинство исследователей жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра, рассматривая его отношение к вопросу о штурме Берлина, обоснованно приходили к выводу, что все разговоры о возможности прихода англоамериканских войск в Берлин раньше советских не имели под собой реальной почвы. Джон Гюнтер, например, с полным основанием делал вывод, что «достигнуть Берлина раньше русских не было никакой физической возможности»^[354].

Позиция Эйзенхауэра в вопросе о штурме Берлина была более реалистичной, чем у других представителей англоамериканского генералитета. Он учитывал сложившуюся военную обстановку, понимал, что наступление непосредственно на Берлин вызовет большие потери среди подчиненных ему войск. А главное, западные союзники не располагали реальными силами для штурма Берлина.

Вопрос о том, кому брать Берлин, обсуждался и во время встречи Сталина с Теддером. Подводя итоги беседы Тендера со Сталиным по этому вопросу, Дэвид Эйзенхауэр пишет: «Берлин был советской целью и целью отнюдь не второстепенной – это был вопрос, не подлежащий какому-либо рассмотрению»^[355].

В конце марта 1945 г. Эйзенхауэр подписал новый план военных операций, в котором

ничего не было сказано о Берлине. Это было примечательно, потому что шесть месяцев назад, 15 сентября, Эйзенхауэр недвусмысленно говорил о важности столицы Гитлера. Он писал тогда: «Ясно, что Берлин – главный приз. Эйзенхауэр потерял интерес к этому призу, достигнув его»^[356].

Главнокомандующий даже заключил пари, поставил 10 долл. против 30, утверждая, что к 31 марта русские будут в Берлине. Пари он проиграл и оплатил свой проигрыш.

Эйзенхауэр принимал решения самостоятельно, но никогда не игнорировал мнение своих подчиненных. Так было и при принятии решения о том, кому брать Берлин. Главнокомандующий, в частности, спросил генерала Брэдли, каково его мнение на этот счет. Брэдли ответил, что русские стоят на Одере, в 40 милях от столицы Германии, а союзников разделяют от Берлина 100 миль. При всех обстоятельствах, говорил генерал, русские придут в Берлин первыми. Брэдли считал нецелесообразным для союзников брать Берлин и потому, что потом его все равно придется отдавать русским, так как Восточная Германия – советская зона оккупации. По его подсчетам, при взятии Берлина англо-американские войска потеряли бы не менее 100 тыс. человек убитыми. «Хорошенькая цена, – заявил Брэдли, – за взятие престижного объекта, особенно учитывая, что нам придется оттуда уйти и передать его другому»^[357].

В американском командовании отнюдь не все разделяли точку зрения Эйзенхауэра и Брэдли о том, что право брать Берлин надо было предоставить русским. Например, командующий девятой американской армией У. Симпсон после того, как советские войска натолкнулись на упорное сопротивление противника на Одере и задержались там на несколько недель, готов был использовать эту ситуацию, чтобы захватить Берлин. Позднее он заявлял: «Я мог разбить их в Берлине, если бы получил разрешение на это». Симпсон настойчиво требовал, чтобы его армии разрешили совершить рывок с берегов Эльбы на Шпрее. 15 апреля генерал Брэдли без обиняков заявил Симпсону: «Вы должны остановиться на Эльбе. Вы не можете двигаться на Берлин»^[358]. «Откуда пришел этот приказ, – спросил Симпсон Брэдли. Брэдли ответил кратко: „От генерала Эйзенхауэра“. Рвался на восток и генерал Паттон. С солдафонской откровенностью он заявил Эйзенхауэру: „Айк, я не понимаю твоей диспозиции. Мы должны быстро взять Берлин и двинуться на Одер“^[359].

Между тем 12 марта 1945 г. главнокомандующий сообщал Маршаллу, что в боевых действиях на стороне западных союзников участвовало всего 50 дивизий^[360]. Эйзенхауэр понимал, что нужно не носиться с несбыточными надеждами на штурм Берлина, а стремиться реализовать его планы на севере Германии, чтобы «предотвратить русскую оккупацию любой части Датского полуострова»^[361].

В этих словах Айка заключалось его политическое кредо. В принципе оно мало чем отличалось от позиции Черчилля, который, по оценке самого Эйзенхауэра, стремился захватить возможно более выгодные территориальные плацдармы для будущей борьбы против русского союзника. Главнокомандующий руководствовался инструкциями, полученными от Объединенного комитета начальников штабов. 7 апреля 1945 г., обращаясь к Маршаллу, Эйзенхауэр подчеркивал: «Я первым признаю, что война ведется для достижения политических целей. И если Объединенный комитет начальников штабов решит, что стремление (западных. – Р. И.) союзников взять Берлин перевешивает чисто военные соображения, я с радостью пересмотрю мои планы, чтобы осуществить такую операцию»^[362].

Взятие Берлина рассматривалось и британским и американским командованием как важнейшая цель. 15 сентября 1944 г. в послании Монтомгери главнокомандующий подчеркивал: «Ясно, что Берлин – это наша основная цель. Для обороны Берлина противник, очевидно, сосредоточит свои главные силы. По моему мнению, нет никаких сомнений, что мы должны сконцентрировать всю нашу энергию и силы для осуществления стремительного удара на Берлин»^[363].

Цель начавшейся 16 апреля 1945 г. Берлинской операции советских Вооруженных Сил состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки разгромить основные силы групп фашистских армий «Висла» и «Центр», овладеть Берлином и соединиться с войсками стран антигитлеровской коалиции. Это должно было лишить Германию возможности организованного сопротивления и заставить ее пойти на безоговорочную капитуляцию.

Завершение разгрома вооруженных сил фашистской Германии предполагалось осуществить совместно с западными союзниками, принципиальная договоренность с которыми по координации действий была достигнута на Крымской конференции. План наступления на Западном фронте был изложен в послании Эйзенхауэра Верховному главнокомандующему советскими Вооруженными Силами от 28 марта 1945 г. В ответном послании от 1 апреля И. В. Сталин писал: «Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом советского главнокомандования»^[364]. Сталин писал, что Берлин утратил прежнее стратегическое значение и город будет взят второстепенными силами Красной Армии. Далее он информировал союзное командование об ориентировочном сроке начала Берлинской операции.

В книге У. Спара и Н. Яковлева по поводу уверений Сталина, что Берлин потерял свое стратегическое значение, отмечается: «Критерий искренности Сталина – из 24 общевойсковых и танковых армий, предназначенных для участия в Берлинской операции, только 2 общевойсковых направлялись на Дрезден. Отправив лукавое послание Эйзенхауэру (впрочем, Сталин щедро расплатился с союзниками их же монетой), он обратился к главному – ускорить взятие Берлина»^[365].

Послание Эйзенхауэра Сталину прибыло в Москву в период, когда становились все более очевидными попытки руководителей фашистской Германии расколоть единый фронт союзников.

Маршал Г. К. Жуков в связи с посланием Эйзенхауэра Сталину писал в своих мемуарах: «И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительствами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что гитлеровцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии»^[366].

Сталин высказывал определенные опасения относительно того, что гитлеровские руководители могли сдать Берлин западным союзникам без боя. «Думаю, – говорил Сталин, – Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все»^[367].

21 апреля 1945 г. Эйзенхауэр обратился с новым посланием к советскому Верховному Главнокомандованию. Очевидно, принимая во внимание резкие протесты Черчилля и других консервативных деятелей, связанные с его первым посланием Сталину, Эйзенхауэр на этот раз не упоминал имени советского Верховного Главнокомандующего. Он

информировал советское командование, что принял решение остановиться на Эльбе, и уточнял детали, касающиеся расположения американских войск^[368].

Ряд авторов, с которыми трудно согласиться, отмечают, что Эйзенхауэр, выработывая свои планы ведения военных действий на заключительном этапе войны, стремился принять определенные контрмеры в связи с распространившимися слухами о подготовке немцев к партизанской войне. Чтобы помешать немцам выполнить эти планы, главнокомандующий считал необходимым «уничтожить вооруженные силы противника». Это не имело ничего общего со взятием Берлина. Кроме того, союзный главнокомандующий отдавал себе отчет в том, что «продвижение американских войск к Берлину вызовет коллизии с русскими»^[369].

На заключительном этапе войны некоторые представители англо-американского генералитета, засидевшиеся в тылу в течение бесконечных приготовлений к «Оверлорду», были одержимы идеей прорваться как можно дальше на восток Германии. Они считали необходимым использовать благоприятную конъюнктуру, сложившуюся для западных союзников в связи с тем, что к концу войны началась массовая сдача немцев в плен англоамериканским войскам.

Какова была позиция Эйзенхауэра в этом вопросе? Он считал, что военная необходимость могла заставить и американские и советские войска выйти на различные рубежи, преследуя отступающего противника. Но после капитуляции фашистской Германии войска каждой из союзных держав должны быть «отведены по просьбе другой стороны в предназначенные им зоны оккупации Германии»^[370].

Однако после капитуляции Германии англо-американские союзники не торопились уходить в зоны оккупации, определенные Ялтинским соглашением. Эта позиция вызвала серьезные трения между ними и СССР на первых же заседаниях Контрольного совета, созданного для управления Германией после капитуляции вермахта. В Контрольный совет от СССР был назначен Маршал Жуков, от США – генерал Эйзенхауэр, от Англии – фельдмаршал Монтгомери, от Франции – генерал Делатр де Тассиньи.

Уже во время первой встречи Эйзенхауэра с Жуковым возникли серьезные проблемы.

«Встретились мы по-солдатски, – вспоминал Жуков, – можно сказать, дружески. Д. Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а затем сказал: – Так вот вы какой!»

Жуков поблагодарил в лице Эйзенхауэра войска западных союзников и с удовлетворением отметил плодотворное сотрудничество между вооруженными силами и народами союзных стран в годы войны. После фронтовых воспоминаний они перешли к обсуждению деловых вопросов, связанных с деятельностью Контрольного совета. И сразу же возникла первая коллизия. При обсуждении вопроса о порядке полетов американской авиации в Берлин командующий стратегической авиацией США генерал К. Спаатс, бесцеремонно вмешавшись в разговор Эйзенхауэра с Жуковым, заявил: «Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений».

– Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, – ответил я (Жуков. – Р. И.) Спаатсу. Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу: «Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации»^[371].

В исследовании, посвященном проблемам управления Германией в 1945—1949 гг. оккупационными властями союзников, обоснованно отмечается что командующие авиацией США в Германии «не согласовывали своих распоряжений с ... руководителем оккупационной администрации». Это и было одной из причин бесконтрольных полетов

американских военных самолетов над советской зоной оккупации Германий^[372].

Эйзенхауэр высоко ценил военные дарования Жукова. Он писал, что в годы войны Жукова «обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим... было ясно, что это опытный солдат»^[373].

Наиболее полно оценка Жукова была дана в известном высказывании Эйзенхауэра, в котором Главнокомандующий вооруженными силами западных союзников называл советского маршала «величайшим военным стратегом наших дней»^[374].

Эйзенхауэр высоко оценивал военное искусство командного состава Красной Армии, героизм ее солдат. Отмечая успешное наступление войск Ленинградского фронта в июне 1944 г., он поздравлял Василевского с «великолепными свершениями великой Красной Армии», которые являются «источником постоянного вдохновения», желал ему больших успехов и заверял советского военачальника, что западные союзники будут каждый день направлять больше войск в район боевых действий для реализации совместных усилий с целью добиться «полного уничтожения нацистской тирании»^[375].

5 июня 1945 г. в Берлине во время подписания Декларации о поражении Германии и принятии верховной власти в побежденной стране правительствами СССР, США, Великобритании и Франции состоялась встреча Жукова, Эйзенхауэра, Монтгомери и Делатра де Тассиньи. Жуков решительно заявил своим коллегам, что, пока американские войска не уйдут из Тюрингии, а британские из Виттенберга, советская сторона не может дать согласие на пропуск в Берлин военного персонала союзников.

«Б. Монтгомери, – вспоминает Жуков, – начал было возражать, но тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр: – Монти, не спорь! Маршал Жуков прав. Тебе надо скорее убираться из Виттенберга, а нам из Тюрингии»^[376].

Эйзенхауэр и генерал Брэдли проявили необходимый военный и политический реализм в вопросе о необходимости срочного вывода войск союзников из советской зоны оккупации Германии. Эйзенхауэр, не согласовывая этого вопроса с объединенным англо-американским военным командованием, дал распоряжение американским военным властям входить в непосредственные контакты с советской стороной для решения вопросов о выводе войск союзников из советской зоны. Брэдли полностью разделял точку зрения Эйзенхауэра. В своих мемуарах он писал, что в условиях обострения отношений между СССР и западными союзниками нельзя было «идти на риск взрыва, последствием которого могло быть начало военных действий, что грозило перерасти в третью мировую войну»^[377].

Советский Союз требовал ухода западных союзников из советской зоны оккупации Германии. Специальный представитель президента США Г. Гопкинс сообщал о решительной позиции советского Верховного главнокомандующего в этом вопросе: «Сталин не примет участия во встрече на высшем уровне, пока союзники не покинут советскую зону (оккупации Германии. – Р. И.)»^[378].

В целом обстановка как будто бы складывалась благоприятная. И, суммируя свои впечатления от посещения 10 июля 1945 г. штаба Эйзенхауэра во Франкфурте-на-Майне, Жуков вспоминал: «Уезжали мы из Франкфурта с надеждой на установление дружественных взаимоотношений и согласованных действий в работе по четырехстороннему управлению Германией»^[379].

В официальных выступлениях Эйзенхауэр высоко оценивал вклад советского народа, его Вооруженных Сил в общее дело разгрома германского фашизма.

В канун 26-й годовщины Красной Армии он в обращении к советским солдатам и офицерам заявлял: «Остановив немецкую военную машину, Красная Армия продемонстрировала всему миру героический подвиг, равного которому никогда не было... Я приветствую офицеров и солдат Красной Армии. Когда мы нанесем одновременный удар по вермахту с востока, запада, юга и севера, искусство и доблесть наших Вооруженных Сил неизбежно приведут к окончательной победе»^[380].

Эйзенхауэр был одним из немногих американских высокопоставленных деятелей, вступивших в годы войны в личный контакт с советскими представителями. Летом 1945 г. Айк заметил своему личному адъютанту Г. Батчеру: «Русские, имевшие мало связей с американцами и англичанами, даже во время войны не понимают нас, а мы не понимаем их. Чем больше контактов мы будем иметь с русскими, тем больше они поймут нас и тем более расширится сотрудничество. Русские суровы и просты в своей политике, и уклончивость вызывает у них подозрения. С Россией окажется возможным работать, если мы будем следовать образцу дружественного сотрудничества, проявившегося сначала в штабе верховного командования, а затем в штабе верховного главнокомандования западных союзников»^[381].

В начале июля 1944 г. в беседе с послом Соединенных Штатов в Советском Союзе А. Гарриманом Эйзенхауэр говорил: «Я отмечаю продвижение Красной Армии на карте и, естественно, испытываю огромное удовлетворение от стремительности, с которой она уничтожает вооруженную силу врага»^[382].

Огромный вклад Советского Союза в победу над общим врагом был бесспорен, и это неоднократно публично признавали наши западные союзники. Однако иная точка зрения высказывалась ими в конфиденциальной переписке. Например, Черчилль 18 августа 1944 г. сообщал Рузвельту: «В результате славных и колоссальных побед, одерживаемых во Франции американскими и британскими войсками, положение в Европе сильно меняется, и вполне возможно, что наши армии добьются в Нормандии победы, значительно превосходящей по масштабам все, что сделали в какой-либо отдельный момент русские»^[383].

В Германии еще шли ожесточенные бои. Впереди была совместная борьба против Японии, но многие представители англо-американского генералитета, несмотря на огромный вклад СССР в дело разгрома общего врага, колоссальные жертвы советского народа, не считали нужным скрывать свои предубеждения против русских.

У Эйзенхауэра не было таких настроений. «Канзасский парень из прерий, Эйзенхауэр не опасался русских. Даже позднее он заявлял, что чувствовал: по великодушию натуры, нравственности, открытости взгляда на повседневную жизнь – по всему этому русские имеют очень много общего с простыми американцами»^[384].

Подобные мысли Эйзенхауэр излагал не только в частных беседах. В конце 1945 г. он публично заявил: «Если бы американский народ имел возможность близко познакомиться с русскими, а они с нами, я убежден, что установились бы прекрасные взаимоотношения и уважение между двумя народами. Я сам близко сотрудничал с Маршалом Жуковым и другими и исполнен величайшего уважения к ним. Я всегда ладил с ними... Я не испытываю ни малейших опасений по поводу дружественных отношений между нашей страной и Советской Россией. Конечно, в наших отношениях будут некоторые трения, но в конечном счете дела всегда будут улаживаться»^[385].

21 октября 1944 г. в письме Эдвину Смиту, одному из руководителей Национального

совета американо-советской дружбы, Эйзенхауэр писал, что боевые подвиги Красной Армии «вызывают восхищение и уважение со стороны каждого солдата. Успехи, достигнутые Красной Армией, – важный вклад в дело Объединенных Наций. Советские руководители и солдаты – настоящий источник вдохновения для союзных вооруженных сил... Когда мы встретимся с нашими товарищами из Красной Армии в сердце вражеской цитадели, мы, приветствуя их, воздадим должное величайшим достижениям Красной Армии»^[386].

В июне 1945 г. во время выступления на пресс-конференции Эйзенхауэру был задан вопрос, провокационная сущность которого была очевидна: «Имеется ли что-либо в нашем опыте (сотрудничества с Советским Союзом. – Р. И.), что привело бы вас к выводу о невозможности дальнейшего развития отношений с ними?» Эйзенхауэр ответил четко и ясно: «На моем уровне – нет. Я убедился, что русский человек самый дружелюбный в мире. Он с удовольствием беседует и смеется вместе с вами, любит юмор. Я уверен, что они дружески относятся к союзникам, рады видеть их... Мир могут обеспечить только совместные усилия всех народов мира... Если все народы будут в дружественных отношениях, мы обеспечим дело сохранения мира»^[387].

Обоснованы ли были надежды Эйзенхауэра на возможность благоприятного развития советско-американских отношений после окончания войны?

Самый авторитетный биограф Дуайта Эйзенхауэра С. Амброуз дает на этот вопрос отрицательный ответ, подчеркивая, что «Эйзенхауэр был, конечно, не прав, питая столько веры (надежды) в будущее американо-советских отношений. Ему следовало бы понять, что невольных союзников разделяет слишком многое»^[388].

После окончания войны на Эйзенхауэра обрушился груз новых и очень обременительных обязанностей – решение оккупационных проблем, сложные вопросы взаимоотношений с советским командованием, дипломатические проблемы, передислокация американских вооруженных сил из Европы на Тихоокеанский театр военных действий. Однако «большая часть его энергии уходила на яркое, изматывающее, чарующее, долгое празднество»^[389].

15 мая Эйзенхауэр прибыл в Лондон. В этом визите был свой глубокий смысл. Великобритания и США находились в союзнических отношениях особого характера: большой военный путь, пройденный Эйзенхауэром в 1942—1945 гг., особенно тесно связал его с английскими товарищами по оружию, в Англии было много личных друзей, здесь был человек, к которому он относился с безграничным уважением, – Уинстон Черчилль.

Эйзенхауэр блестяще провел свой визит в Англию. На главном торжестве в Лондоне, в Гилд-холле, он выступил с яркой речью. «Лондонские газеты на следующий день в порыве, как выразился Эйзенхауэр, «дружеского преувеличения» сравнили его речь с Геттисбергским посланием (Авраама Линкольна в 1863 г. – Р. И.)»^[390].

Как всегда Эйзенхауэр был в блестящей форме – собран, аккуратен, находчив и остроумен. Например, 15 мая в лондонском театре зрители потребовали, чтобы он обязательно выступил перед ними. Эйзенхауэр поднялся в своей ложе и сказал: «Это очень приятно возвратиться в страну, на языке которой я почти могу говорить»^[391]. Это своеобразное напоминание об известной истине, что Англия и США – две великие державы, разделенные языковым барьером, вызвало бурный восторг лондонцев.

Дуайт Эйзенхауэр исключительно высоко оценивал личный вклад Маршала Жукова в разгром фашистской Германии. Во время встречи с Жуковым во Франкфурте Главнокомандующий объединенными силами союзников, отметив исключительно большое

значение для будущего человечества разгрома фашистской Германии, подчеркнул, что «Объединенные Нации ни одному человеку не могут быть более признательны за эту победу, чем маршалу Жукову»^[392].

Эйзенхауэр писал, что Жуков был очень «располагающей и подлинно солдатской личностью». Поначалу его поразила резкая враждебность Жукова и других русских военачальников к немцам. «Однако Аик многое понял в причинах русской позиции, когда он в августе побывал в Москве и стал свидетелем страшного опустошения, принесенного нацистами. С самолета, в котором он летел, Эйзенхауэр не увидел ни одного целого дома на всем протяжении полета от западной границы России до ее столицы»^[393].

Высокие оценки личного вклада Г. К. Жукова в победу над общим врагом со стороны Эйзенхауэра немедленно становились известными руководству в Москве. Сталин, который считал себя самым выдающимся военным стратегом Второй мировой войны, не мог примириться с огромной и полностью заслуженной популярностью Маршала Жукова и в советских Вооруженных Силах, в советском народе и у наших западных союзников. Подобные оценки роли этого военачальника в победе над Германией, безусловно, стали определенным стимулятором будущих гонений против Жукова, предпринятых Сталиным.

Эйзенхауэр вспоминал, что на него произвело огромное впечатление посещение Ленинграда, когда в августе 1945 г. он прибыл в СССР. Во время одного из приемов в Ленинграде Маршал Жуков предоставил слово для тоста сыну Эйзенхауэра, который сопровождал отца в этой поездке. Молодой лейтенант предложил «тост в честь самого важного русского человека во Второй мировой войне... за рядового солдата великой Красной Армии!» Это было мнение обоих Эйзенхауэров. «Его тост, – подчеркивал генерал, – был встречен с большим энтузиазмом и выкриками одобрения, чем любой другой из множества тостов, которые я слышал за дни пребывания в России»^[394].

Встреча советских и американских войск на Эльбе 25 апреля 1945 г. была символическим событием финала Второй мировой войны. По случайному стечению обстоятельств она произошла в день открытия в Сан-Франциско Учредительной конференции Организации Объединенных Наций. Форум наций-победительниц начал свою работу под грохот последних победных залпов войны против гитлеровской Германии. И в те радостные дни трудно было поверить, что эти последние сражения станут прологом «холодной войны».

Эйзенхауэр видел во встрече на Эльбе событие огромного военно-политического значения. «Американские военнослужащие, первыми встретившиеся с советскими солдатами на Эльбе, были приказом главнокомандующего повышены в звании»^[395].

Заключительная глава мемуаров Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу» называется «Россия». В ней сказано немало теплых слов о советских солдатах и офицерах, об огромных жертвах советского народа в Великой Отечественной войне, о трудовом героизме советских людей. И тем не менее, сравнивая мемуары Дуайта Эйзенхауэра с его оценками роли Советского Союза в разгроме третьего рейха, сделанные Эйзенхауэром в годы войны, видишь достаточно заметные разночтения. О битве под Москвой в мемуарах говорится одной ничего не значащей фразой: «На русском фронте немцы были остановлены перед Ленинградом, Москвой и Севастополем»^[396]. О битве под Курском не сказано ничего. В трактовке Эйзенхауэра Сталинградская битва ставится в один ряд с победой западных союзников над итало-германскими войсками в Тунисе.

Эйзенхауэр в деталях рассказывает о Нормандской десантной операции. И это естественно – именно он командовал войсками, осуществлявшими эту операцию. Но в

мемуарах не говорится о том, что Нормандская операция была скоординирована с действиями советских Вооруженных Сил. Последовательно и неукоснительно выполняя свои союзнические обязательства, Советский Союз оказал огромную помощь экспедиционным войскам западных союзников, высадившимся в Нормандии. На четвертый день после высадки союзников, 10 июня 1944 г., началось наступление войск Ленинградского и Карельского фронтов. Как уже отмечалось, 23 июня на Белорусском фронте началась операция «Багратион» – одно из крупнейших сражений Второй мировой войны. Большой помощью союзникам было мощное наступление советских войск в Венгрии в декабре 1944 г. По настоятельной просьбе руководителей Англии и США 12 января 1945 г., ранее намеченного срока. Красная Армия начала наступление на огромном фронте, что сорвало планы немецко-фашистского командования в Арденнах. Встреча советских и американских войск на Эльбе предвещала скорое окончание страшной войны, в которой погибли десятки миллионов людей, войны, в ходе которой все человечество наглядно убедилось в звериной сущности фашизма. Массовые казни, крематории концлагерей, ограбление оккупированных стран – со всем этим лично смог познакомиться и Дуайт Эйзенхауэр.

В последние дни войны он спустился в соляную шахту, где на глубине 800 м хранился золотой запас фашистской Германии. Золото в слитках, золотые монеты, изделия из золота, вывезенные из оккупированных стран Европы, поражали воображение.

В тот же день генерал получил представление о том, какой ценой были собраны эти несметные сокровища. Он побывал в концентрационном лагере Ордруф. Уже приближаясь к концлагерю, американские военачальники почувствовали сладковатый запах разлагающихся трупов. В концлагере они обнаружили 3 тыс. трупов. Голые, истощенные длительным голоданием тела валялись в открытых могилах, между бараками – везде, где заключенных застигла смерть. Трупы были густо облеплены вшами. Некоторые из них были обглоданы узниками, сошедшими с ума от голода^[397].

Эта картина была ужаснее любого самого страшного поля боя. Эйзенхауэр и Брэдли стояли бледные, безмолвные. Главнокомандующий немедленно послал телеграмму в США с требованием срочно выслать кинорепортеров и юристов, для того чтобы все эти зверства фашистов были зафиксированы и доведены до сведения мировой общественности.

Джон Эйзенхауэр, сопровождавший отца во время посещения концлагеря, вспоминал, что у того несколько дней было состояние глубокой подавленности. Главнокомандующий распорядился, чтобы бургомистр города, возле которого находился концлагерь, мобилизовал местных жителей на работы по очистке территории лагеря. После завершения этих работ бургомистр и его жена, вернувшись домой, покончили с собой^[398].

Потом были Бухенвальд, Лимбург и многие другие концлагеря, где американцы нашли умирающих от голода, превратившихся в живые скелеты своих товарищей, захваченных в плен четыре месяца назад, во время немецкого прорыва в Арденнах. Перед самым приходом американцев в концлагерь Эрл эсэсовцы загнали в здание политзаключенных и подожгли его. Живые факелы, вырвавшиеся из этого огненного ада, были сражены очередями из автоматов. Американские солдаты насчитали 295 полубогоревших трупов^[399]. Таков был обыкновенный фашизм в действии.

Эйзенхауэр понимал большое политическое значение распространения правдивой информации об изуверствах фашистов. С этой целью он организовал посещение лидерами конгресса США и корреспондентами концлагеря Бухенвальд. Делегация, посетившая этот

крупнейший лагерь смерти, застала в нем группу изможденных заключенных, которых не успели еще эвакуировать. Дуайт Эйзенхауэр писал, что этот визит буквально потряс конгрессменов и корреспондентов^[400].

Амброуз писал: «Дуайт Эйзенхауэр ненавидел войну. Единственное, что он ненавидел еще больше – это фашизм». Эйзенхауэр был немцем по национальности, и в силу этого вопрос о его отношении к немцам в побежденной Германии имеет особое значение. Необходимо отметить, что родители Эйзенхауэра делали все возможное, чтобы их дети выросли и чувствовали себя американцами, а не немцами, в чем они и преуспели. Ассимиляционные процессы, весь образ жизни в США – стране иммигрантов способствовали тому, что родившиеся в Соединенных Штатах дети или т. е. из них, кто прибыл в страну в раннем возрасте, быстро воспринимали нравы и традиции Америки и становились по своим взглядам, восприятию жизни типичными американцами. Надо учитывать и личное отношение Эйзенхауэра к немцам, в первую очередь к руководителям Германии, как противнику в войне.

Уже в день объявления Англией и Францией войны Германии, 3 сентября 1939 г., Эйзенхауэр в письме к брату Милтону дал очень резкую характеристику Гитлеру и политике «невмешательства», проводившейся западными странами по отношению к фашистскому агрессору в предвоенный период. Дуайт Эйзенхауэр писал: «Кажется невозможным, что народ, считающий себя культурным, смог... дать абсолютную власть над 85 млн людей опьяненному властью эгоцентристу ... преступному безумцу»^[401].

Как указывалось выше, на Эйзенхауэра произвело страшное впечатление посещение немецких концентрационных лагерей. В конце войны он высказывался за полное уничтожение нацистского руководства и членов нацистской партии.

В Тунисе, в мае 1943 г., когда огромная немецкая армия сдалась в плен, Эйзенхауэр в нарушение традиций профессионального военного отказался пожать руку немецкому генералу^[402].

В январе 1944 г. во время встречи с президентом Рузвельтом Эйзенхауэр высказался за более жесткий контроль над побежденной Германией и, в частности, против решения союзников разделить ее территорию на три оккупационные зоны. Рузвельт посоветовал тогда Эйзенхауэру заниматься военными делами, а политику оставить политикам^[403].

19 сентября 1944 г. Дуайт Эйзенхауэр в письме к жене писал: «Два дня назад мы предприняли большую атаку с воздуха. Я постоянно отдаю приказы осуществлять крупные наступательные операции и думаю, с каким наслаждением наши люди дома думают о том, когда же мы закончим здесь свое дело. Еще предстоит пройти через множество страданий. Боже, как я ненавижу немцев!»^[404].

Трудно поверить, но эта эмоциональная оценка Эйзенхауэра послужила толчком к появлению в Канаде в 1989 г. книги Джеймса Баскве «Другие потери». Автор обвинил Эйзенхауэра в том, что он несет прямую ответственность за то, что после окончания войны уморил в Германии голодом один миллион пленных немцев.

Тяжелое положение военнопленных, в том числе и американских, находившихся в Германии, было широко известно. И Эйзенхауэр стремился сделать все возможное для облегчения их участи. 10 февраля 1945 г. в письме в посольство США в СССР временному поверенному в делах Джорджу Ф. Кеннану и заместителю наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову он писал, что надо немедленно, «не дожидаясь заключения обсуждаемого сейчас соглашения о советских и американских военнопленных, начать составление списков

американских военнопленных – местопребывание, состояние здоровья, их нужды». Эйзенхауэр подчеркивал, что это необходимо «для повышения их морального состояния тем, что они будут знать ... они не забыты своей родиной». Генерал Эйзенхауэр назначил для этой работы группу из десяти офицеров и десяти унтер-офицеров и просил «разрешить им въезд в СССР в ближайшее по возможности время»^[405].

Тяжелое положение военнопленных союзных армий в Германии и в других странах фашистского блока было одной из причин, почему Эйзенхауэр занимал резко негативную позицию по отношению к руководству вермахта. Гюнтер Бишоф и Стивен Амброуз выступили в качестве редакторов коллективной работы «Эйзенхауэр и немецкие военнопленные. Факты против фальсификации». В этой книге подробно рассказывается об американской политике в отношении немецких военнопленных, об эволюции отношения Эйзенхауэра к немцам, о полной беспочвенности обвинений в том, что Эйзенхауэр устроил пленным немцам что-то вроде Холокоста. Очевидно, правильнее говорить не об эволюции отношения Эйзенхауэра к немцам, а о настоящей метаморфозе его взглядов. В декабре 1945 г. Эйзенхауэр, в то время командующий американскими оккупационными войсками в Германии, отправился в США, чтобы приступить к исполнению обязанностей начальника штаба сухопутных войск. В Европу он возвратился только в январе 1951 г. главнокомандующим вооруженными силами НАТО. 20 января, выступая по прибытии в Европу на пресс-конференции, Эйзенхауэр заявил: «Когда я в последний раз находился в Германии, в моем сердце был резкий антагонизм по отношению к этой стране и даже ненависть к тому, за что выступали нацисты, и мои мысли были заняты тем, как все это уничтожить». Главком НАТО продолжал, что теперь он уверен в том, что «великий немецкий народ соединится с остальным свободным миром, я верю в бесспорные свобододобивые качества немецкого народа»^[406].

Бишоф и Амброуз приводили эти слова Эйзенхауэра как свидетельство того, что его взгляды на немецкий народ претерпели коренное изменение. И такой человек не мог проводить политику геноцида по отношению к пленным немцам.

В книге логично ставится вопрос и о том, что если Эйзенхауэр, лишив пленных немцев медицинской помощи и необходимого минимума пищевых продуктов, уничтожил один миллион военнопленных, то куда дели их тела?

Авторы не идеализируют отношение к пленным немецким военнослужащим в Западной Европе. Они пишут, что весна 1945 г. была очень суровой, нередко в мае шел холодный дождь, а для военнопленных зачастую не было даже палаток. Различные условия были для пленных в американской и в английской зонах оккупации, в Австрии и во Франции. Имели место эксцессы со стороны американских офицеров-евреев по отношению к пленным немцам. Это была реакция на те страшные зверства, которые творили нацисты по отношению к евреям.

Однако со стороны Эйзенхауэра, утверждают Бишоф и Амброуз, не было никакой мести к поверженному противнику. Авторы убедительно доказывают, что отдельные случаи жестокого отношения к военнопленным немцам Джеймс Баскве возводит в абсолют и клеветает на Эйзенхауэра.

Бишоф и Амброуз подчеркивают, что книга канадского автора целиком основана на устных свидетельствах бывших военнопленных, которые, вполне естественно, нередко имеют субъективное восприятие своего пребывания в плену. Баскве не использовал никаких документальных источников, работая над своей книгой.

Интересны фактические данные, приведенные в книге Бишофа и Амброуза. К концу войны союзные армии столкнулись с острой проблемой – в Германии оказалось 7 млн, а в Австрии – 1,6 млн перемещенных лиц. Это были жители различных европейских стран, угнанные на принудительные работы в Германию. Среди них – 100 тыс. евреев, находившихся в концентрационных лагерях. В Германии было настоящее вавилонское столпотворение – миллионы перемещенных лиц и военнопленных, военнослужащих союзных армий, миллионы голодающих женщин, детей, стариков. В Германии было разрушено 4 млн домов, в американской зоне оккупации было уничтожено 60% жилого фонда. У миллионов людей не было никакой крыши над головой^[407].

И все эти заботы обрушились на Эйзенхауэра. Он в отчаянии писал Д. Маршаллу, что изнемогает под тяжестью этих проблем и не знает, что делать с Пленными немцами. «Убить их, что ли?» – вопрошал генерал Эйзенхауэр. С. Амброуз писал, что эту шутливую реплику Эйзенхауэра канадский автор воспринял, как руководство к действию^[408].

Дав яркое описание хаоса, который творился в Европе после капитуляции Германии, Бишоф и Амброуз пишут: «Вряд ли что-либо подобное имело место в истории».

Следуя Ялтинским соглашениям, «союзники репатриировали 2 млн перемещенных «советских граждан». Только Соединенные Штаты репатриировали 1 млн – большинство против их воли. Около 5,25 млн перемещенных лиц из Западной Европы также были репатриированы до конца 1945 г.»^[409].

Замечание авторов о насильственной репатриации американцами в СССР советских перемещенных лиц и военнопленных воскрешает в памяти одну из трагических страниц истории Великой Отечественной войны.

Ни в коей мере не было виной советских солдат и офицеров, а тем более гражданских лиц нашей страны, что уже в первые недели войны миллионы советских военнослужащих оказались в немецком плену, а миллионы людей с оккупированных территорий были угнаны на принудительные работы в Германию.

Все это явилось следствием грубейших просчетов советского руководства в предвоенный период, когда Сталин построил всю советскую внешнеполитическую стратегию из расчета на то, что фашистская Германия не рискнет напасть на Советский Союз, не завершив разгрома Англии.

Как почти всегда бывает в истории, за ошибки руководства расплачиваются, и очень дорогой ценой, простые люди. В данном конкретном случае расплата была не только в виде огромных людских потерь, миллионов пленных и угнанных в Германию, но и в чудовищных по своей несправедливости репрессиях против тех советских людей, которые выжили в страшных условиях немецкого плена, каторжных работ и вернулись после войны на родину.

Слов нет, были, к сожалению, и советские коллаборационисты, кто предал свой народ и страну, те, кто заслуживал самой суровой кары. Однако не секрет, что после войны были репрессированы и многие сотни тысяч тех советских людей, которые в немецких лагерях для военнопленных и на принудительных работах в Германии ничем себя не скомпрометировали.

Судьба таких людей поражает своим трагизмом. Мне пришлось встречаться и беседовать со многими из них. В январе – феврале 1956 г. по путевке общества «Знание» я читал лекции о международном положении в Республике Коми, где побывал в 30 с лишним лагерях для заключенных. В это время уже началось массовое расконвоирование политических заключенных, что позволило встретиться и беседовать со многими из этих интересных

людей.

Прошло с тех пор более 40 лет, но я хорошо помню разговор с одним из бывших советских военнопленных, который после окончания войны провел в заключении одиннадцать лет. Его, выпускника МВТУ им. Н. Баумана, призвали в саперные войска, воевал он на Волховском фронте, где и попал в плен. Находился в Восточной Пруссии на земляных работах, позднее был «сдан в аренду» прусскому фермеру.

После освобождения проходил спецпроверку в г. Козельске, чем-то не понравился работнику спецслужб, ведшему его дело, и последний принял решение направить его в лагерь. Военный прокурор – фронтовик с нашивками за ранения – отказался санкционировать это решение, очевидно, проявив солидарность с судьбой товарища по оружию.

Но, к несчастью для бывшего офицера-сапера, прокурора перевели на новое место службы, а его преемник не замедлил подписать решение об осуждении бывшего советского военнопленного.

Я передаю эту историю со слов пострадавшего и, конечно, не ручаюсь за точность и объективность всего изложенного. Однако надо было видеть и слышать рассказ этого человека, который прошел и фашистские и советские лагеря, чтобы понять, насколько несправедливо, правильнее сказать кощунственно, было отношение власть имущих кругов страны к жертвам той страшной войны.

К концу войны 11 млн немцев сдались в плен. Из них 5 млн – американцам. По приведенным Бишофом и Амброузом данным, в Германии умерли 56 тыс. военнопленных. Авторы отмечают, что это очень небольшое число, с учетом того что в американской зоне оккупации было очень трудно с продовольствием, так как это в отличие от советской сельскохозяйственной части Германии – промышленный район. Германия была разбита бомбардировками союзной авиации и боевыми действиями, особенно пострадала инфраструктура страны. Доставлять продовольствие из США было практически невозможно, так как морские суда были заняты перевозкой войск из Германии на Тихоокеанский театр военных действий.

Исключительно тяжелым было положение советских военнопленных. В 1941 г. 2 млн из 3,3 млн пленных советских военнослужащих – 60% – умерли от голода и болезней, были убиты СС. К 1944 г. из 5 млн советских пленных в живых остался всего 1 млн. В тяжелом положении были 132 тыс. американских и английских военнослужащих, взятых в плен японцами. 27% из них погибли в лагерях для военнопленных. Жестоко обращались немцы с пленными американцами и англичанами, особенно с теми, кто попал в плен в Арденнах^[410].

Авторы приводят данные о том, что половина приблизительно из 2-х млн немецких военнопленных, нахолившихся в СССР, т. е. 1 млн, погибли. Все немецкие военнопленные, находившиеся в западных странах, были освобождены к концу 1948 г. Последние немецкие военнопленные вернулись из Советского Союза в 1956 г.

После форсирования в начале марта 1945 г. Рейна война для союзных армий, возглавляемых Эйзенхауэром, фактически закончилась. Вернее, это было новое, своеобразное издание «странной войны» 1940 г. На этот раз «странный» характер войны заключался в том, что немецко-фашистские войска сотнями тысяч без боя сдавались англо-американским войскам, но с отчаянием обреченных сражались на Востоке. Показательно, что только с 1 по 18 апреля союзники взяли в плен 317 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 24 генералов^[411].

В книге американского историка У. Спара и отечественного историка Н. Яковлева «Полководец Г. К. Жуков: взлет и падение», приводится послание Сталина Эйзенхауэру от 3 апреля 1945 г., в котором говорится, что «немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки», что немецкое командование согласилось «открыть фронт и пропустить на восток англоамериканские войска».

Рузвельт отреагировал на это заявление крайне болезненно, он отверг обвинения Сталина, выразив «крайнее негодование в связи с таким гнусным неправильным описанием моих действий или действий моих подчиненных».

У. Спар и Н. Яковлев подчеркивают, что в книге американского исследователя А. Брауна «Последний герой» (1982) об «отце ЦРУ», генерале Доноване, процитированы приведенные слова Сталина и сказано: Сталин «был очень близок к истине»^[412].

Отгремела последняя великая битва Второй мировой войны – сражение за Берлин. Столица гитлеровской Германии лежала в дымившихся развалинах как символ крушения фашизма.

Для союзных войск война кончилась еще до завершения битвы за Берлин. С присущим ему лаконизмом Эйзенхауэр докладывал Объединенному комитету начальников штабов и британскому генеральному штабу: «Миссия союзных вооруженных сил завершена в 2 часа 41 минуту по местному времени 7 мая 1945 г.»^[413].

Сообщение имело в виду, что 7 мая 1945 г. в 2 часа 41 минуту в Реймсе западные союзники подписали предварительный протокол о капитуляции германских войск. На Западе войну считали уже законченной. США и Англия предложили, чтобы 8 мая главы правительств трех держав официально объявили о победе над Германией. Советское правительство не могло согласиться с этим предложением, так как немецко-фашистские войска, капитулируя перед западными союзниками, продолжали оказывать Красной Армии ожесточенное сопротивление. По согласованию между СССР, США и Англией, которое было достигнуто 7 мая, процедуру в Реймсе было решено считать предварительной капитуляцией. Союзники приняли решение подписать Акт о капитуляции 8 мая в Берлине. Совместно подписанный в Берлине официальный Акт о капитуляции является единственным документом, зафиксировавшим полную и безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил фашистской Германии^[414].

А потом были теплые встречи союзников, которые шли навстречу друг другу в течение четырех лет самой жестокой в истории человечества войны.

Вскоре после капитуляции Германии состоялась встреча Эйзенхауэра с Жуковым. В конце июля 1972 г. в Абилине Джон Эйзенхауэр рассказывал мне, что Дуайт много ждал от встречи с советским маршалом и что его ожидания полностью оправдались. Отец, говорил Джон, высоко ценил полководческий талант Маршала Жукова, его личные качества. Для него Жуков был воплощением всех положительных качеств русского солдата.

По словам Джона, Маршал Жуков также с большим интересом отнесся к встрече с Эйзенхауэром. У этих двух людей было о чем поговорить и что вспомнить. Позади остались четыре года тяжелейшей войны. Поражения и победы, разочарования и надежды, и самое главное – триумфальная победа союзного оружия.

О первой встрече Эйзенхауэра с Жуковым мне подробно рассказывал Милтон Эйзенхауэр. «Встреча с Жуковым, – говорил он, – была исключительно дружественная и сердечная».

Полководцы говорили не только о военных и политических делах. Обращаясь к

Эйзенхауэру, Жуков спросил: «Генерал, объясните мне, в чем смысл американского мировоззрения». Главнокомандующий стал рассказывать о создании США, о Декларации независимости и других событиях ранней американской истории. Жуков перебил собеседника: «Я понимаю то, о чем вы говорите. Но мне не ясно, почему вы верите во все это. В Америке каждый борется сам за себя, каждый стремится улучшить свое материальное положение. Какое же значение при подобных условиях имеют все эти абстрактные истины о добре?»^[415].

Во время встречи, состоявшейся 10 июня 1945 г. во Франкфурте, в штабе Эйзенхауэра, Жуков вручил командующему западными союзными вооруженными силами высшую военную награду Советского Союза – орден Победы. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1945 г. говорилось: «За выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых достигнута победа Объединенных Наций над гитлеровской Германией»^[416]. Ранее, в феврале 1944 г., Эйзенхауэр был награжден орденом Суворова первой степени^[417].

После окончания войны Эйзенхауэр был назначен командующим американскими оккупационными войсками в Германии. Жуков командовал советскими оккупационными войсками. Эйзенхауэр писал, что для установления взаимопонимания между США и СССР необходимо было «рассеять у русских подозрение и недоверие»^[418].

В суждениях Эйзенхауэра было много здравого смысла, четкого понимания исключительной важности советско-американских отношений для дела мира во всем мире. Эйзенхауэр проявлял и изрядную долю оптимизма, говоря о будущих отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Обращаясь к Г. К. Жукову, генерал Эйзенхауэр обоснованно делал вывод, что США и СССР «должны учиться понимать друг друга, если они хотят быть друзьями»^[419].

Антигитлеровская коалиция была первым в мировой истории опытом военно-политического сотрудничества стран, принадлежавших к различным общественно-экономическим формациям.

Этот опыт имел огромное позитивное значение в послевоенные годы, когда на Западе нередко ставился вопрос о невозможности, по мнению некоторых западных идеологов, сотрудничества с СССР на принципах мирного сосуществования.

Объединение в рядах антигитлеровской коалиции государств, принадлежавших к противоположным общественным системам, разумеется, создавало благоприятные для антисоветски настроенных кругов Запада факторы, способствовавшие их стремлению взорвать эту коалицию изнутри; резко активизировать после окончания войны действия всех сил, выступавших против СССР.

Однако трудно найти в мировой истории аналогичный пример, когда сразу после окончания тяжелой войны союзники объединились бы столь открыто против своего главного партнера по коалиции, сыгравшего решающую роль в разгроме врага и принесшего самые тяжелые жертвы во имя общей победы.

После окончания войны все более чувствовалось принципиальное различие между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции, в первую очередь США, в понимании глобальных проблем мировой политики, в определении главных направлений развития послевоенного мира.

У многих в США кружилась голова от военных успехов, для достижения которых американцы принесли жертвы в основном материального порядка, причем и они были

весьма относительными. Известно, что в результате Второй мировой войны значительно укрепились экономические, финансовые, военно-политические позиции США как главной державы западного мира. Многие американские лидеры считали, что наконец-то наступил настоящий «американский век», который откроет перед монополистическими кругами США невиданные ранее перспективы.

Первые авангардные бои «холодной войны» начинались на тех рубежах, где Восток и Запад непосредственно соприкасались друг с другом, – в Германии, в частности в Берлине.

Окончание войны – важнейший рубеж в жизни Эйзенхауэра. Фашистская Германия капитулировала. Предстояло расставание с товарищами по оружию, многие из которых навсегда покидали вооруженные силы и возвращались к гражданской жизни.

Эйзенхауэр держался ровно и спокойно с подчиненными, никогда не подчеркивал своего высокого положения. Мэргерит Чейз, работавшая в армейской службе Красного Креста, вела в годы войны дневник, на основании которого она опубликовала в 1983 г. книгу, в которой имеется ряд интересных зарисовок Эйзенхауэра. В записи от 5 ноября 1944 г. она рассказывала о своих впечатлениях о совместном ланче с главнокомандующим. Эйзенхауэр говорил, что он намерен после окончания войны уйти в отставку и написать историю Второй мировой войны и посвятить свою деятельность достижению справедливых, доброжелательных отношений между людьми. Скромный работник службы Красного Креста была не лишена дара предвидения. Она писала в дневнике: «Я не думаю, что было бы преувеличением сказать, что он может стать президентом, это не удивило бы меня. Но я сомневаюсь, что он хочет этого. Аик абсолютно не имеет претенциозных идей и, похоже, лишен личных амбиций»^[420].

Эйзенхауэр всегда с исключительным вниманием и заботой относился к товарищам по оружию. Среди них особое место занимала Кэй Саммерсбай. Перед главнокомандующим вооруженными силами западных союзников в Европе после окончания войны возникла непростая проблема: каковы будут его дальнейшие с ней отношения.

М. Миллер – автор фундаментальной работы о военных годах Дуайта Эйзенхауэра – писал, что президент Трумэн рассказывал ему, что «сразу же после окончания войны» Аик написал Маршаллу, который был в Вашингтоне начальником штаба армии, о своем желании уйти в отставку, с тем чтобы он мог вернуться в Соединенные Штаты и жениться на Кэй. По информации Трумэна, Маршалл направил Эйзенхауэру письмо, «подобного которому вы никогда не видели. Он писал, что если Эйзенхауэр... решится сделать это, то его не только вышвырнут из армии, но и на протяжении всей оставшейся жизни он не сможет даже легко вздохнуть. И это произойдет вне зависимости от того, будет ли он в составе армии или нет. И вне зависимости от того, в какой стране он будет жить». Трумэн добавил, что как только он узнал об этой переписке, он изъял письма из Пентагона и уничтожил их»^[421].

Знакомая история. Один из военачальников рассказывал мне, что, когда Маршал Р. Я. Малиновский проинформировал Сталина о своем предстоящем разводе с женой, он услышал в ответ: что за напасть – Конев развелся, Малиновский развелся. Сталин сказал, что если Малиновский хочет разводиться, то пусть делает это, как все граждане с публикацией сообщения о разводе в газете. Я не проверял достоверность этого факта, но из того же источника был информирован, что в «Вечерней Москве» в отделе объявлений было сообщение о разводе «гражданина Р. Я. Малиновского».

Однажды в конце войны секретарь Эйзенхауэра Кэй Саммерсбай услышала, как молодой лейтенант, работавший в штабе, разочарованно заметил, что за всю войну он ни разу не

видел главнокомандующего. Узнав об этом, Эйзенхауэр с готовностью принял предложение своего секретаря встретиться с работниками штаба. Генералы и полковники, часто контактировавшие с Эйзенхауэром, на эту встречу приглашены не были. Ее участниками стали только работники штаба – от подполковника до лейтенанта включительно^[422].

Тепло простившись с товарищами по работе в штабе, Эйзенхауэр после встречи с Маршалом Жуковым вылетел в июне 1945 г. в США. Столица устроила генералу встречу, которой до этого не удостаивался ни один гражданин страны. Ему было предоставлено право обратиться к конгрессу с адресом, в котором он подчеркнул необходимость для союзников быть столь же едиными в мирное время, как и во время войны^[423].

С особым волнением Эйзенхауэр ехал в родной Абилин. Специальный поезд шел через прерии Канзаса. И на каждой остановке – встречи, встречи и встречи. Тысячи людей спешили прийти на станции, повидать своего знаменитого земляка и поблагодарить его за большой вклад в победу над фашизмом.

Поезд сделал продолжительную остановку в Манхэттене, где находился Канзасский колледж, президентом которого был Милтон Эйзенхауэр. Братья встретились на перроне вокзала, где собралась большая группа студентов и местных жителей. Студенты восторженно приветствовали генерала. Правда, один из них не преминул заметить Дуайту: «В Европе Вы можете быть главнокомандующим, но здесь Вы только старший брат Милтона». Айк восторженно и от души рассмеялся. Теперь он окончательно уверовал в то, что действительно он дома, среди своих непочтительных канзасцев»^[424].

Реплика студента, очевидно, прозвучала для Эйзенхауэра и как определенное напоминание, что военные заслуги дело хорошее, но пора решать вопрос и о том, какое место он хочет занять в жизни в мирное время.

Наверное, никогда еще Дуайту не приходилось произносить столько речей, как во время поездок по США и Европе после окончания войны.

Париж, Лондон, Вашингтон. Эйзенхауэр выступил в столицах трех великих держав – участниц антигитлеровской коалиции. Впереди была Москва.

«Во время Потсдамской конференции, – вспоминал Жуков, – И. В. Сталин вновь заговорил со мной о приглашении в Советский Союз Д. Эйзенхауэра. Я предложил пригласить его в Москву на физкультурный праздник, который был назначен на 12 августа». В официальном приглашении говорилось, что в СССР «он будет гостем Маршала Жукова. Это означало, что генерал приглашался в Советский Союз не как государственный, политический деятель, а как крупный военачальник Второй мировой войны»^[425].

11 августа 1945 г. он вылетел из Франкфурта-на-Майне в Москву. В Берлине самолет сделал непродолжительную остановку, и к Эйзенхауэру присоединился Жуков. Джон, сопровождавший отца в этой поездке, вспоминал, что, как только самолет взял старт, Эйзенхауэр и Жуков уединились в передней части салона и всю дорогу оживленно беседовали через переводчика. «По характеру Жуков был очень дружелюбен и любил посмеяться, его дружелюбию, казалось, не было пределов»^[426]. Самолет приземлился на московском аэродроме в 16 часов 11 августа, а на следующий день, в полдень, Эйзенхауэр и сопровождавшие его лица заняли отведенные им места недалеко от Мавзолея В. И. Ленина. Через несколько минут должен был начаться физкультурный парад.

К американским гостям подошел начальник Генерального штаба А. И. Антонов и передал приглашение И. В. Сталина занять места на трибуне Мавзолея. «Поскольку я был вместе с американским послом, – вспоминал Эйзенхауэр, – престиж которого как

представителя президента имел важное значение, то у меня появились сомнения, уместно ли мне оставить посла, чтобы самому идти к генералиссимусу»^[427].

Антонов вывел Эйзенхауэра из затруднения, сказав, что Сталин приглашает его с двумя своими спутниками по выбору. Эйзенхауэр, посол США А. Гарриман и руководитель американской военной миссии в СССР Д. Дин поднялись на Мавзолей. Как объяснил Гарриман Эйзенхауэру, союзный главнокомандующий был удостоен большой чести: он был первым иностранцем, приглашенным на трибуну Мавзолея.

Парад физкультурников продолжался пять часов. Эйзенхауэр писал, что никто из американских гостей никогда не видел ничего подобного. Яркие национальные костюмы участников парада, танцы, акробатические номера согласованно исполнялись многочисленными участниками парада. Бесперывно гремел оркестр, составленный из тысячи музыкантов.

Эйзенхауэр смотрел не только на Красную площадь. Он внимательно наблюдал и за Сталиным, который «не обнаруживал никаких признаков усталости. Наоборот, казалось, он наслаждался каждой минутой представления»^[428]. «Он (Сталин. – Р. И.) пригласил меня встать рядом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего спортивного представления.

Сталин проявил большой интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки. Он несколько раз повторял, что для России и США важно оставаться друзьями»^[429]. Постепенно Сталин перевел разговор на вопрос о положении в Берлине. По его мнению, деятельность Союзного контрольного совета в Берлине важна была в первую очередь потому, что «она помогает выяснить, могут ли великие державы, победители в войне, продолжать успешно сотрудничать при решении проблем мирного времени»^[430].

Американских гостей принимали с исключительным радушием и в Москве, и в Ленинграде. Джон писал, что во время посещения подмосковного колхоза они были встречены с большой сердечностью. «Мы с интересом обратили внимание на то, что, несмотря на всю торжественность окружения вокруг таких русских маршалов, как Жуков, земледельцы разговаривали с ними свободно и на равных. Жуков и колхозники вместе смеялись и шутили»^[431].

Все американские гости отмечали ту теплоту, с которой их принимали в СССР. Дуайт Эйзенхауэр писал, что Маршал Жуков и другие официальные лица настаивали, чтобы он «назвал места, которые хотел бы посетить. Они говорили, что нет такого места, которое я не смогу увидеть, если даже потребовалось бы отправиться во Владивосток»^[432]. Дуайт с радостью принял приглашение осмотреть сокровища Оружейной палаты Кремля, закрытые в то время для массового обозрения. Оказалось, что почти весь состав американского посольства в Москве, никогда не видевший столь уникальной коллекции, выразил желание сопровождать Эйзенхауэра. Он «шутливо согласился считать их всех временно адъютантами. Группа около шестидесяти человек провела вторую половину дня в музее, рассматривая собранные там драгоценности»^[433].

По приглашению Сталина Эйзенхауэр участвовал в просмотре в Кремле документального фильма о битве за Берлин. «Я заинтересовался фильмом, и генералиссимус с готовностью заметил, что даст мне копию фильма». Эйзенхауэр сказал также, что хотел бы иметь фотографию Сталина. Вскоре после отъезда из Москвы он

«получил в Берлине полную копию фильма и фотографию генералиссимуса с его дарственной надписью»^[434].

Только что закончилась война, для решения важных проблем межсоюзнических отношений была крайне необходима встреча союзников на высшем уровне. Специальный представитель президента Г. Гопкинс уделял этому вопросу первостепенное внимание. Он проявлял большой интерес и к отношению советского руководства к Д. Эйзенхауэру. В частности, Гопкинс сообщал: «Сталин выражал огромное восхищение русских Эйзенхауэром и высказывал сожаление, что не смог видеть его в декабре 1944 г.»^[435].

Сталин действительно высоко отзывался об Эйзенхауэре. В беседе с послом США в СССР А. Гарриманом он говорил: «Генерал Эйзенхауэр – великий человек не только из-за своих военных свершений, но и благодаря своему гуманному, дружелюбному, доброму и откровенному характеру. Это не какая-то «грубая» личность, как большинство военных»^[436].

Вспоминая свои впечатления от встреч со Сталиным, «Айк позднее заявлял, что у него никогда не было иллюзий в отношении советского диктатора. Он писал о Сталине как об «очень хитром человеке»... Сталин мямлил во время разговора, но собеседник чувствовал, что он мыслит каждую минуту». Сталин был «силен и беспощаден»^[437]. Но в период встреч со Сталиным Айк описывал его как «великодушного и отечески» внимательного^[438].

Очевидно Сталин был очень хорошим актером, если Эйзенхауэр при встрече с ним был очарован его «великодушием» и «отеческим» вниманием. Все, кто достаточно был знаком с Эйзенхауэром, отмечали, что он неплохо разбирался в людях.

По мнению Амброуза, Эйзенхауэр обладал даром глубокого «проникновения в мысли других людей, от Гитлера в 1945 г. до Хрущева в 1959 г. Айк в очень редких случаях недооценивал своих оппонентов»^[439].

Поездка в Советский Союз произвела на Эйзенхауэра очень большое впечатление. И по завершении визита в СССР он направил письмо послу США в СССР А. Гарриману: «Я был бы благодарен, если бы Вы передали Генералиссимусу Сталину мою благодарность не только за предоставление возможности посетить его великую страну, но также за теплоту приема и великолепное гостеприимство, проявленное в отношении меня»^[440].

Поездка в Москву была обнадеживающей. Радушный прием, оказанный генералу Эйзенхауэру, как будто давал повод надеяться на возможность дальнейшего развития и укрепления советско-американских отношений.

Настроен Эйзенхауэр был оптимистично, что нашло отражение в целом ряде его публичных выступлений в первое время после окончания войны. В них он признавал возможность, более того – необходимость мирного сосуществования Соединенных Штатов и Советского Союза. Аргументы для такого рода заключения он, в частности, пытался найти и в экскурсах в американскую историю. Например, он обращался к известной речи Авраама Линкольна, который в канун раскола Соединенных Штатов, осуществленного рабовладельцами чтобы спровоцировать Гражданскую войну 1861—1865 гг., говорил: «Дом, разделенный надвое не может стоять». Имея в виду это известное изречение Линкольна, Эйзенхауэр заявил в одной из своих речей вскоре после окончания войны: «Мы должны понимать, что добрый юмор, терпение, настойчивость столь же важны в международных делах, как и в отношениях между отдельными людьми. Если дом Линкольна, будучи разделенным, не мог устоять, то два дома, построенные в разной манере, вполне могут существовать на одной улице». Эйзенхауэр вновь и вновь подчеркивал: «Мы можем жить в

мире с теми, чья философия резко отличается от нашей»^[441].

Во время приема, устроенного американским послом Гарриманом, пришло сообщение о капитуляции Японии. Это была еще одна совместная победа союзников. Советские и американские участники приема с огромным энтузиазмом восприняли эту весть.

К слову сказать, Эйзенхауэр считал, что не было военной необходимости для участия Советского Союза в войне против Японии, что США и Великобритания обладали достаточными военными силами, чтобы выиграть эту войну и без СССР.

Сторонники подобной точки зрения особенно уверовали в военную удачу англо-американских союзников на Тихоокеанском театре военных действий после атомной бомбардировки Японии.

В современной западной историографии соответствующая точка зрения широко распространена и сегодня. Она нашла свое отражение и в совместной работе историков России, Великобритании и США, опубликованной к 50-летию Победы: «Разумеется, Хиросима (атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. – Р. И.) сделала ненужной спланированную для Советов роль в снижении американских потерь и приближении победоносного окончания тихоокеанской войны»^[442].

Самая жестокая в истории человечества война завершилась актом, который заставил серьезно задуматься всех, кому дороги были интересы мира, дружбы и сотрудничества между народами. США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. В крошечном аду атомных взрывов в течение мгновений 300 тыс. мирных граждан обратились в прах. Другие, получив огромные дозы радиоактивного облучения, остались калеками на всю жизнь.

Подобная акция ни в коей мере не была вызвана необходимостью военного порядка. Это явилось началом политики атомного шантажа.

Джон Эйзенхауэр вспоминал, что во время работы Потсдамской конференции однажды вечером они с отцом находились вдвоем в его спальне. Комнату освещал слабый свет ночника. Положив пистолет на стол, Дуайт сел на край кровати и после непродолжительного молчания сказал: «Джон, военный министр Стимсон сообщил мне сегодня, что они создали новую бомбу, основанную на расщеплении атома. Ее мощность превосходит человеческое воображение. Они совершенно серьезно думают о том, чтобы использовать ее против японцев. Все это, конечно, сверхсекретно... Отец явно был в состоянии депрессии»^[443].

Реакция Эйзенхауэра на информацию Стимсона была однозначна – это страшное оружие не должно быть пущено в ход: «Мы должны, – считал он, – выразить надежду, что никогда не используем что-либо похожее против любого противника. Мне претит видеть Соединенные Штаты как инициатора использования в военных целях столь ужасного и разрушительного оружия, как то, которое мне описали»^[444].

Эйзенхауэр был среди тех немногих государственных, политических и военных лидеров Запада, которые отдавали себе отчет в том, что атомная бомбардировка Японии – это серьезнейшая политическая ошибка западных союзников. Реакция Эйзенхауэра на уничтожение Хиросимы и Нагасаки была стремительной и четкой. В первом же интервью журналистам после этого события он заявил: «До того, как применили атомную бомбу, я бы сказал «да», я уверен, что мы сможем сохранить мир с Россией. Теперь я не знаю. Я надеялся, что в этой войне атомная бомба не будет использована... Люди повсюду напуганы и обеспокоены. Каждый вновь почувствовал угрозу своей безопасности»^[445].

После войны Эйзенхауэр все чаще стал задумываться о своем дальнейшем жизненном пути. Он полагал, что с ее окончанием закончилась и его военная карьера, тем более что незадолго до конца войны он и несколько других американских генералов получили высшее, только что введенное воинское звание – генерал армии.

В ноябре 1945 г. Эйзенхауэр писал своему другу детства Свиту Хезлетту, который был больше всех причастен к его судьбе военного: «У меня нет более сильного желания, чем уйти в отставку»^[446].

Но чем заняться после отставки? Ведь 55 лет еще не тот возраст, когда человек считает, что все уже позади. Эйзенхауэр говорил близким друзьям: «Я получил всю славу, какую только желал. Я хотел бы провести оставшиеся дни во главе небольшого колледжа, одновременно немного занимаясь земледелием»^[447].

Другие авторы утверждают: «Он хотел выйти в отставку, писать, играть в гольф и наслаждаться жизнью»^[448]. Возможно, таковы были личные планы Эйзенхауэра. Но на него имели серьезные виды лидеры обеих политических партий США. Все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса о необходимости выдвинуть Эйзенхауэра на пост президента страны.

Многие биографы Эйзенхауэра, а также он сам в своих мемуарах приводят его разговор с президентом Трумэнном, подлинность которого последний никогда не подтверждал. Президент заявил генералу: «Нет ничего такого, что бы Вы пожелали и чего я не попытался бы помочь Вам получить. Это, в частности, особенно относится к выборам президента США в 1948 г.» В ответ на столь неожиданное предложение Эйзенхауэр ответил: «Мистер президент, я не знаю, кто будет вашим соперником во время президентской кампании, но только не я»^[449].

Трудно сказать, насколько искренним было предложение Трумэна, но, во всяком случае, он был очень настойчив в своем стремлении убедить Эйзенхауэра занять пост начальника штаба армии США. Хотя это был апогей военной карьеры, Айк без особого энтузиазма принял предложение президента^[450].

Во многих интервью Эйзенхауэр утверждал, что он не имел после войны ни военных, ни политических амбиций. Возможно, это в определенной мере и соответствовало действительности, но амбиции военно-политических кругов США были беспредельны и имели глобальный характер. Генерал как герой войны мог сыграть важную роль в их осуществлении. Однако многие факторы мешали реализации этих планов, и один из них – стихийная демобилизация американской армии.

Народ устал от войны, и все аргументы поборников экспансионистской внешней политики о необходимости сохранить большую и боеспособную армию повисали в воздухе. В течение нескольких месяцев пришлось распустить по домам многомиллионную армию. Эйзенхауэр становился чем-то вроде генерала без армии. В начале 1946 г. он с горечью докладывал конгрессу, что на территории США не осталось ни одной армейской части, которая была бы должным образом обучена и оснащена.

На посту начальника штаба армии США Эйзенхауэр работал в постоянном контакте с министром обороны Джеймсом Форрестолом, с которым у него установились очень хорошие личные отношения. Наблюдая за умелыми маневрами Эйзенхауэра в коридорах власти Вашингтона послевоенного времени, отмечая такт и обходительность генерала, министр говорил: «Айк, с твоей физиономией быть тебе президентом, хочешь ты этого или нет». И очевидно, прав был Джордж Джонсон, автор популярной биографии Эйзенхауэра, в том, что именно в то время Дуайт уже серьезно думал о своем пути в Белый дом: Эйзенхауэр начал большое путешествие от «нет» к «да»^[451]. Наверное, трудно было не думать о Белом доме, когда лидеры обеих партий домогались выдвижения его кандидатуры в президенты, а 20 тыс. избирателей послали ему письма с просьбой дать на это свое согласие^[452].

Публичные заявления генерала как будто не оставляли сомнений в его нежелании испытывать судьбу на новом и, пожалуй, самом трудном поприще – в политике. Кое-кто даже проводил историческую параллель между Эйзенхауэром и героем Гражданской войны генералом северян Шерманом, который отказался баллотироваться в президенты. Правда, как и многие другие исторические параллели, данное сравнение было не очень убедительным. Шерман заявлял четко и ясно: «Я отказываюсь баллотироваться в президенты, а если против моей воли буду избран, то откажусь быть президентом».

Таких категорических заявлений Эйзенхауэр не делал. Он оставлял за собой право в будущем принять то решение, которое сочтет целесообразным.

* * *

Генерал Дуайт Эйзенхауэр в годы Второй мировой войны внес важный вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников. Являясь Главнокомандующим вооруженными силами западных союзников во время операций в Северной Африке, Италии и во Франции, он много сделал для подготовки и осуществления этих операций. Однако, оценивая результаты военных операций западных союзников, проводимых под командованием Эйзенхауэра, надо учитывать, что бои в Северной Африке велись после битв под Москвой и Сталинградом, в Италии – после сражения на Курской дуге. Главная операция союзников во Франции в июне 1944 г. имела место после того, как отборные части гитлеровской армии уже были перемолоты на советско-германском фронте, после того, как наступил великий перелом не только в ходе боев на Восточном фронте, но и во всей Второй мировой войне.

Определяя политическую линию Эйзенхауэра во время войны, следует подчеркнуть, что он, как и всякий военный руководитель, был последовательным исполнителем стратегических военно-политических концепций правящих кругов США и Великобритании. Айк проявлял определенный политический реализм, когда решались вопросы открытия второго фронта в Европе, взятия Берлина, взаимоотношений с советским союзником в целом.

Анализ деятельности Эйзенхауэра в годы Второй мировой войны позволяет сделать еще один вывод, имеющий принципиально важное значение. СССР и США были союзниками в годы войны. История советско-американских отношений в этот период свидетельствует о том, что в определенных исторических условиях СССР и США смогли поддерживать не только дружественные, но и союзнические отношения. Опыт позитивного сотрудничества СССР и США в эти годы может и должен быть использован в интересах улучшения наших

отношений, в интересах реализации внешнеполитического курса новой России.

ГЛАВА IV

ПРЕЗИДЕНТСТВО

На посту начальника штаба армии США Эйзенхауэр пробыл с ноября 1945 по февраль 1947 гг.^[453] И на протяжении всего этого периода политиканы всех мастей строили планы использования имени популярного генерала в азартнейшей политической игре, призом в которой был Белый дом. И, наверное, в этих условиях удержаться от соблазна было нелегко. Эйзенхауэр не раз советовался по этим вопросам с людьми самой различной ориентации, в частности с Макартуром и Маршаллом. Но уже в то время главным его советником был брат Милтон, к мнению которого он особенно прислушивался. Милтон считал, что политическим дельцам нужно популярное имя Дуайта, а не он сам. «Практичный либерал» семьи Эйзенхауэров был против баллотировки Дуайта в президенты^[454].

В июне 1948 г. Эйзенхауэр стал президентом одного из крупнейших в стране Колумбийского университета. К этому времени он имел почетные ученые степени и звания многих университетов мира, но всем окружающим, и в первую очередь ему самому, было хорошо известно, что эти высокие академические регалии он получил не за вклад в развитие каких-либо наук. Это была дань уважения к его военным заслугам в годы Второй мировой войны.

История прихода Эйзенхауэра в Колумбийский университет представляет определенный интерес.

После окончания войны популярному генералу было сделано много предложений использовать свое имя, энергию, связи на поприще бизнеса, в частности в издательском деле. Однако, как писал один из его биографов, «ему не нравилась идея ассоциироваться с какой-либо коммерческой деятельностью, вне зависимости от того, насколько она доходна»^[455].

Эйзенхауэр был достаточно трезвомыслящим человеком, чтобы прийти к выводу, что его общеобразовательная подготовка ограничивалась узкими рамками программ военных учебных заведений, в которых он учился. Этого было явно недостаточно в век начинавшейся научно-технической революции. И он самокритично заявлял, что для пополнения своего интеллектуального багажа был бы не против того, чтобы возглавить какой-нибудь небольшой колледж, где бы он одновременно с административной деятельностью смог расширить и свои собственные познания.

Когда же ему было предложено возглавить Колумбийский университет, первая его реакция была резко негативной. «Предложите это Милтону!» – ответил генерал. И только спустя шесть месяцев, после многочисленных раздумий Эйзенхауэр дал согласие на это предложение. В июне 1948 г., как указывалось выше, он стал президентом Колумбийского университета, одного из авторитетнейших учебных заведений страны.

На новом поприще Дуайта Эйзенхауэра ждали многие серьезные проблемы, с которыми он столкнулся, еще не переступив порога популярного в стране и за рубежом университета. Ряд представителей академической элиты был против нового президента, считая, что учебные заведения такого разряда должны возглавлять ученые, а не генералы.

Вряд ли Айку было приятно слышать это мнение. Но с присущим ему практицизмом он и здесь нашел удачный выход из положения, заявив на первой же встрече с профессурой университета, что не претендует на лавры ученого и при решении академических вопросов будет полагаться на ее просвещенное мнение.

Значительно лучше у него сложились отношения с советом попечителей университета, от которых зависело финансирование этого учебного центра. Военачальнику Второй мировой войны, исключительно популярному в стране человеку было, конечно, несравненно проще решать вопросы финансирования, чем любому самому компетентному ученому.

На посту президента Колумбийского университета Эйзенхауэр явился организатором Американской ассамблеи, суть деятельности которой сводилась к объединению усилий бизнесменов, профсоюзных деятелей, ученых, представителей политических партий для изучения проблем национального значения. По инициативе Эйзенхауэра в Колумбийском университете изучались также вопросы, связанные с сохранением людских ресурсов, и другие проблемы^[456].

Более тридцати лет генерал отдал военной службе, и в силу специфики социальных условий профессионального военного он не имел представления о многих проблемах, с которыми сталкивалось подавляющее большинство американцев.

Уйдя с военной службы, Айк, имевший высшее воинское звание, конечно, не испытывал материальных трудностей. Специальным решением высших органов власти Эйзенхауэр как генерал армии сохранял это звание пожизненно. В случае отставки он получал около 20 тыс. долл. в год, что было по тем временам значительной суммой. И тем не менее переход на гражданское положение создал ряд проблем. И первой из них стала проблема жилья. Необходимо было также покупать автомобиль, а приличная машина стоила больших денег.

Столкнулся Айк и еще с одной проблемой, которая в прошлом находилась вне поля его зрения. Колумбийский университет расположен вплотную к негритянскому району Нью-Йорка Гарлему, где всегда существует риск, особенно для белого, попасть в ситуацию, угрожающую жизни. Эйзенхауэру приходилось брать с собой пистолет, когда он направлялся в университетский район. Это была своеобразная и довольно убедительная иллюстрация к реалиям послевоенной Америки: президент-генерал направлялся в свои академические владения с пистолетом в кармане.

Но в главном Эйзенхауэр был удовлетворен. Казалось, он нашел свое место в жизни. «Два с половиной года, – вспоминал он, – которые я провел на посту президента Колумбийского университета, доставляли мне удовлетворение в профессиональном плане и самое большое удовлетворение – в личном»^[457].

Эйзенхауэр возглавил Колумбийский университет, когда ледяные ветры «холодной войны» гуляли и по университетским аудиториям. Все, что касалось социалистических и коммунистических идей, предавалось анафеме. Изучение этих проблем объявлялось святотатством. Новый президент Колумбийского университета, ни в коей мере не симпатизируя этим идеям, между тем выступал за необходимость их изучения. «Эйзенхауэр понимал, что... надо знать факты. В силу этого, считал он, надо изучать системы социализма и коммунизма, чтобы понять их».

39 тыс. студентов этого учебного центра импонировало то, что новый президент не стеснялся обратиться за помощью к декану факультета и откровенно признаться, что он ничего не понимает в вопросах, изучаемых на том или ином факультете, и попросить необходимой помощи. Рабочий день президента достигал 15 часов в сутки. Вход в его

кабинет был свободен в любое время^[458].

Вся сознательная жизнь Эйзенхауэра прошла в вооруженных силах, что всегда накладывает на человека специфический отпечаток, меняет его психологию, вырабатывает командные нотки в голосе, в манере поведения. Эйзенхауэру хватало здравого смысла, чтобы ничего подобного не проявилось в его поведении в университете. Он отказался занять кабинет последнего президента Колумбийского университета доктора Николаса Батнера, так как надо было пользоваться персональным лифтом, чтобы попасть в этот кабинет. Эйзенхауэр занял скромный кабинет на первом этаже, чтобы каждый, кому это было необходимо, мог легко попасть к президенту. Он никогда не получал жалованья в университете.

В 1948 г. вышло первое издание мемуаров Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу»^[459]. Книга имела большой резонанс и принесла немалый доход ее автору. Налоговое управление, учитывая, что Аик не был профессиональным литератором, предоставило ему большие налоговые льготы, и чистый доход автора составил 476 250 долл.^[460]

В США на конец 1966 г. было распродано 1,7 млн экземпляров «Крестового похода». Мемуары были переведены на 22 языка^[461].

Многие биографы Эйзенхауэра утверждают, что уход из армии и работа в Колумбийском университете были ему необходимы как трамплин в Белый дом. Они отмечают, что по американским традициям президент страны должен иметь определенный опыт гражданской работы, которого у Дуайта не было^[462].

Эйзенхауэр недолго задержался на посту президента Колумбийского университета. И в период работы ректором его широко использовали в качестве консультанта высших военных инстанций при решении наиболее сложных проблем. А вскоре ему вновь пришлось надеть военную форму.

Пока Эйзенхауэр постигал премудрости университетской жизни, в мире бушевала «холодная война». Она охватила сферы экономики, идеологии, политики, дипломатии. В апреле 1949 г. под эгидой США был создан военно-политический Североатлантический блок – НАТО. По единодушному мнению руководителей стран, вошедших в этот блок, Эйзенхауэр был самой подходящей кандидатурой, чтобы возглавить его.

18 декабря 1950 г. Дуайт и Мэми, удобно устроившись в пульмановском вагоне, ехали через штат Огайо, направляясь в отдаленный колледж. На одной из станций железнодорожный служащий сообщил, что Эйзенхауэра разыскивает по телефону президент Трумэн. До телефона пришлось добираться по глубокой снежной целине. Это был путь навстречу «холодной войне». Трумэн сообщил Эйзенхауэру о единодушном мнении руководителей стран – членов НАТО. «Эта просьба, – вспоминал генерал, – вызвала во мне сильное чувство разочарования». Надо было вновь менять наладившийся жизненный уклад и отправляться в Европу. Однако ни в коей мере не следует считать, что Эйзенхауэр был противником создания НАТО. Уже в конце своего пребывания в Белом доме, 28 ноября 1959 г., возвращаясь к вопросу о том, как он стал первым Главнокомандующим вооруженными силами НАТО, Эйзенхауэр писал в дневнике: «И Трумэн, и я знали, что это неблагодарная работа, но я был полностью согласен с президентом, что коллективная безопасность, создававшаяся для Западной Европы, должна быть осуществлена в возможно короткий срок и что Америка должна принять в этом участие»^[463]. В своих мемуарах он безапелляционно заявлял: «Я верил в концепцию НАТО. По моему мнению, будущее западной цивилизации

зависело от ее успешного претворения в жизнь»^[464].

7 января 1951 г. генерал прибыл в Париж, чтобы возглавить наземные, морские и военно-воздушные силы западных держав – членов НАТО. Ему предстояло затратить немало усилий для создания вооруженных сил НАТО. В качестве заместителя Главнокомандующего Эйзенхауэр пригласил фельдмаршала Монтгомери. Приглашение Монтгомери занять пост заместителя Эйзенхауэра как Главнокомандующего вооруженными силами НАТО должно было, по мнению организаторов этого блока, подчеркнуть англо-американское единство как основу новой военно-политической организации.

В качестве руководителя своего личного штаба Эйзенхауэр пригласил генерал-лейтенанта Альфреда Грюнтера. «Он котирировался в Пентагоне как лучший специалист по планированию и одновременно как самый лучший игрок в бридж во всей армии»^[465]. В Париже, в гостинице «Астория», временном пристанище штаба НАТО, несмотря на все усилия генерала сократить штаты, собралось 200 офицеров из 12 государств, одетых в военную форму 40 видов.

Создатели НАТО всемерно стремились использовать боевые традиции Второй мировой войны, пытаясь таким путем придать более респектабельный вид этому уродливому детищу «холодной войны».

В политическом отчете посольства СССР в США за 1950 г. посол А. Панюшкин писал: «Выступая 1 февраля 1951 г. на неофициальном заседании конгресса, Эйзенхауэр по существу признал, что Североатлантический блок является для Соединенных Штатов средством использования людских и материальных ресурсов Западной Европы для осуществления американских военных планов».

В отчете фиксировалось внимание на большом росте полномочий генерала Эйзенхауэра как Главнокомандующего вооруженными силами этого блока и американскими войсками в Германии. Посол Панюшкин подчеркивал, что в НАТО и на совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции в Брюсселе 18-19 декабря 1950 г. были приняты «секретные планы» создания объединенных вооруженных сил блока под американским командованием... в том виде, которого добивалось правительство США», в частности, «произведено назначение Эйзенхауэра Главнокомандующим». Достигнуто «единодушное согласие относительно доли, которую могла бы принять на себя Германия в общей обороне»^[466].

А. Панюшкин писал, что Совет НАТО 19 декабря 1950 г. предоставил Эйзенхауэру полномочия «проводить обучение национальных соединений, переданных под его командование, и организацию их в действенные силы». Эти полномочия были дополнены правительством США. На Эйзенхауэра было возложено оперативное командование «американскими наземными и воздушными силами в Европе, а также восточноатлантическими и средиземноморскими военно-воздушными силами США» (из письма Трумэна Эйзенхауэру, переданного в печать Белым домом 19 декабря 1950 г.). Предоставление Эйзенхауэру столь широких полномочий позволило ему приступить к созданию мощных вооруженных сил НАТО. В отчете посла Панюшкина отмечалось: «Пользуясь этими полномочиями, подкрепленными реальной властью командующего американскими войсками в Европе, Эйзенхауэр во время поездки по европейским столицам в январе 1951 г. потребовал от государств – членов блока быстрейшей передачи войск под его командование, увеличения вооруженных сил и военных бюджетов этих стран»^[467].

Эйзенхауэр много сделал для создания вооруженных сил НАТО. Став президентом США,

он в основу всей своей внешнеполитической деятельности положил принцип так называемой атлантической солидарности, всемерного укрепления под эгидой США блока стран – участниц НАТО.

Как и все стратеги НАТО, генерал неустанно повторял, что только военно-политическое единство Запада может спасти капиталистический мир от «советской угрозы». После создания в СССР атомного оружия он заявлял, что «отныне, впервые в своей истории, американцы вынуждены жить в условиях угрозы полного уничтожения»^[468].

Эйзенхауэр всемерно стремился к развитию интеграции в Западной Европе. 11 июня 1951 г. он записал в своем дневнике: «Я пришел к заключению, что вопросы безопасности Европы не удастся удовлетворительно разрешить, пока не будут созданы Соединенные Штаты Европы... Исключительно важно определить проблемы, которые возникают или усиливаются из-за расчленения Западной Европы на большое число мелких суверенных государств»^[469].

В решении нелегкой задачи – объединить Западную Европу перед лицом «советской угрозы» – Эйзенхауэр активно и успешно апеллировал к чувствам своего британского союзника. 3 июля 1951 г. он выступил в Лондоне с важной речью в «Союзе англофонов», которую слушали 1200 лиц, представлявших сливки британского общества. Речь была посвящена необходимости создания Соединенных Штатов Европы. В пользу своего проекта оратор выдвинул яркие и, очевидно, убедительные аргументы. Во всяком случае, министр иностранных дел Англии Герберт Моррисон, премьер-министр Клемент Эттли, Уинстон Черчилль с восторгом говорили об огромном впечатлении, которое произвела на них речь Эйзенхауэра^[470].

Следует констатировать, что у истоков интегрированной Европы, которая играет сегодня столь выдающуюся роль в мировой политике, находился Дуайт Эйзенхауэр.

Деятельность Эйзенхауэра на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО вызвала резко отрицательную реакцию со стороны советского руководства. Аналогичной была позиция прессы СССР. Журнал «Большевик» в марте 1951 г. отмечал: «Недавно американский генерал, западноевропейский гауляйтер Эйзенхауэр призвал самых заядлых гитлеровцев к сотрудничеству в подготовке новой войны»^[471]. Спустя несколько номеров тот же журнал называл Эйзенхауэра «скупщиком пушечного мяса»^[472].

Верил ли Эйзенхауэр в угрозу военного нападения СССР на США? Автор этой книги прочел сотни конфиденциальных писем генерала, хранящихся в библиотеке, носящей его имя. В этих письмах он неоднократно заявлял, что не верит в опасность военной угрозы СССР Соединенным Штатам^[473].

Милтон Эйзенхауэр также высказался по этому вопросу с предельной четкостью: «Ни разу в жизни я не слышал, чтобы Эйзенхауэр высказал мнение или опасение, что СССР нападет на Соединенные Штаты Америки. И я считаю, что таких опасений не могло быть»^[474].

Мнение Милтона авторитетно, потому что он был самым близким и доверенным советником брата. Милтон с полным основанием подчеркивал: «По всем важным вопросам у меня с Дуайтом всегда было полное совпадение мнений»^[475]. Дуайт Эйзенхауэр высказывался так: «...60 лет мы поддерживали самые тесные отношения, на протяжении всего периода двух моих правительств Милтон был моим постоянным советчиком, доверенным лицом, временами – моим личным представителем»^[476].

Если Эйзенхауэр не верил в угрозу нападения со стороны СССР, то закономерен вопрос: почему он был столь рьяным сторонником НАТО и так называемого принципа коллективной обороны западного мира?^[477] Ответ может быть только один: приняв активное участие в создании вооруженных сил этого агрессивного военного блока, Аик убедительно продемонстрировал свою полную солидарность с теми кругами Запада, которые пытались помешать развитию мирового революционного процесса путем объединения усилий ведущих империалистических стран. Роль европейского региона во внешней политике США была и остается огромной. Создание мировой социалистической системы изменило весь облик Европейского континента. Европа стала важнейшим центром упорной борьбы между двумя системами, которая во многом определила развитие всей международной жизни.

Европа – единственное место в мире, где соприкасались, противостояли друг другу две самые мощные армии: советская и американская. Здесь, в Европе, находились страны, входившие в военно-политический блок НАТО, и страны Организации Варшавского Договора. Европа – регион, в котором начались и Первая, и Вторая мировые войны. И это не историческая случайность. Европа была и остается средоточием сложнейших межимпериалистических противоречий. После окончания второй мировой войны к ним прибавились противоречия между капитализмом и социализмом. В Европе проходила главная граница между двумя противоположными общественно-политическими системами. Все это делало европейский регион особо важным в военно-стратегическом и политическом отношении.

Это был тот район земного шара, где после создания НАТО с особой силой сталкивались интересы двух противоположных общественно-экономических систем. Как Главнокомандующий вооруженными силами НАТО, Эйзенхауэр был активным исполнителем внешнеполитических планов США, в которых Европе отводилось исключительно важное место.

Как понимал Эйзенхауэр свои задачи в этих условиях на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО? Лучше всего на этот вопрос отвечает его личная переписка. В официальных публичных заявлениях было немало тирад об «оборонительной миссии» Североатлантического блока, о «защите западной цивилизации», о «братстве по оружию» между западными союзниками во Второй мировой войне. В личных письмах речь шла и о другой важной миссии Эйзенхауэра. 8 марта 1952 г. Главнокомандующий вооруженными силами НАТО писал конгрессмену Уолтеру Джаду: «Здесь, в Европе, мой главный долг как солдата и слуги всех американцев вне зависимости от их партийной принадлежности заключается в охране и укреплении американских капиталовложений в районе Атлантики и Средиземноморья»^[478].

Эйзенхауэр полностью отдавал себе отчет в том, что интересы держателей акций и интересы широких народных масс – далеко не одно и то же. Об этом ему постоянно напоминали и простые американцы. В его личном архиве хранится немало писем от солдат и офицеров, от его сограждан, в которых со всей откровенностью отмечалось, что американский народ резко осуждает политику НАТО, порождавшую опасность новых военных авантюр.

В одном из таких писем, направленном Эйзенхауэру в августе 1951 г. рядовым американским военнослужащим, говорилось, что солдаты «часто философствуют за кружкой пива о мировых проблемах и о своем будущем в частности». Думы солдат были невеселыми. Они приходили к выводу, что их удел в будущей войне – «убивать или быть

убитыми. От мысли, что надо убивать, тошнит. Перспектива быть убитым страшит». От имени своих товарищей автор письма спрашивал Айка: «Действительно ли необходимо нашему поколению стать профессиональными убийцами, как называют ветеранов войны в Корее?»»

Генерал ответил своему адресату. Мобилизовав все аргументы из арсенала теоретиков и практиков «холодной войны», Главнокомандующий писал, что, по его мнению, только «осуществление безбожной доктрины коммунистов заставляет США вооружаться». Явно чувствуя неубедительность этих доводов, Эйзенхауэр в заключение признавался: «Я понимаю, что вы и ваши товарищи не сможете расценить это письмо как точный или хотя бы удовлетворительный ответ на вопросы, которые так сильно беспокоят вас»^[479]. Показательное признание!

Он был убежденным сторонником использования в интересах НАТО военно-экономического потенциала Западной Германии. Этот курс лежал в основе всей «атлантической политики» США, которая была исключительно непопулярна в глазах общественности по обе стороны Атлантики. США основывали свою позицию на столь резкой политической метаморфозе, что это заставляло их заранее программировать мощную оппозицию со стороны не только общественности, но и своих союзников по НАТО.

Особенно много проблем возникало с Францией, которая понесла тяжелейшие потери в годы Второй мировой войны и очень настороженно относилась к натовским планам перевооружения Германии.

Эйзенхауэр использовал всю силу своего красноречия, чтобы убедить французского союзника в том, что в рамках НАТО германский империализм будет тих, послушен и контролируем.

Ситуация напоминала случай, имевший место в США в разгар Гражданской войны 1861—1865 гг. Президент Линкольн в ответ на уверения в том, что Англия ни при каких обстоятельствах не нападет на Соединенные Штаты, с присущим ему юмором поведал притчу о возможном поведении злого бульдога. Соседи уверяли друг друга, что собака не опасна. Но нашелся скептик, который возразил: «Я-то знаю, что бульдог не будет кусаться. Вы тоже знаете это, но знает ли об этом сам бульдог?»

Эйзенхауэру выпала тяжелая задача: убедить французов, что отныне и во веки веков немецкий бульдог никогда не будет больше кусаться. В январе 1951 г. Эйзенхауэр отправился в поездку по столицам одиннадцати европейских стран, входивших в НАТО. Во время встречи в Париже с французским премьер-министром Плевеном Главнокомандующий вооруженными силами НАТО убеждал французского премьера, что французам недостает уверенности в себе, что, в конце концов, они потерпели поражение всего однажды, что надо «бить в барабаны, чтобы возродить величие Франции». Плевен, отвечая на вопросы журналистов, сказал, что в него «уверенность уже вселили». Начальник штаба Эйзенхауэра Альфред Грюнтер, присутствовавший на беседе Главкома с французским премьер-министром, заверил Эйзенхауэра в том, что он был «невероятно красноречив», Эйзенхауэр проворчал: «И почему это, когда я в ударе, у меня оказывается один-единственный слушатель!»^[480].

Эйзенхауэр был Главнокомандующим вооруженными силами западных союзников в Европе в годы Второй мировой войны, первым Главнокомандующим вооруженными силами НАТО. Он лучше, чем кто-либо другой, предвидел неизбежность резкой оппозиции, в первую очередь в европейских странах, курсу на вовлечение ФРГ в НАТО. 13 марта 1951 г.

Айк писал конгрессмену Л. Гевину: «Что мы должны делать, если какое-либо из этих правительств откажется понимать, что безопасность свободного мира требует сегодня полного сотрудничества и готовности каждого из нас пойти на жертвы?»^[481]. Генерал, правда, не объяснял, кто же, по его мнению, угрожал «свободному миру», и, разумеется, не мог привести никаких доказательств того, что эта угроза существовала. Но он был прав в одном: политический курс, построенный на спекуляции вокруг мифических угроз «свободному миру», не срабатывал.

Его предвидения и опасения скоро подтвердились. Франция, жертва германской агрессии в трех крупнейших войнах на протяжении 70 лет, отказалась ратифицировать соглашение о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

Эйзенхауэр реагировал на это, как на поле боя, быстро и решительно. Согласовав свои действия с Черчиллем на переговорах в Вашингтоне, он потребовал от французского правительства незамедлительно «покончить с существующим неопределенным положением», ибо «дальнейшее промедление явилось бы ударом по атлантической солидарности». После такого демарша была сразу же создана англо-американская «исследовательская группа» для выработки конкретных санкций, если Франция откажется ратифицировать договор. Это была уже неприкрытая политика «выкручивания рук».

Французский парламент проголосовал против ратификации договора о создании ЕОС, но Франции все же пришлось капитулировать. «Атлантическая солидарность» опутала эту страну по рукам и ногам и грозила задушить ее в своих объятиях. В конечном итоге правительство Франции дало согласие на перевооружение Германии и ее допуск в Атлантическое сообщество. При активном участии Эйзенхауэра США и Англия одержали первую победу над своим союзником по НАТО.

Но возникал вопрос, что же дальше? Была очевидна полная бесперспективность и опасность попыток чисто военного и административного решения сложнейших политико-социальных, экономических, идеологических проблем, с которыми сталкивались Соединенные Штаты в Европе.

Эйзенхауэр отдавал себе отчет в том, что военная оккупация территории других стран не может продолжаться вечно без угрозы вызвать сложнейшие социально-политические коллизии. 28 февраля 1951 г. Эйзенхауэр подчеркивал в конфиденциальном письме: «Если в течение 10 лет все американские войска, находящиеся в Европе... не будут возвращены в США, это будет означать полный крах наших планов»^[482].

«Эйзенхауэр считал, что американцы не должны превратиться «в современных римских легионеров, охраняющих с помощью своих легионов... наши границы. Единственное, что мы должны сделать, – это помочь народам Европы обрести уверенность и встать в военном плане на свои собственные ноги»^[483].

Слова и дела отнюдь не всегда у него согласовывались. «Эйзенхауэр также несет ответственность за то, что американские войска не были выведены из Европы на протяжении тех 10 лет, которые были им определены для их пребывания там»^[484].

Времена меняются. Став президентом США, Эйзенхауэр пересмотрел многие свои воззрения, в частности и по вопросу о выводе американских войск из Европы.

В отчете посольства СССР в США за 1954 г. отмечалось, что 16 апреля 1954 г. «Эйзенхауэр выступил с заявлением о намерении США держать свои войска в Европе до тех пор, пока «существует угроза Североатлантическому району»^[485].

Важно отметить, что президент Рузвельт не был сторонником длительного,

многолетнего присутствия американских вооруженных сил в Европе после окончания войны.

В Ялте Рузвельт говорил Черчиллю и Сталину, что он «не думает, что американские войска останутся в Европе более двух лет»^[486].

Приглашение Эйзенхауэра на пост Главнокомандующего вооруженными силами НАТО – важный этап его политической карьеры. Эта деятельность способствовала укреплению позиций генерала во влиятельных кругах США. Главнокомандующий вооруженными силами НАТО! Это был высший эталон политической благонадежности. Американские политики были убеждены, что подобный пост легко откроет путь в Белый дом их политическому протезе.

Почти синхронно был опубликован «план Маршалла» и создано НАТО, в чем нашло свое проявление единство политики, экономики и военного фактора. В этом единстве проявился реализм американской внешней политики, которая подводила военную, экономическую, политическую, дипломатическую основу под американское руководство миром, заложенное в тяжелые годы войны. И, пожалуй, ни одна страна в мире, кроме Советского Союза, не сделала так много для реализации этого американского руководства миром. Я имею в виду, что именно СССР, его Вооруженные Силы, внесли решающий вклад в военный разгром Германии и Японии, без чего не могло быть и речи о реализации американских претензий на руководство миром.

Голый эгоизм в мировой политике редко когда дает быстрый и, главное, долговременный и устойчивый положительный результат. Американская политика в Европе, да и в мировом масштабе, оказалась эффективной потому, что она отвечала не только интересам Соединенных Штатов, но в принципе и всей мировой капиталистической системы. Если бы США не пошли на реализацию «плана Маршалла», на создание НАТО, то трудно сказать, каковы бы были социально-экономические и общественно-политические последствия хаоса, который возник в Западной Европе, по которой прошелся страшный каток Второй мировой войны.

Перспектива была для мировой капиталистической системы, в первую очередь для Западной Европы, тем более мрачная, что, несмотря на огромные людские и материальные потери, Советский Союз вышел из второй мировой войны настоящим триумфатором, страной, сыгравшей решающую роль в разгроме фашизма, в освобождении Европы от фашистского ига.

Советский Союз имел огромную армию, обладавшую бесценным опытом участия в победоносных военных операциях, оснащенную современной боевой техникой, страна успешно работала над созданием стратегического оружия.

Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что к концу Второй мировой войны СССР вышел на исключительно важные в стратегическом отношении рубежи и на Западе, и на Востоке. С этих рубежей Советский Союз вполне мог побороться с Соединенными Штатами за влияние в мировом масштабе.

Вторая мировая война послужила мощным стимулом для развития национально-освободительного движения. В «третьем мире» влияние Советского Союза было очень велико, что вызывало немалое беспокойство в странах-метрополиях и в США.

Пока в Париже Эйзенхауэр занимался делами НАТО, в США кипели предвыборные страсти. Избирательная кампания 1952 г. обещала быть на редкость жаркой. Президент Трумэн не очень котировался на политической бирже в Вашингтоне. К началу

избирательной кампании 1952 г. Трумэн был фактически политическим банкротом. Реконверсия, перевод экономики на мирные рельсы, но без разоружения, прошла довольно болезненно и оставила после себя глубокие шрамы экономического кризиса 1948—1949 гг. В Корее США вынуждены были взять на себя всю главную тяжесть войны, которая хотя и велась под голубым флагом ООН, но не становилась от этого более популярной в глазах простых американцев. Союзники США приняли только номинальное участие в этой военной акции.

Республиканцы вели развернутое наступление на демократов, объясняя все внутренние и внешнеполитические трудности США бездарным руководством Трумэна и общим курсом демократической партии.

Многие в США считали, что уже пробил час Эйзенхауэра. Для нового политического курса необходим был и новый лидер. И демократы, и республиканцы в равной мере имели все основания претендовать на Эйзенхауэра. Ведь разобраться в его партийной принадлежности было практически невозможно. Никогда в жизни он не голосовал и не высказывал публично ни симпатий, ни антипатий к какой-либо из двух партий, хотя его отец неизменно голосовал за кандидатов республиканской партии^[487].

Существовала еще одна сложная проблема, связанная с выдвижением кандидатуры генерала в президенты. Руководители стран – участниц НАТО опасались, что в случае его ухода с поста Главнокомандующего вооруженными силами этого блока возникнут серьезные проблемы для самого существования такого альянса. Монтгомери, например, забыв свои распри с Эйзенхауэром периода войны, заявил ему: «Если ты поедешь домой, чтобы баллотироваться в президенты, я отправляюсь туда же, чтобы вести против тебя кампанию»^[488].

Эйзенхауэр на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО очень устраивал всех руководителей стран – участниц этого блока. Но и ситуация, складывавшаяся в США, свидетельствовала о том, что стремительно возрастали его акции как кандидата в президенты. Он не спешил с ответом на многочисленные предложения попытаться счастья на новом поприще, проявив уже в начале своей политической карьеры важное качество – умение выжидать.

Айк помнил слова Милтона о том, что партийным боссам нужна его популярность, а не он сам.

Эйзенхауэр прекрасно отдавал себе отчет в том, что политическим боссам нужен его политический авторитет и послушный кандидат в президенты. Еще 27 сентября 1949 г. он записал в дневнике: «Боссы хотят, чтобы (кандидат в президенты. – Р. И.) был известным человеком и чтобы они могли контролировать его»^[489].

Одна за другой в дневнике появлялись записи о том, что перед Эйзенхауэром все более настойчиво ставили вопрос о необходимости его баллотировки в президенты. Дуайт писал об этом 3 и 25 ноября 1949 г., 5 октября и 11 декабря 1951 г. Это была уже настоящая планомерная осада генерала-ветерана, которая велась по всем правилам политического искусства.

Определенный результат этот мощный натиск давал, но сомнения все еще оставались. Эйзенхауэр не раз вспоминал предупреждение Томаса Уотсона представителя компании «Интернэшнл бизнесе мэшинз», который говорил ему: «Не отдавайте себя в руки политиканов»^[490].

Эйзенхауэр неоднократно имел возможность убедиться в правоте этого суждения. Один

из политиканов, например, с откровенностью, граничившей с цинизмом, сказал Айку, что ему надо обязательно баллотироваться в президенты, так как это поможет избранию в конгресс и его как кандидата. «Слава Богу, нашелся хоть один честный человек»^[491], – прокомментировал Дуайт это заявление.

Влиятельные круги республиканцев приходили к выводу, что только с помощью Эйзенхауэра партия сможет завоевать Белый дом на предстоящих выборах. Еще в октябре 1950 г. Томас Дьюи, губернатор штата Нью-Йорк и один из самых авторитетных лидеров республиканцев, сам ранее баллотировавшийся в президенты, предложил ему выставить свою кандидатуру в президенты США. Аик ответил, что его вполне устраивает пост президента Колумбийского университета. «Я считаю, что слишком стар, чтобы баллотироваться в президенты»^[492], – добавил он тогда.

По правде говоря, давая такой ответ, он не был до конца откровенен. Было еще одно соображение, которое заставляло его колебаться. Дуайт в глубине души не считал себя достаточно подготовленным к исполнению сложных обязанностей президента страны. Заявить об этом публично было равносильно тому, чтобы перечеркнуть свою политическую карьеру. Во всяком случае, поверяя свои тайные мысли дневнику, Эйзенхауэр не раз возвращался к этому вопросу – и в канун баллотировки в президенты, и после прихода в Белый дом.

Так 14 мая 1953 г. он оставил в дневнике следующую запись: «Что касается моего брата Милтона, то я, конечно, в данном вопросе человек с предубеждением. Но я не колеблясь скажу, что он самый знающий и широко информированный из всех, с кем я имею дело. Это человек сильного характера, крупная личность, гуманист и действительно блестящий организатор и руководитель. По моему убеждению, в настоящее время он более других подготовлен к тому, чтобы занять пост президента Соединенных Штатов»^[493].

Казалось, что после переезда в Париж все помыслы Эйзенхауэра сосредоточились на решении сложнейших проблем, связанных с деятельностью НАТО. 3 июля 1951 г. генерал выступил в Лондоне перед членами Союза лиц, говорящих на английском языке. Необходимость всемерного объединения усилий стран – участниц Североатлантического блока – такова была красная нить выступления Эйзенхауэра. «Выполнение этого условия, – подчеркивалось в его мемуарах, – превратит страны, объединенные в НАТО, в комплекс столь же могущественный в военном, экономическом и политическом плане, как любой другой в мире»^[494]. Это был четкий курс на наращивание военно-политического потенциала НАТО.

По обе стороны Атлантики его речь была воспринята с большим удовлетворением теми кругами, которые ратовали за тотальную мобилизацию усилий Запада против «советской угрозы». Восторженно приветствовал выступление Эйзенхауэра Черчилль. Он заявил: «Это величайшая речь, произнесенная американцем, на протяжении всей моей жизни»^[495].

Был ли Черчилль искренен в своей оценке речи Эйзенхауэра или то была составная часть его усилий возродить на новой основе англо-американский альянс военных лет, добиться для Великобритании особого положения в рамках НАТО? Мнение Эйзенхауэра на этот счет было недвусмысленно. 6 января 1953 г. он записал в дневнике: «Уинстон пытается возродить дни Второй мировой войны. В то время у него было радостное чувство, что он и наш президент восседают на своеобразном Олимпе, а весь мир с почтением взирает, как они, используя свои преимущества, руководят международными делами». Эйзенхауэр отмечал, и не без оснований, что объективные условия, сложившиеся в годы Второй мировой войны,

«не могут быть применены к реалиям современности».

Будущий президент делал вывод, который лег в основу его отношений с Великобританией на протяжении всех восьми лет пребывания в Белом доме: «С учетом современных международных сложностей любые надежды создать такие отношения – чистейшая глупость. Национализм на марше, и международный коммунизм использует благоприятные для него проявления этого национализма, чтобы породить разногласия в свободном мире. Москва уверяет многие дезориентированные народы в том, что с коммунистической помощью они смогут добиться удовлетворения и упрочения их национальных амбиций»^[496].

Показательное признание. В присущей лидерам Запада форме Эйзенхауэр признавал быстрый рост влияния Советского Союза в странах «третьего мира» и не без оснований проявлял по этому поводу серьезное беспокойство. Он уже тогда предвидел, что помощь Советского Союза национально-освободительному движению резко меняла соотношение сил на фронте антиколониальной, антиимпериалистической борьбы, создавала новую важную альтернативу для колониальных и зависимых народов в поисках путей выхода из многовековых тупиков колониализма.

Эйзенхауэр еще в самом начале своего президентского пути понимал, что Соединенным Штатам при реализации их внешнеполитического курса на бывшей колониальной периферии империализма придется столкнуться с мощным противодействием Советского Союза неоколониалистской политике империалистических держав. И действительно, прошло совсем немного времени и на примере тройственной агрессии против Египта и Эйзенхауэру, и другим лидерам Запада пришлось убедиться в том, что наступил качественно новый этап в борьбе народов за свое национальное и социальное освобождение.

Эти новые условия были созданы не только подъемом национально-освободительного движения, но и возможностью для него опереться на всемерную помощь и поддержку Советского Союза и других социалистических стран.

Новым в политике США в странах Азии, Африки, Ближнего Востока (это особенно отчетливо проявилось в годы президентства Эйзенхауэра) являлось и то, что американские правящие круги считали: наступил их звездный час, и история предоставляет им возможность заполнить вакуум, который образуется в бывших колониях после ухода оттуда Англии и других стран-метрополий.

Все это не могли не принимать в расчет союзники США по военно-политическим блокам. И вряд ли были искренними восторженные оценки Эйзенхауэра и прочих американских руководителей, которые нередко повторял Черчилль и другие лидеры стран – членов НАТО.

Их дифирамбы в адрес Эйзенхауэра не означали готовности послушно выполнять военно-политические директивы Вашингтона.

В период пребывания на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО генерал убедительно продемонстрировал понимание основных стратегических задач американской внешней политики. Даже в разгар войны в Корее он неустанно подчеркивал, что главный ее центр – страны НАТО. «Я уверен, – заявлял он 2 августа 1951 г., – что среди ряда важных внешнеполитических проблем успешное решение вопроса о создании коллективной безопасности путем сотрудничества Северной Америки и западноевропейских стран настолько важно для нас, что мы не должны делать ничего, что ведет к риску создать трудности для успешного разрешения этой проблемы»^[497].

Как уже отмечалось, Эйзенхауэр, возглавляя вооруженные силы НАТО, раньше многих других лидеров западного мира сделал ставку в европейской политике США, в первую очередь, на использование военно-экономического потенциала Западной Германии. Однако он проявил необходимый дипломатический такт и не осуществил слишком крутого прогерманского поворота, что могло если не опрокинуть, то серьезно перекосить неустойчивое здание Североатлантического блока.

Позднее в своих мемуарах Айк не считал нужным маскировать прогерманский курс своей деятельности в НАТО. «Одной из моих самых неотложных задач, – писал он, – было достижение соглашения среди стран – участниц НАТО по вопросу об использовании сил Западной Германии в нашей организации...»^[498].

Реализация американской политики ремилитаризации ФРГ наталкивалась на серьезные трудности и была исключительно непопулярна, особенно в европейских странах. У народов Европы еще свежи были воспоминания о страшных годах фашизма.

Никакие ухищрения западных политиков и дипломатов не могли вычеркнуть из памяти народов воспоминания о миллионах убитых и искалеченных, массовом терроре оккупантов, расстрелах заложников, лагерях смерти и крематориях.

Все это Эйзенхауэр видел в годы войны собственными глазами. Его возмущение и чувство протеста были не менее искренни, чем у всякого другого ее участника. Но, как он сам говорил, «войны ведутся для достижения определенных политических целей». Шла «холодная война», а в Корее она переросла уже в вооруженный конфликт, и Главнокомандующий вооруженными силами НАТО при определении своей политики в германском вопросе руководствовался только «политическими целями».

Открытый переход к ремилитаризации Германии именно в начале 50-х гг. не являлся случайным. Это был период, когда на арену международной политики вышла мировая социалистическая система, что стало главным проявлением бурного развития мирового революционного процесса. США терпели поражение за поражением в Корее. Тяжелый удар по их внешнеполитическим устремлениям нанесло создание в СССР атомного, а затем и водородного оружия. Возникла необходимость изыскивать новые резервы не только для укрепления внешнеполитических позиций Соединенных Штатов, но и всей капиталистической системы. В начале 50-х гг. США пошли на столь непопулярные среди народов мира решения, как перевооружение Западной Германии и возрождение японского милитаризма. ФРГ в Европе и Япония в Азии стали крайними флангами единого антисоциалистического, антисоветского фронта, спешно сколачиваемого творцами американской внешней политики.

Эйзенхауэр предвидел, что его прогерманский курс вызовет серьезные осложнения внутри НАТО. И это позднее действительно произошло, когда Франция выступила против перевооружения Германии. Он неоднократно указывал на непопулярность даже среди руководителей западноевропейских стран политики перевооружения ФРГ и ее включения в НАТО. Например, в октябре 1951 г. генерал заявлял: «Даже к западу от Эльбы объединенная Германия более популярна, чем ремилитаризованная»^[499].

В публичных выступлениях и официальных заявлениях Айк старался обходить столь острый вопрос, как планы ремилитаризации Германии. Но его личная переписка не оставляет никаких сомнений в том, что Главнокомандующий вооруженными силами НАТО видел резко негативную реакцию общественности и Европы, и Америки на политику Североатлантического блока в германском вопросе. 16 апреля 1951 г. Эйзенхауэр писал

генералу Л. Клею: «Европейские страны, как тебе хорошо известно, глубоко разобщены крайними различиями во мнениях, укоренившихся страхом, предрассудками и подозрительностью»^[500].

3 декабря 1951 г. он высказывал серьезную озабоченность по поводу негативной реакции и общественности Соединенных Штатов на политику НАТО. «Иногда я задаю себе вопрос, – писал генерал, – многие ли в нашей стране понимают, насколько деликатна и исключительно важна миссия США по созданию путей сотрудничества коллективной безопасности свободных народов (НАТО. – Р. И.)»^[501].

Эйзенхауэр недолго возглавлял вооруженные силы НАТО. Но и за этот период он проявил себя как активный исполнитель воли лидеров американской внешней политики. Он видел трудности, которые ожидали Вашингтон на пути реализации его внешнеполитического курса. И может быть, самое главное с точки зрения будущей политической карьеры – Эйзенхауэр не на словах, а на деле показал готовность использовать весь свой авторитет и все свои способности для реализации тех внешнеполитических целей, которые ставили перед собой американские правящие круги.

Кампания за выдвижение кандидатуры Эйзенхауэра в президенты между тем все более активизировалась. Издатель газеты в Канзас-Сити Рой Робертс категорически утверждал, что еще три года назад он знал, что Айк – «хороший республиканец из Канзаса». Сенатор Джон Спаркмен из Алабамы заявлял, что он будет добиваться выдвижения Дуайта в президенты от демократической партии. Генерал же, как разборчивая невеста, получающая многочисленные предложения от своих поклонников, не спешил с окончательным ответом.

Президент Трумэн дважды посылал в Париж к Айку бывшего посла США в СССР Джозефа Дэвиса. У дипломата была трудная миссия: убедить Дуайта баллотироваться в президенты от демократической партии. Хотя Трумэн заверил генерала в своей полной поддержке его кандидатуры на предстоящих выборах, Эйзенхауэр ответил: «Я не могу принять предложение баллотироваться от демократов, потому что я, пожалуй, больше республиканец, чем демократ»^[502]. Лед тронулся, Айк впервые достаточно определенно намекнул, что он намерен баллотироваться в президенты.

4 сентября 1951 г. в Париж прилетел один из наиболее авторитетных лидеров республиканской партии, сенатор Генри Кэбот Лодж. Старый друг Эйзенхауэра еще с военных лет сообщил ему, что многие организации в США развертывают кампанию «Эйзенхауэра в президенты». «Вы известный человек в политике, – заметил Айк, – почему вы сами не хотите баллотироваться?» Лодж ответил без промедления: «Потому, что меня не изберут». В ходе беседы Лодж подчеркнул: «Вы единственный человек, кто может быть избран республиканцами в президенты. Вы должны разрешить использовать Ваше имя на предстоящих предварительных выборах». Генерал обещал «обдумать этот вопрос еще раз»^[503].

7 января 1952 г. Эйзенхауэр наконец объявил, что он считает себя республиканцем. Вопрос о том, какая партия получит кандидата в президенты, имеющего все шансы быть избранным, был фактически решен. Но Айк все еще не торопился давать официальное согласие баллотироваться в президенты. Он хотел убедиться, что пользуется поддержкой большинства избирателей^[504]. Постепенно становилось все более очевидным, что Эйзенхауэр такую поддержку имел. Гэллап, специалист по опросам общественного мнения, безапелляционно заявлял, что «Эйзенхауэр будет самой популярной фигурой, которую могли

бы выдвинуть в президенты республиканцы»^[505].

Сам Дуайт поверил в свою популярность только после того, как в Нью-Йорке был снят на киноленту митинг 15 тыс. избирателей, выступивших в поддержку его кандидатуры. Копия этого фильма была привезена во Францию и показана Эйзенхауэру. В феврале 1952 г. он принял решение выехать в США и в случае, если руководство республиканской партии поддержит его кандидатуру в президенты, начать свою избирательную кампанию^[506].

Айка активно поддерживали в его родных краях – западных штатах. На съезде республиканской партии в Техасе, например, все шло как по хорошо отрепетированному сценарию. Были, правда, отдельные инциденты. В частности, когда в зал, где проходило заседание съезда, вошли «представители народа», призванные «продемонстрировать» волю избирателей, один из делегатов обнаружил пропажу часов. При объяснении с полицией выяснилось, что «манифестанты» вербовались на улицах по 5 долл. за человека и что пострадавший еще хорошо отделался^[507]. Но это были несущественные «мелочи». Главное, что явилось определяющим для генерала, – съезд в Техасе единодушно высказался в поддержку его кандидатуры.

11 марта 1952 г. он одержал убедительную победу на праймериз – предварительных выборах в штате Нью-Гемпшир^[508].

Пора было принимать окончательное решение. 11 апреля 1952 г. генерал получил согласие Белого дома на его освобождение от обязанностей Главнокомандующего вооруженными силами НАТО с 1 июня 1952 г. и на увольнение из армии^[509].

Нанеся прощальный визит в столицы основных стран – участниц НАТО, Эйзенхауэр 1 июня 1952 г. прибыл в США, чтобы баллотироваться в президенты от республиканской партии. Для такого шага важное значение, очевидно, имели соображения чисто практического порядка. Большинство избирателей США, как правило, считают себя демократами, но популярному генералу и так была обеспечена широкая поддержка. Баллотировка от республиканской партии гарантировала ему помощь влиятельных кругов монополистического капитала, которые в большей степени ориентируются на республиканцев, чем на демократов. Такова была в общих чертах его избирательная стратегия. В США всю кипела работа по подготовке к его избирательной кампании. Это трудное и хлопотливое дело возглавил сенатор Генри Кэбот Лодж.

На национальном съезде республиканской партии, состоявшемся 7-12 июля 1952 г. в Чикаго, развернулась довольно упорная борьба, так как Эйзенхауэр был наиболее вероятным, но не единственным кандидатом в президенты. Помимо него на съезде достаточно высоко котирировалась кандидатура еще одного генерала – Дугласа Макартура, в прошлом начальника Айка. В партийных кругах серьезно поговаривали о соперничестве между «героем Атлантики» и «героем Тихого океана». Кое-кто из республиканских лидеров подумывал о том, чтобы создать тандем: Макартур – кандидат в президенты, Тафт – в вице-президенты^[510].

В сложной политической игре, которая шла на съезде в Чикаго, Эйзенхауэр имел все козыри: авторитет героя войны «номер один» и активную поддержку делового мира.

Обычно капитаны большого бизнеса лично не участвуют в работе национальных съездов партий, удовлетворяясь ролью их закулисных руководителей. Для Эйзенхауэра было сделано исключение. В работе съезда республиканцев принял участие «автомобильный король» Генри Форд II и президент «Дженерал моторс» Чарлз Вильсон. Участники съезда не без

оснований заявляли, что именно такие люди предreshают ход работы этого съезда. Эйзенхауэра активно поддерживали и другие лидеры монополистического капитала, которым импонировало его известное заявление, что меры президента Франклина Рузвельта, направленные на «спасение капитализма» во время экономического кризиса 1929—1933 гг., были проявлением «ползучего социализма»^[511].

В результате первого тура голосования Эйзенхауэр получил 595 голосов. Ему не хватило всего 9 голосов, чтобы одержать победу. Его основной соперник – Тафт получил 500 голосов, Уоррен – 81 голос. Но дело обошлось без перебаллотировки. Неожиданно встал руководитель делегации Миннесоты и объявил, что их делегация передает свои 19 голосов Айку. Первый важный барьер в избирательной кампании был успешно взят.

Сразу же после съезда в Чикаго Эйзенхауэр энергично включился в избирательную борьбу. У него были опытные и умелые дирижеры избирательной кампании – Лодж, губернатор штата Нью-Гемпшир Шерман Адамс, потомок президента Адамса, и другие представители республиканской гвардии.

Однако Эйзенхауэр по старой армейской привычке стремился вникать во все детали нового для него дела, которое он организовал четко, на военный лад. Однажды он заметил: «Работа генерала сводится к тому, чтобы исправлять неразбериху, которую создают дипломаты, с тем чтобы дипломаты могли все снова испортить»^[512]. На этот раз Дуайт был и генералом, и дипломатом. Он сам организовывал и вел свою избирательную кампанию, не очень полагаясь на своих умудренных политическим опытом помощников.

Советское посольство в США внимательно следило за ходом избирательной кампании 1952 г. В отчете посольства за первый квартал 1952 года, подписанном послом А. Панюшкиным, отмечалось: «За выдвижение кандидатуры Эйзенхауэра выступают такие крупные финансовые и промышленные монополии, как группа Рокфеллеров, включая «Стандарт Ойл Компани», «Чейз Нэшнл Бэнк» и др., и группа Морганов, имеющие огромные инвестиции в Западной Европе и Германии»^[513]. Из отчета посольства напрашивался вывод, что активные акции Эйзенхауэра в Западной Европе на посту Главнокомандующего американскими вооруженными силами в Европе и НАТО обеспечили ему на выборах 1952 г. активную поддержку компаний, имевших крупные вложения в экономику западноевропейских стран.

В отчете советского посольства в США за третий квартал 1952 г. отмечалось, что Эйзенхауэр в ходе избирательной кампании 1952 г. довольно откровенно заявлял, что западноевропейские союзники Соединенных Штатов без какого-либо энтузиазма воспринимают американское руководство в НАТО. В отчете говорилось: «Выступая в Цинциннати 22 сентября с речью по вопросам внешней политики Запада, Эйзенхауэр заявил, что после ряда лет, проведенных в Европе, он не может сказать, что США пользуются там «всеобщим уважением», даже среди своих друзей. Называя это «трагедией», Эйзенхауэр признал, что многие «союзники» привязаны к США больше займами, чем верой в американскую политику, и что многие из них опасаются того, что они используются Соединенными Штатами лишь в качестве «пешек»»^[514].

В отчете указывалось на обострение противоречий между США и их союзниками по НАТО, о чем свидетельствовал, в частности, отказ стран – членов этого блока «увеличить срок военной службы до двух лет. Несмотря на давление со стороны США, эти страны приняли 12 августа на совещании членов «Европейского оборонительного сообщества» решение не увеличивать существующего срока военной службы. Главной причиной такого

решения правительств Франции, Италии, Западной Германии и стран Бенилюкса явилось растущее сопротивление широких народных масс политике милитаризации, политике подготовки войны против Советского Союза и стран народной демократии»^[515].

Это были те внешнеполитические проблемы, которые предстояло решать будущему президенту в первую очередь.

Кандидатом в вице-президенты съезд республиканцев выдвинул молодого сенатора от штата Калифорния Ричарда Никсона. Больших заслуг Никсон не имел, но всем своим политическим курсом, особенно в качестве члена комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, он зарекомендовал себя как оголтелый антикоммунист. Республиканцы намеревались развернуть избирательную кампанию под резко антикоммунистическими лозунгами, и партийные стратеги считали, что Эйзенхауэру нужен был кандидатом в вице-президенты человек именно такой репутации.

Айку предстояло тяжелое испытание в ходе избирательной кампании. Было запланировано, что он покроет на самолете и поездом, не считая разъездов на автомобиле, расстояние более чем в 50 тыс. миль, в 2 раза больше, чем расстояние вокруг земного шара. Планировалось посещение 232 населенных пунктов в 45 штатах страны^[516].

И всюду были встречи, выступления, интервью, речи, тысячи рукопожатий. К вечеру на лице Эйзенхауэра резко проступали глубокие морщины, тело наливалось чугушной тяжестью, губы сводила судорога, глаза вваливались от усталости. Когда ему сообщали в конце дня еще об одной запланированной речи, он нередко скрипел зубами и говорил: «Эти идиоты в национальном комитете! Они хотят прославиться тем, что изберут мертвеца?» Но, отдохнув, он заявлял: «Едем. Я сделаю все, что они хотят»^[517].

Избирательная кампания была под стать настоящему сражению. В ходе ее кандидат республиканцев получил и первое в своей жизни ранение. Энергичные фоторепортеры, используя дисциплинированность Эйзенхауэра, подолгу и в самых различных позах фотографировали его для многочисленных газет и журналов. Однажды во время очередного сеанса фоторепортер вознамерился поставить Айку под часами. Очевидно, он хотел подчеркнуть этим, что с приходом Эйзенхауэра к власти начнется отсчет новой эры в американской политической жизни. Снимок был групповой – Дуайт с Мэми и Ричард Никсон с супругой. Неожиданно со стенда на голову Айку упали часы, легко задев правый висок. Сеанс пришлось прервать и наложить на рану пластырь^[518].

Большой и хорошо организованный штаб Эйзенхауэра выполнял огромный объем работы, но трудился в поте лица и главный герой избирательного шоу. На своих многочисленных прессконференциях он всегда выступал без бумажек^[519]. Это требовало не только хорошей памяти, но и тщательной подготовки для каждой новой встречи с журналистами.

У кандидата республиканцев было немало помощников и советников, которые помогали ему ориентироваться в джунглях избирательной кампании. Но, следуя прошлому опыту, Эйзенхауэр предпочитал сам писать свои речи и выступления. Однажды как-то он сказал своему помощнику: «Генерал Макартур получил репутацию прекрасного оратора, когда он был на Филиппинах. Как вы думаете, кто писал его речи? Я»^[520].

В ходе избирательной кампании генералу предстояло решить много сложных проблем. Одна из них – добиться успеха в южных штатах, где традиционно сильны были позиции демократов. В значительной мере ему удалось решить и эту нелегкую задачу. Его поездки в южные штаты, как показали потом результаты голосования, дали положительные

результаты.

Кандидат республиканцев вел избирательную кампанию под откровенно антикоммунистическими лозунгами. «Везде, – вспоминал Эйзенхауэр, – я настоятельно подчеркивал необходимость искоренения коммунизма в Соединенных Штатах, где бы он ни был обнаружен»^[521]. 25 августа он выступил с большой речью на ежегодном съезде Американского легиона. Чувство меры явно изменило кандидату республиканцев. Отбросив все дипломатические ухищрения, генерал заявил о необходимости вернуть в лоно западной цивилизации страны Восточной Европы и республики Советской Прибалтики. Он говорил, что эти народы – плоть от плоти и кровь от крови западного мира. Со всей торжественностью он заявлял, что совесть Америки не успокоится до тех пор, пока они не вернутся в «общество свободных людей».

Эйзенхауэр явно солидаризировался с концепцией своего будущего руководителя внешнеполитического ведомства Джона Фостера Даллеса. 29 декабря 1950 г. Даллес произнес речь, в которой ставил вопрос о необходимости скорейшей реставрации капиталистических порядков в странах Восточной Европы. Подстрекательский характер этой речи был настолько очевиден, что Даллесу пришлось публично оправдываться. «Я не имел в виду «освобождение» (народов Восточной Европы. – Р. И.)»^[522], – писал он 15 января 1951 г.

Эйзенхауэр также развивал тему «освобождения». Игнорируя элементарные факторы этнографического, географического и прочего характера, он зачислял половину Европы в свою кровную родню.

Прошло сорок с лишним лет, не столь уж значительный срок во всемирной истории, и предложение Эйзенхауэра о возможности «освобождения» прибалтийских и восточноевропейских государств оправдалось. Это делает честь его политическому предвидению. Но в реальной ситуации конца 1952 г., когда прошло всего семь лет после окончания Великой Отечественной войны, стоившей огромных жертв советскому народу, ставить вопрос о территориальных претензиях к СССР, о замене политического строя в восточноевропейских странах – союзниках СССР значило вызвать резко негативную реакцию всего военно-политического блока, противостоявшего США и другим капиталистическим странам.

Народы Запада и Востока несли огромные издержки «холодной войны», которая в Корею уже переросла в настоящую войну. В этих условиях политический курс Эйзенхауэра угрожал вызвать новую, еще более серьезную военно-политическую дестабилизацию мирового масштаба.

И естественно, что заявления Эйзенхауэра об «освобождении» прибалтийских и восточноевропейских государств вызвали очень болезненную реакцию в советском блоке и большую настороженность на Западе.

Выступление кандидата республиканцев породило серьезную тревогу в Англии, Франции, в других странах, связанных с США союзными обязательствами по НАТО. Французская «Монд» писала: «Речь генерала Эйзенхауэра подтвердила опасения многих европейцев... Она вызывает тревогу». «Странная речь», – заявляла английская газета «Дейли миррор». Корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» сообщал из Нью-Йорка, что речь Айка вызвала озабоченность среди американских избирателей^[523]. Пришлось на ходу перестраиваться. Теперь в его выступлениях все чаще звучали обещания искать пути к мирному разрешению спорных вопросов, если его изберут президентом.

К политике Эйзенхауэр относился как к штабному искусству: он считал, что и там, и здесь необходима максимальная точность. Во время избирательной кампании 1952 г. Джон Фостер Даллес заявил в одной из своих речей, что Соединенные Штаты «используют все возможности», чтобы добиться освобождения (от коммунизма стран Восточной Европы. – Р. И.). В тот же вечер Аик позвонил ему по телефону и сказал, что считает необходимым поставить между «используют» и «возможности» слово «мирные». Амброуз с полным основанием отмечает, что тем не менее «ударение оставалось на освобождении»^[524].

Внешнеполитические проблемы занимали особенно важное место в избирательной кампании Эйзенхауэра. Ричард Никсон писал об этом 13 мая 1952 г. Даллесу: «Я думаю, что конструктивная критика (справа. – Р. И.) американской внешней политики – самый главный момент избирательной кампании»^[525].

В ходе борьбы за Белый дом Эйзенхауэр высказал и немало трезвых суждений по вопросам международного положения. Он признавал, в частности, что не видит никаких шансов выиграть третью мировую войну. «Россию, Сибирь и Китай, – говорил Аик, – оккупировать нельзя. Америка не сможет заполнить вакуум, который могли бы оставить коммунисты в случае своего отступления». Он очень скептически отзывался об эффективности военной помощи Соединенным Штатам со стороны Западной Европы в случае начала войны. Не видя перспектив на победу в будущей мировой войне, он заявлял, что подумывает о разделе мира на сферы влияния^[526].

Эйзенхауэр был профессиональным военным и понимал, какие катастрофические последствия имела бы новая мировая война. Выступая 4 сентября 1952 г. в Филадельфии, он говорил: «Только поражение, понесенное в современной войне, может быть более ужасным, чем одержанная в ней победа. Единственный путь к победе в третьей мировой войне – это ее предотвращение»^[527].

Война в Корее была самой жгучей внешнеполитической проблемой США. Вполне понятно, что в ходе избирательной кампании 1952 г. корейский вопрос оказался в центре внимания Эйзенхауэра.

Корея, как и Япония, занимала особое место в планах американской экспансии в Азии. Потерпев тяжелое поражение в Китае, американский империализм удержал свои позиции только на Тайване. Используя силы чанкайшистов и свое «военное присутствие» на этом острове, США получили возможность оказывать постоянное военное давление на КНР с юга. Оккупируя Японию, США держали мощный бронированный кулак на ближайших подступах к северо-восточным районам Китая и к Советскому Союзу.

Резкое обострение «холодной войны» порождало тенденцию к эскалации внешнеполитической напряженности. Джон Фостер Даллес в доверительном письме своему брату Аллену, крупному разведчику, будущему руководителю ЦРУ США, писал 4 августа 1949 г.: «Я полагаю, что «холодная война» – одна из разновидностей настоящих войн»^[528].

Руководители внешней политики западных держав считали, что «холодная война» является «долгосрочной программой». Еще в сентябре 1946 г. Даллес, который уже в то время был кем-то вроде министра иностранных дел оппозиционной республиканской партии, писал сенатору Артуру Ванденбергу, одному из авторитетных лидеров республиканцев: «Я считаю, что американский народ должен пересмотреть свои воззрения о мире и осознать, что мы находимся и много лет будем находиться в состоянии войны, мировой по масштабам, социальной и политической по своему характеру»^[529].

Экономическая и политическая нестабильность в США, бурное развитие мирового революционного процесса явились важнейшими факторами, усилившими экспансионистскую направленность американской внешней политики. Этот внешнеполитический курс получил название политики «сдерживания коммунизма».

И тогда, и позднее американский экспансионистский внешнеполитический курс подвергался резкой критике, в том числе и в самих Соединенных Штатах. В январе 1976 г. мне довелось присутствовать в Университете в Новом Орлеане (штат Луизиана) на лекции известного американского историка Генри Стил Коммаджера, посвященной 200-летию США. Маститый профессор говорил: «США возникли в пламени революционной войны за независимость 1775—1783 гг. Но за 200 лет, прошедших с тех пор, мы столь резко эволюционизировали вправо, что за 30 лет, прошедших после окончания второй мировой войны, мы выступили против всех революций, которые произошли в мире».

К началу избирательной кампании 1952 г. этот экспансионистский курс США на внешнеполитической арене уже нашел свое достаточно убедительное проявление. И это не могло не наложить отпечаток на избирательную кампанию Дуайта Эйзенхауэра. Для американских избирателей корейский вопрос имел первостепенное значение, так как фронт в Корее держали в основном американские войска и гибли за океаном главным образом американские солдаты и офицеры, а не их союзники по НАТО.

СССР снабжал корейскую Народную армию и китайских добровольцев оружием, боеприпасами, транспортными средствами, продовольствием, медикаментами. В Корее находились советские военные советники.

По просьбе правительства КНР в северо-восточные провинции Китая было переброшено несколько советских авиационных дивизий. Опытные советские летчики приняли участие в отражении американских воздушных налетов на территорию КНР. Советская авиация надежно прикрыла Северо-Восток Китая от этих налетов. На случай ухудшения обстановки СССР готовился направить в Корею пять дивизий для оказания КНДР вооруженной помощи. При этом он продолжал оказывать КНДР и КНР всю необходимую политическую поддержку^[530].

Война в Корее подтвердила опасность политики «холодной войны». В условиях американского участия в войне в Корее оккупация Японии вооруженными силами США представляла серьезную угрозу и дальневосточным границам СССР. Балансирование на грани войны было чревато серьезнейшими осложнениями международного характера.

Тайвань и Япония имели важное стратегическое значение. Однако их ценность как опорных пунктов американской внешней политики ограничивалась тем, что на всем огромном Азиатском континенте США сохраняли только один небольшой плацдарм – Южную Корею. Захват территории КНДР не только расширил бы этот плацдарм, но и дал бы США непосредственный выход к сухопутным границам КНР и СССР. Этим определялись стратегические военно-политические цели империалистических кругов в корейской войне. Для США она была попыткой взять реванш за поражение в Китае, прощупать прочность границ социалистических стран, нанести удар по национально-освободительному движению в Азии.

В США написано огромное количество работ о корейской войне. Историки самых различных школ и направлений и сегодня оживленно комментируют вопросы о том, как началась война в Корее, кто несет за нее ответственность, кто первым открыл огонь на демаркационной линии между двумя корейскими государствами.

Бесспорным историческим фактом является то, что советские войска, выполнив свою освободительную миссию, были выведены с территории КНДР. К 1 января 1949 г. последние советские солдаты покинули территорию Корейского полуострова. США отказались последовать примеру СССР и продолжали форсированно наращивать свою военную мощь в этом районе. Важной вехой на пути милитаризации Южной Кореи стало корейско-американское военное соглашение, заключенное в августе 1948 г.

Если бы вслед за советскими из Кореи были выведены и американские войска, вряд ли произошла бы война, столь резко нарушившая военно-политическую стабильность в мировом масштабе.

В первые же дни войны в Корее США оккупировали Тайвань, усилили свои гарнизоны на Филиппинах, увеличили военную помощь Франции для ведения «грязной войны» во Вьетнаме. Они же взяли на себя основную тяжесть ведения корейской войны.

Все это свидетельствовало о том, что «холодная война» переросла в открытый вооруженный конфликт с четко обозначившейся тенденцией к перерастанию в мировую катастрофу. Характерно, что, создавая опасный прецедент, президент Трумэн даже не информировал конгресс США о вступлении страны в войну!

Наиболее дальновидные американские политические деятели понимали катастрофическую опасность подобных прецедентов. Уже упоминавшийся мною сенатор Ванденберг еще 11 сентября 1944 г. в письме к Джону Фостеру Даллесу подчеркивал важное значение консультаций президента с конгрессом накануне объявления страны в состоянии войны^[531]. В телеграмме на имя Даллеса от 2 мая 1949 г. Ванденберг вновь обращал внимание на то, что в подобной ситуации «президенту необходимо настоятельно посоветовать обратиться к конгрессу для срочной консультации»^[532].

К моменту начала избирательной кампании США в Корее зашли в тупик, из которого, казалось, не было выхода. Военное решение проблемы было уже невозможно. Для политического же ее решения, очевидно, была необходима смена американского руководства на высшем уровне.

Уже в первой речи в Абилине 4 июня 1952 г., начиная свою избирательную кампанию, Эйзенхауэр говорил, что «политическое здоровье (нации. – Р. И.) будет находиться под угрозой, если какая-либо партия с помощью каких бы то ни было средств навсегда или на слишком продолжительное время узурпирует власть»^[533]. Эйзенхауэр имел в виду в первую очередь внешнеполитические ошибки администрации Трумэна.

События в Корее были одним из самых убедительных свидетельств недальновидного внешнеполитического курса руководителей США. 6 июня 1952 г., отвечая на вопросы о внешней политике США, Эйзенхауэр сказал:

«Самым большим недостатком американской внешней политики является то, что ее вообще не существует»^[534].

Это заявление было гиперболой. США имели, конечно, свой внешнеполитический курс, но их внешняя политика не давала тех результатов, на которые рассчитывали ее теоретики и практики. С этой точки зрения Эйзенхауэр был прав, критикуя внешнюю политику демократов.

К началу избирательной кампании Аик пришел с убеждением, что необходимо искать выход из военного и политического тупика в Корее. Но это заключение он сделал только после того, как были испробованы и не дали результатов все попытки решения корейской проблемы силой оружия. На раннем этапе войны в Корее генерал был убежденным

сторонником использования любых военных средств для достижения победы. Выступая 20 июня 1950 г. на пресс-конференции в Сан-Франциско, он заявлял, что, если этого потребуют обстоятельства, американские вооруженные силы должны действовать против корейской Народной армии и севернее 38-й параллели. Отвечая на вопрос о возможности применения в корейской войне атомной бомбы, Эйзенхауэр сказал, что если американские военачальники сочтут необходимым использовать ее против стратегических объектов, не уничтожая при этом большого числа людей, то представляется допустимым применение и такого оружия.

По сообщению агентства Юнайтед Пресс из Вашингтона от 11 марта 1951 г., генерал, выступая на закрытом заседании сенатских комиссий по иностранным делам и по делам вооруженных сил, с оговоркой, что речь идет об оборонительной войне, все же категорически заявил: «Если я буду считать, что выгода на моей стороне, я немедленно применю ее... (атомную бомбу. – Р. И.)»^[535].

Приведенные выступления свидетельствовали о воинственных устремлениях республиканского кандидата в президенты. Но приходилось считаться и с реальным положением дел. В своих предвыборных выступлениях Эйзенхауэр все чаще вынужден был возвращаться к вопросу о необходимости переговоров для поиска путей выхода из корейского тупика.

7 июня 1952 г., отвечая на вопрос, считает ли он целесообразной встречу со Сталиным для мирного урегулирования конфликта в Корее, кандидат в президенты ответил, что не уверен в правильности такого пути разрешения проблемы. Если бы он считал, что такая встреча полезна, то поехал бы в любое место и сделал бы все, чтобы обеспечить мир и безопасность.

В своей фундаментальной работе «Дипломатия» Генри Киссинджер писал: «...В декабре 1952 года Сталин объявил, что готов встретиться с новоизбранным президентом Дуайтом Д. Эйзенхауэром. С предложением о подобной встрече в верхах он никогда не обращался ни к Рузвельту, ни к Трумэну или к Черчиллю, каждого из которых Сталин своими маневрами заставлял сделать первый шаг»^[536].

Советско-американское противоборство составляло основу мировой политики, и понятно почему в ходе своей избирательной кампании Эйзенхауэр уделял этой проблеме первостепенное внимание.

Роль Сталина в решении всех вопросов в Советском Союзе, в том числе и внешнеполитических, была огромна. И естественно, что, когда в ходе избирательной кампании 1952 г. Эйзенхауэр коснулся в своих выступлениях проблемы его возможной встречи с советским руководителем, это не могло не вызвать комментариев со стороны советского посольства в США и Министерства иностранных дел СССР. По поводу соответствующих заявлений Эйзенхауэра, сделанных в июне и в ноябре 1952 г., сотрудник отдела США МИД СССР В. Базыкин писал Я. А. Малику: «Учитывая, что эти заявления Эйзенхауэра были сделаны им в период избирательной кампании с целью расположить к себе избирателей, и принимая во внимание, что Эйзенхауэр подверг в них сомнению целесообразность встречи с товарищем Сталиным, по мнению Отдела США, нам не следует ничего предпринимать до тех пор, пока не станет ясно, как поведет себя Эйзенхауэр в этом вопросе после того, как его избрали президентом»^[537].

Очевидно в Москве посчитали, что новый президент США вел себя плохо и, насколько можно судить по архивным документам МИД СССР, каких-либо практических попыток к

организации советско-американской встречи на высшем уровне с советской стороны не последовало вплоть до 1959 г., когда состоялся визит Н. С. Хрущева в США.

В разгар избирательной кампании 1952 г. в США в Советском Союзе произошло крупное событие – в октябре 1952 г. состоялся XIX съезд партии. В этом же месяце была опубликована работа И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Съезды партии в СССР всегда определяли важнейшие направления внутренней и внешней политики страны, и естественно, что за их работой пристально следили в зарубежных странах.

Посольство СССР в США внимательно наблюдало за реакцией американского руководства и общественности страны на работу XIX съезда партии. Не осталась без внимания в США и брошюра Сталина, в которой были исследованы стратегические проблемы развития экономики Советского Союза.

12 января 1953 г. в политическом отчете посольства СССР в США за IV квартал 1952 г., подписанном послом Г. Зарубиным, отмечалось: «Американские правящие круги встретили работу товарища Сталина («Экономические проблемы социализма в СССР». – Р. И.) и его речь на съезде (XIX. – Р. И.) с явной тревогой. Это нашло свое наглядное выражение в адресованных «союзникам» США призывах Эйзенхауэра, Ачесона... и других, а также в призывах многих органов американской печати «сохранять единство любой ценой» и не допускать ослабления темпов перевооружения перед лицом «угрозы мирного политического и экономического наступления» со стороны Советского Союза»^[538].

В отчете отмечалось: «Комментируя речь Эйзенхауэра от 16 октября, которая рекламировалась как американский ответ на работу товарища Сталина, корреспондент Харш писал, что «самым суровым фактом» является то, что «ни один достойный уважения западный экономист не был в состоянии наметить практический путь, при котором экономика Западной Европы смогла бы вновь быть жизнеспособной без возобновления торговли с Восточной Европой, или практический путь, при котором Япония могла бы освободиться от своей нынешней зависимости от Соединенных Штатов без возобновления своей прежней торговли с Китаем»^[539].

22 августа Эйзенхауэр высказался за локализацию корейского конфликта, против нападения на КНР. Кандидат республиканцев заявил, что нападение на КНР втянуло бы США в новую войну, несравненно более трудную, чем война в Корее. Генерал, как и многие лидеры республиканцев, сознавал, что война в Корее связывает силы США на Дальнем Востоке, следовательно, затрудняет перевооружение НАТО.

Эйзенхауэр был достаточно трезвомыслящим военным и политическим деятелем, чтобы понять угрозу цепной внешнеполитической реакции, которую таил в себе курс на расширение корейского конфликта. Советский Союз и КНР были связаны союзным договором. В этих условиях нападение на КНР явилось бы внешнеполитической авантюрой, катастрофические последствия которой для Соединенных Штатов были очевидны.

Война в Корее доказала бесперспективность попыток решения спорных проблем в Азии силой оружия и привела к дискредитации внешней политики США в глазах азиатских народов. Надо было не только искать решение корейской проблемы, но и выработать долгосрочный курс американской неоколониалистской политики. 1 октября 1952 г. Эйзенхауэр заявил, что основную тяжесть войны в Корее должны нести сами южнокорейцы, а не американцы. «Мы не хотим, – говорил будущий президент, – чтобы Азия рассматривала белого человека с Запада как своего врага. Если там должна вестись война, то пусть это

будет война азиатов против азиатов при нашей поддержке той стороны, которая отстаивает дело свободы»^[540].

Это был курс на то, чтобы, реализуя американские внешнеполитические планы, воевать чужими руками.

Избирательная кампания приближалась к своему финишу, и, учитывая реальную политическую ситуацию, Эйзенхауэр все в большей степени заострял внимание на самом больном для миллионов избирателей вопросе. Он все определеннее высказывался за необходимость мирного урегулирования войны в Корее. 29 октября кандидат в президенты заявил, что Америка не должна навсегда увязнуть в корейской ловушке, где она сражается со вспомогательным отрядом подлинного врага.

Очевидно, Эйзенхауэр имел в виду, что корейский народ, боровшийся за свою свободу и независимость, получал эффективную помощь со стороны всех социалистических стран, и в первую очередь со стороны Советского Союза. На победу в такой войне Соединенные Штаты действительно не имели никаких реальных перспектив.

3 ноября Эйзенхауэр назвал дело мира самым «драгоценным сокровищем в глазах свободных людей». Он подчеркнул, что «первой задачей нового правительства будет ликвидация этого трагического конфликта (в Корее. – Р.И.), который проникает во все американские дома и таит в себе угрозу третьей мировой войны»^[541].

Подобные заявления Эйзенхауэра были откровенно рассчитаны на то, чтобы завоевать голоса избирателей, противопоставив бесперспективной политике Трумэна в корейском вопросе новый политический курс на мирное его урегулирование.

30 сентября 1950 г. Трумэн объявил, что рассматривается вопрос о нанесении атомного удара в Корее. Заявление президента не было шантажом. Концепция «превентивной войны», «первого атомного удара» лежала в основе внешней политики США. Один из крупнейших американских авторитетов по внешнеполитическим вопросам Джордж Кеннан, бывший в свое время послом США в СССР и Югославии, заявлял тогда: «Мы основываем нашу оборонительную структуру на атомном оружии и намереваемся первыми использовать его».

Заявление Трумэна о возможности использования атомного оружия в Корее было одной из первых попыток перевести концепцию о преимуществах «первого атомного удара» из области теоретических рассуждений в сферу непосредственной политики. Однако это заявление вызвало такую мощную волну возмущения американской и международной общественности, что Белому дому пришлось в спешном порядке ретироваться.

Несмотря на разгул маккартизма, в США росло антивоенное движение, которое особенно усилилось после избрания Эйзенхауэра президентом США. На Белый дом обрушился целый поток писем и петиций, в которых американцы решительно требовали от нового президента выполнения его предвыборных обещаний о прекращении войны в Корее. В одном из обращений к Эйзенхауэру говорилось: «Подумайте о тех страданиях и несчастьях, которые вызвала война в Корее. Уверен, что, если бы наши собственные дети переносили все эти невзгоды, мы стремились бы к прекращению этой войны»^[542].

Корейская война не принесла лавров армии США. Еще 29 июня 1949 г. Даллес писал в одном конфиденциальном документе: «Американская внешняя политика в Азии потерпела банкротство»^[543]. Война в Корее поставила эту политику на грань катастрофы. Несмотря на прямое участие в войне американских вооруженных сил, Народная армия КНДР, умело взаимодействуя с партизанскими отрядами, быстро продвигалась на юг. К началу сентября была освобождена почти вся территория Южной Кореи. Остатки войск противника с трудом

удерживали только небольшой участок суши в районе Пусана. Генерал Дуглас Макартур, стоявший во главе американского «объединенного командования», руководившего боевыми действиями «войск ООН» в Корее, писал 4 ноября 1950 г. Дуайту Эйзенхауэру: «Я никогда еще не встречал более бесстрашных солдат, более решительного, упорного и боеспособного противника. Это первоклассные бойцы...»^[544].

Угроза полного военного разгрома заставила правительство США бросить в Корею мощные подкрепления. Добившись перелома в ходе военных действий, войска под командованием Макарута вторглись на территорию КНДР и все ближе подходили к границам КНР и СССР. Начались массированные налеты авиации США на северо-восточные районы Китая. Все чаще американские военные самолеты вторгались и в советское воздушное пространство.

Социалистические страны единым фронтом выступили в поддержку КНДР. С каждым месяцем возрастала всемерная экономическая и военная помощь СССР. По договоренности между социалистическими странами увеличивалось число китайских народных добровольцев, которые в ноябре 1950 г. пришли на помощь вооруженным силам КНДР и корейскому народу. СССР и другие социалистические страны оказывали большую дипломатическую и морально-политическую поддержку КНДР, многое делали для мобилизации международной общественности на борьбу за прекращение войны.

Героическая борьба корейского народа, поддержанная Советским Союзом и странами социалистического содружества, дала свои результаты. Положение на фронте коренным образом изменилось. «Войска ООН» и Южной Кореи неудержимо покатились к югу. К середине декабря территория КНДР была освобождена. Стало очевидным, что война принимает затяжной и совершенно бесперспективный для США характер. Макартур решительно потребовал начать атомные бомбардировки КНР и осуществить совместно с чанкайшистами десантные операции на материк. Одновременно генерал выступил с резкой публичной критикой политики президента Трумэна. 11 апреля 1951 г. президент снял Макарута с поста командующего в Корее.

Многие считали, что главной причиной отставки Макарута явились бонапартистские замашки 70-летнего генерала-ветерана, не желавшего выполнять безграмотные указания полковника запаса Трумэна. Очевидно, их напряженные личные отношения сыграли свою роль в отставке Макарута, но решающее значение имели тяжелые поражения вооруженных сил США в Корее. Генералу пришлось в конце своей длительной военной карьеры сыграть неприглядную роль козла отпущения, расплачивающегося за провалы американской внешней политики. При решении вопроса о его судьбе сыграли свою роль и серьезные опасения влиятельных кругов США, что зарвавшийся главнокомандующий спровоцирует войну с СССР и КНР с применением атомного оружия со всеми вытекающими отсюда непоправимыми последствиями.

После возвращения в США Макартур выступил в сенате, где он предложил фактически свой вариант войны против КНР. Опыт войны в Корее, по-видимому, заставил американский генералитет, чей голос, конечно, оказался решающим в данном случае, более трезво взглянуть на вещи. Генерал Брэдли подвел итог: стратегия Макарута вовлечет США «не в ту войну, не в том месте, не в то время и не с тем врагом»^[545].

Тем временем положение на фронте стабилизировалось. Военные действия местного значения велись вдоль 38-й параллели, разделявшей КНДР и Южную Корею. Перед США встала сложная проблема: как прекратить практически проигранную войну и одновременно

избежать капитуляции, «сохранить престиж». Скорейшее окончание войны было тем более необходимо, что США потерпели в Корее не только военное, но и политическое поражение. Пожалуй, именно здесь, в Корее, американские союзники впервые отплатили США «черной неблагодарностью» за многомиллиардные субсидии по «плану Маршалла», за те немалые усилия, которые США предприняли в первые послевоенные годы для экономической и политической стабилизации капиталистической Европы и Японии.

Американские расчеты строились на том, что в случае начала войны по первому же приказу из Вашингтона союзники США поставят необходимое «пушечное мясо». Политика США предусматривала, что американские союзники направят на фронт полки и дивизии, а Соединенные Штаты будут играть роль главного арсенала и, конечно, мозгового треста военных союзов.

Жизнь внесла в эти планы свои, нежелательные для Вашингтона, коррективы. Союзники, несмотря на все давление Белого дома, не спешили посылать своих солдат в Корею. Американцам на протяжении всей войны пришлось нести ее основные военно-экономические и морально-политические издержки. От этих тяжелых перегрузок могла рухнуть вся американская внешнеполитическая система. 30 декабря 1950 г. Эйзенхауэр не без оснований писал министру обороны Фрэнку Пейсу, что «Америка не настолько сильна, чтобы тащить на себе весь мир»^[546].

Баланс усилий западных союзников по войне в Корее свидетельствовал о том, что основная тяжесть ведения этой непопулярной войны действительно пришлось на США. Гарри Баллис, вернувшись из поездки на Тайвань, куда он ездил в качестве руководителя группы, занимавшейся вопросами обеспечения «взаимной безопасности», 1 апреля 1953 г. докладывал президенту Эйзенхауэру: «В настоящее время, после двух лет и девяти месяцев безысходной войны в Корее, мы полностью остановлены северокорейцами и китайскими коммунистами». По подсчетам Баллиса, США направили в Корею 350 тыс. военнослужащих, Южная Корея – более 400 тыс. человек, а остальные 17 участников этой военной авантюры – всего 35 тыс. человек. «Американский народ, – писал Баллис, – спрашивает и не только наше правительство, но также ООН и всех членов этой организации, когда будут предприняты эффективные меры в Корее, чтобы прекратить эту бесперспективную войну»^[547].

23 июня 1951 г. представитель СССР в ООН внес предложение о мирном урегулировании в Корее. Эта инициатива имела очень важное значение. Она указывала выход из тупика корейской войны, создавала реальную перспективу мирного урегулирования конфликта.

Роль СССР в мирном разрешении корейского конфликта была огромна. 19 июня 1952 г. Эйзенхауэр говорил: «Я пришел к выводу, что корейская проблема не может быть полностью разрешена до тех пор, пока мы не достигнем с Россией необходимого взаимопонимания по важнейшим вопросам»^[548].

10 июля 1951 г., оказавшись в военно-политическом тупике, под сильным давлением мировой и американской общественности, США вынуждены были начать переговоры о перемирии в Корее.

Переговоры имели столь же затяжной и тяжелый характер, как и сама корейская война. К моменту начала избирательной кампании 1952 г. они практически не дали никакого результата.

Сложившаяся ситуация давала Эйзенхауэру благоприятную возможность использовать антивоенные настроения для победы на выборах и одновременно попытаться добиться

почетного мира в Корее. Кандидат республиканцев в президенты не уставал повторять: «Первоочередной задачей нового правительства будет скорейшее и почетное прекращение войны в Корее... Для достижения этого потребуются моя личная поездка в Корею. Я совершу такую поездку»^[549]. В другом выступлении он заявлял: «Мы можем предотвратить новые войны, подобные корейской. Мы в состоянии в огромной степени ослабить угрозу третьей мировой войны»^[550].

Насколько можно судить по мемуарам Джона Эйзенхауэра, молодой майор армии США в определенной мере разделял антивоенные настроения, особенно широко распространенные среди американской молодежи, которой надо было воевать не с университетских кафедр или дипломатических трибун, а непосредственно на поле боя. И тем не менее Джон отправился на корейский фронт. Дуайт Эйзенхауэр вспоминал, что он имел долгий и серьезный разговор с сыном перед его отъездом в Корею. Речь шла обо всем: как устроить быт жены Джона, кто будет смотреть за его маленькими детьми. Но главное, в чем напутствовал сына Эйзенхауэр, тот не должен «попасть в плен к противнику»^[551] ни при каких обстоятельствах.

Одержав победу на выборах, генерал совершил поездку в Корею. Трумэн, раздосадованный отказом Айка баллотироваться в президенты от демократической партии и резкой критикой его деятельности в ходе избирательной кампании, назвал поездку Эйзенхауэра «образцом демагогии».

Придя к власти, Эйзенхауэр не торопился выполнять предвыборные обещания. Более того, он резко активизировал американское военное вмешательство на Тайване. Стремясь переложить на союзников хотя бы часть ответственности за обострение международной напряженности, США в феврале 1953 г. на совещании стран-участниц интервенции в Корее внесли предложение установить под флагом ООН блокаду КНР. Ни один из участников совещания не поддержал этого предложения. Политика решения корейского вопроса совместными усилиями союзников вновь дала серьезную осечку. США попробовали собственными силами переломить ход военных действий в Корее. Однако под мощными ударами армии КНДР и китайских народных добровольцев американские войска вынуждены были отойти на исходные позиции.

И вновь на повестку дня был поставлен вопрос о применении атомного оружия в Корее. Эйзенхауэр писал в мемуарах: «Чтобы наступление в Корее не сопровождалось сверхтяжелыми потерями, была очевидна необходимость использования атомного оружия. Генерал Макартур обратился ко мне с таким предложением, когда после избрания президентом я находился в Нью-Йорке»^[552].

В течение первых месяцев пребывания в Белом доме в 1953 г. Эйзенхауэр допускал возможность использования атомного оружия в Корее, если там не будет быстро подписано перемирие. «В 1954 г., уже после прекращения огня в Корее, его главные советники по вопросам национальной безопасности неоднократно рекомендовали... чтобы он осуществил военное вмешательство в Азии, даже с использованием атомного оружия против континентального Китая или вдоль его периферии»^[553].

Даже такой «ястреб» 50-х гг., как Даллес, боялся усиления изоляции США как следствия американского курса в Корее. В меморандуме, подготовленном им 20 ноября 1952 г. для Эйзенхауэра, говорилось, что поспешные и непродуманные действия в Корее «могут привести к резкому ухудшению отношений со всеми нашими союзниками, в частности с Великобританией. То же самое относится к блокаде Китая»^[554].

31 марта 1953 г. на заседании Национального совета безопасности президент Эйзенхауэр поднял вопрос о применении атомного оружия в корейской войне, с тем чтобы добиться победы. Эти документы стали достоянием гласности после публикации двухтомной подборки внешнеполитических документов США, относящихся к 1952—1954 гг.^[555]

Новые попытки активизировать войну в Корее вызвали взрыв возмущения во всем мире. Усилилось антивоенное движение в самих Соединенных Штатах. Белый дом бомбардировали письмами, петициями, обращениями с требованиями прекратить войну. В одном из обращений на имя Эйзенхауэра, поступившем из штата Миннесота, говорилось: «Более девяноста процентов населения штата с чувством негодования относятся к войне в Корее. Вы ни в коей мере не пользуетесь поддержкой народа. Вы можете рассчитывать только на помощь крупных газет, радио, «Дженерал моторс» и «Дюпонов». В обращении к президенту указывалось на полную несостоятельность утверждений о том, что война в Корее может помешать распространению коммунизма в Азии и во всем мире. Авторы этого документа вполне резонно заявляли: «Войны никогда не остановят коммунизма. Первая мировая война привела к победе коммунизма в России. Вторая мировая война завершилась победой коммунизма в половине мира. Каков будет исход новой мировой войны? Кто знает? Возможно, коммунизм победит во всем мире»^[556]. От имени избирателей Миннесоты авторы обращения решительно требовали прекращения войны в Корее.

Война в Корее стоила больших жертв. В мемуарах Эйзенхауэра подчеркивалось, что «это была самая кровопролитная война в истории США, за исключением Гражданской и двух мировых войн»^[557]. США потеряли в Корее убитыми, ранеными и пленными около 398 тыс. человек, все остальные союзники Соединенных Штатов (за исключением Южной Кореи) – 29 тыс. человек^[558].

В ходе избирательной кампании Эйзенхауэр ратовал за то, чтобы азиаты вели войны против азиатов. Это была попытка, рассчитанная на то, чтобы получить солдат если не у европейских, то у азиатских союзников США. Однако переориентация на Азию была столь же бесперспективной. Огромная американская армия, оснащенная первоклассной военной техникой, не смогла в течение трех с лишним лет добиться победы над «азиатами», которых столь презрительно третировали в определенных кругах Вашингтона. Тем более это было не под силу армии марионеточного режима Южной Кореи.

Выход был один – быстрее подписание мирного соглашения. Но возникло еще одно непредвиденное препятствие на пути мирного урегулирования. Престарелый президент Южной Кореи Ли Сын Ман неожиданно проявил поразительную воинственность. Используя вопрос о северокорейских и китайских военнопленных, он попытался сорвать мирные переговоры и спровоцировать возобновление военных действий. Потеряв всякое чувство меры, Ли Сын Ман заявил, что, если потребуется, южнокорейская армия будет в одиночку сражаться вплоть до окончательной победы. Это был старческий маразм политической марионетки США. Эйзенхауэр, комментируя воинственный зуд южнокорейского диктатора, сказал: «За пять лет службы на Филиппинах... я усвоил одно – мы никогда не сможем понять ход мысли азиата. Просто невозможно предвидеть его поступки»^[559].

Эйзенхауэр пошел на подписание мира в Корее только после длительных проволочек, когда были использованы все попытки решения этой проблемы «с позиции силы». Весной 1953 г. на Окинаву были доставлены атомные бомбы. Позднее, беседуя с президентом о событиях, приведших к подписанию перемирия в Корее, Адамс спросил его, что побудило

другую сторону пойти на такой шаг. «Угроза атомной войны, – ответил тот. – Мы заявили им, что больше не будем считать войну ограниченной, если коммунисты будут избегать перемирия. Они не хотели всеобщей войны или атомного удара. Это оказало на них сдерживающее влияние»^[560].

Нет сомнения в том, что Эйзенхауэр давал субъективную оценку причин прекращения войны в Корее. Суть была не в атомной угрозе, а в успешной борьбе корейского народа, в силе СССР, который оказывал всестороннюю помощь КНДР, в резком недовольстве политикой США во всем мире. В этих условиях американские руководители вынуждены были пойти на перемирие в Корее. Показательно, что ко дню избрания Эйзенхауэра президентом США потеряли в Корее 21 тыс. убитыми и 91 тыс. ранеными, а к моменту заключения перемирия – 34 тыс. убитыми и 103 тыс. ранеными. Бывший президент Трумэн, комментируя цену, которую США заплатили за прекращение войны в Корее, их большие людские потери, ядовито заметил: «За это перемирие меня бы распяли»^[561].

Главной причиной, которая помешала горячим головам в США расширить конфликт в Корее и напасть на КНР был страх перед военной и политической мощью Советского Союза. Министру обороны США генералу Д. Маршаллу в сенате был задан вопрос: «Если бы Вы были убеждены, что советские Вооруженные Силы не примут участия в этой войне (в Корее. – Р.И.), то одобрили бы Вы рекомендации Макартура бомбить Маньчжурию?». Маршалл ответил: «Если бы... не было никакой опасности вмешательства СССР... конечно. Вами упомянутые бомбардировки, несомненно, начались бы без всякого промедления». Трумэн в своих мемуарах тоже признавал, что именно страх перед выступлением СССР был главной отрезвляющей причиной, заставившей его отказаться от принятия плана Макартура и сместить его с поста главнокомандующего^[562].

Отмечая все минусы позиции Эйзенхауэра в корейском вопросе, подчеркивая его настойчивые попытки на определенном этапе военного решения этой сложнейшей проблемы, следует тем не менее отметить, что он проявил необходимый политический реализм, поняв полную бесперспективность продолжения войны в Корее. Очевидно, для Эйзенхауэра, профессионального военного, это было больше военное, чем политическое решение. Как крупный военный деятель, он понимал, что реальное соотношение сил делало совершенно бесперспективной надежду на победу в Корее. Придя к такому выводу, он обоснованно сделал главную ставку на поиск политического решения проблемы выхода из тупиков войны в Корее.

Важное место в предвыборной кампании в 1952 г. занимали вопросы европейской политики.

К началу избирательной кампании 1952 г. позиция Эйзенхауэра по корейскому и германскому вопросам – двум ключевым проблемам мировой политики – была уже достаточно ясна избирателям. На пост президента страны, обладающего огромными полномочиями, претендовал профессиональный военный, отдавший службе в армии около 40 лет своей жизни.

Сам факт баллотировки кадрового военного в президенты мало кого смущал в США. Эйзенхауэру предстояло стать уже десятым генералом-президентом в истории страны. Более того, в выдвижении его кандидатуры прослеживалась даже своеобразная закономерность: после каждой большой войны пост президента в США занимал крупный военачальник. Главнокомандующий вооруженными силами США в войне за независимость 1775—1783 гг. генерал Джордж Вашингтон стал первым президентом США. Герой Гражданской войны

1861—1865 гг. генерал Улисс Грант также был избран президентом США через три года после окончания войны.

В избирательной кампании 1952 г. Эйзенхауэр во многом был для избирателей политической загадкой. Если по внешнеполитическим вопросам его позиция была в определенной мере понятна, то с внутренними проблемами дело обстояло куда сложнее. Не ясно было его отношение к вопросу о том, насколько велики, по его мнению, полномочия федерального правительства при решении кардинальных экономических проблем. Был ли он во внутренней политике консерватором, а если да, то в какой степени?

«Было невозможно ответить на все эти вопросы»^[563].

В ходе предвыборной кампании Эйзенхауэр впервые широко использовал телевидение. Это позволило ему выйти на многомиллионную аудиторию. Правда, здесь был и просчет чисто психологического порядка. «На экране генерал выглядел стариком... Телезрители по всей стране были поражены. Был ли героем войны этот старый солдат, столь не соответствующий сложившемуся о нем представлению в период победы?»^[564].

Создавалось невыгодное для Айка впечатление, что в избирательной кампании были опытные, энергичные режиссеры и измученный, старый, усталый исполнитель главной роли. Однако при личном общении с избирателями Эйзенхауэр производил несравненно более благоприятное впечатление. На пресс-конференциях под перекрестным огнем сыпавшихся со всех сторон вопросов он держался спокойно и уверенно. Его ответы были краткими и четкими, как реплики военных лет. Журналистам импонировали его простота в обращении, раскованность и юмор.

На вопросы кандидат в президенты отвечал прямо и, казалось, откровенно. Было немало и таких вопросов, цель которых зачастую сводилась к тому, чтобы проверить его находчивость. На одной из пресс-конференций журналисты спросили Эйзенхауэра: «Вы разделяете мнение большинства экспертов, что победа будет за вами?». «Единственно, в чем я уверен, – ответил Эйзенхауэр, – это то, что я делаю для этого все возможное... Я, безусловно, хочу победить, но это вопрос, который в конечном счете решают избиратели»^[565].

Разумеется, отвечая на такие вопросы, Эйзенхауэр не комментировал тот факт, что его поддерживали крупнейшие представители делового мира. В Нью-Йорке главными глашатаями за избрание Эйзенхауэра выступали председатель правления «Чэйз нэшнл бэнк» У. Олдрич, президент крупнейшей страховой компании Т. Перкинсон и президент «Интернэшнл бизнес машинз» У. Уотсон. Это были представители могущественных семейств Рокфеллеров, Морганов, Дюпонов. Уже после первых успехов Эйзенхауэра в избирательной кампании в его поддержку выступили Генри Форд II, А. Слоуан («Дженерал моторс»), Ф. Рид («Дженерал электрик»), Г. Коллиер («Стандард ойл оф Калифорния»). В бой вступила гвардия «большого бизнеса», которая внесла перелом в избирательную баталию. Победа Эйзенхауэра стала лишь вопросом времени.

В соответствии с американскими традициями не только кандидаты в президенты, но и их жены активно участвуют в избирательной кампании.

Мэми делала все возможное для победы Айка на выборах. Она сопровождала Эйзенхауэра в поездках, отвечала на многочисленные вопросы журналистов, позировала перед бесчисленными фото-, кино – и телекамерами. В меру своих сил она активно участвовала в выполнении большой и самой разнообразной черновой работы, которой бывает так много, когда сценарий избирательного шоу начинает претворяться в жизнь.

Мэми производила благоприятное впечатление на журналистов и избирателей в первую очередь своей простотой и непосредственностью. Когда ее спросили, желает ли она победы своему супругу, Мэми ответила вопросом на вопрос: «А какая американка не хотела бы, чтобы ее муж стал президентом?»^[566].

Эйзенхауэр держался непринужденно. Находясь во время избирательной кампании в Абилине, кандидат в президенты вдруг куда-то исчез в день отъезда из города. Оказывается, он ушел навестить старого друга детства, который стал инвалидом и не мог выходить из дома. Такие факты в погоне за голосами избирателей широко рекламировались руководителями избирательной кампании Эйзенхауэра. Он был гордостью и славой Абилина. Но в городке не было ни его бюстов, ни школ, названных его именем. Кандидат в президенты не был склонен к столь распространенному в США стремлению политических деятелей к паблисити, зачастую довольно безвкусного характера.

Представители прессы внимательно следили за каждым жестом, взглядом, репликой республиканского кандидата в президенты. Из ответов Эйзенхауэра на бесчисленные вопросы невозможно было извлечь ничего компрометирующего. Он любил повторять: «Никогда не упускайте возможности держать язык за зубами».

Целая армия журналистов, сопровождавшая Айка во время избирательного турне, была удивлена простотой его обращения, внимательным и заботливым отношением к журналистской братии. Прожженные мастера политических репортажей были достаточно опытны, для того чтобы разобраться, где кончается демагогия и начинается подлинная человечность. У генерала все получалось просто и естественно.

Используя перерыв на ланч между двумя предвыборными выступлениями, он мог надеть кухонный передник и, блеснув незаурядным кулинарным мастерством, приготовить завтрак для своих спутников. Во время перелета из одного города в другой Эйзенхауэр и руководители его кампании, утомленные напряженными избирательными баталиями, решили подкрепиться в самолете. Аик первым обратил внимание, что журналистка Меримэн Смит, сопровождавшая его в поездке, не принимает участия в трапезе. Он не успокоился до тех пор, пока она не разделила общую компанию^[567].

Из подобных, может быть, и мелких штрихов и деталей, умело преподносимых публике, постепенно складывался облик кандидата республиканцев – заботливого, общительного, обаятельного человека. Это тоже был немаловажный фактор, которому предстояло сыграть не последнюю роль в день выборов. В ходе избирательной кампании Эйзенхауэра были не только острые дебаты по вопросам внутренней и внешней политики, по коренным проблемам его избирательной программы, но и попытки личной дискредитации республиканского кандидата в президенты. Все это делалось в классических традициях американской политической борьбы, когда удары ниже пояса не являются запрещенными приемами. Так, например, журналистами был поднят вопрос о том, что Аик якобы нарушил налоговые законы, получая гонорар за свою книгу «Крестовый поход в Европу»^[568].

Это были совершенно необоснованные попытки подрыва авторитета Эйзенхауэра. Сильная сторона кандидата республиканцев была в том, что он не был замечен в коррупции и финансовых злоупотреблениях, которые являются столь распространенным явлением на политическом Олимпе США.

Будучи Главнокомандующим вооруженными силами союзников, а позднее президентом США, Аик получал многочисленные подарки от руководителей многих стран. Некоторые из них являются уникальными ювелирными изделиями. Ни одной из этих вещей он не взял в

свое личное пользование. Все они были переданы в государственную собственность, и многочисленные туристы, посещающие Абилин, могут видеть эти подарки на периодически обновляющихся стендах Музея и Библиотеки Эйзенхауэра.

На пути в Белый дом генерала подстерегали и более серьезные неприятности. Кандидат в вице-президенты Ричард Никсон, пользовавшийся, несмотря на свою молодость (ему было тогда 34 года), неограниченным политическим кредитом в правых кругах республиканцев, был с полным основанием обвинен в коррупции.

Это был неожиданный и тяжелый удар. Эйзенхауэр вспоминал, что «республиканская избирательная кампания столкнулась с серьезными проблемами»^[569].

Ричард Никсон отмечал в своих мемуарах, что хотя обвинение было ложным, однако оно оказалось для участников избирательной кампании «подобным бомбе, а для ...Эйзенхауэра – ядерным взрывом»^[570].

К реабилитации кандидата в вице-президенты подключилась даже мать Ричарда Никсона. Как он пишет в мемуарах, без его ведома, но мать послала телеграмму Эйзенхауэру: «Уважаемый генерал, я верю, что правда восторжествует в том, что касается нападок на Ричарда, и, когда это произойдет, убеждена, Вы примете верное решение и доверитесь его честности и благородству. Наилучшие пожелания от той, кто знает Ричарда дольше всех на свете. Его мать»^[571].

Кандидат в вице-президенты предпринял титанические усилия, чтобы оправдаться в глазах избирателей. Никсон использовал для этого специальную телевизионную программу, которую смотрели и слушали девять миллионов телезрителей – половина из всех, имевшихся тогда в стране. Никсон продемонстрировал незаурядный актерский талант, без смущения отвечая на перекрестные вопросы телекомментаторов, но от его выступления все же остался неприятный осадок.

Отклики на выступление Никсона были самые разноречивые. Но его больше всего волновало мнение одного из этих девяти миллионов телезрителей – Дуайта Эйзенхауэра, который тоже с напряженным вниманием прильнул к телеэкрану. Ближайший помощник и доверенный человек Эйзенхауэра, один из руководителей его избирательной кампании Шерман Адамс, вспоминал в своих мемуарах: «Даже внешне было заметно, что на Эйзенхауэра произвело глубокое впечатление драматическое появление Никсона на телеэкране. Когда передача кончилась, он повернулся к своей жене и сказал, что, по его мнению, Никсон – честнейший человек»^[572].

Чужая душа – потемки. Милтон Эйзенхауэр вспоминал: «У Дуайта была необычайная лояльность к своим помощникам. Он всегда старался прийти им на помощь в глазах общественности... Эйзенхауэр необычайно доверительно относился и к Никсону. Он настолько ценил вице-президента, что не замечал его отрицательных качеств»^[573].

В ходе моей беседы с братом президента последний дважды возвращался к вопросу об отношениях между президентом и вице-президентом. Это естественно. В течение восьми лет Никсон был вице-президентом в администрации Эйзенхауэра и пользовался его безграничным доверием. Дочь Никсона вышла замуж за внука Эйзенхауэра, и беспрецедентный в истории США Уотергейтский скандал больно задел всех Эйзенхауэров.

Обвинения в коррупции, выдвинутые против Никсона в ходе избирательной кампании 1952 г., поставили Эйзенхауэра в очень щекотливое положение. «Эйзенхауэр знал о Никсоне не больше того, что он был капитан-лейтенантом военно-морского флота, а потом конгрессменом-антикоммунистом. Он не знал даже возраста Никсона». Обвинение против

кандидата в вице-президенты ставило под угрозу результаты всей предвыборной кампании. Эйзенхауэр колебался. Он откровенно заявил Никсону: «Вы знаете, что это чудовищно трудное для меня дело – принять решение. Я пришел к выводу, что только вы сами должны решить, как поступить»^[574].

Решение Никсона известно. На этот раз он сумел доказать свое алиби и успешно взял один из труднейших барьеров в своей политической карьере.

Касаясь сложных взаимоотношений между Эйзенхауэром и Никсоном, Милтон Эйзенхауэр говорил: «Я указывал выше, что мы с братом не имели расхождений. Это не совсем верно: мы расходились в оценке Никсона... У меня всегда оставалось впечатление, что у Ричарда Никсона не было устойчивого мировоззрения, которое могло бы определять его поведение... Но я не мог подозревать, что он имел столь серьезные моральные изъяны. Никсон лгал американскому народу целый год об Уотергейтском деле. Морально устойчивый человек не вел бы себя таким образом. Однако восхищение моего брата Никсоном было подлинным. И я рад, что Эйзенхауэр умер раньше, чем разразился скандал с Никсоном. Это потрясло бы брата»^[575].

Неприглядные стороны деятельности Никсона выяснились спустя двадцать с лишним лет после президентской кампании 1952 г., а тогда он сумел избежать политической катастрофы. Мощный пропагандистский аппарат республиканцев сделал свое дело: надо было спасти не только Никсона, но и всю избирательную кампанию. Никсон, в немалой степени используя авторитет Эйзенхауэра, добился своего избрания на пост вице-президента страны.

Результаты голосования были весьма убедительными. «Мы получили, – писал Эйзенхауэр, – около 55 процентов голосов избирателей и голоса 442 выборщиков из 531». Кандидаты республиканцев в президенты и вице-президенты одержали победу над демократами большинством в 6,5 млн голосов. «Я был удовлетворен, – подчеркивал Эйзенхауэр, – и почти восхищен результатами голосования на Юге, где Техас, Виргиния, Теннесси, Флорида и Оклахома проголосовали за республиканский список»^[576].

Победа Эйзенхауэра на выборах была predetermined не только, как модно сегодня говорить, его имиджем героя войны. Избирателям импонировало и то, что генерал очень хорошо представлял себе пределы власти президента ... он понимал: «Идея о том, что президент есть средоточие всей мудрости, – вздор. Я не считаю, что это правительство было образовано для того, чтобы кто-либо, действуя в одиночку, осуществлял руководство. Ни один человек не имеет монополии на истину и на факты, которые затрагивают интересы всей страны»^[577].

Знаменательные слова, напоминающие любителям авторитарной власти их настоящие права и обязанности!

Если выбор вице-президента во многом определялся стратегическими и тактическими целями избирательной кампании и зависел главным образом от решения партийной бюрократии, то назначение министров в основном входило в компетенцию вновь избранного президента.

Как уже отмечалось, ближайшим советником и самым доверенным лицом Дуайта был и на весь срок его президентства остался брат Милтон. Не было двух мнений и по вопросу о том, кто займет исключительно ответственный пост государственного секретаря. Вне конкуренции была кандидатура Джона Фостера Даллеса, «дипломата почти со дня рождения»^[578] – как его характеризовали английские коллеги на одной из конференций в

Англии в декабре 1947 г. Они имели в виду, что дед Даллеса был госсекретарем во время президентства Гаррисона. Сам Даллес активно приобщился к работе внешнеполитического ведомства еще в 1907 г., когда в возрасте 19 лет он принял деятельное участие в работе мирной конференции в Гааге.

Эйзенхауэр высоко ценил Даллеса как дипломата, но категорически отрицал, что в период его президентства все внешнеполитические дела были даны им на откуп госсекретарю. «Даллес, – заявлял он, – прекрасно знает внешнеполитические дела. Единственный, кто знает их лучше, это я»^[579]. Все текущие внешнеполитические проблемы решал Даллес. Однако Эйзенхауэр сам определял международный курс своего правительства и важнейшие внешнеполитические решения принимал лично после консультаций с членами кабинета и Национальным советом безопасности.

Бурная внешнеполитическая активность Даллеса, его непрерывные поездки по многим странам мира создавали вокруг его личности ореол вершителя внешнеполитических судеб США. В действительности он руководствовался во всех своих делах только инструкциями президента и, будучи в поездках, обязан был каждый вечер посылать Эйзенхауэру подробную телеграмму с информацией о том, что сделано за день, какие будут встречи на следующий день и для обсуждения каких проблем. Даллес был только исполнителем, активным, аккуратным, но не больше. «Даллес отсылал телеграммы – он не делал политики. Очень часто Даллеса приходилось спасать от его собственных ошибок, и это Эйзенхауэр делал с большой готовностью даже ценой своей репутации»^[580].

Даллесу после столь негативной оценки президентом его профессиональных качеств оставалось удовлетворяться только тем, что, по его мнению, «никто в государственном департаменте не знает Библии лучше, чем я». И он стремился, – писал Генри Киссинджер, – применять жесткие и негибкие принципы пресвитерианства к повседневному осуществлению американской внешней политики». Киссинджер отмечал, что Даллес читал свои проповеди международному сообществу с поразительной скукой и однообразием. И Киссинджер был не одинок в такой оценке Даллеса. Черчилль называл Даллеса «суровым пуританином в очках, с огромным белым лицом, на котором рот выглядел грязной нащепкой», а в более легкомысленные минуты именовал его «Даллитом» – «воплощением тоски и скуки»^[581].

Интересна оценка Даллеса Милтоном Эйзенхауэром. Американская пресса, – говорил он, – многое искажала в его деятельности. В частности, неверно утверждение, что Даллес монополизировал внешнюю политику... Даллес обо всем докладывал президенту, но решения всегда принимал только президент. Я считаю, что Даллес был подготовлен к исполнению своих обязанностей не хуже любого другого госсекретаря за всю историю США. Некоторые его выражения были неудачны, например, «балансирование на грани войны»^[582].

Касаясь оценки Милтоном Эйзенхауэром деятельности Даллеса, надо отметить, что во многом это субъективная, но легкообъяснимая точка зрения. Милтон был крупной фигурой во внешнеполитическом ведомстве США, много лет работал с Даллесом, и это обстоятельство не могло не наложить свой отпечаток на его суждения о государственном секретаре в администрации Дуайта Эйзенхауэра.

Сам Даллес насчет политики «балансирования на грани войны» высказывался более определенно. Подводя итоги своей деятельности на посту госсекретаря, Даллес с гордостью говорил, что он трижды ставил мир «на грань войны». Его «заслуга» в этом действительно

бесспорна. Черчилль с полным основанием утверждал, что Даллес был единственным сломом, который всегда таскал при себе посудную лавку^[583]. По мнению американского профессора истории Г. Пармета, некоторые «критики Джона Фостера Даллеса считали его Распутиным при Эйзенхауэре...»^[584].

Советское внешнеполитическое ведомство рассматривало Даллеса как главного поджигателя войны. В политическом отчете посольства СССР в США за III квартал 1952 г. говорилось: «Истерический призыв Эйзенхауэра об организации нового «крестового похода», с которым он выступил 25 августа на съезде Американского легиона и вслед за которым последовала серия других его поджигательских выступлений, свидетельствовали о том, что Эйзенхауэр полностью воспринял программу Даллеса, начавшего еще задолго до призыва Эйзенхауэра проповедовать так называемую «новую смелую политику». Печать отмечала, что влияние Даллеса на Эйзенхауэра возросло и что Эйзенхауэр мало или ничего не говорил по внешнеполитическим вопросам, не побеседовав сперва с Даллесом»^[585].

У Эйзенхауэра и Даллеса были определенные различия по вопросу о том, какова должна быть политика США в отношении Советского Союза. Секретарь президента Энн Уитман, в частности, отмечала в своем дневнике, что в присутствии ее и Гудпастера «Эйзенхауэр говорил о его разногласиях с государственным секретарем в отношении того, как надо относиться к Советам»^[586].

На важнейший пост – министра обороны – Эйзенхауэр назначил Чарльза Вильсона, бывшего председателя правления «Дженерал моторс». Военные и организаторские способности Вильсона – проблема, требующая специального рассмотрения, но его полная уверенность в тождестве интересов монополий и страны была бесспорной. Вильсон был одним из первых членов кабинета, создавшим серьезную проблему своему шефу, президенту Эйзенхауэру, когда публично заявил: «Все, что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для Соединенных Штатов»^[587]. Вильсону пришлось затем проявить чудеса словесной эквилибристики, чтобы попытаться доказать, что интересы своей компании незадачливый министр не ставил превыше всего.

Члены кабинета Эйзенхауэра и его ближайшие помощники вообще были очень своеобразной командой, доставлявшей своему капитану массу неприятностей. Начальнику штаба Белого дома, ближайшему помощнику Эйзенхауэра Шерману Адамсу пришлось уйти в отставку по обвинению в коррупции.

Когда начались экономические трудности и возросла безработица, Ч. Вильсон не нашел ничего умнее, как громогласно объявить, что ему нравятся псы, которые рыскают в поисках пищи, а не домашние болонки, сидящие на задку и скулящие, когда им нечего есть^[588]. Произошел очередной грандиозный скандал: министр-миллионер публично оскорбил рабочий класс страны. Вновь администрация была вынуждена изыскивать оправдания, чтобы как-то успокоить возмущенную общественность.

Довольно своеобразный подбор кадров у Эйзенхауэра был не лишен четкой направленности. Большинство министров были приблизительно одного возраста с президентом. Его первый кабинет называли «правительством восьми миллионеров и одного водопроводчика». Министры Эйзенхауэра действительно все как на подбор были состоятельными людьми, имевшими крепкие позиции в различных сферах бизнеса, что отражало решающую роль монополий в деятельности новой администрации. И, очевидно, для ассортимента, в состав правительства был приглашен один «водопроводчик» –

председатель профсоюза рабочих-водопроводчиков Мартин Даркин, который занял пост министра труда. Он долго не задержался среди привилегированных членов кабинета, «быстро ушел, и тем ликвидировалась аномалия»^[589].

Разумеется, демократы не преминули воспользоваться подобными фактами в интересах межпартийной борьбы. Удар направлялся в первую очередь против самого Эйзенхауэра, причем участие в этой антиэйзенхауэровской кампании принимали довольно солидные лидеры демократов. Например, сенатор Джон Кеннеди, будущий президент США, говорил по поводу широкоизвестного пристрастия Эйзенхауэра к гольфу: «Я бы мог его понять, если бы он регулярно играл в гольф с армейскими друзьями. Но никто не отличается такой нелояльностью к своим старым друзьям, как Эйзенхауэр. Он очень холодный человек. Все его партнеры по игре в гольф – богатые люди, которых он встретил после 1945 г.»^[590].

Джон Кеннеди сам принадлежал к известной семье миллионеров, которая была не последней спицей в колеснице американского капитала. И в его устах заявление о дружеских связях Эйзенхауэра с властью имущими звучало как утверждение, одобренное изрядной долей демагогии, хотя отрицать этот факт не приходилось.

Победа кандидата республиканцев на выборах во многом была его личной победой, а не успехом республиканской партии, ведь большинство в конгрессе было у республиканцев очень незначительным. И тем не менее произошло важное событие в политической жизни страны: спустя 20 лет после политического господства демократов в Белый дом вступил президент-республиканец.

За эти 20 лет США прошли большой путь. Позади была самая кровопролитная в истории человечества война. Эйзенхауэр пришел к власти в трудное время. Республиканский президент стал хозяином Белого дома под аккомпанемент сражений «холодной войны». Его администрация столкнулась со сложными вопросами внутреннего характера, теснейшим образом связанными с проблемами внешнеполитическими. Многие экономические трудности, переживаемые страной, были порождены обременительной ролью военного и внешнеполитического лидера западного мира, которую взяли на себя Соединенные Штаты.

Окопы «холодной войны» разделяли не только две мировые системы, они пересекали и территорию как США, так и СССР.

В нашей стране годы «холодной войны» были отмечены политической реакцией по многим линиям. Достаточно указать на «ленинградское дело», известные решения по журналам «Звезда» и «Ленинград» и их последствия, кампанию так называемой борьбы с космополитизмом, дело «врачей-вредителей».

Американская реакция вела «холодную войну» на два фронта. Ее внешний фронт был направлен против СССР и других социалистических стран, внутренний – против прогрессивных сил собственной страны. Маккартизм, эта «охота за ведьмами» XX столетия, был прямым порождением «холодной войны».

Поучительны уроки «холодной войны», из которых народы всех стран мира должны сделать необходимые выводы сегодня, когда официально заявлено руководителями России и США, что с «холодной войной» покончено.

Эти уроки свидетельствуют о том, что идеологические сражения на международной арене рикошетом бьют и по народам тех стран, которые в них втянуты. Внешняя и внутренняя политика всегда связаны незримыми нитями, и любое внешнеполитическое осложнение сразу же накладывает свой отпечаток и на внутреннюю политику, порождая политическую реакцию по всем линиям.

Эйзенхауэр в ходе избирательной кампании говорил: «Народ в США стремится к коренным переменам»^[591].

Эйзенхауэр и попытался осуществить эти перемены так, как он их понимал. В частности, новый президент предпринял попытку внести определенные коррективы в американский внешнеполитический курс. Это была очень трудная задача, так как влиятельнейшие силы в США делали вполне определенную ставку во внешней политике на фактор силы.

С большим скрипом новая администрация вынуждена была пойти на прекращение войны в Корее. Айк тем самым выполнил важнейшее обязательство, данное им избирателям. Но впереди оставалась еще масса сложнейших нерешенных, а подчас и неразрешимых проблем внешней политики.

Посольство СССР в США в связи с приходом в Белый дом нового президента США очень мрачно оценивало перспективы развития мировой политики, советско-американских отношений. 13 марта 1953 г. в политическом отчете посольства СССР в США за подписью посла Г. Зарубина давался следующий прогноз: «Следует ожидать, что правительство Эйзенхауэра активизирует сколачивание агрессивных блоков во всех частях мира и увеличит темпы возрождения военной мощи Западной Германии и Японии.

Американские правящие круги, очевидно, усилят политическое и экономическое давление на своих союзников и, в первую очередь, на своих партнеров по Североатлантическому блоку. При правительстве Эйзенхауэра «помощь» США своим союзникам приобретает, по-видимому, почти исключительно военный характер, а предоставление ее в большей степени будет обусловлено непременным выполнением американских требований. Усиление экономического и политического нажима Соединенных Штатов на своих партнеров, их дальнейшее закабаление приведет к еще большему обострению противоречий в империалистическом лагере». После победы Эйзенхауэра на президентских выборах 1952 г. рефреном всех отчетов посольства СССР в США звучали утверждения о том, что правительство Эйзенхауэра будет активизировать агрессивный внешнеполитический курс. 12 января 1953 г. в «Политическом отчете посольства СССР в США за IV квартал 1952 г.» за подписью посла Г. Зарубина говорилось: «Можно ожидать, что правительство Эйзенхауэра, как и правительство Трумэна, будет делать основную ставку в своей политике подготовки и осуществления новой войны на возрождение военной мощи Германии в Европе и Японии в Азии, причем, как утверждает печать, Соединенные Штаты намерены форсировать создание западногерманской армии независимо от исхода ратификации боннского и парижского договоров»^[592].

В «Политическом отчете посольства СССР в США за 1952 г.», подписанном 10 марта 1953 г. послом Г. Зарубиным, констатировалось: «В 1952 г. правящие круги Соединенных Штатов продолжали вести свою агрессивную политику, свою линию на подготовку и развязывание новой мировой войны. Этим целям были подчинены все важнейшие военные, экономические и политические мероприятия американского правительства как внутри страны, так и в области внешней политики... Соединенные Штаты рассчитывают воевать чужими руками и на чужих территориях»^[593].

Создавала свои проблемы и позиция власть имущих советских кругов. Первые же внешнеполитические шаги президента Эйзенхауэра были встречены в штыки советским руководством. Оценка его внешнеполитических инициатив советским внешнеполитическим ведомством не отличалась ни глубиной, ни корректностью. Нередко эти оценки были на грани примитивизма.

Наглядный пример – комментарии Отдела США МИД СССР к посланию президента Эйзенхауэра конгрессу США «О положении страны» от 2 февраля 1953 г. Слева давалась цитата из послания Эйзенхауэра, справа – комментарий, который я выделяю жирным шрифтом: «Наше правительство приступило к определению новой, позитивной внешней политики». – «Усиление агрессивности внешнеполитического курса».

«Каждая свободная страна должна всем сердцем честно посвятить себя сохранению собственной независимости и безопасности». – «Нажим на союзников».

«Существует лишь один верный способ избежать тотальной войны – и он состоит в том, чтобы одержать победу в «холодной войне». – «Наряду с продолжением подготовки к войне США будут продолжать проводить подрывную и диверсионную деятельность против СССР и

стран народной демократии и вести разнузданную клеветническую кампанию против них»^[594].

В таком духе были выдержаны комментарии ко всем важнейшим внешнеполитическим положениям первого послания президента Эйзенхауэра «О положении страны».

Подобные оценки внешней политики Эйзенхауэра ни в коей мере не способствовали ее правильному пониманию, а следовательно, и улучшению советско-американских отношений.

Нет ничего ошибочнее, чем переоценивать миролюбие внешней политики генерала-президента. Он всегда оставался убежденным сторонником американских притязаний на мировое лидерство. В 1950 г., выступая перед студентами Колумбийского университета, Эйзенхауэр говорил: «На Соединенные Штаты возложена обременительная, но почетная миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена»^[595].

В период президентства Эйзенхауэра США организовали подавление революции в Гватемале. Американские войска высадились в Ливане. Правда, в этот период США не вели войн, подобных войнам в Корее и Вьетнаме. Восемь лет его президентства были своеобразным антрактом между этими двумя самыми позорными военными авантюрами послевоенного периода, в которых участвовали США.

Еще будучи Главнокомандующим вооруженными силами НАТО, Эйзенхауэр проявил определенное понимание сложнейших проблем, с которыми столкнулась Франция, ведя захватническую войну против народа Вьетнама. 5 февраля 1952 г. он писал из Парижа руководителю Фонда Форда Гофману: «Состоявшаяся недавно беседа с премьер-министром и министром обороны Франции оставила у меня впечатление, что публике не известны в полной мере финансовые трудности Франции. Война на истощение в Индокитае все более резко влияет на позиции Франции в Европе»^[596]. В те же дни в другом письме Айк высказывался еще более определенно: «Самое тревожное – все более растущее свидетельство приближающегося банкротства Франции»^[597].

Отношение США к борьбе вьетнамцев за свое освобождение от колониализма претерпело значительную эволюцию. Во время Второй мировой войны Соединенные Штаты поддерживали Вьет Мин (Лига независимости Вьетнама), который под руководством Хо Ши Мина сражался против японских оккупантов. Американские военачальники неофициально заверяли Вьет Мин об их готовности оказать всемерную помощь вьетнамцам в их борьбе против французского колониализма и обещали содействие «в создании национального и демократического правительств в Индокитае». Президент Рузвельт лично высказывался за то, что Индокитай «не должен быть просто возвращен Франции, чтобы французские империалисты доили его»^[598].

После второй мировой войны США были нейтральны по отношению к национально-освободительной борьбе, которую народы Индокитая вели во главе с Хо Ши Мином против французской метрополии. Однако «холодная война», общее изменение международной обстановки, особенно создание Китайской Народной Республики, война в Корее – все это привело к изменению отношения США к событиям в Индокитае. За месяц до начала войны в Корее, в мае 1950 г., государственный секретарь Дин Ачесон объявил о начале американской помощи Франции, воевавшей за сохранение Индокитая. «От года к году американская помощь Франции, ведшей войну в Индокитае, возрастала – со 130 млн. долл. в

1950 до 800 млн. долл. в 1953 г.»^[599].

В решении вопроса о вмешательстве США в войну во Вьетнаме активно участвовали помимо Эйзенхауэра конгресс, Объединенный комитет начальников штабов, командующие родами войск, Национальный совет безопасности, государственный департамент, ЦРУ – все структуры власти страны.

Основной аргумент сторонников вмешательства в дела Индокитая сводился к тому, что во Вьетнаме решалась судьба не только Индокитая, но и всей Юго-Восточной Азии, что победа коммунистов во Вьетнаме станет прологом захвата ими Юго-Восточной Азии. И, разумеется, поднимался вопрос об ответственности США за судьбы «свободного мира»^[600].

Показательно, что ни в одной из перечисленных выше властных структур, ни в прессе США не было даже сделано попытки подойти к оценке проблемы с противоположной стороны: что значит для Китайской Народной Республики тот или иной исход войны во Вьетнаме? У КНР в Индокитае были куда более важные интересы, чем у США. Здесь проходила южная граница Китая, жизненно заинтересованного в том, какова будет политическая ориентация стран Индокитая. Важное значение имело то, что решалась судьба братских для Китая народов Индокитая. На Тайване прочно обосновался Чан Кай-ши, активно поддерживаемый американцами и вынашивавший планы десантирования на материк. Начинали портиться отношения КНР с великим северным соседом, с СССР. С учетом всего этого Пекину была крайне необходима победа коммунистов во Вьетнаме, что предопределяло его готовность пойти на крайние меры в поддержке Хо Ши Мина.

Политика Эйзенхауэра в индокитайском конфликте была очень осторожной, так же как и во всех других случаях, когда возникала угроза вовлечения Соединенных Штатов в крупномасштабные военно-политические кризисы.

Суть его позиции в индокитайском вопросе сводилась к тому, что надо воспрепятствовать коммунистам победить в Индокитае, но нельзя допустить, чтобы США втянулись в военные действия в этом регионе и тем более – таскали каштаны для Франции из огня индокитайской войны. Эйзенхауэр, имея в виду ограниченные возможности для лавирования Соединенных Штатов в индокитайском вопросе, говорил: «В данном случае надо поступать как с плотиной, в которой началась течь, – лучше сунуть палец в образовавшуюся трещину, чем ждать, когда под напором воды рухнет вся конструкция»^[601]. Эйзенхауэр заявлял, что надо оказывать всемерную помощь Франции для ведения войны в Индокитае – экономическую, финансовую, политическую, дипломатическую, военную, но не ввязываться самим в эту войну. Американские войска, считал президент, нельзя посылать во Вьетнам, иначе ненависть вьетнамцев к колонизаторам распространится и на американцев^[602].

Бесперспективность американского вмешательства во вьетнамскую войну была ясна для Эйзенхауэра еще до его прихода в Белый дом. Автор фундаментальной работы об отношении президента к разгрому французской армии при Дьенбьенфу писал: «Задолго до того как Париж решил выбросить полотенце (капитулировать во Вьетнаме. – Р.И.), Эйзенхауэр уже задумывался о бесперспективности войны французов в Индокитае»^[603].

Точка зрения процитированных авторов тем более авторитетна, что монография Д. Бурке и Ф. Гринстена «основана на первоклассных источниках, которые стали доступны сейчас в архивах... и на интервью с участниками событий»^[604].

Авторы цитировали дневник Эйзенхауэра от 17 марта 1951 г.: «Если даже Индокитай

будет очищен от коммунистов, то на самой его границе находится Китай, имеющий неисчерпаемые людские ресурсы»^[605].

Смысл мысли Эйзенхауэра был ясен. Китай окажет помощь Вьетнаму, в том числе и живой силой, что сделает победу Франции в Индокитае невозможной. Разумеется, такая же перспектива ждала и американцев в случае их вступления в широкомасштабную войну в Индокитае. Это и случилось, когда позднее США начали открытую военную интервенцию в этом регионе.

Эйзенхауэр, как крупный военачальник, прекрасно понимал, что дело не только в специфике войны в джунглях, которые, как он неоднократно заявлял, проглотят одну американскую дивизию за другой и где бесполезно использовать даже атомное оружие. Президент видел полную бесперспективность американского участия во вьетнамской войне и потому, что народ Вьетнама поддерживал коммунистов. 25 марта 1954 г. на заседании Национального совета безопасности Эйзенхауэр заявил, что имеется «достаточно свидетельств того, что народ Вьетнама не хочет освободиться от господства коммунистов»^[606].

Эйзенхауэр, как показали последующие события, вся история американской интервенции в Индокитае, оказался прав и с военной, и с политической точки зрения, отказавшись от прямого военного вмешательства в войну во Вьетнаме. Даже 500-тысячная американская армия не смогла одержать здесь победу.

С политической точки зрения, США также потерпели во Вьетнаме тяжелое поражение. Несмотря на серьезные противоречия между КНР и СССР, оба социалистических государства остались на позиции всемерной поддержки героической борьбы вьетнамского народа. Ставка Вашингтона на раскол двух социалистических супердержав не оправдалась.

Неудачная военная интервенция Соединенных Штатов в Индокитае нанесла тяжелое морально-психологическое поражение США в глазах всего «третьего мира». Во-первых, американская интервенция во Вьетнаме показала истинное лицо «американских миротворцев», которые приняли прямое и активное участие в одной из самых грязных колониальных войн. Во-вторых, поражение американских интервентов во Вьетнаме свидетельствовало о том, что колониальные и зависимые народы могут успешно сражаться даже против такой мощной державы, как Соединенные Штаты Америки.

И, наконец, активное участие США в «грязной войне» во Вьетнаме подняло на дыбы всю Америку, началась беспрецедентная по своему размеру и эффективности борьба самых широких масс американцев против преступной агрессии во Вьетнаме.

Эйзенхауэр, бесспорно, проявил настоящую государственную мудрость, продемонстрировал дар политического предвидения, удержавшись от соблазна ввязаться во Вьетнаме в открытую борьбу с «мировым коммунизмом».

Огромны полномочия президента США, однако Эйзенхауэр при решении вьетнамской проблемы не стал навязывать своей воли конгрессу. Детально изложив позиции сторонников и противников широкомасштабного участия Соединенных Штатов в войне во Вьетнаме во всех ветвях власти, автор специальной работы, посвященной позиции Эйзенхауэра во вьетнамском кризисе, приходил к выводу: «Можно сделать заключение, что Эйзенхауэр не хотел посылать американские войска для участия в войне, которую Франция вела в Индокитае»^[607].

Логичность аргументации Эйзенхауэра против участия США в войне во Вьетнаме была очевидна. Во время очередного обсуждения вьетнамской проблемы «президент закончил

обмен мнениями вопросом к своим советникам: хотели бы они взять на себя бремя инициаторов третьей мировой войны и верят ли они в то, что такое бремя согласна нести законодательная власть?» С полным основанием Эйзенхауэр заявлял на заседании Национального совета безопасности, что, ввязавшись в войну в Индокитае, США «окажутся вовлеченными в локальные войны в Бирме, Афганистане и бог знает, где еще...»^[608].

Президент удачно парировал аргумент сторонников немедленного и крупномасштабного вмешательства США во вьетнамскую войну. Когда сенатор У. Ноулэнд заявил, что отказ Соединенных Штатов сражаться в Индокитае – это «Дальневосточный Мюнхен», Эйзенхауэр возразил, что «Мюнхен был попыткой избежать войны... Франция, если сказать честно, проиграла войну (во Вьетнаме. – Р.И.)»^[609].

Не переоценивая миротворчества Эйзенхауэра при решении в 1954 г. вопроса о возможном военном вмешательстве США в индокитайский конфликт, надо все же признать, что именно президент, а не конгресс сказал свое решающее слово, и Соединенные Штаты удержались от соблазна ввязаться в этот конфликт.

Когда позднее на государственном и политическом Олимпе Вашингтона было принято решение о необходимости для США поиграть военными мускулами во Вьетнаме, то, как известно, власть имущие американские круги не остановились и перед прямой военной провокацией в Тонкинском заливе, чтобы получить предлог для широкомасштабного военного вмешательства в дела Индокитая. Ответственность за это в равной степени несли и президент, и конгресс, и военное руководство США.

В 1954 г. и президент, и конгресс проявили достаточную сдержанность в вопросе о военном вмешательстве во Вьетнаме, чтобы спасти обанкротившуюся французскую армию в Дьенбьенфу и предотвратить, как опасались в Вашингтоне, захват коммунистами Индокитая и всей Юго-Восточной Азии. Причем это было сделано в условиях, когда руководитель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Редфорд готов был немедленно направиться в крестовый поход против коммунистов во Вьетнаме.

В последующие годы решения, связанные с участием США в «грязной войне» во Вьетнаме, принимали президенты, не являвшиеся профессиональными военными.

Что же касается Эйзенхауэра, то его авторитет как военачальника был огромен. И если бы в тревожные дни весны 1954 г. Эйзенхауэр твердо высказался за необходимость широкомасштабной военной интервенции США во Вьетнаме, американское военное вмешательство в этот конфликт не могли бы предотвратить никакие усилия конгрессменов.

Автор специального исследования, посвященного анализу политики президента в Индокитае, считает, что его осторожный курс в этом сложнейшем кризисе после окончания Второй мировой войны, сыграл важнейшую роль в успешном управлении им страной на протяжении всего периода президентства Эйзенхауэра. «В конечном счете, – пишет исследователь, – политика Эйзенхауэра во время кризиса в Дьенбьенфу дала ему возможность сохранить свою популярность и осуществлять эффективное руководство страной в тяжелый период американской истории. Его руководство было проявлением не самоуверенности, а мудрости»^[610].

Эйзенхауэр не спешил с принятием окончательного решения по вопросу о том, в каких масштабах необходимо оказать военную помощь французам, оказавшимся в очень сложной обстановке под Дьенбьенфу.

Важные дебаты по этому вопросу проходили в Национальном совете безопасности. Ход этих дебатов свидетельствовал об отсутствии согласия в этом органе, и так как не было

прямой опасности катастрофы для французов, Эйзенхауэр приказал министерству обороны совместно с ЦРУ изучить вопрос о том, какие дополнительные меры Вашингтон может предпринять для оказания помощи французам^[611].

Определяя свою политику в отношении Дьенбьенфу и Индокитая в целом, Эйзенхауэр не мог не учитывать, что США если не потерпели поражение в Корее, то надолго увязли на Корейском полуострове. Как показали последующие события, американская жандармская функция затянулась здесь на 50 с лишним лет, учитывая что американские войска появились в Южной Корее в 1945 г.

Тяжелые людские потери в корейской войне оставили незаживающие, кровоточащие раны в сердцах многих американцев. Мощный пропагандистский аппарат оказывал большое воздействие на рядовых американцев, без устали убеждая их, что жертвы американцев в Корее были не напрасны, что их задача заключалась в том, чтобы остановить там «коммунистических агрессоров», внести свой вклад в сохранение свободных институтов в этой азиатской стране.

Однако реализм, столь характерный для американцев, в том числе и политический реализм, заставлял их ставить вопрос: почему советские войска ушли из Кореи еще в конце 1948 г., а американские вооруженные силы расположились там всерьез и надолго? Что же это за принципы свободы и демократии, которые надо отстаивать с помощью новейшей военной техники и мощной оккупационной армии?

И когда Эйзенхауэр тщательно изучал и взвешивал противоречивые рекомендации руководителей вооруженных сил, ЦРУ, государственного департамента, своих советников по вопросу о том, какую позицию занять США в Индокитае, он не мог, конечно, игнорировать корейский синдром, отчетливо высказывавшееся нежелание широких масс американцев ввязываться в очередную военную авантюру, тем более что шансы на победу в ней были призрачными.

В Соединенных Штатах, в стране с сильными демократическими и революционными традициями, открытые попытки помешать развитию революционного процесса в Индокитае не могли не вызвать резко негативной реакции среди значительной части общества.

Эйзенхауэр не мог это игнорировать, определяя свой военно-политический курс в Индокитае.

Французская военная катастрофа во Вьетнаме неумолимо приближалась, и руководители Франции видели свое спасение только в быстрой и масштабной американской военной помощи. Вопрос об этом дебатировался и в ходе франко-американских переговоров на Женевской конференции в 1954 г. Американцы не спешили давать согласие на оказание французам военной помощи во Вьетнаме. Переговоры были затяжные и тяжелые. Как отмечал Даллес, в результате этих переговоров «французский министр (иностраннх дел Жорж Бидо. – Р.И.) выглядел «психологически совершенно подавленным». Бидо заявлял, что «Даллес даже не обещал, что Вашингтон поддержит французскую просьбу о помощи. Бидо утверждал, что вместо этого Даллес предложил французам две атомные бомбы»^[612].

Синдром Хиросимы и Нагасаки в США срабатывал постоянно. Несмотря на все усилия американской пропаганды, подавляющая часть мировой общественности, в том числе и американской, относилась резко негативно к факту атомной бомбардировки японских городов.

Антигуманный характер этой акции можно было сравнить только с использованием Германией во время Первой мировой войны боевых отравляющих веществ. Пусть под

страхом возмездия ответного сокрушающего удара, но даже Гитлер во Второй мировой войне, даже в самых критических для Германии ситуациях не рискнул пойти на применение химического оружия.

США сделали то, на что не решился фашизм: они сбросили атомные бомбы на незащищенные мирные города, что привело к ужасающим последствиям.

Важно подчеркнуть, что Эйзенхауэр был категорически против этой варварской акции.

Использовать американское атомное оружие во Вьетнаме означало нанести удар сокрушительной силы по имиджу Эйзенхауэра-миротворца, которым президент США очень дорожил.

С учетом всего сказанного предложение Даллеса передать французам две атомные бомбы для использования во Вьетнаме, которое могло быть сделано, разумеется, только с согласия администрации Эйзенхауэра, звучало как ярко выраженное политическое лицемерие.

Американская делегация заявила французам в ходе Женевской конференции, что США окажут военную помощь Франции во Вьетнаме только при условии «согласия Великобритании на совместные (с США. – Р.И.) действия» в этой стране^[613].

Эйзенхауэр отказался пойти на крупномасштабную войну во Вьетнаме не только по военным соображениям. Генри Киссинджер с полным основанием писал, что «он предпочитал потерю Индокитая клейму приверженца колониализма, которое бы было наложено на Америку». По мнению Киссинджера, именно по этой причине Эйзенхауэр «остановился у опасной грани... в связи с Дьенбьенфу»^[614].

Эйзенхауэр не без оснований считал, что США не должны связывать себе руки, идя на риск прямого участия во вьетнамской авантюре. Однако он санкционировал военную помощь французским войскам во Вьетнаме. В марте 1954 г. США направили в Юго-Восточную Азию свои авианосцы. Эта мера, с точки зрения интересов французской стороны, была и запоздалой, и неэффективной. Приближавшаяся военная катастрофа свершилась: 7 мая 1954 г. французская армия была разгромлена патриотическими силами и капитулировала под Дьенбьенфу.

Эйзенхауэр довольно умело маневрировал во вьетнамском вопросе, стараясь не взорвать «атлантическую солидарность» и одновременно удержаться от прямого участия в этом конфликте.

В канун разгрома французских колонизаторов под Дьенбьенфу, 26 апреля 1954 г. в Женеве начало свою работу совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и КНР. Министры обсуждали два вопроса – корейский и индокитайский. США вынуждены были принять участие в этом совещании, чтобы не оказаться в полной дипломатической изоляции. Даллес строил свои расчеты на том, что на совещании делегация США сумеет добиться решения обсуждаемых вопросов в своих интересах. Этим надеждам не суждено было сбыться. Участники совещания не поддержали американский курс на «интернационализацию» войны во Вьетнаме. Только Австралия и Южная Корея откликнулись на американское предложение направить войска во Вьетнам, чтобы оказать помощь Франции.

Мощное давление Даллеса на Идена на Женевской конференции с требованием совместно с США осуществить военную интервенцию во Вьетнаме не увенчалось успехом.

Великобритания – великая колониальная держава имела огромный опыт взаимоотношений со своей колониальной империей, над которой, с гордостью заявляли

английские руководители, никогда не заходит солнце. В этих взаимоотношениях были всякие пассажи, в том числе и кровавые колониальные войны, как, например, жестокое подавление синайского восстания в Индии в 1857—1859 гг. Однако англичане раньше и в большей степени, чем какие-либо другие колонизаторы, усвоили простую истину – сила оружия отнюдь не главный аргумент в сложных отношениях с колониями, особенно в обстановке мощного антиколониального движения, начавшегося после окончания Второй мировой войны.

Показательно, что разгром блока фашистских государств привел к мощному росту национально-освободительного движения, и все главные колониальные державы – Франция, Нидерланды, Бельгия – вели тяжелые и одинаково бесперспективные колониальные войны. В значительной мере избежала этой участи только Великобритания, которая всемерно стремилась решать свои колониальные проблемы путем дипломатического, политического и экономического маневрирования, а не лобовыми военными ударами.

Тем в большей мере Великобритания не горела желанием идти на военные, экономические и прочие жертвы во Вьетнаме в интересах Франции и «атлантической солидарности».

Отказ английских руководителей на Женевской конференции присоединиться к американской военной интервенции во Вьетнаме predetermined позицию Соединенных Штатов, которые, помня печальный опыт войны в Корее, не рискнули в одиночку ввязываться в новую военную авантюру.

Во многом благодаря этой позиции Великобритании Эйзенхауэру удалось сохранить свой имидж миротворца и дать возможность его современникам, а позднее историкам не без оснований утверждать, что правление этого президента было своеобразным антрактом между двумя тяжелыми военными конфликтами, в которых США участвовали после окончания Второй мировой войны, – интервенции в Корее и во Вьетнаме.

Оказавшись в Женеве в сложной ситуации, Даллес предпочел покинуть совещание, оставив вместо себя Б. Смита. Это было равносильно признанию поражения американской внешней политики. 20 июля участники совещания подписали соглашение о прекращении войны в Индокитае, предусматривавшее установление временной демаркационной линии между ДРВ и Южным Вьетнамом по 17-й параллели. Таким образом, администрация Эйзенхауэра не сумела выполнить план «интернационализации» войны во Вьетнаме. После их провала Эйзенхауэр не пошел на риск того, чтобы США в одиночку ввязались в индокитайский конфликт.

Личная позиция Эйзенхауэра сыграла решающую роль в том, что США не вмешались в индокитайский конфликт, на что пошли его преемники в Белом доме. Принять решение воздержаться от интервенции в Индокитае было не легким делом для Эйзенхауэра. На него оказывалось большое давление внутри страны с требованием нанести по Вьетнаму удар хотя бы с воздуха. Французские союзники США по НАТО, предвидя катастрофу в Дьенбьенфу, где вьетнамцы окружили французские войска, непрерывно взывали к наговской солидарности, настаивали на прямом военном вмешательстве США в войну во Вьетнаме.

«Эйзенхауэр имел четкое мнение по поводу американского военного вмешательства (во Вьетнаме. – Р.И.). Он сомневался в том, что удары с воздуха по Дьенбьенфу будут эффективны, и опасался, что они могут стать только прелюдией к обязательству использовать во Вьетнаме американские наземные вооруженные силы». Еще находясь на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО, он записал в дневнике: «Я

убежден, что на этом театре военных действий невозможно добиться победы»^[615].

Показательный дар предвидения! Именно так развивались события во Вьетнаме, когда позднее США рискнули ввязаться в эту авантюру.

Бесспорно, что США при президенте Эйзенхауэре не рискнули пойти на широкомасштабное участие в войне во Вьетнаме. Однако он все же направил во Вьетнам американские бомбардировщики и 200 военных специалистов. С. Амброуз констатировал: «И все же, несмотря на сокращение числа военнослужащих, направляемых во Вьетнам, и установление точной даты их возвращения, Эйзенхауэр оказался тем, кто послал первый контингент американских солдат во Вьетнам»^[616].

Если Эйзенхауэру хватило здравого смысла не идти на полномасштабную войну во Вьетнаме, то он все же пошел на создание опасного прецедента, впервые направив туда американскую технику и военных специалистов.

Именно этот прецедент был использован преемниками Эйзенхауэра в Белом доме, чтобы в дальнейшем ввязаться в одну из самых грязных и кровавых авантур западных стран в третьем мире, после окончания Второй мировой войны.

На совещании в Женеве не удалось добиться и урегулирования корейского вопроса. США и другие западные страны – участники войны в Корее отказались принять предложение о выводе всех иностранных войск из этой страны и ее объединении путем проведения свободных выборов в общекорейское Национальное собрание. Совещание в Женеве стало важным рубежом в американской политике в Азии и на Дальнем Востоке. В определенной мере оно подвело итог двум крупнейшим военно-политическим акциям США в Азии в первой половине 50-х гг. – войне в Корее и американской политике во Вьетнаме. Итог был разочаровывающий. В военном плане США оказались в Корее несостоятельны. Во Вьетнаме французский союзник США по НАТО потерпел полное военное и политическое фиаско. В политическом аспекте обе войны свидетельствовали об отсутствии единства среди империалистических держав. В Корее США смогли получить хотя бы номинальную поддержку со стороны ряда капиталистических государств. Во Вьетнаме призывы к «интернационализации» оказались гласом вопиющего в пустыне.

Внешнеполитический курс администрации Эйзенхауэра строился на максимальном использовании усилий союзников США при решении кардинальных проблем международной политики. После совещания в Женеве внешнеполитическое ведомство США пришло к заключению, что создание в Азии военно-политического блока держав, входящих в сферу американского влияния, будет лучшей формой борьбы с силами национально-освободительного движения. Таков был исходный момент рождения идеи создания Договора об обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО).

8 сентября 1954 г. в столице Филиппин Маниле оформился этот новый военно-политический блок. США не удалось при его создании реализовать широко задуманные планы объединения под эгидой этого блока военно-политических усилий крупнейших государств Юго-Восточной Азии. В СЕАТО дали согласие войти только США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Пакистан. Крупнейшие государства Юго-Восточной Азии отказались участвовать в нем, так как его главная цель заключалась в установлении гегемонии США в этом регионе.

В январе 1955 г. конгресс предоставил президенту право по своему усмотрению использовать вооруженные силы США против КНР.

Внешнюю политику США в период президентства Эйзенхауэра не случайно называют

«пактоманией»: в 1954 г. – создание СЕАТО, в 1957 г. – создание СЕНТО. К концу 50-х гг. США связали военными обязательствами 42 государства. Это был курс на глобальное окружение СССР и его союзников военными базами.

Одной из сложнейших проблем, доставшихся Эйзенхауэру в наследство от его демократического предшественника, был комплекс вопросов, связанных с американо-китайскими отношениями. Победа революции в Китае нанесла тяжелый удар по американским позициям на Азиатском континенте. В огромном азиатском регионе, да и в мире в целом произошло резкое изменение соотношения сил, что потребовало от США внесения серьезных коррективов в свою внешнюю политику.

Все важнейшие проблемы американской политики в Азии – советско-американские отношения, война в Корее, японская проблема, война в Индокитае, тайваньский вопрос – были неразрывно связаны со сложным комплексом отношений между США и КНР.

Во время избирательной кампании 1952 г. кандидат республиканцев неоднократно возвращался к проблемам американо-китайских отношений. Определяя свою политику в этом вопросе, Эйзенхауэр учитывал главный в то время фактор – военно-политический союз между СССР и КНР.

Придя к власти, он продолжал придерживаться столь же осторожного курса в американо-китайских отношениях, понимая, что вовлечение в конфликт с КНР, а следовательно, с СССР чревато для США самыми тяжелыми последствиями. Выступая на пресс-конференции 2 декабря 1954 г., президент сделал неофициальное заявление, в котором подчеркнул, что блокада КНР была бы равносильна акту войны. Эйзенхауэр отметил, что он никогда не предпринял бы шагов, направленных к войне, не проконсультировавшись соответствующим образом с конгрессом. Когда Айк пришел в Белый дом, США фактически находились в состоянии войны с КНР, что накладывало свой отпечаток на американо-китайские отношения на протяжении всего его президентства. В течение его восьмилетнего пребывания в Белом доме отношения между двумя государствами нередко принимали очень резкий характер. Но Эйзенхауэр избрал достаточно гибкий политический курс, чтобы не довести эти отношения до черты, за которой начинается военно-политическая катастрофа. 4 августа 1954 г., выступая на пресс-конференции, он высказался против приема КНР в ООН, но отказался взять на себя роль оракула и предсказать, «каково будет положение через пять лет». Говоря о перспективах развития американо-китайских отношений, президент заметил: «Мог ли кто-нибудь из присутствующих здесь сегодня заявить зимой 1944—1945 гг., когда мы сражались в Арденнах, что придет время и мы будем смотреть на немцев, а затем и на японцев как на людей, с которыми следует искать взаимопонимания и тесного сотрудничества?»^[617]. Намек на возможность изменения американо-китайских отношений в будущем был достаточно прозрачным.

Эйзенхауэр не внес чего-либо принципиально нового в развитие американо-китайских отношений. Внешняя политика США на протяжении всего послевоенного периода была политикой двух главных партий. И своеобразным символом этого единства демократов и республиканцев в важнейших вопросах большой политики был Даллес.

Даллес энергично ратовал за проведение двухпартийной внешней политики. Выступая 11 декабря 1947 г. в палате общин английского парламента, он утверждал: «Мы не имели такого сотрудничества (между демократами и республиканцами во внешней политике. – Р.И.) после Первой мировой войны, и я думаю, что это было одной из причин крушения

мира»^[618]. Став государственным секретарем, Даллес последовательно претворял в жизнь эти принципы двухпартийности в области внешней политики, в частности в вопросах американо-китайских отношений. Он считал, что США должны опираться в своей азиатской политике на Чан Кай-ши.

31 марта 1952 г. в одном из конфиденциальных документов, написанных Даллесом, говорилось: «Для многих Чан Кай-ши – героическая фигура периода войны, к которому мы в прошлом, в частности в Ялте, не относились с лояльностью». Даллес считал, что не надо повторять ошибок прошлого. США должны помнить: «Чан Кай-ши останется единственным выдающимся лидером антикоммунизма в Китае, и ему нет сегодня более прозорливого преемника или заместителя»^[619].

Провал американской агрессии в Корее и поражение французских колонизаторов во Вьетнаме повысили акции Тайваня на политической бирже в Вашингтоне.

Специальный помощник президента Эйзенхауэра Роберт Грей писал, что Тайвань – «ключевое звено в системе пактов США в Азии»^[620]. США не скрывали того, что они делают откровенную ставку на милитаризацию Тайваня, на укрепление этого естественного плацдарма на южных подступах к КНР. И не случайно, что вскоре после прихода Эйзенхауэра к власти произошло договорное оформление отношений между США и Тайванем. В декабре 1954 г. правительство Эйзенхауэра подписало с Чай Кан-ши Договор о взаимной безопасности.

Даллес неоднократно балансировал «на грани войны» при рассмотрении проблем, связанных с тайваньским вопросом. И если эта грань не была перейдена, то объяснялось это не его дипломатическим искусством. Важную, а в ряде случаев и решающую роль в предотвращении американо-китайского военного столкновения сыграл СССР.

В одном из документов от 30 июня 1954 г., хранящемся в личном архиве Даллеса, говорится: «Если США нанесут удар по Китаю атомным и водородным оружием, Советская Россия немедленно придет на помощь Китаю и нанесет ответный удар по Соединенным Штатам»^[621].

Готовность СССР прийти на помощь своему китайскому союзнику была главным фактором, мешавшим авантюристически настроенным американским кругам перейти рубеж, за которым начиналась открытая конфронтация.

Военное присутствие США на Тайване не могло не провоцировать обострение отношений между КНР и Тайванем. Решение американского конгресса по тайваньскому вопросу в 1954 г. прозвучало как гимн двухпартийной внешней политике: оно было принято подавляющим большинством голосов депутатов обеих партий. Согласно ему Эйзенхауэру были предоставлены исключительные полномочия. Он получил право сам решать вопрос об использовании американских войск в этом районе. Соответствующий раздел упомянутого документа конгресса предусматривал, что Эйзенхауэр определит «по своему усмотрению, является ли нападение на Куэмой и Мацзу (прибрежные острова. – Р. И.) нападением на Формозу»^[622].

Это была очередная и очень тревожная демонстрация политики «с позиции силы». Военно-политические круги США недвусмысленно дали понять, что они готовы пойти на риск нового военного конфликта с КНР.

С осени 1954 до весны 1955 г. и в течение нескольких недель в 1958 г. возникали кризисные ситуации вокруг островов Куэмой и Мацзу в Тайваньском проливе.

Эти кризисы «ближе всего поставили Соединенные Штаты на грань всеобщей войны,

чем какие-либо другие инциденты во время администрации Эйзенхауэра. Они стали символом... общей политики администрации в отношении Китая». Эта политика характеризовалась жесткостью, более того, готовностью пойти на крайние меры в борьбе против Китая. «В 1955 г., во время кризиса (в Тайваньском проливе. – Р. И.) Эйзенхауэр публично заявил, что он не видит препятствий к тому, чтобы атомные бомбы были здесь использованы, также как стрелковое и любое другое оружие». Именно во время этого кризиса конгресс принял так называемую Тайваньскую резолюцию, которая предоставила президенту право по своему усмотрению использовать американские вооруженные силы для защиты Тайваня и прилегающих Пескадорских островов. После подписания мира в Корее Эйзенхауэр стал проводить менее жесткий курс в отношении Китая. В настоящее время имеются документальные свидетельства, подтверждающие то, что являлось слухами при его президентстве: «Эйзенхауэр верил в возможность того, что Соединенные Штаты смогут инспирировать коммунистический Китай на разрыв с Советами. Он был убежден, что союз между коммунистами не был естественным и что при соответствующих условиях Китай может разорвать свои связи с СССР»^[623].

Во время кризиса в районе прибрежных островов вновь, как и в период корейской войны, исключительно важное значение приобрели действия Советского Союза.

Верное своим обязательствам по Договору с КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанному в феврале 1950 г., Советское правительство заявило, что в случае нападения на КНР оно выполнит свои обязательства, расценив этот акт как нападение на Советский Союз. После этого заявления положение в Тайваньском проливе нормализовалось.

Ситуация, сложившаяся в районе прибрежных островов, снова, в который уже раз, доказала, что стремление Эйзенхауэра использовать союзников США для участия в военных действиях в интересах американской внешней политики наталкивается на упорное сопротивление лидеров союзных стран. Черчилль, например, заявил, что в Англии «война с целью удержания прибрежных островов за Чан Кай-ши не будет рассматриваться как оборонительная». Лестер Пирсон от имени канадского правительства высказался еще более определенно, подчеркнув, что Канада не будет воевать из-за прибрежных островов. Американская пресса, определяя отношение союзников США к событиям в Тайваньском проливе, приходила к выводу: «Все наши союзники, за исключением генералиссимуса Чан Кай-ши, расценивают подобную войну как неудачную, начатую в неудачное время и в неудачном месте»^[624].

Во время обострения американо-китайских отношений США резко ставили вопрос о необходимости продолжения и усиления дипломатической блокады КНР. Специальный помощник президента Эйзенхауэра Роберт Грей писал, определяя позицию США в этом вопросе: «Для китайских красных будет величайшей политической победой, если они получат право представлять в ООН 640-миллионный народ континентального Китая»^[625].

Генеральным направлением американской политики в китайском вопросе при Эйзенхауэре было использование всех средств – военных, экономических, политических, дипломатических, чтобы воспрепятствовать укреплению внешне – и внутривнутриполитических позиций Китайской Народной Республики. Параллельно США вели курс на раскол социалистического содружества, на использование КНР в борьбе против СССР. И в этом вопросе существовала четко выраженная преемственность между внешней политикой республиканцев и демократов. И до прихода Эйзенхауэра к власти руководители американской внешнеполитической службы делали ставку на возможность обострения

отношений между КНР и СССР.

Активную роль в осуществлении этого политического курса играл главный жрец двухпартийной американской внешней политики Джон Фостер Даллес. Целый ряд документов из архива Даллеса подтверждает правильность такого вывода.

10 марта 1952 г. Даллес получил конфиденциальное письмо от посла США в Индии Честера Боулса, в котором говорилось: «Несмотря на тесное единство между Советским Союзом и Китаем, всегда остается определенная возможность того, что различие их интересов и уровней развития может привести к тому, что они начнут дрейфовать в противоположные стороны»^[626]. 23 апреля 1952 г., вновь возвращаясь к этой теме, Честер Боулс уже развертывал перед Даллесом целую программу действий, направленных на разобщение КНР и СССР. Он писал: «...одна из самых важных наших долговременных задач должна заключаться в том, чтобы создать такую ситуацию, которая в будущем сделает возможным отрыв коммунистического Китая от Советского Союза»^[627].

Отмечая безусловный выигрыш, который США получают от советско-китайского раскола, опытный американский дипломат не без оснований предвидел и серьезные последствия такой политической игры. Боулс выражал опасение, что следствием этого может быть возникновение «третьей мировой войны»^[628].

Из переписки Даллеса с Боулсом очевидно, что развивавшиеся последним идеи инспирирования обострения отношений между СССР и КНР были близки и понятны будущему государственному секретарю. Даллес предлагал целую систему мер для достижения конфронтации между СССР и КНР. 25 марта 1952 г., отвечая Боулсу, он писал, что, по его мнению, «наилучшее средство для внесения раскола в отношения между Советским Союзом и коммунистическим Китаем – оказывать давление на коммунистический Китай и создать для него таким путем трудности в отношениях с Советской Россией»^[629].

Переписка между Даллесом и Боулсом по вопросу о советско-китайских отношениях показательна. Она имела место в период избирательной кампании 1952 г. и в определенной мере носила программный характер. Эта переписка объясняет ряд важных нюансов будущей политики государственного секретаря Даллеса в китайском вопросе.

Интерес в США к советско-китайским отношениям резко возрос после смерти Сталина. Определенные круги в США считали, что настал удобный момент перевести в плоскость практических действий давно вынашивавшиеся планы осложнения советско-китайских отношений. Такой точки зрения придерживались не только ультраправые, но и либерально настроенные американские политические деятели. 10 марта 1953 г. Генри Уоллес заканчивал свое письмо президенту Эйзенхауэру вопросом: «Не будет ли лучшим решением сразу же после похорон Сталина выдвинуть в Китае лозунг: «Сталин мертв. Да здравствует свободный, миролюбивый Китай, участвующий в торговле со всеми странами!?»^[630].

Подобные предложения отвечали внешнеполитическому курсу администрации Эйзенхауэра. Попытки расколоть страны социалистического содружества, а тем более противопоставить их друг другу были заветной мечтой руководителей внешней политики США.

В силу этого президент не спешил с принятием кардинальных решений по китайскому вопросу, он оставлял его открытым для внесения необходимых коррективов в будущем. Возможность и необходимость этого он неоднократно объяснял историческими параллелями. «Коммунистический Китай не является пока членом ООН, – заявлял

Эйзенхауэр 2 июня 1953 г. в беседе с группой сенаторов, – но было бы неразумно полностью связывать себе руки в этом вопросе на будущее. Вернитесь мысленно в 1945 г., когда Германия была нашим смертельным врагом. Кто мог тогда подумать, что спустя всего несколько лет она станет нашим другом?»^[631].

В годы президентства Эйзенхауэра американская политика в странах Латинской Америки определялась исключительной военно-стратегической важностью этого огромного района, экономическими интересами американских монополий в латиноамериканских странах, стремлением воспрепятствовать всем проявлениям национально-освободительного движения в этом регионе. Латинская Америка продолжала оставаться важной сферой приложения американского капитала, который быстро вытеснял здесь своих конкурентов. Эти факторы экономического порядка наряду с соображениями военно-политического характера и определяли основные направления политики администрации Эйзенхауэра в районе к югу от американских границ.

Первая серьезная проблема, с которой столкнулся Эйзенхауэр сразу же после прихода в Белый дом, была ситуация в Гватемале. В Вашингтоне очень болезненно отреагировали на приход к власти в этой стране правительства Арбенса, который, отстаивая национальные интересы Гватемалы, вошел в конфронтацию с могущественной американской «Юнайтед фрут компани».

В администрации Эйзенхауэра были разные точки зрения по вопросу о том, каким путем надо выходить из кризиса в отношениях с этой страной. Президент решительно выступал за использование силы. Не остановила его и позиция Англии и Франции, которые, руководствуясь своими, в первую очередь, экономическими интересами, протестовали против использования силы для решения гватемальской проблемы. Эйзенхауэр заявил (пресс-секретарю. – Р. И.) Хегерти... что он преподаст «им урок», что они «не смеют совать свой нос в дела, касающиеся всего этого полушария»^[632].

Форсированное сколачивание военно-политических блоков, проводившееся США в глобальном масштабе, распространялось в первую очередь на страны Западного полушария. «Антикоммунистическая резолюция», которую Даллес сумел навязать в марте 1954 г. участникам Международной конференции в Каракасе, отражала суть американской политики в этом регионе. Резолюция узаконивала «коллективное вмешательство» в дела тех стран, где к власти придут демократические силы. На практике это «коллективное вмешательство» превратилось в индивидуальное «право» США свергать любой неудобный им режим в Латинской Америке.

Уже в 1954 г. стала очевидной зловещая сущность «антикоммунистической резолюции». Инспирируемые из американского посольства в столице Гватемалы и оплачиваемые американской монополией «Юнайтед фрут компани», банды наемников вторглись в эту страну и свергли демократическое правительство Арбенса. Революционное движение в Гватемале было потоплено в крови. К власти в стране пришел проамериканский режим. Комментируя итоги американской военной интервенции в Гватемале, Эйзенхауэр заявлял: «К середине 1954 г. Латинская Америка была освобождена, по крайней мере, на определенное время от форпостов коммунизма»^[633].

Во время президентства Эйзенхауэра США активно поддерживали все диктаторские режимы в Латинской Америке, в частности кровавую диктатуру Сомосы. Когда тяжело раненный журналистом Ригоберто Лопесом Анастасио Сомоса скончался, Эйзенхауэр заявил: «Мы потеряли верного друга»^[634].

К концу второго срока пребывания Эйзенхауэра на посту президента США сочли, что новая «угроза коммунизма» возникла в Доминиканской Республике. В феврале 1960 г. семь кораблей американского военно-морского флота вторглись в территориальные воды Доминиканской Республики и высадили десант морской пехоты. Американские интервенты оказали активную поддержку диктаторскому режиму Трухильо, на борьбу против которого поднялись широкие слои доминиканского народа.

Казалось бы, опираясь на «антикоммунистическую резолюцию», давшую США «юридическое право» активного, в том числе и военного вмешательства в дела латиноамериканских стран, Вашингтон сможет держать под контролем развитие событий в регионе. Но Эйзенхауэр не без оснований отмечал, что «фундаментальные проблемы Латинской Америки – это безграмотность и нищета...»^[635]. Эти проблемы нельзя было решить ни американскими подачками, ни тем более американскими штыками.

Несмотря на активную поддержку Соединенными Штатами реакционных правительств латиноамериканских стран, под напором патриотических сил в 1957—1959 гг. рухнули диктаторские режимы в Венесуэле, Колумбии и на Кубе. Эти события, особенно победа революции на Кубе, открывшая новую страницу в истории революционного движения Западного полушария, нанесли тяжелый удар по американским позициям в странах Латинской Америки. «Июнь 1958 г., – вспоминал Шерман Адамс, – был беспокойным и несчастливым временем для Эйзенхауэра и всех нас в Белом доме»^[636]. Адамс имел в виду скандальные результаты только что завершившейся поездки вице-президента Никсона по странам Латинской Америки. Огромные толпы людей освистывали посланца президента, а в Венесуэле Никсон и его жена оказались даже перед реальной угрозой физической расправы. Эйзенхауэр тем не менее был склонен рассматривать результаты миссии Никсона как успешные^[637]. Ну а все неприятности, обрушившиеся на вице-президента, объяснялись, конечно, происками коммунистов. Шерман Адамс в связи с этим резонно спрашивал: «Если резкие демонстрации против Никсона, как сообщалось, были инспирированы коммунистическими агитаторами, почему все же красные так преуспели в организации столь открытых и целенаправленных антиамериканских возмущений?»^[638].

Самый тяжелый кризис, с которым столкнулась администрация Эйзенхауэра в Латинской Америке, была победа патриотических сил во главе с Фиделем Кастро на Кубе 1 января 1959 г. Дуайт Эйзенхауэр был сторонником самых решительных мер против правительства Кастро. Он «побуждал Аллена Даллеса предпринять более жесткие акции против Кастро, а не ограничиваться действиями против производителей сахара на Кубе»^[639]. Суть этих «жестких акций» широко известна. В 1975 г. комитет сенатора Чёрча, созданный для расследования деятельности ЦРУ, констатировал, что эта зловещая организация предприняла восемь попыток покушений на лидера кубинской революции. Иной была информация кубинской стороны. В 1975 г., встречаясь с сенатором Джорджем Макговерном, Фидель Кастро передал ему список 24 попыток покушений на его жизнь только за период с 1960 по 1965 г.^[640]

Известно, что уже в период президентства Д. Кеннеди, в апреле 1961 г., кубинские контрреволюционеры, вооруженные и обученные в США, при активной поддержке американских спецслужб высадились на Кубе, на Плайя-Хирон. Вооруженные силы Кубы разгромили десант в течение нескольких часов, и ЦРУ пришлось изменить тактику в борьбе с кубинской революцией, отказаться от открытых попыток силой свергнуть правительство

Фиделя Кастро.

Идея свержения правительства Кастро с помощью кубинских контрреволюционеров при активной американской военной помощи принадлежала Дуайту Эйзенхауэру и стала готовиться при его президентстве. В частности, были предприняты энергичные меры по политическому сплочению в США разношерстных беженцев с Кубы. По бюджету было ассигновано 13 млн долл. на организацию партизанского движения на Кубе. В Гватемале, подальше от глаз международной общественности, готовились военные кадры для руководства вооруженной борьбой по свержению правительства Кастро. «Эйзенхауэр был разочарован... неудачами по созданию временного правительства Кубы в изгнании и заявлял, что без такого правительства, пользующегося реальной поддержкой общественности, он никогда не санкционирует никакого вторжения на Кубу»^[641]. В администрации Эйзенхауэра были сторонники и открытой военной интервенции против Кубы. Такой позиции, в частности, придерживался Ричард Никсон. Подготовка к открытому свержению Фиделя Кастро никак не вязалась с обликом Эйзенхауэра-миротворца, столь активно и в целом успешно создававшимся в США. И естественно, что «Эйзенхауэр и его помощники полностью отрицали, что... (их планы. – Р. И.) предусматривали решение о вторжении на Кубу»^[642].

Возрастание антиамериканских настроений в Латинской Америке заставило Белый дом искать новые пути решения спорных проблем в отношениях между США и их южными соседями. Одним из важных факторов развития отношений между США и странами Латинской Америки в годы президентства Эйзенхауэра было расширение экономических, культурных и прочих связей. При определении основных направлений американской политики в этом регионе важную роль играл Милтон Эйзенхауэр, который с 1953 г. занимал пост посла президента по особым поручениям в странах Латинской Америки.

«Иногда бывает трудно, – вспоминал он, – получить признание ваших достижений. «Союз ради прогресса» был заложен Эйзенхауэром. Все, что сделал президент Кеннеди, – это то, что он навесил ярлык своим законодательным мерам по Латинской Америке»^[643].

На наш взгляд, спор по этому вопросу беспредметен. В «Союзе ради прогресса» прогресса было не больше, чем союза, подлинного союза, основанного на принципах равноправия. Лавров американской внешней политике в Латинской Америке не принесли ни Эйзенхауэр, ни Кеннеди. Более того, Эйзенхауэр к концу жизни признавал банкротство политики США в этом регионе. В 1965 г. он заявил, что у него «нет ни малейшего сомнения в том, что революция в Латинской Америке неизбежна»^[644].

50-е гг. ознаменовались бурным ростом национально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока, что не могло не оказать соответствующего воздействия на внешнеполитический курс Эйзенхауэра. Политика США определялась здесь, в первую очередь интересами американских нефтяных монополий и важным военно-стратегическим значением этого района мира. Колоссальные запасы нефти, Суэцкий канал, непосредственная близость региона к юго-западным границам социалистического мира – все это как магнит притягивало внимание американской дипломатии.

Еще будучи Главнокомандующим вооруженными силами НАТО, генерал активно приобщился к внешнеполитическим проблемам Ближнего и Среднего Востока. 29 апреля 1951 г. к власти в Иране пришло правительство Мосаддыка, принявшее важные решения о национализации нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Это был первый за весь послевоенный период серьезный удар по нефтяным интересам западных

держав на Ближнем и Среднем Востоке.

США попытались использовать движение за национализацию нефти в Иране, чтобы «заполнить вакуум», созданный в результате потери Англией своих позиций в этой стране. Однако иранцев не устраивала перспектива сменить английское господство на американское. Стремление правящих кругов США захватить позиции, которые теряли в Иране англичане, не увенчалось успехом. И Соединенные Штаты, опасаясь дальнейшего роста демократического движения, солидаризировались с англичанами и совместно приняли участие в борьбе против правительства Мосаддыка.

Черчилль считал, что события в Иране имеют интернациональный характер в том смысле, что они создают нежелательный для западного мира прецедент покушения на «законные» экономические права империалистических держав в «третьем» мире. Где, как не в штабквартире НАТО, нужно было искать защиты своих «прав»? И 5 июля 1951 г. Уинстон Черчилль обратился к Верховному главнокомандующему вооруженными силами НАТО с просьбой «направить в США телеграмму в поддержку»^[645] позиции Великобритании в иранском вопросе. 11 июля 1951 г. Эйзенхауэр информировал Черчилля, что он уже поставил правительство США в известность о соответствующей просьбе. Он писал, что надо принять в Иране все необходимые меры, чтобы «обеспечить непрерывный нефтяной поток»^[646].

Эйзенхауэр выступил в роли посредника в организации совместных англо-американских санкций против демократического движения в Иране. Такова была одна из его первых акций на посту Главнокомандующего вооруженными силами НАТО.

Эйзенхауэр откровенно писал, что позиция правительства США в иранском вопросе определялась тем, что это была «страна, имевшая общую границу с Советским Союзом и хранившая в своих недрах значительную часть мировых запасов нефти»^[647]. США и Англия совместно потребовали отмены решения о национализации нефтяной промышленности в Иране.

Правительство Мосаддыка не остановилось и перед такой решительной мерой, как разрыв экономических и дипломатических отношений с Англией. После этой акции Ирану пришлось обратиться за экономической помощью к США. С американской стороны последовал решительный отказ. Эйзенхауэр следующим образом объяснял свою позицию: «Я отказался продолжать вкладывать деньги в страну, охваченную брожением, чтобы не оказывать содействие Мосаддыку в преодолении трудностей, созданных его нежеланием заключить соглашение с Англией»^[648].

Внутренняя реакция, опираясь на англо-американскую поддержку, добилась в августе 1953 г. свержения правительства Мосаддыка. Самую активную роль в этой акции сыграло ЦРУ США. Показательно, что новое правительство Ирана, имевшее прозападную ориентацию, сразу же получило от Соединенных Штатов экстренную экономическую помощь в размере 45 млн долл. Эйзенхауэр писал: «На протяжении всего кризиса США делали все возможное для поддержки шаха... После триумфального возвращения шаха я направил ему поздравление»^[649]. В 1954 г. Иран подписал соглашение с Международным нефтяным консорциумом. Эксплуатация южноиранской нефти передавалась по этому соглашению объединению, в котором ключевые позиции занимал американский капитал.

Борьба за национализацию нефти в Иране положила начало цепной реакции мощных выступлений сил национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке. Особенно большое значение, как показало дальнейшее развитие событий, имела

победа революции в Египте в 1952 г. Все это настоятельно требовало принятия экстренных мер для объединения усилий империалистических держав и местных реакционных режимов в борьбе против прогрессивных сил.

Правительство Эйзенхауэра было инициатором и активным создателем появившегося в феврале 1955 г. нового военно-политического блока – Багдадского пакта. В блок вошли Англия, Франция, Турция, Иран, Пакистан, Ирак. К моменту создания Багдадского пакта в Иране при самом деятельном участии США к власти пришло реакционное правительство, которое дало согласие на участие страны в этом военно-политическом альянсе.

США, находящиеся на огромном расстоянии от района действия Багдадского пакта, не рискнули компрометировать себя открытым участием в блоке, откровенно направленном на борьбу с национально-освободительным движением. Расчеты администрации Эйзенхауэра в значительной степени строились и на том, чтобы иметь свободу рук в будущем. Участие США в Багдадском пакте могло в дальнейшем помешать им в попытке занять те позиции, которые под напором национально-освободительного движения теряли здесь Англия и Франция.

События в Иране и Египте явились только началом активизации процесса революционных преобразований на Ближнем и Среднем Востоке. Впереди были глубочайшие социально-политические сдвиги, которым предстояло коренным образом изменить весь облик этого огромного региона. На Ближнем Востоке уже произошли первые вооруженные столкновения между Израилем и арабскими странами, а государство Израиль стало претендовать на монопольное право играть роль главной ударной силы международной реакции в борьбе против национально-освободительного движения на Арабском Востоке.

США не могли остаться в стороне от арабско-израильского конфликта. Руководители внешней политики США уже в то время видели в Израиле страну, на которую можно было опереться в борьбе против революционных процессов на Ближнем Востоке. Поддержка Израиля могла обеспечить исключительно важную для политической карьеры Эйзенхауэра благожелательную позицию сионистского лобби в конгрессе.

К числу деятелей, сделавших ставку на Израиль еще до рождения этого государства, относился Джон Фостер Даллес. 21 сентября 1949 г. он составил меморандум «Что я сделал для Израиля»^[650]. В этом документе с пометкой «Конфиденциально. Не подлежит опубликованию ни при каких обстоятельствах» в шести пунктах перечислялся весомый вклад Даллеса в создание государства Израиль и укрепление его международных позиций^[651].

О том, какое важное значение отношениям с сионистскими организациями придавало правительство Эйзенхауэра, свидетельствует следующий случай. В июне 1954 г. один из известных республиканских деятелей, Роберт Мерфи, принял, а затем отклонил предложение участвовать в сионистском митинге. К губернатору штата Нью-Йорк Томасу Дьюи сразу же последовал раздраженный и требовательный звонок от нью-йоркского сионистского лидера Сильвера. Дьюи немедленно написал Даллесу, предлагая срочно урегулировать конфликт, чтобы не допустить возникновения «бури ненависти по отношению к администрации». «Я считаю, – писал Дьюи, – что это было бы национальной катастрофой»^[652].

К связям с арабскими странами Эйзенхауэр относился как военачальник, понимающий, что он имеет дело с серьезным противником, борьба с которым будет длительной и упорной.

13 марта 1956 г. президент оставил в своем дневнике следующую запись: «Мне представляется, что лучшим нашим решением было бы предотвращение любых согласованных акций со стороны арабских государств. В частности, я думаю, мы могли бы перетянуть на свою сторону Ливию путем оказания умеренной помощи этой бедной стране. У нас имеются отличные шансы завоевать на свою сторону Саудовскую Аравию, если мы сможем добиться того, чтобы Англия выступила совместно с нами».

В планах Эйзенхауэра в отношении Арабского Востока важнейшее внимание уделялось Египту, который после революции 1952 г. стал лидером национально-освободительного движения арабских стран. Начертав программу раскола стран Арабского Востока, Эйзенхауэр делал вывод, что в этих условиях «Египет вряд ли сможет продолжать поддерживать близкие отношения с Советами и его наверняка не станут больше расценивать как лидера арабского мира»^[653].

В недавнем прошлом, когда Эйзенхауэр определял род своих будущих занятий после окончания Второй мировой войны, он проявил явную антипатию к деловой активности и отклонил даже самые заманчивые с финансовой точки зрения предложения. Однако став президентом, он проявил неожиданную склонность к купле-продаже, но на этот раз уже в вопросах мировой политики. Президент был достаточно откровенен на страницах своего дневника и излагал в нем немало прямых суждений о том, кого, как и за сколько надо купить в этом мире, чтобы успешно реализовать американскую политику в том или ином регионе. В частности, несмотря на всю антипатию власти имущей Америки к Насеру, Эйзенхауэр не терял надежды, что можно будет купить и этого арабского лидера. В разгар Суэцкого кризиса, 8 ноября 1956 г., в дневнике президента была сделана такая запись: «Мы можем по договоренности предоставить Египту оружие в количестве, достаточном для того, чтобы поддерживать внутренний порядок и осуществлять в благоразумных масштабах охрану его границ». Однако сделать это Соединенные Штаты были намерены «в обмен на соглашение о том, что Египет никогда не примет никаких советских предложений»^[654].

Таковы были планы Эйзенхауэра в отношении арабских стран. То была старая как мир, как мир эксплуататоров, линия «Разделяй и властвуй». Но проводился этот курс с учетом поправок, которые вносила неокOLONиалистская политика империалистических держав в ситуацию, сложившуюся в этом регионе.

Дневник Эйзенхауэра как зеркало отразил то серьезное беспокойство, которое вызывало в Вашингтоне растущее влияние президента Египта Гамаль Абдель Насера в арабских странах. «Главная сторона проблемы, – писал Эйзенхауэр, – растущие амбиции Насера, чувство силы, которое он приобретает от своего сотрудничества с Советами, его вера в то, что он может неожиданно предстать как подлинный лидер всего арабского мира. И благодаря этой уверенности он отклоняет все предложения, направленные на примирение между арабами и Израилем»^[655].

И хотя в своем дневнике Эйзенхауэр умалчивал о том, что эти предложения, многие из которых были инспирированы США, имели откровенно произраильский характер, в целом он не считал нужным скрывать, что Соединенные Штаты вели откровенный курс на неприкрытое вмешательство в дела арабских стран. Отметив нежелание Насера идти на поводу у западных держав, предлагавших свое «посредничество» для примирения арабских стран и Израиля, Эйзенхауэр отмечал: «Исходя из этого, я предложил государственному департаменту начать готовить другое лицо в качестве будущего лидера арабского мира... Мой личный выбор в этом плане – король Сауд. Я не знаю этого человека и поэтому не могу

судить, сможет ли он занять позицию, которую я наглядно себе представляю. Тем не менее Саудовская Аравия – страна, которая занимает ортодоксальную позицию в мусульманском мире, а саудовцы рассматриваются как наиболее религиозная часть арабов»^[656].

Это была откровенная ставка на раскол арабского мира по религиозному принципу, с учетом повышенной религиозности арабов.

Ближний и Средний Восток, Азия и Латинская Америка – все это были важные сферы влияния американской внешней политики, но особое значение для президента Эйзенхауэра имела Европа. В многочисленных выступлениях как Главнокомандующий вооруженными силами НАТО и как президент США Эйзенхауэр неустанно повторял, что свою главную внешнеполитическую задачу он видит в объединении усилий «свободного мира» для борьбы против «коммунистической опасности».

Таково было кредо хозяина Белого дома при определении и реализации внешнеполитического курса США в европейском регионе. Как вспоминал его брат Милтон, «Эйзенхауэр лично знал многих государственных лидеров, у которых с ним были доверительные отношения. Он всегда мог переговорить с ними по телефону, написать письмо и просто встретиться»^[657]. Свой престиж в западном мире президент использовал в попытках добиться определенной согласованности в действиях главных капиталистических стран, без чего невозможно было ни создание, ни функционирование НАТО.

Главные партнеры США по этому военно-политическому блоку находились в Европе, и в силу этого проблемы европейской политики были предметом особого внимания Эйзенхауэра и его государственного секретаря Даллеса. Государственный секретарь был не только практическим исполнителем всех важнейших решений президента по международным вопросам, но, несомненно, оказывал значительное воздействие на формирование внешнеполитического курса республиканской администрации. В связи с этим важное значение имеет рассмотрение его собственной позиции в столь сложной области.

В официальных документах и мемуарах Эйзенхауэра подчеркивается, что все военные усилия Соединенных Штатов в рамках НАТО, предпринимавшиеся по их инициативе, носили якобы оборонительный характер и были вызваны «советской угрозой». Выше приводились факты из личной переписки Эйзенхауэра, свидетельствующие о том, что он в действительности не верил в эту мифическую угрозу. Аналогичным было и мнение Даллеса, подтверждаемое его личной перепиской.

Еще 7 октября 1944 г. в меморандуме Даллеса по внешнеполитическим вопросам отмечалось: «Россия ни в коей мере не желает столкновения с США...»^[658]. 19 сентября 1945 г. сенатор Ванденберг писал Даллесу:

«Сталин хочет войны с нами не больше, чем мы с ним»^[659]. 11 декабря 1947 г. Даллес, выступая в палате общин британского парламента, заявлял: «По моему мнению, новой войны не будет»^[660]. 19 июля 1948 г. в секретном меморандуме, написанном Даллесом для Вашингтонской конференции, отмечалось: «Советские лидеры не хотят войны... и не планируют ее»^[661]. Подводя итог своим впечатлениям от участия в работе Парижской сессии Совета министров иностранных дел, Даллес писал 16 июня 1949 г. из Парижа: «Моя уверенность, что советские лидеры не хотят войны с нами, возросла»^[662].

И Эйзенхауэр, и Даллес в конфиденциальных документах высказывали свою уверенность в том, что нет военной угрозы не потому, что они уверовали в миролюбие советских

лидеров. Более того, в условиях ожесточенной «холодной войны» резко проявлялся взаимный дефицит доверия. В конфиденциальных письмах, личных беседах они высказывали свою уверенность в том, что нет угрозы войны, основываясь на строгом военно-политическом расчете. Действительно, наличие мощного арсенала стратегического оружия у той и у другой стороны играло свою важную сдерживающую роль. Новая мировая война в условиях перенасыщенности мира оружием массового уничтожения была бы актом самоубийства со стороны того, кто ее развязал. Аналогична была бы судьба и жертвы агрессии.

И Эйзенхауэр, и Даллес были едины во мнении, что от СССР не исходит никакой военной угрозы западному миру. Весь вопрос в том, почему и тот, и другой в своих публичных заявлениях утверждали прямо противоположное. Спекуляции на «советской угрозе» были стратегическим курсом внешней политики и демократов, и республиканцев, стремившихся заставить союзников США по военно-политическим блокам объединить свои усилия в борьбе против социализма.

Среди республиканских лидеров были довольно сильны изоляционистские настроения, суть которых заключалась в том, что США не должны связывать себя далеко идущими международными соглашениями. Одним из самых известных и влиятельных изоляционистов-республиканцев был Роберт Тафт. Милтон Эйзенхауэр вспоминал: «Брат вернулся домой (из Европы. – Р. И.) в 1952 г. и имел длительную беседу с Тафтом. Он обнаружил, что у них полное совпадение точек зрения по вопросам внутренней политики, но они резко расходились в оценке внешнеполитических вопросов»^[663].

Милтон Эйзенхауэр прав в том, что его брат относился к числу лидеров республиканцев, которые были убеждены, что изоляционизм – безнадежный анахронизм, что после Второй мировой войны пробил час для американского «руководства миром».

И в этом вопросе точки зрения Дуайта Эйзенхауэра и его будущего государственного секретаря Даллеса совпадали по всем статьям. Еще 5 декабря 1949 г. Даллес писал: «Что касается вопросов европейской политики, то в данном случае я выступил пионером, придавая особое значение возрастанию экономического, политического и военного единства Европы». Для того чтобы не оставалось никаких сомнений в его бесспорных заслугах по сколачиванию военно-политического блока в Западной Европе, Даллес предлагал: «Смотрите мою речь в январе 1947 г., когда Маршалл еще не был государственным секретарем». Не без оснований Даллес претендовал в этом же документе и на то, что он первым выдвинул идею использования Западной Германии как главной ударной силы сколачивавшегося в Европе военно-политического блока. «Нынешняя администрация, – подчеркивал он, – полностью приняла задним числом к руководству мой тезис, что сила может быть достигнута только через единство и только лишь сила в Западной Европе создаст необходимые условия, которые позволят возродить мощь Западной Германии, не давая ей возможности доминировать здесь...»^[664]. Едина была позиция Эйзенхауэра и Даллеса и в вопросе о необходимости использования в интересах НАТО военно-экономического потенциала Западной Германии. 26 ноября 1951 г., выступая на сессии Совета НАТО, Эйзенхауэр говорил, что США нуждаются в военных позициях, эшелонированных в глубину. Следовательно, им необходима помощь Германии как с географической, так и с военной точки зрения.

Надо отдать должное и Эйзенхауэру, и Даллесу. Их политический курс на объединение сил западного мира, в первую очередь в Европе, в конечном счете оправдал себя. Прошло

менее сорока лет, и в Восточной Европе рухнул военно-политический блок социалистических государств. А вслед за этим был расчленен и Советский Союз. В мире возникла качественно новая геополитическая ситуация. Реальностью стали установки Эйзенхауэра на то, чтобы добиваться американского «руководства миром».

В наши дни реализованы и планы Эйзенхауэра, направленные на интеграцию Европы. Другой вопрос, что реализация этих планов серьезно обеспокоила сегодня многие влиятельные круги Соединенных Штатов. Это естественно, учитывая то, что экономический потенциал объединившихся европейских государств превышает американский.

К моменту, когда Эйзенхауэр занял пост Главнокомандующего вооруженными силами НАТО, генерал уже проделал головокружительную метаморфозу по сравнению с тем периодом, когда он был Главнокомандующим вооруженными силами западных союзников в Европе в годы войны. Во всяком случае, выступая в январе 1951 г. в Западной Германии перед бывшими гитлеровскими генералами, Эйзенхауэр заявлял: «Кто старое помянет, тому глаз вон»^[665].

Документы из архива Даллеса подтверждают, что он как и Эйзенхауэр, имел все основания убедиться, что курс на перевооружение Западной Германии шел вразрез с позицией прогрессивной общественности Европы.

В дипломатических кругах США понимали опасность политики западных держав в германском вопросе. 9 июля 1948 г. посол США в Лондоне писал Даллесу: «Лондонские соглашения по Германии – трудное дело, в частности, потому, что все мы полностью осознаем риск, которому подвергаемся, и ответственный характер тех решений, которые пытаемся осуществить». В письме говорилось, что политика США и Англии в германском вопросе создаёт серьезные проблемы для «включения Франции (в политику перевооружения Германии. – Р. И.), роль которой столь важна в осуществлении всей программы реконструкции и реорганизации Западной Европы»^[666].

Отказ Франции ратифицировать соглашение о создании Европейского оборонительного сообщества подтвердил самые мрачные прогнозы американского дипломата об отрицательном отношении Франции к опасной политике перевооружения Западной Германии. Кое-кто в Вашингтоне надеялся, что широко разрекламированное «американское руководство» планами перевооружения вчерашнего противника внесет успокоение в ряды западных союзников США. Однако вскоре пришлось убедиться в обратном. Беспрерывно повторяемые тирады, что США «призваны возглавить» весь западный мир, вызывали у их партнеров очень болезненную и настороженную реакцию.

Несмотря на огромный личный авторитет Эйзенхауэра в странах Западной Европы и на большую экономическую и финансовую зависимость этих стран от США, дело перевооружения Германии и включения ее армии в вооруженные силы НАТО продвигалось вперед очень медленно и болезненно. В политическом отчете посольства СССР в США за 1954 г., за подписью посла Г. Зарубина, констатировалось: «...в подписанном Эйзенхауэром законе указывалось, что американская «помощь»... будет предоставляться лишь тем странам, которые ратифицировали договор о ЕОС и «осуществляют программы по коллективной обороне удовлетворительным для Соединенных Штатов образом». Этим законом Эйзенхауэр пустил в ход самый мощный рычаг воздействия на союзников – финансовое, экономическое давление. В отчете советского посольства отмечалось, что наряду с нажимом на Францию, Соединенные Штаты принимали меры к тому, чтобы «облегчить французскому правительству добиться ратификации договора о «Европейском

оборонительном сообществе».

В ряду таких мер посольство рассматривало выступление Эйзенхауэра 16 апреля с заявлением «о намерении США держать свои войска в Европе до тех пор, пока «существует угроза «Североатлантическому району», и рассматривать «любое действие, откуда бы оно ни исходило, которое угрожает целостности и единству Европейского оборонительного сообщества как угрозу безопасности Соединенных Штатов». И тем не менее, отмечалось в отчете, «несмотря на все... угрозы, нажим и посулы, французское Национальное собрание отклонило 30 августа договор о «Европейском оборонительном сообществе». Этот акт парламента Франции вызвал явное замешательство в лагере западных держав»^[667].

Решение парламента Франции не ратифицировать договор о «Европейском оборонительном сообществе» было для Эйзенхауэра большой и очень неприятной неожиданностью. В отчете советского посольства констатировалось: «Провал планов создания «европейской армии» был расценен в США как серьезнейший удар по внешнеполитическому курсу и международному престижу Соединенных Штатов и как «величайший послевоенный триумф» внешней политики Советского Союза»^[668]. В этой кризисной ситуации США оказали мощное давление на Англию, которая выступила с заверением о том, что она оставит свои войска на Европейском континенте. В конечном счете Соединенные Штаты не мытьем, так катаньем добились включения ФРГ в Западноевропейский союз, в НАТО и «предоставления ей статуса „суверенного“ государства».

Советский посол делал вывод: «Таким образом, с помощью Англии Соединенным Штатам удалось через 33 дня после провала договора о «Европейском оборонительном сообществе» выйти из создавшегося кризиса и добиться нового решения о перевооружении Западной Германии... фактически США не только заручились согласием правительства Мендес-Франса на возрождение германского милитаризма и на включение Западной Германии в Североатлантический блок, но и добились восстановления основных положений плана о «европейской армии». Подобный поворот событий был очень благоприятен и лично для Эйзенхауэра. Как писал советский посол в США «Главнокомандующий вооруженными силами НАТО получил еще более широкие полномочия, чем он имел до этого»^[669].

Эйзенхауэр был первым среди тех американских лидеров, которые поняли, что настало время поменьше распространяться о руководстве США миром. Эта инициатива Эйзенхауэра получила полную поддержку во многих письмах, направленных в Белый дом. Автор одного из них, Кальвин Гувер, 13 августа 1954 г. писал президенту: «Я хотел бы выразить мое полное и глубокое одобрение Вашего недавнего заявления о необходимости меньше говорить о «руководстве миром» со стороны Соединенных Штатов. Вряд ли какой-либо другой аспект нашей роли в международных делах доставляет нам столько тревожений, как это постоянное упоминание о нашем лидерстве»^[670].

Эйзенхауэр выступил с заявлением о необходимости не столь назойливо подчеркивать главенствующую роль США только после того, как в своих многочисленных речах он неоднократно возвращался к вопросу об особой, «руководящей» миссии США в мире. В октябре 1953 г. он утверждал, например, что будущее всего человечества «непосредственно зависит от американского руководства»^[671].

Однако, призвав американцев быть более сдержанными в разговорах об «американском лидерстве», сам президент показывал не лучший пример своим соотечественникам.

21 апреля 1956 г., выступая перед газетными редакторами, он вновь всесторонне

развивал идею об особой, «главенствующей» роли США в делах человечества. «Наша нация, – подчеркивал президент, – призвана... к руководству всем миром»^[672].

Разглагольствования об «американском лидерстве» могли показаться безобидными упражнениями в риторике по сравнению с безответственными заявлениями Даллеса. Придя «наконец» на старости лет к руководству американским внешнеполитическим ведомством, он как бы старался наверстать упущенное, меча грома и молнии в адрес социалистических стран. «Даллес относился с глубочайшей подозрительностью к любой инициативе русских, он, очевидно, даже склонялся к тому, чтобы выяснить, почему Сталин избрал именно это время для своей кончины. Аик же увидел (в смерти Сталина. – Р. И.) возможность растопить «холодную войну» и стремился выступить с серьезными мирными предложениями»^[673].

12 января 1954 г. Даллес произнес речь, в которой сформулировал печально известный принцип «массированного возмездия». Его угрозы в отношении социалистических стран были столь же резкими по форме, сколь и не соответствующими общепринятым нормам дипломатических отношений. Мэрлоу Паси, историк проэйзенхауэровской ориентации, с полным основанием назвал речь Даллеса «зенитом холодной войны»^[674].

Твердолобый курс Даллеса вызвал тревогу среди определенной части правящих кругов США. Английский историк, автор исследования внешней политики Эйзенхауэра, писал, что с 1953 г. США «стали клиентом Даллеса-адвоката»^[675]. Своей речью «о массированном возмездии» профессиональный адвокат Даллес дал понять, что он готов взять на себя функции прокурора и беспощадно карать если не практическими делами, то своим красноречием всех, не согласных с его внешнеполитическими доктринами.

Трудно согласиться с теми авторами, которые считают, что все внешнеполитические дела вершил Даллес, а Эйзенхауэр исполнял при нем обязанности английского короля, который, как известно, царствует, но не правит. Эйзенхауэр был прав, когда публично заявлял, что не было ни одного важного внешнеполитического решения Даллеса, которое не было бы санкционировано им как президентом.

Полное единство взглядов было между Даллесом и Эйзенхауэром и по вопросу о перевооружении Германии. Показательно, что одинаковыми были и комментарии президента и Даллеса на решение Национального собрания Франции от 30 августа 1954 г. об отказе ратифицировать договор о создании «Европейского оборонительного сообщества». Даллес рассматривал это решение как «печальное событие». По мнению Эйзенхауэра, это была «серьезная неудача»^[676] внешней политики США.

Отказ Национального собрания Франции ратифицировать соглашение о включении ФРГ в ЕОС вызвал замешательство в США. Возникла угроза потерять 12 западногерманских дивизий, которые вошли бы в состав вооруженных сил НАТО в случае создания ЕОС. Более того, в Вашингтоне считали, что 12 дивизий – это только начало. Джон Эйзенхауэр приводит в своих мемуарах содержание разговора между президентом и Даллесом. Хозяин Белого дома спросил Даллеса, почему вклад Западной Германии в НАТО ограничивается 12 дивизиями. «Почему бы Западной Германии, – поинтересовался он, – не поставить двадцать дивизий вместо двенадцати?»

«Двадцать немецких дивизий, – ответил Даллес, – привели бы французов в ужас».

Босс (Эйзенхауэр. – Р. И.) фыркнул. «Американские ресурсы, – подвел он итог, – не следует рассматривать как неисчерпаемые»^[677].

Показательный диалог. США решительно требовали для себя руководящей роли в

Атлантическом сообществе, но стремились переложить на плечи своих партнеров как можно больший груз военно-экономических издержек при создании военной структуры НАТО.

Отказ французского парламента ратифицировать соглашение о создании ЕОС убедил Белый дом в том, что только совместные усилия их главных союзников по НАТО могут решить столь сложную задачу, как вовлечение Западной Германии в этот блок. Сделав главную ставку на помощь британской дипломатии, США добились подписания 23 октября 1954 г. Парижских соглашений о вступлении Западной Германии в НАТО. Это был роковой шаг, снимавший, по существу, с повестки дня вопрос об объединении Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями для положения в Европе и во всем мире.

15 января 1955 г. советское правительство предприняло еще одну попытку найти решение германской проблемы, соответствующее интересам мира и национальным чаяниям немецкого народа. Им было предложено провести в 1955 г. общегерманские свободные выборы и решить вопрос об объединении Германии. То был последний шанс для достижения соглашения о мирном объединении Германии, так как включение ФРГ в НАТО сводило на нет вопрос о мирном объединении двух германских государств. Американская дипломатия не пожелала использовать этот последний шанс.

5 мая 1955 г., спустя десять лет после победы союзников над фашистской Германией, вступили в силу Парижские соглашения о присоединении ФРГ к НАТО.

Любая крупномасштабная война сопровождается тяжелыми жертвами и большими разрушениями, уничтожением крупных материальных и важных культурных ценностей, нарушением законов войны, ожесточением в отношениях между народами, участвующими в такой войне.

Однако Вторая мировая война не имела себе равных в истории человечества по всем показателям. Чудовищные зверства фашистов наложили свой страшный отпечаток на весь ход войны, заставили каждого ее участника вне зависимости от идеологической и политической ориентации сделать вывод об ответственности фашистского и военного руководства Германии за все, что творил фашизм в ходе военных действий и в оккупированных странах.

И как указывалось выше, Эйзенхауэр, увидев собственными глазами в Германии в конце войны, что сделали немцы с союзными военнопленными, был очень решительно настроен в вопросе об ответственности партийного и военного руководства Германии за нарушение этой страной законов войны.

Прошло совсем немного времени после окончания Второй мировой войны, и Эйзенхауэр как-то быстро и незаметно сменил гнев на милость. Уже в начале 50-х годов его ни в коей мере не смущало то, что немецкие генералы и офицеры – ветераны Второй мировой войны будут в одном ряду с американцами, англичанами и другими товарищами по оружию в годы войны противостоять в НАТО своему недавнему советскому союзнику.

Метаморфоза Эйзенхауэра была стремительна и показательна.

Возможно, конечно, что позиция Эйзенхауэра во многом объяснялась тем, что американцы понесли в годы войны очень незначительные людские потери и все страшное, связанное с этой войной, не столь прочно осело в их сознании. Но, как логически мыслящий человек, Эйзенхауэр должен был понять позицию Советского Союза, людские и материальные потери которого в войне были огромны. Однако этого не произошло. Эйзенхауэр был искренне убежден, что политика США в германском вопросе единственно

правильная и Советский Союз должен принять эту политику как свершившийся факт.

Американо-германский альянс в Европе в годы президентства Эйзенхауэра стремительно развивался и укреплялся. Президент США неоднократно подчеркивал, что объединение Европы в рамках НАТО может основываться только на использовании мощного германского военно-экономического потенциала. Западногерманский лидер Аденауэр, в свою очередь, тоже делал стопроцентную ставку на всемерную поддержку американского военно-политического курса в отношении Западной Германии. Аденауэр заявлял: «Моя политика основывалась на полной уверенности в Соединенных Штатах»^[678].

Ни Эйзенхауэр, ни руководители внешнеполитического, военного и разведывательного ведомств США не могли, конечно, предвидеть, что к власти в СССР в середине 80-х годов и в России в 1991 г. придут руководители, политика которых, в том числе и в германском вопросе, мягко выражаясь, не будет отвечать национальным интересам страны. Мало кто в мире мог предположить, что произойдет прямой аншлюс Западной Германией Германской Демократической Республики.

Разумеется, ни американское, ни западногерманское руководство не могло рассчитывать на столь благоприятное для них решение германской проблемы. Но в исторической перспективе курс Эйзенхауэра в германском вопросе с точки зрения интересов Запада оказался правильным.

14 мая 1955 г. социалистические страны подписали в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, получивший название Варшавского Договора. Соглашение предусматривало создание Объединенного командования вооруженными силами стран – участниц Договора для решения оборонительных задач, предусматривавшихся этим соглашением^[679].

В июле 1955 г. в Женеву для участия в совещании на высшем уровне съехались представители СССР, США, Англии и Франции. Со стороны западных держав согласие на участие в совещании в Женеве было определенной уступкой общественному мнению, требовавшему использовать все возможности для решения спорных политических проблем. Поэтому еще 11 мая 1955 г., выступая на очередной пресс-конференции, Эйзенхауэр подчеркнул, что «во всем мире растет ощущение того, что такое совещание могло бы принести какую-то пользу»^[680]. Отражением пристального интереса американской общественности к совещанию в Женеве явился тот факт, что подавляющее большинство вопросов, заданных президенту на этой пресс-конференции, касалось встречи представителей великих держав^[681]. Совещание в Женеве было первой встречей на высшем уровне за десять послевоенных лет, и американская общественность по мере ее приближения все более настойчиво спрашивала президента, какова будет его позиция в Женеве и чего он ждет от совещания.

6 июля 1955 г. Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что США «идут на это совещание, занимая примирительную и дружественную позицию...»^[682]. При этом президент подчеркнул, что он не хотел бы, чтобы у американской общественности в связи с предстоящими событиями возникли какие-либо несбыточные надежды. 7 июня 1955 г., выступая перед выпускниками Вест-Пойнта, Эйзенхауэр говорил, что не должно быть никаких «бессмысленных надежд на то, что мир, который болен невежеством, взаимными страхами и ненавистью, можно чудодейственным образом излечить на одном совещании»^[683].

Чем ближе был день встречи в Женеве, тем все более обнадеживающе звучали слова президента о том, что он готов сделать все для успешного решения задач, которые будут обсуждаться на высшем уровне. Выступая в Белом доме перед группой иностранных студентов, президент заявил, что едет в Женеву преисполненный надежды «привести мир ближе к миру» и сделать возможным для людей повсюду жить «более спокойно». В словах президента звучала уверенность, что Женевское совещание должно внести серьезный вклад в укрепление дела мира. «Люди не хотят конфликтов, – сказал Эйзенхауэр. – Только лишь ошибающиеся лидеры проявляют слишком большую воинственность и считают, что народы действительно хотят воевать»^[684].

Выступление президента прозвучало как оптимистическая заявка на поиск разумных альтернатив на встрече в верхах, с которой народы всего мира связывали свои самые большие надежды.

16 июля 1955 г. хозяин Белого дома вылетел в Женеву. Его сопровождала Мэми, которая, по свидетельству президента, готовилась в этот вояж, как хороший солдат к бою. Трудности перелета были компенсированы уже в аэропорту встречей, организованной в Женеве. «Я был поражен, – вспоминал Айк, – размерами и энтузиазмом толпы, которая собралась в аэропорту и на улицах вдоль пути нашего следования к отведенной нам резиденции»^[685].

Весь мир с напряженным вниманием следил за началом работы совещания. По единодушному мнению огромной армии журналистов, освещавших работу Женевской встречи, президент потерпел моральное поражение еще до ее официального начала. Советская делегация в первый день работы совещания прибыла во Дворец наций в открытой автомашине. Это резко контрастировало с церемонией прибытия американской делегации, когда Эйзенхауэр подъехал к величественному зданию Дворца в пуленепробиваемом лимузине в сопровождении полицейского эскорта на мотоциклах, окруженный многочисленными охранниками^[686]. Его появление перед журналистами в бронированном лимузине произвело тем более отрицательное впечатление, что на совещании он говорил об открытом американском обществе и настаивал на необходимости «открыть» советское общество путем осуществления его плана «открытого неба». С «открытым небом» Эйзенхауэру не повезло с самого начала. Суть плана сводилась к тому, что и США и Советский Союз открывают свое воздушное пространство для свободной аэрофотосъемки. Президент США предложил, чтобы «каждая сторона дала другой подробную схему своих военных объектов, всех без исключения», после чего необходимо «создать внутри наших стран условия для производства аэрофотосъемок другой стороной». Американцы предоставят советским специалистам аэродромы и все, что необходимо для аэрофотосъемок, которые можно будет вести в любое время и в любом месте, где они пожелают. Аналогичные условия должны быть созданы для американцев на территории СССР.

Как только Эйзенхауэр закончил изложение плана «открытое небо», раздался страшный удар грома, в зале погас свет, принесли свечи. Докладчик, рассмеявшись, прокомментировал случившееся: «Конечно, я надеялся на резонанс, но не на такой громкий». Французы и англичане полностью поддержали план «открытое небо». Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин сказал, что это предложение, по-видимому, заслуживает серьезного внимания и советская делегация сразу же займется его изучением. Однако Н. С. Хрущев дезавуировал это заявление, сказав Эйзенхауэру после окончания заседания: «Я не согласен с Председателем». Хрущев считал, что план президента США – открытый шпионский

заговор против Советского Союза. «Хрущев умертвил ее (программу «открытое небо». – Р. И.) через несколько минут после рождения»^[687].

Руководителю американской делегации выпала честь начать совещание. Эйзенхауэр говорил горячо, вдохновенно. Особенно теплые, дружественные слова он посвятил своему товарищу по оружию в годы войны, члену советской делегации Маршалу Жукову. Журналисты подсчитали, что о Жукове президент говорил 17 минут^[688].

С. Амброуз пишет, что Эйзенхауэр «всегда чувствовал какую-то особую связь с Жуковым, который впал в такую немилость у Сталина, что Эйзенхауэр некоторое время даже думал: его нет в живых». Он очень хотел вновь увидеть Жукова, понять, можно ли восстановить прежнее рабочее партнерство, которое установилось в их отношениях еще в Германии после войны, и выяснить, «стал ли министр обороны Жуков подлинным лидером в послесталинском правительстве, или он всего лишь украшение витрины».

Дуайт Эйзенхауэр и его сын Джон в своих мемуарах уделяют большое внимание встрече с Жуковым в Женеве. Президент писал, что во время приема, устроенного на его вилле в Женеве, он и Джон получили возможность побеседовать с Жуковым. Переводчиком последнего был О. Трояновский, переводчиком Эйзенхауэра – посол США в Москве Ч. Болен. Президент отмечал в мемуарах, что в ходе беседы «со всей очевидностью стало ясно – Жуков стал совсем не таким, каким он был в 1945 г. Во время наших контактов в военное время он был независим, самоуверен, в рамках коммунистической доктрины, но он всегда был искренне рад пойти на контакты со мной по любому оперативному вопросу и сотрудничать, чтобы добиться разумного решения. Он принимал решения». Эйзенхауэр писал, что однажды Жуков даже выпроводил своего политического советника А. Вышинского, заявив, что ему надо конфиденциально поговорить с Эйзенхауэром. «По целому ряду признаков, – писал президент, – было очевидно, что Жуков, судя по тому, как он держался, был исключительно важным человеком в советском руководстве, возможно, вторым по значимости после самого Сталина»^[689]. И Дуайт и Джон Эйзенхауэры отмечали, что в Женеве «Жуков показался им лишь оболочкой прежнего себя, человеком сломленным, почти жалким... говорил он тихо, монотонно, повторяя аргументы, которые огласил на конференции председатель советской делегации... он излагал все это, как затверженный урок. Жуков был каким-то приторможенным, не улыбался и не шутил». Джон делал вывод: «Я и отец пришли к заключению, что Жуков вошел в правящую группу только как ширма»^[690].

Прямо противоположную точку зрения высказывал А. А. Громько, который был в Женеве членом советской делегации.

А. А. Громько вспоминал: «Жуков по поручению нашей делегации в Женеве нанес визит Эйзенхауэру. Когда он докладывал об итогах этого визита, то оказалось, что в беседе с ним Эйзенхауэр как бы ушел в себя и ограничился малозначительными формальными высказываниями. Его как будто подменили. Из общительного, улыбчивого человека он превратился, по словам Жукова, в манекен без эмоций. Я видел, что Жукова все это смутило»^[691].

Известный советский дипломат О. А. Трояновский, участник встречи в Женеве, вспоминал: «На меня Георгий Константинович произвел сильное впечатление и как человек, и как политический деятель. Он держался с достоинством, принимал активное участие в беседах и протокольных мероприятиях. И в то же время деликатно уступал пальму первенства Хрущеву и Булганину. В его поведении совсем не чувствовалось крутости нрава,

о котором часто упоминается в воспоминаниях времен войны. Видимо, он мог адаптироваться к любой обстановке»^[692].

Касаясь беседы Эйзенхауэра с Жуковым, которую переводил О. А. Трояновский, последний писал: «Если верить секретарше президента Энн Уитман, то он сказал после беседы: «Это не тот человек, которого я знал, его хорошо натренировали для этого выступления». Впрочем, и Жуков, когда мы ехали с ним из американской резиденции, высказался примерно в том же духе: «Да, президент Эйзенхауэр уже не тот, каким был генерал Эйзенхауэр»^[693].

У. Спар и Н. Яковлев в своей книге о Г. К. Жукове пишут, что на конференции в Женеве Жуков «не был «безжизненным», служившие с Маршалом в то время единодушно отмечали – он был полон энергии, неутомим. Другое дело, каким он предстал перед западными деятелями, все домогавшимися выяснить, как министр обороны смотрел на те или иные проблемы международной жизни»^[694].

Поведение Эйзенхауэра свидетельствовало о том, что «холодная война» резко негативно воздействовала и на личные отношения даже самых высокопоставленных руководителей.

«К удивлению многих присутствовавших на совещании, за исключением Энтони Идена (он был заранее информирован о плане «открытого неба») и нескольких высокопоставленных советников, Аик заявил, что Соединенные Штаты готовы пойти на обмен с СССР военной документацией». Он сказал, что выступает с этими предложениями, чтобы «доказать американскую искренность в вопросах разоружения. Мир был парализован опасностью внезапного атомного удара. Полный обмен военной информацией ослабил бы этот страх»^[695].

Эйзенхауэр пошел еще дальше. Он предложил построить советские аэродромы в США и американские в СССР. С этих аэродромов под контролем соответствующей стороны регулярно производились бы облеты военных объектов в СССР и США. Цель предложения была та же – предупредить опасность внезапного удара.

Очевидно, в предложении Эйзенхауэра было определенное рациональное зерно. Но мощные пропагандистские машины по обе стороны Атлантики целеустремленно работали над созданием «образа врага», шпиономания имела грандиозные масштабы. И эти предложения президента не получили поддержки в СССР. К слову сказать, они не вызвали энтузиазма и в самих Соединенных Штатах.

Не получив согласия своего советского партнера, президент позднее решил «открыть» советское небо с помощью самолетов-шпионов У-2. Это была акция, способная свести на нет любое, даже самое рациональное предложение, уничтожить слабые ростки взаимного доверия, которые начали пробиваться сквозь нагромождения торосов «холодной войны».

Генри Киссинджер, оценивая план «открытое небо», писал: «Я знаю из первых рук, что принадлежавшие к окружению Эйзенхауэра авторы этого предложения... были бы весьма удивлены, если бы оно было принято»^[696].

Сам Эйзенхауэр был не особенно удовлетворен работой, которую он проделал в Женеве. В частности, по его признанию, он чувствовал себя скованным тем, что не знал ни одного иностранного языка. «Я бы мог, – вспоминал он, – действовать более эффективно на многих конференциях, в которых участвовал за годы своего президентства, если бы в прошлом овладел хотя бы одним иностранным языком». Эйзенхауэр писал, что еще в 1929 г. в Париже его учитель французского языка после года безуспешных занятий честно сказал ему: «Вам следует прекратить впустую тратить деньги на меня». Однако Аик отказался

последовать этому совету. «Я все еще надеюсь на чудодейственный прогресс»^[697], – заявил он. Чуда не произошло. Французского языка майор Эйзенхауэр так и не осилил, о чем он искренне сожалел теперь в Женеве.

Сейчас, спустя сорок с лишним лет после выступления Эйзенхауэра с планом «открытое небо», можно с полным основанием сказать, что и в этом вопросе он оказался новатором. Советско-американское, а потом российско-американское сотрудничество в освоении космоса и другие совместные программы доказали жизнеспособность этой идеи Эйзенхауэра.

Президент болезненно воспринял то, что советский лидер с ходу, без какого-либо изучения отклонил его план «открытое небо», который, по справедливому мнению президента, в случае реализации мог бы внести серьезный вклад в укрепление мира в масштабах всей планеты.

И тем не менее уже на следующий день, 22 июля, он выступил с заявлением о необходимости расширения торговли между СССР и США и «свободного, дружественного обмена идеями и людьми». На заключительном заседании встречи в Женеве Эйзенхауэр сказал: «В завершающий час работы нашей ассамблеи я с уверенностью констатирую, что надежды на длительный мир, основанный на справедливости, благосостоянии и свободе, окрепли, угроза трагедии, связанной со всеобщей войной, ослабла». Президент в своем заключительном выступлении сформулировал и свою общую оценку совещания: «Я прибыл в Женеву, т. к. верю в то, что человечество стремится избавиться от опасности войны, от ее угрозы. Я нахожусь здесь, потому что искренне верю в разумные инстинкты и здравый смысл людей нашей планеты. Сегодня я возвращаюсь домой с непоколебимой уверенностью в справедливости этих убеждений...»^[698].

Так родился «дух Женевы», который если и не предопределил развитие международных отношений в направлении мира и разрядки напряженности, то, во всяком случае, способствовал росту взаимопонимания и взаимодоверия между СССР и США.

Личный вклад Эйзенхауэра в развитие «Духа Женевы» был несомненен. Важно подчеркнуть, что и в данном случае он оказался если не провидцем, то инициатором расширения контактов между нашими странами в области науки, искусства, культуры, спорта. Контакт, которые пережили периоды сложных взаимоотношений между СССР и США в связи с трагическими событиями в Венгрии и Чехословакии, суэцким кризисом, войной в Афганистане и многими другими серьезными проблемами в мировой политике и в советско-американских и российско-американских отношениях.

На Женевском совещании советская делегация со всей прямотой поставила вопрос о том, что включение ФРГ в НАТО создало исключительные трудности в решении германской проблемы. Только всестороннее сближение ГДР и ФРГ могло способствовать воссоединению двух германских государств. В этом направлении могло действовать и общее оздоровление обстановки в Европе. Таковую цель и преследовало внесенное на совещании советской делегацией предложение о создании системы коллективной безопасности в Европе.

Позиция США и их союзников в Женеве основывалась на совершенно нереальной в то время посылке о поглощении ГДР Западной Германией и включении объединенной Германии в НАТО. Это была позиция Даллеса, четко сформулированная им в канун совещания на высшем уровне. 24 мая 1955 г. Даллес заявил: «Точка зрения США состоит в том, что политика нейтралитета не применима к стране типа Германии». За два месяца до Женевского совещания Даллес категорически отверг идею нейтрализации объединенной

Германии. Меньше чем за месяц до встречи в верхах он поставил свою подпись под двусторонним соглашением о «взаимной военной помощи» с ФРГ, и естественно, что Даллес скептически относился к встрече в верхах. Особенно яростно он встретил советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Европе^[699].

Даллес был тяжело и безнадежно болен не только в прямом, но и в переносном смысле слова. Он был неизлечимо отравлен миазмами «холодной войны», его представления о международных делах были навсегда заморожены на уровне концепций, которые утвердились на Западе в те дни, когда в Европе и Америке беспрепятственно гуляли ее обжигающие ветры.

Позиция Эйзенхауэра была более гибкой. «Ему нравилось в Даллесе все, кроме его фанатичного антикоммунизма»^[700]. Между президентом и государственным секретарем существовало своеобразное разделение труда. Эйзенхауэр играл роль «миротворца», Даллес выступал с открытых позиций убежденного поборника «холодной войны».

Совещание в Женеве было попыткой Советского Союза расчистить завалы «холодной войны», найти взаимоприемлемую основу для обсуждения кардинальных проблем мировой политики. Эйзенхауэр принял участие в этом совещании, также надеясь найти какие-то новые, альтернативные пути разрешения сложнейших международных проблем, порожденных «холодной войной». Президент говорил в Женеве: «Эта встреча была исторической. Мы проделали хорошую работу в течение этой недели. Но только история определит подлинное значение и подлинную ценность нашей совместной встречи; для определения успеха этого совещания решающее значение будут иметь последующие действия наших правительств»^[701]. На пресс-конференции 27 июля 1955 г. хозяин Белого дома говорил: «Я не хочу сказать, что это была неделя радужных надежд, что можно с уверенностью заявить о начале новой эры. Я считаю, что был сделан первый шаг в этом направлении. Если мы проявим необходимую разумность, это совещание может иметь весьма благоприятные последствия для человечества»^[702].

После совещания в Женеве международная атмосфера несколько потеплела. Со страниц американских газет и журналов исчезли наиболее грубые антисоветские штампы, столь набившие оскомину читателям за долгие годы «холодной войны». Американская пресса сообщила, что правительство Эйзенхауэра отдало распоряжение прекратить резкие высказывания в адрес Советского Союза.

Оттепель, наступившая после Женевской встречи на высшем уровне, была непродолжительной. Тенденция в разрядке международной напряженности, проявившаяся в Женеве, исчезла так же быстро, как и появилась. Тройственная агрессия в Египте и международные последствия событий в Венгрии отбросили мир если не на грань военного конфликта, то по крайней мере к исходным рубежам «холодной войны».

Спустя несколько часов после начала восстания в Венгрии президент Эйзенхауэр принял лидеров Союза венгров в США и заверил их, что они могут полностью на него рассчитывать. И действительно, участники восстания получили от Соединенных Штатов поддержку по дипломатической, политической, пропагандистской линиям. Даллес торжествовал. События в Венгрии явились новым важным стимулом для его политики «освобождения» Восточной Европы и «отбрасывания» коммунизма. В США резко активизировалась антисоветская деятельность, наложившая свой негативный отпечаток на советско-американские отношения.

Было бы неправильным считать, что в венгерском вопросе Эйзенхауэр последовательно

шел в фарватере крайне правых американских кругов и не имел своей собственной позиции. Неверно считать и то, что он полностью поддерживал резко антисоветский курс в венгерском вопросе других западных держав. Венгерский кризис привел к возникновению определенных проблем в отношениях между Англией и Францией с одной стороны, США – с другой. 28 октября 1956 г., как раз в канун удара Англии и Франции по Египту, эти страны поддержали Соединенные Штаты, которые поставили в повестку дня Совета Безопасности ООН венгерский вопрос. Однако, когда 3 ноября Англия и Франция предложили Соединенным Штатам присоединиться к их осуждению позиции Советского Союза в венгерском вопросе, Эйзенхауэр отверг данное предложение как «абсурдное» в связи с тем, что эти страны сами нарушают Устав ООН на Ближнем Востоке. Эйзенхауэр отказался полностью поддержать венгерских иммигрантов в США, которые требовали более активных выступлений американцев в ООН против Советского Союза в связи с событиями в Венгрии. Президент не пошел на контакт с правительством Имре Надя в Венгрии. «Публичные заявления Эйзенхауэра с осуждением советских действий (в Венгрии. – Р. И.) были относительно мягкими». Выступая 23 ноября в профсоюзе плотников и столяров, он заметил: «День освобождения... может быть отложен, если вооруженное насилие превращает протест в самоубийство». В своем обращении к нации от 31 октября Эйзенхауэр отказался использовать фразы, рекомендованные ему Даллесом, которые резко ужесточили бы позицию США в венгерском вопросе.

Подобная достаточно сдержанная позиция Эйзенхауэра в связи с событиями в Венгрии на первом этапе развития этих событий имела свои объяснения. «Помимо того что Эйзенхауэр не желал провоцировать вступление Советского Союза в войну, были и другие причины его достаточно мягкой реакции на эти события. В частности, администрация не могла предпринять решительных действий просто потому, что она не имела представления, что происходит (в Венгрии. – Р. И.)»^[703].

Немаловажное значение имело и то, что события в Венгрии и Египте развивались на параллельных курсах. Если бы Эйзенхауэр, заняв достаточно сдержанную позицию в суэцком кризисе, обрушился с резкими нападками на Советский Союз за использование силы в Венгрии, международная и американская общественность осудили бы президента за необъективный подход. А Эйзенхауэр в отличие от Даллеса стремился максимально прислушиваться к голосу общественности.

В действиях союзников по НАТО в венгерском вопросе, так же как и в суэцком кризисе, не было единства. Эйзенхауэр занимал по вопросу о кризисе в Венгрии более сдержанную позицию, чем Англия и Франция, – в частности, он выступил против использования Западом силы для поддержки восставших венгров. Позднее Эйзенхауэр признавал: «Вооруженная помощь не могла привести к успеху без полного единства действий всех стран НАТО, а вы знаете, так же как и я, что достигнуть такого единства было невозможно»^[704].

В ходе дальнейшего развития кризисной ситуации в Венгрии, по мере активизации использования советских войск для подавления восставших, позиция Эйзенхауэра все более ужесточалась. Однако она не сдвинулась столь резко вправо, как этого требовали лидеры демократов и правые республиканцы.

Горячие головы в Вашингтоне, в частности в Национальном совете безопасности, предлагали не только оказать военную помощь восставшим венграм, но и нанести ядерный удар в районе советско-венгерской границы, чтобы не дать возможности перебрасывать

советские войска в Венгрию.

Эйзенхауэр отказался последовать этим призывам. И в данном случае он оказался прав: ядерная война имела бы непредсказуемые последствия не только для США и СССР, но и для всего человечества. Прошло менее сорока лет с момента восстания в Венгрии – ничтожно короткий срок в масштабах истории, и коммунистический режим рухнул и в этой стране, и во всех странах Центральной и Восточной Европы.

Главной причиной восстания в Венгрии было недовольство широких масс венгерского народа положением, создавшимся в стране. Но бесспорно и то, что Запад, в первую очередь США, всемерно инспирировал это недовольство, причем методами отнюдь не укладывавшимися в рамки международного права.

Восстание в Венгрии в 1956 г. еще раз подтвердило известную истину – нахождение иностранных войск на чужой территории всегда порождает сложнейшие межгосударственные проблемы, которые в условиях «холодной войны» эффективно использовались в пропагандистской борьбе.

В канун десятилетия венгерского восстания я выступал с лекциями в советских воинских частях в Венгрии. В городе Секешфехерваре находилась советская танковая дивизия. Заместитель командира дивизии по политической части предложил мне пойти на местное кладбище, где много красивых надгробий. Я обратил внимание на одно из них: на белой мраморной плите изображена обезумевшая мать, склонившаяся над двумя мертвыми маленькими детьми. Молодая женщина-гид остановила возле этого памятника небольшую группу туристов – судя по их вопросам, это были американцы и рассказала им историю памятника. Пьяный советский солдат за рулем грузовой автомашины наехал на женщину, которая переводила своих детей через улицу. Мать успела выскочить из-под колес машины, а дети на ее глазах были намертво раздавлены. Мать от потрясения сошла с ума.

Я наблюдал за реакцией американских туристов, слушавших этот рассказ, и почувствовал, что краткая информация гида воздействовала более эффективно, чем самые хорошо подготовленные антисоветские профессиональные пропагандистские выступления.

Госдепартамент при всяком удобном случае подчеркивал, что политика США в венгерском вопросе определяется якобы только гуманными устремлениями. Ветеранам «холодной войны» из ведомства Даллеса с большим трудом удавалось играть роль гуманистов. Призывы государственного департамента к американской общественности включиться в кампанию осуждения СССР не давали особого результата. Представители различных кругов американского общества ставили под сомнение искренность заявлений рыцарей плаща и кинжала из обоих ведомств, возглавлявшихся братьями Даллесами (Аллен Даллес был руководителем американской разведки. – Р. И.).

Разумеется, использование советской вооруженной силы для подавления восстания в Венгрии не могло не вызвать негативной реакции в США. Это нашло свое проявление и в средствах массовой пропаганды, и в многочисленных письмах, телеграммах, обращениях, направлявшихся в Белый дом.

В связи с событиями в Венгрии в Белый дом поступало немало и обращений, авторы которых брали на себя смелость усомниться в истинных целях американской политики в венгерском вопросе. В одном из таких писем, посланных Эйзенхауэру, молодая афро-американка подчеркивала, что черные в США ни в коей мере не могут согласиться с тем, что предоставление в их стране убежища тысячам венгерских эмигрантов за счет американских налогоплательщиков – акт гуманного характера. Она с полным основанием спрашивала,

почему, например, после фашистской агрессии в Эфиопии США не предоставили политического убежища чернокожим – жертвам этой агрессии.

Развитие событий в Венгрии, формирование здесь правительства, заявившего о выходе страны из Организации Варшавского Договора, породило в США и в других странах НАТО настоящую эйфорию: начался процесс крушения содружества социалистических государств! Раздавались призывы ускорить этот процесс путем оказания быстрой и эффективной военной помощи восставшим венграм.

Эйзенхауэр остудил эти горячие головы. Он прекрасно понимал, насколько катастрофическим может быть подобное решение. Президент заявил, что он стремится «снять не соответствующие истине опасения, будто мы рассматриваем новые правительства в указанных восточноевропейских странах как потенциальных военных союзников. У нас нет подобных подспудных мотивов. Мы смотрим на эти народы как на друзей и просто желаем, чтобы эти наши друзья были свободны»^[705].

Сегодня, спустя сорок с лишним лет после венгерских событий, Соединенные Штаты и их союзники по НАТО уже не ограничиваются тем, чтобы бывшие страны – члены ОВД из Центральной и Восточной Европы оставались их «друзьями». Вхождение этих стран в НАТО стало военно-политической реальностью. Не следовало бы лидерам Запада вспомнить предупреждение Эйзенхауэра о серьезных последствиях включения бывших союзников СССР в военно-политическую структуру НАТО?

С событиями в Венгрии совпала по времени тройственная агрессия Израиля, Англии и Франции против Египта. Революция в Египте в 1952 г. и выдвинутое им вскоре требование вернуть ему Суэцкий канал, мощный международный резонанс как отклик на события в Египте – все это вызвало настороженную реакцию в Вашингтоне.

Тяжелый удар капиталистическим державам и монополиям нанесла национализация Компании Суэцкого канала, объявленная правительством Египта 21 июля 1956 г. Администрация Эйзенхауэра приняла активное участие в дипломатическом и финансовом давлении на Египет, чтобы заставить его отказаться от национализации. Позиция США определялась тем, что они контролировали 60% нефти, добываемой в этом районе. Ежегодные прибыли англо-американских нефтяных компаний на Ближнем Востоке превышали 3 млрд долл. в год. На запах нефти империалистические стервятники слетались, как хищные птицы на запах крови. Эйзенхауэр откровенно писал в своем дневнике, что политический курс США на Арабском Востоке во многом определялся нефтяными интересами. 13 марта 1956 г. президент сделал такую запись: «Значение нефти арабского мира для Европы резко возросло. Экономика европейских стран будет уничтожена, если прервется их снабжение нефтью. Если рухнет экономика Европы, Соединенные Штаты Америки окажутся в положении, трудность которого преувеличить будет практически невозможно»^[706].

Проблема снабжения капиталистического мира нефтью и национализация Суэцкого канала были тесно связаны друг с другом. США были заинтересованы в отмене решения о национализации Компании Суэцкого канала еще и потому, что оно создавало очень нежелательный для них прецедент, учитывая американские «особые права» в зоне Панамского канала.

Опираясь на активную помощь СССР и других социалистических стран, Египет категорически отверг домогательства империалистических держав. В ответ на это Англия, Франция и Израиль развязали вооруженную агрессию против Египта. Первый удар без

объявления войны нанес Израиль в ночь с 29 на 30 октября. Англия и Франция начали военные действия против Египта 31 октября.

США внесли в Совет Безопасности предложение о немедленном прекращении военного конфликта, но одновременно стимулировали агрессоров, продолжая оказывать им экономическую и финансовую помощь.

Египет оказался перед лицом мощной коалиции империалистических держав. Их вооруженные силы, обладая значительным превосходством над египетскими войсками, быстро добились ощутимого военного перевеса. Советский Союз в этой критической для Египта ситуации был единственной великой державой, безоговорочно вставшей на его защиту. Правительство СССР выступило с решительным предупреждением правительствам Англии, Франции и Израиля о том, что Египту будет оказана прямая военная помощь, если агрессоры не прекратят наступательных операций. Прошло менее суток после получения советских нот в Лондоне и Париже, и в ночь на 7 ноября военные действия были прекращены.

Сообщение о начавшемся кризисе на Ближнем Востоке застало Эйзенхауэра в избирательном турне. Эйзенхауэр, писал Амброуз, был очень удивлен агрессией против Египта, а «он ненавидел, когда приходилось удивляться». Вскоре по возвращении в Вашингтон, 29 октября в 19 часов 15 минут он созвал экстренное совещание в Белом доме. На нем присутствовали Д. Даллес, министр обороны Чарльз Вильсон, глава ЦРУ Аллен Даллес, адмирал А. Редфорд и другие руководящие деятели государственного департамента и Пентагона.

Президент был в гневе. Он заявил, что «Израиль начал войну, потому что стремится расширить свою территорию. Они хотят больше земли, но для того, чтобы выжить, им необходим мир с арабами». Эйзенхауэр указал и на другие минусы израильской агрессии: «Своими действиями Израиль оказывает большую услугу Советскому Союзу, отвлекая внимание мира от сопротивления, которое оказывают советским репрессиям Польша и Венгрия». У президента были все основания метать гром и молнии. Он чувствовал себя обманутым. На карту был поставлен его престиж. Эйзенхауэр приказал Даллесу немедленно телеграфировать Бен-Гуриону: «Фостер, черт их побери, сообщи им, что мы применим санкции, мы обратимся в ООН, мы намерены пойти на любые меры, чтобы прекратить все это»^[707].

Эйзенхауэр был взбешен и тем, что Израиль тщательно маскировал от Соединенных Штатов свои действия. Официальные лица в Белом доме и в государственном департаменте сравнивали поведение Израиля с позицией японцев, которые накануне Пёрл-Харбора готовили удар по американскому флоту под дымовой завесой переговоров с Вашингтоном.

Президент был убежден, что Израиль специально приурочил агрессию против Египта к выборам президента в США, считая, что это «помешает ему действовать вопреки интересам Израиля из страха потерять на выборах голоса евреев». Этот расчет оказался призрачным. Эйзенхауэр писал другу детства С. Хезлетту, с которым он всегда был откровенен: «Я дал прямое указание государственному департаменту, чтобы они сообщили Израилю, что мы будем поступать так, как будто в Америке вообще нет евреев»^[708].

Особенно болезненно президент отреагировал на то, что Англия и Франция – главные союзники США в НАТО вместе с Израилем выступили против курса Соединенных Штатов, «предав тем самым атлантическую солидарность». Когда Даллес сообщил об этом Эйзенхауэру по телефону, по свидетельству известного журналиста Джеймса Рестона,

президент взорвался от бешенства. «Белый дом сотрясла площадная брань, которой он не слышал со времен генерала Гранта. «Даллес направил Англии и Франции ультиматум «столь грубый и резкий, что ничего подобного он никогда ранее себе не позволял». Эйзенхауэр бушевал: «Они ни о чем не консультировались с нами». Президент заявил, что теперь Египет будет ориентироваться на Россию»^[709].

В годы Второй мировой войны Эйзенхауэр командовал союзными войсками в Европе, численность и мощь которых была огромна. США были в западном союзе державой № 1, и слово Эйзенхауэра для западных союзников было законом.

История повторилась, когда Эйзенхауэр стал 34-м президентом США. Вся внешняя политика страны основывалась на НАТО, на внешнеполитической стратегии этого блока. Соединенные Штаты с учетом своего экономического, военного, политического, дипломатического и морально-психологического потенциала были главной руководящей силой этого военно-политического союза. Их слово в НАТО было решающим, и президент США, тем более будучи профессиональным военным и первым Главнокомандующим вооруженными силами этого блока, не намерен был отказываться от своих прав и возможностей в НАТО. Риторика о демократизме союза, о равных правах и обязанностях его членов, звучавшая в официальных заявлениях руководителей союза, ни в коей мере не меняла реального положения дел, сложившегося в НАТО с самого начала функционирования военно-политического альянса.

Израиль, Англия и Франция, совершив агрессию против Египта без согласования своих действий с США, не только нарушили монополию этой страны на руководство НАТО, но и поставили президента Соединенных Штатов в сложное политическое положение: в глазах международной общественности он предстал бы как соучастник экспансии против Египта, если бы не выступил с протестом против агрессии. В канун переизбрания Эйзенхауэра на второй президентский срок это могло стать для него настоящей катастрофой.

Англо-франко-израильская интервенция в Египте была военно-политической авантюрой, проведенной без какого-либо дипломатического обеспечения. Генри Киссинджер писал: «Требуется особое умение, чтобы найти такой внешнеполитический ход, который вбирал бы в себя недостатки каждого возможного курса, или создать такую коалицию, которая бы делала каждого из ее членов слабее. Великобритания, Франция и Израиль умудрились в этом преуспеть»^[710].

Тройственная агрессия против Египта со всей остротой поставила в повестку дня американской дипломатии проблему Израйля. Отношение американских руководящих военно-политических кругов к этому вопросу определил Дуайт Эйзенхауэр. 28 октября 1952 г., отвечая на вопрос, должны ли США оказывать помощь Израйлю, будущий президент ответил: «Я глубоко заинтересован в Израйле. Он дает нам очень большую возможность создать на Ближнем Востоке государство, представляющее западную цивилизацию».

Известно, что США отказались оказать помощь Египту в строительстве Асуанской плотины, что было, по мнению ряда американских экспертов, серьезным политическим просчетом с их стороны. Каково было отношение Эйзенхауэра к этому вопросу? Джон Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что операция, перенесенная отцом в канун избирательной кампании 1956 г., тяжело отразилась на его здоровье. В течение долгого времени он не мог принимать пищу и очень исхудал. «Я никогда раньше не видел, чтобы он так плохо выглядел». Президент, по свидетельству Джона, не мог активно выполнять свои обязанности в это время, что, по его мнению, и было использовано Даллесом, который взял

обратно данное ранее Египту согласие на финансирование строительства Асуанской плотины. «На моей памяти, – подчеркивал сын президента, – это был единственный случай, когда Даллес принял политическое решение без предварительной консультации с отцом»^[711].

После выздоровления Эйзенхауэр дважды письменно запрашивал Даллеса о возможности пересмотра такого решения, но оба раза государственный секретарь отвечал, что это невозможно^[712].

Шерман Адамс также писал, что Эйзенхауэр считал для США нецелесообразным отказываться от финансирования строительства на Асуане, но его мнение было отвергнуто «мощным и хорошо организованным израильским лобби конгресса, которое всегда было могущественно и влиятельно».

Тяжелая болезнь президента, напористость Даллеса, возможно, и сыграли свою роль в принятии США окончательного решения по вопросу о предоставлении помощи в строительстве Асуанского гидроузла в Египте, но бесспорен тот факт, что правительство США взяло назад свое согласие финансировать это строительство.

Начало военных действий на Ближнем Востоке союзниками США явилось, по мнению окружения президента, полной неожиданностью для членов администрации Эйзенхауэра. Ларсен, бывший одно время заместителем министра труда в правительстве Эйзенхауэра, а потом директором ЮСИА, вспоминал в своей мемуарной работе: «Редко когда в Белом доме бывала такая мрачная и подавленная атмосфера, как та, с которой я столкнулся вскоре после полудня 31 октября 1956 г. Когда мы спускались на ланч в буфет для персонала Белого дома, Шерман Адамс пробормотал сквозь зубы: «Чего только не сделают друзья за твоей спиной!»^[713] Дуайт Эйзенхауэр приводит в своих мемуарах многочисленные свидетельства того, что с США не консультировался никто из участников агрессии против Египта^[714].

Это давало президенту моральное право выступить с публичным осуждением политики Израиля и его соучастников по агрессии. Не без оснований он говорил: «Можно ли разрешить стране, совершившей агрессию и оккупировавшей чужую территорию, несмотря на неодобрение этих действий ООН, самой определить условия вывода оккупационных войск?»^[715].

Тройственная агрессия против Египта, нежелание Англии и Франции информировать своего старшего партнера по НАТО о готовящемся ударе против Египта – все это свидетельствовало об острых противоречиях между участниками этого блока. Французский премьер Ги Молле следующим образом объяснял причины, по которым Англия и Франция не сочли нужным проконсультироваться с США: «...Мы опасались, что такая консультация лишит нас возможности действовать»^[716].

После тройственной агрессии Эйзенхауэр оказался в очень сложном положении. Произошли события, свидетельствовавшие, что «атлантическая солидарность» – весьма условное понятие, что западные союзники руководствуются своими собственными интересами при решении кардинальных проблем мировой политики. Впервые США вынуждены были публично выступить с осуждением действий своих союзников. Это был нелегкий шаг. Адамс писал, что, когда весной 1957 г. президент потребовал вывода израильских войск из района Газы и Акабского залива, «это было одно из самых смелых его решений»^[717].

Отказ Эйзенхауэра полностью солидаризироваться с агрессией трех держав вызвал недовольство курсом правительства США со стороны израильски настроенных политических кругов США, не говоря уже о сионистских организациях. 23 января 1953 г. губернатор штата Кентукки Альберт Чендлер писал в Белый дом: «Среди евреев Ближнего Востока распространено мнение, что Вы с большим энтузиазмом могли бы поддержать Израиль»^[718].

Эйзенхауэр понимал, что безоговорочная поддержка агрессивного курса Израиля восстановила бы против США как арабские страны, так и мировое общественное мнение. 25

февраля 1957 г. Гарри Баллис, поздравляя президента с выступлением в поддержку резолюции ООН о демилитаризации Газы и об Акабском заливе, писал: «Большинство свободного мира, за пределами США, на Вашей стороне. Оно убеждено, что Израиль – агрессор. Вы имели мужество и мудрость поддержать непопулярную позицию. История докажет Вашу правоту»^[719].

Баллис переоценивал антиизраильскую направленность политики Эйзенхауэра на Ближнем Востоке. Но бесспорно, что президент проявил во время суэцкого кризиса разумную гибкость и не пошел в фарватере произраильской политики сионистских кругов США.

При выработке американской политики Эйзенхауэр не мог игнорировать настроения общественности США. 8 сентября 1956 г. он писал английскому премьер-министру Энтони Идену, что американская общественность не поддерживает идею об использовании вооруженной силы против Египта. Вместе с тем Эйзенхауэр делал все возможное, чтобы в кризисной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке, не допустить дальнейшего обострения англо-американских противоречий. В своих мемуарах он подчеркивал, что считал необходимым в интересах Соединенных Штатов сделать все возможное, чтобы добиться взаимопонимания с Англией в суэцком вопросе.

Ряд западных историков переоценивают степень обострения англо-американских отношений вследствие начала войны на Ближнем Востоке. 7 ноября 1956 г., сразу же после прекращения военных действий, состоялся телефонный разговор между Иденом и президентом США. Последний, подводя итоги англо-американским расхождениям, заявил: «В конце концов, наши разногласия по суэцкому вопросу – это только небольшая семейная ссора»^[720].

Правительство США не пошло на принятие каких-либо санкций по отношению к агрессорам. И на то были серьезные причины. Национализация Суэцкого канала, широкий размах революционного движения в Египте вызвали жгучую ненависть к лидеру египетской революции Насеру среди власть имущих кругов США. В Вашингтоне не без оснований считали, что поддержка тройственной агрессии приведет к ослаблению позиций США на Арабском Востоке. Ставка была сделана на тайные подрывные действия против Египта. А. Даллес заявил своим подчиненным, что, если «полковник (Насер. – Р. И.) зайдет слишком далеко, мы сломаем ему хребет»^[721].

В Египет направили три спецгруппы, чтобы расправиться с Насером. Не получилось. Работники ЦРУ приложили руку к строительству башни в Каире, в фундаменте которой был спрятан снаряд, взрываемый радиосигналом с корабля в Средиземном море. Очевидно, предполагалось, что Насер, который прибудет на церемонию ее открытия, погибнет при взрыве. После национализации Суэцкого канала Дж. Даллес приказал взорвать башню. Однако взрыва не произошло. Работники египетской службы безопасности успели обезвредить взрывное устройство^[722].

Эти акции были неприкрытым гангстеризмом международного масштаба. Братья Даллесы выступили в роли подлинных братьев-разбойников.

Не желая обострять отношений с арабскими странами, администрации Эйзенхауэра приходилось всемерно лавировать между агрессорами и их жертвой. При определении внешнеполитического курса США в этом регионе важную роль играло стремление империалистических кругов США занять те позиции в колониях, которые под напором национально-освободительного движения утрачивались Англией и Францией. Влиятельные

круги США считали, что давно настало время перевести в плоскость практических решений вопрос об англо-французском колониальном наследстве на Ближнем Востоке.

Это тоже была довольно своеобразная трактовка принципов «атлантической солидарности». Англия и Франция только что потерпели жесточайшее поражение на Ближнем Востоке. В особенно тяжелом, почти шоковом, состоянии была Англия. Дэвид Астор писал 19 февраля 1957 г. Даллесу: «Это нелегкая задача мобилизовать «дух Дюнкерка», чтобы преодолеть те трудности, с которыми столкнулась наша страна в результате суэцкой политики»^[723]. Не успел еще скончаться новый «больной человек»^[724] на Ближнем Востоке, а США уже спешили разделить его наследство.

Эйзенхауэр был прав, когда говорил, что между США, Англией и Францией произошла только «небольшая семейная ссора» в связи с событиями в Египте. И эта ссора не очень беспокоила президента. Он верил, и не ошибся в своей уверенности, что три главных партнера по НАТО в конечном счете найдут общий язык. Эта уверенность базировалась не на слепом расчете на «атлантическую солидарность» (суэцкая авантюра показала ее настоящую цену), а в первую очередь на реальном соотношении сил между союзниками по НАТО. Англия и Франция были младшими партнерами, независимость действий которых определялась их довольно ограниченными реальными правами. Только фактор силы определяет возможности участников военно-политических блоков. Агрессия против Египта еще раз убедительно доказала это. В конце концов Англия, Франция и Израиль вынуждены были принять американскую точку зрения.

Позиция администрации Эйзенхауэра в период тройственной агрессии против Египта было свидетельством полного краха иллюзий правящих кругов Великобритании на возрождение англо-американского партнерства, аналогичного периоду Второй мировой войны. Надежды Англии на то, что она займет особое место в ряду союзников США по военно-политическим блокам и получит в силу этого существенные преимущества, рухнули. Практические действия правительства США в период суэцкого кризиса еще раз подтвердили, что вес и влияние партнера по военно-политическому блоку определяется той реальной силой, которой он обладает.

Свою позицию в этом вопросе Эйзенхауэр четко определил в самом начале своего президентства. В его дневнике сохранилась запись от 6 января 1953 г., в которой он подробно высказал свои соображения относительно перспектив англо-американских отношений, ссылаясь на свою беседу с Черчиллем. Тот, по его словам, считал, что «к Англии и Британскому содружеству наций в наших сложных международных проблемах нельзя относиться, как к другим странам (союзникам по НАТО. – Р. И.)». Черчилль прямо заявил Эйзенхауэру о необходимости восстановления отношений партнерства, которые были характерны для двух стран в годы Второй мировой войны.

«Я ответил ему, – писал президент США, – что лично с ним готов поддерживать контакты на основе нашей старой доброй дружбы, что позволяет добиваться прогресса в нашем общем деле. Но я ясно дал ему понять, что, когда потребуются достичь официального соглашения и взаимопонимания, это надо будет сделать... с учетом требований нашей формы правления»^[725].

У Эйзенхауэра слова редко расходились с делом. И в период тройственной агрессии против Египта руководство Великобритании получило возможность наглядно убедиться, что отношений партнерства с США, как их понимали в Лондоне, быть не может. Это было тяжелое разочарование.

Что касается Эйзенхауэра, то реакция Лондона на позицию Соединенных Штатов в суэцком кризисе мало его беспокоила.

А вот что всерьез тревожило Эйзенхауэра, так это позиция Советского Союза, опасения, что в результате англо-франко-израильской авантюры на Ближнем Востоке усилится влияние СССР и других социалистических стран. 14 ноября 1956 г. на первой же пресс-конференции, состоявшейся после переизбрания Эйзенхауэра президентом, отвечая на вопрос, какие меры осуществят Соединенные Штаты, он сказал, что США сделают все, чтобы добиться взаимопонимания между арабами и Израилем, дабы устранить «колоссальные» преимущества, полученные СССР на Ближнем Востоке. В то же время Эйзенхауэр, определяя свою точку зрения в вопросе о положении в этом регионе, подчеркнул, что «отныне свободный мир, в частности каждая малая держава, должны быть осторожны, очень осторожны в установлении тесных отношений с Россией»^[726].

Это было, мягко выражаясь, странное заявление. На Ближнем Востоке была развязана тройственная агрессия. Эйзенхауэр публично признавал это. А когда СССР оказал действенную помощь жертве этой агрессии, президент США открыто призвал своих союзников быть предельно осторожными в отношениях с Советским Союзом.

В мемуарах Эйзенхауэр более откровенно говорил о том, что его беспокоило в связи с позицией СССР на Ближнем Востоке. 7 ноября 1956 г., вспоминая Эйзенхауэр, он навестил в госпитале Даллеса, который был болен раком и только что начал приходить в себя после тяжелой операции. Вопрос, по которому президент решил побеспокоить его в таком состоянии, был действительно неотложным. Речь шла о том, что предпринять, «если русские двинутся на Ближний Восток в то время, как там будут оставаться английские, французские и израильские войска». Договорились о необходимости координации усилий союзников, в частности в области разведки^[727]. «Семейная ссора» была почти преодолена. Президент мог делать и действительно делал многообещающие политические жесты, рассчитанные и на оправдание действий США в суэцком вопросе, и на завоевание личной популярности. Но бесспорным историческим фактом остается то, что так же, как Англия, Франция и Израиль, США заняли антиегипетскую позицию после национализации Египтом Компании Суэцкого канала.

В годы президентства Эйзенхауэра четко прослеживается активность Соединенных Штатов в американо-израильских экономических отношениях. Такой курс закладывал реальную основу для всемерного развития в будущем военно-политического сотрудничества между двумя странами.

Усиление национально-освободительного движения на Арабском Востоке вело к превращению Израиля в ударную силу международной реакции в борьбе против арабских стран. Круги, связанные с нефтяными монополиями и сионистскими организациями США, решительно требовали от правительства Эйзенхауэра более ощутимой поддержки Израиля. В то же время наиболее дальновидные представители влиятельных политических сил США понимали, что интересы страны не замыкаются на проблемах, столь близко принимаемых к сердцу нефтяными монополиями и сионистами. Борьба по вопросу об отношении к Израилю начинала занимать все более заметное место в политической жизни Соединенных Штатов. И в демократической, и в республиканской партии были влиятельные круги, которые полностью отдавали себе отчет в том, как далеко может завести США безоговорочная поддержка Израиля, который все более активизировал свою агрессивную политику на Ближнем Востоке.

Эти настроения отражало письмо Альберта Лилиенталя министру юстиции США Уильяму Роджерсу от 27 августа 1960 г. «Пожалуйста, посоветуйте мистеру Никсону, – писал он, – не пытаться соревноваться с мистером Кеннеди, обещая Израилю сделать для него больше того, что демократы уже обещали сионистам. Как я ранее отмечал в письме к Никсону, это будет иметь губительные последствия для национальных интересов страны (США. – Р. И.) и не даст ему ни дополнительных голосов, ни поддержки его кандидатуры на выборах»^[728].

Крах суэцкой авантюры был ударом по позициям держав, увязших в конфликте на Ближнем Востоке. Однако США попытались погреть руки на поражении, которое потерпели в войне 1956 г. участники тройственной агрессии. Как только закончилась эвакуация англофранцузских войск из Египта, США объявили, что они призваны заполнить образовавшийся «вакуум», заняв позиции, утраченные их партнерами и конкурентами на Ближнем Востоке. Такова была суть новой программы американской политики, получившей название «доктрины Эйзенхауэра». 9 марта 1957 г. конгресс принял закон, дававший президенту право использовать «вооруженные силы для оказания помощи любой стране или группе стран, нуждающихся в ней, против вооруженной агрессии со стороны какой-либо страны, контролируемой международным коммунизмом»^[729].

Появление на свет «доктрины Эйзенхауэра» означало, что американские правящие круги, – как отмечалось в Заявлении ТАСС от 13 января 1957 г., – не сделали необходимых выводов из факта провала агрессии против Египта. Они явно пытаются возвратиться к обанкротившейся политике «с позиции силы»^[730].

Осенью 1957 г. США предприняли попытку, используя реакционные силы Израиля, Ирака и Турции, организовать интервенцию в Сирии. Турецкие войска сосредоточились на границе с Сирией, а корабли 6-го американского флота прибыли в турецкий порт Измир. Решительная позиция, занятая советским правительством, и на этот раз сорвала планы агрессоров. Вооруженное нападение на Сирию было предотвращено.

В июле 1958 г. победила революция в Ираке. Реакционный монархический режим был свергнут, республиканское правительство Ирака заявило о выходе страны из Багдадского пакта. Оказавшись в такой ситуации, президент действовал быстро и решительно, как и подобает профессиональному военному. «Новое правительство, сформированное военной хунтой, было открыто проегипетской ориентации. Кровавые события в Багдаде явились страшным ударом по американским и британским интересам в регионе»^[731]. США опасались, что под развалинами Багдадского пакта будут похоронены и американские планы, связанные с «доктриной Эйзенхауэра». Создалась реальная угроза позициям США и Англии на Ближнем Востоке. Противоречия между двумя странами были отодвинуты на второй план, и англо-американские войска отправились в «крестовый поход» против иракской революции. В июле 1958 г. американские вооруженные силы высадились в Ливане, английские – в Иордании. То была попытка блокировать иракскую революцию, не допустить революционного взрыва в соседних с Ираком странах.

В ответ на англо-американскую агрессию правительство СССР решительно заявило о своей готовности принять меры к обеспечению мира в районе, находящемся в непосредственной близости от советских границ. Чрезвычайная сессия ООН также потребовала незамедлительно вывести англо-американские войска с территории Ливана и Иордании. В сентябре 1958 г. американские войска вынуждены были покинуть Ливан.

Так бесславно закончились попытки США с помощью «доктрины Эйзенхауэра»

сдержат развитие национально-освободительного движения на Ближнем Востоке.

В сложной ситуации, возникшей в этом регионе в результате тройственной агрессии 1956 г., симпатии президента были четко обозначены. Он поддерживал контакты с самыми правыми, антикоммунистически настроенными лидерами ближневосточных стран. В это время, например, установились довольно тесные отношения между Белым домом и королем Саудовской Аравии и другими монархами арабских стран. Для Эйзенхауэра это была нелегкая задача – лавировать между арабами и участниками тройственной агрессии 1956 г. Он довольно успешно справлялся с ней, выжимая максимум возможного из позиции, занятой США в период ближневосточного конфликта.

Отношения с арабскими странами Эйзенхауэр строил на антикоммунистической основе. Проявления антикоммунизма со стороны арабских друзей президента были самыми различными. Сауд, например, в беседе с Эйзенхауэром, беря на себя смелость говорить от имени всех арабов, утверждал, что «ни один настоящий араб не может быть коммунистом». Эйзенхауэр не разубеждал своего собеседника, однако скептически заметил, что в свое время де Голль уже говорил ему, что «ни один настоящий француз не может быть коммунистом»^[732].

Тройственная агрессия против Египта и последующее развитие событий на Ближнем Востоке, активная всесторонняя помощь СССР жертве этого нападения еще раз доказали, что при решении кардинальных вопросов мировой политики проблема советско-американских отношений имеет решающее значение.

Восемь лет пребывания Эйзенхауэра на посту президента ознаменовались бурной внешнеполитической активностью США. Под эту глобальную внешнюю политику необходимо было подвести соответствующую экономическую базу. Уже в первых посланиях конгрессу по внешнеполитическим вопросам Эйзенхауэр высказался за поощрение частных иностранных займов и капиталовложений при уменьшении американской «помощи» по государственной линии, особенно экономической^[733].

Таково было в основных чертах содержание американской внешней политики и во второй половине 50-х гг. В годы президентства Эйзенхауэра внешняя политика США по ряду важных направлений характеризовалась явным поворотом вправо. «Освобождение», «отбрасывание коммунизма», «массированное возмездие» – таковы были главные ее компоненты. Все эти новые термины являлись отнюдь не словесной эквилибристикой, пополнением словарного запаса внешнеполитических теоретиков и практиков США.

Многочисленные ассигнования на подрывную деятельность против СССР и других социалистических стран, психологическая война, шпионаж и провокации, материальная и идейная поддержка контрреволюционной эмиграции из социалистических стран и активное использование ее во враждебных социализму целях, форсированное наращивание военной мощи США и других капиталистических стран – таково было основное содержание внешней политики республиканской администрации. Государственный секретарь США Даллес считал «психологическую войну против России... важнейшей стратегической линией политической борьбы»^[734].

В администрации Эйзенхауэра сложилось своеобразное разделение труда. Когда было необходимо, на передний план выступал Даллес-дипломат-авантюрист, балансирующий на «границе войны». Патологическая ненависть к коммунизму, слепая вера во всепокрушающие принципы политики «с позиции силы» были неотъемлемой частью самого его существа. В своей внешнеполитической стратегии Даллес отстал на целую эпоху. Он не понимал и не

хотел понимать, что создание мировой социалистической системы, прогрессирующий паралич колониальной системы – все это предопределило совершенно новую расстановку сил на мировой арене и потребовало новых внешнеполитических идей, нового подхода к теориям и практике дипломатии. Даллес органически не мог смириться со всем этим. Когда руководитель государственного департамента настолько зарывался в своем рвении усилить эскалацию «холодной войны», что это порождало угрозу нового международного кризиса, на арену в качестве сдерживающего фактора выступал Эйзенхауэр.

Если Даллес балансировал «на грани войны», то в рамках республиканской администрации также было своеобразное балансирование – политика, которая в немалой степени способствовала созданию мифа об Эйзенхауэре-миротворце.

Разумеется, и Эйзенхауэру не чужда была неприглядная практика вдохновителей и организаторов деятельности ЦРУ, расследования которой, проведенные в 1975—1976 гг., свидетельствуют о том, что все президенты США, начиная с Рузвельта и кончая Никсоном, несут персональную ответственность за деятельность этого зловещего учреждения.

В докладе специальной комиссии сената по расследованию деятельности ЦРУ были приведены убедительные свидетельства существования заговора с целью убийства борца за свободу конголезского народа Патриса Лумумбы. «Должностные лица на самом высоком уровне, в правительстве США, – отмечалось в этом документе, – усматривали в Патрисе Лумумбе опасную для Соединенных Штатов силу в сердце Африки». 18 августа 1960 г., после заседания Совета национальной безопасности, «один из советников президента напомнил специальной группе о необходимости принятия самых прямых мер против Лумумбы и предложил не исключать возможности любых акций, которые могут способствовать избавлению от него». На следующий день шеф ЦРУ А. Даллес послал своей резидентуре в Леопольдвиле телеграмму, в которой говорилось, что в «высоких инстанциях» устранение Патриса Лумумбы считают «неотложной и важнейшей задачей». Следуя этому указанию, ЦРУ разработало заговор с целью его убийства. В Конго были направлены смертоносные препараты. Попытки осуществить заговор, как говорилось в докладе, «закончились неудачей»^[735]. Позднее, в январе 1961 г., Лумумба был зверски убит.

Для реализации экспансионистского внешнеполитического курса администрация Эйзенхауэра использовала все возможности. Политические, экономические, идеологические, психологические средства борьбы не способствовали, однако, успешному решению дипломатических задач, которые США поставили перед собой в 50-х гг. Во время президентства Эйзенхауэра было много сделано для милитаризации дипломатии, для создания военно-политических блоков, направленных против социалистических и молодых суверенных государств.

Ликвидация в сентябре 1949 г. американской монополии на атомное оружие, создание в СССР ядерного оружия означали подрыв военно-стратегической базы внешней политики США. «Все равновесие мировой политики было изменено резко и страшно...»^[736] – комментировали это событие американские историки. Упомянутые факторы оказали определяющее влияние на развитие советско-американских отношений, с которыми были связаны важнейшие аспекты внешнеполитического курса США в период президентства Эйзенхауэра.

Эта связь была закономерна. Основное содержание международных отношений составляло противоборство двух противоположных систем, и естественно, что СССР и США, возглавлявшие их, сталкивались на всех важнейших перекрестках мировой политики.

Об этом свидетельствует история войн в Корее, Индокитае, на Ближнем Востоке. Советско-американские отношения играли первостепенную роль при рассмотрении вопроса о разоружении на международных конференциях, в работе ООН, в определении путей и средств, которыми может быть достигнута коллективная безопасность в Европе.

Уже в годы президентства Эйзенхауэра роль Советского Союза и Соединенных Штатов в мировой политике и их ответственность за судьбы мира были огромны. Однако Советский Союз при осуществлении своего внешнеполитического курса никогда не абсолютизировал роль и значение СССР и США в мировой политике. Советское руководство всегда отмечало, что мировое сообщество состоит из множества стран и народов. Каждая из стран имеет свои исторические, национальные и прочие особенности, каждый из членов международного сообщества имеет свои интересы и вносит свой конкретный вклад в решение вопросов мировой политики.

Все сказанное не означало, конечно, что в сложных внешнеполитических условиях периода восьмилетнего президентства Эйзенхауэра советская внешняя политика была свободна от ошибок.

Президентство Эйзенхауэра характеризовалось возрастанием роли советско-американских отношений во внешней политике США. В 1952 г. избирательная программа республиканской партии предусматривала переход от политики «сдерживания» коммунизма, проводившейся демократами, к политике «освобождения»^[737]. Руководители США придавали большое значение пропагандистскому обеспечению внешнеполитических акций. Эйзенхауэр заявлял: «Каждый доллар, потраченный на эти цели, если он умело использован, стоит пяти долларов, ассигнованных на чисто военные нужды»^[738]. Однако в Вашингтоне считали, что только реальное превосходство в военной сфере создаст необходимую материальную базу для успешного проведения политики «освобождения».

В избирательной кампании 1952 г. и после прихода к власти Эйзенхауэр, критикуя политику демократической партии, неустанно подчеркивал: «Бесспорен тот факт, что за 20 лет пребывания у власти демократы добивались экономических успехов только на протяжении пятилетнего периода Второй мировой войны»^[739]. Президент заявлял, что экономика, которая базируется на неустойчивом факторе военного производства, не может иметь хороших перспектив. Однако экспансионистский внешнеполитический курс и милитаризованная экономика неразрывно связаны друг с другом. И поэтому, сделав ставку на «освобождение», «массированное возмездие» и другие разновидности политики «с позиции силы», республиканское правительство постоянно держало в центре внимания проблему военного потенциала.

Мощным толчком в гонке вооружений стала война в Корее. Но и после ее окончания монополии не собирались расставаться с военными заказами, которые обеспечивали гарантированные государством сверхприбыли. В последний год войны в Корее военные расходы составляли 66 млрд, в 1956 г. – 54 млрд, в 1960 г. – 60 млрд долл.

Помимо всего прочего, военное производство во многом определялось развитием научно-исследовательских работ. На эти цели тратились многие миллиарды долларов, не проходившие по военным статьям бюджета.

Впервые в своей истории США в мирное время содержали большую регулярную армию. В 1950 г. она насчитывала 1,4 млн солдат и офицеров, в 1960 г. – 2,4 млн военнослужащих^[740].

Стремление решать международные проблемы «с позиции силы» особенно

активизировалось после того, как 1 марта 1954 г. в США была испытана термоядерная бомба. Создание термоядерного оружия подводило под американские внешнеполитические планы солидный военный фундамент в виде самого мощного на тот период оружия массового уничтожения.

Однако укрепление экономического и военного потенциала СССР и других социалистических стран, потеря американской монополии на стратегическое оружие, бурное развитие движения сторонников мира – все это свидетельствовало, что США не могут больше строить свою политику по старым образцам. Поэтому республиканское руководство стало уделять значительное внимание и пропагандистской деятельности на международной арене. Эйзенхауэр заявлял, что «НАТО нуждается в красноречивом и вдохновенном Моисее не меньше, чем в самолетах, танках, орудиях и военных кораблях»^[741].

Даллес в роли пророка НАТО производил удручающее впечатление. Глава внешнеполитического ведомства США руководствовался в своей деятельности слепой ненавистью к коммунизму, к Советскому Союзу. Руководство Даллеса, как субъективный фактор, сыграло важную роль в возникновении тех внешнеполитических тупиков, в которых неоднократно оказывалась дипломатия США в период президентства Эйзенхауэра.

Одностороннее сокращение советских Вооруженных Сил, мирное наступление Советского Союза в 50-х гг. – все это убеждало миллионы американцев в миролюбивых целях советской внешней политики. Даже такой «ястреб» 50-х гг., как Дуглас Макартур, заявил в ходе избирательной кампании 1952 г.: «Это настоящая чепуха – утверждать, что Соединенным Штатам угрожает завоевание со стороны России или каких-либо других держав». В разгар «холодной войны» генерал Эйзенхауэр, переходя от абстрактных рассуждений об «агрессивности мирового коммунизма» к конкретному анализу внешней политики СССР, приходил к выводу, что СССР не готовит военного нападения на США. Отвечая на письмо своего земляка из Канзаса, Эйзенхауэр подчеркивал: «Я думаю, что вы преувеличиваете, когда утверждаете, что война с Россией неизбежна»^[742]. 10 октября 1950 г., в разгар войны в Корее, Эйзенхауэр подчеркивал в конфиденциальном письме: «Наши коммунистические оппоненты не желают развязывания глобальной войны»^[743].

Не хотел этого и президент Эйзенхауэр. Как крупный военный специалист, он лучше, чем любой другой государственный деятель своей эпохи, понимал, что в глобальной войне неизбежно будет использовано оружие массового уничтожения. И Эйзенхауэр неоднократно, как мы видели, заявлял, что одержать победу в такой войне невозможно.

Однако эта искренняя убежденность Эйзенхауэра не снимала с повестки дня вопроса о советско-американском противоборстве, что определяло все основные направления американской внешней политики.

Эйзенхауэр четко придерживался курса на то, что использование военных средств в этом противоборстве будет равносильно катастрофе мирового масштаба. Очевидно, это хорошо понимали и руководители СССР, в том числе и советские дипломаты. И если в отчетах советского посольства в США постоянно говорилось, что правительство Эйзенхауэра по всем линиям готовится к новой войне, то это, на мой взгляд, была только дипломатическая дань «холодной войне».

Эйзенхауэр был убежден, что если с Советским Союзом нельзя воевать, то СССР и другие страны – члены ОВД можно взорвать изнутри. Этот курс составлял основу практической деятельности руководителя госдепартамента Даллеса. 30 июня 1953 г., выступая на пресс-конференции, он указал на важность выработки единой политики

западных стран по вопросу о Германии и призвал к усилению подрывной деятельности против СССР.

Даллес подтвердил положения, изложенные в его книге «Война или мир» о том, что «коммунистическая система, слишком растянутая, слишком жесткая и построенная на плохой основе, может быть поколеблена, если трудности, которые находились в скрытом состоянии, сделать явными... Я указывал, что это не означает вооруженное восстание, которое ускорило бы бойню, но что и без этого народ мог бы продемонстрировать такую независимость, что советские коммунистические лидеры вынуждены были бы признать бесплодность своих попыток держать в плену столь многие народы, которые, благодаря их вере и их патриотизму, никогда не удастся прочно включить в советский коммунистический мир. События последних недель подтверждают правильность такого диагноза...»^[744].

Даллес имел основания ставить диагноз «советскому коммунистическому миру». Только что, 17 июня, произошли известные события в Восточном Берлине, получившие в официальной советской печати мало что объясняющее читателю определение – «вольники».

Положение в ГДР было тревожным сигналом для советского руководства, свидетельствовало о нарастании разрушительной центробежной тенденции внутри союзных СССР стран, которые спустя менее чем 40 лет взорвут содружество социалистических стран изнутри.

Установка Эйзенхауэра – Даллеса на подобный стратегический курс в отношении социалистических стран, в принципе, себя оправдала. И в этом отношении внешнеполитический курс Эйзенхауэра в исторической перспективе оказался правильным.

Главной причиной провала даллесовской политики «с позиции силы» было мирное наступление социализма. Запуск в СССР в 1957 г. первого в мире искусственного спутника Земли вызвал шоковую реакцию в США. Эйзенхауэр образно заявлял, что «блеск советского спутника был ослепителен»^[745].

Эйзенхауэра предупредили о готовящемся запуске спутника в СССР, но «он не предвидел, насколько это достижение Советского Союза сможет подорвать саму уверенность американского общества, которое с 1945 г. никогда не сомневалось в том, что США сильнейшие в мире и самые образованные»^[746].

Компетентным органам США задолго до запуска советского искусственного спутника Земли стало известно, что американцы серьезно отстают от Советского Союза в реализации своей космической программы. В мае 1955 г. на заседании Национального совета безопасности Пентагон настаивал на форсировании военных аспектов этой программы. Нельсон Рокфеллер делал упор на пропагандистском значении будущего запуска первого американского спутника. В отличие от них «наиболее важным для Эйзенхауэра с точки зрения программы (запуска американского спутника Земли. – Р. И.) был энтузиазм сообщества ученых».

Уже недалекое будущее показало, что Эйзенхауэр был прав. Не усилия Пентагона и мощной пропагандистской машины США обеспечили успешное выполнение американской космической программы, а эффективная работа ученых страны.

«Реакция многих уважаемых лиц, последовавшая сразу же после запуска (советского спутника. – Р. И.), была равносильна шоку... некоторые проводили аналогию с Пёрл-Харбором»^[747].

Была и противоположная точка зрения. Директор ЦРУ Аллен Даллес 10 октября 1957 г. на заседании Совета национальной безопасности заявил, что появление спутника

свидетельствует только о том, что «Хрущев запустил в космос все свои пропагандистские аргументы»^[748]. Очевидно, А. Даллес пытался как-то приуменьшить масштабы очередного провала ЦРУ. Разумеется, в США знали, что Советский Союз готовит запуск искусственного спутника Земли, но, по данным американской разведки, это должно было произойти в конце 1958 г. Не ожидало главное разведывательное ведомство США и такого оглушительного резонанса на советский успех в США и в мире в целом.

Запуск советского искусственного спутника Земли стал бесспорным свидетельством того, что Советский Союз опередил США в развитии ряда новейших отраслей науки и техники. Все это требовало внесения принципиальных коррективов в американский внешнеполитический курс.

Весть о запуске советского искусственного спутника Земли застала Эйзенхауэра в Геттисберге, где он проводил выходные дни. Белый дом шумел как потревоженный улей, писал обозреватель. После сообщения о запуске спутника целая неделя была «сплошным кошмаром. Большое число лиц из Пентагона ... и Капитолия сновали в офис президента и обратно. У каждого нового посетителя физиономия была более вытянутой, чем у предыдущего». Переполох на американском правящем Олимпе не оказал сколь-либо заметного воздействия на Эйзенхауэра. «Президент выглядел как самый спокойный человек в Белом доме. Он терпеливо выслушивал противоречивые советы помощников и в конце дня, как отметил секретарь очень поздно, сыграл партию в гольф»^[749].

На фоне спокойного поведения президента особенно отчетливо просматривалась болезненная реакция на советский прорыв в космос со стороны ВПК и членов конгресса, высказавшихся за резкое увеличение военных расходов, в первую очередь, на ракетостроение. «Президент был взбешен ... Реагируя на требование конгресса об увеличении производства бомбардировщиков и ракет, Айк заявил, что сенаторы-демократы, очевидно, планируют «убить каждого русского три раза»^[750].

Уже 9 октября 1957 г. на своей очередной пресс-конференции Эйзенхауэр вынужден был отвечать на многочисленные вопросы журналистов в связи с запуском спутника в СССР. Президент был спокоен, выдержан, на градом сыпавшиеся вопросы отвечал по существу, не поддаваясь эмоциям, он не принижал значения запуска спутника и не делал из этого никакой трагедии для США. Еще 8 октября на встрече со своими военными и научными советниками Эйзенхауэр заявил: «Мы не должны всякий раз менять наши программы, реагируя на очередной шаг русских». Этой же точки зрения Эйзенхауэр придерживался и на следующий день, выступая на пресс-конференции. Президент признал важное «психологическое значение» того, что русские первыми вышли в космос», но отметил, что это не повод для того, чтобы «впадать в истерию»^[751].

В серии своих выступлений после запуска спутника Эйзенхауэр подчеркивал «важность науки как составной части безопасности страны с расчетом на дальнюю перспективу». Президент говорил, что в Советском Союзе выпускник средней школы имел в своем образовательном багаже 5 лет изучения физики, 4 года – химии, один год – астрономии. Эйзенхауэр подчеркивал, что отнюдь не всем молодым американцам надо быть учеными и инженерами, но увеличение внимания к точным наукам в школе приведет к «росту Америки». Президент настойчиво пропагандировал мысль о том, что нельзя экономить на науке, надо всемерно развивать научный потенциал страны^[752].

В США резко, на порядок были увеличены государственные ассигнования на развитие науки, что не замедлило дать свои быстрые положительные результаты.

Убедительное напоминание современным российским «реформаторам», пытающимся экономить на научном потенциале страны.

Когда было объявлено о запуске в СССР второго спутника, члены сенатской комиссии по иностранным делам во главе со своим председателем сенатором Расселом сразу же собрались в Вашингтоне. После совещания в Пентагоне обычно невозмутимый Рассел заявил, что он был «шокирован и терроризирован, узнав, что Советы успешно решили такие важнейшие проблемы, которые пока даже не планируются в Вашингтоне»^[753].

Запуск советского спутника показал неэффективность важнейших американских военных мер, направленных против Советского Союза. «Эйзенхауэр создал разведывательную сеть глобального масштаба, окружил Россию ракетами. Но когда в 1957 г. был запущен спутник, его престиж резко упал»^[754]. Для Эйзенхауэра запуск спутника в СССР был большой неожиданностью, но он понимал закономерность этого явления, трезво оценивая растущую силу Советского Союза. На это обращал внимание брат президента Милтон^[755].

Эйзенхауэр действительно был одним из тех немногих государственных деятелей США, которые понимали, что Соединенные Штаты не всемогущи и им не все дозволено. «Точно так же как Эйзенхауэр был последним президентом США, признававшим за конгрессом право решать вопрос об объявлении войны, он был и последним президентом, признававшим, что даже у Соединенных Штатов ограниченные возможности»^[756].

Президент относился к числу тех американских руководителей, которые пытались разобраться в вопросах, далеко не легких для людей, с младенческих лет воспитанных на частнособственнических идеалах.

17 июня 1953 г. Эйзенхауэр, выступая на пресс-конференции, поставил перед журналистами такой вопрос: «В чем причины того, почему мы не в состоянии сегодня познать, что происходит в мире? Кто из вас прочитал «Вопросы ленинизма»? Многие ли из вас серьезно изучали Карла Маркса и исследовали развитие марксистской теории до ее практического применения в наши дни?»

Разумеется президент не получил ответа на свои вопросы. На другой пресс-конференции, 11 ноября 1953 г., может быть, и в чрезмерно назидательной форме, но по существу, бесспорно, правильно, Эйзенхауэр подчеркивал: «Тот, кто не видит, что великая борьба нашего времени имеет идеологический характер... не понимает ничего»^[757].

Интерес к коммунизму, разумеется, с учетом тех факторов, речь о которых шла выше, проявился у Дуайта Эйзенхауэра еще до прихода в Белый дом.

Так в августе 1950 г. он писал о том, что американцам необходимо иметь «ясное понимание силы, прочности и конечной цели коммунистов»^[758]. Президента бомбардировали письмами, петициями, резолюциями с требованием отказаться от агрессивного внешнеполитического курса, от политики конфронтации с СССР. В одном из таких обращений на имя президента Эйзенхауэра 7 февраля 1953 г. говорилось: «Идея мистера Даллеса об „освобождении“ – опасная политика. Она прямо ведет к третьей мировой войне... Угрозы провоцируют войны, военная мощь сокрушает нации»^[759].

Война с применением оружия массового уничтожения была равносильна катастрофе. Балансировать в этих условиях «на грани войны» было не только авантюризмом, но и безумием. Эйзенхауэр, как крупный военный авторитет, понимал это. Он неоднократно заявлял, что нельзя укреплять обороноспособность страны, подрывая ее экономическую

основу гонкой вооружений. Президент говорил о «катастрофических последствиях даже успешной мировой войны». Он подчеркивал, что «единственный путь к победе в третьей мировой войне – это ее предотвращение»^[760].

Эйзенхауэр лучше, чем любой другой государственный руководитель мира, понимал, что выиграть термоядерную войну невозможно. В одном из своих докладов он подчеркивал, что, если произойдет всеобщая ядерная война, США потеряют не менее 65 процентов населения. Эйзенхауэра «ужасала» подобная перспектива. Даже если бы Соединенные Штаты одержали «победу», «им пришлось бы откапывать себя из пепла и всё опять начинать заново»^[761].

Как крупный военный деятель, Эйзенхауэр прекрасно понимал, что потеря Соединенными Штатами монополии на атомное оружие, создание водородной бомбы в СССР внесли качественные коррективы во внешнеполитическое положение США. Стало очевидно, что третья мировая война с использованием оружия массового уничтожения была бы катастрофой для США и для всего мира.

Подлинно выдающегося государственного деятеля всегда отличает способность прислушиваться к голосу признанных специалистов при принятии решений, имеющих судьбоносное значение для своей страны и для всего мира.

Показательно, что широко известное предложение Эйзенхауэра «Атом для мира», с которым он выступил 8 декабря 1953 г. на Генеральной ассамблее ООН, было выдвинуто им под влиянием известного физика Роберта Оппенгеймера. 27 мая 1953 г. Оппенгеймер выступил на заседании Национального совета безопасности с заявлением о том, что американский народ должен быть информирован о том, что «атомные арсеналы быстро растут и уже включают водородные бомбы и что нет действенного средства против неожиданного атомного удара... Эйзенхауэр согласился, в принципе, с предложением Оппенгеймера»^[762].

Именно после выступления этого известного физика на заседании Национального совета безопасности появился план Эйзенхауэра «Атом для мира», который получил столь большой и оправданный позитивный международный резонанс.

Противоборство между социализмом и капитализмом составляло основное содержание всей мировой политики. Эйзенхауэр обоснованно полагал, что это противоборство ни в коем случае не должно перерасти в третью мировую войну, которая неизбежно будет термоядерной, со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

В борьбе между капитализмом и социализмом Эйзенхауэр делал ставку на то, что социализм взорвет себя изнутри. «Он отверг вопрос об освобождении Восточной Европы как иллюзию, объяснив, в чем наиболее реалистичная надежда Америки... необходимо удерживать занимаемые позиции до тех пор, пока Советы не дадут образование своим людям. Поступая таким образом, они будут сеять семена разрушения злобной силы коммунизма»^[763].

И в этом вопросе Эйзенхауэр оказался прав, крушение ОВД и Советского Союза произошло изнутри. Другой, конечно, вопрос, что в процессе этого крушения Соединенные Штаты отнюдь не занимали позицию американского наблюдателя. Ставка на то, что социализм будет взорван изнутри была долговременной стратегией США и не только в период президентства Эйзенхауэра. Однако было необходимо давать ответ на текущие проблемы мировой политики и в первую очередь на проблемы советско-американских отношений.

Эйзенхауэр говорил: «За время моей администрации Соединенные Штаты не потеряли

ни одного солдата, ни одного фута территории. Мы сохранили мир»^[764]. Добиться этого было нелегко. На президента оказывалось мощное давление с требованием использовать вооруженную силу в различных международных конфликтах. Только в 1954 г. пять раз Национальный совет безопасности, штаб сухопутных вооруженных сил, государственный департамент выступали с настойчивыми рекомендациями осуществить военную интервенцию в Азии. Первый раз в апреле, когда для французов сложилась критическая ситуация под Дьенбьенфу во Вьетнаме. Второй раз – в мае, накануне падения Дьенбьенфу. Третий раз – в июне, накануне ухода французов из Вьетнама. Четвертый раз – в сентябре, когда китайцы стали обстреливать острова Куэмой и Мацзу. В пятый раз – в ноябре, когда китайцы объявили, что захваченные ими американские пилоты приговорены к различным срокам тюремного заключения по обвинению в шпионаже.

В 1954 г. различные советники настойчиво рекомендовали Эйзенхауэру нанести атомный удар по Советскому Союзу и утверждали, что США имеют превосходство в термоядерном оружии и такой удар поможет им выиграть войну против СССР. Тогда Эйзенхауэр записал в дневнике, что если и удастся выиграть термоядерную войну против Советского Союза, то от Эльбы до Владивостока появится огромная территория без правящих структур, коммуникаций, с голодающим населением. Что делать с такой победой?^[765]

Развитие международной политики, изменение сил на мировой арене в пользу социализма, сдвиги в настроениях американской общественности – все свидетельствовало о неотложной необходимости пересмотра внешнеполитического курса США, особенно в отношении СССР.

Поворот от укоренившихся догм «холодной войны» к поискам конкретных путей решения назревших проблем советско-американских отношений был для американской дипломатии длительным и мучительным процессом. Конструктивная внешняя политика Советского Союза значительно облегчала решение этой сложной задачи, так как и стратегия, и тактика советской внешней политики в сфере советско-американских отношений выработывались и осуществлялись с учетом американских реалий. Сюда относились не только факторы международного положения США, их разветвленной структуры военно-политических союзов, учитывалось и внутривнутриполитическое положение в этой стране, ее национальные и исторические особенности.

Советско-американские отношения были для Эйзенхауэра не спекулятивным вопросом, о котором забывают на следующий день после победы на выборах, а являлись кардинальной внешнеполитической проблемой его президентства, и он пытался ее решать, сообразуясь со своим пониманием сложного комплекса различных аспектов, составляющих ее содержание.

Советский Союз выступил с серией предложений, направленных на претворение в жизнь политики мирного сосуществования с учетом особенностей международной обстановки 50-х гг. Они касались запрещения оружия массового уничтожения, сокращения обычных вооружений и вооруженных сил, мирного урегулирования корейского, индокитайского и ближневосточного вопросов, коллективной безопасности в Европе и германского вопроса.

Миролюбивые инициативы СССР являлись важным фактором, стимулировавшим поворот американской общественности к поискам путей взаимопонимания с нашей страной. В выступлениях представителей самых различных кругов США все более настойчиво подчеркивалась мысль, что будущее человечества во многом зависит от американо-советских отношений. Для настроений общественности США показательным обращением конгрессмена Говарда Миллера к президенту Эйзенхауэру от 13 апреля 1954 г.

«Человечество, – подчеркивалось в этом обращении, – находится на распутье цивилизации. Все прецеденты уничтожены, и отныне необходимо новое искусство управления государством, новая дипломатия.

Единственный путь к устранению надвигающейся катастрофы – достижение взаимопонимания между США и Советской Россией... Мы не должны запятнать свои руки кровью человечества»^[766]. Автор письма высказывался за необходимость созыва советско-американского совещания на высшем уровне.

Вице-президент США в период президентства Рузвельта Генри Уоллес в обращении к Эйзенхауэру подчеркивал, что от отношений между двумя странами «будут зависеть жизни миллионов людей»^[767]. В марте 1953 г. Уоллес, признавая большие успехи СССР в развитии научной мысли, писал: «Мы не должны преуменьшать успехи советской науки. Правительство России с большим уважением относится к науке, чем наше правительство»^[768].

Помощник президента Эйзенхауэра Шерман Адамс, отвечая на письмо известного американского общественного деятеля и предпринимателя Сайруса Итона, положительно оценил Пагуошские встречи ученых и общественных деятелей, проводившиеся по инициативе Итона. «Правительство США, – писал Адамс, – давно выступает за международный обмен информацией и учеными, что является важным средством улучшения международных отношений»^[769].

Милтон Эйзенхауэр отмечал, что Дуайт придавал исключительно большое значение советско-американским отношениям. «Во время избирательной кампании 1952 г., – вспоминал Милтон Эйзенхауэр, – мы летели с братом из Бостона в Нью-Йорк. Дуайт только что произнес большую речь о своей экономической программе, которая транслировалась по радио и телевидению на всю страну. Говоря о своем предстоящем выступлении, он подчеркнул, что намерен вставить в него раздел о необходимости для США нового подхода к СССР. Брат заявил, что надо расширять торговлю с Советским Союзом, ибо торговля способствует развитию других контактов. Я выразил свои сомнения в целесообразности такого выступления, отметив, что в США существуют глубоко укоренившиеся заблуждения относительно отношений с СССР. И я посоветовал ему подготовить специальное выступление, чтобы американский народ мог разобраться во всем этом. Если же о новом подходе упомянуть в одном абзаце, это принесет только вред, так как избиратели просто не поймут его»^[770].

Эйзенхауэр считал необходимым развитие советско-американских контактов в области науки, искусства и культуры. Выступая 12 июня 1959 г. перед выпускниками Института международных отношений, он говорил: «Мир сегодня не только тесен, но и очень сложен... Мы не можем не контактировать друг с другом, пока не переселимся на Марс.

Мы не должны избегать друг друга. Мы обязаны понимать другие народы. Мы должны считать своей обязанностью уяснение того, о чем они думают и какое это имеет значение для нас»^[771].

Лица из близкого окружения Эйзенхауэра отмечали, что он придавал исключительно большое значение советско-американским отношениям. Президент считал, что их всемерное развитие будет благотворно влиять не только на связи между США и СССР, но и способствовать оздоровлению всей международной обстановки.

«Однажды вечером, вскоре после выборов 1956 г., – вспоминал Милтон, – мы с братом

сидели на втором этаже Белого дома. Дуайт сказал: «Хорошо бы было направить 15 тысяч американских студентов на учебу в СССР в обмен на соответствующее количество советских студентов», и попросил секретаря соединить его по телефону с Даллесом. Этот разговор имел место во время советско-американских переговоров о заключении соглашения о научном обмене».

Для Даллеса подобное предложение прозвучало как гром среди ясного неба. Ему, очевидно, сразу представилось нашествие 15-тысячной армии молодых коммунистов на США. Во всяком случае, государственный секретарь не поддержал инициативы президента. Даллес ответил Эйзенхауэру: «Не надо такой потрясающей цифры – 15 тысяч. Необходимо сначала закончить переговоры». «Я привожу этот эпизод, – продолжал Милтон Эйзенхауэр, – чтобы показать, что советско-американские отношения всегда стояли для Дуайта во главе угла»^[772].

От состояния отношений двух великих держав безусловно во многом зависели судьбы мира. Эйзенхауэр сказал об этом немало хороших слов. Еще в ноябре 1945 г. он прислал Национальному совету американо-советской дружбы следующую телеграмму: «Американо-советская дружба – один из краеугольных камней, на котором должно быть построено здание мира. Для достижения этой дружбы нет ничего более важного, чем понимание каждой из сторон институтов, традиций и обычаев другой страны»^[773].

16 ноября 1954 г., выступая перед работниками колледжей и университетов, Эйзенхауэр отмечал, что взаимопонимание имеет важное значение для мирных отношений между народами. По свидетельствам Милтона и всех, кто близко соприкасался с ним, он был человеком «исключительно логического мышления»^[774]. И естественно, что в своих выступлениях и в многообразной деятельности на посту президента США он не мог как здравомыслящий человек игнорировать важнейший факт мировой истории, свершившийся при жизни его поколения, – возникновение мировой социалистической системы.

24 августа 1955 г. Эйзенхауэр выступил в Филадельфии на съезде Американской ассоциации юристов. Президент говорил: «Главный фактор современной жизни – существование в мире двух великих философских теорий о человеке и форме правления. Эти теории состязаются между собой, стремясь добиться дружбы, лояльности и поддержки народов всей земли...

Сотни миллионов людей образуют жюри, которое должно разрешить спор между конкурирующими державами. Их вердикт будет вынесен в пользу той системы, и они окажут поддержку тем, кто сумеет успешнее использовать свои силы в интересах мира и докажет свою способность содействовать благосостоянию и счастью людей»^[775].

Годы «холодной войны» создали в США определенные стереотипы мышления, которые ни в коей мере не укладывались в подобные предложения. Во всяком случае, эти речи были несвойственны для человека, занимающего высший государственный пост в США в годы «холодной войны».

Слова Эйзенхауэра контрастировали с мнением тех лидеров «свободного мира», которые при одном слове «коммунизм» хватались за атомную бомбу.

Большим событием в культурной и научной жизни двух стран было открытие американской выставки в Москве и советской выставки в Нью-Йорке. Президент написал предисловие к путеводителю по американской выставке в СССР, в котором выражал надежду, что такого рода контакты будут содействовать улучшению международного взаимопонимания и способствовать укреплению мира.

Эйзенхауэр посетил советскую выставку в Нью-Йорке, проявив особый интерес к разделу живописи. Объяснялось это тем, что Дуайт был неплохим художником-любителем. Рисовать он начал уже после войны, специально этому не обучался, но для непрофессионала его работы были выполнены на достаточно высоком уровне. Эйзенхауэр с большим интересом изучал жизнь и деятельность великого президента США Авраама Линкольна, часто цитировал его в своих выступлениях. Автору этой книги пришлось видеть в Библиотеке Эйзенхауэра в Абилине портрет Линкольна, написанный хозяином Белого дома. Он сумел уловить и передать на холсте главное в облике этого выдающегося человека – простоту и высокие душевные качества великого гражданина Америки.

Когда Эйзенхауэр стал президентом, он не оставил своего увлечения живописью. В Белом доме была оборудована небольшая студия, где президент любил в свободную минуту поработать за мольбертом. Нередко он писал по фотографиям портреты сотрудников своего аппарата и дарил им в качестве поощрения за хорошую работу.

Руководитель советской делегации на открытии выставки в Нью-Йорке первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, обратив внимание на интерес Эйзенхауэра к отделу живописи, предложил ему взять в качестве сувенира любую из картин. «Чувствуя, что отклонить предложение было бы непolitично, я выбрал, – вспоминал Аик, – яркую картину, на которой был нарисован ручей, стремительно несущийся сквозь заснеженные поля. Картина называлась «Весна приходит в деревню» («Начало оттепели». – Р. И.)^[776].

Выбор был удачен: выставка тоже символизировала начало того, что тогда представлялось как оттепель в советско-американских отношениях. Эйзенхауэр публично нередко говорил об этом. В одном из своих выступлений на совещании в Женеве Эйзенхауэр заявил: «Американский народ хотел бы быть другом советского народа. Нет споров между американским и советским народами, между ними нет конфликтов, нет торговой вражды. Исторически наши народы всегда жили в мире»^[777]. Он подчеркнул, что «торговля остается все же главным фактором для достижения всеобщего мира и благополучия».

Во второй половине 50-х гг. стали более оживленными связи между США и СССР в области науки, искусства, культуры. Тронулся лед и в сфере экономических отношений. Первые контакты с Советским Союзом свидетельствовали о возможности и необходимости дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества. Обнадеживающим фактом являлось все более активное и заинтересованное участие деловых кругов США в этом процессе. Один из крупных промышленников в области энергетики председатель финансового комитета «Дженерал электрик» Филипп Рид, посетив Советский Союз, 24 сентября 1958 г., направил Эйзенхауэру подробный отчет о своей поездке. Бизнесмен со знанием дела охарактеризовал экономическое и политическое положение СССР. В отчете подчеркивалось: «Русский народ горячо желает мира. Русские считают, что никто не выиграет от войны между Россией и Америкой. У меня сложилось такое впечатление от встреч с людьми различных возрастов и положений во всех районах страны, которые я посетил». Рид делал вывод о необходимости всемерного развития контактов между двумя странами. Его оценки и суждения отличались четкостью, краткостью, меткостью. Поблагодарив автора письма, Эйзенхауэр отметил, что хотел бы видеть все представляемые ему доклады написанными на столь высоком уровне»^[778].

В марте 1960 г. европейский отдел министерства торговли США в официальном отчете отмечал: «Торговля США с европейскими странами советского блока на протяжении

десятилетия, с 1950 по 1959 гг., составила ничтожно малую долю внешней торговли Соединенных Штатов». Импорт из социалистических стран в США был в среднем на уровне 59 млн долл. в год (0, 5% всего годового импорта США), экспорт из США – 34 млн долл. (0, 6% всего годового экспорта США). 75-85% всего экспорта США в европейские социалистические страны составляли сельскохозяйственные товары^[779]. Объем советско-американской торговли и ее структура ни в коей мере не соответствовали возможностям и потребностям обеих сторон.

Советско-американские отношения в годы президентства Эйзенхауэра – сложная и далеко не однозначная проблема.

Ни в коей мере не идеализируя политику 34-го президента США в отношении Советского Союза и стран мирового социалистического содружества в целом, надо тем не менее отметить, что с его именем связаны первые в послевоенный период попытки американской стороны найти пути нормализации отношений между Соединенными Штатами и СССР. В этом проявился политический реализм Эйзенхауэра.

Оценка позиции Эйзенхауэра в вопросах советско-американских отношений представляет не только чисто исторический интерес. Почти сорок лет, отделяющие нас от президентства Эйзенхауэра, позволяют взглянуть на вопрос о его политике в советско-американских отношениях с учетом позитивного и негативного опыта, который был накоплен за это продолжительное время.

В задачу настоящей книги ни в коей мере не входит оценка всех сложных перипетий этих отношений в последующие годы, но бесспорно, что опыт советско-американских контактов в годы президентства Дуайта Эйзенхауэра может и должен быть использован сегодня для решения сложного комплекса проблем, существующих между Россией и США на современном этапе.

Президентом Дуайтом Эйзенхауэром было сказано много хороших и справедливых слов о необходимости улучшения связей между Соединенными Штатами и Советским Союзом. На наш взгляд, эти заявления были и важной составной частью идеологической борьбы, которая развертывалась между двумя странами. Эйзенхауэр искренне верил в систему, которой он служил верой и правдой. И он считал, что развитие советско-американских отношений, контакты по линии науки, искусства, культуры между народами США и СССР дадут доказательные аргументы пропаганде американского образа жизни.

В июле 1959 г. Советский Союз посетил вице-президент США Ричард Никсон, открывший американскую выставку в Москве. В выступлении по советскому радио и телевидению и в заявлениях в США после завершения поездки вице-президент неоднократно возвращался к вопросу о необходимости мирного сосуществования.

В выступлении Никсона по советскому радио и телевидению значительное внимание было уделено перспективам развития советско-американских отношений. Давая американскую интерпретацию тех проблем и трудностей, которые разделяли США и СССР, Никсон оптимистически оценивал будущее советско-американских отношений: «Я отдаю себе отчет в том, что эра мирного соревнования и даже сотрудничества представляется неисполнимой мечтой, если принять во внимание разногласия, которые нас разделяют. Но руководители наших стран могут помочь обратить эту мечту в реальность». Никсон сделал ряд практических предложений, направленных на развитие отношений между двумя странами в различных сферах. «Давайте объединим наши усилия, – говорил он, – в исследовании космического пространства. Давайте полетим вместе на Луну, как сказал мне

рабочий в Новосибирске»^[780].

На позицию Никсона наложила отпечаток приближавшаяся избирательная кампания 1960 г., в ходе которой ему предстояло баллотироваться в президенты страны.

Нормализации советско-американских отношений во второй половине 50-х гг. способствовали официальные визиты в США высоких советских руководителей. Комментируя результаты этих визитов, Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции 28 сентября 1959 г., что практика встреч на высшем уровне служит «процессу улучшения американо-советских отношений»^[781].

В январе 1959 г. резко обострились отношения СССР и США в связи с вопросом о германском мирном урегулировании. Эйзенхауэр в своих мемуарах отмечает, что получил советскую ноту по берлинскому вопросу от 10 января и спустя неделю у него состоялся 45-минутный разговор с заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном^[782]. Советский руководитель просил предоставить ему визу для приезда в Соединенные Штаты, чтобы «встретиться с советским послом М. Меншиковым. Но многие были уверены, что его поездка преследовала более серьезные цели»^[783].

Первым с А. И. Микояном для краткой беседы встретился сын президента Джон, а потом состоялась встреча Д. Эйзенхауэра с А. И. Микояном. Президент отмечал в мемуарах: «Я был разочарован тем, что не обнаружил (в ходе беседы с Микояном. – Р. И.) каких-либо свидетельств смягчения советской позиции»^[784].

Очевидно рассчитывать на «смягчение советской позиции» и не было оснований. Но, бесспорно, визит А. И. Микояна в США был первой ласточкой, которая если и не делала весну, то свидетельствовала о важной советской инициативе, направленной на поиски взаимопонимания с США. Джон Эйзенхауэр с полным основанием отмечал: «Сам факт прибытия Микояна в США казался знаменательным»^[785].

Во время возвращения А. И. Микояна из США произошел неприятный инцидент. У самолета, на котором он летел, загорелся один из моторов. Пришлось совершить вынужденную посадку на американской военно-воздушной базе на острове Ньюфаундленд. «Джон Ф. Даллес, получивший эту информацию за обедом, мрачно прокомментировал: «Возможно, Микоян не будет теперь столь рьяно выступать против наших заморских баз»^[786].

После поездки в США А. И. Микояна туда вскоре прибыл еще один советский руководитель, Ф. Р. Козлов.

После встречи с Ф. Р. Козловым в Вашингтоне президент провел свою обычную пресс-конференцию, которые проходили по средам. Журналистка Меримэн Смит заявила на пресс-конференции, что Н. С. Хрущев только что принял в Москве группу американских губернаторов. На встрече с ними он заявил, что «в состоянии путешествовать (смех) и он очень бы хотел посетить Соединенные Штаты». Эйзенхауэр писал в мемуарах: «Так я впервые услышал о заявлении Хрущева». После пресс-конференции, вспоминая президент, он «позвонил государственному секретарю Гертеру и сказал, что предложение Хрущева, возможно, является попыткой найти выход из патового состояния»^[787]. Эйзенхауэр высказался за встречу с Н. С. Хрущевым.

Был сделан первый важный шаг в направлении организации советско-американской встречи на высшем уровне, которой предстояло занять важное место в истории отношений между двумя державами.

Обстановка для такой встречи в целом складывалась благоприятная. Ее необходимость была обусловлена многочисленными тупиковыми ситуациями, которые возникли в это время на международной арене. Появился и благоприятный субъективный фактор – смена руководства в государственном департаменте.

Некоторые современники утверждали, что внешнеполитические воззрения Д. Даллеса и Д. Эйзенхауэра разделяла целая пропасть. Один из биографов Эйзенхауэра отмечал, что внешняя политика США «выглядела шизофренической»: государственный секретарь упрямо проводил политику «холодной войны», а президент оптимистично устремлялся к мирному сосуществованию»^[788].

Многие серьезные исследователи жизни и деятельности Д. Эйзенхауэра не видели принципиальной разницы во взглядах президента и государственного секретаря на советско-американские отношения. Например, Пирс Брендон приходил к выводу: «Президент был столь же энергичным воителем «холодной войны», как и государственный секретарь, он в такой же мере боялся делать уступки коммунистам и был столь же сверх-подозрителен в отношении добрых намерений русских. Например, Айк говорил Герберту Гуверу: «Вы не можете доверять им, советским, когда они говорят приятные вещи, не можете доверять им, и когда они говорят жестко»^[789]. Эйзенхауэр уверял Идена, что русские или яростные коммунисты, или помешанные на силе диктаторы. Дело трудно иметь и с теми, и с другими. В то же время Айк был резко озабочен гонкой атомных вооружений, он добивался ослабления глобальной напряженности и стремился к тому, чтобы удовлетворить «всеобщее стремление к миру... что является огромной силой». Более того, Эйзенхауэр был глубоко уверен, что, заставляя русских лидеров проявлять очарование, открытость, искренность, он мог достигнуть определенной степени согласия. Эйзенхауэр игнорировал совет Даллеса сохранять неулыбчивое, «строгое выражение лица», находясь в обществе русских, и избегать личных встреч с ними»^[790].

Многие авторы отмечают, что Даллес всячески стремился оградить президента от нежелательных, на его взгляд, контактов с коммунистами.

«Даллес отговаривал Эйзенхауэра от путешествий, от встреч с иностранными (особенно коммунистическими) лидерами, от проявления дипломатических инициатив. Энн Уитман (секретарь президента. – Р. И.) пошла столь далеко, что заявляла о том, что государственный департамент Даллеса рассматривал президента как свою «недвижимость»^[791].

В окружении Эйзенхауэра отнюдь не все были в восторге от предстоящей встречи президента с Председателем Совета Министров СССР. «Эйзенхауэр уверял всех, начиная с кардинала Спеллмана и ниже, что «обмен визитами не содержит даже намека на капитуляцию». Эйзенхауэр видел во встречах на высшем уровне прямую выгоду для США. «Еще до того, как Хрущеву было послано приглашение (посетить США. – Р. И.), Эйзенхауэр заявлял в частной беседе: «То что мы должны делать – это «разморозить» русскую оборону» с помощью личных дискуссий». Эйзенхауэр считал необходимым усилить поиск новых дипломатических путей решения внешнеполитических проблем, стоявших перед США. Уже после того, как Хрущеву было послано приглашение приехать в США, президент «выражал неудовлетворение, тем что дипломатический пат последних двух лет загнал его в угол, и он выражал свое желание вырваться на простор для более широкого маневра...» Соединенные Штаты должны попытаться найти «небольшую трещину, небольшой еще не использованный путь, через который мы смогли бы продвинуться к лучшей ситуации»^[792].

Готовясь к встрече с Н. С. Хрущевым, Эйзенхауэр старался «показать, что его новый

подход к советско-американским отношениям соответствовал старой позиции Даллеса. Например, задолго (до встречи с советским лидером. – Р. И.) он возвращался к их ранней точке зрения, что предварительные переговоры на более низком уровне должны предшествовать встрече на высшем уровне» с учетом того, что «при диктаторском режиме есть только один человек, принимающий решения». Как многие руководители исполнительной власти по мере приближения окончания срока их правления, «Айк считал, что настало время думать о своем месте в истории, и он начал поиски какого-нибудь монумента, чтобы застолбить это место»^[793].

Президент искренне стремился ко всемерному расширению многообразных контактов с Советским Союзом. Айк глубоко верил, даже мистически, в ценность непосредственных контактов между простыми людьми, для того чтобы уничтожить «барьеры непонимания между народами»^[794].

Позиция Даллеса ни в коей мере не была неожиданностью для Эйзенхауэра: политическая физиономия этого деятеля была хорошо известна и до его назначения на пост государственного секретаря. Выбор членов администрации – это, в первую очередь, прерогатива президента. Никто не навязывал Эйзенхауэру Даллеса в качестве руководителя внешнеполитического ведомства. И если президент пригласил его на этот пост, то, очевидно, он преследовал тем самым определенные цели.

Более того, Дуайт всемерно противился отставке Даллеса, когда стало очевидно, что его архиконсервативный внешнеполитический курс создает Соединенным Штатам серьезные проблемы на международной арене. Волна критики Даллеса все более нарастала. В начале 1958 г. известный политический обозреватель Сульцбергер выступил в «Нью-Йорк таймс» с прямым осуждением внешнеполитического курса госсекретаря. Сульцбергер писал, что «свободный мир потерял инициативу в пропагандистском соревновании с советским блоком». Москве, по его словам, позволили захватить первенство в борьбе за мир, и создается впечатление, что «помимо нашего желания нас заставляют идти на переговоры»^[795]. 12 июля 1959 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов вернулся из Нью-Йорка на родину. В Белом доме решили использовать его отлет для того, чтобы передать приглашение Н. С. Хрущеву посетить США, которое было принято советской стороной. США связывали предстоящий визит Хрущева с результатами переговоров в Женеве. Вашингтон недвусмысленно давал понять, что и приглашение высокого советского гостя в США, и масштабы гостеприимства, которое будет ему оказано, зависят от степени уступок, на которые пойдет СССР в ходе переговоров в Женеве. Эйзенхауэр отмечал в своих мемуарах: «Я не мог приказать оказать теплый прием Хрущеву. Я не мог гарантировать этого, если он прибудет в США в качестве лица, ответственного за провал многообещающих переговоров (в Женеве. – Р. И.). 21 июля я направил письмо Председателю (Совета Министров СССР. – Р. И.), объяснив эти обстоятельства»^[796].

В Москву был направлен вице-президент Никсон, которого сопровождал Милтон Эйзенхауэр. Миссия Никсона заключалась не только в том, чтобы открыть американскую выставку в СССР как ответный шаг на открытие советской выставки в Нью-Йорке. Цель поездки состояла и в том, чтобы обсудить ряд вопросов с советским руководством в плане подготовки советско-американской встречи на высшем уровне.

Обстановка в канун этой встречи складывалась довольно напряженная. За неделю до вылета Никсона в СССР президент Эйзенхауэр опубликовал Прокламацию 303, озаглавленную «Неделя поработанных народов, 1959 г.». Это была не лучшая прелюдия к

советско-американской встрече на высшем уровне. Реакция советской стороны была незамедлительной и резкой. Н. С. Хрущев выступил в Варшаве с жесткой критикой Прокламации президента США и выразил сомнение в целесообразности визита вице-президента Никсона в Советский Союз.

Напутствуя Никсона перед поездкой в СССР, Эйзенхауэр заявил ему, что в ходе переговоров с советскими руководителями ему следует решительно отстаивать «права Запада в Берлине (имеется в виду Западный Берлин. – Р. И.) как составную часть общегерманской проблемы». Согласившись с указаниями президента, Никсон заявил, что в ходе бесед с Хрущевым он попытается «выяснить подлинные взгляды Председателя. Помимо этого он надеялся изменить некоторые ложные представления Хрущева об Америке»^[797].

Преисполненный оптимизма, Ричард Никсон вылетел в Москву. Вице-президент сообщал в Вашингтон, что Хрущев не скрывал своего гнева в связи с упомянутой Прокламацией президента. Советский руководитель использовал Прокламацию для «насмешек при каждом удобном случае над вице-президентом, особенно на начальном этапе поездки. Он делал это и публично, и в частном порядке». Н. С. Хрущев не обошел этот вопрос вниманием и во время его резких дебатов с вице-президентом в Сокольниках на открытии американской выставки. Президент США высоко оценивал результаты работы американской выставки в Москве. «В течение длительного времени я выступал, – писал Эйзенхауэр, – и сейчас выступаю за подобные прямые обмены между народами. Это прекрасный, многообещающий шаг к миру во всем мире... Еще в 1956 г., – вспоминал президент, – я предложил организовать прямые и массовые обмены между гражданами двух стран в сфере искусства, образования, спорта, юриспруденции, медицины, бизнеса»^[798]. В 1958 г. Эйзенхауэр высказался за организацию советско-американского обмена молодыми учеными в грандиозных масштабах – 10 тыс. человек, – направив соответствующее послание советскому премьер-министру.

Очевидно, президент всерьез относился к этой проблеме, если позвонил директору ФБР Эдгару Гуверу, который побил все американские рекорды, проработав полвека на посту руководителя полицейского ведомства страны. Гувер ответил президенту: «Прибытие в США десяти тысяч советских студентов, конечно, создаст дополнительные проблемы. Но я, тем не менее, полностью за эту идею. Это позитивное, динамичное предложение»^[799].

Но Эйзенхауэр оговаривался в мемуарах, что он не делал этих предложений публично, так как госдепартамент вел переговоры о научных обменах с СССР, в ходе которых речь шла об обмене не тысячами, а сотнями ученых. И он не хотел создавать внешнеполитическому ведомству дополнительных проблем в ходе этих переговоров.

Эйзенхауэр высказывался за предстоящую встречу с Н. С. Хрущевым не только потому, что она открывала возможности для широких обменов между двумя странами. Куда важнее было то, что президент как кадровый военный понимал огромную опасность гонки стратегических вооружений, которая стремительно набирала темпы.

Милтон Эйзенхауэр отмечал: «Мой брат был крупным специалистом по военным вопросам, и он был полон решимости добиваться сокращения военных расходов. Эйзенхауэр решил также смягчить «холодную войну», которая началась при президенте Трумэне. Эта «холодная война» достигла необычайных размеров, принося большой ущерб обеим сторонам»^[800].

По словам Милтона, все сказанное не означало, конечно, что президент игнорировал проблемы обороноспособности страны. «Совершенно неверно представление о том, –

говорил Милтон, – что Эйзенхауэр забросил проблемы обороны. Четыре главы моей книги об Эйзенхауэре я посвятил этим проблемам, где особенно много недоразумений, включая недопонимание по вопросу о его отношении к Советскому Союзу».

И во времена Эйзенхауэра СССР и США были самыми мощными военными державами мира, в частности, им принадлежала большая часть стратегического оружия, имевшегося на планете. Пригласив Хрущева посетить США, президент Эйзенхауэр рассчитывал найти в результате переговоров с ним взаимоприемлемые пути сокращения оружия массового уничтожения.

5 августа Эйзенхауэр объявил на пресс-конференции о предстоящем визите Н. С. Хрущева в США. Президент отметил, что этот визит не связан напрямую с планируемой в будущем встречей на высшем уровне (речь шла о встрече руководителей четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции. – Р. И.).

На ближайшее время была запланирована серия встреч Эйзенхауэра с руководителями ведущих стран Западной Европы – членов НАТО. На пресс-конференции, состоявшейся 26 августа, президент должен был сообщить журналистам детали своей предстоящей поездки в Европу. «Однако интерес журналистов оказался сконцентрированным не на моей поездке в Европу, – отмечал Эйзенхауэр, – а на предстоящем визите премьер-министра Хрущева и на моей возможной ответной поездке в Россию». Президент подчеркнул в своих ответах журналистам, что «жизненно необходимо улучшать отношения между Востоком и Западом». Эйзенхауэр отметил, что Соединенные Штаты вынуждены тратить огромные средства на вооружения. «Если события будут и впредь развиваться в этом направлении, нам угрожает катастрофа». Он не без оснований считал, что «речь идет о судьбе человечества, о его будущем»^[801].

На следующий день после пресс-конференции Эйзенхауэр вылетел в Европу. На военно-воздушную базу Эндрюс, близ Вашингтона, Айк приехал вместе с женой, которая так и не смогла преодолеть укоренившийся страх к воздушным путешествиям и не сопровождала мужа во время его многочисленных перелетов. По просьбе Эйзенхауэра, Мэми поднялась на борт корабля, и президент с удовольствием объяснял ей все преимущества новой машины, на которой ему предстояло пересечь океан. Однако ни один воздушный корабль никогда не был привлекателен для Мэми.

Президент был приятно удивлен исключительно теплым приемом, который был ему оказан в ФРГ. Он вспоминал, что огромная толпа встречающих перекрыла все подступы к посольству США в Бонне, куда он направлялся. И работникам службы безопасности пришлось основательно поработать, чтобы помочь американскому гостю попасть в посольство.

Обсудив с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром важнейшие международные проблемы, Эйзенхауэр отправился в Лондон, где в ходе бесед с английским премьер-министром Гарольдом Макмилланом большое внимание было уделено предстоящему визиту Н. С. Хрущева в США. «Я сказал Макмиллану, – вспоминал Эйзенхауэр, – о своей уверенности в том, что Хрущев попытается произвести хорошее впечатление в Соединенных Штатах... Это предположение было подкреплено тем, что он решил взять с собой в эту поездку свою семью»^[802]. Президент и Гарольд Макмиллан оговорили круг вопросов, которые надлежало обсудить во время встречи высших руководящих деятелей США и СССР. Было решено, что главное внимание ее участники уделят испытаниям ядерного и термоядерного оружия, проблемам разоружения и расширению контактов между США и СССР.

Отнюдь не все в США были довольны предстоящим визитом советского лидера. Эйзенхауэр отмечал в мемуарах, что решительными противниками советско-американской встречи были те, кто считал, что нет необходимости поддерживать с Советским Союзом какие-либо контакты. Среди тех, кто не поддерживал эту встречу, был «выдающийся лидер» кардинал Спеллман. Президент позвонил своему «большому другу», объяснил ему цели визита Н. С. Хрущева и убедил в целесообразности такой встречи. Кардинал «обещал молиться за успешное завершение» его начинания. Предстоящий визит Н. С. Хрущева в США «вызвал в стране определенную оппозицию, особенно среди консервативных католиков». 14 августа 1959 г. секретарь президента Энн Уитман писала Эйзенхауэру, «что Нельсон Рокфеллер настроен резко критически к визиту Хрущева»^[803].

16 сентября госсекретарь США и советский министр иностранных дел согласовали повестку предстоящих переговоров. Помимо проблем, которые были оговорены Эйзенхауэром и Макмилланом, предстояло обсудить вопросы о Лаосе, Иране, об обмене информацией, об атомных реакторах.

На время поездки Н. С. Хрущева по США президент назначил своим личным представителем при советском госте Генри Лоджа, руководителя американской миссии при ООН.

Хлопот было немало. Надо было решать проблемы обеспечения безопасности высокого советского гостя, определять его маршрут во время поездки по стране. Предложения по маршруту были самые различные. Президент, например, считал, что Хрущеву надо посетить Абилин в Канзасе и побывать на маслобойне, где он работал по 14 часов в день до поступления в Вест-Пойнт. «Одна из моих задач заключалась, конечно, в том, чтобы дать Хрущеву понять, что хотя я, в его глазах, и «капиталист», но я знал, что такое тяжелый труд»^[804].

Возникло немало и чисто протокольных проблем. Хозяева, например, были поставлены – в тупик, когда советский гость категорически отказался надевать смокинг, направляясь на обед в Белый дом, устроенный в его честь. «В глазах коммунистов смокинг был символом капитализма»^[805]. Эйзенхауэр заявил, что советский гость может надевать все, что он считает нужным, а американцы будут одеты по протоколу.

Более серьезная проблема возникла с определением официального статуса советского гостя. Сын Эйзенхауэра вспоминал, что между советским посольством в Вашингтоне и государственным департаментом шли деликатные переговоры по этому вопросу. Н. С. Хрущев не был главой государства, а следовательно, не мог претендовать на почести, которые оказываются главам государств. Советская сторона, писал Джон Эйзенхауэр, в конце концов пришла к единственно возможному логическому компромиссу: Хрущев посетит «США в качестве главы государства»^[806].

Вопрос о том, какие почести оказывать Хрущеву, как главе государства или главе правительства, в Белом доме считали достаточно важным и с учетом личных качеств советского гостя. В конфиденциальном документе «Хрущев: человек и его взгляды», подготовленном для руководителей США, говорилось: «Гордясь своим пролетарским происхождением, он, тем не менее, полон решимости получить полное признание и все почести, оказываемые руководителю великой державы. Решительно борясь против прославления культа личности Сталина, он позволяет во все большей степени льстить себе»^[807].

Поспорили и о том, где и как будет встречать и приветствовать Н. С. Хрущева советский

посол в Вашингтоне. Позиция Эйзенхауэра в этом вопросе была непреклонна – советского гостя будут встречать так, как это принято в США.

На первой встрече, состоявшейся в тот же день, по предложению Эйзенхауэра был определен круг вопросов, подлежащих обсуждению, и решено провести переговоры в Кэмп-Дэвиде. Советский гость с удовлетворением принял это предложение, особенно после того, как президент информировал его, что там более прохладно, чем в Вашингтоне.

Хрущев с самого начала встречи с президентом подчеркнул, что его главная задача – добиться всемерного укрепления мира. «Советский Союз, – сказал Хрущев, – не хочет войны и более того, он считает, что мы понимаем это». Президент ответил: «Я согласен, что нет будущего при взаимном самоубийстве». Хрущев подчеркнул, что его цель – установление взаимного доверия, основанного на признании существования каждой из стран. Относительно разницы, существующей между нами, которую мы оба признаем, он заявил: «Пусть рассудит история». Эйзенхауэр отмечал спокойное, сдержанное поведение советского руководителя: «В намерениях, изложенных нашим гостем, не было ничего, свидетельствующего о стремлении к ссоре»^[808].

Во время пребывания в США Хрущев неоднократно возвращался к вопросу о коммунизме, о репрессиях, которым подвергаются в США члены компартии. 18 сентября Генри Лодж сообщал в Белый дом, что во время поездки в Гайд-парк Хрущев «попытался подразнить его. Он заговорил об американских коммунистах, которых несколько лет назад посадили в тюрьму, и заявил, что это было несправедливое решение». Лодж начал пространно объяснять ему, что коммунисты выступают за свержение силой законного правительства и что «в такой ситуации ни одно правительство, включая советское, не остановится перед тем, чтобы использовать закон и помешать своему насильственному свержению».

Хрущев настаивал на своем и спросил Лоджа, за что все же посадили лидеров компартии США в тюрьму. Лодж ответил, что это было девять лет назад и он не помнит детали судебного обвинения. Реакция гостя была быстрой и четкой: он обернулся ко мне с усмешкой, слегка подтолкнул меня в бок и сказал: «Вы говорите, что не любите насилие, А Джордж Вашингтон использовал выборы, чтобы победить во время американской революции?»^[809].

Советского лидера, в свою очередь, немало терзали вопросами о коммунизме, в частности, на многочисленных встречах с журналистами. 27 сентября на пресс-конференции в Национальном клубе печати журналист Стинетц из Швейцарии заметил, что на одной из пресс-конференций Хрущев сказал, что капитализм пришел на смену феодализму, потому что был более прогрессивной общественной системой, то же произойдет между капитализмом и коммунизмом. Журналиста интересовало, что ждет человечество после победы коммунизма, какая общественная система придет на смену коммунизму.

Ответив, что в СССР построена только первая фаза коммунизма, а в других социалистических странах не решена и эта проблема, Хрущев заявил: «Сейчас, не отведав даже этой части коммунистического пирога, как я могу выискивать другую ее часть? Я верю, что коммунистический пирог самый лучший. Мы верим в это. Нам он нравится, и мы готовы поделиться им с каждым, кто этого захочет».

Уже во время первой встречи разговор зашел о философии и практике коммунизма. Эйзенхауэр откровенно изложил свои опасения, вызываемые политикой коммунистов, в том

числе и американских. Президент был откровенен и в другом: «Я признал, – писал он в мемуарах, – что наши антикоммунистические чувства иногда вырождаются в охоту за ведьмами»^[810].

Советский гость держался уверенно и не стеснялся высказываться по вопросам, которые вряд ли доставляли удовольствие хозяевам. Так, например, Хрущев откровенно заявил, что недавняя речь Р. Никсона была направлена на то, чтобы «вызвать чувство озлобленности к нему и его партии в канун его прибытия в США». Советский гость отметил, что поставленные цели не были выполнены. «Прочитав эту речь, – продолжал Хрущев, – я, приехав сюда, был поражен тем, что американский народ приветствовал нас столь дружелюбно...»

Сын Н. С. Хрущева Сергей, сопровождавший отца во время поездки в Соединенные Штаты, рассказывал мне, что все советские участники встреч с американцами были приятно удивлены исключительно теплым приемом, который им был оказан на всех уровнях.

Удивление советского гостя радушной встречей в США было искренним. Хрущев сказал своим собеседникам, что если бы в канун визита в СССР зарубежного гостя он выступил с речью, направленной против него, то такому гостю не пришлось бы ожидать гостеприимства в Советском Союзе. Эйзенхауэр ответил: «В этом и заключается главное различие между двумя системами».

Критические замечания Хрущева в адрес вице-президента явно вывели последнего из равновесия. Никсон в резкой форме заметил Хрущеву, что в канун его визита в СССР советский руководитель тоже выступил с речью, в которой содержалось немало критических высказываний в адрес вице-президента США. Советский руководитель, обратившись к Эйзенхауэру, заявил, что он хотел бы, чтобы президент сравнил речи его и Никсона и сделал вывод о том, кто из выступавших больше нарушил дипломатический этикет. Не без оснований президент писал, что «комедийность ситуации заключалась в том, что господин Хрущев предлагал, чтобы я был судьей при принятии решения о том, чьи речи были более провокационными».

Речь зашла и о том, как американские средства массовой информации будут освещать визит Хрущева, в частности, что из его высказываний опубликуют. Эйзенхауэр ответил советскому гостю, что это полностью входит в компетенцию самих средств массовой информации. Хрущев усомнился в обоснованности подобной точки зрения. Он сказал: «Конечно, американское правительство имеет возможность печатать то, что оно хочет печатать, и оно в состоянии запретить публиковать то, что ему нежелательно». Эйзенхауэр внес предложение прекратить «пропагандистский спор о пропаганде». Обращаясь к советскому гостю, президент сказал, что завтра «м-р Хрущев будет иметь большую встречу с прессой». Он не знает, какие вопросы будут заданы Председателю, но думает, что Хрущев убедится в отсутствии контроля над прессой и в том, что нет никаких ограничений в отношении задаваемых вопросов. Сам президент получает такие вопросы каждую неделю.

Спор по вопросу о том, чьи средства массовой информации более объективны, явно затягивался, и Эйзенхауэр предложил для проверки этой проблемы на практике организовать обмен 30-минутными ежемесячными телевизионными выступлениями советского и американского лидеров перед телезрителями СССР и США на паритетных началах. Хрущев предложение принял и сказал, что он получил уже такое предложение в СССР от американской стороны, сделанное Эриком Джонстоном, но ответа со стороны руководства США не последовало. «Хрущев, – вспоминал Эйзенхауэр, – выглядел полностью

уверенным и сказал, что, по его мнению, он знает нашу прессу достаточно хорошо». У президента не было двух мнений по вопросу о квалификации Хрущева как полемиста: «Я не сомневался в его способностях как полемиста. Он мастерски перехватывал соображения оппонентов и использовал их в собственной интерпретации для усиления своей точки зрения». Президент предложил Хрущеву по его выбору «посетить любой из атомных заводов США». Он не скрывал в своих мемуарах, что рассчитывал на то, что огромные масштабы таких предприятий, работающих на полную мощность, произведут соответствующее впечатление на гостя. «Хрущев ответил, что он не видит смысла в таком посещении и предпочитает не знакомиться ни с чем подобным»^[811].

Эйзенхауэр отмечал, что за исключением обмена мнениями по поводу речи Никсона ничто не омрачало первой встречи с Хрущевым. Советский гость высказал в заключение уверенность, что обе стороны будут содействовать поиску выхода из трудностей в своих взаимоотношениях. Он заявил также, что этому будет способствовать большая личная популярность Эйзенхауэра в Советском Союзе. «Он не хотел бы, чтобы это воспринималось как лесть, но он считает нужным отметить, что Сталин с большим уважением оценивал ряд моих действий во время Второй мировой войны, но не мог определить специфику этих действий», – вспоминал президент.

Эйзенхауэр и Хрущев поручили руководителям своих внешнеполитических ведомств доработать повестку дня их будущих переговоров в Кэмп-Дэвиде. Появились фотографии. Вскоре после этого советский и американский лидеры остались вдвоем и продолжали беседу только в присутствии переводчиков. «После недельного турне в Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Де-Мойн и Питтсбург два самых могущественных в мире человека уединились с ближайшими помощниками на уикэнд в Кэмп-Дэвиде»^[812]. Именно тогда президент сказал своему гостю, что он «имеет шансы войти в историю в качестве выдающегося деятеля, если конструктивно использует свою огромную власть». Эйзенхауэр скромно добавил, что сейчас его шансы в этом плане значительно меньше, так как ему осталось находиться в Белом доме всего 16 месяцев. Эйзенхауэр отметил также, что сила Хрущева в том, что тот обладает «огромной властью в системе государств... что он тоже обладает властью, но в пределах одной страны... государства, входящие в Западный союз, сами решают проблемы и имеют свои собственные, независимые подходы к вопросам, с которыми они сталкиваются»^[813]. Хрущев ответил, что в одиночку никто не может решить проблемы, стоящие перед миром. Для этого необходимо желание и активные действия обеих сторон.

Эйзенхауэр явно пытался сыграть на честолюбии своего высокого гостя. П. Брендон, приведя вышеизложенные слова президента, не без основания делал вывод: «Эйзенхауэру было хорошо известно, что оба они имели такую возможность (войти в историю. – Р. И.). Ни тот, ни другой ее не использовал»^[814].

Президенту не все было ясно в поведении советского лидера. Айк был «лично обескуражен», когда Хрущев подарил ему модель Лунника II, который русские с помощью ракеты только что посадили на Луне. Президент не мог понять, являлся ли подарок «образчиком беспардонной пропаганды или просто символом искренности». Хрущев вызвал антагонистическую реакцию со стороны некоторых членов правительства Эйзенхауэра. Дуглас Диллон, например, был настолько возбужден и взбешен визитом русских, что Хрущев позднее писал: «Он готов был взорваться, что-то как будто стреляло внутри его»^[815]. В такой обстановке дискуссия не приняла характер, на который в начале встречи надеялись ее

участники. «Хрущев пришел к заключению, что президент не внес большого вклада (во взаимопонимание двух сторон. – Р. И.).

Айк выяснил, что его усилия «хотя бы немного смягчить советского лидера» не дали результата».

Эйзенхауэр и Хрущев направились к вертолету, чтобы совершить облет Вашингтона. На пути из аэропорта в столицу советский гость отклонил подобное предложение президента, сославшись на то, что он не питает доверия к летательным аппаратам такого класса. «Я обдуманно высказал сожаление по поводу того, что он не сможет присоединиться ко мне во время этого полета и добавил, что я считаю подобные полеты удобными и интересными. «О, – воскликнул Хрущев, – если вы будете в том же вертолете, конечно, я полечу!»^[816].

Президент вместе с гостем совершили получасовой полет над Вашингтоном и его окрестностями. Хрущеву очень понравился вертолет, в котором они летали, и он распорядился закупить три такие машины для своих собственных нужд, однако оговорился, что это должны быть точные копии машины, на которой они летали с Эйзенхауэром.

Программа пребывания высокого советского руководителя в США была очень насыщенной. Вскоре после полета над Вашингтоном президент пригласил советского гостя и членов его семьи на обед в Белый дом. Эйзенхауэр цитировал в мемуарах тост Хрущева во время этого обеда. Советский лидер подчеркнул особую ответственность СССР и США за судьбы мира. «Если бы мы были слабыми странами, – сказал Хрущев, – это имело бы совершенно иное значение. Когда ссорятся слабые, они просто царапают друг друга физиономии. Требуется всего пара дней, чтобы косметика все поправила. Если же ссора произойдет между нами, то колоссальные потери понесут не только наши страны...»^[817]. Хрущев выразил твердую уверенность в том, что дело до ссоры между двумя великими державами не дойдет. Более того, совместными усилиями они внесут свой решающий вклад в укрепление дела мира. История, заявил он, рассудит, какая система лучше. «Это правда, – говорил Хрущев, – что в настоящее время вы богаче нас. Но завтра мы будем так же богаты, как и вы, а послезавтра мы станем даже богаче».

Советский руководитель неоднократно возвращался к вопросу о будущем. Интересная дискуссия состоялась между ним и Г. Лоджем 18 сентября. Советский гость сказал своему сопровождающему, что, когда вырастут «его внуки, уже не будет капитализма. Все они будут социалистами...» «Вы говорите, – ответил Лодж, – о том, что ждет моих внуков. Может быть, вам хотелось знать, что, по моему мнению, увидят ваши внуки в России? Я не думаю, что Советский Союз статичен. В СССР идет большая эволюция». Он ответил – да, много изменений. Я сказал, что мы станем свидетелями ослабления позиций централизованной бюрократии и роста личных свобод. Поколение моих и ваших внуков станет неотъемлемой общей частью, хотя политики еще долго будут продолжать твердить старые истины».

Хрущев не согласился с прогнозом своего собеседника. Повернувшись к своей супруге, он сказал: «Разве не печально видеть приятного человека, напичканного глупыми представлениями? Приезжайте к нам в Советский Союз, и мы освежим вас»^[818].

Трудно сказать, что имел в виду Хрущев, обещая «освежить» американского гостя по его прибытии в Советский Союз. Но в изложении Г. Лоджа, на мой взгляд, ярко и убедительно был показан характер Н. С. Хрущева, его своеобразные приемы полемики.

Сделать пребывание гостя более приятным старался не только президент, но и его сын. На обеде в Белом доме в честь высокого гостя выступила музыкальная группа из штата Пенсильвания. Джон Эйзенхауэр решил, что, когда начнутся переговоры в Кэмп-Дэвиде,

Хрущеву будет приятно послушать русские мелодии. Проконсультировавшись с руководителем музыкальной группы, которой предстояло выступать в Кэмп-Дэвиде, Джон остановил свой выбор на трех мелодиях – «Очи черные», «Катюша» и «Стенька Разин». Сын президента вспоминал: «Я согласовал репертуар с государственным департаментом (бог знает зачем!) и получил негативное заключение относительно «Стеньки Разина». Мотивировкой было то, что это мелодия царских времен!»

Подобные мелкие шероховатости не портили общего благоприятного тона начавшегося визита. Советский гость был преисполнен оптимизма после первой встречи с Эйзенхауэром. Суммируя первые впечатления от визита, он сказал: «Я проинформирую свое правительство, что положено хорошее начало и можно надеяться на то, что окончательные результаты будут еще лучше».

На следующий вечер Эйзенхауэр, Мэми, их сын и невестка посетили советское посольство. Президент вспоминал, что их пригласили за великолепно сервированный стол. «Свежая рыба и икра были для этой встречи специально доставлены из России». Отдав должное традиционному русскому гостеприимству, Эйзенхауэр писал: «Обед напомнил мне аналогичные события четырнадцатилетней давности: встречи представителей четырех держав в 1945 г. в Берлине, вскоре после окончания Второй мировой войны. Для них тоже было характерно обилие хороших продуктов, но не прогресса (в переговорах. – Р. И.)»^[819].

На следующее утро Хрущев и члены его семьи отправлялись в десятидневное турне по стране. Первым в программе стоял Нью-Йорк, далее Гайд-арк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Айова, Питтсбург.

Он с большим интересом воспринимал все увиденное, «был восхищен мостом в Сан-Франциско и конструкциями американских автомобильных магистралей»^[820]. Советский гость с неподдельным интересом знакомился с фермой Росуэлла Гарста в Айове. Исключительно большое впечатление на него произвели гостеприимство, доброжелательность, простота рядовых американцев. Все обозреватели отмечали, что в данном случае симпатии были полностью взаимными.

В многочисленных выступлениях советского лидера первостепенное внимание уделялось вопросам борьбы за мир, мирному сосуществованию, роли СССР и США в решении этих проблем. В официальном документе, подготовленном для Белого дома, говорилось: «Генеральная линия советского руководителя заключается в том, что СССР и США являются самыми могущественными в мире державами и состояние международных дел во многом зависит от советско-американских отношений»^[821].

В документе, определявшем основные направления выступлений Хрущева, подчеркивалось, что главной темой был вопрос «о мире, о необходимости уменьшить угрозу войны, ослабить напряженность, установить доверие между народами, короче – «покончить с «холодной войной». Такой была ключевая проблема всех его выступлений. В наибольшей степени это отразилось в выступлении высокого гостя 18 сентября на Генеральной Ассамблее ООН. Перед миром, заявил Хрущев, две альтернативы: или мирное сосуществование, или самая разрушительная и ужасная война в истории человечества.

Подводя итоги переговоров, Эйзенхауэр констатировал: «Что касается США и СССР, то они будут решать спорные проблемы путем мирных переговоров и используют свое влияние для того, чтобы все международные вопросы также разрешались путем мирных переговоров».

Главным вопросом в советско-американских отношениях он считал проблему

разоружения и мирного сосуществования. В меморандуме, суммировавшем результаты переговоров Эйзенхауэра и Хрущева в Кэмп-Дэвиде, подчеркивалось: «И президент и Председатель согласились, что гонка вооружений стоит колоссальных расходов и порождает большую опасность. Они также пришли к выводу, что ограничение вооружений самая важная проблема текущих международных отношений»^[822].

Эйзенхауэр, подводя итоги многочисленных дискуссий с Хрущевым по проблемам разоружения и мирного сосуществования, заявил на пресс-конференции 28 сентября, на следующий день после отлета на родину советского руководителя: «Несмотря на большие разногласия, разделяющие нас, мы искренне согласились с тем, что война немыслима, что для установления мира необходимы самые энергичные усилия обеих сторон, направленные на разрешение мировых проблем путем мирных переговоров»^[823].

Во время поездки по стране в ходе своих многочисленных выступлений Хрущев много внимания уделял военным вопросам. Так, на морской прогулке вдоль побережья Сан-Франциско, восхищаясь красотой города, он обратил внимание на авианосец, входивший в порт. Гость сказал, что он не завидует команде этого корабля. Хрущев добавил, что столь огромные мишени, как этот авианосец, будут немедленно уничтожены, если разразится война. Он уверен, что морское оружие будущего – это подводные лодки. Подробно охарактеризовав преимущества атомных подводных лодок, Хрущев заметил, что Советский Союз пустил на металлолом несколько крейсеров, строительство которых было на 95% завершено. «Единственные военные корабли, которые строит Советский Союз, – это подводные лодки, эсминцы и сторожевые корабли»^[824], – сказал он.

Не обошел Н. С. Хрущев своим вниманием и авиацию, заявив во время одной из поездок, что «он не интересуется военной авиацией, так как она является некудышным средством ведения войны, будучи совершенно вытеснена ракетами». Советский гость рассказал, что во время визита Р. Никсона в Москву он информировал его, что советская межконтинентальная ракета с радиусом действия 7 тыс. км попадает в цель диаметром 1,4 км, и если только 50% бомбардировщиков достигают цели, то все ракеты способны сделать это.

В своих беседах Хрущев несколько раз возвращался к оценке Маршала Г. К. Жукова. Генерал Э. Гудпастер, присутствовавший на одной из таких бесед, писал: «Хрущев говорил... что Жуков мог возражать Сталину. Он был человеком твердых убеждений и его нельзя было разубедить в том, во что он верил. (В этот момент господин Хрущев повернулся к президенту и сказал, что Жуков был человеком непоколебимых убеждений. Это прекрасное качество для военного человека, и добавил злобно: «Поскольку это касается военных дел»). Не приминул Хрущев упомянуть и о том, что Жуков, по его мнению, виновен в разгроме советских войск под Харьковом. «Жуков, – добавил он, – не понес никакой ответственности за это», – и привел русскую поговорку о том, что генералы берут города, а солдаты сдают их»^[825].

И Эйзенхауэр, и Хрущев отмечали, что огромное значение для установления взаимопонимания между двумя государствами имеет взаимовыгодная торговля. Эйзенхауэр отмечал, что имеются серьезные трудности в развитии торговли между СССР и США. Одна из важнейших – проблема советской задолженности по ленд-лизу. Президент оптимистично смотрел в будущее. Он считал, что «и в рамках существующих торговых отношений определенное увеличение торговли возможно». Президент усматривал прямую связь между торговлей и политикой: «Любые серьезные изменения в нашем отношении к торговле с СССР должны в значительной мере зависеть от создания более благоприятного

политического климата и лучших отношений между нашими странами...»^[826].

Хрущев безо всяких дипломатических ухищрений заявлял, что «важнейшим фактором является необходимость отмены дискриминации (в торговле. – Р. И.) с СССР»^[827]. В отношении проблемы ленд-лиза позиция гостя тоже была четкой: «Хрущев согласился, что СССР вернется к вопросу о ленд-лизе, имея в виду решение проблемы». Советский руководитель самым решительным образом опровергал слухи о том, что «он намерен залезть в карманы американских банкиров, и не упоминал о желании получить от США кредиты»^[828]. Наоборот, он подчеркивал, что СССР будет развивать только взаимовыгодную торговлю: «Советский Союз не колония, а великая индустриальная держава с большим промышленным потенциалом, высоким уровнем развития науки, что дает нам возможность производить все необходимые промышленные и потребительские товары. Если кто-то намеревается продавать Советскому Союзу сосиски и ботинки, то вы не найдете рынка для этих товаров в нашей стране. Но мы готовы развивать с вами торговлю, покупая то, что нам нужно, и продавая вам то, в чем вы нуждаетесь. Это включает как промышленные товары, так и товары широкого потребления»^[829].

Ход дискуссий показал, что обе стороны понимали необходимость всемерного расширения связей в таких сферах, как наука, искусство, культура, спорт, и выражали готовность содействовать их развитию.

25 сентября Хрущев возвратился в Вашингтон, и Генри Лодж подробно рассказал президенту о его «энергичном и непредсказуемом госте». Лодж информировал Эйзенхауэра о том, что с Хрущевым отнюдь не везде и не всегда все было просто и спокойно. В частности, он сообщил об инциденте, который произошел в Лос-Анджелесе. Н. С. Хрущев в последний момент высказал желание посетить «Диснейленд». Организовать ему эффективную охрану в этом всегда переполненном месте без надлежащей предварительной подготовки было практически невозможно. В просьбе пришлось отказать, что вызвало болезненную реакцию со стороны Хрущева.

Сразу же после прибытия в Вашингтон советский и американский руководители вылетели на вертолете в Кэмп-Дэвид. Президент вспоминал, что в откровенной обстановке они вели беседы на самые разные темы. Хрущев много рассказывал о своем участии в войне в качестве члена военных советов ряда фронтов. «Очевидно, он хотел показать мне, что сам непосредственно видел, что такое сражения, а это действительно было так», – отмечал Дуайт. Не обошел Хрущев вниманием Маршала Г. К. Жукова, который в 1957 г. был смещен по его инициативе с поста министра обороны. «В этот момент впервые за весь разговор в его глазах промелькнул блеск. Он заметил как бы между прочим: «С вашим старым другом Жуковым все в порядке. Не беспокойтесь о нем. Он ловит рыбу на Украине и, очевидно, как все генералы, пишет мемуары». Затем он еще раз вернулся к оценке Жукова. «Хрущев не очень охотно, но высказал свое восхищение Жуковым. Он сказал, что Жуков был резок, хладнокровен, решителен, недипломатичен – как и подобает быть солдату»^[830].

Выдающийся полководец всегда имеет свой, присущий только ему почерк наступательных и оборонительных операций. И это естественно, так как военное дело – настоящее искусство, где успеха может добиться только подлинно талантливый военачальник. Такие люди всегда яркие индивидуальности, которые нередко с большим трудом находят общий язык со своими товарищами по оружию. Достаточно указать в качестве примера на конфликтные отношения между двумя военачальниками антигитлеровской коалиции – генералом армии США Эйзенхауэром и английским

фельдмаршалом Монтгомери. Такие конфликтные отношения всегда мешают делу, и не случайно говорят, что лучше, когда командует один плохой генерал, чем два хороших.

Значительно реже, но известны и прямо противоположные примеры, когда выдающихся полководцев связывает крепкая солдатская дружба. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и Д. Эйзенхауэр свою дружбу и взаимное уважение пронесли через все перипетии войны и жесточайшую конфронтацию «холодной войны».

Уникальное явление, уже поэтому заслуживающее особого рассмотрения!

Эти отношения имели далеко не ординарный характер в первую очередь потому, что они касались военачальников стран-антиподов, каковыми являлись СССР и США. Эйзенхауэр любил повторять: «Войны ведутся для достижения политических целей». Конечно, у СССР и США была единая военно-политическая цель – разгром общего врага. После достижения этой цели, да и в процессе ее реализации проявилась советско-американская несовместимость, породившая в конечном счете полстолетия ожесточеннейшей «холодной войны».

Взаимным симпатиям этих полководцев в немалой степени способствовало то, что в их жизни и военной карьере было много общего. Оба родились и выросли в трудовых семьях, с юношеских и даже детских лет познали, что такое физический труд. Жуков, как известно, происходил из трудовой крестьянской семьи. С 12 лет был отдан в ученики к хозяину скорняжной мастерской в Москве. В трудовой семье вырос и Эйзенхауэр.

И Жуков, и Эйзенхауэр были профессиональными военными, прошедшими службу с самых низов до высших воинских званий и должностей своих стран.

Немало общего было и в характерах двух военачальников – твердость, решительность, честность, презрение к карьеризму. Однако их отношения нельзя сводить к чисто личностному фактору. Они развивались на фоне военно-политического сотрудничества СССР и США в годы войны.

Жуков недолго был наверху. Огромного авторитета этого человека боялись советские руководители. Сталин снял его с поста заместителя министра обороны. Н. С. Хрущев отправил Жукова в отставку, когда он был министром обороны. Л. И. Брежнев побоялся допустить Жукова на съезд КПСС, делегатом которого Маршал был избран, и не разрешил похоронить выдающегося полководца так, как он того заслуживал.

У меня был гостевой билет на партактив в Кремле в 1957 году, на котором обсуждался вопрос об отставке Жукова. Как ветерану войны горько и обидно было слушать выступления советских военачальников, главным образом политработников, которые, усердствуя не по разуму, пытались чернить полководческую деятельность Жукова. Один вспоминал, как Жуков, будучи в сентябре – октябре 1941 года командующим Ленинградским фронтом, приказал поставить машины одной из танковых частей в замерзшем болотистом лесу. А весной болото разморозилось и танки увязли. Оратор даже не потрудился подумать о том, что командование части не могло не знать о болоте и почему-то не вывело оттуда заранее свои танки.

Другой обвинял Жукова в том, что он жестко наводил порядок в Москве, объявленной на осадном положении. Судьба столицы, а то и страны, висела на волоске, а оратор считал возможным либеральный подход к решению сложнейших проблем в осажденной столице.

И показательно, что никто из выступающих ни разу не назвал Г. К. Жукова «товарищем».

В президиуме находился маршал Р. Я. Малиновский, только что назначенный новым министром обороны СССР. Взяв слово, он подвел своеобразный итог дискуссии по поводу

отставки Г. К. Жукова, который поставил в очень деликатное положение хулителей военных заслуг Жукова. Маршал Малиновский сказал, что неправильно принижать вклад «товарища Жукова» в дело разгрома германского фашизма, и далее перешел к обсуждению задач, стоявших перед вооруженными силами страны.

Мне кажется знаменательным тот факт, что Хрущев во время встречи с Эйзенхауэром уделил столь значительное внимание Жукову. Советский лидер чувствовал свою моральную ответственность за необоснованную опалу Маршала Жукова, героя войны, личного друга Эйзенхауэра, и вольно или невольно пытался оправдаться в глазах президента.

Эйзенхауэр вспоминал, что они не очень придерживались повестки дня, согласованной руководителями внешнеполитических ведомств двух стран. Ряд бесед проходил с глазу на глаз, присутствовал только переводчик Н. С. Хрущева. Дуайт писал, что такие доверительные беседы его вполне устраивали, так как давали возможность понять намерения советского гостя, разобраться в особенностях его характера.

О. А. Трояновский, переводчик Н. С. Хрущева во время его визита в США, писал, что «переговоры шли чрезвычайно туго. Время от времени казалось, что они вообще зашли в тупик, хотя беседа все время велась в спокойном и уважительном тоне»^[831].

Эйзенхауэр пригласил Хрущева посетить его ферму, находившуюся недалеко от Геттисберга. Гость оживился, оказавшись в компании четырех внуков президента, и начал рассказывать о своих внуках. Узнав у каждого из детей, как их зовут, он на каждое имя дал русский вариант, но оказался в затруднении, когда речь зашла о внучке президента Сюзан. При всем своем желании подходящего русского имени Хрущев назвать не смог. Он пригласил сына президента с женой и детьми составить компанию Эйзенхауэру, когда он нанесет ответный визит в СССР на следующий год. «Родители колебались, а дети восприняли предложение с энтузиазмом». Объясняя свое отношение к предложению Хрущева посетить Советский Союз, сын президента вспоминал: «Я был в ужасе. По моему мнению, наши усилия, направленные на то, чтобы не испортить детей чрезмерным паблисити и вниманием, сталкивались с большими трудностями и без этого предложения». Джон отмечал, что когда в мае 1960 г. Хрущев забрал обратно свое приглашение Эйзенхауэру посетить Советский Союз, то его мать была убеждена, что «он сделал это потому, что я задел его чувства своим неразумным поведением»^[832].

В Кэмп-Дэвиде Хрущев вновь вернулся к вопросу о своих взглядах на проблемы военно-морского строительства. Он сообщил президенту, что по его инициативе принято решение приостановить все программы строительства военно-морских судов, в том числе и пяти крейсеров, строительство которых находилось в завершающей стадии.

В ходе многочисленных бесед обсуждался широкий круг проблем – от американской политической системы до характеристики двух экономических систем, до таких международных проблем, как Германия, Берлин, Дальний Восток, Китай.

Хрущев был немало удивлен, узнав, что мэр Лос-Анджелеса, который возражал против поездки советского гостя в «Диснейленд», не подчиняется президенту США. «Теперь, – заметил он, – я начинаю понимать некоторые проблемы президента Эйзенхауэра»^[833].

Говоря об ответном визите президента США в СССР, Хрущев отметил, что визит может продолжаться столь долго, как того захочет президент, и только он будет определять свой маршрут. «Он подчеркнул, что мне будет предоставлена возможность «видеть все, что он видел в США», – писал в своих воспоминаниях Эйзенхауэр.

Хрущев высказал уверенность в необходимости организации в максимально короткие

сроки четырехсторонней встречи на высшем уровне. Дуайт ответил: «Как и встречи горных вершин, такие встречи обычно бесплодны. Однако с учетом сложившихся обстоятельств я лично не возражаю против такой встречи»^[834].

Жесткой ориентации президент придерживался в вопросе о правах западных держав в Берлине. Позицию советской стороны в этом вопросе он интерпретировал как ультимативную и заявил, что, пока она не изменится, он не будет «даже разговаривать об участии в конференции на высшем уровне». Подводя итоги визита высокого гостя, президент писал: «Похоже, что к концу визита Хрущева у общественности (США. – Р. И.) поубавилось пессимизма по сравнению с тем временем, когда он появился на наших берегах. Хрущев позднее много говорил о «духе Кэмп-Дэвида». Это был термин, который я никогда не использовал и не рассматривал как имеющий силу»^[835].

Каково было впечатление, произведенное Н. С. Хрущевым на американскую общественность? В канун его визита, 11 сентября в Белом доме был составлен документ, в котором подробно освещались политические взгляды советского лидера, его интересы, особенности характера. Документ начинался с безапелляционной фразы: «По всем показателям, Хрущев – экстраординарная личность». В документе отмечалось: «Его вера, глубокое знание страны и реализм помогли ему перекрыть пропасть, которая существует между советской теорией о том, каково должно быть положение вещей, и реалиями существующей советской системы. Его безыскусные манеры, артистические наклонности и полукомическая внешность вкупе с глубокими знаниями нужд и стремлений народа помогли ему получить большую поддержку режиму со стороны широких масс. В то же время его безжалостность, смелость и проницательность дали ему возможность устранить соперников на пути к верховной власти». Вместе с тем в документе отмечалось, что для Хрущева характерно стремление к «упрощенному решению сложных проблем»^[836].

Его поездка в США была первым визитом столь высокого советского официального лица в эту страну, осуществленная к тому же в условиях пика «холодной войны», резкой напряженности в международных отношениях. И естественно, что американское руководство, в первую очередь Эйзенхауэр, стремилось разобраться в нем, понять, что это за человек, в чем его сильные и слабые стороны, насколько можно сквозь призму самого Хрущева понять особенности страны, которую он возглавляет.

Некоторые оценки личности Председателя Совета Министров СССР, сделанные в стенах Белого дома, не лишены интереса. В частности, в документе, озаглавленном «Портрет Хрущева», говорилось: «Хрущев не является неуклюжим шутком, но он и не представляет собой рационального гения, не создающего себе проблем своими чудачествами и темпераментом. Он уверен в себе, динамичен, амбициозен, жесток и безжалостен. Помимо врожденного интеллекта, гибкого ума, он обладает даром демагога и проницательным чувством политической своевременности и театральности. Обладая всеми этими характерными чертами, Хрущев вместе с тем упрям, воинственен, мстителен, в нем порой проявляется преувеличенная озабоченность соображениями престижа. Его порывистость сдерживается, однако, отсутствием безрассудности, и он не поражен паранойей, как Гитлер и Сталин. Ему часто улыбается фортуна, и он оказывается в нужном месте и в нужное время. Некоторые из его наиболее жизненных азартных игр были выиграны с крайним напряжением сил. Остается фактом, что он поднялся на общественную вершину, которая мало склонна терпеть слабость и некомпетентность. Во многом Хрущев персонифицирует сегодняшний Советский Союз – достижений много и они бесспорны, но шероховатые края

все еще просматриваются»^[837].

Что касается реакции широких народных масс США на визит Хрущева, то положительная в огромной степени оценка ими его личных качеств и политической программы – факт бесспорный, который подтверждается многими документами.

Как оценивал результаты поездки Хрущева в США Д. Эйзенхауэр? С. Амброуз писал: «Айк не разделял надежд, что поездка Хрущева положит конец «холодной войне». Он всегда с подозрением относился к событиям промежуточного характера»^[838]. Однако тот же автор вынужден был признать: «Мистер Хрущев в сентябре 1959 г. совершил поездку в США, которая имела огромный успех». Американские историки отмечали, что он был доброжелателен, прост, обладал большим чувством юмора, все время подчеркивал необходимость борьбы за мир.

Генри Лодж писал, что Хрущев был «замечательным, хотя и трудным человеком», на него производило большое впечатление «то, что он видел, он хотел мира и сотрудничества». Для президента не было большего авторитета, чем его брат Милтон, и Айк полностью разделял точку зрения последнего о том, что у Хрущева был «быстрый ум, он был хороший полемист». Но Милтон считал, что «у него были примитивные подходы»^[839].

В беседе с автором этой книги Милтон Эйзенхауэр говорил: «Председатель Хрущев был очень хитрый человек, он знал, чего хотел. Я провел у него на даче несколько часов и беседовал с ним за ланчем. Хрущев внес свой вклад в дело мира. Он дал понять человечеству, что военная мощь, которой обладаете вы и мы, – чрезвычайно опасная сила.

Хрущев ввел в оборот термин «мирное сосуществование». Он импонировал мне, несмотря на то что у нас были разные взгляды на проблемы государственного устройства и управления. Хрущев был гостем моего брата в США, но, к сожалению, эпизод с У-2 не дал возможности Эйзенхауэру посетить СССР с ответным визитом, а брат очень хотел побывать в Советском Союзе»^[840].

Не только Соединенные Штаты, но и весь мир с напряженным вниманием следил за визитом советского руководителя в США и связывал с этой встречей в верхах большие надежды. Общественность США и других стран пристально наблюдала за всеми перипетиями визита, включая манеру держаться, одеваться, привычки советского гостя, его полемические приемы, вкусы, наклонности. Но, естественно, главным оставались конкретные предложения сторон, направленные на решение самых злободневных проблем, стоявших перед человечеством.

Эйзенхауэр был глубоко прав, когда подчеркивал, что гонка стратегических вооружений, опасность неожиданного термоядерного удара оставались вопросом вопросов, волновавшим все человечество. И понятно поэтому, что речь Н. С. Хрущева в ООН 18 сентября по проблемам разоружения вызвала столь большой интерес.

«Айк был встревожен». Действительно, гость явно перехватывал политическую инициативу. «По мере приближения конференции в Кэмп-Дэвиде Эйзенхауэр выискивал возможности, чтобы аргументирование загнать Хрущева «в угол».

Интересно общее впечатление об итогах переговоров Эйзенхауэра с Хрущевым у О. А. Трояновского, проделавшего вместе с Хрущевым весь его путь по США и переводившего все беседы и переговоры двух лидеров. Трояновский писал: «Результаты визита в Соединенные Штаты не были однозначными. Безусловно, между двумя лидерами появились ростки взаимопонимания ... Хрущев был воодушевлен оказанным ему торжественным приемом, который воспринимался как вторичное признание коммунистической России первой

державой капиталистического мира. Учитывая сохранившийся у него комплекс неполноценности, в его глазах это имело немаловажное значение. Но если судить более прозаическими мерками, то счет был в лучшем случае равны, а может быть, даже с некоторым преимуществом на стороне американцев»^[841].

Бесспорным преимуществом Эйзенхауэра как руководителя великой державы было то, что он являлся крупным военным экспертом и особенно хорошо понимал всю бесполезность и огромную опасность гонки стратегических вооружений, которая стремительно набирала темпы. В апрельский День дураков (1 апреля) 1960 г. он саркастически прервал дискуссию в Национальном совете безопасности по вопросу о строительстве новых ракет: «Почему бы нам полностью не сойти с ума и не запланировать создание 10 тысяч боевых ракет?»^[842]. Воистину в каждой шутке всегда есть доля правды. Уже в начале 80-х гг. США значительно превзошли этот 10-тысячный рубеж.

Противники улучшения советско-американских отношений отдавали себе отчет в том, что развитие торговых связей между двумя державами заинтересует в расширении контактов с СССР влиятельных представителей делового мира, подведет экономическую базу под политику нормализации отношений между США и СССР. Антисоветски настроенные круги выступали даже против продажи Советскому Союзу американского зерна. В Белый дом поступали многочисленные протесты против готовившейся сделки по закупке Советским Союзом большой партии зерна в США. В одном из них говорилось: «Во всех войнах хлеб столь же важен, как оружие, и он во многом определяет исход войн. Игнорировать этот факт – значит забыть уроки истории».

Эйзенхауэру приходилось выслушивать много аргументов «за» и «против» развития торгово-экономических отношений с Советским Союзом. Речь шла и о советско-американских отношениях в целом. В этом вопросе президент имел собственное мнение, которое было сформулировано еще задолго до его избрания президентом страны. Вскоре после того, как генерал Дуайт Эйзенхауэр занял пост руководителя Колумбийского университета, он заявил в одном из своих многочисленных интервью по поводу возможных советско-американских переговоров следующее: «Предложение с нашей стороны начать переговоры (с Советским Союзом. – Р. И.) ни в коей мере не стало бы свидетельством нашей слабости. Чем человек сильнее, тем больше у него решимости проявлять инициативу. Слова, свидетельствующие о силе, не надо воспринимать легковесно. Никогда не следует недооценивать силы и мощи морального мнения человечества»^[843].

Некоторые позитивные сдвиги в советско-американских отношениях в конце 50-х гг. были в определенной мере вызваны приближавшимися президентскими выборами 1960 г. Для республиканской партии эта избирательная кампания становилась очень серьезным испытанием, заканчивался второй президентский срок Эйзенхауэра, и он не мог баллотироваться вновь. Партия, следовательно, должна была выдвигать нового кандидата в президенты.

В области внутренней политики дела республиканцев шли отнюдь не блестяще, и партийные верхи не прочь были повторить результат избирательной кампании 1952 г., когда обещания прекратить войну в Корее и нормализовать международную обстановку сыграли важную роль в победе республиканского кандидата в президенты.

Под улучшение советско-американских отношений не была подведена ни экономическая, ни договорно-правовая база. И первое же серьезное испытание, которому подверглись новые веяния в отношениях между двумя странами, нанесло сокрушительный удар по этой еще не утвердившейся тенденции. Таким ударом явилось вторжение в воздушное пространство СССР американского самолета-шпиона У-2, сбитого в мае 1960 г. под Свердловском. Этот провокационный полет привел к обострению советско-американских отношений, к срыву планировавшегося совещания на высшем уровне.

Военные и разведывательные структуры Соединенных Штатов настаивали на продолжении полетов У-2 над советской территорией и даже на увеличении их числа. 2 февраля 1960 г. на заседании совета консультантов по разведывательной деятельности за границей перед Эйзенхауэром был поставлен вопрос о необходимости максимально увеличить число полетов У-2. Эйзенхауэр ответил, что «это решение одного из самых сложных, рвущих душу вопросов, с какими ему приходится иметь дело как президенту». Он добавил, что в Кэмп-Дэвиде Хрущев привел данные о советских ракетах, и «вся информация, которую я видел (на снимках, полученных с У-2), подтверждает то, что сказал мне Хрущев»^[844].

Эйзенхауэр готовился к поездке в Советский Союз, к встрече с Хрущевым, он надеялся развернуть большую программу разоружения и прекрасно понимал, что в случае провала какого-либо полета У-2 эта программа будет торпедирована в зародыше, а сам президент окажется в очень сложной ситуации, по его престижу будет нанесен сокрушительный удар.

Суть событий, связанных с У-2, широко известна. Когда в СССР объявили о том, что над его территорией сбит американский самолет-шпион, в США сразу же появилось официальное сообщение, что это потерявший ориентировку самолет метеослужбы.

Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что американские руководители не могли предположить, что пилот этого самолета Пауэрс останется жив и будет захвачен в плен. В случае инцидента с У-2 должно было сработать взрывное устройство, которое полностью уничтожило бы все следы воздушного шпионажа. Но подводит и самая совершенная техника. Когда из Москвы пришло сообщение, что Пауэрс жив и дал на пресс-конференции показания о своем шпионском полете, это поставило власти США и лично Эйзенхауэра в тяжелейшее положение.

Один из американских комментаторов в состоянии профессиональной прострации не нашел ничего лучшего, как сообщить о том, что Пауэре жив, под крупным заголовком «Прекрасная новость»^[845]. Но кое для кого это была страшная новость. Необходимо было что-то срочно предпринять. Эйзенхауэр опубликовал заявление, в котором вынужден был признать, что полеты У-2 были санкционированы им лично и всю ответственность за это несет только он один.

В беседе с Милтоном Эйзенхауэром автору этой книги нелегко было поставить перед братом президента вопросы, касающиеся столь щекотливой страницы в истории президентства Дуайта Эйзенхауэра. Но без этих вопросов терялся и смысл интервью с самым близким и доверенным лицом из окружения президента.

Милтон Эйзенхауэр ответил так: «За несколько месяцев до инцидента с Пауэрсом

Эйзенхауэр распорядился прекратить полеты У-2. Но заинтересованные государственные учреждения настаивали на их продолжении». Эйзенхауэр не принял никаких мер, чтобы реализовать свое решение. Когда стало известно, что сбит самолет У-2, было немедленно опубликовано официальное заявление, маскирующее суть этого полета. Когда стало очевидно, что скрыть случившееся не удастся, «Эйзенхауэр, может быть, скоропалительно, но взял на себя всю ответственность за полет. У-2». Милтон был не согласен с этим решением президента. «Когда я сказал брату, – продолжал он, – что это с его стороны ошибка», – он ответил: «Ты хочешь, чтобы я нашел козла отпущения». Резюмируя сказанное по этому далеко не простому вопросу, Милтон Эйзенхауэр заметил: «Для нас это был хороший урок»^[846].

Личная ответственность Эйзенхауэра за провокационные полеты У-2 – бесспорный исторический факт. Это признавал и он сам. Беседуя с Адамсом после инцидента с У-2, президент заявил: «Я лично утверждал каждый такой полет. Когда мне принесли проект данного полета над Россией, я утвердил его...»^[847].

Спустя пять лет после этих событий Эйзенхауэр писал в своих мемуарах: «Наша крупнейшая ошибка, конечно, – выпуск преждевременного и неверного заявления с целью скрыть истинное положение. Я лично сожалею, что меня уговорили сделать это! Но сама программа полетов самолетов У-2 была единственно правильным моим решением»^[848].

На мой взгляд, в этих словах со всей полнотой определяется личное отношение Эйзенхауэра к конфликту, который сыграл столь негативную роль в дальнейшем развитии отношений между двумя странами.

История с У-2 не была для Эйзенхауэра только неприятным эпизодом. Его секретарь Энн Уитман отмечала в дневнике, что 9 мая 1960 г. после заседания Национального совета безопасности он сказал ей: «Я хотел бы уйти в отставку. Утром президент выглядел очень подавленным, но к середине дня вернулся в нормальное состояние, с которым он воспринимал плохие новости – не замыкаться на них, а идти вперед... Позднее президент сыграл партию в гольф»^[849].

В 1948 г. в своих военных мемуарах «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэр писал: «Никакие другие расхождения среди государств не стали бы угрозой всемирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие»^[850].

Бесспорная истина. Но бесспорно и то, что такие акции, как вторжение американских разведывательных самолетов в воздушное пространство Советского Союза, уничтожали слабые ростки взаимного доверия, которые стали пробиваться в отношениях между двумя странами в период президентства Эйзенхауэра.

Полеты над территорией СССР проводились с 1956 г. и с" их помощью американцы получали очень важную военную информацию. «Советские радары, которые были лучшего качества, чем американские, фиксировали полеты У-2, и Советское правительство протестовало против них по дипломатическим каналам. Однако это было все, что русские могли сделать, так как у них не было ни самолетов, ни ракет, которые позволили бы сбить У-2, летавшие на высоте около 15 миль. Несмотря на присущий ему здравый смысл, Эйзенхауэр разрешил своим советникам по вопросам безопасности убедить себя в том, что он получит больше с точки зрения разведки, чем потеряет с точки зрения порядочности»^[851].

Эйзенхауэр понимал, что разведывательные полеты над СССР «подвергают риску шансы

на улучшение отношений с Советским Союзом». Он полностью отдавал себе отчет в том, что в СССР быстро развивается процесс совершенствования военной техники и вскоре будет невозможно безнаказанно осуществлять такие полеты над советской территорией. «Несколько раз он предупреждал, что одна из этих машин может быть захвачена и тогда грянет буря»^[852]. По мере приближения встречи на высшем уровне в Париже президент нервничал все больше и больше. Эйзенхауэр не без оснований опасался, что, если полеты У-2 станут достоянием гласности, это нанесет сокрушительный удар по его «репутации честного человека»^[853].

Эйзенхауэр отмечал в мемуарах, что Хрущев и раньше знал о полетах У-2 над советской территорией, а инцидент с Пауэрсом он использовал для того, чтобы не дать американскому президенту возможности приехать в СССР и рассказать советским людям о Соединенных Штатах, их достижениях, об американской демократии и т. д. Явно переоценивая последствия выступлений в Советском Союзе вице-президента Р. Никсона, он ставил вопрос о том, каковы были бы «последствия визита президента США, который смог бы свободно выступить перед массами в России, как это делал Хрущев в США?»^[854]. В подтверждение своей версии инцидента с У-2 Эйзенхауэр ссылаясь на мнение президента Франции де Голля и премьер-министра Великобритании Макмиллана, которые разделяли его точку зрения.

У-2 активно использовались Соединенными Штатами не только для сбора разведанных о Советском Союзе. Эти самолеты-шпионы регулярно летали над странами Восточной Европы, чтобы, в частности, получать данные о советских военных мероприятиях в связи с событиями в Венгрии. Даллес докладывал Эйзенхауэру, что Хрущев лично протестовал против этих полетов. Эйзенхауэр ответил госсекретарю, что рассматривает вопрос о «полном прекращении всего этого мероприятия»^[855].

Как показал инцидент с У-2, пилотируемым Пауэрсом, рассмотрение этого вопроса явно затянулось. И поэтому последовавший затем срыв Парижской конференции на высшем уровне поставил Соединенные Штаты в одно из самых затруднительных положений на протяжении всего периода «холодной войны».

Отнюдь не все в окружении Эйзенхауэра одобряли разведывательные полеты У-2 над территорией СССР в канун встречи на высшем уровне в Париже. Например, Кристиан Гертер, занявший пост госсекретаря США после смерти Д. Даллеса, высказывал опасения, что это может резко негативно сказаться на перспективах созыва подобной встречи. Эйзенхауэр в ответ иронически заметил: «Никогда не бывает подходящего времени для неудачи»^[856]. Если президент имел в виду, что такие полеты приведут к срыву встречи в Париже, то он оказался в данном случае настоящим провидцем. Однако президентская команда продолжать полеты У-2 над Советским Союзом оставалась в силе^[857].

Сваливая с больной головы на здоровую, в политических кругах США считали, что, предав гласности «дело Пауэрса», Хрущев «обеспечил крушение встречи на высшем уровне в Париже и тем самым уничтожил широко распространенные надежды на окончание «холодной войны». Таковы ли были его намерения или нет никто на Западе не знал и не мог знать, но результат был именно таков»^[858]. Президент Эйзенхауэр оказался в очень сложной ситуации. «С одной стороны, его критиковали за то, что он признал шпионские полеты, совершавшиеся самолетами США. С другой стороны, обвиняли в том, что он не контролировал действия своих военных властей. С какой стороны не посмотреть, президент

оказался в ужасном положении. Заявление Эйзенхауэра только усугубило его»^[859].

И как часто бывает в критических ситуациях, в прессе началась настоящая политическая истерия. «ХРУЩЕВ УГРОЖАЕТ НАНЕСТИ РАКЕТНЫЙ УДАР ПО БАЗАМ, КОТОРЫЕ ИСПОЛЬЗУЮТ САМОЛЕТЫ-ШПИОНЫ», – заявлял «Тайм» 10 мая. На следующее утро появился заголовок: «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ КЛЯНУТСЯ ЗАЩИЩАТЬ СОЮЗНИКОВ, ЕСЛИ РУССКИЕ АТАКУЮТ БАЗЫ».

С течением времени страсти улеглись, и Пауэрса обменяли на советского разведчика полковника Абея, арестованного в Нью-Йорке. Вернувшись в США, в течение ряда лет Пауэрс работал летчиком-испытателем в авиакомпании Локхид, а затем пилотом вертолета в телевизионной компании в Лос-Анджелесе. В 1970 г. Пауэрс опубликовал мемуары, в которых довольно откровенно рассказал о многих деталях, связанных с его работой по заданию разведывательных органов. В 1977 г. он погиб во время воздушного инцидента. «Лос-Анджелес тайме» писала 28 августа 1977 г., что злополучного пилота ликвидировало ЦРУ^[860].

Инцидент с самолетом У-2 резко отравил атмосферу советско-американских отношений. Это имело тем большие нежелательные последствия, что приближалось совещание руководителей четырех держав.

«Айк поступал как человек, обуреваемый страхами «холодной войны». Несмотря на приближавшуюся встречу на высшем уровне, он нанес Хрущеву ряд булавочных уколов. Так, президент разрешил «Голосу Америки» провести ряд провокационных передач. Это было очень неудачное решение, так как в Кэмп-Дэвиде Хрущев обещал прекратить глушение этих «официальных» радиостанций в обмен на согласие Айка заставить замолчать «тайные» радиостанции, руководимые диссидентами и ведущие «черную пропаганду». Одновременно Айк разрешил и Гертеру, и Диллону произнести речи, столь враждебные Советскому Союзу, что Хрущев пришел к заключению об обдуманном решении президента оживить «холодную войну».

В вопросе об отношении к социалистическим странам Европы Эйзенхауэру на протяжении восьми лет президентства так и не хватило ни реализма, ни логики понять, что в конкретных исторических условиях того периода его призывы к освобождению этих стран вели к резкому обострению отношений с Советским Союзом и со всеми социалистическими странами. Эйзенхауэр до конца своего президентства продолжал обращаться с традиционными рождественскими посланиями к восточноевропейским странам, в которых призывал их к «освобождению».

В годы президентства Эйзенхауэра США продолжали принимать самое активное участие в борьбе против национально-освободительного движения. Плата за подобные акции стремительно возрастала. Идену участие в тройственной агрессии стоило кресла премьера. Спустя некоторое время президент Джонсон, ввязавшийся в безответственную авантюру во Вьетнаме, вынужден был поставить крест на своей политической карьере в момент, когда она достигла апогея.

При президенте Эйзенхауэре, несмотря на все усилия США, национально-освободительное движение приобретало все более широкий размах. В Индокитае удар по революционным силам при определенном участии США носил комбинированный характер. С одной стороны, это была попытка испробовать прочность границ стран социалистического содружества, стремление уничтожить ДРВ. С другой – удар по национально-освободительному движению народов Индокитая. Ни та ни другая задача не

была выполнена.

В эти годы США подавили революционное движение в Гватемале, Доминиканской Республике, приняли активное участие в свержении правительства Патриса Лумумбы в Конго. Однако ни США, ни бывшие страны-метрополии не смогли создать серьезные преграды на пути развития национально-освободительного движения в мировом масштабе. Успехи антиколониального движения играли важную роль в быстром развитии процесса изменения соотношения сил на мировой арене. Решающее значение в этом плане имело мирное экономическое соревнование между социализмом и капитализмом. Доля социалистических стран в мировом промышленном производстве неуклонно возрастала.

К концу десятилетия возникло качественно новое изменение соотношения сил между США и СССР, что создавало необходимые военно-экономические предпосылки для развития новых тенденций в советско-американских отношениях. Американские правящие круги вынуждены были все больше считаться с возрастающим оборонным потенциалом Советского Союза, с его все более укрепляющимися позициями на международной арене.

Процесс изменения соотношения сил развивался и в другом направлении – внутри стран мировой капиталистической системы. Блоковая политика США, опора на ФРГ и Японию как партнеров по военно-политическим союзам способствовали быстрому восстановлению экономических, военных, политических позиций этих стран. В условиях научно-технической революции возрастала экономическая мощь и ряда других капиталистических государств. Все это вело к уменьшению удельного веса США в экономическом, отчасти в военном балансе стран капиталистического мира и являлось одной из причин обострения межимпериалистических противоречий.

К концу президентства Эйзенхауэра стало очевидным, что США не в состоянии больше нести на международной арене то тяжелейшее бремя, которое они на себя взвалили. Они продолжали и в конце десятилетия выполнять роль главной ударной силы в борьбе с мировым революционным движением, но их экономические, военные, политические возможности для выполнения этой задачи значительно сократились.

Социально-экономическое развитие США происходило под воздействием не только внутри-, но и внешнеполитических факторов. Внутренняя жизнь США была неразрывно связана с обострявшейся борьбой между двумя системами в военно-экономической сфере, в области политики, идеологии. США не могли абстрагироваться от факторов, зависящих от бурного развития мирового революционного процесса. На социально-экономическое положение США оказывала воздействие обострившаяся «холодная война», открытая военная конфронтация в Корее, Индокитае, Египте, Конго.

Связь между внутренней и внешней политикой США в 50-х гг. проявлялась столь рельефно, что Эйзенхауэр с полным основанием подчеркивал в одном из своих выступлений, что «мероприятия внутреннего характера и отношения на международной арене настолько тесно связаны, что во многих случаях они неразделимы»^[861].

Экономика и политика – действительно неразрывно связанные между собой явления. Эйзенхауэр не переоценивал своих возможностей ни в той, ни в другой сфере. «Я никогда не обучался политике, – признавался Эйзенхауэр. – Я пришел в нее со стороны на самую вершину». Еще более определенно президент высказывался в отношении своей подготовки в области экономических проблем: «Я деревенский парень и мало что понимаю в экономике»^[862].

Следуя классической доктрине республиканизма, Эйзенхауэр считал, что федеральное

правительство должно нести минимальные издержки при решении проблем социального обеспечения, что это – забота профсоюзов, местных властей и в первую очередь самих трудящихся. Вместе с тем он очень болезненно относился к критике его администрации за то, что она не проявляет необходимой активности в таком важном вопросе. 28 июля 1956 г. на заседании кабинета президенту был брошен упрек, что правительство мало делает для защиты социальных интересов народа. Эйзенхауэр ответил резкой репликой: «Если мы ничего не делаем для них, тогда можно быть уверенным, что дьявол достаточно печется об их интересах»^[863].

У Эйзенхауэра были свои взгляды на экономические проблемы, на роль государства в их решении. Эти взгляды отражали кредо руководства республиканской партии как партии крупного бизнеса. Президент неоднократно заявлял, что государство не должно вмешиваться в экономику. Чтобы аргументировать это положение, он апеллировал к авторитету Линкольна, который утверждал, что «государство должно делать только то, что сами граждане не могут сделать наилучшим образом»^[864].

Ссылки на Линкольна, однако, не могли изменить положения. Эйзенхауэр и Линкольн были представителями различных эпох, в каждой из которых существовали свои экономические проблемы. И они призваны были по-разному решать их. 50-е гг. явились важным этапом в развитии государственно-монополистического капитализма США, и ни один президент не мог игнорировать этой объективной закономерности экономического развития страны. И при республиканцах, и при демократах эти закономерности определяли всю экономическую жизнь США.

Социально-экономическое развитие в годы президентства Эйзенхауэра характеризовалось бурным ростом государственно-монополистического капитализма. Все проклятия республиканцев в адрес «ползучего социализма», как они называли экономическую политику правительств Рузвельта и Трумэна, были в значительной мере тактическим маневром, рассчитанным на привлечение голосов определенной части избирателей. Объективные законы социально-экономического развития страны и весь ход мировой истории делали неизбежным усиление государственно-монополистических тенденций в жизни США.

В государственно-монополистических подпорках в первую очередь нуждался экономический базис Соединенных Штатов. Особенно очевидным это становилось в периоды кризисных потрясений, которыми так богато было президентство Эйзенхауэра. Республиканцы пытались преодолеть эти кризисные явления с помощью того же государственно-монополистического регулирования экономики, которое в 30-40-х гг. использовали демократы.

Разумеется, в экономической политике демократов и республиканцев имелись серьезные различия. Отражая мнение руководства республиканской партии, президент считал, что необходимо отказаться от практики дефицитного бюджета, которая стала традиционной для демократов еще со времен «нового курса».

Администрация Трумэна оставила в наследство своим преемникам дефицит в 9,4 млрд долл. в год. Эйзенхауэру удалось сократить дефицит, а в 1956—1957 гг. свести бюджет с превышением доходов над расходами. Он не выполнил своего обязательства сократить военные расходы на 20 млрд долл., и тем не менее его администрация подверглась резким нападкам со стороны представителей военно-промышленного комплекса, утверждавших, что президент подрывает основы военной мощи страны.

Эйзенхауэр отвечал на это, что неконтролируемая гонка вооружений порождает дефицит торгового баланса, стимулирует инфляцию, ослабляет экономику страны, а следовательно, и ее военную мощь.

Эйзенхауэр предпринял энергичные усилия в борьбе с инфляцией. То была нелегкая задача. Конгресс, находившийся почти все время в руках демократов, встречал в штыки меры президента, направленные против инфляции. «Антиинфляционная борьба, – вспоминал он, – велась беспрерывно, но в 1959 г. я опасался, что общественность впала в апатию или по крайней мере не была достаточно информирована по этому вопросу». В связи с этим Эйзенхауэр вспоминал реплику Черчилля. Когда английского премьер-министра спросили во время Второй мировой войны, за что воюют союзники, он ответил: «Если мы прекратим сражаться, вам всем станет ясно»^[865].

На протяжении всего периода своего пребывания в Белом доме Эйзенхауэр выступал за жесткий финансовый контроль. Сбалансированный бюджет был для него главной гарантией благополучия страны. Президент заявлял, что если будет расти государственный долг, то страна «превратится в гарнизонное государство, в котором большие налоги, финансовые ограничения и экономический контроль задушат частную инициативу»^[866].

Пост министра финансов своего первого правительства Эйзенхауэр пригласил занять прижимистого Джорджа Хэмфри, консервативного бизнесмена из Кливленда. Он принял предложение с одним условием. «Если кто-либо будет просить у вас денег, – сказал Хэмфри президенту, – я хочу, чтобы вы посылали его прямо ко мне»^[867]. Вскоре между министром финансов и президентом возникла конфликтная ситуация. Хэмфри публично выступил с резкой критикой финансовой политики Эйзенхауэра. В такой ситуации министр обычно подавал в отставку. Однако Эйзенхауэр не потребовал отстранения Хэмфри^[868].

Эйзенхауэр был убежден, и не без оснований, что «инфляция – главный враг экономики». Успехи его администрации в борьбе с инфляцией были впечатляющие, ее средний уровень был всего 2 процента в год. Индекс потребительских цен за период с 1953 г. по 1961 г. возрос всего на 14 пунктов. «И самое главное – стабильный доллар был исключительно важен для Соединенных Штатов, чтобы успешно играть роль мирового банкира в глобальной борьбе с коммунизмом». Эйзенхауэр был убежден, что сильная экономика – главный фактор, который позволит «выдержать» «холодную войну». В начале 1953 г. он дал обет, что в долгосрочном плане США могут успешно сражаться с коммунизмом, если их экономика будет здорова». Эта мысль неоднократно подтверждалась в официальных заявлениях Эйзенхауэра и его администрации. «27 ноября 1957 г. в протоколе кабинета было зафиксировано предупреждение президента, что необходимо иметь мощную экономику, чтобы быть лидером свободного мира. Это должно занимать приоритетное место при принятии всех законов и бюджета»^[869].

Посуществу, Эйзенхауэр отдавал приоритет экономике в мировой политике. С полным основанием он считал, что экономика – основной фронт борьбы между капитализмом и коммунизмом. И в этом вопросе, в не столь уж отдаленной исторической перспективе – какие-то 40 лет, считая от начала его президентства и кончая крушением Советского Союза в декабре 1991 г. – он оказался прав.

Действительно, политический курс Горбачева – Ельцина явился субъективным фактором, приведшим к крушению мировой социалистической системы, к расчленению Советского Союза. Однако главное заключалось в факторах объективного характера – Советский Союз, мировая социалистическая система не выдержали экономического

соревнования с США, с мировой капиталистической системой. И в первую очередь советская экономика надорвалась в ходе безудержной гонки вооружений, которой сопровождалась «холодная война».

Перестройка, реформы должны были начинаться с экономического базиса СССР, а не в сфере политики и идеологии.

Политика Эйзенхауэра в финансовых вопросах, в экономике в целом была следствием творчества его ближайших советников по экономическим проблемам. Но, очевидно, сыграл свою роль и личный жизненный опыт семьи Эйзенхауэров. По существу, его экономическая политика сводилась к тому, что государство должно жить сообразуясь со своими финансовыми возможностями.

Возможно, что подобная философия жизни была действительно отражением опыта семьи Эйзенхауэров. Отец Дуайта Эйзенхауэра, потерпевший в свое время полное финансовое банкротство, был твердо убежден, что не следует жить в долг, и всю свою долговую жизнь укладывался в скромные финансовые возможности своей семьи и никогда ничего не брал в долг.

Не исключено, что, став президентом страны, Эйзенхауэр последовательно придерживался этого не самого худшего жизненного принципа.

Современные американские экономисты с тоской вспоминают то время, когда в президентство Эйзенхауэра сбалансированный бюджет был реальностью. В 1993 г. специалист, занимавшийся исследованием финансовой политики Эйзенхауэра, писал: «Сегодня Белый дом и конгресс сталкиваются с трудными проблемами балансировки бюджета путем периодического сокращения дефицита и уменьшения государственного долга, который достигает более 4 триллионов долларов»^[870].

Ближайшим советником президента по финансовым вопросам, как и по другим проблемам, был Милтон Эйзенхауэр. Автор популярной биографии Эйзенхауэра писал, что Милтону не досталось никакого портфеля в правительстве Эйзенхауэра, хотя он его больше всех заслуживал. «Если бы не его имя, – говорил позднее президент, – он получил бы самое высокое назначение в правительстве»^[871].

В своей антиинфляционной политике Эйзенхауэр пытался ограничить и военный бюджет. Ларсен был свидетелем разговора между президентом и министром обороны Вильсоном. Президент категорически заявил министру, что тот должен укладываться «в рамки бюджета любой ценой». Президент был непреклонен. «Ни одного цента больше. Вы понимаете? Ни при каких обстоятельствах!»^[872].

Стремление сохранить сбалансированный бюджет требовало колоссальных усилий и порождало сложнейшие проблемы. Джозеф Додж, главный распорядитель по вопросам бюджета в администрации Эйзенхауэра, заявлял, что попытки сбалансировать доходы и расходы и само «столкновение с этими проблемами-близнецами вызывают жестокую головную боль»^[873].

Перед сложнейшими экономическими вопросами пасуют профессионалы-экономисты, во всяком случае, их противоречивые рекомендации никогда еще не помогли ни одному правительству выбраться из трясины экономических проблем. Эйзенхауэр умел подбирать толковых советников и руководить ими. Его главным советником по экономическим вопросам был профессор Колумбийского университета Артур Бернс. Нельзя сказать, чтобы рекомендации Бернса были более успешными, чем у его ученых коллег, ходивших в советниках у других президентов, но Эйзенхауэра они вполне устраивали. Предложения и

выводы советника импонировали ему в первую очередь тем, что в них все было четко и ясно. Однажды после очередного доклада Бернса Эйзенхауэр заявил ему: «Артур, Вы были бы прекрасным начальником штаба за океаном во время войны»^[874].

Не всегда, правда, помощники президента оправдывали то доверие, которое им оказывал Эйзенхауэр. Милтон был прав, когда говорил, что президент был «очень лоялен к своим помощникам» и, может быть, чрезмерно «полагался на них»^[875].

Особое место среди большого штата советников, помощников и консультантов Айка занимал Шерман Адамс. После завершения избирательной кампании 1952 г. Эйзенхауэр, покоренный точной, четкой работой Адамса, сказал ему: «Будьте начальником моего штаба». По свидетельству ряда авторов и людей, близких к Белому дому, Адамс был уникальным явлением для аппарата президента на протяжении всей истории страны. Никто и никогда еще из лиц подобного ранга не сосредоточивал в своих руках столько власти, как Адамс. Эйзенхауэр любил, ценил и полагался на него. Однажды, обращаясь к Даллесу, президент сказал, показывая на приближающегося «начальника штаба»: «Фостер, вот идет моя совесть!»^[876]. И это соответствовало действительности.

Адамсу не повезло. Он получил грошовые подарки от одной фирмы, что стало достоянием гласности, и в 1958 г. ему пришлось уйти в отставку по обвинению в коррупции. Не желая создавать осложнений для Эйзенхауэра, Адамс принял это решение, несмотря на то что президент готов был защитить его, используя весь свой авторитет. «Степень болезненности любого скандала часто зависит от того, насколько умело он обыгрывается политическими противниками»^[877], – не без оснований писал журнал «Тайм», комментируя увольнение Адамса в отставку.

По свидетельству Ричарда Никсона, «одним из самых тяжелых решений для Эйзенхауэра было решение об отставке... Шермана Адамса»^[878].

Эйзенхауэр предлагал одни антиинфляционные мероприятия, демократы – прямо противоположные. Все это свидетельствовало о том, что в принципе никто не знал, что можно противопоставить инфляции, кризисному падению производства, росту безработицы. Каждый новый бюджет министра финансов Хэмфри встречался в штыки демократическим большинством конгресса. Комментируя один из бюджетов Хэмфри, демократы заявляли, что предлагаемая администрацией система налогов вызовет «депрессию, от которой волосы встанут дыбом»^[879].

Критика в адрес финансовой политики Эйзенхауэра раздавалась не только со стороны депутатов оппозиционной партии в конгрессе. Его резко порицали и многие республиканцы. Произошел даже семейный раскол: брат Эйзенхауэра Эдгар публично выступил с резкой критикой очередного бюджета. На первой же пресс-конференции журналисты не преминули спросить президента, как он относится к критике своей финансовой политики со стороны брата. Эйзенхауэр быстро ответил: «Он критикует меня с пятилетнего возраста»^[880].

Ответ был удачен и вполне удовлетворил журналистскую братию, умеющую ценить юмор. Но он ни на йоту не продвинул решение экономических проблем, с которыми сталкивалась администрация Эйзенхауэра.

Война в Корее явилась определенным стимулом для развития военно-промышленных отраслей американской экономики и тем самым способствовала смягчению кризиса 1948—1949 гг. Новое кризисное падение производства охватило 1953—1954 гг. В 1957—1958 и

1960—1961 гг. Соединенные Штаты вновь пережили экономические кризисы. Если не учитывать высоких темпов экономического производства в 1950—1952 гг., вызванных войной в Корее и охвативших в первую очередь военное производство, то за 1953—1961 гг. прирост промышленного производства составил в среднем только 2, 3% в год.

Замедление темпов прироста промышленного производства являлось тем более тревожным фактором, что все основные конкуренты США, за исключением Англии, шли вперед в своем экономическом развитии более быстрыми темпами. Следствием этого явилось то, что доля США в промышленном производстве капиталистического мира в 1960 г. снизилась до 45, 4% по сравнению с 53, 4% в 1948 г.

Все более возрастающую тревогу в правящих кругах США вызывали быстрые темпы роста промышленного производства в СССР и других странах мировой социалистической системы.

Неизбежными спутниками экономических кризисов являлись безработица и углубление социальных контрастов. В 1954 г., по официальным данным, 29% американцев относились к числу малообеспеченных. В 1953 г. в стране насчитывалось 1,9 млн полностью безработных, в 1959 г. – уже 3,8 млн. Широко разрекламированные пособия по безработице не решали проблемы, так как средняя величина такого пособия составляла 23 долл. в неделю, продолжительность выплаты пособия была около 11 недель. Единственным экономическим показателем, который неуклонно возрастал, являлись прибыли корпораций.

Серьезные проблемы создавала для рабочих автоматизация производства, порождавшая массовую безработицу. Сбывалось предвидение одного из основателей кибернетики, Норберта Винера, который заявлял, что технический прогресс «вызовет такую безработицу, по сравнению с которой великая депрессия 1930 г. показалась бы шуткой».

Самым тяжелым бедствием для трудящихся оставалась безработица, имевшая в 50-х гг. четкую тенденцию к дальнейшему росту. В первое десятилетие после окончания Второй мировой войны число безработных в США составило 4, 2% всего самодеятельного населения, во второй половине 50-х гг. – 5, 7%.

В годы президентства Эйзенхауэра получила глобальный характер система военно-политических блоков, созданных или инспирированных США. Экономический аспект деятельности этого гигантского международного механизма в объективном плане отражал процесс интернационализации хозяйственной жизни капиталистического мира. С другой стороны, функционирование этой системы военно-политических блоков служило орудием для осуществления американских планов экономической и военно-политической экспансии.

В этих условиях аспекты социально-экономического развития крупнейших империалистических стран приобретали в значительной мере взаимосвязанный характер. Кризисные явления, начинаясь в США, получали распространение и в других капиталистических странах. Не случайно и то, что именно в 50-х гг. столь ярко проявился международный характер инфляционных процессов, охвативших США и все важнейшие страны Запада.

Инфляция развивалась под действием как внутри-, так и внешнеполитических факторов. Взвалив на себя огромное, многомиллиардное бремя, связанное с военно-политической экспансией в мировом масштабе, США не выдержали этого колоссального напряжения. Это было одной из причин того, что правительство Эйзенхауэра не смогло полностью выполнить своих широкообещательных обещаний сбалансировать бюджет.

В 50-х гг. за республиканской партией прочно утвердилась репутация защитницы интересов крупного капитала. Прибыли корпораций – главный показатель, определяющий направленность деятельности правительственных кругов. В 1956 г. прибыли американских корпораций превысили 43 млрд долл., другими словами, возросли почти в 2 раза по сравнению с самым благоприятным для монополий военным годом. Особенно процветали крупнейшие корпорации, все более укреплявшие свои позиции в важнейших отраслях американской экономики, причем это происходило при любой экономической конъюнктуре.

В начале 1957 г. в США разразился новый экономический кризис, который на два года и два месяца приостановил рост промышленного производства. Весной 1958 г. был достигнут пик в росте безработицы, когда число полностью безработных превысило 6 млн человек.

США в послевоенный период неопровержимо доказывали, что ни научно-техническая революция, ни концентрация огромных, многомиллиардных средств у капиталистического государства, ни самые решительные антикризисные мероприятия не могут изменить циклический характер развития экономики капитализма.

Заслуги Эйзенхауэра на фронте борьбы за решение сложнейших проблем американской экономики были достаточно скромными. Президенту нельзя было отказать в том, что он со свойственной ему энергией пытался найти способ решения этих проблем, поставив на руководящие посты, в том числе и в экономике, талантливых и энергичных людей вне зависимости от их партийной принадлежности.

Показательна в этом смысле история с назначением Ларсена. «Вы хотели бы быть заместителем министра труда?» – спросил его президент. «С большим удовольствием», – ответил тот. «Тогда решено», – подвел президент итог разговора. Но когда Ларсен уже собрался уходить, Эйзенхауэр задал новый вопрос: «Да, между прочим, я забыл спросить: Вы республиканец?»^[881]

Назначение Ларсена – одно из свидетельств того, что Эйзенхауэр не находился в плену партийных интересов, когда решались вопросы укомплектования правительственных учреждений.

Президент предпринял энергичные усилия, чтобы сломать исторически сложившуюся и глубоко укоренившуюся традицию назначать на «доходные места» по приятельским соображениям. Он считал, что самое эффективное средство преодолеть эту порочную традицию – гласность. В 1953 г. на первом же заседании правительства президент заявил: «Если кто-либо будет претендовать на должность, ссылаясь на то, что он мой друг, вышвырните его из кабинета».

Предупреждение президента оказалось достаточно эффективным: от Белого дома отхлынули толпы искателей не очень обременительных, приятных и доходных должностей. В 1955 г. Эйзенхауэру пришлось вновь вернуться к этому вопросу. 29 июля на заседании кабинета он говорил: «Насколько я знаю, этот принцип ни разу не был нарушен, но на этой неделе я услышал, что сотрудник одного из департаментов снисходительно отнесся к своему подчиненному на основании того, что этот человек, предположительно, является моим другом. Напоминаю вам еще раз: если кто-либо ищет поблажек, ссылаясь на то, что он является якобы моим другом, пресекайте его домогательства самым решительным образом»^[882]

Предметом неустанных забот Эйзенхауэра являлись экономические проблемы, острота которых возрастала с каждым годом. О нездоровом характере американской экономики в послевоенный период свидетельствовали хронический и все более возрастающий

государственный долг, стремительное падение покупательной способности доллара. В 1956 г. золотые запасы составляли 22 млрд долл., в 1960 г. – 17,8 млрд^[883] Во время президентства Эйзенхауэра США имели активное и устойчивое сальдо торгового баланса, но экспансионистская внешняя политика требовала огромных расходов, которые пожирали весь доход, получаемый от внешней торговли.

Водворение Эйзенхауэра в Белом доме вызвало большой энтузиазм в мрачном, громоздком здании Пентагона. Генералитет и другие представители военно-промышленного комплекса считали, что наконец-то пришла эра бесконтрольного расходования бюджетных средств на военные нужды.

Эйзенхауэр был убежденным сторонником наращивания военной мощи США, но он расходился во мнении со многими представителями военно-промышленных кругов по вопросу о том, какими средствами следует решать эту проблему. В 1953 г. в своем первом послании конгрессу о положении страны Эйзенхауэр, всесторонне рассмотрев экономические аспекты военной политики США, не без оснований делал вывод: «Проблема заключается в том, чтобы достичь необходимой военной мощи, не допуская излишнего перенапряжения экономики. Наращивать военную мощь без учета экономических возможностей – значит защищаться от одной напасти, вызывая другую»^[884].

Эйзенхауэр приступил к исполнению обязанностей президента в 1953 г., когда в связи с войной в Корее военные расходы страны резко возросли и достигали 50 млрд долларов в год. Новый президент взял курс на значительное сокращение военных расходов, но не за счет ослабления военного потенциала страны, а путем концентрации финансовых усилий на главных направлениях, ориентации на новое, сверхсовременное оружие. Была поставлена задача сократить к 1957 г. военный бюджет до 33-34 млрд долл. в год. Общие военные расходы (оборона, помощь иностранным государствам, работы в области атомной энергии) были сокращены с 50,3 млрд долл. в 1953 г. до 40,6 млрд долл. в 1955 г., т. е. уменьшены на 20,5 процента. В последующие годы ни одна администрация США не добивалась столь значительного уменьшения военных расходов. Когда кончилась война во Вьетнаме, сокращение военных расходов США было осуществлено в несравненно меньших масштабах по сравнению с тем, что было достигнуто в период президентства Эйзенхауэра.

Однако любая попытка ограничить волчий аппетит ненасытных военных монополий всегда вызывает самую болезненную реакцию со стороны военно-промышленных кругов. На Эйзенхауэра оказывался огромный нажим. Высокопоставленные представители генералитета взывали к его «военной солидарности», настойчиво советуя ему пересмотреть свою позицию.

Эйзенхауэр имел собственное мнение в отношении практической ценности советов своих «товарищей по оружию». Однажды, когда на него в очередной раз было оказано мощное давление с требованием увеличить военные ассигнования, Эйзенхауэр ответил: «Если бы я слушал все советы, которые мне давали в годы войны... никогда бы не появился план форсирования пролива Ла-Манш»^[885]. Используя силу своего авторитета, Эйзенхауэр неоднократно сдерживал особенно ретивых представителей военно-промышленного комплекса. Он был глубоко убежден, что если дать им бесконтрольную власть, то США превратятся в «гарнизонное государство».

И тем не менее определяющей тенденцией его восьмилетнего президентства было превращение милитаризации в постоянно действующий фактор. Впервые в своей истории США в условиях мирного времени стали жить по законам войны. Воинская повинность и

милитаризация экономики, всего жизненного уклада страны стали неотъемлемыми чертами американского образа жизни. Политика «освобождения» и балансирования «на грани войны» могла основываться только на мощном военно-экономическом потенциале. Важную роль играли и соображения экономического порядка: монополии не желали расставаться с исключительно прибыльными военными заказами. За годы президентства Эйзенхауэра резко возросла техническая оснащенность всех родов войск, что было важным фактором роста милитаризации. Эйзенхауэр лично уделял большое внимание этому вопросу. Он говорил, что США не должны повторять глупость, которую столь часто позволяли себе ранее: начинать каждую новую войну с оружием прошлой.

Усиление государственно-монополитических тенденций в жизни страны сопровождалось активизацией реакции по всем линиям. Экспансионистская внешняя политика и реакция во внутренней жизни страны являлись закономерным явлением.

Как уже отмечалось, на президентство Эйзенхауэра пришелся пик «холодной войны», в ходе которой резко проявились антикоммунистические тенденции. 24 августа 1954 г. президент подписал закон о контроле над коммунистической деятельностью. В этом законе говорилось о лишении коммунистической партии «любых прав, привилегий и иммунитета, присущих организациям, созданным на основе законов США». На протяжении всех восьми лет своего президентства Эйзенхауэр последовательно придерживался антикоммунистических позиций. Ларсен вспоминал, что во время избирательной кампании 1956 г. один из американских политиков обвинил Айка в том, что он был «мягок по отношению к коммунистам». «Президент вскочил со стула, прошел в другой конец комнаты, снял с полки экземпляр «Крестового похода в Европу» и стал приводить выдержки из своей книги, в которых говорилось о необходимости борьбы с коммунизмом... Президент вел себя как человек, оскорбленный в своих лучших чувствах»^[886].

Он неоднократно возвращался к вопросу о необходимости борьбы с компартией США. 2 июня 1954 г., выступая на пресс-конференции, Эйзенхауэр говорил: «В нашей стране наблюдение за коммунистами осуществляется круглые сутки, семь дней в неделю, 52 недели в году. Это делается тихо и постоянно. Лучше всего это известно самим коммунистам»^[887].

Борьба с коммунизмом внутри страны и в мировом масштабе была одной из важнейших задач Эйзенхауэра. Крошечная компартия США не пользовалась каким-либо серьезным авторитетом среди американцев, и тем не менее Эйзенхауэр постоянно наращивал усилия карательного аппарата в борьбе с коммунистами. И он добился в этом несомненных успехов.

Что же касается борьбы с коммунизмом на международной арене, то здесь генерал-президент явно потерпел поражение. Амброуз с полным основанием делал вывод: «Ни один коммунистический режим не был уничтожен (за годы президентства Эйзенхауэра. – Р. И.), фактом было то, что коммунизм распространился на Вьетнам и на Кубу»^[888].

В годы президентства Эйзенхауэра в борьбе с компартией и левыми кругами в целом широко использовались показания бывших коммунистов. Известно, что ренегаты, как правило, особенно беззастенчиво клеветают на своих бывших товарищей по партии. И надо отметить, к чести Эйзенхауэра, что президент с презрением относился к ренегатам от компартии. «Бывшие коммунисты, – заявлял он, – столь отъявленные лгуны и плуты... что когда они свидетельствуют против кого-либо, то моя первая реакция сводится к тому, что соответствующая личность является патриотом»^[889].

На мой взгляд, эта оценка применима и к современным экс-коммунистам, занимающим руководящие посты в правящей иерархии стран СНГ.

Эйзенхауэр был прав в своих оценках морального облика бывших коммунистов, которые нередко становились информаторами судебных органов и своим лжесвидетельством дискредитировали судебную систему страны. Один из таких наиболее шумевших случаев произошел в 1955 г. Бывший коммунист Гарви Метасоу оклеветал в ходе судебного разбирательства одного из профсоюзных функционеров Клинтон Дженкса, который был признан виновным. Когда выяснилось, что Г. Метасоу дал ложные показания К. Дженкса пришлось реабилитировать, а Г. Метасоу осудить за лжесвидетельство.

Генеральный прокурор Герберт Броунел утверждал, что дело Клинтон Дженкса было «состряпано» коммунистами, чтобы дискредитировать правительство США. Заявление Броунела означало, что крошечная компартия США оказалась столь могущественной, что сумела успешно противостоять всей мощной американской правоохранительной машине. Очень характерное заявление!

Суть проблемы, конечно, была не в ловкости и могуществе коммунистов. Все дела по обвинению членов компартии в подрывной деятельности были столь шиты белыми нитками, что штамповать каждое такое абсурдное обвинение значило окончательно дискредитировать судебную систему страны.

Дальновидные профессионалы-юристы понимали, что президенты США приходят и уходят, а юридическая система остается и надо заботиться о сохранении ее авторитета.

На международной арене бушевала ожесточенная «холодная война», которая в силу вполне понятных причин накладывала четко выраженную антикоммунистическую направленность и на внутреннюю, и на внешнюю политику США. Однако эта антикоммунистическая направленность постепенно перерастала в реальную угрозу демократическим институтам страны. «Белый дом, – писал историк администрации Эйзенхауэра, – ...получал многочисленные предупреждения, что кампания Гувера против американских коммунистов может перерасти во всеобщую войну против политических диссидентов»^[890].

Практика работы ФБР полностью подтверждала обоснованность подобных опасений. Действительно, к 1960 г. ФБР уже имело досье на 400 тыс. организаций и отдельных лиц, подозреваемых в нелояльности к правительству США.

Эйзенхауэр в отличие от Трумэна очень лояльно относился к многолетнему руководителю американской охраны и даже наградил Гувера двумя медалями. Однако президент отнюдь не всегда следовал его рекомендациям. «Эйзенхауэр временами игнорировал Гувера. Например, президент встретился с Хрущевым (в 1959 г. – Р. И.) после того, как ФБР заявило, что встреча на высшем уровне (с советским руководителем – Р. И.) – это цель коммунистов»^[891].

На наш взгляд, за восемь лет президентства Эйзенхауэра происходили определенные сдвиги его администрации от оголтелого антикоммунизма к реальному восприятию положения дел. Внешнеполитические инициативы Эйзенхауэра: перемирие в Корее, достигнутое в 1953 г., конференция в Женеве, состоявшаяся спустя два года, потепление в советско-американских отношениях – все это «помогло ослабить международную напряженность, на которой произрастал антикоммунизм внутри США»^[892].

Американцы неоднократно слышали заявления Эйзенхауэра о тождестве интересов рабочего и работодателя, труженика и монополиста. Не останавливался президент и перед тем, чтобы напомнить американским трудящимся, что и он был в молодости рабочим. Эйзенхауэр заявлял: «Все мои симпатии на стороне рабочих (в юности я занимался очень

тяжелым физическим трудом, в моих мемуарах столь четко рассказано о жизни моего отца, что я не могу больше ничего добавить)»^[893]. Но, разумеется, не эти воспоминания о днях минувших определяли политику президента в рабочем вопросе. Попытки играть роль беспристрастного арбитра в конфликтах между трудящимися и предпринимателями удавались Эйзенхауэру не лучше, чем его предшественникам и преемникам на посту президента США. Все чаще его администрация открыто принимала сторону монополий, оправдывая это традиционными ссылками на необходимость защиты интересов американского общества.

Прикрываясь дымовой завесой рассуждений о защите интересов общества и государства, правительство начало «крестовый поход» против рабочего движения, открыто вмешиваясь в трудовые конфликты, причем это вмешательство носило односторонний характер. В глазах правительства монополии, как правило, оказывались представителями интересов общества и государства, а рабочие – бунтарями, отстаивающими только свои личные цели.

В годы президентства Эйзенхауэра стачечное движение сохранялось на высоком уровне. Об этом свидетельствует статистика классовых боев американского пролетариата. В 1955 г. произошло 4320 стачек с участием 2,6 млн рабочих. В 1956 г. – 3825 забастовок, в которых участвовало 1,9 млн человек. Только за эти два года было потеряно 61,3 млн человеко-дней. Невиданного масштаба забастовочное движение достигло в 1959 г., когда в течение года было потеряно 6,9 млн человеко-дней^[894].

Все эти факты свидетельствуют о том, что многочисленные заявления Эйзенхауэра о единстве интересов рабочих и предпринимателей, о необходимости классового мира были и беспочвенны, и безрезультатны. Борьба против рабочего движения являлась важным аспектом развернутого наступления реакции на демократические права американского народа. В зависимости от стратегических и тактических задач, которые возникали перед властью имущими, наступательные операции активизировались на различных участках этого широкого фронта. Но против американских коммунистов они не прекращались никогда.

Вслед за коммунистами жертвами репрессий стали многие прогрессивно настроенные лица, не скрывавшие своих убеждений и выступавшие с критикой политики правительства. Большой резонанс в США и далеко за их пределами получило «дело» супругов Розенберг, арестованных по обвинению в шпионаже. Представители самых широких кругов американской и международной общественности обращались в Белый дом с просьбами о помиловании Розенбергов. 22 мая 1953 г. конгрессмен Бреди Джентри писал президенту Эйзенхауэру: «Различные комитеты бомбардируют меня письмами, требуя во имя гуманности проявить справедливость в деле Розенбергов»^[895].

16 июня 1953 г. Этель Розенберг направила Эйзенхауэру письмо, в котором говорилось, что «на протяжении двух долгих и страшных лет заключения в камере смертников тюрьмы Син-Синг» она неоднократно собиралась обратиться с письмом к президенту страны. Розенберг писала, что она апеллирует к Эйзенхауэру как к «освободителю» миллионов людей, как к отцу «единственного сына» с просьбой о помиловании. Женщина подчеркивала, что Эйзенхауэр, будучи Главнокомандующим вооруженными силами союзников в Европе в годы войны, был свидетелем фашистских зверств. «Сегодня, – говорилось в ее письме, – когда эти организаторы страшных массовых убийств, эти оголтелые расисты милостиво амнистируются и часто восстанавливаются на своих должностях, великие, демократические Соединенные Штаты готовят жестокое уничтожение еврейской семьи, виновность которой подвергается серьезному сомнению в

цивилизированном мире!»^[896]. Президент Эйзенхауэр отклонил просьбу Розенбергов о помиловании. Супруги Розенберг, не давшие показаний против прогрессивных деятелей (за что им было обещано помилование), 19 июня 1953 г. были казнены.

Санкционировав казнь супругов Розенберг, Эйзенхауэр совершил акт, который ни в коей мере не способствовал укреплению его личного авторитета. И, очевидно, президент понимал это. Во всяком случае он оставил в дневнике запись, в которой говорилось, что казнь свершилась по «обвинению в измене». Это был первый случай за всю историю США, когда в мирное время американец был казнен по такому обвинению^[897].

Казнь супругов Розенбергов являлась крайней мерой, но президентство Эйзенхауэра было ознаменовано и другими акциями, которые проводились в традициях «охоты за ведьмами», столь популярной еще в колониальный период истории страны.

Наиболее громким стало в этом смысле дело известного физика Роберта Оппенгеймера.

При президенте Эйзенхауэре особенно активизировался лидер американской реакции сенатор Маккарти, несмотря на то, что Айк относился к Маккарти с личной антипатией и не считал нужным скрывать это. Первое столкновение между ними произошло во время избирательной кампании 1952 г. Когда специальный поезд кандидата в президенты направился в штат Висконсин, который представлял в сенате Маккарти, в вагон к Эйзенхауэру вошли губернатор штата и Маккарти. Маккарти с улыбкой заявил Эйзенхауэру, что они с губернатором займут свои места на сцене, когда Эйзенхауэр будет выступать перед избирателями. Кандидат в президенты ответил Маккарти: «Должен сказать, что я не согласен с вашими действиями»^[898]. Эйзенхауэр решительно поставил на место зарвавшегося апостола американской реакции, проявив при этом завидную решительность – перед Маккарти пасовали многие государственные и политические деятели США.

Грубейшее попрание Маккарти элементарных буржуазно-демократических свобод вызывало бурные протесты со стороны представителей различных кругов американского общества. «Маккарти, – говорилось в одном из писем на имя президента, – приносит огромный вред республиканской партии, нашей стране, ее репутации за границей»^[899]. Брат Эйзенхауэра Артур, который был в то время исполнительным вице-президентом крупной финансовой компании в Канзас-Сити, заявил журналистам, что «Маккарти – самое страшное чудовище Америки и порождение испанской инквизиции»^[900].

С поразительной самоуверенностью Маккарти выступал от имени руководства партии и страны. Рядовые американцы считали, что Эйзенхауэр должен опубликовать специальное заявление и «разъяснить американскому народу», что не сенатор Маккарти, а он «стоит во главе страны и республиканской партии». Американцы в своих обращениях к президенту настоятельно рекомендовали ему «предпринять необходимые меры, чтобы освободить Маккарти от занимаемой должности». Будучи республиканцем, Маккарти в период президентства демократа Трумэна являлся для республиканцев «удобной палкой, чтобы бить демократическую собаку»^[901]. Действительно, республиканцы, находившиеся в оппозиции, были не против его резких выступлений в адрес демократов, занимавших важные государственные посты.

Но и после прихода в Белый дом республиканского президента Маккарти не унимался. Он активизировал свою деятельность, круша всех налево и направо, не считаясь с партийной принадлежностью. Дело дошло до того, что перед библиотеками США запылали костры из книг прогрессивных авторов. Маккарти выискивал «коммунистов» в

государственном департаменте, Пентагоне и наконец выступил с публичным осуждением администрации Эйзенхауэра за то, что она оказывает экономическую помощь Англии, торгующей с КНР. Один из журналистов назвал соответствующую речь Маккарти «открытым объявлением войны Эйзенхауэру»^[902].

У американской реакции нашлись и защитники, которые утверждали, что Маккарти якобы травят и они опасаются, что он может покончить жизнь самоубийством. Один из корреспондентов Эйзенхауэра, хорошо знавший Маккарти, писал, что это глубокое «заблуждение – утверждать, что Маккарти покончит с собой. Причиной его смерти может быть только чрезмерное пристрастие к алкоголю и женщинам»^[903]. И действительно, врачи констатировали, что причиной смерти Маккарти явилось необузданное тяготение лидера американской реакции к горячительным напиткам.

Деятельность Маккарти приняла настолько скандальный характер, что сенат привлек его к ответственности за оскорбление высшего законодательного органа страны и за отказ отчитаться о расходовании средств, отпущенных возглавлявшемуся им подкомитету «на борьбу с коммунизмом». Неопровержимые данные свидетельствовали о том, что Маккарти без зазрения совести запускал руку в казну. 2 декабря 1954 г. сенат подавляющим большинством голосов осудил Маккарти, что является редким явлением в политической жизни США.

Эйзенхауэр писал: «Маккарти скончался в 1957 г., но его политическая смерть наступила в 1954 г.»^[904]. Осуждение сенатора Маккарти не свидетельствовало о каком-то полевении во внутриполитической жизни США. Это была только дань элементарному здравому смыслу, ведь зарвавшийся реакционер сделал мишенью своих нападок даже представителей правящих кругов страны. «Учителя, государственные служащие и даже министры, – писал Эйзенхауэр, – никто не был застрахован от безрассудных обвинений Маккарти»^[905].

О личном негативном отношении и даже презрении президента к Маккарти свидетельствует дневник Эйзенхауэра. В частности, он писал, что многие поступки Маккарти объяснялись чудовищным честолюбием последнего. 1 мая 1953 г. Эйзенхауэр оставил в своем дневнике такую запись: «Сенатор Маккарти настолько озабочен тем, чтобы привлечь к себе внимание, что готов пойти на любой экстремистский шаг, чтобы добиться хотя бы упоминания своего имени в прессе. Поэтому самое эффективное средство бороться с этим возмутителем спокойствия – игнорировать его. Маккарти не сможет такого перенести»^[906].

Очевидно, не приходится сомневаться в личной антипатии Эйзенхауэра к Маккарти: слишком отвратительной была эта личность, и уж очень грязными методами работал апостол американской реакции.

Однако, несмотря на резко отрицательное личное отношение Эйзенхауэра к Маккарти, маккартизм достиг своей кульминации именно в период его президентства. Не лишне напомнить, что в течение восьми лет пост вице-президента страны при Эйзенхауэре занимал Ричард Никсон, сделавший свою политическую карьеру как член комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Этот штаб американской реакции был тесно связан с Маккарти. Показательно, что всемогущему Маккарти был закрыт путь в ЦРУ, которое играло столь важную роль в годы президентства Эйзенхауэра. «ЦРУ оказалось единственным крупным ведомством в США, не деморализованным притеснениями в годы маккартизма»^[907].

Важным критерием при определении степени демократичности любого государственного и политического деятеля США являлось и является отношение к негритянской проблеме. В связи с этим большой интерес представляет вопрос о том, как относился к ней Эйзенхауэр в годы войны и как его отношение трансформировалось, когда он был президентом США.

В период Второй мировой войны сотни тысяч афро-американцев служили в вооруженных силах США в Европе, и их положение во многом зависело от взглядов на проблему черных американцев Главнокомандующего союзными вооруженными силами. Когда США вступили в войну, черные граждане страны восприняли этот шаг как свое кровное дело. Они были убеждены, что разгром фашизма соответствует их жизненным интересам, и с энтузиазмом вступали в американские вооруженные силы, несмотря на то, что их ожидала там расовая дискриминация и сегрегация. На 1 августа 1945 г. во всех родах войск насчитывалось более миллиона черных военнослужащих, что составляло 9% всего личного состава вооруженных сил. Однако 90% из них использовались на тяжелых работах и только 10% – в боевых частях. Черных дискриминировали в присвоении офицерских званий. Так, к концу войны в американской армии было 7768 черных офицеров, что составляло менее 1% черных военнослужащих. Среди белых военнослужащих соответствующая цифра достигала 11%. Из 776 генералов армии США только один черный имел звание бригадного генерала. Из 5220 полковников только семеро были афро-американцами. Как правило, черный офицер не поднимался по служебной лестнице выше ранга лейтенанта^[908].

В армии США бытовала глубоко укрепившаяся практика: кровь черных доноров не могла быть использована для лечения раненых белых военнослужащих. Военные суды подвергали дискриминации военнослужащих с черным цветом кожи, особенно когда дело касалось выступлений против расовой сегрегации в армии. Как правило, из афро-американцев формировались самостоятельные воинские части вплоть до полков и дивизий. Только к концу войны несколько черных взводов было включено в части, состоящие из белых. Сегрегация процветала и во флоте.

Многие черные американцы проявили беззаветную храбрость. Дорри Миллер служил на линкоре «Аризона» во время нападения японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. Он сбил из пулемета 4 самолета противника. Рядовой Эрнест Джанкис уничтожил пулеметное гнездо и захватил в плен 15 фашистов. И таких подвигов, совершенных черными военнослужащими, было множество. Однако характерно, что ни один из них не был награжден «Медалью Почета» – высшей наградой США. Это тем более показательно, что за Гражданскую войну эту награду получил 21 черный гражданин США, а в испано-американскую войну-7^[909].

Черные американцы в годы Второй мировой войны активно боролись против дискриминации в промышленности, на транспорте – во всех сферах экономики.

Черные военнослужащие подвергались дискриминации и сегрегации и на территории США, особенно в южных штатах.

Антифашистский, освободительный характер Второй мировой войны делал особенно нетерпимыми факты расовой сегрегации и дискриминации американских военнослужащих. И 12 мая 1944 г. Главнокомандующий вооруженными силами союзников генерал Эйзенхауэр издал приказ, в котором говорилось «о равенстве возможностей и прав в отношении службы и отдыха каждого американского солдата независимо от чина, расы, цвета кожи и вероисповедания». 12 июня 1944 г., касаясь вопроса о роли черных солдат США в войне, Эйзенхауэр заявил, что для него солдат есть солдат независимо от национальной

принадлежности.

Закончилась война, черные граждане Соединенных Штатов внесли свой значительный вклад в победу и разгром германского фашизма и японского милитаризма. И вновь со всей остротой встал вопрос: каковы пути решения проблемы расовой дискриминации в вооруженных силах. В своем выступлении 5 июня 1948 г. Эйзенхауэр настаивал на проведении политики изоляции черных в армии, утверждая, что «полное слияние» причинило бы вред их собственным интересам.

Это выступление отражало позицию американского генералитета в вопросе о черных военнослужащих.

Широковещательные заявления американских политических и военных руководителей в годы войны о необходимости уничтожения расовой дискриминации в вооруженных силах не подкреплялись практическими делами.

Борцы за гражданские права использовали факты расовой нетерпимости для активизации движения черных за завоевание равных с белыми прав. В прессе, в выступлениях активных участников движения черных ставился вопрос о том, что расовая дискриминация – позор Америки. В сентябре 1945 г. в журнале «Комманвелс» подчеркивалось: «Во Второй мировой войне мы официально сражались против расистской идеологии, в то же время мы сами практикуем такую же идеологию». Журнал «Крайсиз» ставил вопрос еще более резко: «В чем разница между американской демократией и гитлеризмом?» Студент, активист негритянского движения, заявлял: «В армии нас джимкроуируют. Во флоте нам разрешают быть только прислугой. Красный Крест отказывается брать нашу кровь. Предприниматели и профсоюзы изгоняют нас. Продолжаются линчевания. Мы лишены гражданских прав, подвергаемся джимкроуизму, нас оплевывают. Мог ли Гитлер сделать больше этого?»^[910]

Убежденными ревнителями расовой сегрегации оставались и служители культа. Во многих частях имелся следующий дискриминационный график богослужений: «Католики, евреи, протестанты и черные». Афро-американский солдат, заявлял: «Это не солдатский лагерь, а тюрьма». Белый солдат рассказывал: «Черных новобранцев, конечно, сегрегируют с первой же минуты прибытия в лагерь... Все это... отвратительно. По внешнему виду, на вкус и на запах, – все это выглядит как фашизм»^[911].

Дискриминация черных американских военнослужащих была в своей основе проблемой молодежи, так как в силу вполне естественных причин подавляющее большинство армии состояло из молодых людей. Афро-американская военная молодежь, получившая боевое крещение на фронтах Второй мировой войны, сражавшаяся против фашизма, являвшегося расизмом в чистом виде, была особенно нетерпимо настроена ко всем его проявлениям.

Движение черных американцев в послевоенный период свидетельствовало о том, что, преодолевая ожесточенное сопротивление реакционных кругов, пережитки расизма в настроениях определенной части белых трудящихся, черный национализм лидеров ряда афро-американских организаций, черные граждане США постепенно осознавали необходимость объединения усилий черных и белых трудящихся в борьбе против расовой дискриминации.

Активизация движения за гражданские права поставила вопрос о черных американцах в послевоенный период в центр внутривнутриполитической жизни страны. Программа компартии США констатировала, что «освобождение черных в Соединенных Штатах – центральный, самый решающий вопрос из стоящих перед всем рабочим классом и его союзниками»^[912].

Эта оценка проблемы черных американцев США относится ко всему послевоенному периоду американской истории, в том числе и к президентству Эйзенхауэра.

Многие важные факторы внутреннего порядка сделали неизбежным резкое обострение проблемы черных, бурную активизацию движения за гражданские права. Важнейшее место среди них занимала усиливающаяся дискриминация многомиллионных масс афро-американцев. Коренное изменение социальной структуры черного самостоятельного населения, стремительный рост пролетариата в его среде – все это приводило к новой расстановке классовых сил.

К концу войны система джимкроуизма была подорвана во многих профсоюзах, но не уничтожена. Тринадцать профсоюзов Американской федерации труда (АФТ) и семь независимых профсоюзов все еще отказывались принимать в свои ряды черных рабочих. Резкое усиление политической реакции в США в годы «холодной войны» создавало своеобразный микроклимат, который стимулировал репрессии расистов, направленные против черных. Ответная защитная реакция черных американцев перерастала в массовое движение против расовой дискриминации, охватившее всю страну.

Важным фактором, делавшим неизбежными серьезные изменения в положении и борьбе афро-американцев, являлись и коренные сдвиги, которые происходили на международной арене в послевоенный период.

Освободительный, антифашистский характер Второй мировой войны, разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии явились мощным стимулом для развития национально-освободительного движения. Огромные колониальные империи, подточенные многолетней борьбой сотен миллионов колониальных и зависимых народов, подорванные бурным развитием мирового революционного процесса, рухнули под мощным напором освободительного движения, активно поддержанного социалистическими странами и всеми прогрессивными силами. Первое социалистическое государство появилось и в Западном полушарии. Победила революция на Кубе. Последнее событие всколыхнуло освободительную борьбу афро-американцев в США, ведь на Кубе жило много черных и успешное решение здесь расового вопроса получило многочисленные отклики в Соединенных Штатах.

На развалинах колониальной системы империализма возникло более 70 независимых государств. Только в 1960 г., вошедшем в историю под названием «год Африки», на Черном континенте образовалось 17 независимых государств. Народы, находившиеся нередко на очень низкой ступени экономического и культурного развития, брали в свои руки собственную судьбу, успешно строили новую жизнь. А в это время 20-миллионное черное население самой развитой капиталистической державы мира вынуждено было бороться за элементарные человеческие права. Это – суровое осуждение всей западной демократии.

Бесправное положение афро-американцев в Соединенных Штатах Америки, неспособность, а во многом и нежелание власть имущих кругов страны на протяжении 200 с лишним лет радикально решить проблему черных свидетельствовало о серьезных сбоях в американской демократии.

Большое воздействие на движение афро-американцев оказало создание мировой социалистической системы. Не случаен тот интерес, который проявляли в США к разрешению национального вопроса в СССР – этого уникального, как в то время казалось, явления мировой истории. Уильям Дюбуа писал в 1945 г.: «Достижения Советской России в деле расовой терпимости колоссальны... Все народы этой страны идут плечом к плечу, с

поразительным единством и энтузиазмом, добиваясь осуществления своих идеалов»^[913].

Последующие события – расчленение СССР, резкое обострение межрасовых и межнациональных отношений в странах Содружества Независимых Государств, переросшее в затяжные кровавые военные конфликты, угрожающие политической стабильности всего Содружества, – показали, что и в СССР не было найдено чудодейственного средства решения межрасовых и межнациональных проблем.

Впрочем, об этом свидетельствовали не только события постперестроечного периода в бывшем Советском Союзе. Почти за полвека до них, еще в годы Великой Отечественной войны в отдаленные районы страны были высланы целые народы, бесосновательно обвиненные в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами. «Репрессированные народы» – подобной практики не знает, пожалуй, ни одно общество ни в одну эпоху истории человечества.

Впрочем, мощные пропагандистские усилия сталинского режима во многом привели к тому, что масштабы этих репрессий против целых народов в значительной мере были скрыты от международной общественности. А сам их факт оправдывался суровой военной необходимостью.

И мировая общественность, в том числе движение за гражданские права в США, рассматривала в то время Советский Союз как образец успешного решения национального вопроса.

Впрочем, было бы неправильным отрицать, что за годы советской власти в СССР были серьезные успехи в решении национального вопроса. Бывшие национальные окраины Российской империи смогли добиться больших успехов в развитии экономики, науки, культуры. Эти успехи были, в первую очередь, следствием действительно бескорыстной, братской помощи русского народа.

Однако, как известно, ни одно благодеяние не остается безнаказанным: сегодня в условиях резкого обострения межрасовых и межнациональных отношений из ряда стран СНГ и регионов России нередко можно слышать проклятия в адрес Центра, и практически никто не вспоминает того, что было сделано с помощью русского народа для развития бывших национальных окраин царской России.

Поучительная иллюстрация к проблемам межрасовых и межнациональных отношений!

Возвращаясь к вопросу о гражданских правах в США, надо отметить, что на фоне широко разрекламированных успехов социализма в решении расовых и национальных проблем и быстрого, успешного развития национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов расовая проблема в США выглядела чудовищным анахронизмом. Это было ясно и правящим кругам страны, серьезно озабоченным тем, какое неблагоприятное впечатление на народы мира оказывала традиционная расовая дискриминация в США. Разумеется, этот фактор действовал и в прошлые эпохи, но, во-первых, никогда ранее мир не знал таких мощных революционных потрясений, в огне которых рождались десятки новых свободных государств во всех уголках бывшего колониального и зависимого мира. Народы этих стран были особенно нетерпимы к малейшим проявлениям расового и национального угнетения. И, во-вторых, никогда ранее США не вели такой активной внешней политики, как в послевоенный период. Расовая дискриминация в Соединенных Штатах создавала серьезные внешнеполитические проблемы для страны.

Что же могли дать миру послевоенные США? Звериную ненависть расистов к афро-

американцам! Трудобы гетто и расовые погромы! Открытую расовую нетерпимость в таких заповедниках расизма, как Литл-Рок, Бирмингем и многие другие города Юга США! Культурную деградацию сотен тысяч черных в век научно-технической революции!

Руководители США вынуждены были пойти на то, чтобы прикрыть хотя бы самые смердящие язвы расизма. 2 февраля 1948 г. президент Трумэн направил конгрессу послание по гражданским правам, суть которого сводилась к необходимости принятия законов, запрещающих наиболее вопиющие акты расовой нетерпимости. После ожесточенной борьбы в демократической партии президент издал два исполнительных приказа по расовому вопросу. Один из них касался федерального контроля за справедливыми условиями найма на работу, второй – обеспечения равного образования и равных возможностей в вооруженных силах. Приказы Трумэна дали определенные практические результаты. В частности, постепенно слабела расовая сегрегация в армии, и в 1953 г., уже в период президентства Эйзенхауэра, в вооруженных силах США осталось только 88 мелких подразделений, состоявших из черных.

В войсках США в Западной Европе 83% всех афро-американских солдат служили в интегрированных частях. В Японии и в странах Тихого океана все американские воинские части были полностью интегрированы. И тем не менее проблема расовой дискриминации в вооруженных силах полностью еще не была решена.

Этот вопрос неоднократно привлекал к себе внимание во время избирательных кампаний. Так, например, в 1956 г. во время второй избирательной кампании Эйзенхауэра демократы, стремясь подорвать позиции республиканского кандидата в президенты, обвиняли его в том, что он персонально ответственен за сегрегацию в вооруженных силах США. В октябре 1956 г., отвергая это обвинение, Эйзенхауэр напомнил, что он был первым командующим, в ведении которого находились смешанные воинские части. Эйзенхауэр подчеркивал, что, начиная с 1953 г., республиканское правительство неоднократно занималось вопросом о расовой дискриминации в вооруженных силах и министерство обороны приняло меры для решения этих проблем.

Личный вклад Эйзенхауэра в решение этих вопросов был бесспорен. Однако расовая дискриминация в вооруженных силах все еще сохранялась. И это было естественно, т. к. вооруженные силы – это часть общества, а оно во многом еще было поражено расовой дискриминацией.

Важную роль в принятии решений, касающихся гражданских прав, сыграли соображения предвыборной борьбы. В избирательной кампании 1952 г. проблема черных американцев играла меньшую роль по сравнению с соответствующей кампанией 1948 г. Генералу Эйзенхауэру, имевшему большую популярность, не было особой необходимости лавировать в расовом вопросе, чтобы получить дополнительные голоса афро-американцев. В силу этого его предвыборные обещания в вопросах гражданских прав есть основания рассматривать как вполне искренние. Показательно, что 2 ноября 1952 г., в самый канун голосования, Эйзенхауэр выступил с кратким перечнем того, что он намеревался претворить в жизнь, если его изберут президентом страны. На первое место кандидат республиканцев поставил обещание «служить интересам всех американцев независимо от расы». Этот факт являлся убедительным свидетельством того, что даже столь популярный кандидат на высший государственный пост, как генерал Эйзенхауэр, не мог не учитывать важное значение проблемы черных.

Организаторы и руководители избирательной кампании Эйзенхауэра, несравненно более

изошренные в политической борьбе, чем он сам, всемерно подчеркивали необходимость для кандидата республиканцев уделять значительное внимание проблемам черных американцев в ходе борьбы за Белый дом.

9 апреля 1952 г. конгрессмен Клейтон Пауэл писал Эйзенхауэру, чтобы тот «немедленно дал указание сенатору Лоджу (руководителю предвыборной кампании Эйзенхауэра. – Р. И.) включить негра в штаб, руководящий избирательной борьбой кандидата»^[914].

В ходе президентской кампании республиканская партия довольно откровенно сделала ставку на улавливание голосов белых расистов Юга. Эйзенхауэр, выступая в сентябре 1952 г. в Атланте, апеллировал к диксикратам, назвав их «свободными американцами», которых страшатся боссы демократической партии. Довольно откровенный правый крен республиканцев в вопросах межрасовых отношений дал возможность Трумэну выступить 18 октября 1952 г. с заявлением, что Эйзенхауэр и республиканская партия поддерживают «философию расового превосходства, разработанную нацистами». Это был настоящий удар ниже пояса, откровенная расовая демагогия. Следует указать, что избирательная программа демократов мало чем отличалась от предвыборной программы их политических конкурентов.

Эйзенхауэр без каких-либо политических перегрузок водворился в Белом доме. Он не давал особенно широкообещательных обещаний черным американцам в ходе избирательной кампании, и ему не надо было платить по политическим векселям. Новый президент рассчитывал пробыть свой срок в Белом доме, не предпринимая решительных шагов в таком сложном вопросе, как межрасовые отношения. Однако Эйзенхауэру не удалось тихо отсидеться за стенами Белого дома. Именно на восьмилетний период его президентства пришлось первые после окончания Второй мировой войны серьезные расовые конфликты, вызвавшие в последующие годы цепную реакцию мощнейших выступлений афро-американцев в защиту своих прав.

Важной акцией в сфере межрасовых отношений в годы пребывания у власти республиканской администрации явилось решение Верховного суда о десегрегации в школах, принятое в 1954 г. Это была давно назревшая мера, потому что на протяжении почти 100 лет после периода Реконструкции на Юге проводилась почти 100-процентная сегрегация школ, что вызывало резкие протесты черных. Например, в 11 штатах бывшей рабовладельческой Конфедерации только 2, 1% черных школьников посещали в 1954 г. школы для белых. Суть проблемы заключалась не только в том, что сегрегация в школах унижала человеческое достоинство афро-американцев. Нужно учитывать и то, что в школах для черных были несравненно худшие условия, чем в школах для белых детей. Не получив необходимого общеобразовательного минимума в детстве, афро-американцы не могли рассчитывать на хорошую работу после завершения образования.

Объективно решение Верховного суда было прогрессивной мерой, направленной на преодоление одного из наиболее вопиющих проявлений расизма. Оно было призвано сбить путем реформ поднимавшуюся волну революционных выступлений негритянского населения. Показательно, что решение Верховного суда было принято в тот момент, когда началось массовое движение негров за гражданские права, имевшее наступательный и хорошо организованный характер. Расисты встретили в штыки решение Верховного суда о десегрегации школ на Юге. Град упреков обрушился и на президента, хотя он не проявлял инициативы в проведении этой акции. Предприниматель из Южной Каролины, голосовавший за Эйзенхауэра, писал ему 5 октября 1954 г.: «Мы страшно разочарованы в

Вас. Вы обещали нам соблюдение прав штатов, а вместо этого мы получили приказы исполнительной власти». Теряя всякое чувство меры, автор письма подчеркивал: «Эта идея (десегрегация школ. – Р. И.) могла зародиться только в России, она не имеет ничего общего с американизмом»^[915].

В связи с постановлением Верховного суда расисты решили дать открытый бой своим черным соотечественникам и всем противникам расовой дискриминации.

10 февраля 1956 г. восемь конгрессменов писали президенту Эйзенхауэру: «Открытое неповиновение решению Верховного суда не является мнимой опасностью ...несколько штатов уже заявили, что они не сделают ни одного шага в направлении интеграции школ на основании этого решения»^[916].

Конгрессмены были правы: на Юге США назревал серьезный кризис в межрасовых отношениях. Открыто готовилась антиконституционная мера, направленная против решения Верховного суда о десегрегации школ в южных штатах. Подготавливался тяжелый удар по престижу администрации Эйзенхауэра.

Дело, однако, было не в личных амбициях президента. Срыв расистами решения Верховного суда вызвал бы массовые выступления протеста со стороны черных американцев в масштабах всей страны. Последствия таких выступлений были непредсказуемы.

Стремясь дискредитировать решение Верховного суда, расисты шантажировали Белый дом угрозой коммунизма, которая исходила якобы от подобных шагов. 13 мая 1957 г. законодатель из Джорджии писал Эйзенхауэру: «Почему бы коммунистам не приветствовать это решение? Кто больше их выиграет от него?»^[917].

«Происки коммунистов» видел в решении Верховного суда и другой корреспондент Эйзенхауэра – судебный чиновник из Алабамы. «Насколько же мы были глупы, – писал он президенту 12 сентября 1957 г., – что позволили коммунистам и левым втянуть нас в эту страшную кутерьму. Для меня совершенно ясно, что коммунисты и левые прячутся в тени этого решения»^[918]. Эйзенхауэр подвергался резким нападкам со стороны расистов, видевших в президенте чуть ли не соучастника «коммунистических выступлений».

В создавшейся ситуации, с учетом расистских традиций среди определенной части американского общества, особенно в южных штатах, нелегко было выступить в поддержку решения Верховного суда. Учитывая позицию прогрессивной общественности и опасаясь, что бесчинства расистов в Литл-Роке, где особенно обострилась расовая нетерпимость, могут спровоцировать серьезные расовые беспорядки, Эйзенхауэр отдал приказ федеральным войскам предотвратить назревавшее побоище. В принятии этого решения, безусловно, сыграло свою роль и твердое убеждение президента в правильности постановления Верховного суда.

Это решение президента вызвало бурю протестов расистов во всех южных штатах. 25 января 1958 г. Исполнительный комитет демократической партии штата Алабама единогласно принял резолюцию, в которой говорилось о «незаконных действиях президента Соединенных Штатов, пославшего в суверенный штат Арканзас федеральные войска, которые силой штыков загоняют белых и черных детей в общие школы. Демократы Алабамы считали, что решение Эйзенхауэра «нанесло величайший вред благополучию обеих рас и на целое поколение, а может быть, и больше, отравило дружеские отношения, установившиеся между двумя расами». Штаб-квартира демократической партии в штате Алабама явно теряла чувство меры, утверждая, что на Юге страны были «дружеские отношения» между черными американцами и белыми расистами. Бесспорно, что Исполнительный комитет

демократической партии в Алабаме беззастенчиво приукрашивал порядки, существовавшие в этом штате. В той же резолюции утверждалось: «В условиях добровольной и мирной сегрегации рас негры Алабамы за последние 80 лет добились невиданного в истории прогресса, равного которому они не знают нигде»^[919].

Это уже было открытое восхваление расовой сегрегации!

Расисты сумели сохранить сегрегацию в подавляющем большинстве школ Юга. А те немногие учебные заведения, где сегрегация была ликвидирована, они подвергали постоянной травле, не останавливаясь перед грубейшей клеветой на черных учеников. Губернатор Виргинии, например, выступая по радио в январе 1959 г., говорил о «мрачном зловонии садизма, секса и аморальности»^[920] в десегрегированных школах округа Колумбия и в других районах Юга.

Расистский блок в конгрессе решительно осуждал решение Верховного суда о введении совместного обучения белых и черных школьников. Сенатор от штата Джорджия Герман Телмедж 3 февраля 1959 г. в письме Эйзенхауэру назвал его решение «одной из величайших трагедий, обрушившихся на США, на протяжении всего нового периода истории страны»^[921].

Решение Верховного суда о десегрегации школ в южных штатах практически не было претворено в жизнь. И если расисты развернули столь бурную кампанию протеста, то делали они это в «профилактических» целях. Они хотели избежать нежелательного для них прецедента, стремились предотвратить малейшие покушения на «права штатов», на систему джимкроуизма, господствовавшую на Юге.

Противники расовой сегрегации выступили с резкой критикой нерешительной позиции федерального правительства. В одном из многочисленных писем протеста, поступавших на имя президента Эйзенхауэра, говорилось: «Положение намного сложнее, чем многие из нас себе представляют, и события в любой момент могут выйти из-под контроля». Имея в виду обстановку в штате Арканзас, где распоясавшиеся расисты бросили прямой вызов федеральному правительству, автор письма подчеркивал: «Преступления принимают все более тяжкий характер и перерастают в акты вандализма, потому что участники этих преступлений абсолютно убеждены в поддержке губернатора». Взрывы и поджоги школ, избиения черных учеников стали на Юге обычным явлением. Автор приведенного письма выражал большое беспокойство по поводу отрицательного «воздействия подобных инцидентов на внешнюю политику США... Я никогда ранее не слышал, – подчеркивалось в письме, – чтобы в какой-либо другой стране взрывали школы даже во время войны»^[922].

17 ноября 1958 г. представительница массовой консервативной организации Национальный совет черных женщин, объединявшей состоятельных представительниц афро-американского населения, заявила, что жесточайшую дискриминацию черных американцев «трудно и даже невозможно понять тем, кто не является американцем»^[923].

Пользуясь активной поддержкой властей южных штатов, расисты перешли к открытому террору против черных и их белых союзников.

4 сентября 1957 г. губернатор штата Арканзас Орвин Фобус приказал национальным гвардейцам преградить в городе Литл-Рок путь черным ученикам в школы для белых. Вашингтон был поставлен этим решением в очень щекотливое положение, ведь расисты бросили открытый вызов федеральному правительству. Прошло немало времени, прежде чем оно после мучительных колебаний решилось, наконец, направить в Литл-Рок войска, чтобы восстановить в городе порядок. Погромы и избиения черных прекратились, однако ни в

одном штате десегрегацию школ провести не удалось. В 1960 г. в интегрированных школах Арканзаса обучалось 0, 1% черных школьников, в Теннесси – 1%, в Техасе – 0, 1%, в Виргинии – 0, 1%. В шести южных штатах ни один черный школьник не переступил порога школы для белых. Гора родила мышь. Более 10 тыс. солдат, направленных президентом в Литл-Рок, не смогли обеспечить негритянским детям право на совместное обучение с белыми школьниками.

В письмах в Белый дом противники расовой дискриминации все чаще подчеркивали, что время бесплодных увещаний расистов из южных штатов прошло и федеральное правительство должно решиться на применение силы.

Назрела настоятельная необходимость применения силы по отношению к зарвавшимся поборникам превосходства белой расы.

В одном из писем на имя Эйзенхауэра, датированном 7 января 1956 г., говорилось, что «сегрегация и дискриминация – преступления, равные убийству и похищению детей». Автор письма призывал президента принять решительные меры против «бесчисленных фашистских организаций – Советов белых граждан» и настаивал на необходимости применить террор против реакционеров на Юге. «Все американские президенты, – констатировалось в письме, – включая Линкольна, который проявил себя наиболее пронизательным в этих вопросах, колебались, когда возникала необходимость применить силу». В заключение письма автор делал вывод, что принятие решительных репрессивных мер по отношению к расистам Юга – «ключ к будущему Америки. От этого зависит, пойдут ли США по пути фашизма или демократии»^[924].

Политика республиканского правительства в определенной мере создавала проблемы в борьбе с расистами южных штатов. Эйзенхауэр, в частности, откровенно заявлял, что он является убежденным сторонником «прав штатов». 29 октября 1956 г. в разгар избирательной кампании, в ходе которой он во второй раз баллотировался в президенты страны, Эйзенхауэр сказал в одном из своих выступлений на Юге, что вопросы, связанные с гражданскими правами, нужно решать «в максимально возможной степени на местной базе и в масштабах штатов».

На практике это означало, что проблемы, возникающие в сфере межрасовых отношений, надлежало решать в первую очередь властям южных штатов, где в то время бесконтрольно господствовали противники предоставления гражданских прав черным американцам.

Положение президента было исключительно сложным. Он не мог абстрагироваться от проблем избирательной борьбы. В частности, Эйзенхауэр остро нуждался в поддержке своей партии в южных штатах. А это заставляло его лавировать в вопросе о гражданских правах. Было бы наивным полагать, что президент страны мог игнорировать глубоко укоренившиеся в политическую жизнь США проблемы, связанные с традиционными «правами штатов».

Прогрессивные силы использовали решение Верховного суда по вопросу о десегрегации школ в интересах борьбы против расизма. Известный лидер афро-американцев Филипп Рэндольф 1 августа 1958 г. писал Эйзенхауэру: «Интеграция школ превратилась в фактор символического характера, который оказывает свое воздействие на все другие способы борьбы за гражданские права». Рэндольф подчеркивал, что движение за десегрегацию школ «не негритянская, а общеамериканская проблема»^[925].

Активно участвовала в борьбе за десегрегацию школ негритянская церковь. В 1954 г. пресвитерианская церковь от имени 3 млн своих прихожан заявила, что борьба за десегрегацию школ свидетельствует о «наступлении критического момента в межрасовых

отношениях». В заявлении говорилось, что борцы за уничтожение расовой дискриминации непременно добьются победы: «Западные страны не смогли помешать народам Азии и Африки завоевать свободу. И ничто не помешает американским неграм добиться подобного им места в системе нашей демократии. Расовая интеграция в США неизбежна»^[926].

Ожесточенная борьба, развернувшаяся вокруг десегрегации школ, привлекла внимание всей страны и международной общественности к проблеме дискриминации черных американцев в целом. Исполнительный секретарь Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) Рой Уилкинс 2 декабря 1955 г. писал в Белый дом, что у многих жителей Юга сложилось впечатление, что «федеральное правительство не может или не отважится высказаться за осуждение угнетения, которому подвергаются многие небелые граждане США»^[927].

Сегрегация школ была только малой толикой проявлений расовой дискриминации, которая охватывала многие сферы жизни американского общества, особенно в южных штатах. Здесь нередко дело доходило до открытого террора по отношению к черным.

Из штата Флорида в январе 1959 г. сообщалось о факте изнасилования четырьмя белыми черной студентки, об избиениях афро-американцев, участвовавших в голосовании, о других актах террора против чернокожих граждан США^[928].

Напряженность в южных штатах возрастала. 25 марта 1960 г. Эдвард Бренстер, белый профессор из Мемфиса, штат Техас, писал Эйзенхауэру о массовых арестах черных студентов Мемфиса за попытку пользоваться сегрегированными библиотеками, музеями, о лишении их временной работы за участие в борьбе против расовой дискриминации, о терроре против белых, выступающих в поддержку своих черных сограждан. Автор письма делал вывод, что если не будут приняты срочные меры, то «будущее сулит еще более тяжелые испытания... Возникла самая настоятельная необходимость спасти граждан Мемфиса друг от друга»^[929].

Правящие круги США были очень встревожены. В одном из меморандумов, подготовленных сотрудниками Белого дома в ноябре 1955 г., говорилось: «Хорошо известен факт, что в Миссисипи негры создают подпольные организации и полны решимости защищать себя методами, которые, будучи пущены в ход, приведут только к усилению террора и кровопролития»^[930].

Особенно болезненно правящие круги США реагировали на массовые манифестации черных и белых противников расовой дискриминации. В канун третьей годовщины со дня принятия решения Верховного суда о десегрегации школ была запланирована массовая манифестация противников расовой дискриминации в Вашингтоне. В связи с этим в меморандуме, подготовленном для ближайшего советника и помощника Эйзенхауэра Адамса, указывалось на «значительную опасность для администрации»^[931] подобной акции.

По оценкам Белого дома, 25 октября 1958 г. более 10 тыс. сторонников десегрегации из восьми штатов и округа Колумбия участвовали в демонстрации, проследовавшей по улицам столицы к мемориалу Линкольна. В официальных кругах были обеспокоены тем, что Коррета Кинг, жена известного негритянского лидера Мартина Лютера Кинга, выступившая по его поручению перед участниками демонстрации, призвала их к решительным действиям в защиту прав черных граждан США. «Будущее, – заявила она, – принадлежит только тем, кто стремится к свободе»^[932].

Эйзенхауэр категорически отказался принять представителей молодежи, участвовавших в этой демонстрации. Это вызвало решительные протесты со стороны молодежных организаций страны. В одном из писем протеста на имя президента в связи с его отказом выслушать молодых американцев говорилось, что расовые конфликты могут привести к торжеству известной формулы «Око за око, зуб за зуб»^[933]. Руководители молодежных организаций выступали против того, что президент отказывается от обмена мнениями по проблемам черных американцев, которые стояли с такой остротой. 28 ноября 1958 г. секретарь-казначей организации студентов-баптистов Колорадо писала Эйзенхауэру: «Мы пытаемся понять, почему игра в гольф более важна для вас, чем беседа с представителями 10 тыс. студентов по столь критическому вопросу, как расовый. Мы хотим знать, что надо сделать, чтобы наш голос был услышан, чтобы доказать, что нас интересует не только рок-н-ролл»^[934]. Бурная реакция противников расовой дискриминации на события в Арканзасе свидетельствовала о все возраставшей активности не только черных, но и белых противников расизма.

В годы президентства Эйзенхауэра появляются новые формы борьбы с расизмом. 5 декабря 1955 г. в г. Монтгомери (штат Алабама) начался бойкот сегрегированных автобусов. Под палящими лучами солнца и проливным дождем, под градом насмешек и оскорблений местных расистов, игнорируя террор, угрозы и провокации, 381 день подряд 50 тыс. черных жителей города предпочитали ходить пешком, но не пользоваться сегрегированным транспортом. Расисты капитулировали, сегрегация местного транспорта была запрещена. Решающую роль в победе участников бойкота сыграл тот факт, что их действия угрожали святой святым предпринимателей – их прибылям. Руководил бойкотом 27-летний пастор баптистской церкви Мартин Лютер Кинг, имя которого после событий в Монтгомери стало известно всей стране^[935].

События в Монтгомери всколыхнули негритянское население многих городов Юга. Бойкот городского транспорта, сегрегированных магазинов, мест общественного пользования и другие массовые выступления в защиту прав черных граждан США произошли во многих южных штатах.

Это был качественно новый этап в борьбе афро-американцев, подготовленный глубокими сдвигами социально-экономического характера на Юге и всем предшествовавшим развитием негритянского движения.

Исключительно важное значение имело то, что впервые после периода Реконструкции южные штаты стали ареной массовых выступлений черного населения. События в Монтгомери доказали возможность успешной борьбы афро-американцев в самом сердце Юга, в цитадели расизма. Отныне не только Север, но и вся страна стала ареной массовых, активных выступлений против расовой дискриминации в самых различных ее проявлениях.

Мощный подъем негритянского движения наложил свой отпечаток на избирательную кампанию 1956 г. Четыре года пребывания республиканцев у власти доказали, что, если республиканцы хотят победить в избирательной кампании, правительство Эйзенхауэра должно пересмотреть свою расовую политику. Показательно, что избирательная программа республиканцев в большей мере, чем у демократов, учитывала интересы черных избирателей. Это сыграло свою роль в ходе предвыборной борьбы, явилось одной из решающих причин уверенной победы Эйзенхауэра на выборах. Кандидат республиканцев был переизбран в президенты огромным большинством в 9,6 млн голосов.

Бойкот в Монтгомери получил большой резонанс и на Юге, и на Севере. Стало

очевидным, что это только прелюдия к новому подъему борьбы против расизма. Стремясь предупредить «расовые беспорядки», республиканская администрация проявила законодательную инициативу, результатом которой стал закон о гражданских правах. Наиболее важным пунктом закона было предоставление министру юстиции права возбуждать в окружных судах дела против нарушителей избирательных прав. Ближайшие события доказали, что закон 1957 г. был не очень успешной попыткой с помощью законодательных полумер поставить преграду на пути подъема движения черных, отвести его в русло реформистского решения жизненно важных для афро-американцев проблем.

Общественность страны резко отрицательно отреагировала на принятие закона о гражданских правах. В Белом доме внимательно следили за реакцией лидеров черных и широких масс афро-американцев на закон о гражданских правах 1957 г. В меморандуме от 12 июля 1957 г., подготовленном для Шермана Адамса, говорилось: «Черные встревожены сообщениями о том, что администрация намерена «смягчить» положения правительственного билля по вопросу о гражданских правах». В нем констатировалось, что подавляющее большинство лидеров афро-американцев было разочаровано скромными результатами этого законодательного акта. «На протяжении последних нескольких дней, – говорилось в меморандуме, – разговоры о капитуляции администрации перед Югом привели к резкому повороту в настроениях и поведении руководителей негров»^[936].

Администрацию Эйзенхауэра серьезно беспокоило, какое влияние окажет закон о гражданских правах на черных избирателей. Приближались промежуточные выборы 1958 г., и руководство федерального правительства было озабочено ростом антиреспубликанских настроений среди избирателей – афро-американцев. «Положение сегодня таково, – констатировалось в цитированном документе, – что мы не только можем понести большой моральный ущерб, но и ослабить свои позиции в законодательной сфере, потерять на выборах тысячи потенциальных голосов черных»^[937].

Для столь пессимистической оценки были достаточно серьезные основания. Многие лидеры негритянского движения публично осудили эту законодательную инициативу федерального правительства. Председатель исполкома Национального совета братств Ревренд Джернгин давал следующую оценку закона о гражданских правах 1957 г.: «Лично я считаю, что лучше не надо никакого билля, чем тот, который прошел через сенат»^[938]. Против закона о гражданских правах решительно выступили организованные рабочие – афро-американцы. Филипп Рэндольф, обращаясь к президенту Эйзенхауэру, заявил: «От имени руководства и членов Международного профсоюза проводников спальных вагонов настаиваю на том, чтобы вы наложили вето на билль о гражданских правах. Лучше не иметь ничего, чем этот билль»^[939].

Весь ход общественно-политической жизни США в годы президентства Эйзенхауэра свидетельствовал о резком возрастании роли афро-американцев в жизни страны. Уже в первые послевоенные годы стало очевидным, что афро-американский вопрос ни в коей мере не является только проблемой черных американцев. Борьба за гражданские права, широкое движение против расовой дискриминации затрагивали жизненные интересы всей американской нации. Ветеран движения черных американцев Филипп Рэндольф, обращаясь к президенту Эйзенхауэру, подчеркивал, что расовая дискриминация «является проблемой общенационального характера: в глазах всего мира и в сердцах миллионов американцев вопрос, который мы обсуждаем, является барометром американской демократии»^[940]. Показания этого барометра свидетельствовали о чрезвычайно низком уровне американской

демократии и о скором приближении социальной бури, которая потрясет устои американского общества. На общенациональный характер афро-американского вопроса, на прямую связь между движением за гражданские права и борьбой за демократизацию страны указывали американские коммунисты. Основная политическая резолюция, принятая в 1957 г. XVI Национальным съездом компартии США, гласила: «Подобно тому, как столетие назад уничтожение рабства на Юге страны было необходимо для нашего прогресса, так и сейчас ликвидация расовой дискриминации, наиболее распространенной в южных штатах, становится необходимым условием демократического прогресса США»^[941]. Вся последующая история страны доказала правильность этой оценки. По мере активизации движения за гражданские права росло самосознание черных американцев, активизировалось их участие в политической жизни, в избирательной борьбе. Лидер движения черных американцев Мартин Лютер Кинг 30 августа 1957 г.

писал вице-президенту США Ричарду Никсону: «Голоса негров в политической жизни нации становятся все более решающим фактором»^[942]. И действительно, они начинали играть заметную роль в избирательных кампаниях. Это накладывало свой отпечаток на политическую стратегию и тактику и республиканцев, и демократов.

На Юге росли, как ядовитые грибы, советы белых граждан, координировавшие все усилия расистов, направленные против попыток федерального правительства ликвидировать особенно вопиющие факты расовой нетерпимости. О масштабах деятельности этих организаций свидетельствовал тот факт, что к 1957 г. число членов советов белых граждан достигло 300 тысяч.

Расисты ответили на активизацию движения в защиту гражданских прав усилением террора. В феврале 1956 г. в Джорджии был убит черный активист местного отделения НАСПЦН. В Миссисипи за два года жертвами террора пали семь афро-американцев. На протяжении 1955—1958 гг. на Юге имели место 350 террористических актов, 29 из них со смертельным исходом. Никто из убийц не был привлечен к уголовной ответственности.

Расисты, в том числе и прорасистски настроенные историки, объясняли факты террора против черных американцев извечной и непреодолимой, по их мнению, враждой между белыми и черными. Восстановление нормальных отношений между представителями двух рас они считают неисполнимой и вредной мечтой. Расисты были глубоко убеждены в незыблемости расовой сегрегации. Как писал в Белый дом один поборник расовой сегрегации, «соединить вместе (белую и черную. – Р. И.) расы равносильно тому, чтобы заставить ассоциироваться евреев и арабов»^[943].

Искусственно насаждаемые расовые предрассудки глубоко укоренились в сознании многих белых американцев. По данным обследования Института Харриса, 88% белых не желали иметь своими соседями черных, 80% опрошенных белых американцев не хотели видеть своих близких в браке с чернокожими гражданами США.

Не отрицая глубоко укоренившихся расовых предубеждений в США, особенно на Юге страны, необходимо, вместе с тем, подчеркнуть, что расизм всемерно поощрялся определенными кругами монополистического капитала, получавшими большие прибыли от сверхэксплуатации черных американцев.

Массовая миграция афро-американцев в годы Второй мировой войны и в послевоенный период, стремительный рост численности афро-американского пролетариата – все это вызывало повышенный интерес к вопросу о положении черных рабочих, об их взаимоотношениях с белыми рабочими.

В годы президентства Эйзенхауэра эта проблема отличалась большой остротой. Маневрируя в сложных вопросах межрасовых отношений, администрация Эйзенхауэра всемерно стремилась борьбу против расовой дискриминации перевести в русло спокойных академических дискуссий, всемерно избегать крови и насилия. Это далеко не всегда удавалось, но соответствующая стратегия в межрасовых отношениях была очевидна. Сторонники такого подхода к расовым проблемам считали и считают, что эволюция межрасовых отношений, смягчение нравов, терпимость, поиски путей для взаимопонимания являются столбовой дорогой к решению проблем черных американцев.

Лидеры Америки не устают призывать ее черных граждан к терпению и спокойствию в ожидании постепенного решения расовой проблемы. Подобной позиции придерживался и президент Эйзенхауэр. В условиях резкого кризиса, вызванного отказом расистов в южных штатах подчиниться решению Верховного суда об отмене расовой сегрегации в школах, он заявил 14 сентября 1957 г., что «самое главное – это терпение». 12 мая 1958 г. в речи на конференции руководителей движения черных американцев президент говорил о том, что осуществление гражданских прав зависит от просвещения и убеждения. Эйзенхауэр настоятельно советовал лидерам афро-американцев проявить «терпение» и «стойкость».

Бесспорно, имелось свое рациональное зерно в утверждениях о том, что насилие – малоэффективный путь решения проблем межрасовых отношений. Более того, этот путь чреват осложнениями самого серьезного характера. Эволюционный путь решения межрасовых проблем имеет свои преимущества, но при условии, если его последовательно придерживаются обе стороны и дискриминируемые граждане видят, что этот путь медленно, но неуклонно ведет к решению спорных проблем.

В конкретных условиях рассматриваемого периода эволюционный путь решения сложных проблем межрасовых отношений явно не срабатывал. И в первую очередь вследствие яростного сопротивления расистов в южных штатах. Сыграло свою роль и не столь вызывающее, но тем не менее упорное давление на правительство Эйзенхауэра монополистического капитала, получавшего в результате расовой дискриминации большие сверхприбыли.

Дискриминация черных в экономической сфере, расовая сегрегация в области народного образования и жилищного вопроса, расовая нетерпимость в южных штатах – все это стимулировало борьбу черных и белых противников расизма. В стране назревал новый взрыв в сфере межрасовых отношений.

В этих условиях администрация Эйзенхауэра предприняла еще одну попытку ослабить нагнетаемую напряженность путем законодательных мер. 24 марта 1960 г. палата представителей приняла новый билль о гражданских правах. Он предусматривал осуществление судебных мер для обеспечения права голоса черным и наказание в уголовном порядке за особенно вопиющие акты надругательства над черными американцами. Билль получил одобрение президента. Новый закон был очередной законодательной полумерой, рассчитанной больше на привлечение на свою сторону черных избирателей в связи с приближавшимися президентскими выборами 1960 г., чем на подлинную защиту их гражданских прав. Таков был скромный итог усилий республиканского правительства с целью добиться прогресса в разрешении проблем черных американцев.

Иного мнения придерживался сам президент. 1 августа 1955 г. в письме в Национальный комитет республиканской партии Эйзенхауэр следующим образом расценил вклад своего

правительства в разрешение вопроса о гражданских правах: «Мы имеем все основания для того, чтобы гордиться огромными достижениями последних 30 месяцев. Выданный кредит (предвыборные обещания. – Р. И.) будет сполна оплачен»^[944].

Подводя итоги первого президентства Эйзенхауэра, руководство республиканской партии заявило: «Прогресс, достигнутый за четыре года администрацией Эйзенхауэра в области гражданских нрав, беспрецедентен в американской жизни». Безудержно восхваляя свои собственные деяния, лидеры республиканцев делали вывод: «Под руководством администрации Эйзенхауэра американцы всех рас, убеждений и цвета кожи добились наибольших успехов в сфере гражданских прав со времени Авраама Линкольна»^[945]. Сам Эйзенхауэр, оценивая Закон о гражданских правах 1960 г., констатировал: «Я уверен, что этот закон – шаг вперед в области гражданских прав исторического значения»^[946].

Наигранный оптимизм республиканских лидеров разделяли далеко не все руководящие деятели правительства Эйзенхауэра. Государственный секретарь Джон Фостер Даллес, например, высказывался на этот счет вполне определенно: «Самое слабое место США – расовые предрассудки нашей страны»^[947].

Безусловно, что основным критерием в оценке позитивности вклада республиканской администрации в решение афро-американского вопроса являлось мнение самих черных американцев. Это мнение было выдержано далеко не в радужных тонах.

Дискриминация черных американцев, террор против борцов за гражданские права, неспособность федеральных властей удовлетворить даже умеренные требования афро-американцев – все это заставляло и не самых радикальных руководителей черных американцев выступать с требованиями принятия решительных мер в защиту черного населения США. Лидеры черных отмечали, что американские руководители, претендовавшие на роль блюстителей демократии в мировом масштабе, явно не преуспели в решении расовых проблем в своей стране.

Исполнительный секретарь НАСПЦН Рой Уилкинс писал в Белый дом: «Почему наше правительство не может... предпринять необходимые акции, чтобы защитить права американских граждан, в то время как оно ежедневно выступает с заявлениями в защиту прав граждан зарубежных стран?»^[948]

Рядовые афро-американцы высказывались по этому вопросу со всей резкостью и определенностью. Черный военнослужащий писал президенту Эйзенхауэру: «Европейцы говорят, что американцы хуже нацистов. Я нахожусь в Европе, чтобы защищать демократию, но оказывается, что на родине мне и другим неграм предоставляется слишком мало демократических свобод». Имея в виду события в Литл-Роке, автор письма подчеркивал, что США находятся накануне расовой гражданской войны^[949].

Председатель Комитета за правильное толкование понятия «негр» Джеймс Уолкер 18 декабря 1960 г. писал Эйзенхауэру, что вместо принятия решительных мер для пресечения расистских эксцессов на Юге президент «предпочел повышать свою квалификацию игрока в гольф». В заключение письма говорилось: «Мы больше не похожи на скотину. Мы добьемся полной свободы, если даже нам придется отдать жизнь в ходе мирного сопротивления дискриминации и сегрегации. Мы афро-американцы. Это наш дом, и мы хотим быть такими же полноправными, как все другие американцы»^[950].

Правящие круги США всемерно превозносили свои заслуги в деле ликвидации расовой дискриминации и в вооруженных силах. Однако в документах, подготовленных для

внутреннего пользования, признавалось сохранение значительных расовых дискриминационных ограничений в вооруженных силах страны. Так, например, в меморандуме, написанном для президента Эйзенхауэра в июне 1953 г. заместителем министра военно-морских сил, говорилось, что в Норфолке (штат Виргиния) процветает расовая дискриминация. Среди 30 тыс. военнослужащих, находившихся в этом районе, 35% были черными. Их использовали главным образом на тяжелых работах, дискриминировали в барах, ресторанах, кафетериях, во всех сферах обслуживания. Авторы меморандума объясняли сохранение расовой дискриминации традициями южных штатов^[951] и заверяли, что она будет уничтожена. Вместе с тем в меморандуме подчеркивалось: «Все решительно советуют... не пытаться ликвидировать дискриминацию в принудительном порядке. Все уверены, что использование силы для пресечения дискриминации приведет к возникновению больших трудностей»^[952].

25 апреля 1956 г. афро-американец Уильям Уильямс писал конгрессмену Адаму Пауэлсу: «Я глубоко уверен, что сегрегация далеко еще не уничтожена в вооруженных силах США». Автор письма подчеркивал: «Дискриминация в (военных. – Р. И.) учебных заведениях, неравенство при продвижении по службе, сегрегация в клубах и множество других проявлений расизма все еще сохраняются... Всевозможными ухищрениями и маневрами сторонники сегрегации все еще могут обходить закон, провозглашенный прокламацией президента (о запрещении расовой дискриминации в вооруженных силах. – Р. И.)». Автор просил не называть его имени^[953].

Дискриминация черных граждан США наносила большой ущерб престижу Соединенных Штатов Америки за границей. Это являлось одной из важных побудительных причин для Эйзенхауэра и наиболее дальновидной части его ближайшего окружения стремиться делать максимум возможного в сложившейся в то время обстановке для решения проблем, связанных с расовой дискриминацией.

Сохранявшаяся расовая дискриминация в вооруженных силах была особенно болезненной проблемой для Эйзенхауэра. Около сорока лет он отдал службе в армии, получил высшее воинское звание страны, по праву считался героем Второй мировой войны. Даже оппоненты генерала не могли отрицать, что он был безупречным служакой, требовательным, но заботливым и чутким по отношению к подчиненным военачальником. Как президент страны, Эйзенхауэр являлся главнокомандующим вооруженными силами США. С учетом всего сказанного он не мог не реагировать особенно болезненно на сохранение расовой дискриминации в вооруженных силах.

Расовая дискриминация вызывала решительные протесты со стороны ветеранов Второй мировой войны, которые помнили братство по оружию белых и черных солдат США. 10 января 1957 г. Американский комитет ветеранов войны в обращении к Эйзенхауэру подчеркивал, что расовая дискриминация «не локальная проблема, она выходит за границы штатов... Это не вопрос прав штатов... а проблема общенационального значения»^[954].

Уже в 50-х г. расовая проблема приобрела особую остроту. США к этому времени резко активизировали свою внешнюю политику. Кроме того, они вели большую идеологическую работу за рубежом, всемерно рекламируя американский образ жизни.

Падение престижа США за границей в связи с расовой дискриминацией в Соединенных Штатах стало постоянной и хлопотливой заботой американских специалистов психологической войны. Один из таких специалистов, капитан Джон Сильвер, писал в Белый дом: «Советский Союз, атакуя нас по вопросам об отношении к неграм в США,

одерживает победу за победой. И самое тревожное заключается в том, что он продолжает уничтожать веру во все то, что мы можем сказать о преимуществах американского образа жизни»^[955].

Автор письма интересно ставил вопрос о роли черных американцев в истории страны. Свои исторические экскурсы он связывал с современными проблемами афроамериканцев и с полным основанием делал вывод: «История негров – это действительно сага об Америке». Капитан Сильвер, анализируя отношение зарубежной общественности к проблемам афроамериканцев, делал следующие обобщения. «Как мир интерпретирует роль негров в Америке?» – спрашивал автор письма. По его мнению, «наиболее стереотипное отношение к этому вопросу сводится к следующему:

1. Негры в Америке – изгои общества, которых повсеместно ненавидят остальные американцы.

2. Негров принуждают работать за мизерную заработную плату и проживать в гетто, лишают прав посещать бесплатные государственные школы, лечиться в больницах и т. д.

3. Негры не имеют в судах даже подобия справедливого отношения. Их лишают права защиты в суде присяжных.

4. Негров линчуют и заживо сжигают, а их дома взрывают. Они вынуждены пользоваться самыми неудобными местами в общественном транспорте.

5. Неграм никогда не дают возможности принимать участие в делах американского правительства. Им отдают должное только как артистам и спортсменам».

Капитан Сильвер в определенной мере утрировал в своем письме вопрос об оценках за рубежом США проблемы черных американцев. Однако многое в перечисленных им пунктах отражало действительную реакцию мировой общественности на положение афроамериканцев в США.

Вопросы, поднятые Джоном Сильвером, имели очень важное значение для правящих кругов США не только в плане психологической войны. Они были самым неразрывным образом связаны с внешней политикой США в целом, с многогранной проблемой всемерной популяризации американского образа жизни. А на протяжении всего послевоенного периода и демократические, и республиканские правительства уделяли этой пропаганде первостепенное внимание.

Капитан Сильвер получил ответ на свое письмо из министерства обороны, в котором говорилось, что «соответствующее использование цветных в психологической войне в мире, который в своей большей части состоит именно из цветных, может оказаться сильнейшим американским секретным оружием»^[956]. Однако это «секретное оружие» постоянно давало осечки. Никакие пропагандистские усилия не могли скрыть от международной общественности фактов дискриминации в США черных и других цветных американцев.

Это было серьезным поражением США на внешнеполитическом фронте. Всякий объективно настроенный человек за пределами США невольно задавал себе вопрос: если Соединенные Штаты настойчиво претендуют на руководство миром, то что они могут предложить народам других стран, когда черное население США, составляющее 11% всего населения страны, постоянно живет под гнетом расовой дискриминации?

На протяжении всего периода пребывания Эйзенхауэра у власти представителями американской общественности очень требовательно ставился вопрос о международном резонансе, производимом дискриминацией цветных американцев в США. 15 июня 1955 г. конгрессмен Стюард Азелл писал Эйзенхауэру, что он внес в палату представителей билль о

предоставлении федеральной финансовой помощи тем школам, которые осуществляют десегрегацию. Автор письма не скрывал, что решение этого вопроса рассчитано во многом на за границу. «Я убедительно прошу Вас, – подчеркивал конгрессмен, – серьезно рассмотреть мой билль... Если он получит силу закона, это даст нам возможность наглядно продемонстрировать всему миру, что в нашей стране равенство возможностей для всех граждан является незыблемым правом»^[957].

Осенью 1958 г. Эйзенхауэр получил письмо из Седелиа (штат Миссури), в котором говорилось, что с учетом международного общественного мнения, хорошо осведомленного об остроте проблемы расовой дискриминации в США, события, связанные с безуспешными попытками десегрегации школ на Юге США, создают для американцев серьезные трудности. «Известно, – говорилось в письме, – старое изречение: человек, живущий в стеклянном доме, не должен бросаться камнями»^[958].

Все более настойчиво звучал голос организованных рабочих. Сознательные белые рабочие понимали, что расовая дискриминация идет вразрез с их классовыми интересами. В конце 1956 г. секретарь-казначей Калифорнийского отделения АФТ писал Эйзенхауэру, что ежегодный съезд этого профсоюза высказался за «отмену дискриминации из-за расы, цвета кожи или вероисповедания в жилищном строительстве как общественном, так и государственном. Организованные рабочие шокированы тем, что эта проблема игнорируется, особенно в федеральной программе частного домовладения»^[959].

19 апреля 1960 г. президент Кливлендского отделения Международного профсоюза рабочих автомобильной, авиационной и сельскохозяйственной промышленности Джон Девиц писал Эйзенхауэру, что собрание членов профсоюза приняло решение просить президента США использовать все свое влияние, всю власть для «оказания помощи неграм, борющимся за свободу. Мы, представители рабочего движения, уверены, что свобода – дело всех». Касаясь связи между курсом в афро-американском вопросе и внешней политикой США, автор письма подчеркивал: «Америка не должна быть двуличной и проводить одну политику за границей, а другую у себя дома». Руководители США были серьезно обеспокоены теми трудностями, которые создавала политика расовой дискриминации для США на международной арене. Об этом, в частности, свидетельствовал ответ Эйзенхауэра от 26 сентября 1957 г. на письмо посла США в Великобритании Джона Уитнея: «Ваше письмо, – писал президент, – кажется, было первым документом, появившимся за последние недели на моем письменном столе, которое не касалось событий в Литл-Роке». Положение в этом городе, очевидно, очень тревожило Эйзенхауэра. «Обстановка в Литл-Роке, – писал президент Уитнею, – продолжает оставаться плачевной, и перспектива на разрешение проблемы малообнадлежающая. Самым отрицательным я считаю внимание, уделяемое событиям в Литл-Роке мировой прессой, и соответствующее впечатление, которое они оказывают как на наших друзей, так и на наших врагов»^[960].

Эйзенхауэр был прав – морально-политические издержки событий в Литл-Роке были для Соединенных Штатов очень значительными.

В период президентства Эйзенхауэра быстро развивался процесс роста самосознания черных американцев. Наметились значительные сдвиги при решении вопросов укрепления союза белых и черных трудящихся, направленного на борьбу и с расовой дискриминацией, и на защиту социальных прав трудящихся.

Администрации Эйзенхауэра в значительной мере удавалось амортизировать расовые конфликты. Важную роль в осуществлении этой политики маневрирования между

различными расовыми группировками играли законодательные акты в области межрасовых отношений, которые были приняты в годы республиканского правления.

Как указывалось выше, нельзя переоценивать практический результат законов о гражданских правах. Однако их моральный эффект был бесспорен.

Показательно, что за восьмилетний период президентства Эйзенхауэра не было таких серьезных потрясений в сфере межрасовых отношений, как бурные события 60-х гг., получившие в Соединенных Штатах и в мировой политической литературе название «негритянской революции».

В оценке позиции Эйзенхауэра в негритянском вопросе исключительно важное значение имеет мнение самого авторитетного его биографа С. Амброуза. «Даже, – пишет он, – когда на Юге участились случаи насилия, Эйзенхауэр ни разу не высказался о несправедливости сегрегации с точки зрения морали, что позволило упорным ее сторонникам утверждать: Эйзенхауэр тайно на их стороне, и это было как бы оправданием их тактики»^[961]. Амброуз резко негативно относится к такой позиции президента: «В отношении ...гражданских прав... отказ Эйзенхауэра идти впереди носил почти преступный характер»^[962].

В работах американских авторов, посвященных жизни и деятельности Эйзенхауэра, как правило, мало уделяется внимания освещению позиции Эйзенхауэра в негритянском вопросе. Исключение составляет интересная работа Роберта Барка^[963].

Скромное внимание, которое американские биографы Эйзенхауэра уделяют его политике по отношению к черным американцам, объясняется, очевидно, во многом их принципиальным нежеланием касаться такой злободневной темы, как вопрос о гражданских правах черных американцев.

В значительно большей мере, отдавая дань американским традициям, биографы Эйзенхауэра останавливаются на его привычках и склонностях, на личных интересах хозяина Белого дома в 1953—1961 гг.

Эйзенхауэр называл Белый дом «президентской тюрьмой» и никогда не упускал случая покинуть свою резиденцию и одновременно офис хотя бы на короткое время.

Антипатию Эйзенхауэра к Белому дому отмечали и люди, близко знавшие президента. Один из американских журналистов заявлял, что Белый дом – это могила хорошо известного солдата.

Эйзенхауэр был легок на подъем, любил перемену мест и обстановки и не видел причин изменять своим привычкам после избрания президентом. «Я не считаю, – заявил он однажды, – что кто-либо вне зависимости от того, руководит ли он «Дженерал моторс» или Соединенными Штатами Америки, будет наилучшим образом выполнять свою работу за письменным столом, уткнув нос в ворох бумаг»^[964]. К слову сказать, на письменном столе президента всегда был образцовый порядок. И если на нем лежали какие-либо документы, то только те, которые имели прямое отношение к рассматриваемому вопросу.

Осенью 1955 г. супруги Эйзенхауэр отправились отдохнуть в Денвер, к матери Мэми. Президент чувствовал себя очень бодро. Он говорил, что никогда за последние годы у него не было столь прекрасного морального и физического состояния. И вдруг ночью он неожиданно проснулся от резкой, режущей боли в груди. Отказавшись от носилок, без посторонней помощи Дуайт медленно спустился из спальни вниз и самостоятельно дошел до машины медицинской службы. Срочно вызванный личный врач, генерал Снайдер, который в течение многих лет наблюдал за его здоровьем, поставил диагноз, подтвержденный электрокардиограммой: инфаркт миокарда.

Болезнь Эйзенхауэра в канун избирательной кампании 1956 г. по выборам президента США вызвала настоящий переполох в Белом доме и в конгрессе. Со всей остротой встал вопрос о целесообразности и физической способности Эйзенхауэра выполнять обязанности президента на второй срок. Семья Эйзенхауэра категорически возражала против его баллотирования. Все ее члены хотели, «чтобы он жил, и были уверены, что второй президентский срок убьет его. Он тоже хотел жить, но не инвалидом»^[965].

Состояние здоровья президента внушало серьезные опасения, и пришлось запросить мнение специалистов. Крупнейший американский авторитет в области кардиологии 14 февраля 1956 г. сделал заключение: «Эйзенхауэр может эффективно продолжать активную деятельность в течение пяти-десяти лет». Журналисты, не удовлетворившись этим мнением медицинского светила, спросили профессора, будет ли он голосовать на предстоящих выборах за своего пациента. Получив от него утвердительный ответ, они поспешили информировать читателей, что состояние здоровья позволяет Эйзенхауэру вновь баллотироваться в президенты^[966].

Во время болезни президента его администрация работала без сбоев. Он узнал об этом, когда уже поправился, из газет. «Очевидно, – заметил Эйзенхауэр, – здесь скрыт определенный намек. По существу было незаметно отсутствие президента, что можно истолковать двояко. Или он создал себе аппарат, являющийся верхом совершенства, или президент – не столь уж незаменимая фигура»^[967].

Возвратившись в Белый дом после шестинедельного пребывания в госпитале, Эйзенхауэр созвал заседание кабинета и попросил каждого высказаться по вопросу целесообразности его баллотирования на второй срок. Одиннадцать человек высказались «за» и только Милтон – «против». Когда по просьбе Дуайта Милтон объяснил свои соображения, подчеркнув, что его беспокоит состояние здоровья президента, Эйзенхауэр бросил шутливую реплику: «Похоже, что Милтон – единственный, кто на моей стороне»^[968].

Во время избирательной кампании 1956 г. либеральное крыло республиканской партии выступило с настоятельным требованием, чтобы Никсон не баллотировался в вице-президенты. Они считали, что выдвижение его кандидатуры приведет к потере голосов многих либералов и независимых, что против Эйзенхауэра проголосуют и многие демократы, отдавшие ему голоса в 1952 г. В апреле 1956 г., сопоставив все факты «за» и «против», боссы республиканской партии приняли решение о сохранении преемственности. Никсону, решили они, следует баллотироваться в вице-президенты. Эйзенхауэр присоединился к этому мнению.

Демократы попытались использовать болезнь президента, чтобы помешать его вторичному избранию. В этой кампании принял участие и кандидат демократов в президенты Эдлай Стивенсон. Во время избирательной кампании 1952 г. Трумэн призывал его спасти страну от Эйзенхауэра. Тогда это Стивенсону не удалось. На этот раз здоровье Айка как будто бы давало кандидату демократов новый шанс попытать счастье в борьбе за Белый дом. «Этим великим учреждением, – заявил Стивенсон, – нельзя руководить вполсилы»^[969].

Из 62 млн американцев, участвовавших в 1956 г. в голосовании, за Эйзенхауэра проголосовали 35,5 млн человек, т. е. более 57% участвовавших в голосовании. За кандидата демократов Стивенсона – соответственно, 26 млн (42%) голосов. Соотношение сил в конгрессе фактически не изменилось. В сенате и республиканцы, и демократы полностью сохранили свои позиции. За республиканцами осталось 47 мест, за демократами – 49. В

палате представителей республиканцы вместо 203 мест получили 201, демократы увеличили число занимаемых ими мест с 232 до 234. Значительно ослабили позиции республиканцев в местных органах власти.

Президентская кампания 1956 г. еще раз убедительно показала падение интереса избирателей к внешне эффектной, но бессодержательной избирательной дуэли двух партий. Из 104 млн избирателей в голосовании участвовали только 62 млн человек.

Каждая новая избирательная кампания вела к дальнейшему ослаблению позиций республиканцев в конгрессе. Эйзенхауэру пришлось констатировать: «Я оказался первым президентом в истории США, который вынужден был три раза подряд иметь дело с конгрессом, большинство в обеих палатах которого имела оппозиция».

Во время выборов 1956 г. республиканцы несколько укрепили свои позиции среди рабочих, но потеряли очень много голосов среди фермерства. Это явилось следствием тех больших трудностей, с которыми сталкивалась эта социальная группа в 50-х гг.

Уолтер Липпман писал о результатах избирательной кампании: «Корреспонденты, комментаторы и эксперты по изучению общественного мнения были в основном правы, проводя различие между Эйзенхауэром и его партией. Он получил колоссальный вотум доверия. Республиканская партия его не получила»^[970].

Эйзенхауэр пользовался очень большим авторитетом у избирателей, и достигнутые им успехи в избирательных кампаниях 1952 и 1956 гг. были его личным достижением, а не успехом республиканской партии. И тем не менее он исключительно внимательно относился к конгрессу. Ежедневно составлявшийся для президента график встреч свидетельствовал о том, что «Эйзенхауэр часто и по обычным вопросам встречался с республиканскими и демократическими лидерами конгресса и активно участвовал в его работе». Придя в Белый дом, он с подчеркнутым вниманием относился не только к лидерам, но и к рядовым членам конгресса. Членов конгресса было 531. Все они небольшими группами побывали на приемах у президента в Белом доме. «Для большинства конгрессменов эти неформальные трапезы были первыми в их жизни встречами с президентом Соединенных Штатов за обеденным столом»^[971].

Внимание, с которым президент относился к членам конгресса, играло немаловажную роль в том, что у Эйзенхауэра сложились хорошие рабочие отношения с высшим законодательным органом страны. Установить такое взаимопонимание было нелегким делом, тем более что только в первом после избирательной кампании 1952 г. конгрессе республиканцы имели незначительное большинство. Все последующие конгрессы были оппозиционными по отношению к президенту-республиканцу.

Эйзенхауэру удалось установить рекорд, достойный книги Гиннеса: за восемь лет своего президентства он 181 раз накладывал вето на законопроекты, принятые конгрессом. И всего два раза его вето было преодолено^[972]. Постоянные консультации президента Эйзенхауэра с лидерами конгресса, особенно с оппозиционными руководителями высшего законодательного органа страны, – показательны. Политическая история всех стран свидетельствует о том, что взаимодействие между исполнительной и законодательной властью – надежнейшая гарантия успешного функционирования всей государственной машины.

Характерны примеры и прямо противоположного характера. Если бросить ретроспективный взгляд на политическую историю России после расчленения Советского Союза, то трудно припомнить, когда и по какому случаю президент России удостоил

Государственную думу своим визитом. Более того, нередко со стороны главы исполнительной власти раздаются угрозы «врезать» Государственной думе, которая, по мнению президента, «ноль» и не способна выполнять свои функции.

Можно по-разному оценивать политическую историю России, но бесспорно, что отсутствие взаимопонимания между исполнительной и законодательной ветвями власти является одной из важных причин пробуксовки реформ и хронической политической нестабильности в государстве.

После победы Эйзенхауэра на выборах 1956 г. пресса отмечала, что Эйзенхауэр по состоянию здоровья и в силу своих личных склонностей не очень себя утруждает на поприще государственной деятельности. Спустя почти год после его второй инаугурации «Нью-Йорк таймс» сообщила, что из 1777 дней пребывания на посту президента Эйзенхауэр провел 683 дня, т. е. более полутора лет, на отдыхе, в отпуске или оправляясь от болезни^[973]. Известный американский историк Т. А. Бейли заявлял: «Белый дом не является или не должен являться больницей, лечебницей или домом для престарелых ветеранов войны»^[974].

С такой характеристикой трудно согласиться. Эйзенхауэр не относился к числу тех заурядных личностей, пребывание которых даже на самом высоком государственном посту не оставляет сколько-нибудь заметного следа в истории страны.

Эйзенхауэр всегда стремился лично участвовать в принятии решений по важнейшим государственным проблемам. Он значительно расширил и реорганизовал Национальный совет безопасности. «И даже более важно то, что Эйзенхауэр активно участвовал в дебатах, происходивших в Совете. В резком контрасте с Трумэном, который обычно воздерживался от работы в нем, Эйзенхауэр во время своего президентства участвовал в 90% заседаний Национального совета безопасности. Всего заседаний Совета было 366»^[975]. А именно в этом Совете решались важнейшие проблемы внешней и внутренней политики страны.

И трудно согласиться с теми авторами, которые считают, что Эйзенхауэр рассматривал Белый дом, как синекуру и не слишком утруждал себя при исполнении многотрудных обязанностей президента страны.

Отмечая положительные моменты в биографии президента, необходимо сказать, что в его актив как военного и государственного деятеля надо зачислить то, что Эйзенхауэр сыграл важную роль в годы Второй мировой войны. Это способствовало укреплению его позиций среди избирателей, особенно среди ветеранов войны. Деятельность Эйзенхауэра в годы войны во многом способствовала тому, что его имя стало хорошо известно в мире. Это давало определенные преимущества при решении ряда внешнеполитических проблем, когда он стал президентом. Эйзенхауэр обладал положительными личными качествами. Ему нельзя было отказать в честности. По сравнению с необузданной коррупцией, процветавшей в администрациях Ричарда Никсона и Рональда Рейгана, возглавлявших республиканские правительства в последующие годы, Дуайт Эйзенхауэр выглядел вполне респектабельно.

Насколько Эйзенхауэр был компетентен как государственный и политический лидер? Его компетентность представляется нам бесспорной. Время – лучшая мера для объективной оценки деятельности любого правительства. Время, прошедшее после завершения второго президентского срока Эйзенхауэра, неопровержимо свидетельствует о том, что он умело выполнял далеко не простые обязанности главы государства.

Успешной работе аппарата президента во многом способствовало то, что он тщательно подбирал своих сотрудников и с большим уважением и вниманием к ним относился.

Личный секретарь Эйзенхауэра Энн Уитман пользовалась исключительным доверием

президента. В течение всех восьми лет его пребывания в Белом доме она скрупулезно вела дневник, фиксируя многие детали работы администрации, которые были скрыты от посторонних глаз. Энн Уитман имела даже право слушать телефонные разговоры президента и заносить их содержание в дневник. Благодаря ей сохранились многие письма и бумаги Эйзенхауэра. Дневник Уитман составил 20 тыс. страниц и стал настоящей историей президентства Дуайта Эйзенхауэра. Этот уникальный первоисточник, переданный в Библиотеку Эйзенхауэра, составил специальный фонд, рассекречивание которого позволило исследователям по-новому взглянуть на многие важные стороны деятельности Эйзенхауэра. Президент Эйзенхауэр с особым вниманием относился к сотрудникам своего аппарата – женщинам. Например, если в комнату, в которой находился президент, входила его секретарь Энн Уитман, он всегда вставал, его примеру следовали все, кто был с президентом^[976].

Опытный штабной работник, высокоорганизованный человек, привыкший за сорок лет военной службы к оперативному решению проблем, Эйзенхауэр чувствовал себя неуютно в окружении высшей правительственной бюрократии. «Когда брат стал президентом, – отмечал Милтон, – он обнаружил у правительственных чиновников аппарата поразительное неумение работать. И он уделил большое внимание реорганизации государственного аппарата»^[977].

В годы президентства Эйзенхауэра бюрократическая машина Белого дома и многочисленных правительственных учреждений стала работать на полные обороты. И коэффициент полезной деятельности этой машины значительно возрос. Собранность и организованность президента оказывали положительное воздействие на многотысячный чиновничий аппарат Вашингтона. По старой армейской привычке Эйзенхауэр вставал в 6 часов утра. За завтраком он в течение 30 минут просматривал газеты, потом направлялся в свой офис, находившийся здесь же, в Белом доме. Проработав три часа, президент возвращался «домой», отдыхал и обедал с Мэми или несколькими друзьями, не имевшими отношения к делам. После этого он вновь работал три часа. В дальнейший распорядок дня входило также несколько партий в гольф.

Вечером президент вновь просматривал прессу, одновременно беседуя с женой или тещей. За ужином он не прочь был посмотреть по телевидению некоторые из своих любимых шоу. Время после ужина отводилось на чтение «самого различного характера». Иногда он вместе с женой смотрел здесь же, в Белом доме, кинофильмы, как правило, о жизни ковбоев или комедии, особенно если у них гостила мать Мэми. Подчас перед ужином президент посвящал свой досуг живописи.

Живописью Эйзенхауэр занялся по совету Уинстона Черчилля. К своим достижениям на этом поприще президент относился довольно скептически и с юмором. «Мои руки, – говорил он, – больше приспособлены держать топориче, чем тоненькую кисточку»^[978]. Действительно, кисти рук у Эйзенхауэра были непропорционально огромными, как бы раздавленными тяжелым физическим трудом.

Установившийся порядок нарушался ради прихода друзей или в тех случаях, когда президент с супругой отправлялись куда-нибудь сами. И конечно, заведенный распорядок менялся в случае появления внуков президента, что «делало знаменитый особняк больше похожим на жилой дом, чем на музей». Эйзенхауэр очень любил внуков. Он вспоминал о них даже на официальных встречах. На Женевском совещании 1955 г., например, он заявил участникам встречи, что «с большой четверки направляется на маленькую». Президент имел в виду, что его невестка ожидала рождение четвертого ребенка.

Милтон вспоминал: «Эйзенхауэр отдал сорок лет жизни военной службе, но он был необычным военным. Дуайт знал и ценил историю. Он мыслил не командными категориями, всегда помня о человеке. Брат обладал ясным логическим мышлением. Когда он принимал какое-нибудь решение, сдвинуть его с занятой позиции было невозможно. Став президентом, брат был готов к принятию необходимых политических решений, реформированию партии, которая 20 лет находилась в оппозиции и свыклась с этой ролью»^[979].

Замечание Милтона Эйзенхауэра о необходимости реорганизации республиканской партии немаловажно. За двадцать лет пребывания в оппозиции республиканская партия одряхлела, а ее аппарат во многом атрофировался. Эйзенхауэр за восемь лет нахождения в Белом доме сумел многое сделать, чтобы активизировать деятельность и национальных, и местных организаций партии. Инициатором привлечения молодых свежих сил в ряды республиканцев являлся Милтон, предложение которого нашло всемерную поддержку у президента. Почти все министры Айка были одногодками президента, но он понимал назревшую необходимость омоложения республиканской партии.

Ларсен приводил слова президента о том, что надо «вливать в республиканские вены свежую кровь в виде молодых кандидатов в конгресс». Президент говорил, что необходимо поторопиться с решением этого вопроса, «с тем чтобы, когда соберется республиканский Национальный съезд, не пришлось бы искать лидеров – ровесников испано-американской войны»^[980]. Личная популярность Эйзенхауэра, внимание, уделявшееся его администрацией работе с молодежью, дали ощутимый результат. Милтон Эйзенхауэр не без основания подчеркивал, что президент получил «необычайно активную поддержку со стороны молодых республиканцев»^[981].

Лица, близко знавшие Эйзенхауэра и проработавшие с ним много лет, характеризовали его как достаточно гибкого политического деятеля, отнюдь не заскорузлого консерватора. За несколько месяцев до республиканского Национального съезда 1964 г. он выступил с осуждением Барри Голдуотера, который всегда и везде подчеркивал, что он является консерватором. «Главное, что надо помнить, – говорил Эйзенхауэр, – это то, что история – дорога с односторонним движением. Вы не можете идти по ней вспять»^[982]. Президент не без оснований считал, что перманентный консерватизм – не лучший путь к решению сложнейших политических и социально-экономических проблем. Постоянный консерватизм был чем-то сродни пессимизму, который ни в коей мере не импонировал Дуайту Эйзенхауэру. «Пессимизм, – подчеркивал президент, – никогда не выигрывал сражений»^[983]. А к дипломатическим, политическим и социально-экономическим проблемам Эйзенхауэр относился как к сражениям, которые можно только выиграть или проиграть. «Ничто не может заменить победы»^[984], – любил повторять президент.

Во многих критических работах, посвященных жизни и деятельности Эйзенхауэра, утверждается, что он был довольно ограниченным человеком, интересы которого не выходили за пределы гольфа, бриджа и низкопробных повествований о жизни ковбоев. Изучение большого эпистолярного наследия Эйзенхауэра, в частности его переписки военных лет, составляющей пять томов, десяти томного собрания посланий, речей, протоколов, многочисленных пресс-конференций президента, четырех томов его мемуаров, а также беседы с людьми, близко его знавшими, позволяют сделать вывод о том, что с резко негативными оценками его личных качеств трудно согласиться.

Что же касается чтения прессы и прочей печатной продукции, то следует отметить, что Эйзенхауэр не был столь большим книголюбом, как, например, Джон Кеннеди, читавший до 1200 слов в минуту. Отношение президента к прессе было своеобразным. Эйзенхауэр скептически относился к ценности информации, приводившейся в центральных американских газетах. Однажды он сказал Адамсу: «Если вы хотите узнать, что думает народ, читайте газеты, но не нью-йоркские и не вашингтонские»^[985].

В этой реплике относительно центральной прессы США есть доля правды. Однако ни в коей мере не следует торопиться переоценивать важность местных американских газет как надежного источника информации, выразителя интересов и чаяний народных масс. И поэтому вне зависимости от своих взглядов на американскую прессу президент вынужден был регулярно обращаться к ее услугам. Но это был не беглый просмотр, фиксирующий только детали бульварной хроники и занятные мелочи, которыми столь богаты американские газеты и журналы.

Люди, работавшие с президентом, отмечали, что он не просто читал, а изучал серьезные материалы, публиковавшиеся в печати. Обладая и в преклонном возрасте хорошей памятью, президент нередко поражал членов кабинета знанием многих фактов и деталей, которые не могли удержать в своей памяти даже помощники, специализировавшиеся по определенному кругу проблем. Во время одного из заседаний кабинета президент бросил реплику, уточнявшую цифровой материал экономического характера. Эйзенхауэр сослался на «Уолл-стрит джорнэл», прочитанный им несколько дней назад. Помощники президента принесли в зал заседания экземпляр газеты. Оказалось, что и на этот раз память не подвела его. Он назвал точную цифру.

В молодые годы Эйзенхауэр писал речи и доклады для генерала Макартура и других высших чинов американских вооруженных сил. Став президентом, он регулярно пользовался услугами многочисленных помощников. Но никогда никто не писал для него речей. Выступления президента были результатом его собственного творчества. На их содержании и форме лежала печать его индивидуальности.

Шерман Адамс, входивший в ближайшее окружение президента во время избирательной кампании 1952 г., писал, что после того как удачная речь подготовлена, ее необходимо «уберечь от друзей и советчиков различного рода». При этом Шерман ссылаясь на имевшую огромный успех речь Линкольна в Геттисберге в 1863 г.: «Говорили, что Геттисбергская речь Линкольна была эффектна потому, что рядом с ним не было никого, кто мог бы предложить какие-либо изменения после того, как Линкольн набросал ее текст в поезде в день выступления»^[986].

Речь Эйзенхауэра по вопросу о необходимости прекратить войну в Корее произвела большой эффект, но не потому, что он поразил слушателей своим ораторским искусством, а потому, что в самый разгар избирательной кампании, за 10 дней до голосования, он сказал то, чего жаждали услышать десятки миллионов избирателей: нужен мир в Корее!

Все помощники президента отмечали, что Эйзенхауэр очень тщательно и долго готовил свои выступления. Ларсен, помогавший ему в этом нелегком деле, вспоминал, что однажды Эйзенхауэр назначил ему встречу на 8 часов утра, чтобы продолжить работу над очередной речью. В 19.30 в квартире Ларсена раздался телефонный звонок. «Очевидно, это президент», – сказал Ларсен. Друзья хозяина дома дружно рассмеялись. Они не могли поверить, что Эйзенхауэр занят делами в такое время. «Но это действительно был президент. Он все еще работал над речью и хотел, чтобы в нее были внесены дополнительные

изменения»^[987].

Став президентом, Эйзенхауэр относился с уважением и вниманием ко всем сотрудникам Белого дома вне зависимости от их рангов. Однако в этой простоте не было ни грама панибратства. Президент для всех, даже для сына, всегда оставался президентом.

Джон был привлечен для работы в аппарате Белого дома. С глазу на глаз он называл Дуайта отцом, но в присутствии третьих лиц величал его боссом, иногда даже президентом. «Это не было жеманством с учетом той формальной терминологии, которую использовали другие. Это было только проявлением естественности»^[988].

Работники штаба Эйзенхауэра в Белом доме, как он любил называть сотрудников своего аппарата, очень скоро усвоили особенности характера своего шефа, его наклонности и привычки. Эйзенхауэр был собран, аккуратен, гражданский костюм всегда сидел на нем так же безукоризненно, как и военный мундир на протяжении предшествующих сорока лет. Президент не был поклонником какого-то одного цвета и часто появлялся в самых различных костюмах. Однако члены штаба Эйзенхауэра в Белом доме выявили определенную закономерность: если президент приходил в свой офис в коричневом пиджаке, значит, день будет тяжелый и беспокойный.

Стефенсон, один из работников штаба, каждое утро дежурил у входа в Белый дом и информировал коллег, во что одет Эйзенхауэр. Если президент появлялся в коричневом пиджаке, члены штаба Эйзенхауэра получали соответствующий условный сигнал^[989]. Все знали, что президент в скверном настроении и надо работать особенно собранно и внимательно. «Когда Эйзенхауэр узнал об этом, он стал чаще одевать темные пиджаки»^[990].

В биографических работах об Эйзенхауэре нередко говорится о том, что президент не очень жаловал интеллигентов, видя в них людей, практическую ценность которых не следует переоценивать. С этой довольно распространенной точкой зрения тоже трудно согласиться. Эйзенхауэр прекрасно понимал роль науки в век научно-технической революции. Он широко использовал крупных ученых в качестве научных консультантов и советников. Эта практика получила особенно широкое распространение после запуска в 1957 г. первого советского искусственного спутника Земли, когда для американских руководителей стала очевидной необходимость форсирования усилий по преодолению того разрыва, который образовался между СССР и США после выхода Советского Союза в космос.

Запуск советского спутника заставил американские службы поторопиться с выполнением своей космической программы. Престиж США был передан в руки военноморских сил, которые должны были запустить с помощью ракеты «Авангард» американский искусственный спутник Земли. Уже само название ракеты было не самым удачным, так как «Авангард» оказался в арьергарде. Кроме того, американский спутник был в 11 раз легче советского, но самое главное – запуск прошел неудачно.

Кое-кто в американских военных кругах проявлял злорадство по этому поводу. «Вы знаете, что заявил этот проклятый армейский генерал с тремя звездочками? – говорил взбешенный президент. – Он сказал, что это самый радостный день для армии, так как флот шлепнулся лицом в грязь!»^[991].

Президент постоянно контактировал с учеными, представлявшими различные направления науки. Что же касается утверждений о его отрицательном отношении к интеллигенции, то, очевидно, оно в значительной мере базируется на достаточно широко известном определении интеллигента, которое дал в свое время Эйзенхауэр. Он говорил, что

интеллигент – это «человек, которому требуется больше слов, чем нужно, чтобы сказать больше, чем он знает»^[992].

Широко распространено еще одно утверждение, обоснованное, на наш взгляд, не больше, чем то, о котором уже шла речь. В ряде критических биографий Эйзенхауэра отмечается, что все основные вопросы внутренней и внешней политики решали министры и советники президента, а на его долю оставалась чисто представительская деятельность. Изучение архивных материалов, документальных публикаций, мемуаров лиц, близких к президенту, и других источников свидетельствует о том, что все основные вопросы государственной важности Эйзенхауэр всегда решал лично.

Неправильно, в частности, представление, что внешнеполитические дела при Эйзенхауэре были отданы на откуп Даллесу. Даже второстепенные внешнеполитические вопросы нередко решались только с санкции президента. Это не очень удовлетворяло Эйзенхауэра, который не любил, когда его «беспокоили по пустякам». Ларсен вспоминал, что 5 июня 1957 г., когда он работал в кабинете Айка, раздался телефонный звонок. Звонил Даллес по вопросу о деле американского солдата, убившего в Японии гражданское лицо. Юрист Даллес хотел выяснить у президента ряд деталей, касающихся вопросов уголовной ответственности американских военнослужащих за преступления, совершенные за рубежом. Когда разговор окончился, Эйзенхауэр бросил телефонную трубку и взорвался: «Черт побери, никто ничего не может здесь делать, все хотят, чтобы я решал за них»^[993].

Эйзенхауэр явно переоценивал дипломатические дарования своего государственного секретаря. Президент неоднократно подчеркивал, что главная внешнеполитическая задача его администрации – избежать вовлечения США в военные конфликты. Даллес был не лучшим исполнителем подобной линии. Как и ряд других людей, близких к президенту, Адамс отмечал, что твердолобый антикоммунизм Даллеса настораживал зарубежную общественность. Как заявил один индийский журналист, «американцы охотились за миром с оружием в руках»^[994].

Все важнейшие вопросы президент решал самостоятельно.

«Эйзенхауэр не передоверял ведение внутренней политики руководителю своего аппарата Шерману Адам-су, международной политики – государственному секретарю Джону Фостеру Даллесу, военной политики – министру обороны Чарльзу Вильсону»^[995]. Бишоф и Амброуз констатировали: «Голос Эйзенхауэра был решающим во всех военных аспектах деятельности НАТО... Покидая свой пост командующего вооруженными силами... НАТО, он превратил эту организацию из дискуссионного клуба в эффективно действующие интегрированные вооруженные силы»^[996]. Успехи Эйзенхауэра в укреплении НАТО были бесспорны. «Благодаря его огромному личному авторитету, основанному на славе, полученной им во Второй мировой войне, многие важнейшие проблемы НАТО были или решены, или находились в стадии разрешения»^[997].

В Европе Эйзенхауэр имел необъятную власть, одновременно занимая два исключительно важных поста – главнокомандующего вооруженными силами НАТО и командующего американскими войсками в Европе.

Инфаркт, перенесенный осенью 1955 г., сделал свое дело. Оптимистический прогноз кардиолога, предсказавшего тогда Эйзенхауэру 5-10 лет активной жизни, оправдывался не полностью. Президент совершал довольно многочисленные зарубежные поездки, регулярно выступал на пресс-конференциях в Вашингтоне, проводил заседания кабинета и Совета

национальной безопасности – выполнял, казалось бы, все свои многочисленные обязанности. Но все чаще напоминали о себе и преклонный возраст, и пошатнувшееся здоровье.

Во время второго президентства Эйзенхауэр перенес довольно сложную операцию желудка. И вновь пресса бесцеремонно поставила под сомнение его физическую возможность выполнять далеко не легкие обязанности хозяина Белого дома.

Однажды, когда президент работал в своем офисе, секретарь с ужасом увидела, что обратившийся к ней с вопросом Эйзенхауэр шевелит губами, но не может произнести ни слова. Срочно вызванные врачи поставили диагноз: инсульт. И вновь в Белом доме и на Капитолийском холме настали тревожные дни: каково состояние президента, не придется ли передать власть вице-президенту?

Удар оказался не тяжелым, и очень скоро речь у президента полностью восстановилась. Но все чаще по настоянию врачей Эйзенхауэр вынужден был отдыхать и строго следить за тем, чтобы не переутомляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивался второй срок президентства Дуайта Эйзенхауэра. Он не был полностью удовлетворен результатами своей деятельности в качестве главы государства и правительства. Подводя итоги своего пребывания в Белом доме, Эйзенхауэр подчеркивал, что наибольшее разочарование у него вызывает тот факт, что он не смог внести существенного вклада в решение вопросов борьбы за мир. В этом не было ничего удивительного – борьба за мир и за американское руководство миром исключали друг друга.

Сохранилась интересная фотография. Вновь избранный, один из самых молодых в истории США, сорокатрехлетний президент Джон Кеннеди и самый старый, уходящий из Белого дома президент Эйзенхауэр. Фотография сделана сзади: Кеннеди и Эйзенхауэр идут по тропинке вдоль Белого дома. Эйзенхауэр все еще сухощав, строен, по-военному подтянут. Джон Кеннеди немного сутуловат. Кажется, что, еще не приступив к выполнению обязанностей президента, он уже сломлен колоссальным грузом ответственности.

Эйзенхауэр не питал сколь-либо теплых чувств к своему преемнику в Белом доме, к Джону Кеннеди. Дуайта Эйзенхауэра раздражала необъективность Кеннеди, который демагогически обвинял Эйзенхауэра в том, что в числе его близких друзей были якобы только богатые люди. Кеннеди постоянно обыгрывал проблему «ракетного отставания» США от Советского Союза. Лидер демократов обвинял Эйзенхауэра и в том, что многие американцы голодают. 26 апреля 1960 г. на совещании представителей республиканской партии Эйзенхауэра проинформировали, что за день до этого Кеннеди заявил, что каждый вечер 17 миллионов американцев ложатся спать голодными. Эйзенхауэр фыркнул: «Они, должно быть, все находятся на диете!!!»^[998].

Заканчивался 1960 г. Это был и конец активной государственной, политической и общественной жизни Дуайта Эйзенхауэра. Впереди оставалось еще девять лет жизни, заполненных кропотливым трудом над пятитомным изданием документов Эйзенхауэра времен Второй мировой войны. В эти же годы было завершено десяти томное издание посланий, речей, протоколов пресс-конференций и прочих документов, охватывавших восьмилетний период его президентства. После ухода в отставку Эйзенхауэр опубликовал два тома мемуаров, объединенных общим названием – «Президентские годы».

Это были важные и ответственные годы его жизни, которые наряду с периодом Второй мировой войны обеспечили Дуайту Эйзенхауэру почетное место в американской и мировой истории.

В 1961 г., по данным известного исследователя общественного мнения Гэллага, американцы, определяя рейтинг всех президентов США, ставили Эйзенхауэра на 1-2 место^[999].

Можно по-разному оценивать военную и государственную деятельность Дуайта Эйзенхауэра, но, бесспорно, что ни в коей мере нельзя преуменьшать ее значение. Автор одной из работ, посвященных 100-летию Эйзенхауэра, писал: «Поскольку в течение столь длительного времени он играл главную роль (в мировой политике. – Р.И.) его воздействие на события, вклад в их развитие, успехи и неудачи будут объектом интерпретаций и дискуссий на протяжении всего периода существования западной цивилизации»^[1000].

Каждое новое поколение по-своему оценивает прошедшие исторические события и

деятельность тех государственных, политических и военных руководителей, которые играли определяющую роль в развитии этих событий.

Не является исключением и Дуайт Эйзенхауэр. Время вносит свои неумолимые коррективы в оценку исторических событий и исторических личностей. Автор работы, посвященной 100-летию со дня рождения Эйзенхауэра, писал: «Его решение остановиться на Эльбе, предоставить Красной Армии право брать Берлин, не вмешиваться в венгерские и суэцкие события оцениваются сегодня совершенно иначе, чем 10 лет назад»^[1001].

Все сказанное особенно относится к работам отечественных историков, посвященных жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра. Сегодня отечественные историки, освободившись от политической цензуры и идеологического пресса, имеют несравненно больше возможностей для объективной оценки военной и государственной деятельности Эйзенхауэра, чем в прошлые годы.

То, что США сыграли и продолжают играть выдающуюся роль в мировой истории – это бесспорная истина. Но если сравнивать 220-летнюю историю Соединенных Штатов с многовековой историей других стран, то надо констатировать, что история этой страны не столь уж богата яркими, запоминающимися событиями.

Существует характерная закономерность – чем беднее история страны, тем более часто и много историки этой страны пишут о ней.

В Соединенных Штатах счет книг об Эйзенхауэре идет на многие десятки, а статей – на сотни, если не тысячи. Однако показательно, что ряд периодов его жизни и деятельности все еще остается вне поля зрения профессиональных историков.

Американский историк пишет: «Нет еще книг о нем как о командующем американскими оккупационными войсками в Германии в 1945 г., как начальнике штаба армии в период ее демобилизации в 1946—1947 гг., как о президенте Колумбийского университета. Удивительно мало научных работ о его главной роли в создании структуры НАТО и его отношении к перевооружению Европы и Германии»^[1002].

Имя Эйзенхауэра связано с крупнейшим событием в истории человечества – разгромом германского фашизма. Это были страшные и вместе с тем героические годы Второй мировой войны. Десятки миллионов убитых и искалеченных, огромные разрушения, уничтожение колоссальных материальных ценностей – такова тяжелая цена победы союзников. Но это были не напрасные жертвы. Победа союзников означала спасение человечества от коричневой чумы фашизма. Она неопровержимо свидетельствовала о возможности успешного сотрудничества стран, принадлежащих к различным общественно-экономическим системам. Важный вклад в разрешение многообразных проблем, связанных с этим сотрудничеством, внес Верховный главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр.

Годы войны породили надежды на продолжение сотрудничества между странами антигитлеровской коалиции, которым не суждено было сбыться. Эти надежды были развеяны в прах ветрами «холодной войны». В 1953—1961 гг. имя Дуайта Эйзенхауэра как президента США ассоциировалось с политикой «балансирования на грани войны», «освобождения», «массированного возмездия» и других уродливых порождений «холодной войны».

Эйзенхауэр пришел в Белый дом в тяжелый период мирового политического кризиса, вызванного войной в Корее. Не переоценивая личных заслуг Дуайта Эйзенхауэра в решении этой сложнейшей международной проблемы, следует отметить, что американская

общественность не без оснований связывала выход США из корейской войны с именем президента Эйзенхауэра.

Суть внутренней политики президента Дуайта Эйзенхауэра можно кратко сформулировать, на наш взгляд, следующим образом: Эйзенхауэр был последовательным защитником того магистрального направления в истории США, которое определялось развитием государственно-монополистического капитализма.

Сильная сторона государственной и политической деятельности Дуайта Эйзенхауэра заключалась в том, что он обладал определенным политическим реализмом. Это проявилось и в прощальной речи президента. За три дня до своего ухода из Белого дома, 17 января 1961 г., выступая по телевидению, Эйзенхауэр предупредил народ США, что американским институтам угрожает растущий военно-промышленный комплекс, распространяющий свое влияние на все стороны жизни страны^[1003].

Предупреждение Эйзенхауэра об опасном росте влияния военно-промышленного комплекса оказалось пророческим. За время, которое прошло с тех пор как были произнесены эти слова, ВПК вырос в гигантского спрута, который опутал всю страну.

Дуайт Эйзенхауэр был достаточно крупным военным экспертом, чтобы понять, что курс на безудержную гонку стратегических вооружений может привести к катастрофическим последствиям и для США, и для всего мира. В условиях безудержного роста запасов оружия массового уничтожения особенно возрастала роль и ответственность президента страны за судьбу Соединенных Штатов и дело мира во всем мире.

Нашего читателя в первую очередь все же интересуют внешнеполитические аспекты деятельности Эйзенхауэра. И этот интерес, на наш взгляд, не отвлеченно-исторического характера. Надежды и разочарования периода президентства Дуайта Эйзенхауэра – все это имеет прямое отношение к правильному пониманию сложнейшего комплекса современных российско-американских отношений, вызывающих столь большой интерес отечественной и зарубежной общественности.

Юбилейные даты – это исторический рубеж, который дает возможность оглянуться назад, подвести итоги пройденного пути, сфокусировать внимание на его ошибках и недостатках, использовать позитивный опыт прошлого для решения современных проблем и попытаться определить максимально эффективную программу на будущее.

14 октября 1990 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Дуайта Эйзенхауэра. В Соединенных Штатах эту дату отметили как важное национальное событие. В ходе торжеств, посвященных юбилею, американцы не забыли и о советских союзниках периода Второй мировой войны. В Канзас, в родные места Эйзенхауэра, была приглашена советская делегация, насчитывавшая более 300 человек, представлявших все 15 республик Советского Союза. Самое почетное место среди советских гостей занимала большая группа ветеранов Великой Отечественной войны.

Это была не какая-то официальная, протокольная встреча, а настоящее проявление искренних, теплых, дружеских чувств народов двух стран. Все советские гости жили на квартирах граждан города Лоуренса, штата Канзас, который был центром юбилейных торжеств. Делегаты СССР посетили Абилин, где прошли детские и юношеские годы Эйзенхауэра, все важнейшие памятные места, связанные с его жизнью и деятельностью. Были проведены круглые столы, на которых обсуждались проблемы истории Второй мировой войны, актуальные вопросы мировой политики и в первую очередь – советско-американские отношения. Студенты Канзасского университета, находящегося в Лоуренсе,

учащиеся местных школ пригласили советских гостей на многочисленные концерты, дружеские встречи.

Торжества в Канзасе почтил своим вниманием президент Форд, встретившийся с советскими представителями. Нас, членов оргкомитета, готовившего юбилейные мероприятия, принял посол СССР в США А. А. Бессмертных и оказал большую помощь в решении столь сложного дела, как международная встреча, посвященная юбилею выдающегося государственного и военного деятеля США. Не осталась в стороне от этой советско-американской встречи и Организация Объединенных Наций. Заместитель Генерального секретаря ООН В. С. Сафрончук был в центре всех многочисленных нужд и забот нашего оргкомитета.

Большую помощь в организации и проведении советско-американской встречи, посвященной столетию со дня рождения Д. Эйзенхауэра, оказал нам Советский комитет защиты мира. На завершающем этапе подготовки встречи сотрудники Комитета прилетели в Лоуренс и приняли самое активное участие в решении многочисленных организационных вопросов. В Комитете защиты мира всю работу по подготовке встречи курировал первый заместитель председателя Комитета Г. А. Кузнецов.

Особую теплоту и в полном смысле слова домашний колорит «Встрече за мир», как назывались торжества в честь 100-летия Эйзенхауэра, придало участие в них сына президента Джона Эйзенхауэра, дочерей Маршала Г. К. Жукова Эры и Эллы, сына Н. С. Хрущева Сергея, который сопровождал отца во время его визита в США в сентябре 1959 г.

Сергей Хрущев и его жена Валентина жили в доме моего друга и коллеги, известного американского историка профессора Канзасского университета Нормана Солта. Помню, как в доме Солта собирались профессор, аспиранты, студенты Канзасского университета и в спокойной, непринужденной обстановке часами расспрашивали своего гостя о его отце, о визите Н. С. Хрущева в США, о встречах с Дуайтом Эйзенхауэром.

Эра и Элла Жуковы подарили местной газете фотографии из семейного архива Г. К. Жукова, которые были опубликованы в местной прессе и вызвали очень большой интерес у читателей.

И каждый день радио, телевидение, пресса публиковали подробные отчеты о «Встрече за мир», интервью с ее участниками, фотографии, многочисленные статьи.

100-летие со дня рождения Дуайта Эйзенхауэра стало настоящей демонстрацией в поддержку того дела, для реализации которого так много было им сделано, – дела укрепления дружбы и взаимопонимания между народами наших стран.

Инициатором и главным организатором этой встречи был американский сопредседатель «Встречи за мир» Боб Сван, житель Лоуренса, выпускник Канзасского университета, создатель и руководитель «Союза встречи на Эльбе». За десять лет до этого он уже провел в Лоуренсе встречу американских и советских спортсменов, чемпионов мира и Олимпийских игр. Политическое и морально-психологическое значение встречи было огромно с учетом той обстановки, которая сложилась в мире и в советско-американских отношениях, в частности, после ввода советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г.

Я был по приглашению губернатора Канзаса Майка Хейдена и Канзасского университета советским сопредседателем встречи, посвященной 100-летию со дня рождения Дуайта Эйзенхауэра. 11 месяцев я провел в Канзасе, готовя эту встречу, и не по наслышке знал, каких огромных трудностей и тяжелейших усилий потребовала подготовительная работа, чтобы провести всю эту советско-американскую встречу на должном уровне.

Американская сторона взяла на себя все финансовые расходы, связанные с приемом советской делегации, за исключением их перелета в США и обратно. А сумма расходов на встречу была немалая – более 500 тыс. долл.

И когда мы вернулись в Москву, для нас, организаторов и участников этой встречи, ушатом холодной воды стала начавшаяся в Верховном Совете СССР кампания по дискредитации «Встречи за мир». В стране назревали тревожные события, завершившиеся в конечном счете крушением великой державы. А группа депутатов Верховного Совета, будто у них не было других забот, под предлогом «экономии средств» поливала грязью всех, кто участвовал во «Встрече за мир».

И это было только начало. Вскоре был расчленен Советский Союз. Сложилась качественно новая геополитическая ситуация, когда в мире осталась одна сверхдержава – Соединенные Штаты Америки. И сразу же все почувствовали, что живем мы уже в совершенно другой стране, отношение к которой изменилось в мире коренным образом.

Дуайт Эйзенхауэр был наш идеологический противник, как показано в книге, он имел свои суждения о нашей общественно-политической системе, ее идеологических основах и в резких дебатах с Г. К. Жуковым, Н. С. Хрущевым, в своих многочисленных выступлениях давал этой системе соответствующую оценку. Однако ему хватало здравого смысла и просто-напросто человеческой порядочности не унижать национального достоинства советских людей, не покушаться на суверенитет великой державы, с глубоким уважением, искренней симпатией относиться к своему советскому союзнику в годы страшной войны с фашизмом.

Иные времена – иные песни... В июне 1994 г. отмечалось 50-летие Нормандской операции. «Величайшее событие моей жизни», – говорил Дуайт Эйзенхауэр о высадке союзников во Франции, ознаменовавшей открытие второго фронта. На это торжество собрались 19 монархов, глав государств и правительств 11 государств – членов антигитлеровской коалиции, а также более 30 тысяч ветеранов, участвовавших в операции «Оверлорд». Ни лидеров, ни даже ветеранов не позвали только из России. Не было представителей ни Украины, ни Беларуси, ни одного из государств СНГ. А ведь на народы СССР пришлось 40% людских потерь в войне с фашистской Германией и ее союзниками.

В канун 50-летия Нормандской операции президент США Б. Клинтон заявил: «50 лет назад женщины и мужчины Америки спасли демократию в Европе и изменили курс истории мира». Выступая 6 июня 1994 г. в Нормандии, президент США также ни слова не сказал о решающем вкладе Советского Союза в победу над фашизмом, об огромных жертвах советского народа в общей борьбе^[1004].

«Забычивость» Клинтона о том, кто внес решающий вклад в разгром фашизма, возможно, объясняется тем, что он не ветеран войны, не использовал в свое время такую предоставлявшуюся ему возможность. Показательно, что президент Франции – ветеран войны поправил Клинтона. Франсуа Миттеран сказал: «Отдадим должное героизму русского народа, разгромившего 150 немецких дивизий». Однако это было сказано после его слов о решающей роли союзников в Победе над фашистской Германией^[1005].

И это не было случайностью. В канун 50-летия Победы на Западе резко усилилась кампания фальсификации хода и итогов Второй мировой войны. К сожалению, эта кампания дает свои результаты. Сегодня 49% французов считают, что решающий вклад в победу над фашистской Германией внесли Соединенные Штаты и только 25% – Россия. В мае 1945 г. оценки были прямо противоположными: тогда всего 20% французов выше всего оценивали вклад Америки, а 57% – Советского Союза^[1006].

Попытки предать забвению решающий вклад советского народа в общее дело, его огромные жертвы, принесенные на алтарь Победы, – это настоящее кощунство.

Характерно, что Дуайт Эйзенхауэр в самые тяжелые дни «холодной войны», даже в условиях резкого обострения советско-американских отношений после «дела Пауэрса», никогда не позволял себе подвергнуть сомнению роль и место Советского Союза в разгроме фашистской Германии.

Оценка роли нашей страны в разгроме фашизма – это вопрос не культурной и политической этики, а элементарной порядочности.

Позицию Запада в вопросе о вкладе СССР в общее дело Победы нельзя оправдать, но можно понять. Официальное провозглашение руководителями России и США окончания «холодной войны», к сожалению, во многом остается чисто формальным заявлением. Многие государственные и политические руководители в Соединенных Штатах и в других западных странах все еще сидят в окопах «холодной войны». Мощная политическая инерция этого мрачного периода продолжает сказываться и сегодня, в частности в вопросах оценки хода и итогов войны, не говоря уже о периоде «холодной войны».

Труднее найти объяснение позиции тех отечественных ученых – обществоведов, работников СМИ, общественных и политических деятелей, – которые с поразительным ожесточением чернят все, что было в истории нашей страны после 1917 г., в том числе и Великую Отечественную войну.

Если говорить об ученых, в частности об историках, то наблюдается характерная закономерность: те, кто всюду, где надо и не надо, подчеркивал свою приверженность марксизму-ленинизму, верность «делу партии и правительства», сегодня с особым рвением предадут анафеме все, что связано с марксистской идеологией и методологией, с практическими делами советского государства.

Оставляя в стороне этическую сторону подобной головокружительной метаморфозы, невольно задаешься вопросом: если ты считаешь эту идеологию и методологию несостоятельной, а зачастую в их глазах марксистская идеология и преступна, почему ты не откажешься от ученых степеней и званий, которые получил, основывая всю свою научную работу на этой идеологии и методологии?

Важно подчеркнуть, что американские ветераны войны, в отличие от руководителей США, сохранили искреннее уважение и горячую признательность к своим советским товарищам по оружию. Мне посчастливилось быть членом делегации ветеранов войны стран СНГ, которая в апреле 1995 г. отмечала в Германии 50-летие Встречи советских и американских вооруженных сил на Эльбе. Это были незабываемые дни «братства по оружию», как называл Д. Эйзенхауэр, советско-американское военно-политическое содружество в годы войны.

Вторая мировая война была тяжелейшим испытанием не только для Советского Союза, но и для других стран – участниц антигитлеровской коалиции. И естественно, что выдающиеся военачальники союзных стран, внесшие свой большой личный вклад в разгром врага, пользуются в этих странах огромным уважением. Это особенно наглядно видно на том, с какой бережностью относятся в США к памяти Дуайта Эйзенхауэра.

На мой взгляд, показателем катастрофически низкого морального уровня современного российского общества является тот факт, что в канун 50-летия Победы и 100-летия со дня рождения Маршала Г. К. Жукова, отмечавшегося в 1996 г., в отечественных СМИ развернулась настоящая клеветническая кампания против подлинного Героя Великой

Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова, которому, по оценке Д. Эйзенхауэра, «Объединенные Нации были обязаны более чем кому-либо другому в деле разгрома фашистской Германии». В ходе этой кампании недоброжелатели Г. К. Жукова нередко ссылались на мемуары Д. Эйзенхауэра, в которых он вспоминал свою беседу в июне 1945 г. с Г. К. Жуковым. Эйзенхауэр приводит слова советского военачальника: «Когда мы выходили на минные поля, наша пехота шла в атаку через эти поля, как если бы их и не было. Потери, которые мы несли от противотанковых мин, расценивались как равные от огня пулеметов и артиллерии противника, если бы он защищал данный район с помощью крупных воинских сил, а не минными полями» (D. Eisenhower. Crusade in Europe. N.Y., 1968, p. 497). Из этого высказывания делается вывод, что Жуков шел к своим победам по трупам советских солдат, не считаясь ни с какими потерями. Грубейшая фальсификация! Конечно, имели место случаи, когда из-за ошибок разведки воинские подразделения попадали на минные поля. И это относится не только к советской армии. Но любой участник войны опровергнет утверждение, что солдат специально гнали на минные поля. Форсирование минных полей – это сложное военное искусство, которому специально обучали не только саперов, но и весь личный состав пехотных подразделений. Закономерен вопрос: почему такое заявление Г. К. Жукова появилось в мемуарах Д. Эйзенхауэра? Возможно, это следствие ошибочного, не исключена возможность и недобросовестного, перевода. Во всяком случае, ни в мемуарах Г. К. Жукова, ни в его других многочисленных интервью нет ничего подобного изложенному факту. Важно отметить, что ни в одном советском военном архиве ни один из исследователей не нашел ни одного приказа о том, что советскую пехоту преднамеренно бросали на минные поля. В ходе кампании по дискредитации Жукова дело дошло до того, что известный трубадур антисоветизма и антикоммунизма Марк Дейч решил взять на себя смелость учить уму-разуму «дремучих русских», как они должны оценивать роль и место Г. К. Жукова в Великой Отечественной войне.

Это имя свято не только для фронтовиков, но и для всех граждан нашей страны. И когда Марк Дейч обвиняет Г. К. Жукова в мародерстве, в том, что, руководя якобы вывозом ценностей из Германии, он «не забывал себя лично»^[1007], это уже не кашунство, а прямое уголовное преступление.

И не случайно, что российские организации ветеранов войны, Комитет памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова направили в Мосгорсуд иск Марку Дейчу и журналу «Столица», опубликовавшему этот пасквиль.

Коллективными членами Комитета памяти Маршала Жукова являются многочисленные фабрики, заводы, институты, школы, общественные объединения – это многие тысячи россиян самого различного возраста и политических воззрений. И как заместитель председателя Комитета памяти Маршала Г. К. Жукова имею право заявить, что они возмущены клеветой в адрес Великого полководца в неменьшей мере, чем мы – участники войны.

О низком моральном уровне современного российского общества, в первую очередь, его деловых кругов, свидетельствует и тот факт, что все попытки Комитета памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова привлечь деловые круги России к празднованию 100-летия со дня рождения Великого полководца не увенчались успехом.

Показательно, что многочисленные и дорогостоящие мероприятия в г. Лоуренсе штата Канзас в честь 100-летия со дня рождения Дуайта Эйзенхауэра были проведены на частные пожертвования.

К сожалению, Марк Дейч, его клеветническая публикация – не единственный случай. Если мы не научились уважать сами себя, то естественно, что мы не вызываем уважения и со стороны других стран и народов. И нередко имеют место случаи, когда официальные представители западных государств беспардонно вмешиваются в дела нашей страны, связанные, в частности, с итогами Второй мировой войны.

Например, в декабре 1995 г. посол США в РФ Томас Пикеринг в ходе поездки по Сахалину заявил, что острова южной части Курильской гряды являются японской территорией и что Россия должна мирным путем передать их Японии. МИД РФ расценил высказывания посла как «неприемлемое вмешательство во внутренние дела России и в двусторонние отношения с третьим государством». По мнению Министерства, «подобная позиция плохо соотносится с официально декларированным курсом руководства США на партнерство с Россией»^[1008].

Грубо вмешиваясь во внутренние дела России, американские официальные круги нажимают на самый мощный и болезненный рычаг – бьют по национальной гордости великого народа. При любом раскладе событий результат такой политики может быть только один – обострение российско-американских, а следовательно, и международных отношений.

Ничего похожего не было и не могло быть в советско-американских отношениях в годы президентства Дуайта Эйзенхауэра, который с уважением относился к своему союзнику в период войны и международному партнеру в трудные годы «холодной войны».

Оптимизм был одной из характерных черт Эйзенхауэра. Не потерял он своего оптимистического взгляда на жизнь и на ее закате, преследуемый тяжелыми болезнями. Достаточно сказать о том, что Эйзенхауэр перенес шесть инфарктов.

Сохранилась фотография: президент Эйзенхауэр и президент Никсон в армейском госпитале, где провел свои последние дни Дуайт Эйзенхауэр. Фотография была сделана незадолго до кончины Эйзенхауэра. Тяжело больной президент в больничной пижаме сидит рядом с Никсоном в кресле. И на этой последней фотографии на лице 34-го президента очаровательная, полная оптимизма улыбка, о которой так много писали и говорили все, кто близко знал Эйзенхауэра. Однако оснований для оптимизма не было никаких. Никсон так описывал последнюю встречу с Эйзенхауэром: «Я был в шоке... Эйзенхауэр выглядел как труп. Лицо восковое. Увидев меня, он оживился, поднял руку и приветствовал меня: «Хай!» Было видно, что ему тяжело говорить, но он настаивал на продолжении разговора. «Ты знаешь, – сказал он, – доктора говорят, что мои дела пошли на поправку». Будучи всегда оптимистом, очевидно, он верил в это»^[1009]. Дело, наверное, было не только в природном оптимизме Эйзенхауэра. Своеобразным допингом для него была и исключительно активная жизнь на протяжении длительного периода времени. «Одна из причин, почему многие руководители так долго цепляются за власть, как раз в том, что они видят в ней источник своей жизненной силы и энергии». Во время визита Тито в Вашингтон в 1971 г., вспоминал Никсон, его жена рассказала Никсону о последней встрече Тито с Черчиллем. Тому было уже за восемьдесят, он отошел от дел и был вынужден строго ограничивать себя в куреве и спиртном. Тито же, беседуя с Черчиллем, много курил и пил. Черчилль не без зависти спросил Тито: «Как вам удалось сохранить молодость?» И не дожидаясь ответа, сказал: «Я знаю, в чем здесь секрет. Это власть. Власть помогает человеку оставаться молодым»^[1010].

За годы, прошедшие после президентства Эйзенхауэра, многое изменилось и в Соединенных Штатах, и в мире. Но и сегодня столь же актуальна борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира.

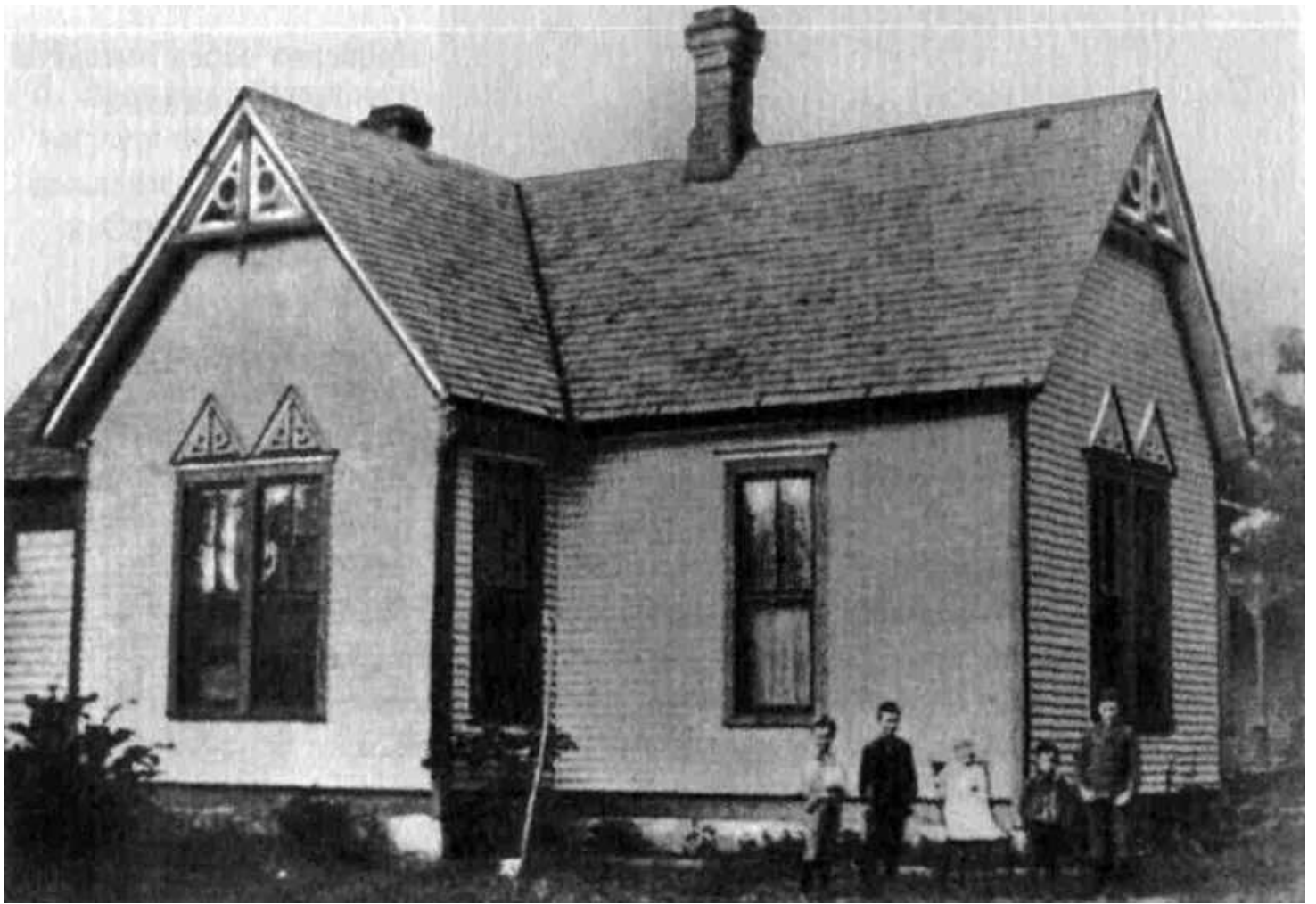
Во многом главное направление, на котором решается эта проблема всемирно-исторического значения, – российско-американские отношения.

Определенный политический реализм, проявлявшийся Эйзенхауэром при решении внешнеполитических проблем, в первую очередь, относящихся к советско-американским отношениям, базировался, главным образом, на учете растущей мощи Советского Союза. В апреле 1956 г. Эйзенхауэр отмечал в личном письме: «Придет такой день, когда США и СССР придут к выводу, что начало любых военных действий, вне зависимости от фактора неожиданности, приведет к взаимному и полному уничтожению. Тогда, очевидно, у нас хватит здравого смысла сесть за стол переговоров и признать, что эра вооружений завершилась и человечество либо должно учесть это, либо погибнуть»^[1011].

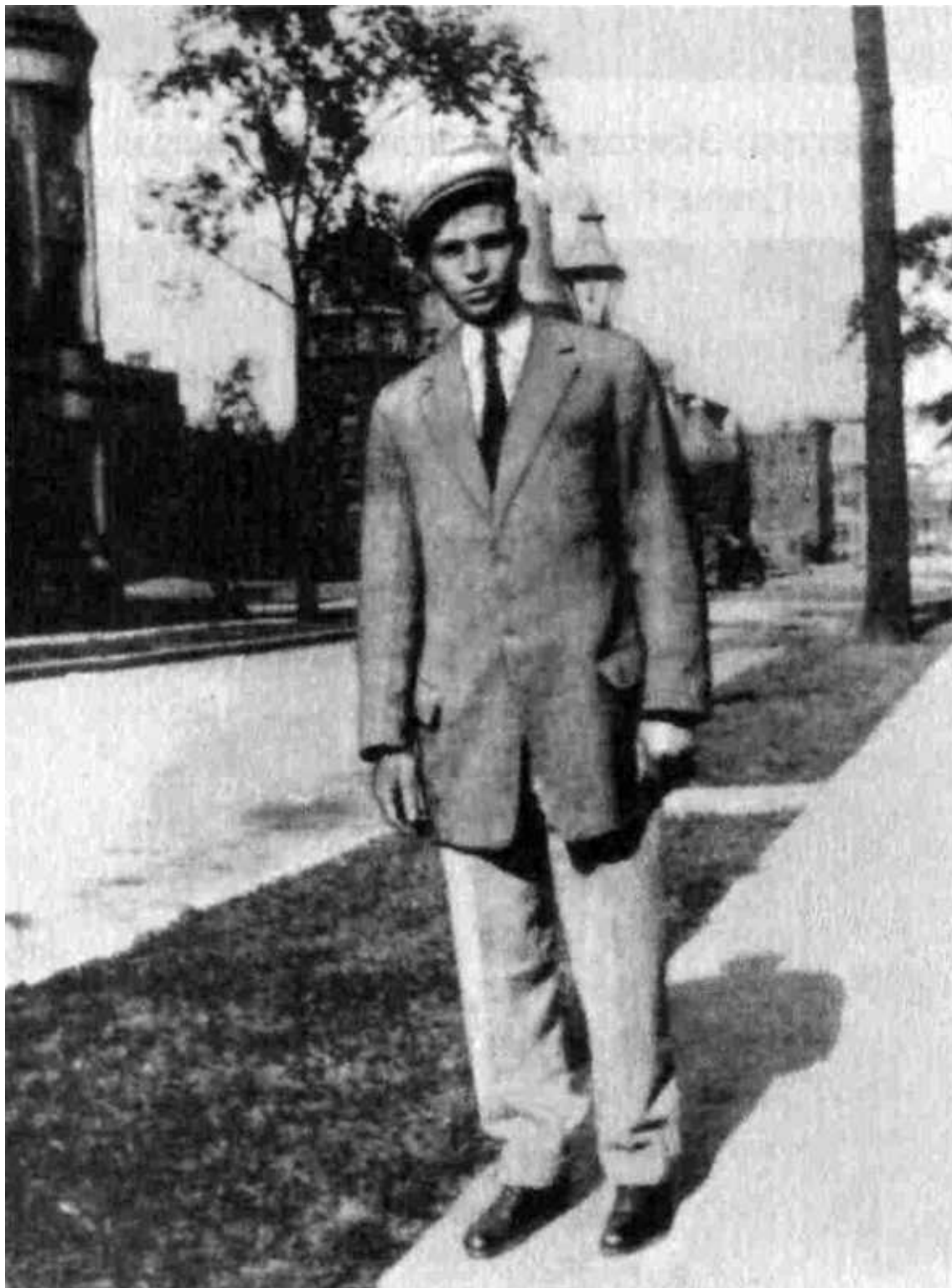
Обоснованная постановка вопроса, не потерявшая своего значения и в наши дни.

ΦΟΤΟ

Дом Эйзенхауэров в Абилине

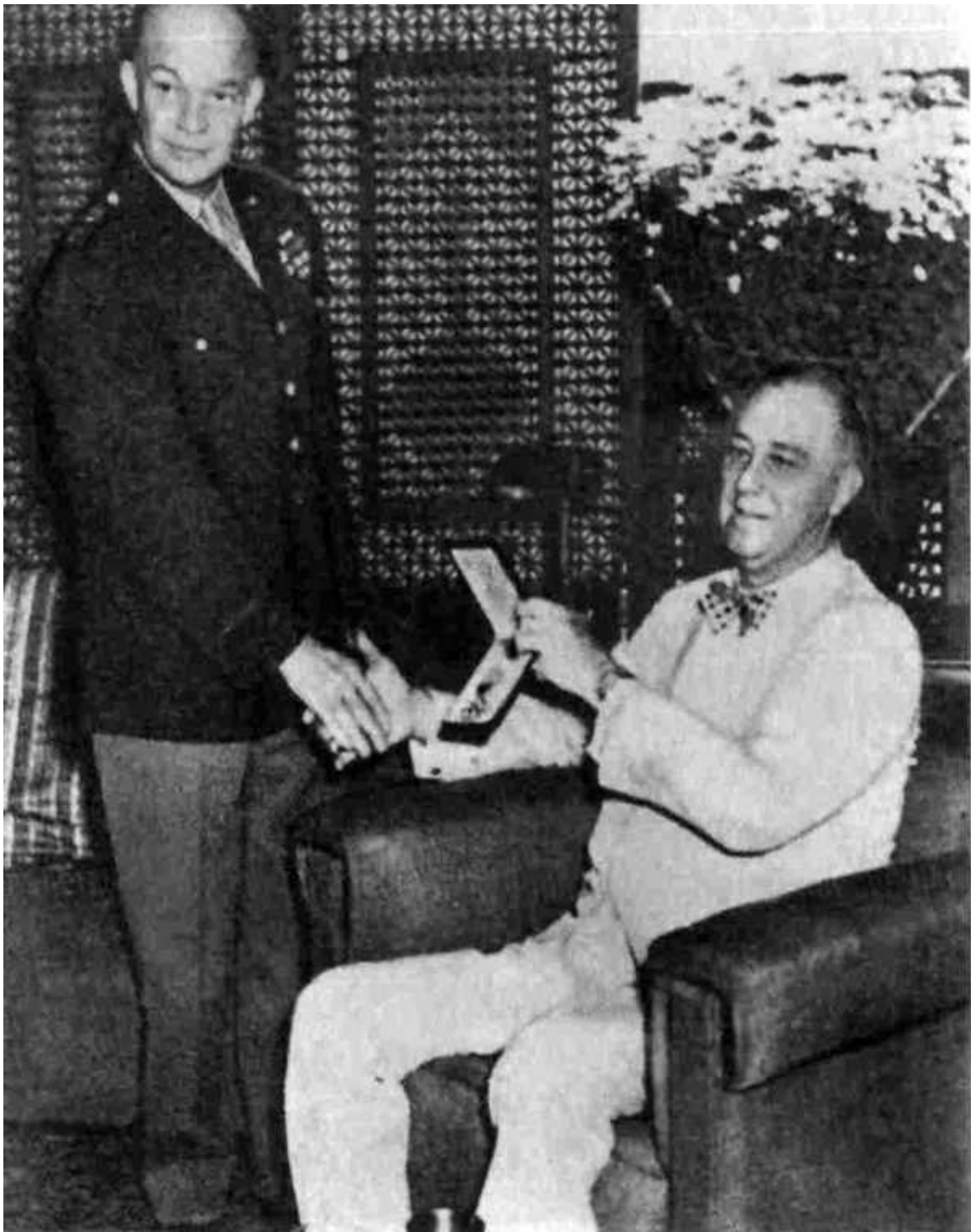
Д. Эйзенхауэр перед поступлением в Вест-Пойнт

Проверка перед высадкой в Нормандии

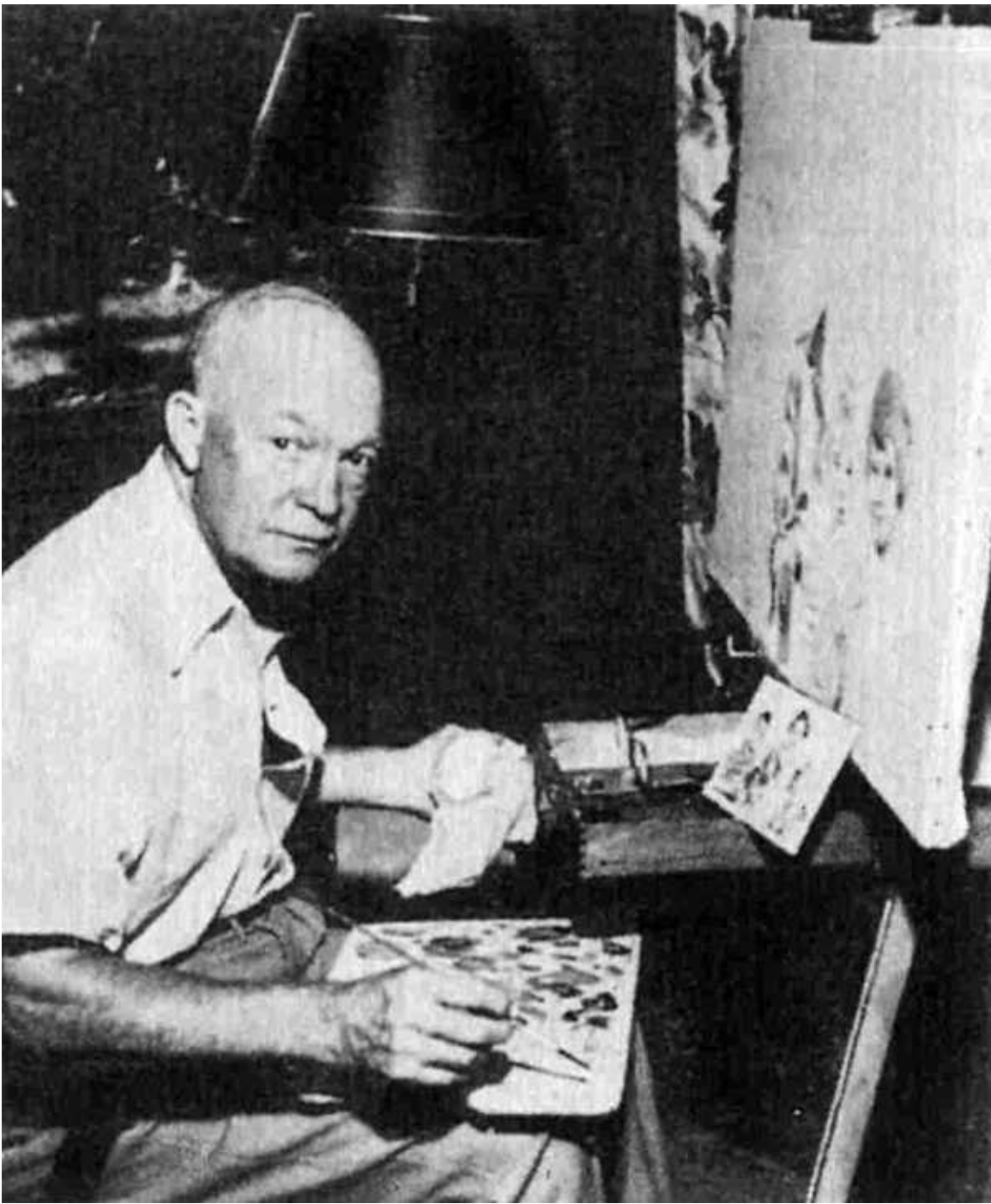
Паттон, Эйзенхауэр и английский генерал Б. Монтгомери после вручения Монтгомери воинской награды США

Президент Рузвельт вручает Д. Эйзенхауэру воинскую награду после успешной высадки союзных войск в Северной Африке

Г. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери. Встреча в Берлине 5 июня 1945 г.

Живопись – хобби президента Эйзенхауэра

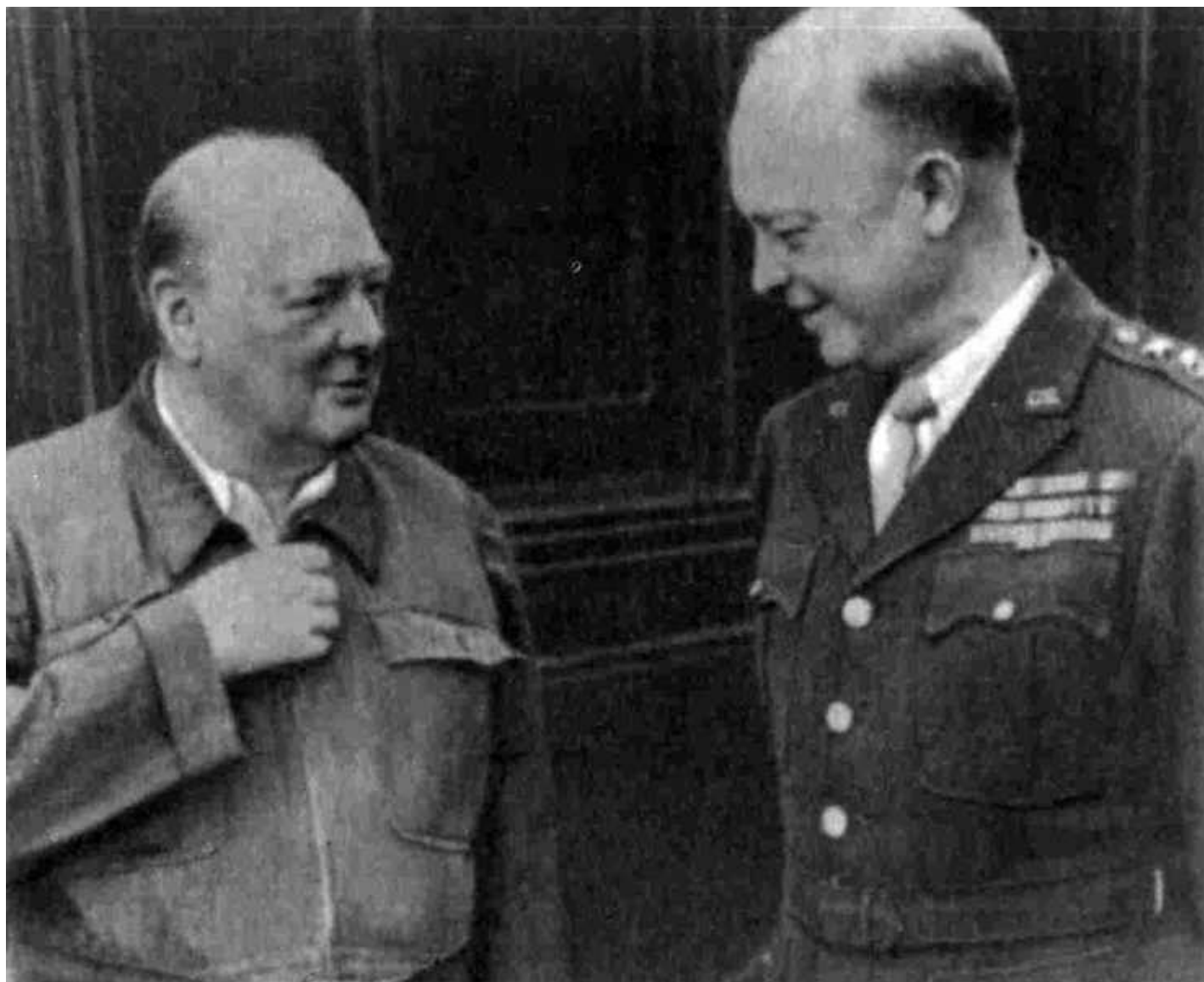
Южная Корея. Д. Эйзенхауэр и президент Южной Кореи Ли Сын
Ман

Братья Эйзенхауэр в гостях у матери. Стоят, слева направо: Артур, Эрл, Милтон. Сидят, слева направо: Дуайт Эдгар

В кругу семьи

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и Д.
Эйзенхауэр

Эйзенхауэр на трибуне мавзолея В. И. Ленина 12 августа 1945 г.

Избрание Д. Эйзенхауэра президентом Колумбийского университета

6 декабря 1960 г. по инициативе Д. Эйзенхауэра в Белом доме состоялась встреча с вновь избранным президентом США Джоном Кеннеди

Дуайт Д. Эйзенхауэр – 34-й президент США. 22 октября 1953 г.

Д. Эйзенхауэр после инфаркта. 1955 г.

Визит в Нормандию. Спустя 20 лет после Нормандской операции

Библиография.

I. Архивы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Ф. 129. Оп. 29. П. 166. д. 2, 3.
Ф. 0129. Оп. 26. П. 143, Д. 2; П. 154. Д. 1; Оп. 35. П. 245. Д. 141; П. 256. Д. 18; Оп. 36. П. 254. Д. 9, 10; П. 255. Д. 11; П. 260. Д. 62; Оп. 37. П. 266. Д. 20. Оп. 38. П. 276. Д. 15.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 13 918—13 921.
3. Dwight D.: Eisenhower Library (EL). Eisenhower D. 5 Papers, 1916—1952.
Box 9, Folder Bermingham E. (4); Box 15, Folder C-Cam/misc/; Box 23, Folder Clement M.; Box 42, Folder Galin L.; Box 46, Folder AEN-NEY/misc./Box 55, Folder JOI-34/misc./; Box 93, SCA-SCHO/misc/; Folder JOI-34/misc./; Box 97, Folder STI-STO, August, 1951.
Pers Files of D. Eisenhower, 1916—1952 Box 52, Hoffman P.; Box 64, Lovert R...; Box 66, Mac Arthur D. Box 91, Roberts C, Box 1944, Eisenhower for President.
Pers Files of General of the Army D. Eisenhower, 1916—1952.
Box 21, Churchill W., Boxes 22, 26.
Papers of toe President of the USA, 1953—1961.
Official File, Box 711, folder 138-C-3, Republican National Platform (1); Association of National Advertisers to C Jackson, 1953, April 3; Box 889, Folder USSR, 1952—1953 (1); Rogers W.: Papers, 1938—1962; Box 889, Folder USSR; Ballis, Hargg. Papers. 1950—1962, Box 1. Folder Album 75. Corresp. October 5, 1959-June 17; The Following Telegrams; Statement by the President, May 6, 1960; 133-M, «Forward»; Statement on Integration, September 10, 1954; Morrow E. Records, 1953—1956; 133-M; General File. Box 994, S. Udall; Box 802; Box 140; Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961.
International Series.
Box 48, File: Khrushhev visit; Khrushhev visit; Background Paper;
Press Conference 9.27.59;
Portrait.
Presidents Personal File.
February 4, 1953; R. Grey to I. Soldman, May 1, 1958; I-L.; Box 140; Box 938.
General File.
Box 465, Folder 109-A, Nixon Speech.
Papers as President of the USA, 1953—1961.
General File.
Box 828, Folder Russia 1958 (1).
Official File.
Box 890, Folder 225, 1958 (2); Box 892, Folder 225-D; Box 890; Folder 225, 1958 (2), Paarlberg D.: Files Trends in US. Trade with the Soviet Block in Europe; Box 411, Folder 101-R, Rosenberg July and Ethel.
4. Princeton University Library. John Foster Dulles Papers, Box 143 Supplement of 1971, II Correspondence 1952, Box 12 of 15: Supplement of 1971, II Correspondence 1949—1950, Box 4 of

15. Box 3 of 15 Ha Correspondence, Box 227, 218, Box 144 II Correspondence, Box 198.
5. Franklin Roosevelt Library (FRL).
PF 200 B. BOX 125. 3/1/45-H-J. Ingram to FDR;
H. Hopkins. Box 218. Russia. Siberia. 1942;
OF 220. Box 1. Folder. Title Russia 1942. Executive Office Memorandum. 1942. October 30;
H. L. Hopkins. Box 217. Russia. GP. 24 Weekly. Summary. 9/ 1/43.

II. Интервью

Интервью с Джоном Эйзенхауэром. Июль 1972. Интервью с Милтоном Эйзенхауэром. Ноябрь 1975.

III. Документы

- Внешняя политика Советского Союза, 1945 год: Документы и материалы. М., 1949.
Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1-2. М., 1976.
Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941—1942. М., 1997.
Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995.
Министерство иностранных дел СССР. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М., 1974, т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.).
Министерство иностранных дел СССР.
Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1-11. М., 1984.
Министерство иностранных дел СССР.
Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том 11. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1984.
Министерство иностранных дел СССР.
Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том 111. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 – августа – 28 сентября 1944 г.). Сборник документов. М., 1984.
Интервью с Милтоном Эйзенхауэром. «Американский Ежегодник» 1991 г.
Кинг М. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления. М., 1970.
Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1971.
Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. Washington, 1954—1960.
Boyle P. (ed.). The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953—1955. Chapel Hill, N. C, 1990.
Congressional Records. 1953. Washington, 1954.

- The Eisenhower Diaries ed. by R. Ferrell. N. Y., London, 1981.
Eisenhower J. Letters to Mamie. Garden City, N. Y., 1978.
Griffith R. (ed.). Ikes Letters to a Friend, 1941—1958. Lawrence, KS, 1984.
The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. 5 Volumes. Baltimore and London, 1971.
Memorial Services in the Congress of the United States and Tributes in Eulogy of Dwight D. Eisenhower. Washington, 1970.
Vexler R. (ed). Dwight Eisenhower 1890—1969. Chronology-Documents. Bibliographical Aids. N. Y., 1970.

IV. Мемуары

- Громько А. А. Памятное, т. 1-2. М., 1988.
Громько Анатолий. Андрей Громько. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1-2. М., 1974.
Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992.
Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997.
Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997.
Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980.
Adams S. Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration. N.Y., 1961.
Butcher H. My Three Years with Eisenhower. N. Y., 1946.
Churchill W. The Second World War, Vol. V. London, 1952.
Eisenhower D. Mandate for Change. 1953—1956. N. Y., 1963.
Eisenhower D. Waging Peace. 1956—1961. Garden City, N. Y., 1965.
Eisenhower D. At Ease: Stories I Tell my Friends. N. Y., 1967.
Eisenhower J. Strictly Personal. Garden City, N. Y., 1974.
Larson A. Eisenhower. The President Nobody Knew. N. Y., 1968.
Lodge H. As it Was: An Inside View of Politics and Power in the 50s and 60s. N. Y., 1976.
The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. London, 1959.
Smith M. Meet Mister Eisenhower. N. Y., 1954.
Summersby K. Eisenhower was my Boss. N. Y., 1948.
Summersby K. (Morgan). Past Forgetting: My Love Affair with Dwight D. Eisenhower. N. Y., 1976.
Truman H. Memoirs 1945-Year of Decisions, Vol. 1. N. Y., 1965.

V. Пресса

- «Большевик». «За рубежом». «Известия».
«Литературная газета».
«Новое время».
«Новая и новейшая история».
«Правда».
«Сегодня».
«Столица».

«США: экономика, политика, идеология».
«International Herald Tribune».
«Kansas City Star».
«Kansas City Time».
«Life»
«Look».
«New York Times».
«New Yorker».
«Spiegel».
«Topeka Daily Capital». «U. S. News and World Report».

VI. Литература

- Амброуз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1984.
- Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос» 1945—1949. М., 1990.
- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., 1947.
- Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.
- Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х книгах. М., 1989.
- Иванов Р. Ф. Черные пасынки Америки. М., 1978.
- Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965.
- Иванов Р. Ф., Петрова Н. К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. 1941—1945. В., 1995.
- Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1975.
- Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М., 1991.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1-6. М., 1960—1980.
- История внешней политики СССР. Т. 2. 1945—1980. М., 1981.
- История Второй мировой войны 1939—1945, Т. 1-12. М., 1973—1982.
- История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972.
- Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики. М., 1969.
- Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- Кулиш В. М. История второго фронта. М., 1971.
- Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
- Макдональд Ч. Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. М., 1979.
- Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974.
- Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. – М., 1972.
- Мишин А. А. Государственное право в США. М., 1976.
- Очерки новой и новейшей истории США. Т. 2. М., 1960.
- Ржешевский О. А. Предисловие к книге «Эйзенхауэр Д.» (Указ. соч.).
- Ржешевский О. А. Великая страница истории. Правда, 1983, 6 января.
- Рузвельт Ф. Беседы у камина. М., 1995.

Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги Маршала Г. К. Жукова. Х., 1992.

Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США, М., 1980.

Софийский Н. Н. Бонн и Вашингтон. М., 1969.

Союзники в войне 1941—1945. М., 1995.

Спар У., Яковлев Н. Н. Полководец Г. К. Жуков: взлет и падение. М., 1996.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1977.

Черчилль У. Вторая мировая война. В трех книгах. М., 1991.

Яковлев Н. Н. Дуайт Д. Эйзенхауэр: политический портрет. Новая и новейшая история, 1968. № 5.

Яковлев Н. Н. Маршал Г. К. Жуков. М., 1988, его же: Жуков. М., 1992.

Яковлев Н. Н. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

Яковлев Н. Н. Силуэты Вашингтона. М., 1983.

Яковлев Н. Н. Улыбка Айка. Новое время, 1982, № 46.

Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт. Человек и политики. Новое прочтение. М., 1981.

Albertson D. (ed.) Eisenhower as President. N. Y., 1963.

Alteras I. Eisenhower and Israel. U. S. – Israel Relations, 1953—1960. Gainesville, 1993.

Ambrose S. The Supreme Commander. The War Years of General Dwight D. Eisenhower. Garden City, New York., 1970.

Ambrose S. Ike: abilene to berlin, n. y., 1973.

Ambrose S. Ikes Spies. N. Y., 1981. Ambrose S. Eisenhower. The President. N. Y., 1984.

Ambrose S. Eisenhower. Soldier and President. N. Y., London, Toronto, Sydney, Tokyo, Syngapore, 1990;

Ambroses. – Nixon. The Triumph of a Politician, 1967—1972. N. Y., 1989;

Ambrose S. – Nixon. Ruin and Recovery, 1973—1990. N. Y., 1991.

Anderson D. Trapped by Success: The Eisenhower Administration and Vietnam, 1953-61. N. Y., 1991.

Archer J. Battlefield President Dwight Eisenhower. N. Y., 1967.

Bischof G. and Ambrose S. Eisenhower and the German POWs. Facts against of Falsehood. Baton Rouge and London, 1992.

Bischof G. and Ambrose S. (ed.) Eisenhower. A. Century Assessment. Baton Rouge and London, 1995.

Blumenson M. Eisenhower. N. Y., 1972.

Broadwater J. Eisenhower and the Anti-Communist Crusade. Chapel] Hill and London, 1992.

Burk R. The Eisenhower Administration and Black Civil Rights. Knoxville, 1984.

Burke R. Dwight D. Eisenhower: Hero and Politician. Boston, 1986.

Burke J., Greenstein F. How Presidents Test Peality. Decision on Vietnam, 1954 and 1965. N. Y., 1989.

Capitanchic D. The Eisenhower Presidency and American Foreign Policy. London, 1969.

Chase M. Never too Late. San Francisco, 1983.

Childs M. Eisenhower. Captive Hero. A Critical Study of the General and President. N. Y., 1958.

Cook B. Dwight D. Eisenhower. Antimilitarist in the White House-•Forum in History, 1974.

Cook B. The Declassified Elsenhower: A Divided Legacy. Garden City, N. Y., 1981.

Cooke A. General Elsenhower on the Military Churchill. N. Y., 1970.

Davis K. Soldier of Democracy. N. Y., 1952.

- Diggins J. *The Proud Decades: America in War and Peace, 1941—1960*. N. Y., 1988.
- Divine R. *The Sputnik Challenge*. N. Y., Oxford, 1993.
- Donovan R. *Eisenhower. The Inside Story*. N. Y., 1956.
- Donovan R. *Confidential Secretary. Ann Whitmans 20 Years with Eisenhower and Rockefeller*. N. Y., 1988.
- Du Bois W. *Color and Democracy. Colonies and Peace*. N. Y., 1945.
- Eisenhower, David. *Eisenhower at War 1943—1945*. N. Y., 1986.
- Ewald W. *Who Killed Joe McCarthy?* N. Y., 1984.
- Feis H. *Roosevelt, Churchill, Stalin*. Oxford, 1957.
- Foner S. *Blacks and the Military in American History*. N. Y., 1974.
- Gaddis J. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security*. N. Y., 1982.
- Gaddis J. *The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War*. N. Y., 1987.
- Gaddis J. *We Now Know. Rethinking Cold War History*. N. Y., Oxford, 1997.
- Gunter J. *Eisenhower. The Man and the Symbol*. N. Y., 1945.
- Halberstam D. *The Fifties*. N. Y., 1993.
- Hatch A. *General Ike. A Biography of D. Eisenhower*. N. Y., 1944.
- Higgins T. *The Perfect Failure. Kennedy, Eisenhower and the CIA at the Bay of Pigs*. N. Y., London, 1987.
- Hughes E. *The Ordeal of Power. A Political Memoir of the Eisenhower Years*. N. Y., 1963.
- Immerman R. (ed.). *John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War*. Princeton, N. Y., 1990.
- Irving D. *War between the Generals*. N. Y., 1981.
- Jameson H. *They Still Call him Ike*. N. Y., 1972.
- Johnson G. *Eisenhower: the Life and Times of a Great General, President and Statesman*. Derby, 1962.
- Kaufman B. *Trade and Aid: Eisenhowers Foreign Economic Policy, 1953—1961*. Baltimore, Md., 1982.
- Kempton M. *The Underestimation of Dwight D. Eisenhower*. «Esquire Magazine». September, 1967.
- Krieg J. (ed.). *Dwight D. Eisenhower. Soldier, President. Statesman*, N. Y., 1987.
- Lee R. *Eisenhower and Landrum – Griffin: A Study in Labor – Management Politics*. Lexington, Ky., 1990.
- Lovelace D. *General Ike Eisenhower*. N. Y., 1944.
- Lyon P. *Eisenhower. Portrait of the Hero*. Boston, 1974.
- Marks F. *Power and Peace: The Diplomacy of John Foster Dulles*. Westport, Conn., 1993.
- Medhurst M. *Dwight D. Eisenhower: Strategic Communicator*. Westport, Conn., 1992.
- Melanson R., Mayers D. *Reevaluating Eisenhower. American Foreign Policy in the 1950-s*. Urban and Chicago, 1987.
- Miller F. *Eisenhower. Man and Soldier*. Philadelphia, 1944.
- Miller M. *Ike the Soldier. As they Knew him*. N. Y., 1987.
- Morin B. *Dwight D. Eisenhower. A Change of Greatness*. N. Y., 1969.
- ONeill W. *American High: The Years of Confidence, 1945—1960*. N. Y., 1986.
- Pach Ch., Richardson E. *The Presidency of Dwight D. Eisenhower*. Lawrence, K.S., 1991.
- Peterson E. *The Many Faces of Defeat: The Germans Peoples Experience in 1945*. N. Y., 1990.

- Perret G. *Theres a War to Be Won: The United States Army in World War II*. N. Y., 1991.
- Prados J. *Presidents Secret Wars: CIA and Pentagon Covert Operations Since World War II*. N. Y., 1986.
- Reichard G. *Politics as Usual: The Age of Truman and Eisenhower*. Arlington Heights, 111., 1988.
- Phodes R. *Ike: An Artist in Iron*. «Harpers Magazine», July, 1970.
- Rosamond R. *Crusade for Peace*. Philadelphia, New York, 1962.
- Rovere R. *The Eisenhower Years*. N. Y., 1961.
- Saulnier R. *Constructive Years: The U. S. Economy Under Eisenhower*. Landham, Md., 1991.
- Sixmith E. *Eisenhower as Military Commander*. N. Y., 1961.
- Sloan J. *Eisenhower and the Management of Prosperity*. Lawrence, KS, 1991.
- Taylor A. *The Second World War*. London, 1975.
- Yan M. *Dicision against War. Eisenhower and Dien Bien Phy*. N. Y., 1988.
- Warshaw Sh. (ed.) *Reexamining the Eisenhower Presidency*. Westport, Connecticut, London, 1993.
- Whitfield S. *The Culture of the Cold War*. Baltimore, Md., 1991.

Примечания

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1-6. М., 1960—1980; История Второй мировой войны 1939—1945, т. 1-12. М., 1973—1982.

[n_1](#)

Известия. 16 января 1993 г.

[n_2](#)

Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение. М., 1981.
Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1977. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972.
Яковлев Н. Н. Маршал Г. К. Жуков. М., 1988, его же: Жуков. М., 1992. Д. А. Волкогонов.
Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х книгах. М., 1989. Ф. Д.
Волков. Взлет и падение Сталина. М., 1992. Н. А. Светлишин. Крутые ступени судьбы.
Жизнь и ратные подвиги Маршала Г. К. Жукова. Х., 1992. В. Карпов. Маршал Жуков. Опала.
М., 1994.

[п_3](#)

Союзники в войне 1941—1945. М., 1955, с. 5 Далее: Союзники...

[n_4](#)

Bischof G. and Ambrose S. Eisenhower and the German POW, s. Facts against of Falsehood. Baton Rouge and London, 1997. p. XVI.

[n_5](#)

Ibid., p. 1.

[n_6](#)

Ibid., p. 2.

[n_7](#)

S. Ambrose. Eisenhower. The President. N. Y., 1984; Eisenhower Soldier and President; Nixon. The Triumph of a Politician 1962—1972. N. Y., 1989; Nixon. Ruin and Recovery. 1973—1990. N. Y., 1991.

[n_8](#)

Krieg J. (ed.) Dwight D. Eisenhower. Solder, President, Statesman. N. Y., 1987, pp. 297—305.
[n_9](#)

Idib., pp. 304, 305.

[n_10](#)

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_11](#)

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980, с. 19, 20.

[n_12](#)

Мишин А. А. Государственное право США. М., 1976, с. 162.

[n_13](#)

New York Times, 1961, January 18.

[n_14](#)

Eisenhower D. Mandate for Change 1953—1956. New York, 1963, p. 607.

[n_15](#)

Miller F. Eisenhower, Man and Soldier. Philadelphia, 1944, p. 198.

[n_16](#)

Morin B. Dwight D. Eisenhower. A Change of Greatness. New York, 1969, p. 12.

[n_17](#)

Quids M. Eisenhower. *Captive Hero. A Critical Study of the General and President*. New York, 1958, p. 18; Lovelace D. *General Ike Eisenhower*. New York, 1944, p. 16.

[n_18](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 49.

[n_19](#)

U. S. News and World Report, 2 July, 1955, p. 52.

[n_20](#)

Archer J. Battlefield President Dwight Eisenhower. New York, 1967, p. 12.

[n_21](#)

Hatch A. Jeneral Ike. A Biography of D. Eisenhower. New York, 1944, p. 8.

[n_22](#)

Miller F. Op. cit., pp. 46, 47.

[n_23](#)

Vexler R. (ed.) Dwight Eisenhower 1890—1969. Chronology-Documents. Bibliographical Aids. New York, 1970, p. 1.

[n_24](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 114.

[n_25](#)

Johnson G. Eisenhower: the Life and Times of a Great General, President and Statesman. Derby, 1962, p. 12.

[n_26](#)

Albertson D. (ed.) Eisenhower as President. New York, 1963, p. XIV; Johnson G. Op. cit., p. 63; Davis K. Soldier of Democracy. New York, 1952, p. 303; Archer J. Op. cit., p. 13.

[n_27](#)

Miller F. Op. cit., p. 96.

[n_28](#)

Амброуз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993, с. 10.

[n_29](#)

Davis K. Op. cit., p. 48.

[n_30](#)

Цит. по: Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М, 1978, с. 357.

[n_31](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 51.

[n_32](#)

Ambrose S. Ike: Abilene to Berlin. New York, 1973, p. 24.

[n_33](#)

Davis K. Op. cit., p. 51.

[n_34](#)

Childs M. Op. cit., p. 22.

[n_35](#)

Ibidem.

[n_36](#)

Archer J. Op. cit., p. 14.

[n_37](#)

Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992, с. 89.

[п_38](#)

Davis K. Op. cit., p. 54.

[n_39](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 115.

[n_40](#)

Hatch A. Op. cit, p. 13.

[n_41](#)

Archer J. Op. cit., p. 17.

[n_42](#)

Eisenhower D. At Ease: Stories I Tell my Friends. New York. 1967, p. 80. Далее: Eisenhower D. At Ease...

[n_43](#)

Ibid., p. 95.

[n_44](#)

Johnson G. Op. cit., p. 16.

[n_45](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 88.

[n_46](#)

Miller F. Op. cit., p. 76.

[n_47](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 116.

[n_48](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 80.

[n_49](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 126.

[n_50](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 16.

[n_51](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 116.

[n_52](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 36.

[n_53](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 117.

[n_54](#)

Ibidem.

[n_55](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 15.

[n_56](#)

Ibidem.

[n_57](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 122.

[n_58](#)

Ambrose S. Ike... p. 20; Hatch A. Op. cit., p. 24, Lovelace D. Op. cit., p. 25; Johnson G. Op. cit., p. 20.

[n_59](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 15.

[n_60](#)

Archer J. Op. cit., p. 19.

[n_61](#)

Hatch A. Op. cit., p. 29.

[n_62](#)

Childs M. Op. cit., p. 24.

[n_63](#)

Johnson G. Op. cit., p. 21.

[n_64](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 104.

[n_65](#)

Morin B. Op. cit., p. 23.

[n_66](#)

U. S. News and World Report, 1 July, 1955, p. 122.

[n_67](#)

Johnson G. Op. cit., p. 24.

[n_68](#)

Hatch A. Op. cit., p. 32.

[n_69](#)

Miller F. Op. cit., p. 141.

[n_70](#)

Hatch A. Op. cit., p. 35.

[n_71](#)

Davis K. Op. cit., p. 139.

[n_72](#)

Eisenhower J. Op. cit., pp. 8, 272, 329.

[n_73](#)

Lovelace D. Op. cit., pp. 36-37.

[n_74](#)

Davis K... Op. cit., p. 141.

[n_75](#)

Lovelace D. Op. cit., pp. 33, 34.

[n_76](#)

Miller F. Op. cit., p. 149.

[n_77](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 34.

[n_78](#)

Miller F. Op. cit., p. 150.

[n_79](#)

Hatch A. Op. cit., p. 47.

[n_80](#)

Childs M. Op. cit., p. 31.

[n_81](#)

Ambrose S. Ike... p. 40.

[n_82](#)

Childs M. Op. cit., p. 33.

[n_83](#)

Johnson G. Op. cit., p. 28.

[n_84](#)

Davis K. Op. cit., p. 159.

[n_85](#)

Childs M. Op. cit., p. 34.

[n_86](#)

Davis K. Op.cit., p. 159.

[n_87](#)

Miller F. Op. cit., p. 117.

[n_88](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 118.

[n_89](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 2.

[n_90](#)

Ibidem.

[n_91](#)

Davis K. Op. cit., p. 174.

[n_92](#)

Hatch A. Op. cit., p. 61.

[n_93](#)

Miller F. Op. cit., p. 161.

[n_94](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 2.

[n_95](#)

Miller F. Op. cit., pp. 164—165.

[n_96](#)

Johnson G. Op. cit., p. 33.

[n_97](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 56.

[n_98](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 2.

[n_99](#)

Davis K. Op. cit., p. 185.

[n_100](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 3.

[n_101](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 63.

[n_102](#)

Davis K. Op. cit., p. 194.

[n_103](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 3.

[n_104](#)

Eisenhower D. At Ease... pp. 209—213.

[n_105](#)

Davis K. Op. cit., p. 230.

[n_106](#)

Eisenhower D. At Ease... pp. 216—217.

[n_107](#)

Яковлев Н. Н. Улыбка Айка. Новое время, 1982, № 46, с. 28.

[п_108](#)

Miller M. Ike the Soldier. As They Knew him. N. Y., 1987, p. 262.

[n_109](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 3.

[n_110](#)

Miller F. Op. cit., p. 188.

[n_111](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 3.

[n_112](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 22.

[n_113](#)

Johnson G. Op. cit., p. 48.

[n_114](#)

Ambrose S. Ike... pp. 72, 73.

[n_115](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 231.

[n_116](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 40.

[n_117](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 4.

[n_118](#)

Eisenhower D. At Ease... pp. 235—236.

[n_119](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 4.
[n_120](#)

Johnson G. Op. cit., p. 53.

[n_121](#)

Амброз С. Указ. соч., с. 42.

[n_122](#)

Eisenhower D. At Ease... pp. 242, 243.

[n_123](#)

Johnson G. Op. cit., p. 53.

[n_124](#)

Childs M. Op. cit., p. 56.

[n_125](#)

Ambrose S. Ike... pp. 82, 83.

[n_126](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit, p. 4.
[n_127](#)

В. М. Бережков. Страницы дипломатической истории. М., 1984, с. 119, 120.
[n_128](#)

Johnson G. Op. cit, p. 56; Davis K. Op. cit., pp. 282, 288.

[n_129](#)

См.: Макдональд Ч. Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. М., 1979, с. 51.

[n_130](#)

См.: Макдональд Ч. Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. М., 1979, с. 51.

[n_131](#)

Miller F. Op. cit., p. 193.

[n_132](#)

Johnson G. Op. cit., p. 56.

[n_133](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 304.

[n_134](#)

The Eisenhower Diaries ed. by R. Ferrell. New York, London, 1981, p. 50. Далее: The Eisenhower Diaries.

[n_135](#)

Ibid., p. 51.

[n_136](#)

Davis K. Op. cit, p. 276.

[n_137](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 204 (прим.).

[n_138](#)

Davis K. Op. cit, p. 297.

[n_139](#)

The Papers of D. Eisenhower. The War Years. 5 Volumes, Baltimore and London, 1971, vol. I, pp. 333—335. Далее: Eisenhower D. War Years.

[n_140](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 250.

[n_141](#)

Johnson G. Op. cit., p. 59.

[n_142](#)

Ambrose S. The Supreme Commander. The War Years of General Dwight D. Eisenhower. Garden City, New York, 1970, p. 48. Далее: Supreme Commander...

[n_143](#)

Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 0129. П. 57. Д. 6.
ЛЛ. 15-17.

[n_144](#)

Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 0129. П. 57. Д. 6.
ЛЛ. 26.

[n_145](#)

Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 0129. П. 57. Д. 6.
ЛЛ. 22.

[п_146](#)

Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ). Ф. 0129. ОП 26. П. 143. Д. 2. Л. 9.

[n_147](#)

Eisenhower J. Op. cit, p. 47.

[n_148](#)

Davis K. Op. sit., p. 310.

[n_149](#)

См.: Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 88-91.

[n_150](#)

Ambrose S. Ike... p. 107.

[n_151](#)

Capitanchic D. The Eisenhower Presidency and American Fordgn Policy. London, 1969, p. 7.
[n_152](#)

Johnson G. Op. cit., p. 63.

[n_153](#)

Ambrose S. Supreme Commander... p. 44.

[n_154](#)

Davis K. Op. cit., p. 326.

[n_155](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 89.

[n_156](#)

Summersby K. Eisenhower was my Boss. New York, 1948, p. 28.

[n_157](#)

Miller M. Op. cit., p. 384.

[n_158](#)

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995, с. 12 (Далее: Секретная переписка...)

[n_159](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 5.

[n_160](#)

Summersby K. Op. cit., p. 29.

[n_161](#)

Ibid., p. 19.

[n_162](#)

Childs M. Op. cit, p. 62.

[n_163](#)

The Eisenhower Diaries... p. 50.

[n_164](#)

Ржешевский О. А. Великая страница истории. – Правда, 1983, 6 января.

[n_165](#)

Johnson G. Op. cit, p. 64.

[n_166](#)

Секретная переписка... с. 38-39.

[n_167](#)

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1977, с. 478.

[n_168](#)

Трухановский В. Г. Указ. соч., с. 346.

[n_169](#)

Секретная переписка... с. 216.

[n_170](#)

Секретная переписка... с. 263.

[n_171](#)

Секретная переписка... с. 271.

[n_172](#)

Секретная переписка... с. 276.

[n_173](#)

Davis K. Op. cit., p. 329.

[n_174](#)

The Eisenhower Diaries, p. 60.

[n_175](#)

Ibid., p. 71.

[n_176](#)

Blumenson M. Eisenhower. New York, 1972, pp. 16-17.

[n_177](#)

Johnson G. Op. cit., p. 66.

[n_178](#)

The Eisenhower Diaries, p. 81.

[n_179](#)

Butcher H. My Three Years with Eisenhower. New York, 1946, p. 168.

[n_180](#)

Секретная переписка... с. 320.

[n_181](#)

Секретная переписка... с. 366.

[n_182](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 6, с. 221.

[п_183](#)

Blumenson M. Op. at., p. 29.

[n_184](#)

Davis K. Op. cit, p. 380.

[n_185](#)

См.: Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 171—177.

[п_186](#)

Childs M. Op. cit., p. 73.

[n_187](#)

Miller M. Op. cit, p. 435.

[n_188](#)

Ibid., p. 426.

[n_189](#)

Blumenson M. Op. cit., p. 30.

[n_190](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 5.

[n_191](#)

Summersby K. Op. cit., p. 104.

[n_192](#)

Johnson G. Op. cit., p. 73.

[n_193](#)

Childs M. Op. cit., p. 74.

[n_194](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 98.

[n_195](#)

Ambrose S. Ike... p. 121.

[n_196](#)

См.: История Второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 225.

[n_197](#)

Taylor A. The Second World War. London, 1975, p. 172.

[n_198](#)

Miller F. Op. cit., p. 122.

[n_199](#)

Секретная переписка... с. 355.

[n_200](#)

Johnson G. Op. cit, p. 76.

[n_201](#)

Sixmith E. Eisenhower as Military Commander. New York, 1961, pp. 67, 78; Cooke A. General Eisenhower on the Military Churchill. New York, 1970, p. 42; См.: Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 203; Blumenson M. Op. cit., p. 38.

[n_202](#)

Cooke A. Op. cit., p. 42.

[n_203](#)

85-а Союзники... с. 7.

[п_204](#)

Eisenhower D. At Ease p. 264.

[n_205](#)

Eisenhower, David. Eisenhower at War 1943—1945. New York, 1986, p. 16.

[n_206](#)

Ibid., p. 17.

[n_207](#)

Ibid., p. 23.

[n_208](#)

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1, М., 1976, с. 159.

[n_209](#)

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1, М., 1976, с. 166—167.

[n_210](#)

Ambrose S. Ike... p. 101.

[n_211](#)

Miller M. Op. cit, p. 691

[n_212](#)

Ibid., p. 450.

[n_213](#)

Butcher H. Op. cit, p. 29.

[n_214](#)

Eisenhower D. War Years, vol. I, pp. 391, 394, 646, 647.

[n_215](#)

Ibid., vol. II, p. 928.

[n_216](#)

История Второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 182.

[n_217](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 83.

[п_218](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 11.

[n_219](#)

Ржешевский О. А. Предисловие к кн. Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 13.
[п_220](#)

Eisenhower Diaries... p. 44.

[n_221](#)

Ibid., p. 48.

[n_222](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 95.

[n_223](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 90.

[п_224](#)

Johnson G. Op. cit., p. 76.

[n_225](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 203.

[п_226](#)

Miller F. Op. cit., p. 266.

[n_227](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 217.

[п_228](#)

Summersby K. Op. cit., p. 74.

[n_229](#)

Blumenson M. Op. cit., p. 56.

[n_230](#)

Ibid., p. 47.

[n_231](#)

Churchill W. The Second World War, vol. V. London, 1952, p. 59.

[n_232](#)

Davis K. Op. cit, p. 436.

[n_233](#)

История Второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 378.

[n_234](#)

Цит. по: Трухановский В. Г. Указ. соч., с. 366.

[n_235](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 99.

[n_236](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 388.

[п_237](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28 П. 154. Д. 1. Л. 46.

[n_238](#)

Макдональд Ч. Указ. соч., с. 149.

[n_239](#)

Макдональд Ч. Указ. соч., с. 144, 149, 150.

[п_240](#)

Eisenhower Diaries... p. 94.

[n_241](#)

Ambrose S. Ike... pp. 136, 137.

[n_242](#)

Hatch A. Op. cit., p. 145: Cummersby K. Op. cit., p. 84.

[n_243](#)

Ambrose S. Ike... pp. 140, 141.

[n_244](#)

Butcher H. Op. cit., p. 428.

[n_245](#)

Johnson G. Op. cit., p. 79.

[n_246](#)

Childs M. Op. cit., p. 78.

[n_247](#)

Johnson G. Op. cit., p. 81.

[n_248](#)

См.: Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 255—256.

[п_249](#)

Секретная переписка... с. 419.

[n_250](#)

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1971, с. 45.
[n_251](#)

Цит. по: Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 245.

[n_252](#)

Ambroses. Ike... p. 193.

[n_253](#)

Irving D. The War Between the Generals. New York, 1981, p. 28.

[n_254](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 30.

[n_255](#)

Тегеран. Ялта. Потсдам, с. 64, 83-84.

[n_256](#)

Miller M. Op. dt., p. 566.

[n_257](#)

Warshaw Sh. (ed.). Reexamining the Eisenhower Presidency. Westport, Connecticut, London, 1993, pp. 137.

[n_258](#)

Hatch A. Op. cit., p. 203.

[n_259](#)

Irving D. Op. cit., p. 28.

[n_260](#)

Davis K. Op. cit., p. 453.

[n_261](#)

История Второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 40.

[п_262](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 256.

[п_263](#)

Johnson G. Op. cit., p. 82.

[n_264](#)

Butcher H. Op. cit., p. 464.

[n_265](#)

Davis K. Op. cit., p. 455.

[n_266](#)

Irving D. Op. cit., p. 32.

[n_267](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 269.

[п_268](#)

Summersby K. Op. cit., p. 121.

[n_269](#)

Childs M. Op. cit., p. 82.

[n_270](#)

Lovelace D. Op. cit., p. 126.

[n_271](#)

Ambrose S. Ikes Spies. New York, 1981, p. 121.

[n_272](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 95.

[n_273](#)

Cooke A. Op. cit., p. 40-43.

[n_274](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 331.

[n_275](#)

Summersby K... Op. cit., p. 124.

[n_276](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 86-87; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4. с. 524.

[п_277](#)

Miller F. Op. cit., p. 266.

[n_278](#)

Irving D. Op. cit., pp. 132, 133.

[n_279](#)

Молчанов Н. Н. Указ. соч., с. 157.

[п_280](#)

Summersby K. Op. cit., p. 144.

[n_281](#)

Sixmith E. Op. cit., pp. 137, 138.

[n_282](#)

Davis K. Op. cit., p. 465.

[n_283](#)

Никсон Р. Указ. соч., с. 163.

[п_284](#)

Pach Ch., Richardson E. The Presidency of Dwight D. Eisenhower. Lawrence, K.S., 1991, p. 163.

[n_285](#)

Summersby K. Op. cit., p. 135; Davis K. Op. cit., p. 475.

[n_286](#)

Sixmith E. Op. cit., p. 137.

[n_287](#)

Miller F. Op. cit., pp. 268, 269.

[n_288](#)

Davis K. Op. cit., p. 470; Ambrose S. Ike... p. 143; Hatch A. Op. cit., p. 217.
[n_289](#)

Davis K. Op. cit, p. 479.

[n_290](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 303.

[n_291](#)

Ambrose S. Ike... pp. 181, 183.

[n_292](#)

Blumenson M. Op. cit., p. 90.

[n_293](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 129.

[n_294](#)

Davis K. Op. cit., p. 488: см. подробнее: Кулиш В. М. История второго фронта. М., 1971, с. 370—372.

[n_295](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 216.

[n_296](#)

Ibid., p. 295.

[n_297](#)

Johnson G. Op. cit., p. 87.

[n_298](#)

Цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 6, с. 405.

[п_299](#)

Davis K. Op. cit., p. 483.

[n_300](#)

Eisenhower J. Op. cit., pp. 54, 55, 73.

[n_301](#)

Секретная переписка... с. 290.

[n_302](#)

Секретная переписка... с. 79, 80.

[n_303](#)

Davis K. Op. cit., p. 492.

[n_304](#)

Секретная переписка... с. 520.

[n_305](#)

Davis K. *Op. cit.*, pp. 491—495, 496; Lyon P. Eisenhower. *Portrait of the Hero*. Boston, 1974, pp. 263, 279—283, 287, 288.

[n_306](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 260.

[n_307](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 372.

[п_308](#)

Chase M. Never too Late. San Francisco, 1983, pp. III, 117.

[n_309](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 19.

[n_310](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 47, 64.

[n_311](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 243.

[n_312](#)

История Коммунистической партии Советского Союза, с. 496.

[n_313](#)

Davis K. Op. cit., p. 499.

[n_314](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 334—335.

[n_315](#)

Johnson G. Op. cit., p. 88.

[n_316](#)

Ambrose S. Ike... pp. 158, 159.

[n_317](#)

См. Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 346—347.

[n_318](#)

Davis K. Op. cit., p. 507.

[n_319](#)

Ambrose S. Ike... p. 172.

[n_320](#)

Summersby K. Op. cit., pp. 188, 189.

[n_321](#)

Ambrose S. Ike... p. 173.

[n_322](#)

Ibid., pp. 173, 175.

[n_323](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 72.

[n_324](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, pp. 2371—2376.

[n_325](#)

Lyon P. Op.cit., p. 318.

[n_326](#)

Ibid., p. 336.

[n_327](#)

Eisenhower, David. Op. cit., pp. 584, 585.

[n_328](#)

Sixmith E. Op. cit., p. 190.

[n_329](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 620.

[n_330](#)

ibid., pp. 740, 741.

[n_331](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, p. 255.

[n_332](#)

Sixmith E. Op. cit., p. 204; Eisenhower D. War Years, vol. IV, p. 2584.

[n_333](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 165.

[n_334](#)

Lyon P. Op.cit., p. 334.

[n_335](#)

Sixmith E. Op. cit., p. 205.

[n_336](#)

Секретная переписка... с. 50.

[n_337](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, pp. 2562, 2563, 2568—2571, 2572—2574.

[n_338](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 452.

[п_339](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 660.

[n_340](#)

Ibid., pp. 649, 650.

[n_341](#)

Miller M. Op. cit., p. 691.

[n_342](#)

Ambrose S. Ike... p. 193.

[n_343](#)

Секретная переписка... с. 228.

[п. 344](#)

Miller M. Op. cit., p. 769.

[n_345](#)

Секретная переписка... с. 84.

[п_346](#)

Секретная переписка... с. 576.

[n_347](#)

Секретная переписка... с. 576.

[n_348](#)

Секретная переписка... с. 631.

[n_349](#)

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 361

[n_350](#)

Цит. по: Gunter J. Eisenhower. The Man and the Symbol. New York, 1945, p. 82.

[n_351](#)

Цит. по: Gunter J. Eisenhower. The Man and the Symbol. New York, 1945, p. 82.

[n_352](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, p. 2592; Ambrose S. Ike... p. 200.

[n_353](#)

Gunter J. Op. cit., p. 83.

[n_354](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 745.

[n_355](#)

Irving D. Op. cit., p. 397.

[n_356](#)

Ibid., p. 399.

[n_357](#)

Ibid., p. 404.

[n_358](#)

Ibid., p. 400.

[n_359](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, p. 2521.

[n_360](#)

Ibid., p. 2592.

[n_361](#)

Ibidem.
[n_362](#)

Ibid., p. 2148.

[n_363](#)

История Второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 315.

[п_364](#)

Спар У., Яковлев Н. Н. Полководец Г. К. Жуков: взлет и падение. М., 1996, с. 385.
[n_365](#)

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1974, с. 319.

[п_366](#)

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1974, с. 323.

[n_367](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, pp. 2632, 2633.

[n_368](#)

Blumenson E. Op. cit., p. 138.

[n_369](#)

Eisenhower D. War Years, vol. ГУ, pp. 2552—2553.

[n_370](#)

Жуков Г. К. Указ. соч., с. 401, 402.

[n_371](#)

Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос» 1945—1949. М., 1990, с. 52.

[п_372](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 521.

[п_373](#)

Gunter J. Op. cit., p. 85.

[n_374](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 295.

[n_375](#)

Жуков Г. К. Указ. соч., с. 404.

[п_376](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 756.

[n_377](#)

Ibid., p. 818.

[n_378](#)

Жуков Г. К. Указ. соч., с. 405.

[п_379](#)

Miller P. Op. cit., pp. 268, 269.

[n_380](#)

Цит. по: Яковлев Н. Н. Дуайт Д. Эйзенхауэр – политический портрет. Новая и новейшая история, 1968, № 5, с. 59.

[п_381](#)

Feis H. Roosevelt, Churchill, Stalin. Oxford, 1957, p. 311.

[n_382](#)

Секретная переписка... с. 635.

[п_383](#)

living D. Op. cit., pp. 13, 14.

[n_384](#)

Яковлев Н. Н. Дуайт Д. Эйзенхауэр.... с. 59.

[п_385](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, pp. 2239, 2240.

[n_386](#)

Feis H.Op.cit., pp. 84, 85.

[n_387](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 173, 174.

[n_388](#)

Там же, с. 176.

[n_389](#)

Там же, с. 177.

[n_390](#)

Там же, с. 176.

[n_391](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 820.

[n_392](#)

Lyon P. Op. cit., pp. 112, 119.

[n_393](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 521.

[п_394](#)

Summersby K. Op. cit., pp. 233.

[n_395](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 38.

[п_396](#)

Johnson G. Op. cit., pp. 94, 95.

[n_397](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 87.

[n_398](#)

Davis K. Op. cit., p. 535.

[n_399](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 765.

[n_400](#)

Bischof G. and Ambrose S. (eds.). Eisenhower and the German... p. 30.
[n_401](#)

Ibidem.
[n_402](#)

Ambrose S. The Supreme Commander... pp. 387-91.

[n_403](#)

Eisenhower J. Letters to Mamie. Garden City, N. Y., 1978, p. 210.

[n_404](#)

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. П. 166. Д. 2. Л. 34.

[n_405](#)

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. П. 166. Д. 2. Л. 34.

[n_406](#)

Ibid., p. 2.
[n_407](#)

Ibid., p. 8.

[n_408](#)

Ibid., pp. 2, 3.

[n_409](#)

Ibid., pp. 18, 19.

[n_410](#)

См.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 256.

[n_411](#)

Спар У., Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 383.

[п 412](#)

Eisenhower D. War Years, vol. IV, p. 2696.

[n_413](#)

Подробнее см.: История Второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 362—368.
[n_414](#)

415

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_415](#)

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, М., 1947, с. 271.

[п_416](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., pp. 6-7.

[n_417](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., С. 497.

[п_418](#)

Gunter J. Op. cit., p. 86.

[n_419](#)

Chase M. Op. cit., p. 123.

[n_420](#)

Miller M. Op. cit., pp. 641, 642.

[n_421](#)

Summersby K. Op. cit., p. 237.

[n_422](#)

Vexler R (ed.). Op. cit., p. 7.

[n_423](#)

Hatch A. Op. cit., p. 271.

[n_424](#)

Жуков Г. К. Указ. соч., с. 425.

[п_425](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 101.

[n_426](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 516.

[n_427](#)

Там же, с. 517.

[п. 428](#)

Там же.
[п. 429](#)

Там же.
[п. 430](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 107.

[n_431](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. – 518.

[п_432](#)

Там же, с. 519.

[п. 433](#)

Там же, с. 518.

[п. 434](#)

Eisenhower, David. Op. cit., p. 818.

[n_435](#)

The Papers of Dwight D. Eisenhower, vols 1-5, ed. A. D. Chandler. Baltimore, 1970, vol. III, p. 1794.

[n_436](#)

Brenden P. Ike. His Life and Times, p. 193.

[n_437](#)

Summersby K. (Morgan). Past Forgetting: My Love Affair with Dwight D. Eisenhower. New York, 1976, p. 194.

[n_438](#)

Ambrose S. Ikes Spies, p. 121.

[n_439](#)

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. П. 166. Д. 3. Л. 142.

[n_440](#)

Gunter J. Op. cit., p. 87.

[n_441](#)

Союзники... с. 131.

[п. 442](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 97.

[n_443](#)

Gunter J. Op. cit., p. 87.

[n_444](#)

Lyon P. Op. cit., p. 356.

[n_445](#)

Childs M. Op. cit., p. 100.

[n_446](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., p. 18.

[n_447](#)

Jameson H. They Still Call Him Ike. New York, 1972, p. 48.

[n_448](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 5.

[n_449](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 329.

[n_450](#)

Johnson G. Op. cit., p. 10.

[n_451](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 9.

[n_452](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 7.

[n_453](#)

Johnson G. Op. cit., p. 103.

[n_454](#)

Gunter J. Op. cit., p. 89.

[n_455](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... pp. 10, 11.

[n_456](#)

Ibid., p. 10.

[n_457](#)

Hatch A. Op. cit., pp. 287—292.

[n_458](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч.

[n_459](#)

Childs M. Op. cit., p. 108.

[n_460](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 329.

[n_461](#)

Childs M. Op. cit., p. 107.

[n_462](#)

The Eisenhower Diaries, p. 372.

[n_463](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 12.

[n_464](#)

Hatch A. Op. cit., p. 298.

[n_465](#)

466

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 35. П. 245. Д. 14. Л. 49, 50.

[n_466](#)

Там же, Л. 52.

[n_467](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 445.

[n_468](#)

Bischof G. and Ambrose S. (eds.). Eisenhower. A Century Assessment. Baton Rouge and London, 1995, p. 75.

[n_469](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 226.

[n_470](#)

Большевик. 1951, № 5, с. 85.

[п_471](#)

Большевик. 1951, № 15, с. 37.

[п_472](#)

Eisenhower Library. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 93, Folder SCA-SCHO (misc.); Box 23, Folder Clement M. Papers as the President of the USA, 1953—1961. Official File, Box 889, Folder USSR etc. Далее: EL.

[n_473](#)

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п. 474](#)

Там же.
[п. 475](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 577.

[n_476](#)

Ibid., p. 14.

[n_477](#)

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 55, Folder JOI-34 (misc.).

[n_478](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers 1916—1952, Box 97, Folder STI-STO, August, 1951.
[n_479](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 221.

[n_480](#)

EL Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 42, Folder Galin L.

[n_481](#)

EL Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 9, Folder Bermingham, E. (4).
[n_482](#)

BischofG. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century.... p. 75.

[n_483](#)

Ibid., p. 82.

[n_484](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 38. П. 276. Д. 15. Л. 62.

[n_485](#)

Секретная переписка... с. 81.

[п_486](#)

См.: Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1975, с. 280.

[п_487](#)

Hatch A. Op. cit., p. 310.

[n_488](#)

The Eisenhower Diaries, p. 164.

[n_489](#)

Gunter J. Op. cit., p. 90.
[n_490](#)

Johnson G. Op. cit., p. 107.

[n_491](#)

Childs M. Op. cit., p. 129.

[n_492](#)

The Eisenhower Diaries, p. 238.

[n_493](#)

Eisenhower D. At Ease... p. 376.

[n_494](#)

EL. Pers Files of Gen. of the Army D. Eisenhower, 1916—1952, Box 21, Churchill W. W. Churchill to D. Eisenhower, 5 July, 1951.

[n_495](#)

The Eisenhower Diaries, p. 223.

[n_496](#)

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 46, Folder HEN-HEY (misc.).
[n_497](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 15.

[n_498](#)

EL. Pers Files of D. Eisenhower, 1916—1952, Box 26, Cowles J. Eisenhower D. to Cowles J.,
October 3, 1951.

[n_499](#)

Ibid, Pers Files of General of the Army Eisenhower D., 1916—1952, Box 22, Clay L. Eisenhower to Clay, April 16, 1951.

[n_500](#)

Ibid., Bullis H. Papers, 1950—1962, Box 2, Folder Album 85, Corresp. Eisenhower D. to Bullis H.

[n_501](#)

Johnson G. Op. cit., p. 110.

[n_502](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... pp. 16-18.

[n_503](#)

Jameson H. Op. cit., p. 60; Adams S. Firsthand Report. The Story of the Eisenhower Administration. New York, 1961, p. 3.

[n_504](#)

Rovere R. The Eisenhower Years. New York, 1956, p. 4.

[n_505](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... pp. 20, 21.

[n_506](#)

Childs M. Op. cit., p. 147.

[n_507](#)

Vexler R. (ed.). Op. cit., p. 11.

[n_508](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 23.

[n_509](#)

Childs M. Op. cit., p. 147.

[n_510](#)

См. по: Иванян Э. А. Указ. соч., с. 286, 292.

[п_511](#)

Davis K. Op. cit., p. 254.

[n_512](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 254. Д. 10. Л. 34.

[n_513](#)

Там же, Л. 57.

[n_514](#)

Там же.
[n_515](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 56.

[n_516](#)

Hughes E. The Ordeal of Power. A Political Memoir of the Eisenhower Years. New York, 1963,
p. 22.

[n_517](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 74.

[n_518](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., p. 25.

[n_519](#)

Rhodes R. Ike: An Artist in Iron. «Harpers Magazine», July. 1970, p. 73.

[n_520](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 57.

[n_521](#)

522

John Foster Dulles Papers. Princeton University Library, Box 143 (далее: DP).
[n_522](#)

Правда, 1952, 29 августа.

[n_523](#)

Ambrose S. Ikes... p. 206.

[n_524](#)

525

DP. Supplement of 1971, II Correspondence 1952, Box 12 of 15.

[n_525](#)

Der Spiegel, 25.VI.1952.

[n_526](#)

Rosamond R. Crusade for Peace. Philadelphia, New York, 1962, p. 9.

[n_527](#)

DP. Supplement of 1971, II Correspondence 1949—1950, Box 10 of 15, f. 82.

[n_528](#)

Ibid., Box 4 of 15.

[n_529](#)

См.: Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики. М., 1969, с. 36-37.

[n_530](#)

DP. Box 3 of 15.

[n_531](#)

Ibid., Box 10 of 15.

[n_532](#)

ГАРФ. Ф. 4459, Оп. 27/1. Д. 13 918—13 921.

[n_533](#)

Там же.
[n_534](#)

Литературная газета, 1952, 18 октября.

[n_535](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 450.

[n_536](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 3.

[n_537](#)

Там же, ЛЛ. 145, 146.

[n_538](#)

Там же, Л. 147.

[n_539](#)

EL. Papers as President of the USA, 1953—1961, OfHdal File, Box 711, Folder 138-C-3.
Republican National Platform (1), p. 18.

[n_540](#)

Ibid., p. 24.

[n_541](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, Presidents Personal File, February 4, 1953.

[n_542](#)

DP. Box 4 of 15.

[n_543](#)

EL. Pers File of D. Eisenhower, 1916—1952, Box 66, Mac Arthur D.

[n_544](#)

Яковлев Н. Н. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961, с. 539.

[n_545](#)

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 83, Folder Pace F.
[n_546](#)

Ibid., Bullis H.: Papers, 1950—1962. Folder Album 75. Corresp.
[n_547](#)

Ibid., Pers. Files of Eisenhower D., 1916—1952, Box 91. Roberts C 1952.

[n_548](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961 Official File, Box 711, Folder 138-C-3.

[n_549](#)

Ibid., p. 22.

[n_550](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 48.

[n_551](#)

Ibid., p. 180.

[n_552](#)

BischofG. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... p. 192.

[n_553](#)

DP. Box 12 of 15.

[n_554](#)

United States Foreign Policy, 1952—1954, National Security Issues. Washington, 1984.
[n_555](#)

EL. Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, Presidents Personal File, February 4, 1953.

[n_556](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 171.

[n_557](#)

См.: Яковлев Н. Н. Новейшая история США, с. 538.

[n_558](#)

Adams S. Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration. N. Y., 1961, p. 101.
[n_559](#)

Цит. по: Яковлев Н. Н. Дуайт Эйзенхауэр – политический портрет. Новая и новейшая история, 1968. № 5, с. 61.

[п_560](#)

Там же.
[n_561](#)

Цит по: История внешней политики СССР 1945—1980 гг., т. 2, с. 162.

[n_562](#)

Rovere R. Op. cit, p. 8.

[n_563](#)

Childs M. Op.cit., p. 139.

[n_564](#)

Smith M. Meet Mister Eisenhower. New York, 1954, p. 13.

[n_565](#)

Johnson G. Op. cit., p. 109.

[n_566](#)

Smith M. Op.cit.p. 62.

[n_567](#)

Johnson G. Op. cit., p. 107; Childs M. Op. cit., p. 108.

[n_568](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 65.

[n_569](#)

Никсон Р. Указ. соч., с. 196.

[п_570](#)

Там же, с. 98.

[n_571](#)

Adams S. Op. cit., p. 39.

[n_572](#)

573

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_573](#)

Lyon P. Op. cit., p. 457.

[n_574](#)

575

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_575](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 75.

[n_576](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 254.

[n_577](#)

DP. Box 4 of 15.

[n_578](#)

Harpers Magazine, July 1970, p. 73.

[n_579](#)

Амброуз С. Указ. Соч., с. 268.

[n_580](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 482.

[n_581](#)

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_582](#)

За рубежом, 1974, № 12, с. 20.

[n_583](#)

Яковлев Н. Н. Силуэты Вашингтона. М., 1983, с. 165—166.

[п_584](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 255. Д. 11. Л. 50, 51.

[n_585](#)

Donovan R. Confidential Secretary. Ann Whitmans 20 Years with Eisenhower and Rockefeller. N. Y., 1988, p. 133.

[n_586](#)

Childs M. Op. cit., p. 171.

[n_587](#)

Ibid., p. 172.

[n_588](#)

Яковлев Н. Н. Силуэты Вашингтона, с. 163.

[п_589](#)

Kempton M. The Underestimation of Dwight D. Eisenhower. «Esquire Magazine». September, 1967, p. 108.

[n_590](#)

Smith M. Op. at., p. 14.

[n_591](#)

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 260. Д. 62. Л. 139.

[n_592](#)

Там же, П. 254. Д. 9. Л. 138.

[n_593](#)

Там же, Оп. 37. Д. 20. П. 266. Замечания отдела США от 5 февраля 1953 г. «О послании Эйзенхауэра к конгрессу США «О положении страны» от 2 февраля 1953 г., Л. 6, 7.

[n_594](#)

EL. Pens Files of Eisenhower D., 1916—1952, Box 194. Eisenhower for President. Research Service. Quotes for Use.

[n_595](#)

EL. Pers Files of Eisenhower D., 1916—1952, Box 52, Haffman P.

[n_596](#)

Ibid., Pers Files of Eisenhower D., 1916—1952, Box 91, Roberts C, Eisenhower D. to Roberts C, January 28, 1952.

[n_597](#)

Burke J., Greenstein F. How Presidents Test Reality. Decisions on Vietnam, 1954 and 1965. N. Y., 1989, p. 28.

[n_598](#)

Ibid., p. 29.

[n_599](#)

Ibid., pp. 106, 110, 111.

[n_600](#)

Ibid., p. 34.

[n_601](#)

Ibid., p. 32.

[n_602](#)

Yun M. Decision against War. Eisenhower and Dien Bien Phy, 1954. N. Y., 1988, p. 76.
[n_603](#)

Burke J., Greenstein F. Op. cat., p. 3.
[n_604](#)

The Eisenhower Diaries, p. 190.

[n_605](#)

Burke J., Greenstein F. Op. cit., p. 45.

[n_606](#)

YunM. Op.cit., p. 95.

[n_607](#)

Ibid., p. 152.

[n_608](#)

Ibid., p. 157.

[n_609](#)

Ibid., p. 160.

[n_610](#)

Melanson R., Mayers D. Reevaluating Eisenhower. American Foreign Policy in the 1950s. Urbana and Chicago, 1987, p. 125.

[n_611](#)

Ibid., p. 140.

[n_612](#)

Ibidem.
[n_613](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 571, 594.

[п_614](#)

Pach Ch., Richardson E. Op. cit., p. 94.

[n_615](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 326.

[n_616](#)

Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. Washington, 1954—1960, p. 686. Далее: Public Papers...

[n_617](#)

DP. Box 4 of 15.

[n_618](#)

Ibid., Box 12 of 15.

[n_619](#)

EL. Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961. Presidents Personal File, Gray to Solomon, 1 May 1958.

[n_620](#)

621

DP. Ha Correspondence, Box 227.

[n_621](#)

EL. Gruenter H. Records, 1953—1960, Box 8, Folder 1956 Campaign Speech. Foreign Policy, p.
4.
[n_622](#)

Bischof G. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... pp. 195—196.

[n_623](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 478.

[n_624](#)

EL. Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961. Presidents Personal File.
R. Gray to I. Solomon, May 1, 1958.

[n_625](#)

DP. Box 144.

[n_626](#)

Ibidem.
[n_627](#)

Ibidem.
[n_628](#)

Ibidem.
[n_629](#)

EL. Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, Official File, Box 889, Folder USSR, 1952—1953 (I).

[n_630](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 214.

[n_631](#)

Higgins T. The Perfect Failure. Kennedy, Eisenhower and the CIA at the Bay of Pigs. N. Y., London, 1987, pp. 32, 33.

[n_632](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 427.

[n_633](#)

Литературная газета, 1978, 11 октября.

[п. 634](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 421.

[n_635](#)

Adams S. Op. cit., p. 381.

[n_636](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 519.

[n_637](#)

Adams S. Op. cit., p. 381.

[n_638](#)

Higgins T. Op. cit., p. 49.

[n_639](#)

Ibid., pp. 55, 56.

[n_640](#)

Ibid., p. 57.

[n_641](#)

Ibid., p. 51.

[n_642](#)

643

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_643](#)

Там же.
[п. 644](#)

EL. Pers Files of General of the Army D. Eisenhower, 1916—1952, Box 21, Churchill W.
[n_645](#)

Ibidem.
[n_646](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 157.

[n_647](#)

Ibid., p. 162.

[n_648](#)

Ibid., p. 164.

[n_649](#)

650

DP. Box 10 of 15.

[n_650](#)

Ibidem.
[n_651](#)

Ibid., II Correspondence, Box 198.

[n_652](#)

The Eisenhower Diaries, p. 321.

[n_653](#)

Ibid., p. 334.

[n_654](#)

Ibid., p. 323.

[n_655](#)

Ibidem.
[n_656](#)

657

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_657](#)

DP. Box 3 of 15.

[n_658](#)

Ibidem.
[n_659](#)

Ibid., Box 4 of 15.

[n_660](#)

Ibid., Box 9 of 15.

[n_661](#)

Ibid., Box 4 of 15.

[n_662](#)

663

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_663](#)

DP. Box 9 of 15.

[n_664](#)

665

Цит. по: Литературная газета, 1952, 18 октября.

[п_665](#)

666

DP. Box 4 of 15.

[n_666](#)

667

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 38. П. 276. Д. 15. Л. 106.

[n_667](#)

Там же.
[п. 668](#)

Там же, Л. 109.

[п. 669](#)

670

DP. Ha Correspondence, Box 218.

[n_670](#)

671

Правда, 1953, 8 октября.
[п_671](#)

Public Papers... 1956, pp. 425—426.

[n_672](#)

Brendon P., p. 253.

[n_673](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., p. 34.

[n_674](#)

Capitanchik D. Op. cit., p. 47.

[n_675](#)

Цит. по: Софийский Н. Н. Бонн и Вашингтон. М., 1969, с. 54.

[n_676](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 217.

[n_677](#)

Melanson R., Mayers D. Op. cit., p. 233.

[n_678](#)

См.: История внешней политики СССР 1945—1980 гг., т. 2, с. 192—193.

[п_679](#)

680

Правда, 1955, 12 мая.

[п_680](#)

Public Papers... 1955, pp. 486—500.

[n_681](#)

Правда, 1955, 7 июля.

[n_682](#)

Public Papers... 1955, p. 575.

[n_683](#)

Правда, 1955, 14 июля.

[п_684](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 510.

[n_685](#)

Alberson D. (ed.). Op. cit., p. 80.

[n_686](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 361, 362.

[n_687](#)

Donovan R. Eisenhower. *The Inside Story*. New York, 1956, p. 347.

[n_688](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 525.

[n_689](#)

Eisenhower J. Op. cit., pp. 175, 176.

[n_690](#)

Громько А. А. Памятное, т. 1-2. М., 1988, т. 1. с. 367.

[п_691](#)

Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997, с. 191.

[п_692](#)

Там же, с. 193.

[n_693](#)

Спар У., Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 487.

[п_694](#)

Eisenhower, David. Op. cit, pp. 270, 271.

[n_695](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 465.

[п_696](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... pp. 514, 515.

[n_697](#)

Ibid., pp. 519—525. Амброуз С. Указ. соч., с. 362.

[n_698](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., p. 82.

[n_699](#)

700

Harpers Magazine July, 1970, p. 76.

[n_700](#)

701

Правда, 1955, 24 июля.

[п_701](#)

Public Papers... 1955, p. 732.

[n_702](#)

Warszaw Sh. (ed.). Op. cit., p. 187.

[n_703](#)

Ibid., Op. cit., p. 189.

[n_704](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 504.

[n_705](#)

The Eisenhower Diaries, p. 319.

[n_706](#)

Alteras I. Eisenhower and Israel. U.S. – Israel Relations, 1953—1960. Gainesville, 1993, p. 224.
[n_707](#)

Ibid., p. 226.

[n_708](#)

Ibid., p. 229.

[n_709](#)

Киссинджер Г. Указ. соч., с. 488.

[n_710](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 187.

[n_711](#)

Eisenhower D. Waging Peace... pp. 33-34.

[n_712](#)

Larson A. Eisenhower. The President Nobody Knew. New York, 1968, p. 52.

[n_713](#)

Eisenhower D. Waging Peace... pp. 81-83.

[n_714](#)

Adams S. Op. cit., p. 286.

[n_715](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 77.

[n_716](#)

Adams S. Op. cit., p. 276.

[n_717](#)

EL. Papers as President of the United States, 1953—1961, Official File.

[n_718](#)

Ibid., Ballis, Harry: Papers, 1950—1962, Box 1, Folder Album 75. Corresp. October 5, 1959 – June 17.

[n_719](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 93.

[n_720](#)

721

Цит. по: Яковлев Н. Н. Силуэты Вашингтона, с. 210.

[п_721](#)

Там же.
[п. 722](#)

723

DP. Box 200.

[n_723](#)

В период кризиса Османской империи великие державы говорили о Турции как о «больном человеке», колониальное наследство которого они должны поделить между собой. – Р. И.

[n_724](#)

The Eisenhower Diaries... p. 222.

[n_725](#)

Public Papers... 1956, p. 1101.

[n_726](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 94.

[n_727](#)

EL. Rogers W.: Papers, 1938—1962.

[n_728](#)

Очерки новой и новейшей истории США, т. II, М., 1960, с. 480.

[п_729](#)

История внешней политики СССР 1945—1980 гг., т. 2, с. 269.

[п. 730](#)

Alteras I. Op. cit., p. 308.

[n_731](#)

Adams S. Op. cit., p. 290.

[n_732](#)

Public Papers... 1953, pp. 12-34, 252—254, 511—514.

[n_733](#)

280 EL. Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File Association of National Advertisers to C. Jackson, 1953, April 3.

[n_734](#)

735

Правда, 1975, 1 декабря.

[п_735](#)

Цит. по: Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 127.

[п_736](#)

См.: Яковлев Н. Н. Новейшая история США... с. 561.

[п_737](#)

EL. Hampton R.: Records, 1953—1961, Box 57, Folder Corresp. – «Fact Papers», Fact Paper,
№ 253.

[n_738](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961, Official File. Peoria, Illinois, 10/2/52, p. 8.

[n_739](#)

Всемирная история, т. XII. М., 1979, с. 179.

[п_740](#)

EL. Pers Files of D. Eisenhower, 1916—1952, Box 64, Lovet R. Eisenhower D. to Lovet R.,
December 13, 1951, p. 5.

[n_741](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 93, Folder SCA-SCHO (Misc.). Eisenhower D. to Schlichter. August 14, 1950.

[n_742](#)

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 15, Folder C-CAM (Misc.). Eisenhower D. to Campbell C, October 10, 1950.

[n_743](#)

Congressional Records. July 2, 1953, pp. 61, 62.

[n_744](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 260.

[n_745](#)

Beschloss M. Eisenhower. A Centennial Life. N. Y., 1990, p. 151.

[n_746](#)

Warszaw Sh. (ed.). Op. cit., p. 107.

[n_747](#)

Ibid., p. 110.

[n_748](#)

Divine R. The Sputnik Challenge. N. Y., Oxford, 1993, p. 1.

[n_749](#)

Ibid., p. 170.

[n_750](#)

Warszaw Sh. (ed.). Op. cit., pp. 109, 110.

[n_751](#)

Ibid., p. 112.

[n_752](#)

Childs M. Op. cit, p. 260.

[n_753](#)

cook b. dwight D. Eisenhower. Antimilitarist in the White House – Forum in History, 1974, p. 11.
[n_754](#)

755

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_755](#)

Cook B. Op. cit., p. II.

[n_756](#)

Public Papers... 1953, pp. 431, 432, 760.

[n_757](#)

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 93, Folder SCA-SCHO (Misc.). Eisenhower D. to Schlichter H., August 14, 1950.

[n_758](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961. Presidents Personal File.
[n_759](#)

Rosamond R. Op. cit., p. 93.

[n_760](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 371.

[n_761](#)

Pach Ch., Richardson E. Op. cit., pp. 83, 84.

[n_762](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 455.

[n_763](#)

Lyon P. Op.cit., p. 851.

[n_764](#)

Bischof G. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... p. 252.

[n_765](#)

766

EL. Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File, Box 889, Folder USSR, 1954.

[n_766](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961. Official File, Box 889, Folder USSR, 1952—1953 (I). Wallace H. to Eisenhower D. March 7, 1953.

[n_767](#)

Ibid., Wallace H. to Eisenhower D., March 10, 1953.

[n_768](#)

315 Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. General File, Box 828, Folder Russia 1958 (I). Adams S. to Eaton C, December 11, 1957.

[n_769](#)

770

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п. 770](#)

Public Papers... 1959, p. 130.

[n_771](#)

772

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п. 772](#)

Public Papers... 1954, p. 1055.

[n_773](#)

774

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_774](#)

Public Papers... 1955, pp. 804, 805.

[n_775](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 405.

[n_776](#)

777

Правда, 1959, 23 июня.

[п. 777](#)

EL. Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File, Box 890, Folder 225, 1958 (2), p. 17.

[n_778](#)

Ibid., Paarlberg D.: Files Trends in U. S. Trade with the Soviet Block in Europe, p. 1.
[n_779](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File, Box 892, Folder 225-D. Radio-Television Address of R. Nixon, August 1, 1959.

[n_780](#)

Public Papers... 1959, pp. 694—702.

[n_781](#)

Сын А. И. Микояна Сергей, сопровождавший отца во время его поездки в США, информировал меня, что в мемуарах президента допущена неточность: 2 января А. И. Микоян уже прибыл в США. – Р. И.

[п_782](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 339.

[n_783](#)

Ibid., p. 340.

[n_784](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 218.

[n_785](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 340.

[n_786](#)

Ibid., p. 405.

[n_787](#)

Brendon P. Op. cit., p. 306.

[n_788](#)

Ibidem.
[n_789](#)

Ibid., p. 307.

[n_790](#)

Ibid., p. 374.

[n_791](#)

Ibid., p. 375.

[n_792](#)

Ibidem.
[n_793](#)

Ibid., p. 354.

[n_794](#)

Ibid., p. 355.

[n_795](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 408.

[n_796](#)

Ibid., p. 409.

[n_797](#)

Ibid., p. 410.

[n_798](#)

Ibid., p. 411.

[n_799](#)

800

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_800](#)

Eisenhower D. Waging Peace... pp. 414, 415.

[n_801](#)

Ibid., p. 422.

[n_802](#)

Donovan R. Op. cit., p. 166.

[n_803](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 433.

[n_804](#)

Ibidem.
[n_805](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 255.

[n_806](#)

807

EL. International Series. Box 48. File: Khrushhev visit, Sept. 59 (2). 9.11.59.

[n_807](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 435.

[n_808](#)

EL. International Series, Box 48, File: Khruchev visit. 9.15. – 27.1.59. Memorandum... pp. 2, 3.
[n_809](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 436.

[n_810](#)

Ibid., p. 437. 358—361 Ibid., p. 438.

[n_811](#)

Beschluss M. Op. cit., p. 167.

[n_812](#)

EL. International Series, Box 48, File: Khrushchev visit, 9.15-27.59(2), Memorandum, 9.15.59, p.
1.
[n_813](#)

Brendon P., Op. cit., p. 378.

[n_814](#)

Ibidem.
[n_815](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 438.

[n_816](#)

Ibid., p. 440.

[n_817](#)

EL. International Series, Box 48. File: Khrushchev visit, 9.15. – 27.59 (1), Memorandum, p. 4.
[n_818](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 441.

[n_819](#)

820

EL. International Series, Box 48. File: Khrushchev visit, Sept 59 (1), Memorandum 9.21.59, p. 3.
[n_820](#)

Ibid., Khrushchev visit. Background Paper, p. 2.

[n_821](#)

Ibid., Memorandum 6.9.88, p. 2.

[n_822](#)

Ibid., Briffing... Sept... 28, 1959, p. 1.

[n_823](#)

Ibid., File: Khrushchev visit. Sept. 59 (1), Memorandum 9.23.59.

[n_824](#)

Ibid., File: Khrushchev visit, Sept. 9.15. – 27.59 (1), Memorandum 11.13.59, p. 2.
[n_825](#)

Ibid., Briffing... Sept... 28, 1959, p. 2.

[n_826](#)

Ibid., File: Khrushchev visit, Sept. 59 (1). Memorandum 6.9.88, p. 4.

[n_827](#)

Ibid., File: Khrushchev visit, Background Paper, p. 2.

[n_828](#)

Ibid., File: Khrushhev visit. 9.15-27.59 (1), Press Conference 9.27.59, p. 8.

[n_829](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 443.

[n_830](#)

Трояновский О. А. Указ. соч., с. 218.

[п_831](#)

Eisenhower J. Op. cit., p. 262.

[n_832](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 445.

[n_833](#)

Ibid., p. 446.

[n_834](#)

Ibid., p. 448.

[n_835](#)

EL. International Series, Box48, File: Khrushev visit, Sept. 59 (2), Khrushev visit, 9.11.59, p. 3.
[n_836](#)

Ibid., File: Khrushev visit. 9.15-27.59 (2), Portrait, p. 2.

[n_837](#)

Ambrose S. Ikes... p. 281.

[n_838](#)

Brendon P., Op. cit., p. 379.

[n_839](#)

840

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п. 840](#)

Трояновский О. А. Указ. соч., с. 218.

[n_841](#)

Brendon P. Op. cit., p. 387.

[n_842](#)

Gunter J. Op. cit, p. 88.

[n_843](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 477.

[п. 844](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 550.

[n_845](#)

846

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п. 846](#)

Adams S. Op. cit., p. 456, цит. по: Яковлев Н. Н. Дуайт Эйзенхауэр: политический портрет. – Новая и новейшая история, 1968, № 6, с. 86-87.

[n_847](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 558, цит. по: Яковлев Н. Н. Дуайт Эйзенхауэр: политический портрет. Новая и новейшая история. 1968, № 6, с. 87.

[n_848](#)

Donovan R. Op. cit., p. 155.

[n_849](#)

Эйзенхауэр Д. Указ. соч., с. 512—513.

[n_850](#)

Brendon P. Op. cit., p. 388.

[n_851](#)

Ibidem.
[n_852](#)

Ibidem.

[n_853](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 559.

[n_854](#)

Ambrose S. Ikes... p. 273.

[n_855](#)

Ibid., p. 280.

[n_856](#)

Ibid., p. 283.

[n_857](#)

Ibid., pp. 387, 388.

[n_858](#)

Ibid., p. 286.

[n_859](#)

Ibid., p. 290.

[n_860](#)

861

EL. Eisenhower D.: Papers, 1916—1952, Box 23, Folder M. Clement, D. Eisenhower to M. Clement, January 9, 1952.

[n_861](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., pp. 59, 60.

[n_862](#)

Larson A. Op. cit., p. 141.

[n_863](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 376.

[n_864](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 462.

[n_865](#)

Warszaw Sh. (ed.) Op. cit., p. 122.

[n_866](#)

Johnson G. Op. cit., p. 121.

[n_867](#)

868

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_868](#)

Warszaw Sh. (ed.) Op. cit., p. 123.

[n_869](#)

Ibid., p. 131.

[n_870](#)

Johnson G. Op. cit., p. 121.

[n_871](#)

Larson A. Op. cit., p. 23.

[n_872](#)

Eisenhower D. Mandate for Change... p. 296.

[n_873](#)

Adams S. Op. cit., p. 156.

[n_874](#)

875

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_875](#)

Adams S. Op. cit., p. 76.

[n_876](#)

Цит. по: Иванян Э. А. Указ. соч., с. 317.

[п_877](#)

Никсон Р. Указ. соч., с. 180.

[п_878](#)

Childs M. Op. cit., p. 248.

[n_879](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 130.

[n_880](#)

Larson A. Op. cit., p. 36.

[n_881](#)

Adams S. Op. cit., p. 60.

[n_882](#)

См.: Всемирная история, т. XII, с. 176.

[п_883](#)

Public Papers... 1953, pp. 12-34.

[n_884](#)

Adams S. Op. cit., p. 397.

[n_885](#)

Larson A. Op. cit., p. 81.

[n_886](#)

Public Papers... 1954, p. 526.

[n_887](#)

BischofG. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... p. 248.

[n_888](#)

Broadwater J. Eisenhower and the Anti-Communist Crusade. Chapell Hill and London, 1992, p. 179.

[n_889](#)

Ibid., p. 181.

[n_890](#)

Ibid., p. 186.

[n_891](#)

Ibid., p. 189.

[n_892](#)

Beschluss M. Op. dt., p. 91.

[n_893](#)

См.: Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1980, с. 376.

[п_894](#)

895

EL. Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961, Official File, Box 411, Folder 101 – R. Rosenberg Juliy and Ethel.

[n_895](#)

Ibidem.
[n_896](#)

The Eisenhower Diaries, p. 259.

[n_897](#)

Adams S. Op. cit., p. 31.

[n_898](#)

EL. Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File, Box 465, Folder 109-A. Nixon Speech. T. Brown to D. Eisenhower, March 15, 1954.

[n_899](#)

Donovan R. Op. cit., p. 141.

[n_900](#)

Childs M. Op. cit., p. 178.

[n_901](#)

Adams S. Op. cit, p. 139.

[n_902](#)

EL. H. Bullis: Papers, 1950—1962, Folder Album 75, Corresp. H. Bullis to D. Eisenhower, May 9, 1953.

[n_903](#)

Eisenhower D. Waging Peace... p. 330.

[n_904](#)

Ibidem.
[n_905](#)

The Eisenhower Diaries, p. 234.

[n_906](#)

Яковлев Н. Н. Силуэты Вашингтона, с. 183.

[п_907](#)

См.: Иванов Р. Ф. Черные пасынки Америки. М., 1978, с. 120.

[п_908](#)

Foner J. Blacks and the Military in American History. New York, 1974, p. 164.

[n_909](#)

Ibid., pp. 133, 135.

[n_910](#)

Ibid., p. 148.

[n_911](#)

912

США: экономика, политика, идеология, 1970, № 12, с. 77.

[n_912](#)

Du Bois W. Color and Democracy: Colonies and Peace. New York, 1945, p. 117.

[n_913](#)

EL. Powel A. to Eisenhower D., April 9, 1952.

[n_914](#)

Ibid., Presidents Personal File, I-L, Stubbs J. to Eisenhower D., October 5, 1954.

[n_915](#)

Ibid., Ashley T. etc. to Eisenhower, D.

[n_916](#)

917

Ibid., General File, Box 802, Carlisle J. to Eisenhower D.

[n_917](#)

Ibid., Presidents Personal File, Box 140, Ross H. to Eisenhower D.

[n_918](#)

Ibid., Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File. A Resolution, January 25, 1958.

[n_919](#)

Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961, Harvey A. Bush, January 23, 1959.
[n_920](#)

921

Talmadge H. to Eisenhower D., February 3, 1959.

[n_921](#)

EL. Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961. Henderson B. to Eisenhower D.,
October 5, 1958.

[n_922](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961, Memorandum, November 17, 1958.
[n_923](#)

Ibid., General File, Box 43, Price A. to Eisenhower D., July 1, 1956.

[n_924](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961.

[n_925](#)

Ibid., Papers of the President of the USA, 1953—1961, Official File, Statement on Integration, September 10, 1954.

[n_926](#)

Ibid., Morrow E: Records, 1953—1956.

[n_927](#)

Ibid., Papers of the President of the USA, 1953—1961. General File Haynes Ch. to Eisenhower D., January 2, 1959.

[n_928](#)

Ibid., Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File.

[n_929](#)

Ibid., Morrow E.: Records, 1953—1956. Memorandum to M. Rabb, November 29, 1955.
[n_930](#)

Ibid., Papers of the President of the USA, 1953—1961. General File, From. Rabb. April 17, 1957.

[n_931](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961, Memorandum, October 25, 1958.
[n_932](#)

EL. Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961. From Brooklyn. New York, October 27, 1958.

[n_933](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961. Romine P. to Eisenhower D., November 28, 1958.

[n_934](#)

См.: Мартин Лютер Кинг. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления. М., 1970, с. 7-9.

[n_935](#)

EL. Morrow E.: Records, 1953—1956.

[n_936](#)

Ibidem.
[n_937](#)

Ibid., Papers as President of the USA, 1953—1961, Official File, The Following Telegrams...
September 16, 1958.

[n_938](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File, The Following Telegrams... September 16, 1958.

[n_939](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961, Randolph Ph. to Eisenhower D., August 1, 1958.

[n_940](#)

Цит. по: Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965, с. 71.
[п_941](#)

El. Rogers W.: Papers, 1938—1962.

[n_942](#)

Ibid., Walter T. Forbes to D. Eisenhower, October 1, 1957.

[n_943](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961, Official File.
[n_944](#)

Ibid., Hampton R.: Records, 1953—1961, Box 54, Folder Correspondence-Speech File, 1956 (2), Civil Rights.

[n_945](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961. Official File, Statement by the President, May 6, 1960.

[n_946](#)

Ibid., Official File, 133-M, «Foroward».

[n_947](#)

Ibid., Morrow E.: Records, 1953—1956. R. Wilkins to E. Morrow, December 2, 1955.
[n_948](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File, B. Miller to the President, September 17, 1957.

[n_949](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File, Walker J. to Eisenhower D.

[n_950](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers as President of the USA, 1953—1961, Official File.
[n_951](#)

Ibidem.
[n_952](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File, Williams W. to Powell A.

[n_953](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961. General File.
[n_954](#)

Ibid., Official File, 133-M, Captain Silver, June 15, 1953.

[n_955](#)

Ibidem.
[n_956](#)

Ibid., General File, Box 994, S. Udall.

[n_957](#)

Ibid., Lyons E. and Rocco Siciliano: Records, 1953—1961, Sonnenberg J. to Eisenhower D.
[n_958](#)

Ibid., Eisenhower D.: Papers of the President of the USA, 1953—1961, General File, Haggerty C to Eisenhower D., October 25, 1956.

[n_959](#)

Ibid., Eisenhower D.: Presidents Personal File, Box 938. Eisenhower D. to Whitney J., September 26, 1957.

[n_960](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 336.

[n_961](#)

Там же, с. 514.

[n_962](#)

Burk R. The Eisenhower Administration and Black Civil Rights. Knoxville, 1984.

[n_963](#)

Smith M. Op. cit., p. 132.

[n_964](#)

Johnson G. Op. cit., p. 140.

[n_965](#)

Ibid., p. 141.

[n_966](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., pp. 133—134.

[n_967](#)

Johnson G. Op. cit., p. 141.

[n_968](#)

Ibid., p. 142.

[n_969](#)

Цит. по: Иванян Э. А. Указ. соч., с. 312.

[п_970](#)

Warsaw Sh. (ed.) Op. cit., p. 141.

[n_971](#)

Ibid., p. 144.

[n_972](#)

Иванян Э. А. Указ. соч., с. 314.

[п_973](#)

Там же, с. 313.

[n_974](#)

Pach Ch., Richardson E. Op. cit., p. 78.

[n_975](#)

Donovan R. Op cit., pp. 56, 66, 68.

[n_976](#)

977

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[n_977](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 208.

[n_978](#)

979

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_979](#)

Larson A. Op. cit., p. 40.

[n_980](#)

981

Запись беседы с Милтоном Эйзенхауэром от 6 ноября 1975 г.

[п_981](#)

Larson A. Op. cit., p. 48.

[n_982](#)

Albertson D. (ed.). Op. cit., p. 76.

[n_983](#)

Childs M. Op. cit., p. 36.

[n_984](#)

Adams S. Op. cit., p. 72.

[n_985](#)

Ibid., p. 42.

[n_986](#)

Larson A. Op. dt., p. 174.

[n_987](#)

Eisenhower J. Op. at., p. 207.

[n_988](#)

Adams S. Op. cit., p. 175.

[n_989](#)

Johnson G. Op. cit., p. 133.

[n_990](#)

Larson A. Op. cit., p. 131.

[n_991](#)

Цит. по: Яковлев Н. Н. Дуайт Д. Эйзенхауэр: политический портрет. Новая и новейшая история. 1968. № 6, с. 76.

[п_992](#)

Larson A. Op. cit., p. 76.

[n_993](#)

Adams S. Op. cit., p. 97.

[n_994](#)

BischofG. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... p. 6.

[n_995](#)

Ibid., p. 64.

[n_996](#)

Ibid., p. 70.

[n_997](#)

Амброуз С. Указ. соч., с. 471.

[n_998](#)

BischofG. and Ambrose S. (eds.) Eisenhower. A Century... p. 4.
[n_999](#)

1000

Beschluss M. Op. cit., p. 1.

[n_1000](#)

1001

Ibidem.
[n_1001](#)

Ibid., p. 3.
[n_1002](#)

1003

New York Times. 1951, January 18.

[n_1003](#)

1004

«Правда», 1994, 8 июня.

[n_1004](#)

1005

Там же.
[n_1005](#)

1006

«Известия», 1994, 8 июня.

[п_1006](#)

1007

«Столица», 1994, № 29.

[n_1007](#)

1008

«Сегодня», 1995, 9 декабря.

[п_1008](#)

Beschluss M. Op. cit., p. 209.

[n_1009](#)

1010

Никсон Р. Указ. соч., с. 419, 420.

[п_1010](#)

1011

International Herald Tribune, 1983, September 7.

[n_1011](#)

FB2 document info

Document ID: 2b5f3480-8cb1-102a-94d5-07de47c81719

Document version: 1.01

Document creation date: 02 August 2007

Created using: FB Writer v1.1 software

OCR Source: Scan: Roland; OCR&SpellCheck: MCat78

Document authors :

- MCat78 (MCat78)

Source URLs :

- <http://lib.aldebaran.ru>

Document history:

v 1.0 – создание fb2 – (MCat78)

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon